

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
АСТРАХАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Л.В. Баева
П.Л. Карабущенко
А.П. Романова
Ю.В.Алтуфьев

ФИЛОСОФИЯ НАУКИ

УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ

Издательский дом «Астраханский университет»
2012

ББК 87.2
Б12

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Астраханского государственного университета

Рецензенты:

Ющенко Юрий Александрович,

доктор философских наук,
профессор кафедры философии и культурологии
Астраханского государственного технического университета;

Глазков Александр Петрович,

кандидат философских наук, доцент кафедры философии
АФ Волгоградской академии государственной службы

Философия науки: учебное пособие для аспирантов [Текст] / Л. В. Баева, П. Л. Карабущенко, А. П. Романова, Ю.В. Алтуфьев. Издание 2-е исправленное, дополненное. – Астрахань: Издательский дом «Астраханский государственный университет», 2012. – 329 с.

Анализируются актуальные проблемы философии науки и методологии, мировоззренческие итоги ее развития, формы духовного производства и социального института; закономерности развития науки, ее структура, уровни и методология научного познания. Данный курс лекций призван заполнить возникший в последнее время дефицит учебной литературы по философии науки.

Пособие рассчитано на широкую аудиторию студентов, аспирантов и соискателей, готовящихся к экзаменам по сдаче кандидатского минимума, а также всех интересующихся проблемами истории, философии и методологии науки и желающих составить собственное представление о философской рефлексии над развитием современной науки.

ISBN 5-88200-881-2

© Издательский дом
«Астраханский университет», 2012
© Баева Л.В., Карабущенко П.Л.,
Романова А.П., Алтуфьев Ю.В. 2012

ВВЕДЕНИЕ

Современные наука и философия развиваются в условиях нарастающего кризиса техногенной цивилизации, отягощенной серьезными глобальными тенденциями смены научной картины мира, типов научной рациональности, системам ценностей, на которые ориентируются ученые. Индустриальное общество и порожденная им наука во многом оказались тупике из-за недооценки роли гуманитарного знания и самого человеческого фактора.

Современное общество, называемое постиндустриальным, информационным еще находится в процессе становления, но уже сейчас становится очевидным, что главную роль в его динамике предстоит сыграть именно науке.

Философия науки представляют собой комплексный взгляд на природу научного знания, развитие которого создало нашу нынешнюю цивилизацию и оказало огромное влияние на формирование современной культуры. Мир науки – это мир постоянно уточняющегося знания, в котором действуют уже открытые законы и проявляются силы еще неоткрытых законов природы, общества и самого человека.

История науки берет свое начало в недрах философии. История науки непосредственным образом связана с историей развития философского знания. Философия является колыбелью всех известных сегодня наук. От нее они берут свое начало и с ней проходят большую часть своего становления. Философия науки является не обыкновенным сопровождением науки, а своего рода ее аналитикой, позволяющей ей правильно мыслить о себе самой. Иными словами, философия науки есть самосознание самой науки, ее рефлексия.

У каждой науки имеется своя собственная философия. В этом она видит высший смысл своего существования – заниматься не только изучением предмета своего непосредственного научного знания, но и еще правильно понимать себя, своей роли и миссии. Та наука, которая не успела выйти на уровень формирования собственной философии или еще не достигла зрелого существования, не состоялась как самостоятельная научная дисциплина. Такое случается крайне редко. В этом случае мы вправе будем говорить об «эсхатологии науки». Гораздо привычнее говорить о «футурологии науки», а здесь наука без философии объективно рассуждать о будущем просто не в состоянии. Поэтому в оценке будущего наука и философия должны объединить свои усилия.

Современная наука стоит перед проблемами, которые ей готовит XXI век. Но немало проблем ей досталось и от минувшего XX столетия – непростые отношения с вненаучным (религиозным и искусствоведческим) и антинаучным (политическая идеология) знанием, проблемы

глобализации, проблемы войны и мира, нищеты и богатства. А в XXI веке ее ожидают проблемы, связанные с развитием постиндустриализма, революцией элит, «прорывом» в области ненаучного знания.

Наука есть последнее «изобретение» человеческого ума, призванное адекватно понять окружающий его мир и себя самого. Одной из актуальнейших тем современности становится тема абсолютной науки – идея абсолютной (тотальной) доминанции научного знания во всех сферах человеческой деятельности.

Абсолютизация научного знания приводит к тому, что наука начинает отвергать все другие виды знания, носящие ненаучный характер. Появляется «научный тоталитаризм» – засевший в научной мысли вирус схоластики начинает создавать свою собственную «инквизицию», чтобы с ее помощью расправиться с неудобными знаниями. Такой научный экстремизм ничем не лучше тех гонителей, которые в средние века, прикрывшись именем Господа, боролись с научной мыслью за чистоту религиозных догматов. Сегодня «абсолютная наука» может уподобиться своим гонителям и сама стать символом мракобесия.

Отказ от философии чреват тяжелейшими мировоззренческими потрясениями. Такой отказ привел уже западное общество на грань духовной катастрофы. Призывы «выбросить философию за борт» звучали неоднократно и в России. Первый раз это предлагали сделать большевики еще в 1920-е гг.,¹ второй раз – технократы начала XXI века. Во имя избежания суда «новой инквизиции» наука должна отказаться от этих радикальных и амбициозных проектов и наладить диалог с философией, религией и мифологией. Мир, несомненно, от этого лишь обогатится и станет еще более прекрасным.

Наука должна и в силах защититься от самой себя. Философия в такой защите не нуждается, поскольку у нее никогда не было и мысли «отменить» науку или религию. Если у науки такие мысли возникают (она уже неоднократно то отменяла религию, то возвращала ее обратно на свое место), значит у нее не все в порядке с самоидентификацией.

История развития самого научно-философского знания показывает, что наука и философия всегда находили разумные компромиссы в своих взаимоотношениях. Так, Аристотель еще в IV веке до н.э. наметил первый «союз» философии с наукой; Р. Декарт в XVII веке заложил основы контактов науки с философией. С этого времени наука и философия знают друг о друге. Но здесь возникает вопрос, а что именно они знают друг об друге, насколько это их знание друг о друге адекватно и непредвзято?

Среди авторов, занимающихся проблемами истории и философии науки, следует выделить как зарубежных (Г. Башляр, Х.-Г. Гадамер,

¹ См., например: Минин С.К. Философию за борт // Под знаменем коммунизма. 1922. № 5–6. С. 122–127.

М. Полани, К. Поппер, П. Рикёр и др.)¹, так и российских ученых (В.И. Вернадский, П.П. Гайденко, В.В. Ильин, В.П. Кохановский, Т.Г. Лешкевич, Л.А. Микешина, В.С. Степин и др.)², внесших немалый вклад (хотя и не всегда равнозначный) в развитие этой области научно-философского знания. В определенный момент ее истории философию начали серьезно интересоваться не только проблемы истории мифологии и религии, но и вопросы истории развития самого научного знания.

Никто сегодня не спорит, что наука является главной доминантой и детерминантой современного мировоззрения. Но никто не оспаривает и роль религии и философии в развитии современного человечества. Ученым следует всегда помнить о мифологизации науки, о том, что, начиная с эпохи Просвещения, на нее возлагаются большие (а подчас и слишком большие) задачи и надежды.

Место и роль философии науки оцениваются не однозначно. Для одних она – определенный тип философствования, который основывает свои выводы преимущественно на методах и результатах науки (М. Бунге, Р. Карнап), другие усматривают в ней связующее звено между гуманитарным и естественнонаучным знанием (Ф. Франк), третьи связывают ее исключительно с задачами методологического анализа (И. Лакатос), наконец, есть сторонники того, чтобы рассматривать философию науки в качестве идеологической спекуляции на науку (П. Фейерабенд). Ясно, что философия науки есть тот тип философского мировоззрения, который в наибольшей степени совместим с научными теориями и сам основывается на них (Дж. Лоузи).

Существующая в настоящее время литература по указанной проблематике освещает отдельные стороны философии науки, дает развернутую панораму истории ее развития и становления отдельных теорий и дисциплин. Но многое еще остается за рамками научно-философского исследования. Развитие научного знания всегда опережает анализ динамики его развития. Науковедение в своем собственном развитии заметно отстает от динамики развития своего предмета исследования.

¹ См.: Башляр Г. Новый рационализм. М., 1987; Гадамер Х.-Г. Истина и метод. М., 1988; Полани М. Личностное знание. М., 1985; Поппер К. Логика и рост научного знания. М., 1983; Рикёр П. Герменевтика. Этика. Политика. М., 1995.

² См.: Вернадский В.И. Научная мысль как планетное явление. М., 1991; Вернадский В.И. О науке. Дубна, 1997. Т. I: Научное знание. Научное творчество. Научная мысль; Гайденко П.П. Эволюция понятия науки. М., 1980; Ильин В.В. Структура и развитие научных теорий. М., 1980; Ильин В.В. Критерии научности знания. М., 1989; Ильин В.В. Теория познания. Эпистемология. М., 1994; Кохановский В.П. Философия и методология науки. Ростов н/Д., 1999; Лешкевич Т.Г. Философия науки: традиции и новации: Учебное пособие для вузов. М., 2001; Микешина Л.А. Методология научного познания в контексте культуры. М., 1992; Степин В.С., Горохов Б.Г., Розов М.А. Философия науки и техники. М., 1996.

При этом следует все-таки различать философию науки, как отдельное (специальное) научное направление и философию науки, как специальную учебную дисциплину. Если в первом случае речь идет о фундаментальном развитии данной дисциплины, крупными учеными и научными сообществами (кафедрами и институтами), то во втором цели и задачи оказываются на порядок скромнее и не выходят за рамки учебного процесса. Предлагаемое пособие по философии науки предусматривает изложение общих положений данной дисциплины с отдельным вплетением инновационных тезисов и предложений.

Авторский коллектив постарался осветить наиболее значимые проблемы, которые связаны с теорией науки, исследованием истории развития научной мысли вплоть до XXI столетия, высветить не только лидеров современного научного сообщества, но и установить наиболее перспективные векторы генезиса «науки о науках».

Авторский коллектив:

доктор философских наук, доцент Л.В. Баева,
доктор философских наук, профессор П.Л. Карабущенко,
доктор философских наук, профессор А.П. Романова

Часть 1. ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ФИЛОСОФИИ НАУКИ

1. ПРЕДМЕТ И СОВРЕМЕННЫЕ КОНЦЕПЦИИ ФИЛОСОФИИ НАУКИ

(Карабущенко П.А.)

Если бы не было философии науки, то ни у науки, ни у самой философии не было бы ни повода и ни какого-либо иного способа о чем-либо серьезно поговорить или просто «встретиться взглядом» друг с другом. Не существовало бы самой связи между этими двумя самыми важными отраслями современного знания. Единство картины мира было бы нарушено, а в мире знаний существовал чудовищный разрыв между наукой и философией. Если наука надеется, что она вполне может обойтись без философии, то она глубоко ошибается. Наука без философии, что слепец без поводья. А сама философия без науки рискует вторично превратиться в «голую схоластику», без каких-либо перспектив на будущее свое позитивное развитие. Таким образом, *философия науки* – важнейший скреп в системе целостной картины мира и ее игнорировать означает ставить под сомнение, как саму философию, так и науку.

В настоящей лекции мы рассмотрим два первоочередных вопроса: 1) что представляет собой философия науки как научная дисциплина и как специальное направление философской мысли и 2) каким образом происходило развитие отношений между философией и наукой.

1. Философия науки: определение предметности. Мировая история развития умственных способностей человека знает не мало примеров того, когда философия или наука отрывались друг от друга или вступали в непримиримое противоречие вследствие своего фатального непонимания друг друга. Итогом этого разрыва становились тысячи и сотни тысяч покалеченных человеческих судеб, попавших подл молот этого жестокого исторического противостояния.

Если бы у философии не было науки, а у науки не было бы философии, то их бытие было бы не совсем полноценным. Наличие этих двух близких по целям и задачам видов знаний, позволяет им взглянуть на себя со стороны, с позиции друг друга. Поэтому наука и философия формируют относительно друг друга свое внешне «Я».

Философия науки выполняет некие связующие функции, которые существуют между философским и научным знанием. Если в целом философия есть «мост» между наукой и религией (К. Ясперс), то

философия науки выполняет ту же самую функцию, но только не на глобальном, а на локальном уровне. Это не макро, а микро уровень взаимоотношений науки и философии.

Относительно объекта и предмета философии науки у современных исследователей этой проблемы существует некоторое разночтение. Это связано с тем, что данная дисциплина впервые за всю свою историю попала под столь пристальное внимание сразу двух видов знания – научного и философского. Никогда актуальность «ФН» не была столь высока и столь масштабна. Резкий рост объема знания всегда грозит столь же стремительным понижением его качества, ибо «новое» не всегда оказывается «лучше» уже имеющегося «старого».

Объектом философии науки выступает поле знаний, лежащих между философией и наукой (научно-философский «фронт»», «пограничье»). «Пограничье» («фронт»») всегда оказывается *свободной зоной* для действия наиболее активных элементов обеих систем. Поэтому (особенно в наше время) философия науки стала зоной активного диалога науки и философии друг с другом по вопросам, имеющим принципиальное значение для них обоих.

Предметом философии науки является все многообразие взаимоотношений философии и науки по общим обоюдозначимым для них вопросам

Философия науки реагирует и анализирует динамику развития основных мировоззренческих и методологических проблем, возникающих в современной науке, на этапе перехода индустриального общества к постиндустриальным принципам устройства мира, общества и человека.

Современная философия науки одновременно изучает как общие закономерности развития научного познания в его историческом контексте, так и анализирует современные изменения социокультурного характера происходящие в ней. В своем дальнейшем развитии наука нуждается в самопознании и в самосознании. Именно философия науки и выполняет роль научного самопознания. Наука исключительно через философию научилась мыслить о себе самой. Ее способность рефлексировать указывает на то, что она к настоящему времени достигла такого уровня своего развития, что оказывается способной к таким сложным мировоззренческим операциям.

Поэтому, перед философией науки стоят следующие *три задачи*:

1) Выявить динамику исторического развития научного знания в социокультурном контексте мировой истории; в связи с этим она стремится установить причины перехода «всплеска научных открытий» (составляющих эпоху ее расцвета) к стагнации научного знания (составляющих эпоху ее застоя и кризиса) и наоборот.

2) Выступать в роли барометра в процессе корректировки логики научной картины мира – вовремя заполнять своими объяснениями

образующиеся «пустоты» в знании единой научной картины мира; объяснять причины возникающих «лакун» в ее системности; «объединять» различные отрасли наук, устанавливая междисциплинарные связи.

3) Выступать в роли единой общенаучной методологии; в ее задачи входит разработка новых методов научного исследования и проверка (верификации) уже известных знаний.

Поскольку философия науки обязана вовремя заполнять своими объяснениями постоянно образующиеся в научной картине мира «провалы», которые наука на тот момент не может ни как объяснить, то она вынуждена не просто быть в эпицентре всех научных открытий, но и активно вмешиваться в то и дело, возникающие в научном сообществе дискуссии.

Согласно *Альфреду Уайтхеду*,* развитие современного вида научного знания стало возможным благодаря творчеству великого древнегреческого философа Аристотеля, которому удалось впервые создать целостную систему формальной логики, «первую философию» и диалектический метод. Уайтхед обращает внимание на то, что: (1) греческий философ широко использует в своих работах общее понятие классификации (особенно важное для познания природы) и дает мастерский анализ тех сложностей, с которыми связаны взаимоотношения классов; (2) «свое теоретическое учение он применил также к громадному материалу, собранному непосредственным наблюдением в зоологии, физике, социологии. Мы можем обнаружить у него начатки почти всех наших конкретных, как естественных, так и тех, которые связаны с активностью человеческого духа. Он заложил основы того стремления к точному анализу каждой конкретной ситуации, которое в конечном итоге привело к формированию современной европейской науки [Выделено – К.П.]».¹

В эпоху обрушения индустриального мира (кризис его ценностей, стагнация его мировоззрения, а главное – начала развала его, казалось бы, целостной до сей поры картины мира), философия науки стоит перед очередным вызовом истории – этот вызов грядущее информационное или постиндустриальное общество.

Философия науки осуществляет обратную связь философии с наукой, при которой философия философствует о науке, тогда как наука стремится к научному осмыслению сущности самой философии. Таким образом, философия науки пытается сформулировать научную и философскую точку зрения на сущность философии и науки соответственно.

Философия науки вскрывает те стороны взаимоотношения философии и науки, когда ни та, ни другая не могут обойтись друг без друга. Если наука заявляет, что она может обойтись без философии, то это

¹ Уайтхед А. Избранные работы по философии. М., 1990. С. 544.

не правильная наука. Её возможности и перспективы развития явно ограничены и при том не в её пользу.

Философия науки показывает, в чем различие и сходство философского и научного типа мышления и знания. Она намечает перспективы развития интеграции философии и науки.

Дело в том, что существуют двойные дисциплины, нарушающие действия принципа «Бритвы Оккама»*. Например, - персоналогия и персонализм, культурология и философия культуры и т.д. Философия науки просто обязана приложить максимум усилий для сближения позиций ученых и философов по данным «научно-философским двойникам»*. Философия науки призвана преодолеть эти *научные барьеры** и вывести науку и философию на взаимно устраивающий их диалог.

2. Философия науки как дисциплина. Как дисциплина философия науки возникла лишь во второй половине XX века, хотя как направление философской мысли она существует гораздо дольше. Философия науки соединяет как исторические, так и аналитические тенденции, поэтому ее условно можно назвать *исторической аналитикой* (рефлексией) относительно сущности развития научного знания. Напомним, что «**предметом философии науки** являются общие закономерности и тенденции научного познания как особой деятельности по производству научных знаний, взятых в их историческом развитии и рассматриваемых в исторически изменяющемся социокультурном контексте»¹.

«Философия науки как направление современной философии представлена множеством оригинальных концепций, предлагающих ту или иную модель развития науки и эпистемологии. Она сосредоточена на выявлении роли и значимости науки, характеристик когнитивной, теоретической деятельности»².

Центральной проблемой философии науки является проблема целенаправленного роста, развития научного знания. Поэтому ее в первую очередь интересуют научный поиск, динамика развития научного знания, методы исследовательской деятельности, «алгоритм открытия» и сила сопротивления традиционализма научной инновации. В качестве стержня философии науки выступает проблема построения целостной *научной картины мира* (НКМ).

Ф. Франк считал, что «центральной проблемой философии науки является вопрос о том, как мы переходим от утверждений обыденного здравого смысла к общим научным принципам»³.

Согласно Дж. Лоузи, философия науки – это метанаучная методология, определяющая, чем научное мышление отличается от

¹ Степин В.С., Горохов В.Г., Розов М.А. Философия науки и техники. М., 1996. С. 9.

² Лешкевич Т.Г. Философия науки: традиции и новации. М., 2001. С. 14.

³ Франк Ф. Философия науки. М., 1960. С. 56.

ненаучного, какими методами должны пользоваться ученые в своих исследованиях, каковы необходимые условия корректности научного объяснения, в чем состоит когнитивный (познавательный) статус научных законов¹.

Согласно еще одной версии, основными задачами философии науки являются: 1) систематическая философская рефлексия над наукой; 2) вписывание достижений науки в наличный социокультурный контекст эпохи; 3) осуществление синтеза философского и частнонаучного знания. В этой связи основной ее функцией является интеграция, обеспечивающая единство человеческой культуры².

В представлении о природе философии науки можно выделить несколько ориентаций: онтологическая (А. Уайтхед), методологическая (К. Поппер), историческая (В.С. Степин), социологическая (М. Вебер). Указанные ориентации в известной мере определяют направленность философии науки и те выводы, к которым она в результате приходит.

Существуют две версии интерпретации философии науки – сциентистская и антисциентистская, которые по-разному оценивают статус науки в культурном континууме XX века. *Первая (сциентистская) версия* философии науки пытается освободить ее от свойственных ей недостатков, заретушировать или оправдать их. Для нее также характерно стремление провести демаркацию науки и метафизики, произвести редукцию (сведение) качественно различных теоретических структур к единому эмпирическому основанию, очистить науку от несвойственных ей установок и ориентиров. *Вторая (антисциентистская) версия* философии науки требует равноправия науки и вненаучных способов видения мира, критикует науку за то, что она подавляет другие формы общественного сознания, представляет собой отчужденное мышление и источник догматизма³.

Можно разделить все проблемы философии науки на три блока:

1) проблемы, идущие от философии к науке, вектор направленности которых отталкивается от специфики философского знания. В данном контексте философия науки занята рефлексией над наукой в ее предельных глубинах и подлинных первоначалах;

2) проблемы, возникающие внутри самой науки и нуждающиеся в компетентном арбитраже, в роли которого оказывается философия. В этой группе очень тесно переплетены проблемы познавательной деятельности как таковой, теория отражения, когнитивные процессы и собственно «философские подсказки» решения парадоксальных проблем;

¹ Лешкевич Т.Г. Философия науки: традиции и новации. М., 2001. С. 18; Основы философии науки / В.П. Кохановский, Т.Г. Лешкевич, Т.П. Матяш, Т.Б. Фатхи. Ростов н/Д., 2004. С. 13.

² Основы философии науки / Под ред. С.А. Лебедева. М., 2005. С. 37.

³ Лешкевич Т.Г. Философия науки: традиции и новации. М., 2001. С. 17.

3) проблемы взаимодействия науки и философии с учетом их фундаментальных различий и органичных переплетений во всех возможных плоскостях приложения.

Исследования по истории науки убедительно показали, какую огромную роль играет философское мировоззрение в развитии науки. Особенно заметно радикальное влияние философии в эпохи, так называемых, научных революций, связанных с возникновением античной математики и астрономии, коперниканским переворотом – гелиоцентрической системой Коперника, становлением классической научной картины мира – физикой Галилея-Ньютона, революцией в естествознании на рубеже XIX–XX веков и т.д. При таком подходе философия науки включает в себя: а) эпистемологию, б) методологию и в) социологию научного познания¹.

С нашей точки зрения, философия науки представляет собой сплав метанаучной методологии, философско-научной рефлексии, а также апологетики инновации и критики схоластики. Она не отвечает на вопрос, чем является наука, она исследует то, чем она должна быть, если максимально реализовать все заложенные в ней возможности?! Поэтому философия науки сравнивает различные модели развития науки, ища не просто самый истинный (достоверный), но и оптимальный вариант.

Главным принципом науки следует признать творчество, которое пронизывает насквозь также философию и искусство. Именно творчество есть объединительное начало всех этих «трех граций». Наука родилась тогда, когда творчество избавилось от тумана мифологии, угара религии и романтизма философии. Наука стала свидетельством трезвости человеческого разума, которое начало, наконец, приводиться в соответствие с Логосом Мира.

Главная задача науки – открывать новые виды и формы знания. Поэтому основой научного познания является потребность удовлетворения человеком такой его естественной потребности, как любопытство. Ученые XX века шутили, что наука – это удовлетворение своего любопытства за счет государства.

Характер научного знания определяет: 1) структуру науки, 2) структуру методов научного познания и, наконец, 3) само научное познание как процесс овладения этим видом знания.

К числу важнейших проблем общей философии науки относятся: 1) взаимосвязь философии и науки, механизм и формы этой взаимосвязи; 2) понятие науки, отличие науки от вненаучных форм знания, критерии научности знания; 3) общая структура науки; 4) уровни научного знания; 5) методы научного познания; 6) общие закономерности развития научного

¹ Там же. С. 16–17.

знания; 7) философские основания науки и их виды; 8) философские проблемы науки, способы их постановки и решения¹.

Основными разделами философии науки являются: 1) онтология науки; 2) гносеология науки; 3) логика и методология науки; 4) аксиология науки; 5) общая социология науки; 6) философские вопросы экономического и правового регулирования научной деятельности; 7) философские проблемы научно-технической политики и управления наукой².

3. Философия науки и другие ее «родственники». Некоторые ученые пытаются отождествить философию науки с *«аналитической эпистемологией»* (этому утверждению противоречит сама тенденция развития философии науки, которая все более становится историцистской, а не аналитической), другие (А.Л. Никифоров)³ – пытаются отождествить философию науки с *аналитической философией*.

Философию науки также иногда отождествляют или указывают на некую «родственность» с *социологией науки, с науковедением и наукометрией*. Однако и это отождествление не всегда оправдано. Коротко охарактеризуем эти близкие по духу и роду занятий дисциплины.

1) *Социология науки* исследует взаимоотношения науки как социального института с социальной структурой общества, типологию поведения ученых в различных социальных системах, взаимодействие формальных и профессиональных неформальных сообществ ученых, динамику их групповых взаимодействий, а также конкретные социокультурные условия развития науки в различных типах общественного устройства⁴.

2) *Науковедение* как специальная дисциплина сложилось к 1960-м гг. и изучает общие закономерности развития и функционирования науки, оно тяготеет исключительно к описательному характеру. В самом общем смысле науковедческие исследования можно определять как разработку теоретических основ политического и государственного регулирования науки, выработку рекомендаций по повышению эффективности научной деятельности, принципов организации, планирования и управления научным исследованием. Можно столкнуться и с позицией, когда весь комплекс наук о науке называют науковедением. Тогда науковедению придается предельно широкий и общий смысл и оно неизбежно становится междисциплинарным исследованием, выступая как конгломерат дисциплин⁵.

¹ Основы философии науки / Под ред. С.А. Лебедева. М., 2005. С. 38.

² Там же.

³ См.: Никифоров А.Л. Философия науки: история и методология. М., 1998.

⁴ Лешкевич Т.Г. Философия науки: традиции и новации. М., 2001. С. 15.

⁵ Там же. С. 15–16.

3) *Наукометрия* – это область статистического изучения динамики информационных массивов науки, потоков научной информации. Наукометрия представляет собой применение методов математической статистики к анализу потока научных публикаций, ссылочного аппарата, роста научных кадров, финансовых затрат (Р. Прайс). П. Копнин отмечал, что науковедение не может рассматриваться как самостоятельная комплексная наука, ибо всякая наука должна иметь некоторую общую теорию, единый метод, проблематику или, по меньшей мере, некоторый набор общих методов и проблем¹. Науковедение не располагает какой-либо общей теорией или набором теорий. Нередко из поля зрения науковедения выпадают собственно философские проблемы науки².

К. Поппер считал, что центральная проблема философии знания, начиная с эпохи Реформации, состояла в том, как возможно рассудить или оценить далеко идущие притязания конкурирующих теорий или верований. Из нее исторически вытекала вторая проблема – как можно обосновать наши теории и верования³. Вместе с тем круг проблем философии науки достаточно широк, к ним можно отнести вопросы типа: детерминируются ли общие положения науки однозначно или один и тот же комплекс опытных данных может породить различные общие положения; как отличить научное от ненаучного; каковы критерии научности, возможности обоснования; как мы находим основания, по которым верим, что одна теория лучше другой; в чем состоит логика научного знания; каковы модели его развития? Все эти и многие другие формулировки органично вплетены в ткань философских размышлений о науке и, что более важно, вырастают из *центральной проблемы философии науки* – *проблемы роста научного знания*⁴.

4. Время рождения науки. На этот счет у самой науки нет единого мнения. Ученые расходятся во взглядах потому, что когда возникла наука, тогда еще не было того раздела научного знания, который занимается вопросами развития самой науки. Философия науки исследует также проблемы рождения научного знания как определенной системы ценностей. Поэтому для нее немаловажным является вопрос о том, как и когда родилась наука, но так до сих пор и нет вразумительного ответа.

¹ См.: Копнин П.В. Гносеологические и логические основы науки. М., 1974.

² Лешкевич Т.Г. Философия науки: традиции и новации. М., 2001. С. 16; Лешкевич Т.Г. Философия науки. Учебное пособие. М., 2006. –С.235-236.

³ Поппер К. Реализм и цель науки // Современная философия науки. Знание, рациональность, ценности в трудах мыслителей Запада: Хрестоматия. М., 1996. С. 92–93.

⁴ Лешкевич Т.Г. Философия науки: традиции и новации. М., 2001. С. 16.

На генезис науки существует несколько научных точек зрения, которые зависят от того, как понимается само содержание науки, т.е. какой принцип кладется в ее основание.

1. Если исходить из того, что наука тождественна опыту практической и познавательной деятельности вообще, то тогда следует признать, что наука родилась еще в каменном веке, «с тех времен, когда человек в процессе непосредственной жизнедеятельности начинает накапливать и передавать другим знания о мире»¹.

2. Наука родилась в Древнем Египте и Вавилоне, где был накоплен значительный объем знаний в сфере точных наук – математики, геометрии, астрономии, архитектуры и т.д.

3. Наука родилась в Древней Греции в V веке до н.э. – именно в это время в результате разложения мифологического мировоззрения возникают первые программы исследования природы. Греки начали первыми доказывать теоремы, хотя и позаимствовали многие знания с Востока.

4. Наука появилась на Востоке в арабских странах в VII–IX веках (математика, астрономия, медицина и т.д.).

5. Наука возникла в Западной Европе (точнее, в Англии, в Оксфорде) в XIII веке – этой датой ее рождения стало переосмысление роли опытного знания, которое провели представители *оксфордской школы* Роберт Гроссет (1168–1253) и Роджер Бэкон (1214–1292). Они первыми нанесли критический удар по схоластике (призывавшей опираться в научном поиске на авторитет) и рекомендовали основываться на опыте, наблюдении и эксперименте.

6. Наука в современном понимании возникла в XVII веке – в это время появляются открытия Г. Галилея, И. Ньютона (рождение науки здесь отождествляется с рождением физики и необходимого для нее математического аппарата), но самое главное – возникает методология новой науки (Ф. Бэкон и Р. Декарт). Таким образом, современная наука стала символом техногенной цивилизации, развивающейся на протяжении последних 300 лет.

7. Представители этого направления считают, что датой рождения науки следует признать то время, когда исследовательская деятельность была совмещена с высшим образованием, т.е. XIX век².

8. Последняя точка зрения исходит из того, что настоящей (подлинно самостоятельной) науки еще нет, ей только предстоит родиться в будущем, а вся имеющаяся история есть всего лишь предварительный этап ее развития, подготовляющий ее подлинное рождение.

¹ Философия и методология науки. М., 1996. С. 39.

² Там же. С. 40–42.

Теория научного познания, в сущности своей, есть теория развития умственных способностей и творческих достоинств личности. Процесс познания есть процесс становления науки в личности. Поэтому история науки есть история личности. Следовательно, история духа может и должна пониматься как персоналистическое восприятие прошлого. Вне истории личности, Государства, Общества, Природы и Бога истории духа нет и существовать не может. Только в личности указанные категории могут существовать и быть активно сознаваемы.

В целом в истории развития знания можно выделить четыре исторические эпохи, в которые доминировал какой-то конкретный тип знания: 1) эпоха Мифа; 2) эпоха Религии; 3) эпоха Науки; 4) эпоха Философии. Выяснение существующих принципов взаимоотношения между этими видами современного знания позволяет выявить динамику развития всего умственного потенциала человечества.

5. Древние греки о своей великой триаде: Миф – София – Логос. Немецкие философы И. Дерффер и В. Нестле вывели знаменитую формулу «от Мифа к Логосу», утверждавшую, что философское знание произошло от мифа и утвердилось в качестве основного вида знания путем вытеснения Мифа из общественного и частного сознания¹. Формула имеет явное расширенное толкование, поскольку ее содержание зависит от того, как исследователями понимаются понятия «Миф» и «Логос»?

В отечественной философской мысли второй половины XX века были весьма популярны темы взаимоотношения Мифа и Логоса на ранних этапах их развития. Целая плеяда российских античниковедов исследовала тему перехода мифологического знания в философское². Мы вправе будем принять формулу «от Мифа к Логосу...» с той лишь оговоркой, что к ней необходимо добавить следующее окончание: «...через Софию и обратно к Мифу». Научная мысль нас постоянно почему-то возвращает к мифу, т.е. к тем исходным принципам, на базе которых строится и все здание знаний.

Под «Logos» (слово, знание, учение, закон) традиционно понималось философское знание, хотя точнее было бы понимать не философию, а как раз науку. Для философии у древних греков был другой термин – «Sofia» (мудрость). Таким образом, у древних греков между Мифом и Логосом встала еще одна ипостась этой триады – Софос (Св. София). Причем София одновременно выступала как Мифом, так и Логосом. Исторически знание начинается как Миф, но стремящийся стать Логосом. «Mythos» (рассказ, сказание, повествование) представляет собой одновременно и первобытное знание вообще, и особый тип мышления и мировоззрения, создающего свою особую картину мира.

¹ Семушкин А.В. Мифологический и эмпирический истоки философского знания // Историко-философский ежегодник. 1990. М., 1991. С. 27.

² См.: Донских О.А., Кочергин А.Н. Античная философия: Мифология в зеркале рефлексии. М., 1993.

Древние греки не скрывали того, что с первыми научными знаниями они познакомились в Египте. Такие выдающиеся умы Античности, как Фалес, Пифагор, Геродот и Платон посещали царство фараонов на Ниле и общались с египетскими жрецами, хранителями древнего научного знания. Точные науки (математика, астрономия, геометрия) пришли в Европу именно с Востока. Интерес к истории и медицине был также почерпнут в царстве фараонов. Во всей этой истории мы сталкиваемся с первым парадоксом в истории науки: в Древнем Египте была развита наука, но совершенно не была развита философия; в Античной Греции, напротив, философия получила широкое развитие, а наука – нет. Почему?

И здесь возникает одна глобальная историческая проблема: если наука зародилась в Древнем Египте и из него пришла в Европу, то почему эта традиция была прервана и не получила своего широкого распространения в Азии? Ответ на этот вопрос кроется в процессе социализации науки, которого, увы, не случилась в то время в тех странах. Общество оказалось не готовым воспринять достижения научной мысли и они остались фрагментарными в истории. Научные знания оказались достоянием узкой группы лиц – интеллектуальной элиты, смысл и значение которой для общества того времени оставался малопонятным. Лишь со времени прояснения этого смысла начинается процесс социализации науки и превращения ее в социальный институт.

В XX веке к уже известным нам видам знания – Миф, Религия, Философия и Наука – добавилось еще одно, самое агрессивное и самое синкретическое – политическая идеология. Идеология не была ни мифом (в его традиционном понимании), ни религией (в ее общераспространенном значении), ни философией (как она понимается в настоящее время) и ни наукой (как мы ее обычно воспринимаем). Но вместе с тем она претендовала на то, чтобы быть и наукой, и философией, и религией, и мифом одновременно, сразу и абсолютно. Идеология оказала огромное влияние на развитие научного и философского знания XX века. Но это влияние не всегда трактуется однозначно и с позитивной точки зрения, поскольку идеология привела к реставрации мифологического вида сознания, нивелировке религиозного типа мышления и формализации науки и философии.

6. Logos. Следуя за мыслью древнегреческого философа *Гераклита* (ок. 544 – ок. 483 гг. до н.э.), можно в генезисе его Логоса увидеть схему развития будущего научного знания. «Logos» переводится с греческого и как слово, и как знание, и как закон, и как наука, и как Мировой Разум. Именно в этих его значениях и раскрывается сущность генезиса Logos. Логос раскрывается перед нами поэтапно. Он есть одновременное сочетание всех своих сумм: *Слово – Знание – Закон – Наука – Мировой Разум*. Он одновременно есть все это.

(а) *Слово* есть начальная, исходная единица идеальной субстанции. В *слове* идея впервые находит свое выражение. Сумма слов, выстроенных в определенной последовательности, образует следующую ипостась Logos – «знание».

(б) *Знание* есть простая сумма слов, имеющая определенную структуру и конкретное значение (смысл, цель).

(с) *Закон* представляет собой сумму знаний, конкретно выясняющую что есть Истина.

(д) *Наука* является суммой родственных законов, собранных воедино и совместно отвечающих за подлинность конкретного направления научного знания.

(е) *Мировой Разум* сумма наук, которая составляет информационный потенциал всего человечества. Мировой Разум представляет собой все многообразие слов, знаний, законов и наук, найденных человечеством за многие века его активной интеллектуальной деятельности.

В своем развитии Logos проходит через все эти стадии, одновременно являясь каждой из них.

То, что связует все эти «ипостаси» Logos, есть сам процесс познания, который в своем развитии проделывает весьма сложный путь от простого копирования (повтора и транслирования) до творчества и созидания принципиально нового знания.

Адекватное познание Логоса есть творчество, ибо Логос сам по себе является творческим началом¹. Поэтому Logos всегда стремится к творчеству, всегда стремится стать творчеством. В том человеке, в котором появляется и развивается творчество, появляется и развивается Logos. В этой интерпретации Logos противопоставляется схоластике как инновационное развитие научного знания.

7. Рождение новой науки. Наука рождается из недр философии. Этой аксиомы мы и будем придерживаться в дальнейшем. Те науки, которым не повезло родиться не от философии, со временем сталкиваются с серьезными методологическими, терминологическими и мировоззренческими проблемами. Однако было бы преждевременно говорить о завершении этого процесса (рождение науки из недр философии). Этот процесс продолжается и в наше время. Причем репродуктивные возможности философии с каждым новым столетием подтверждают свои неограниченные возможности.

Динамика развития научного знания вообще зависит от динамики развития конкретных научных дисциплин и направлений. Некоторые науки в одно время переживают бум своей популярности и прогрессивного

¹ О философии творчества см.: Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры и искусства: В 2 т. М., 1994. Т. 1.

приращения информации, в другое время эти же науки могут находиться в зоне идейно-теоретического застоя и стагнации их базовых ценностей.

Вопрос о становлении и оформлении научного знания в качестве самостоятельной научной дисциплины есть процесс не просто селекции научной информации, но и складывания определенного вида научного мировоззрения, которое становится составной частью научной картины мира. Для молодой науки очень важно войти в число составляющих научную картину мира, а для старых и именитых наук – удержаться в числе тех знаний, которые определяют НКМ конкретного исторического времени.

Важным критерием в определении научного статуса является *принцип «темпа качества приращения информации»*. Суть его сводится к тому, что если новое научное направление приращивает качество своего информационного потенциала адекватно темпам развития всей совокупности научного знания своего времени, то такая теория имеет все формальные основания считаться наукой. Если этот показатель ниже среднего, то у такого научного направления оказывается недостаточно сил для того, чтобы выдержать натиск критики других наук и самой стать равной им.

К этому следует также добавить наличие в структуре этой новой науки своего научного лидера, сложившейся вокруг него научной элиты и научной школы. Завершает процесс формирования новой науки ее актуализирующаяся востребованность и признание ее достижений со стороны всего научного сообщества. Если нарождающаяся наука достаточно эффективно осуществляет процесс элитизации своего знания, то ее шансы на успех гарантированы. И в качестве такой гарантии выступает само качество ее знания.

8. Философия и наука – пути размежевания. Еще византийский богослов и философ Иоанн Дамаскин (ок. 675 – до 753) в одном из своих определений философии указывал на то, что она есть искусство искусств и наука наук, «ибо философия есть начало всякого искусства» [философия является «колыбелью» всех наук и «матерью» искусств]¹.

В свое время Г. Гегель давал следующее определение философии: «Философия есть мышление о мышлении и высший способ постижения духом своей сущности, итог развития действительности, всеобщий метод и наиболее существенное знание о мире, «наука наук» и общественное сознание своей эпохи»².

Точную демаркационную линию между наукой, религией и философией провел английский философ Бертран Рассел (1872–1970), который заметил, что философия является чем-то промежуточным между

¹ См.: Хрестоматия по истории философии / Под ред. Л.А. Микешеной: В 2 ч. М., 1994. Ч. 1. С. 145–146.

² Нарский И.С. Западноевропейская философия XIX века. М., 1976. С. 450.

теологией и наукой. Все точное знание принадлежит науке. Все догмы, поскольку они превышают точное знание, принадлежат теологии. Но между теологией и наукой имеется Ничья Земля, подвергающаяся атакам с обеих сторон. Эта Ничья Земля и есть философия¹.

Между тем споры о том, является ли философия наукой, не прекращаются и по сей день. В этой связи можно выделить три подхода в определении ответа на этот вопрос – где проходит граница между философским и научным знанием и есть ли она вообще? – 1) *сциентистский* – утверждающий, что философия тоже является наукой и поэтому наука и философия тождественны; 2) *мировоззренческий* – утверждающий, что философия никогда не была наукой, а является мировоззрением; 3) *креационистский* – утверждающий, что философия есть особый вид искусства.

1. *Сциентистский подход*. И. Кант считал, что всякое учение, если оно система, т.е. некая совокупность познания, упорядоченная согласно принципам, называется наукой. Сторонники этой версии интерпретации сущности философии придерживаются именно этой позиции. Попробуем более полно прокомментировать данный тезис.

Попытки придать философии научный характер имеют весьма давнюю историю (Б. Спиноза, И. Кант, О. Конт...) Но абсолютного воплощения эта идея достигла в диалектическом материализме, философию которого определяли как науку «о наиболее общих законах движения и развития природы, общества и мышления»². Причем эти законы мыслились как во всем подобные законам физики, химии или биологии, хотя, в отличие от законов конкретных наук, законам, изучаемым этой философией, приписывается большая общность, или, как говорили марксоиды, всеобщность. И подобно тому, как конкретные науки открывают объективные законы той или иной области явлений, так и философия открывает объективные законы, справедливые для всех областей познаваемого нами мира³. Как писал еще А. Риль: «Философия в своем новом критическом значении есть наука о науке, о самом познании»⁴.

Наука опирается исключительно на факты и их экспериментальное подтверждение. В отличие от нее философия самоотделяется от повседневности и уносит нас в мир *интеллигибельных* сущностей, которые не могут быть проверены в результате чувственного познания. Наука оказывается не в состоянии ответить на вопросы, что такое красота,

¹ Рассел Б. История западной философии. М., 1959. С. 7.

² Диалектический материализм // Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 159.

³ Никифоров А.Л. Философия как личный опыт // Заблуждающийся разум?: Многообразие вненаучного знания. М., 1990. С. 296.

⁴ Риль А. Научная и ненаучная философия. СПб., 1901. С. 18.

добро или справедливость. Она оказывается бессильной в определении трансцендентной сущности явления. Иными словами, наука слаба в том, в чем обычно сильна философия. Поэтому отождествлять науку и философию – значит заведомо ограничивать возможности философии и давать дополнительный (и неоправданный) повод для науки судить с высока о достоинствах и недостатках философии.

2. *Мировоззренческий подход.* В основе этой концепции лежит критика философии как науки. По общему убеждению сторонников этой точки зрения, отождествив философию с наукой, т.е. внося в нее элемент научности, философы тем самым загоняют сами себя в безвыходный тупик, где безгранично властвует «единственно верная» и «подлинно научная» философская концепция¹.

Еще к Г. Лейбницу восходит то определение *тождества*, согласно которому две вещи являются тождественными, если все свойства одной из них являются в то же время свойствами другой и обратно. Сторонники этой концепции доказывают, что некоторые особенности науки не принадлежат философии, следовательно, наука и философия – разные вещи.

В философии никогда не было господствующей парадигмы. Для нее характерен плюрализм школ, течений, направлений. Фактически каждый философ элиты создает свою собственную философскую систему, сущностной чертой которой является совокупность конвенций о значении и смысле понятий, о «правильном» употреблении самих терминов. Система философских определений и соглашений не подвергается и не может быть подвергнута научной проверке, так как она всегда остается в плоскости языка и не может поэтому рассматриваться как описание реальности.

Различие между утверждениями философии и науки заключается в том, что первые непроверяемы, их нельзя ни подтвердить, ни опровергнуть опытом, фактами, они неразрешимы – в том смысле, что их нельзя верифицировать, т.е. с помощью эмпирических методов нельзя установить их истинность или ложность. Если же философские утверждения не могут быть проверены, не могут быть опровергнуты, не могут прийти в столкновение с реальностью, то все это означает, что они и не претендуют на ее описание².

М. Хайдеггер полагал, что философия пока еще не достигла зрелости науки: «Всякий и так давно знает, – писал он в «Основах метафизики», – что в философии, тем более в метафизике, все шатко, несчетные разные концепции, позиции и школы сталкиваются и раздирают друг друга – сомнительная сумятица мнений в сравнении с однозначными истинами и

¹ Никифоров А.Л. Философия как личный опыт // Заблуждающийся разум?: Многообразие вненаучного знания. М., 1990. С. 296–326.

² Там же.

достижениями, с выверенными, как говорится, результатами наук. Вот где источник всей беды. Философия, а, прежде всего, метафизика, просто пока ещё не достигла зрелости науки. Она движется, но каком-то отсталом этапе. Что она пытается сделать со времен Р. Декарта, с начала Нового времени, подняться до ранга науки, абсолютной науки, ей пока не удалось. Так что нам надо просто все силы положить на то, чтобы она в один прекрасный день достигла успеха. Когда-нибудь она твердо встанет на ноги и пойдет выверенным путем науки – на благо человечества. Тогда мы узнаем, что такое философия»¹.

Констатируя этот факт, М. Хайдеггер задается вопросом, не является ли тогда философия просто проповедью некоего мировоззрения; что оно такое, как не личное убеждение отдельного мыслителя, приведенное в систему и на некоторое время спланирующее горстку приверженцев, которые вскоре сами построят свои системы? Впрочем, замечает он, истолкование философии как мировоззренческой проповеди – ничуть не меньшее заблуждение, чем ее характеристика как науки. Философия (метафизика) – не наука, не мировоззренческая проповедь. Она не поддается определению через что-то другое, а только через саму себя и в качестве самой себя – вне сравнения с чем-либо, из чего можно было бы добыть ее позитивное определение. В таком случае философия есть нечто самостоятельное, последнее. Сравнение философии с наукой есть неоправданное снижение ее существа, а сравнение с искусством и религией, напротив, – оправданное и необходимое приравнивание по существу. Поэтому *философия есть философствование и всякая наука по отношению к философии, возможна, только как «служанка»*².

Представитель французского персонализма Ж. Лакруа обращал внимание на то, что «наука всегда утверждает или отрицает, философия – спрашивает... Она является критикой или, что более точно, но выражается плохо понимаемым словом, она является рефлексией»³, которая не может и не должна претендовать на научное отражение бытия. Философия всегда субъективна и ее положения непроверяемы. Поэтому установка на изучение какой-то отдельной концепции в качестве единственно верной философии является неправильной. По мнению Ж. Лакруа, любая философия является субъективной и лишь претендует на поиск смысла, «который может быть только выражением субъекта»⁴. Следовательно, необходимо учить не отдельной системе, а умению философствовать, т.е. *«пытаться выявить то, что лежит в сознании человека»*. Философия

¹ Хайдеггер М. Основные понятия метафизики // Вопросы философии. 1989. № 9. С. 116.

² Там же. С. 117–119.

³ Lacroix J. La philosophie: sa nature et son enseignement // La Pensee. 1980. № 213–214. P. 50–63.

⁴ Ibid. P. 59.

должна показывать человеку, что он является одной из структур бытия. Лишь познав самого себя в качестве такой структуры, человек может глубоко познать и само бытие, через «себя-в-бытии»¹.

3. *Креационистский подход.* Сторонники данной версии интерпретации философии исходят из тезиса о том, что «поэт постигает природу лучше, нежели разум ученого» (Новалис). Предтече французского персонализма А. Бергсон считал, что философия приближает нас, скорее, к искусству, чем к науке; более того, философия и искусство соединяются в интуиции, являющейся их общей основой². Ему вторит и Павел Флоренский, который писал, что философское творчество находится в ближайшем родстве с художественным творчеством, что философия есть своего рода искусство.

От Платона и до Н.А. Бердяева творчество считалось наиглавнейшей отличительной чертой философии. А в творчестве главным считалась свобода духа. «Высшие цели жизни не экономические и не социальные, а духовные. Величие народа, его вклад в историю человечества определяется не могуществом государства, не развитием экономики, а духовной культурой»³.

Оказывается, что для конструирования философии вовсе не обязательно прибегать к строго выверенному научному языку. Философия оказывается может быть выражена посредством искусства – музыки, живописи, поэзии... Однако излишняя увлеченность этой свободой приводит к господству субъективизма, когда эгоизм одного «Я» становится выше интересов и мнений всех остальных. Тогда любая (даже самая пошлая) попытка копирования творчества может выдаваться за свободу и право духа на творение.

Сциентистский и креационистский подходы представляют собой своего рода крайности. Поэтому нам кажется, что второй (мировоззренческий) подход соединяет по возможности достоинства этих двух – он позволяет оперировать как научными, так и вненаучными знаниями.

9. Наука и миф: «война» или «диалог мировоззрений»? Враждебность науки относительно мифологии и религии была сильно преувеличена самими учеными в XVIII–XX столетиях. Эта гиперкритическая позиция была продиктована тем, что мифология выступала в роли заблуждения, а религия – в виде гонителя (инквизитора) на саму науку, которая в свое время изрядно от них обоих пострадала. Теперь настало время, когда страдают от науки уже сами мифология и религия, а ученым в пору защищать их от самих себя.

¹ Schmucker-Hartmann J. Crundzuge einer Didaktik der Philosophie. Bonn, 1980.

² Вдовина И.С. Французский персонализм (1932–1982). М., 1990. С. 34.

³ Бердяев Н.А. Царство Духа и царство Кесаря. М., 1995. С. 319.

Наука должна оградить миф, религию и философию от своего неоправданного вмешательства в сферы их знаний. Необходимо признать равноправность всех этих четырех исторических видов мировоззрения, каждый из которых характеризует определенный этап развития человеческого Духа.

По целому ряду вопросов наука не просто солидарна с мифом, но и практически пересказывает его идеи. Это касается, в частности, самой идеи происхождения и гибели биосферы, политического устройства общества, а также некоторых вопросов этики и истории¹.

Главным принципом науки должен стать *принцип невмешательства* в иные (вненаучные) сферы знания. Наука не должна диктовать своих условий ни мифологии, ни религии, ни философии. Она вообще не должна быть диктатором. Единственно с кем ей надлежит постоянно поддерживать «боевые действия» – это политическая идеология, которая сама всегда агрессивно воспринимает науку и сама ведет против нее «необъявленный крестовый поход».

Быть может, настало уже время выйти науке из состояния войны с мифом и с религией? Самое тревожное то, что в последнее время наука, похоже, намерена начать «войну» и с философией, которая перестает ее устраивать и все чаще начинает вступаться за опальные мифологию и религию.

Тем, чем занимается религия (проблема чуда), наука заниматься не может; тем, чем занимается философия («подвергает все сомнению»), наука себе позволить заниматься не может. Поэтому вненаучное знание – это такая область знания, в которой наука оказывается полностью беспомощной. Ненаучное знание самой наукой относится к «подвалам человеческого ума», где самой науке якобы даже стыдно и находиться. Однако мы должны исследовать как «дневную», так и «сумеречную» зону нашего сознания, т.е. спускаться в «подвалы ума» и в «пещеры психики», в иные «лабиринты» и «катакомбы» человеческой сущности.

Если философия затрудняется ответить на те вопросы, на которые у науки есть уже готовые ответы, так это лишь потому, что она видит проблему гораздо шире, чем сама наука. Взгляд философии выходит далеко за рамки самого научного знания. Она мыслит за горизонт, тогда

¹ Одним из таких примеров является *пересечение научной истины и мифа* – в спорах о природе энтропии и сюжетах, объясняющих сосуществование и противоборство двух начал: доброго и злого, светлого и темного, порядка и хаоса. Зло, тьма, хаос – синонимы дезорганизации. Добро, свет, порядок – царство гармонии и организации. С методологической точки зрения, решение проблемы возможно в рамках диалектико-монистического подхода, когда зло есть «свое иное», противоположное добру. Возможно оно и в аспекте бинарного, дуалистического подхода, предполагающего сосуществование двух начал, их активного противостояния и достаточно независимого функционирования». – Лешкевич Т.Г. Философия науки: традиции и новации. М., 2001. С. 150.

как наука всегда стремится определить, где проходит точная линия этого горизонта. Наука не содержит в себе критериев этической и социальной значимости своих результатов, «а это значит, что ее достижения могут применяться как во благо, так и во вред человечеству»¹.

Задача философии – установить диалог между всеми видами знаний (вненаучного, антинаучного и научного) с целью создания единой картины мира. Истина настолько многолика, что только одними научными средствами познания обнаружить, «схватить» и «овладеть» ей бывает просто невозможно.

10. Взаимоотношения науки и философии. Между наукой и философией существует в настоящее время непонятное ни ученым, ни философам соперничество. При этом обращает на себя внимание тот факт, что многие ученые одновременно занимаются и философскими проблемами, а многие философы имеют значительные успехи в продвижении научных знаний.

Во взаимоотношения науки и философии постоянно вмешивались миф, религия и идеология. Зона отношений науки и философии превращалась в зону выяснения отношений между мифом, религией и идеологией. Следует особо подчеркнуть, что в настоящее время ни миф, ни религия, ни идеология не могут нормально существовать без привлечения науки и философии.

В науке познание носит объективно безличностный характер, т.е. человеческий аспект здесь отнесен на второй план. Науку не интересуют ни личность ученого, ни его чувства, эмоции, мотивационная сфера деятельности, а сам творец науки, в свою очередь, не несет ответственности за последствия своих открытий. В философском творчестве всегда происходит углубление человека в самого себя, а с другой стороны, философия – это такой род духовной деятельности, который требует постоянного общения с великими умами прошлого и современности. Философия требует, чтобы дух стремился к элитизации своей личности путем углубления творческого потенциала.

Наука гордится тем, что она обладает непосредственной практической значимостью, в то время как философия имеет опосредованную связь с действительностью. Апологеты сциентизма утверждают, что рассуждения философии не имеют практического значения, бесполезны, а иногда и просто вредны. Но научные знания (особенно в области технических наук) устаревают значительно быстрее, чем философские. Знания науки преходящи, в то время как знания философии претендуют на то, чтобы однозначно пережить свое время.

¹ Философия для аспирантов: Учебное пособие / В.П. Кохановский, Е.В. Золотухина, Т.Г. Лешкевич, Т.Б. Фатхи. Ростов н/Д., 2002. С. 166.

Именно практическая значимость может сыграть с наукой «злую шутку» – превратить ее в «служанку утилитаризма» и сделать «рабыней гедонизма».

11. О системе координат знаний. Рассматривая генезис самого знания, нам несложно будет заметить несколько крупных исторических эпох с явным преобладанием того или иного типа (вида). В этой связи развитие знания вообще следует рассматривать в особой системе координат: *миф – религия – философия – наука – идеология*.

Есть знания, где главенствующую роль играет миф, есть система знаний, где доминирует религиозная форма их определения и т.д. Поэтому перечисленные выше координаты можно и, по всей видимости, нужно оценивать как своего рода парадигмы знания. Каждой парадигме присуща своя характерная черта: у мифа – это свободный полёт фантазии, у религии – вера в сверхъестественное, у философии – поиск истины, у науки – четкая система доказательств выдвигаемых положений, у идеологии – соединение фантазии, веры, убеждений и доказательств.

Одной из актуальнейших задач современной науки является ее борьба с *научной мифологией*, которая всегда пыталась придать науке большее значение, чем было на самом деле. Научные мифы создаются всегда там и тогда, где и когда наука пытается совершить прорыв в совершенно новую и неизвестную область знания. Не все и не всегда созданные научной мифологией мифы становятся затем научным знанием. Философия науки должна вовремя извлекать эти несостоявшиеся научные открытия из «тела» науки и удалять их как инородный элемент.

Идеология XX века стала своего рода протестом против всех существующих до этого ценностей. В рамках различных политических идеологий была предпринята попытка пересмотра всех существующих ценностей, поэтому сам характер этих попыток (в создании универсальных идеологий) носил нигилистское направление.

Идеология (особенно политическая) в XX веке приобрела вид Новой мифологии. Таким образом, круг развития знания вообще как бы замкнулся, мысль снова вернулась к мифу. Объяснение этому мы можем усмотреть в неудаче развития научного знания в это время. После эйфории взлета научной мысли она в XX столетии вступила в полосу кризиса. Мы можем предположить, что вслед за Новой мифологией в будущем появится и новое религиозное знание, и новое понимание философии, а также и самой науки.

В рамках философии науки мы можем предпринять футурологический экскурс в поисках ответа на вопрос, чем все это станет через какие-нибудь 10, 20, 40 лет? Развитие человечества не стоит на месте, а, следовательно, все виды и формы знания будут постоянно меняться и есть все основания полагать, что скорость этих происходящих изменений в будущем будет лишь увеличиваться.

* * *

Философия науки означает, что у науки имеется своя философия, а у философии – своя наука. Точнее, что в рамках философии научное знание может и должно выступать не как чужеродный и даже враждебный элемент, а как некая составляющая ее часть.

Согласно Т.Г. Лешкевич, «современная философия науки выступает в качестве недостающего звена между естественнонаучным и гуманитарным знанием и пытается понять место науки в современной цивилизации в ее многообразных отношениях к этике, политике, религии. Тем самым философия науки выполняет и общекультурную функцию, не позволяя ученым стать невеждами при узкопрофессиональном подходе к явлениям и процессам. Она призывает обращать внимание на философский план любой проблемы, а, следовательно, на отношение мысли к действительности во всей ее полноте и многоаспектности. Стимулируя сам интерес к науке, философия науки предстает как развернутая диаграмма воззрений на проблему роста научного знания»¹.

Философия науки – это попытка объективной оценки философией науки и призыв самой науки трезво (т.е. без присущего некоторым ученым научного высокомерия) оценивать достоинства самой философии. В рамках философии науки и философия, и наука получают возможность разговаривать на одном и том же языке, т.е. выступать в роли равноправных собеседников. Отсутствие такого диалога или даже самой возможности «переговоров» приводит к конфронтации науки и философии, что недопустимо для современного духовного развития человечества. То, что объединяет философию и науку, гораздо важнее и сильнее того, что их разъединяет. Поэтому интеграция науки и философии есть та самая норма, аксиома, о которой должны постоянно думать все – и ученые, и философы. В идеале было бы желательно, чтобы каждый философ был бы еще и ученым, а каждый ученый – философом.

Основные понятия и термины

Интеллигибельный (Intelligibilis – умопостигаемый) – обозначает существование объектов, постигаемых только умом и недоступных чувственному познанию. Мир *интеллигибельного* выходит за пределы эмпирической данности, преодолевает их и, выражаясь ее собственным языком, трансцендирует к сущностному определению.

Научная мифология – один из векторов развития современной науки, предлагающий мифологизированный ее образ. *Научная мифология* создает неточный образ науки, предлагает воспринимать ее в

¹ Лешкевич Т.Г. Философия науки: традиции и новации. М., 2001. С. 19–20.

преувеличенном значении. Сам по себе миф есть ненаучный вид знания. Поэтому его пребывание в науке изначально недопустимо. Однако сама наука с целью приращения нового знания часто создает некие «мифы» как прообразы нового знания, для того чтобы с их помощью дать как можно более адекватное описание исследуемой проблемы. В случае успешного решения поставленной задачи, миф перерастает в классическое научное знание, но не всегда и не все мифы, созданные наукой, становятся научным знанием. В этой связи требуется своевременное удаление таких «несостоявшихся» мифов из науки. Именно философии науки и отводится решающая роль по «зачистке» научного знания от кочующих по нему мифологем.

Предмет философии – в отличие от любой частной науки (предметом которой является частное, единичное, конкретный «кусочек» мира) предметом теоретической философии является «чистое всеобщее, всеобщее как таковое. Идеальное всеобщее – цель и душа философии. При этом философия исходит из возможности постигнуть всеобщее рационально-логически, внеэмпирическим путем»¹. Философия рассматривает сущее в совокупности всех его проявлений.

Афоризмы

«Дайте мне материю и движение, и я построю мир!» (Р. Декарт).

«Дайте мне материю, и я построю из нее мир, т.е. дайте мне материю, и я покажу вам, как из нее должен возникнуть мир» (И. Кант).

«Природа не делает ничего лишнего, и нерасточительна в применении средств для своей цели» (И. Кант).

«Философы лишь пытались объяснить мир, он же ставил перед ними задачу насильственно изменить его» (К. Маркса).

«Мир переделывать глупей занята нет... // Мир надо принимать таким, каким он есть» (Мольер).

«Умный человек, приспособливает себя к миру, глупый – приспособливает к себе мир...» (Б. Шоу).

«Нет принципов, которые пользовались бы признанием всего человечества» (Д. Локк).

«... человеческий разум настолько склонен к созиданию, что уже много раз он возводил башню, а потом опять сносил ее, чтобы посмотреть, как можно было лучше заложить ее фундамент» (И. Кант).

Философия - есть мышление о мышлении и высший способ постижения духом своей сущности, итог развития действительности, всеобщий метод и наиболее существенное знание о мире, "наука наук" и общественное сознание своей эпохи» (Г.Ф.В. Гегель).

«Когда философия начинает рисовать своей серой краской по серому, это показывает, что некоторая форма жизни постарела, и своим серым по серому философия может не омолодить, а лишь понять ее; сова Минервы начинает свой полёт лишь с наступлением сумерек» (Г.Ф.В. Гегель).

¹ Основы философии науки / Под ред. С.А. Лебедева. М., 2005. С. 26.

«Вступая в общество, нам приходится отречься от 3/4 своего «я», чтобы сравняться с другими» (А. Шопенгауэр).

«Наше знание ограничено – это значит: мы знаем лишь кое-что и немного, а не все». (Л. Фейербах)

Библиографический список

1. Авенариус Р. Философия как мышление о мире согласно наименьшей мере сил. СПб., 1913.
2. Алексеев П. В., Панин А.В. Философия. М., 1996.
3. Бердяев, Н. А. Философия творчества, культуры и искусства : в 2 т. / Н. А. Бердяев. – М., 1994.
4. Гуссерль Э. Философия как строгая наука // «Логос», Кн.1. СПб., 1911.
5. Лешкевич, Т. Г. Философия науки: традиции и новации: учебное пособие для вузов / Т. Г. Лешкевич. – М., 2001.
6. Мамардашвили М. Как я понимаю философию. М., 1990.
7. Мир философии: Книга для чтения. В 2-х Ч.1. М., 1991.
8. Никифоров, А. Л. Философия как личный опыт / А. Л. Никифоров // Заблуждающийся разум?: Многообразие вненаучного знания. – М., 1990.
9. Ортега-и-Гассет Х. Что такое философия? М., 1992.
10. Основы философии науки / В. П. Кохановский, Т. Г. Лешкевич, Т. П. Матяш, Т. Б. Фатхи. – Ростов н/Д., 2004.
11. Основы философии науки / под ред. С. А. Лебедева. – М., 2005.
12. Поппер К. Как мне видится философия. // Перспективные проблемы философских исследований за рубежом. М., 1991.
13. Соловьев Вл.С. Исторические дела философии // Вопросы философии. 1988. № 8.
14. Спиркин А.Г. Основы философии. М., 1988; 2000.
15. Философия и методология науки / под ред. В. И. Купцова. – М., 1996.
16. Философия науки: Общие проблемы познания. Методология естественных и гуманитарных наук: хрестоматия /Отв.ред-сост. Л.А. Микешина. – М., 2005.
17. Философия: учебник для вузов / под ред. В. В. Миронова. – М., 2005.
18. Хайдеггер, М. Основные понятия метафизики / М. Хайдеггер // Вопросы философии. – 1989. – № 9.

2. Наука в системе культуры

(Романова А.П.)

1. Наука и культура: взаимосвязь понятий. Поскольку мы говорим о науке в системе культуры, необходимо определиться с *понятием культуры*, которое, естественно, является более широким по отношению к науке. Существует более пятисот определений культуры и ни одно из них не признано большинством специалистов как наиболее оптимальное. Поэтому исследователи чаще идут по пути анализа подходов к определению культуры, например:

1. *Аксиологический подход*, когда культура рассматривается как система ценностей, созданных человечеством. При использовании данного подхода к определению понятия «культура» у исследователей возникает целый ряд проблем. Во-первых, такая дефиниция автоматически требует последующего дефинирования понятия «ценности», которое также достаточно сложно и многоаспектно. Во-вторых, очень многие элементы культурного процесса не входят в объем понятия «ценности». Так, преступность является элементом культуры, но не является ценностью в общечеловеческом понимании.

2. *Деятельностный подход*, когда культура рассматривается как объект, процесс и результат человеческой деятельности.

3. *Суммативный подход*, когда культура рассматривается как некая сумма определенных характеристик, как совокупность правил, норм, мировоззренческих установок, ценностей, традиций и т.д., усвоенных человеком как членом общества.

Поскольку наука – это форма культурной деятельности людей, то сложно дать адекватное *определение науки* как в диахронном историческом контексте, так и в синхронном – современном.

Как важнейший элемент духовной культуры наука характеризуется следующими признаками:

- 1) совокупностью *объективных* и *обоснованных* знаний о природе, человеке и обществе (система знаний);
- 2) деятельностью, направленной на получение новых знаний, и одновременно результатом этой деятельности (деятельность);
- 3) совокупностью социальных институтов, обеспечивающих функционирование и развитие знания и познания (институт).

Они, по сути, являются и подходами к определению науки: если сравнить их с вышеприведенными подходами к определению культуры, то напрашивается явная аналогия.

Как часть культуры наука полностью вписана в нее и определяется ею, но имеет в ней свои границы. *Границы науки*, или протонауки, более узки, нежели культуры, но достаточно размыты. Так, протонаука четко

детерминирована социокультурной сферой. Она растворена в обыденной жизни, ее граница с литературой, искусством, философией, эзотерикой крайне эфемерна.

На ранних этапах формирования науки ее границы в определенной степени могут совпадать с границами религии, искусства (например, в эпоху Возрождения). В Новое время, формируясь, наука оформляет и свои границы, она становится феноменом, достойным рефлексии. Но на этом этапе границы ее достаточно прозрачны, институционально оформленных фильтров, отделяющих овец от козлищ, еще не существует. Поэтому внутри себя наука содержит достаточное количество псевдонаучных составляющих.

Границы науки можно разделить на внутренние и внешние. *Внутренние* границы науки – это ее границы как когнитивной системы – относительные (познанное/непознанное) и абсолютные (познаваемое/непознаваемое).

Внешние – это границы науки с другими социокультурными феноменами – искусством, религией, эзотерикой и т.д. Границы науки – это некоторые мембраны, способные отсортировать информацию и пропускать вовнутрь только ту, которая соответствует общепринятым стандартам. На разных этапах развития науки представления о ее границах значительно отличаются: от веры в ее безграничные возможности в эпоху модерна до полного неверия в эпоху постмодерна.

Таким образом, во многом представления о границах науки зависят от принятой в данном обществе модели науки. Так, в археологии знания М. Фуко наука – это *дискурс* и в соответствии с этим серия порогов или границ научного дискурса (порог позитивности, эпистемологизации, научности и формализации)¹.

Наука обладает *свойствами*, выделяющими ее из общей системы культуры.

- Наука инновационно заострена, она динамично развивается, обновляясь предельно быстро.
- Наука регулируется принципиально познавательной целью.
- В науке определена ведущая роль профессионального сообщества.
- Наука представляет собой деятельность, стремящуюся в перспективе к идеальной рациональности.

Можно выделить *три уровня* влияния социума и культуры на науку²:

- Во-первых, уровень, определяющий социокультурную природу познания, социальный характер субъекта научной деятельности. На этом уровне наука покоится на социальном основании.

¹ Ушаков Е.В. Введение в философию и методологию науки. М., 2005. С. 475.

² Мамчур Е.А. Проблемы социокультурной детерминации научного знания. М., 1987. С. 4–6.

- Во-вторых, социокультурная обусловленность науки. Социальные факторы проникают в содержание научного знания и оказывают влияние на постановку и выбор проблемы, выдвижение гипотезы, способы обоснования, приятия базисных категорий.

- В-третьих, социокультурная детерминация науки. Данный тезис доводит до предела предыдущий и ставит вопрос о том, есть ли в науке самостоятельное когнитивное содержание, отделенное от более общих культурных слоев.

Если первый и второй уровни не вызывают сомнения, то третий уровень достаточно проблематичен.

В последнее время в науковедении поставлен под сомнение тезис о жесткой социокультурной детерминации науки и постулируется положение о том, что у науки есть особые когнитивные инварианты, особый познавательный замысел, придающий науке черты нередуцируемой самобытности.

И, тем не менее, не вызывает сомнения наличие социокультурных смыслов или универсалий как основы понятийной среды своего времени.

Посредством универсалий наука вплетается в социокультурную среду эпохи, поскольку иначе она будет отторгнута этой средой, перестанет восприниматься как ее естественный продукт и фактор. Наука должна восприниматься естественно в границах данной социокультурной обстановки, иначе она будет выталкиваться за пределы не только научной парадигмы, но и за пределы мировоззрения эпохи. Трансформация научных знаний и преобразование общего мировоззрения эпохи – это двусторонний процесс.

Изучая, как изменяется вид научного познания в ту или иную эпоху, науковеды говорят о существовании в науке тех или иных исторических периодов конкретных фигур или комплексов устойчивых особенностей, которые придают этим научно-историческим эпохам их своеобразие, так называемый, «*стиль мышления*». Понятие «*стиль мышления*» было введено в научный оборот с 1953 года под влиянием Макса Борна. Под стилем мышления он понимал общие тенденции мышления того или иного исторического периода, которые изменяются очень медленно и содержатся во всех культурных областях, в том числе и в науке¹.

Тем не менее, в научной литературе это понятие четко не дефинировано. Оно включает в себя совокупность отличительных черт деятельности ученого (личный стиль мышления) или деятельность совокупности ученых (стиль мышления эпохи).

Нет и единой типологии стилей мышления. Ее можно провести либо по историческим периодам:

- античный стиль,

¹ Борн М. Физика в жизни моего поколения. М., 1963. С. 227–228.

- средневековый стиль,
- ренессансный стиль;

либо по содержанию базисных идей:

- стиль классической механики,
- стиль вероятностно-статистический,
- стиль кибернетический.

Стиль мышления может осознаваться интуитивно, но иногда и в более отрефлексированной форме, особенно когда приходится защищать новую научную парадигму.

Параллельно понятию «стиль мышления» возникает понятие «тип рациональности»¹. Тип рациональности начинает влиять и на *искусство* и на повседневную жизнь. Так, классическому типу рациональности соответствуют такие направления в искусстве, как классицизм и реализм.

Неклассическому типу рациональности соответствует плюрализм в искусстве. XX веку вообще присуща проявляющаяся во всем идея относительности – относительность в науке, в философии, в искусстве. Неклассическому типу рациональности присуща, например, идея о влиянии субъекта научного исследования на протекание эксперимента своим менталитетом, параллельно с этим в литературе «потока сознания» возникает интерес к изнанке человеческой психики.

Постнеклассическая рациональность рождает сюрреализм, философию и искусство абсурда. Проект модерна заменяется на проект постмодерна.

2. Научное и вненаучное знание в системе культуры. На современном этапе развития общества известно, что познание не ограничено сферой науки, что существует, так называемое, *вненаучное* знание, которое в достаточной мере интегрировано в культурный контекст.

К вненаучному знанию относят, прежде всего, художественное и религиозное знание, которое в реальном познавательном процессе всегда оказывается связанным со знанием научным.

Однако понятие вненаучного знания достаточно расплывчато, поэтому существует несколько его классификаций. В одной из них вненаучное знание делится на:

- *ненаучное*, понимаемое как разрозненное, несистематическое знание, которое не формализуется и не описывается законами, находится в противоречии с существующей научной картиной мира;
- *донаучное*, выступающее прототипом, предпосылочной базой научного;
- *паранаучное*, как несовместимое с имеющимся гносеологическим стандартом. Широкий класс паранаучного (пара- от греч. — около, при)

¹ См. подробнее в лекции № 3.

знания включает в себя учения или размышления о феноменах, объяснение которых не является убедительным с точки зрения критериев научности;

- *лженаучное*, как сознательно эксплуатирующее домыслы и предрассудки. Лженаука представляет собой ошибочное знание. Лженаучное знание часто представляет науку как дело аутсайдеров. Иногда лженаучное связывают с патологической деятельностью психики творца, которого в обиходе величают «маньяком», «сумасшедшим». В качестве симптомов лженауки выделяют малограмотный пафос, принципиальную нетерпимость к опровергающим доводам, а также претенциозность. Лженаучное знание очень чувствительно к злобе дня, сенсации. Особенностью лженаучных знаний является то, что они не могут быть объединены парадигмой, не могут обладать систематичностью, универсальностью. Они пятнами и вкраплениями сосуществуют с научными знаниями. Считается, что лженаучное обнаруживает себя и развивается через квазинаучное;

- *квазинаучное* знание ищет себе сторонников и приверженцев, опираясь на методы насилия и принуждения. Оно, как правило, расцветает в условиях жестко иерархизированной науки, где невозможна критика властьпредержащих, где жестко проявлен идеологический режим. В истории нашей страны периоды «триумфа квазинауки» хорошо известны: лысенковщина, фиксизм как квазинаука в советской геологии 50-х гг., шельмование кибернетики и т.п.

- *антинаучное*, как утопичное и сознательно искажающее представление о действительности. Приставка «анти» обращает внимание на то, что предмет и способы исследования противоположны науке. Это как бы подход с «противоположным знаком». С ним связывают извечную потребность в обнаружении общего легкодоступного «лекарства от всех болезней». Особый интерес и тяга к антинауке возникает в периоды нестабильности. Но хотя данный феномен достаточно опасен, принципиального избавления от антинауки произойти не может;

- *псевдонаучное* знание представляет собой интеллектуальную активность, спекулирующую на совокупности популярных теорий, например, о древних астронавтах, о снежном человеке, о чудовище из озера Лох-Несс¹.

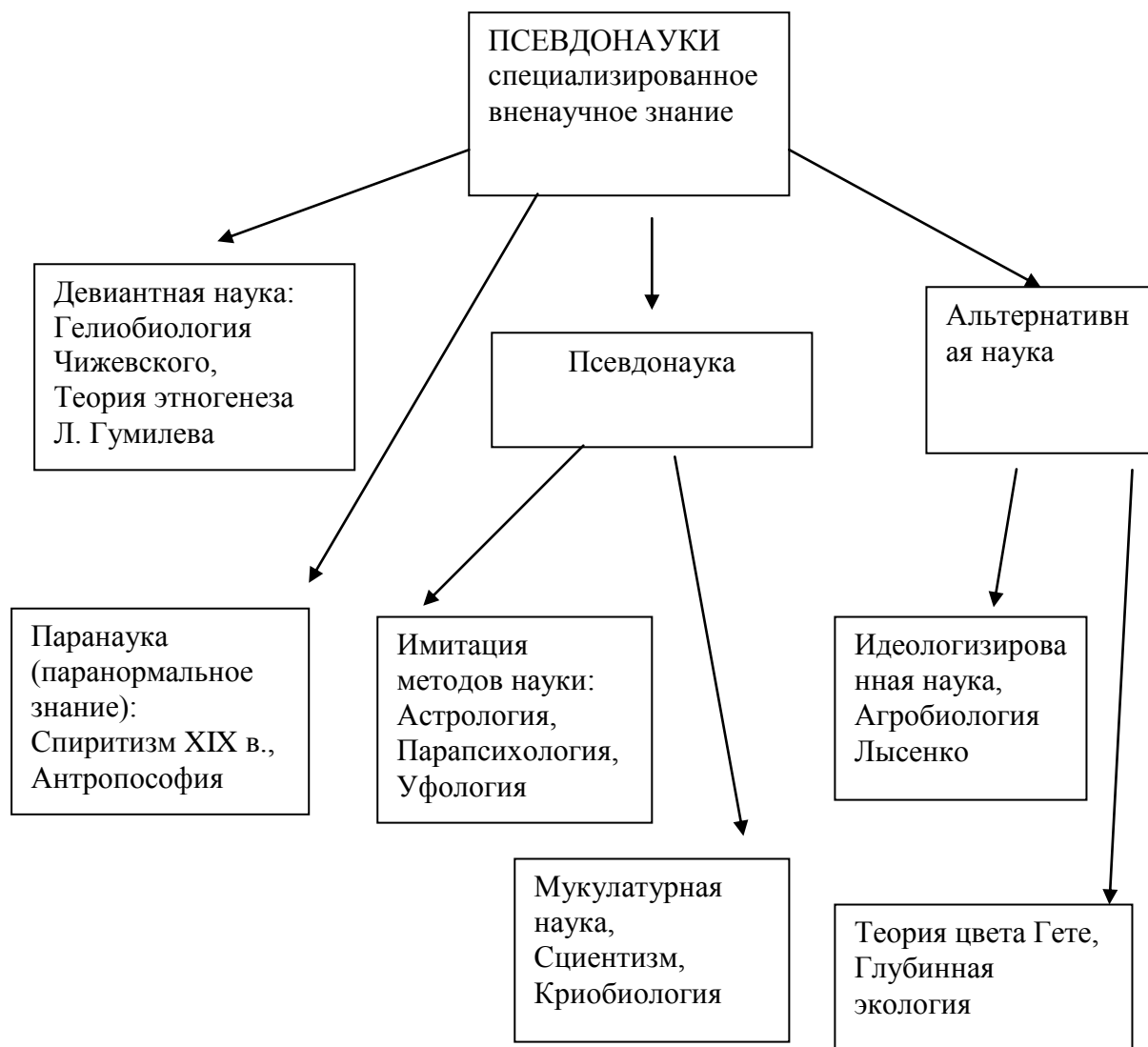
Существует и другой вариант классификации. Вненаучное знание отождествляют с псевдонаукой и дают ему следующую классификацию².

Схема 1

КЛАССИФИКАЦИЯ ВНЕНАУЧНЫХ ФОРМ ЗНАНИЯ

¹ Основы философии науки / В.П. Кохановский, Т.Г. Лешкевич, Т.П. Матяш, Т.Б. Фатхи. Ростов н/Д., 2004. С. 16–18

² Сайт РГГУ. Псевдонауки-схема. www.RGGU.edu.ru

Из всех видов вненаучного знания наиболее проблемным вариантом является псевдонаука. Она представляет собой систему взглядов и представлений, основанных на ложных вненаучных принципах. В отличие от всех остальных видов вненаучного знания, псевдонаука претендует на научность.

К классическим образцам псевдонауки можно отнести теорию наследования приобретенных признаков (что лежит в основе лысенковщины) или теорию происхождения клеток из «живого вещества» (ложное представление О.Б. Лепешинской), или расовую теорию во времена нацизма или борьбы с космополитизмом, отчасти нервизм – предполагаемый примат нервной системы во всех проявлениях биологии и патологии организма, алхимию, астрологию и т.д.

Псевдонаука отличается от теорий, основанных на научных заблуждениях, таких, как, идея о ядре у бактерий, разрабатывавшаяся много лет, или об особом состоянии молекул в живой клетке, или о белковой структуре хромосом. Никто не относит эти ошибочные идеи к

псевдонаучным. Любой ученый имеет право на ошибку, ибо сам метод науки – метод проб и ошибок. Даже фальсифицируемые результаты, а, к сожалению, есть и такие, не считаются псевдонаучными. Дело в том, что наука имеет естественно возникший механизм самоочищения, связанный с воспроизведением научных фактов. Репутация исследователя определяется тем, воспроизводятся его данные или нет. Это, так называемый, индекс цитирования.

Псевдонаука базируется как на ложных, т.е. в первую очередь на невозпроизводимых данных, так и вообще на пустом месте, т.е. на понятиях, ни на чем не основанных. Она не опирается на воспроизводимые явления и потому в область науки даже временно не попадает.

Самым главным источником псевдонауки является вмешательство внешних факторов в ее функционирование, представляющих собой власть, деньги, публику и т.д. Это определенный заказ на получение необходимых результатов.

Самым главным фактором возникновения псевдонаучного знания является идеологизация науки.

Идеологизация науки в России дала жизнь многим псевдонаучным теориям. Идеологизация накладывала запрет на целые области науки – на клеточную теорию или корпускулярную генетику, объявляя их не соответствующими общим законам природы.

На современном этапе развития науки определенным фактором формирования псевдонауки являются деньги. Финансовый заказ на разработку определенных отраслей научного знания, особенно связанных с жизнью человека, со все новыми быстро распространяющимися болезнями (рак, СПИД, птичий грипп), может определять научную недобросовестность, обусловленную финансовыми интересами.

Не менее важным фактором формирования псевдонауки является повышенный интерес широкой публики к чудесным и аномальным феноменам. Они возбуждают фантазию и одновременно могут носить наукообразный характер. Тем более что существует действительно достаточное количество артефактов, которые современная наука пока не может объяснить.

Таким образом, мы видим, что вненаучное знание неоднородно и достаточно сложно классифицируемо. Такие формы вненаучного знания, как художественное и религиозное знание, общеприняты и имеют официальное право на существование. Официальная наука если и не признает за ними статуса научности, то, по крайней мере, признает их конечный продукт определенным знанием.

Целый же ряд видов вненаучного знания наука не признает вообще. Некоторые виды практически не соприкасаются с наукой (гадание, ясновидение и т.д.) Другие – астрология, хиромантия, парапсихология –

пользуются близкими к науке методами: математическими, психологическими.

В наши дни происходит тесное переплетение научного и вненаучного знания: астрологический календарь используется садоводами, на базе хиромантии сформировался новый раздел медицинской диагностики – дерматоглифика. Можно привести множество подобных примеров. Они показывают, что в известных пределах действительно паранаучное знание может допускать вербальное и рациональное выражение. Понятно, что вненаучное знание, лежащее далеко от науки, пока допускает только интуитивное выражение.

На данном этапе происходит определенное переплетение научного и вненаучного знания, особенно в сфере человековедения, в которой материальное и духовное начала существуют в неразрывном единстве. Поэтому ряд ученых начинают искать оптимальные варианты соотношения научного и вненаучного знания.

В рамках реалистической философии формируется новое мировоззрение, которое позволяет человеку сочетать научное и вненаучное знание, что открывает широкие возможности для более всестороннего изучения действительности и, прежде всего, возможностей человека. Однако существует опасность абсолютизации как научного, так и вненаучного знания, что в конечном счете может привести в тупик современную науку.

3. Наука и искусство. Целый ряд элементов бытия в принципе не может быть выражен средствами науки. И именно они составляют основу вненаучного знания, лежащего за пределами науки.

В ходе развития общества наука постепенно выделилась в особую форму духовной деятельности и ее беспрецедентно быстрое развитие, а затем и развитие техники породило иллюзию, что рациональных средств, которыми она располагает и которые непрерывно совершенствуются, в принципе, вполне достаточно для адекватного понимания действительности. Все, что выходило за рамки таких представлений однозначно объявлялось ненаучным и не принималось научным сообществом. Таким путем и возникала научная рациональность. Однако вскоре обнаружилось, что рациональная картина мира не может претендовать на истину в последней инстанции и объяснить многие элементы бытия только с помощью научного инструментария невозможно. В науке не нашлось места для человека с его страстями и фантазиями. Эта сторона жизни человека нашла отражение, прежде всего, в художественной картине мира, выражаемой средствами искусства.

Искусство является одной из древнейших форм знания – художественным знанием, которое, более чем какое-либо другое, формируется как личностное, субъективное отражение и преображение мира. Искусство, как мы видели выше, во многом совпадает со стилем

мышления эпохи, с типом рациональности. Однако художественное познание – весьма своеобразный тип знания. Оно является конструирующим в большей мере, нежели другие формы.

На современном этапе искусство как одна из форм вненаучного знания стала тесно соприкасаться с наукой. Причем наука и искусство взаимосвязаны достаточно сложным образом, между ними есть определенное сходство и определенные различия.

Различия проявляются:

- в *цели* – наука ориентирована на постижение истины, искусство – на построение своего мира, на художественное, чувственное, фантазийное отражение действительности;

- в *форме* – свободная, отличающаяся приблизительностью в искусстве, объективная, точная, доказательная в науке. Наука по форме конкретна, искусство – абстрактно.

В искусстве успех является результатом процесса обучения в меньшей степени, чем в науке. В искусстве большая доля таких иррациональных категорий, как искра божья, талант. Усидчивость, трудолюбие, кропотливость здесь не столь важны.

Но, тем не менее, между двумя этими формами нет непроходимой пропасти. Искусство содержит в себе рациональное начало (Аристотель). Оно в известной степени вовлечено в познавательные отношения. Оно может открывать новые феномены и закономерности. Так, многие художники эпохи Возрождения были одновременно исследователями в области оптических процедур, структуры света, цвета и т.д. Композитор О. Мессиаан написал «Трактат о ритме».

Художественный образ, по мнению В.П. Кохановского, как основная матричная единица искусства является и неустранимым элементом научного исследования, подпитываемым питательными соками воображения, и облаченной в наряды метафорой. В этом проявляется родственность науки и искусства¹.

Искусство, как и наука, полифункционально. У них существует целый ряд общих функций.

Во-первых, это упорядочивающая функция. Искусство, также, как и наука (каждый по-своему), призвано упорядочить тот массив информации, который на данный момент наработало человечество.

Во-вторых, это воспитательная функция. И искусство, и наука косвенно призваны воспитывать человека имеющимися у них средствами.

В-третьих, это инновационная функция.

Несмотря на явные внешние различия наука и искусство взаимосвязаны. Наука оказывает определенное влияние на искусство. Практически в любом виде искусства наличествует познавательный компонент. В эпоху

¹ Основы философии науки / В.П. Кохановский, Т.Г. Лешкевич, Т.П. Матяш, Т.Б. Фатхи. Ростов н/Д., 2004. С. 51.

Возрождения многие деятели искусства занимались наукой, не всегда непосредственно связанной с художественным процессом (Леонардо да Винчи). В Новое время классическая наука определяла классическое искусство и одновременно определялась им. Постнеклассическая наука оказывает влияние на современное искусство. В определенном смысле идет процесс его «онаучивания».

Искусство также оказывает влияние на науку. Существует, например, такое понятие, как эстетическая оценка научных теорий – простота, логическая стройность, гармония, остроумие и элегантность доказательств. Принцип совершенства науки был выдвинут еще Г. Лейбницем. Его дополнил принцип П. Дирака, который гласит, что там где теория некрасива и содержит в себе уродливые части, находится ее слабое место. Уравнения должны отличаться красотой¹.

Многие ученые в свободное время отдавали себя искусству. А. Эйнштейн играл на скрипке, М. Планк был талантливым пианистом, И. Пригожин музицировал, Л. Эйлер разрабатывал теорию музыки.

В последнее время возникла идея проекта универсального познания, представляющего собой синтез художественного и научного познания как некоего единого научно-художественного познания, существующего в общекультурном поле. В философской литературе высказывается мнение о том, что не существует двух разных познавательных путей, а что есть единое познание, базирующееся на единых фундаментальных законах человеческого разума.

Таким образом, наука и искусство взаимодополняют друг друга, взаимопроникают друг в друга, компенсируют недостатки друг друга. Научное познание включает в себя моменты художественного и наоборот. Возникают новые синтетические формы, например, такое явление, как научная фантастика.

4. Наука и религия. Достаточно долгое время существовало представление о неустранимой *конфликтности* науки и религии. Эта точка зрения получила свое развитие в эпоху Просвещения и достигла своего апогея в советское время. Религия рассматривалась как тормоз науки, который постепенно преодолевался.

Однако это мнение на современном этапе не может играть роль аксиомы, поскольку нельзя в строгом смысле сказать, что основания науки являются религиозно индифферентными. Поскольку и наука, и религия не представляют собой единого концептуального монолита, то нет и однозначности в оценке их взаимоотношений.

На самом деле отношения религии и науки были достаточно сложными и на разных этапах развития общества их позиции по

¹ Дирак П. Электроны и вакуум. М., 1957.

отношению друг к другу были неоднозначны. Можно выделить несколько этапов их взаимоотношений:

- синкретический;
- конфронтационный;
- коэволюционный.

Синкретический этап характеризуется достаточно гармоничным сосуществованием протонауки и религиозных верований, поскольку спорен сам факт существования оформленной религии как института на раннем этапе развития общества. Технологии и протонаучные знания естественным образом были вписаны в традиционную культуру, имманентной составляющей которой и были религиозные верования.

Религиозные верования оформляются в религиозную систему в период древних цивилизаций. В цивилизациях Египта, Индии, Китая, а затем в эллинистическом мире научные знания были частью скрытого знания, хранимого жрецами. В эпоху эллинизма, когда все научные знания были еще облечены в философскую форму, все они включались в той или иной степени в систему религиозного комплекса, поскольку религиозная форма мировоззрения была на том этапе единственно возможной.

Конфронтационный этап начинает формироваться в эпоху Просвещения, когда наука становится самостоятельной формой общественного сознания и отделяется от религиозной. Сама по себе идея эксперимента, т.е. повторения и одновременно проверки действий Творца, оппозиционирует науку религии. На этом этапе наука и религия исходят из противоположных посылок.

Религия подразумевает наличие Творца, некую замкнутую и упорядоченную систему мироздания, принимаемые на веру положения, отсутствие необходимости в верифицируемости знания.

Наука этого периода исходит из экспериментально-опытного начала, верифицируемости положений, она перестает нуждаться в идее творца. Убеждение в универсальности действия закона причинности делает идею о существе, способном вмешиваться в ход мировых событий, абсолютно невозможной. Бог и как идея первоначала мира, и как гарант существования моральных норм на данном этапе перестает быть обязательным атрибутом мировоззрения не только ученого, но и обычного человека. Естественно, что в этом классическом идеале науки не осталось места для религии, так как ее феномены непроверяемы эмпирически. Ученые стали сожалеть о печальном опыте построения астрономии, геологии, этнологии на Библии. Естествознание (химия, биология, физиология), активно развивающееся в это время, еще раз заставляет усомниться в истинности религиозных догматов.

Коэволюционный этап взаимоотношения науки и религии достаточно сложен и возникает в XX веке вместе с появлением неклассической науки¹. Неклассическая и постнеклассическая наука с господством принципа относительности, идеей коэволюции и антропным фактором поколебали многие постулаты классической науки. Наука и религия начали выявлять синхронность некоторых позиций.

Собственно сам вопрос о началах бытия оказался достаточно метафизичным. Многие ученые начали обсуждать религиозные проблемы на страницах печати. Дж. Барроу, Ф. Типлер в работе «Антропный космологический принцип», Ф. Капра в «Дао физики», Д. Бом в работе «Целостность и внутренний порядок» и т.д. Э. Вигнер, Дж. Уиллер, А. Ян проводили параллели между современной наукой и учениями Востока, мистикой и т.д. Один из видных физиологов, ученик Ч. Шерингтона, лауреата Нобелевской премии, У. Ленфилд (США) в своей статье «Мозг и разум» утверждал, что обращение к религии является неотвратимым исходом для науки, исследующей мозг и сознание. Он обращал внимание на то, что выдающиеся ученые мира И.П. Павлов, Дж. Экклз, К. Прибрам, У. Пенфилд, которые пытались разгадать связь сознания и мозговой деятельности, неизбежно приходили к религиозным взглядам.

В истории науки многие ученые были верующими. И. Ньютон был верующим и помимо физики и математики занимался астрологией. А. Эйнштейн интересовался медитацией. Основатель генетики Г. Мендель был христианским монахом. Даже теорию Большого взрыва выдвинул не кто-нибудь, а католический священник Ж. Леметр.

В русской науке большинство выдающихся ее служителей не разделяли веру и знания, не противопоставляли науку и религию, но, напротив, утверждали их взаимодополнительную значимость – М.В. Ломоносов, Д.И. Менделеев, А.М. Бутлеров, Н.И. Пирогов, И.П. Павлов, Павел Флоренский, Лука Войно-Ясенецкий и др. Их отношение к религии лучше всего выразить словами великого русского ученого, основоположника современной эмбриологии Карла Бэра: «...естествознание, приходится иногда слышать, разрушает веру. Как это трусливо и мелко! Способность к мышлению и вера столь врождены человеку, как рука и нога. Вера есть особенное преимущество человека перед животными. Неужели человек не сумеет сохранить своего преимущества перед ними? пытаться научным путем решать вопросы, подлежащие вере.... чистое безумие»².

Так рождался новый синтез науки и религии, а также науки и религиозной философии. Появляется идея космического религиозного чувства, свойственного ученому. «Только тот, кто сам посвятил свою жизнь аналогичным целям, – писал А. Эйнштейн, – сумеет понять, что

¹ См. лекцию № 3.

² Бэр К. Избранные работы. Л., 1924. С. 48.

вдохновляет таких людей и дает им силы сохранять верность поставленной перед собой цели несмотря на бесчисленные неудачи. Люди такого склада черпают силу в космическом религиозном чувстве. Один из наших современников сказал, и не без основания, что в наш материалистический век серьезными учеными могут быть только глубоко религиозные люди»¹.

Возникает идея единой научно-теистической картины мира, в основе которой лежат следующие принципы:

1. Объективно существующий мир не исчерпывается миром эмпирической материальной действительности – вещным миром, воспринимаемым нашими органами чувств.

2. Наряду с миром материальной действительности существует некая иная реальность с иной формой бытия, лежащая вне области существования материального мира. Это можно назвать миром высшей реальности. Он действительно существует, ибо мы наблюдаем его реальные проявления в мире материальной действительности, в частности, в виде научно-естественных законов и многочисленных программ.

3. Объектами мира материальной действительности являются, с одной стороны, природные материальные объекты – предметы живой природы, растения и животные, а с другой стороны, сам человек, рассматриваемый как сложно организованная материальная система.

4. Объектами Мира высшей реальности являются, в частности, эйдосы и программы – некоторые идеальные сущности, имеющие иную, нежели материальные объекты, форму бытия.

5. Важнейшей особенностью мира материальной действительности является наличие у всех материальных объектов двух важных характеристик, привнесенных из Мира высшей реальности: структуры и метаморфии, естественным образом дополняющих друг друга. Под структурой мы понимаем то, что, являясь носителем идеи необходимости, общезначимости и регулярности, составляет сущность любого закона.

Метаморфия, в противоположность структуре, является носителем всего случайного, неповторимого, индивидуального, т.е. всего того, что в принципе не подчиняется никакому закону и не может быть втиснуто в его жесткие рамки.

6. Наблюдаемый физический мир – мир материальной действительности, в котором мы живем, является вторичным, производным, образно говоря, является «тенью» (в платоновском смысле слова) Мира высшей реальности, существующего объективно, независимо от нашего сознания.

7. Материя не является основой всех вещей и явлений в мире. Материя вторична. Каждый материальный объект является размытым (за

¹ Эйнштейн А. Собрание научных трудов. М., 1967. Т. IV. Ст. 39. С. 126.

счет метаморфии) образом соответствующего идеального прообраза – эйдоса из Мира высшей реальности.

8. Отношения между объективно существующими эйдосами задаются в мире материальной действительности строго определенными физическими структурами, выражающими сущность объективного физического закона.

9. Каждая материальная система является воплощением некоторой идеальной программы, созданной неким творцом – человеком или Богом (Творцом всего Сущего, Демиургом, Высшим Разумом). У каждой программы есть своя цель, нет бесцельных программ, есть вполне определенный смысл, нет бессмысленных программ, и есть автор программы – ее творец.

10. Мир высшей реальности бесконечен, вечен и неизменен. В нем отсутствуют такие категории, как пространство и время, движение, эволюция, рождение и смерть.

11. В отличие от Мира высшей реальности мир материальной действительности конечен, т.е. содержит в себе огромное, но конечное число атомов, и конечен в пространстве и во времени. Одновременно с рождением мира материальной действительности в результате Большого взрыва в физическом мире возникли характерные для него категории: пространство и время, движение, эволюция, рождение и смерть.

12. Универсум, т.е. Мир, включающий в себя как Мир высшей реальности, так и мир материальной действительности, представляет собой открытую систему.

13. В основании Универсума лежит внешнее по отношению к нему некоторое всеобъемлющее Первоначало – трансцендентный, трансрациональный, непостижимый, сверхличностный Бог (Абсолют), доступный через откровение лишь мистическому знанию.

14. Среди всех идеальных структур и программ, определяющих законы неживой природы и лежащих в основании всего живого, особое место занимает анимистическая программа (от *animus* – душа), включение которой явилось необходимым условием возникновения человека как личности, обладающей разумом, волей, свободой выбора и способностью к творчеству.

Таким образом, выясняется, что противопоставление религии и науки не столь очевидно. Нельзя говорить о чистом рационализме науки. Так, в рамках каждой теории есть такие допущения, которые невозможно доказать внутри нее самой. Следуя К. Геделю, в любой достаточно сложной системе есть допущения, которые нельзя ни доказать, ни опровергнуть в рамках данной системы.

Все чаще рассматривается тезис о том, что наука не есть чистый рационализм, а религия не есть иррационализм, что традиция иррационализма религии близка более протестантизму, нежели

католицизму и православию. Хотя и в православии Л. Шестов и Н.А. Бердяев, ссылаясь на Тертуллиана, стояли на позициях иррационализма религии. Так, дьякон А. Кураев считает тертуллиановскую формулу: «Верую, ибо это абсурдно» не отвержением разума, а призывом к нему: «подрости» до понимания христианского опыта¹.

П. Тиллих в «Теологии культуры» предостерегал против легкомысленного отношения к христианской теологии. Недопустима уничижительная характеристика веры по сравнению со знанием. Вера не есть неполноценный познавательный акт, не низкодоказательное знание, а личностный феномен. Собственно же противостояние веры и знания, по П. Тиллиху, состоит в том, что сам научный метод также выступает как предмет особой веры, объект интереса. «Всякий раз вере противостоит вера, а не знание»².

На отсутствие достаточных оснований для противопоставления веры знанию, религии науке весьма убедительно указывал П. Фейерабенд³. Как вера содержит элементы знания, так и знание не обходится без веры. В самом деле, приступая к изучению внешнего мира, человек *верит* в его существование и в возможность его познания.

В то же время нельзя отрицать реальное различие между наукой и религией. Наука и религия — это действительно разные образования. Такие же разные, как наука и искусство, мораль и право и т.п. Наука и религия, или разум и вера, отличны друг от друга. Но отличие, разность и различие — это не всегда противоположность. Противоположность возникает там, где одну и ту же задачу пытаются решить взаимоисключающими способами. При этом сторонники одного из способов отрицают правильность другого. А наука и религия различны потому, что ставят перед собой и решают не одну, а разные задачи. Задача веры — богопознание, задача науки — попечение в поте лица своего о повседневных нуждах, о хлебе насущном. Познание внешнего мира — эффективное средство для достижения практической пользы и благоустройства земной жизни.

Некоторые ученые рассматривают науку как своеобразную религию, поскольку наука основана, прежде всего, на вере в... науку, в реалистичность ее результатов, в ее безграничные возможности. В нее верят в силу ее многовековой истории, красоты ее построений, захватывающего поиска истины. Науку рассматривают как панацею, призванную решить все человеческие проблемы. Ее обоготворяют, ей приписывают сверхъестественные возможности.

¹ Дьякон А. Кураев. Религиозная вера и рациональность. Гносеологический аспект // Рациональность на перепутье. Гносеологический аспект. М., 1999. Кн. 1. С. 142.

² Тиллих П. Избранное: Теология культуры. М., 1995. С. 330.

³ Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. М., 1986.

Однако до сих пор достаточно распространено и мнение о *несовместимости* научного и религиозного мировоззрения. Сами ученые начинают вступать в полемику по вопросу о соотношении науки и религии.

Так, в отделе «Наука» газеты «Известия» от 25 января 2002 г. появились полемические статьи П. Гайденко «Наука и религия должны избегать друг друга» и А. Силина «Наука должна признать религию», высказывающих противоположные позиции по данному вопросу.

И если А. Силин говорит об определенной коэволюции науки и религии, то П. Гайденко утверждает, что их соприкосновение вредно и для науки, и для религии. Наука вместо строгого эксперимента начинает искать доказательство от чудес, и уже не нужны ни теоретические предпосылки, ни строгий математический аппарат. В религии также существует свой аппарат, свои источники откровения, свои священные тексты. И если наука начинает претендовать на понимание Святой Троицы, строить рациональные построения там, куда разум проникнуть не может, возникает угроза самой сути религиозной веры. Нельзя играть одновременно и в футбол, и в баскетбол.

Таким образом, несмотря на столь давние и тесные взаимоотношения между наукой и религией, нет, наверное, ничего сложнее, чем наладить действительно разумные и творческие взаимоотношения между ними. Отдельным индивидам эта гармония подчас удается, но в масштабе общества постоянно возникают разного рода перекосы – отвергается либо одно, либо другое.

В заключение можно отметить, что и наука, и религия, и искусство – это формы не прямого, не непосредственно-физического, а духовно-интеллектуального отношения человека к миру. Этим замечанием мы отличаем, отделяем сферу их единства от области человеческой деятельности, направленной на обеспечение его физиологического (биологического) существования – добыча пищи, защита от природных стихий и т.д., или если говорить о современном обществе – от производственно-экономических отношений.

Другой особенностью, объединяющей искусство, науку, религию и, одновременно, отделяющей их от внутренних переживаний и мыслей единичного человека, является их обязательная внешняя человеку фиксация. То есть, говоря о науке, искусстве, религии мы имеем в виду не просто обдумывание, чувствование, созерцание мира человеком, а обязательное представление этих процессов в виде текстов, звуков, вещей. Благодаря этой внешней – проговоренной, воплощенной, овеществленной – существующей вне человека форме, наука, религия, искусство имеют не только личностную, но общественную значимость – являются сферами социальной деятельности, которую мы называем познанием.

Основные понятия и термины

Дискурс – способ рассуждения, рассудочно, понятийно, логически обусловленный.

Искусство – форма общественного сознания, связанная с надэмпирической трансляцией опыта человечества посредством художественных образов. Помимо сферы творческой деятельности понятием «искусство» обозначается еще и мастерство, умение того или иного субъекта, а также искус, искушение, хитрость и обман.

Афоризмы

«Разум - это не что иное, как часть божественного духа, погруженная в тело людей» (Л.А. Сенека).

«Внутри нас находится дух святой, который следит за нами и направляет нас среди добра и зла; смотря по тому, как мы его лелеем, он блюдет и нас: без Бога нельзя стать честным человеком» (Л.А. Сенека).

«Ведь из существ всех видов и различной природы один только человек способен думать и размышлять, чего все остальные лишены» (М.Т. Цицерон).

«Если существует наука, действительно нужная человеку, то это та, которой я учу - а именно, подобающим образом занять указанное человеку место в мире - и из которой можно научиться тому, каким быть, чтобы быть человеком» (И. Кант).

«Наука не является системой достоверных или хорошо обоснованных высказываний... наша наука не есть знание: она никогда не может претендовать на достижение истины или чего-то, заменяющего истину, например, вероятности» (к. поппер).

«Идеал научной работы - безразличная истина, в которой всякое проявление личности по возможности удалено и для установления и понимания которой безразлично, кем и при какой обстановке она найдена...» (В.И. Вернадский).

«Подлинные философские проблемы всегда коренятся в насущных проблемах, лежащих вне философии» (к. поппер)

«Благодаря воспитанию в отдаленном будущем несовершенное человечество превратится в новую расу людей - таково могущество воспитания» (Роберт Оуэн).

«В обществе столько различных систем воспитания, сколько различных групп» (Э. Дюргейм).

«Давление внешней среды должно соответствовать внутренней силе сопротивления растущей личности ребенка» (С.И. Гессен).

«Расходы на обучение надо рассматривать как капиталовложения, которые принесут дивиденды в будущем» (С. Кимбэл).

«Все люди рождаются равными и с одинаковыми способностями, только воспитание делает их разными» (К.А. Гельвеций).

«Самостоянье человека - залог величия его» (А.С. Пушкин).

«Гуманитаризация образования, опираясь на новое осмысление гуманизма... раскрывает человеческое, духовное измерение бытия...» (И.Г. Гердер).

Библиографический список

1. Андрюхина, Л. М. Стиль науки: Культурно-историческая природа / Л. М. Андрюхина. – Екатеринбург, 1992.
2. Гачев, Г. Д. Наука и национальные культуры / Г. Д. Гачев. – Ростов н/Д., 1992.
3. Звиглянич, В. А. Научное познание как культурно-исторический процесс / В. А. Звиглянич. – Киев, 1989.
4. Злобин, Н. С. Культурные смыслы науки / Н. С. Злобин. – М., 1997.
5. Косарева, Л. М. Предмет науки: Социально-философский аспект проблемы / Л. М. Косарева. – М., 1977.
6. Кравец, А. С. Наука как феномен культуры / А. С. Кравец. – Воронеж, 1993.
7. Крейг, У. Самое начало. Происхождение Вселенной и существование Бога / У. Крейг. – Чикаго, 1992.
8. Кривелев, И. А. Религиозная картина мира и ее богословская модернизация / И. А. Кривелев. – М., 1968.
9. Кураев, А. О вере и знании – без антиномий / А. Кураев // Вопросы философии. – 1992. – № 7.
10. Лапицкий, В. В. Наука в системе культуры / В. В. Лапицкий. – Псков, 1994.
11. Мамчур, Е. А. Проблемы социокультурной детерминации научного знания / Е. А. Мамчур. – М., 1997.
12. Маркова, Л. А. Наука и религия: проблемы границы / Л. А. Маркова. – СПб., 2000.
13. Мейлах, Б. С. На рубеже науки и искусства / Б. С. Мейлах. – М., 1971.
14. Микешина, Л. А. Методология научного познания в контексте культуры / Л. А. Микешина. – М., 1992.
15. Наука в культуре. – М., 1998.
16. Новик, И. Б. Системный стиль мышления / И. Б. Новик. – М., 1986.
17. Петров, М. К. Социокультурные основания развития современной науки / М. К. Петров. – М., 1992.
18. Порус, В. Н. Рациональность. Наука. Культура / В. Н. Порус. – М., 2002.
19. Псевдонаучное знание в современной культуре // Вопросы философии. – 2001. – № 6.
20. Риккерт, Г. Науки о природе и науки о культуре / Г. Риккерт. – М., 1998.
21. Романовская, Т. Б. Наука XIX–XX вв. в контексте истории культуры / Т. Б. Романовская. – М., 1995.
22. Серафим, иер. (Роуз). Православный взгляд на эволюцию. – М., 1997.
23. Скибицкий, М. Бог и «верующие» ученые / М. Скибицкий. – М., 1976.
24. Сноу, Ч. Две культуры / Ч. Сноу. – М., 1998.
25. Степин, В. С. Научная картина мира в культуре техногенной цивилизации / В. С. Степин, Л. Ф. Кузнецова. – М., 1994.

26. Стефан, прот. (Ляшевский). Библия и наука. – М., 1996.
27. Фенберг, Е. Л. Две культуры. Интуиция и логика в искусстве и науке / Е. Л. Фенберг. – М., 1992.
28. Храмова, В. Л. Ценность духовной культуры / В. Л. Храмова. – Киев, 1995.
29. Чичерин, Б. Н. Наука и религия / Б. Н. Чичерин. – М., 1999.
30. Яковлев, Е. Ю. Научное и вненаучное знание / Е. Ю. Яковлев. – СПб., 2000.

3. ВОЗНИКНОВЕНИЕ НАУКИ И ОСНОВНЫЕ СТАДИИ ЕЕ ЭВОЛЮЦИИ

Вопрос о возникновении науки в социокультурном пространстве и ее границах достаточно дискусионен. Существует целый ряд версий по поводу времени вычленения науки из культуры как самостоятельного феномена.

Версия 1. Наука возникает в первобытном обществе вместе с появлением культуры как ее неотъемлемая часть. Она отождествляется с практической и познавательной деятельностью, направленной на поддержание человеческой жизнедеятельности как таковой. В этом случае наука становится тождественной понятию культуры и технологии, как, например, у Дж. Бернала. Ряд ученых обозначает ее как протостадию, флорирующуюся на аграрной (А. Тоффлер) или традиционной (В.С. Степин) стадии развития цивилизации.

Любая наука имеет обыденно-практический и теоретический уровни. *Обыденно-практическим* уровнем протонауки являются технологии. *Техне* – искусство, мастерство, умение, совокупность методов, способов получения какого-либо продукта (материального или интеллектуального).

Теоретическим уровнем является мифология. Миф возникает как рефлексия о мире.

Следуя теории мифа К. Хюбнера, можно проанализировать миф и современную науку по целому ряду параметров.

Таблица 1

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ НАУКИ И МИФОЛОГИИ

Наука	Мифология
Признание общих законов	Сакральные силы
Системность	Наличествует
Методологическая рефлексия	Отсутствует
Цель – истина	Практическая польза
Специализированный язык	В определенной степени

Инструментарий	Нет
Доказательность	Нет
Опытные проверки и воспроизводимость результатов	Нет
Прогностика	В определенной степени
Демаркация между материальными и идеальными категориями	Взаимопроникновение
Научные представления нечетки	Однозначны
Практический успех	Присутствует

Если вводить категорию «протонауки», то ее действительно можно обозначать уже в глубокой архаике и вести вплоть до настоящего времени. В этом случае весь период истории науки делится на протонауку (от первобытности до Нового времени) и собственно науку.

Версия 2. Наука возникает на Древнем Востоке (Египет, Месопотамия), такие предположения были высказаны Д. Прайсом и Т. Нидамом.

Древневосточные цивилизации были очагами возникновения культуры и разнообразного знания в древнем мире. Так, египтянам принадлежит достаточный массив знаний по медицине, математике, астрономии, географии и т.д. Египтянам принадлежит календарь, используемый впоследствии Н. Коперником в лунной и планетной таблицах. Деление суток на 24 часа – тоже вклад египтян. Одновременно они обладали и огромным по тем временам технологическим опытом: производство папируса, выделка кож, ткаческое ремесло, производство металлов и сплавов, красителей. Культ мертвых и сопутствующая ему традиция бальзамирования привели к развитию анатомии, медицины, формированию специализации в искусстве врачевания. Египетские врачи умели делать трепанацию черепа и пломбировать зубы, составлять достаточно сложные лекарственные смеси, что говорит о высоком уровне развития химии.

Огромный вклад внесли и жители Месопотамии, которым принадлежит зодиакальная таблица, многочисленные знания в области астрономии и математики.

Египетское, да и месопотамское, знание было эзотерическим, чему свидетельствуют и отдельные фрагменты «Книги мертвых». Корпус посвященных в оккультное знание весьма напоминал деятельность современных научных сообществ, вход в которые закрыт для профанов. Принцип наставничества древности – это принцип современного научного руководства. Секретность знаний актуальна до сих пор.

Однако можно найти целый ряд контраргументов против данной версии. Так, по мнению В.И. Ильина:

1. Факт наличия знания не конституирует науку. Наука – *целенаправленная* деятельность по выработке нового знания.

2. Знания продуцировались стихийно – отсутствовала критико-рефлексивная деятельность по оценке полученных знаний. Это был набор готовых рецептов.

3. Отсутствие фундаментальности. Наука – это познание ради познания, а древневосточная наука имела прикладной характер.

4. Наука не была рациональной в полном смысле этого слова, поскольку создавалась при восточной деспотии, которая подразумевала послушание авторитету.

В это время наука носит несистематический, скорее, прикладной характер. От прикладных задач не перебрасывался мост к теоретическим¹.

Версия 3. Именно в эпоху Античности зарождается научное знание. Эту позицию разделяет достаточное количество ученых, а профессор Ф.В. Лазарев утверждает, что не вызывает сомнения факт оформления науки в лоне античной культуры². Причем, по его мнению, это не обязательный феномен в истории, а результат стечения обстоятельств.

По каким критериям исследователи причисляют античное знание к науке?

Во-первых, по принципу организации самой познавательной деятельности. Античное познание в лице философии идет от Мифа к Логосу. Логос античности многозначен: всеобщий закон, основа мира, мировой разум и слово. А лично-образная форма мифа заменяется абстрактно понятийной формой философии.

Сами философы – больше ученые, нежели философы. Первые мыслители Греции недаром именовались натурфилософами. Так, Фалес первым объяснил природу лунного света, предсказал солнечное затмение. Анаксимандра с его *апейроном* называли истинным творцом всей науки о природе. Пифагора вообще именовали «отец наук». Атомисты примирили Гераклита и Парменида, признав, что мир вещей текуч, мир элементов, из которых состоят вещи, неизменен. Элеаты впервые заострили внимание на идее противоречивости мира. Исследователи античного мира столкнулись с феноменом несоизмеримости и старались его освоить, однако идея гармонии, симметрии и упорядоченного космоса преобладала

Античная философия во многом строилась по научному принципу. Появляются определенные методы в математических изысканиях, логика и диалектика. Возникают Платоновская и Аристотелевская академии. В античности в период деятельности софистов и Сократа происходит становление гуманитарных наук, поскольку вектор интересов поворачивается от безличных космических структур к человеку. И, тем не менее, даже в этой области происходит некоторая рационализация.

¹ Философия науки / Под ред. С.А. Лебедева: Учебное пособие для вузов. М.: Академический проект, 2005. С. 37–41.

² Там же. С. 62.

Софисты привнесли методы аргументации, логическую обоснованность знания. Даже у Платона имел место *синкретизм* науки и философии. На стенах его академии было начертано: «Не геометр, да не войдет». А творчество Аристотеля представляет собой первую попытку систематизированного отношения к науке. Он сформулировал логические законы противоречия, исключенного третьего и тождества, тем самым выделив общезначимые способы рассуждения.

Научное знание начинает ориентироваться на поиск таких предметных структур, которые не могут быть выведены непосредственно из практики. Возникает потребность в новой форме практики – эксперименте – которую античность так и не сумеет удовлетворить.

Во-вторых, по критерию доказательности. Только в греческой культуре появилась система доказательства в математике, т.е. теоретическая системная математика. Более того, для греков истина как таковая – не плод веры в авторитет, а продукт рационального доказательства. Именно в поздней античности от философии отпочковались отдельные науки – математика, история, естествознание со своим предметом и методом.

Естественно, что технологии древнего мира сами по себе автоматически не превращались в науку, для этого был необходим катализатор в виде, так называемого, «греческого чуда», основанного, прежде всего, на базисе греческой демократии. Греческая демократия основывалась на системе «трех И»: *исегория* – свобода слова; *исотомия* – гражданская свобода участия в выборных процедурах, *исономия* – гражданское равенство перед законом.

Таким образом, если следовать данной позиции, то система достижения внеличного знания с «использованием идеальных моделей в качестве ядра картины мира»¹ и рациональной системы построения познания с признанием рациональной постижимости предмета исследования, т.е. того, что с общепринятой точки зрения именуется наукой, родилась только в Греции.

Однако существует целый ряд контраргументов против отождествления античной познавательной деятельности с наукой. Прежде всего, исследователи не считают античную науку наукой в строгом смысле, поскольку она не обладала развитым опытным познанием в силу того, что практика, как и труд в целом, считалась уделом рабов. Уделом аристократии была созерцательность, умозрительные сферы деятельности. Даже физика была не испытательной наукой о природе, а умозрительным умопостижением сущности бытия. Стимулы Аристотеля в разработке методологических основ лежали отнюдь не в познавательной, а в прикладной сфере ораторского искусства.

¹ Зотов А.Ф. Структура современного научного исследования природы // Природа. 1981. № 4. С. 81.

Версия 4. Исследователи науки Дж. Дюгем и С. Кромби считают, что наука возникает в контексте поздней средневековой культуры (XII–XIV века).

К аргументам в пользу данной концепции можно отнести тот факт, что именно в эпоху средневековья происходит определенный поворот и переосмысление опытного знания. Пионерами, объявившими бунт против спекулятивного мышления, были Р. Гросетест и Р. Бэкон.

Именно Р. Гросетеста медиевисты считают первой ласточкой средневековой науки. Он был автором таких работ, как «О тепле Солнца», «О радуге», «О линиях угла и фигурах», «О движении небесных тел». Он соединял математический эмпиризм с символизмом средневековья. Все математическое обоснование у него связано с символикой цифр. Форма – единица, Материя, поскольку она двойственна, – двойка, Свет как сочетание материи и формы – тройка. Сфера, состоящая из 4 элементов, – четверка, десять, как сумма первых четырех, – число Универсума и т.д.

Роджер Бэкон, еще более чем Р. Гросетест, был увлечен экспериментом. Однако в средневековье эксперимент понимался несколько иначе – как комбинирование отдельных единичных процессов. Воплощением средневекового эксперимента в определенном смысле является алхимия. Р. Бэкону принадлежит идея подводной лодки, автомобиля и летающего аппарата, он пытался смоделировать радугу в лабораторных условиях. От трактатов о природе, характерных для Р. Гросетеста, он переходит к количественным исследованиям, ко всемерному распространению математики. Однако он не был принят современниками, заточен в тюрьму, а его работы были сожжены.

В средневековье продолжается начатая Аристотелем систематизация и классификация знания. Даже в классическом раскладе наук первая ступень – тривиум (грамматика, риторика, диалектика) – представлена гуманитарными, внеэкспериментальными науками, а вторая – квадравиум (арифметика, геометрия, астрономия, музыка) – точными.

К аргументу «за» данную концепцию можно отнести и факт возникновения первых университетов именно в это время – в X веке – в Константинополе, в 1109 г. – в Болонье.

К аргументам в пользу данной концепции можно отнести и центральное место *логики* в средневековой системе знания. Это связано, прежде всего, с отношением средневековья к Аристотелю. Известный историк науки А. Майер утверждал, что с «рецепции Аристотеля начинается натурфилософия и естествознание христианского Запада»¹. Однако в средневековье устанавливается отличный от античного способ мышления. Это проявляется, прежде всего, в споре об универсалиях номиналистов и реалистов. Для номиналистов реальна лишь единичная

¹ Цит. по: Берков В.Ф. Философия и методология науки. М., 2004. С. 305.

вещь, для реалистов универсалии существуют реально. Этот спор стимулирует развитие логики и онологии. Более того, он меняет вектор мышления. У Аристотеля логика – это теория бытия, у реалистов – это теория возможного. «На место характерного для языческой Греции уважения к тому, что есть под влиянием реализма встает все возрастающее стремление рассмотреть то, что возможно»¹.

Логику высоко ценили многие средневековые мыслители и в том числе П. Абеляр. Боэций писал, что «всякий, кто возьмется за исследование природы вещей, не усвоив прежде науки рассуждения, не минует ошибок»².

Однако отношение к средневековой логике неоднозначно. Так, известный историк логики XIX века К. Пратль рассматривал средневековую логику как набор бессмыслицы, а современный историк науки В. Берков утверждал, что именно в схоластических диспутах закладывались логические основы современного теоретизирования³.

Однако против этой версии существует целый ряд контраргументов. И, пожалуй, самый главный – это сложность, амбивалентность самого средневекового периода.

У средневековой культуры, а соответственно и науки, есть целый ряд специфических особенностей.

- **Теоцентризм.** В центре средневекового мировоззрения лежит идея Бога.

- **Креационизм.** В основе этого принципа лежит идея сотворенности мира и человека Богом. Принцип креационизма обуславливает следующий принцип.

- **Универсализм.** В основе идеи универсализма лежит идея тяготения к всеобъемлющему познанию. Для универсализма характерно, так называемое, аподиктическое, т.е. подлинное, всеобщее знание. Обоснованием этой модели выступало представление о единстве космоса и человека.

- **Символизм.** Каждая вещь в силу креационизма и универсализма не является независимой и не может не быть символичной. Она лишь воплощает скрытую фундаментальную сущность. «Все отмечено печатью всевышнего, следовательно, все исполнено высшим смыслом». Символизм напрямую связан с культом слова. «Вначале было слово и слово бе Бог».

- **Иерархизм.** Средневековый мир представляет собой иерархию символов. В средневековой культуре представляли четкую систему низших и высших элементов. Например, вода благородней земли, воздух благородней воды и т.д.⁴

¹ Берков В.Ф. Философия и методология науки. М., 2004. С. 306.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Бицилли П. Элементы средневековой культуры. Одесса, 1919. С. 34.

• **Телеологизм.** Все явления в средневековой иерархии действительности имеют промысел божий и высшую цель. Отсюда, антропоцентризм и геоцентризм мировоззрения средних веков.

Фомой Аквинским была сформулирована теория двойственной истины: есть истина, которую необходимо подкреплять доказательствами, основанными на логике и действиях разума, а есть истина, которая основана на божественном откровении и в доказательствах не нуждается. «Созерцание творения, – писал теолог, – должно иметь целью не удовлетворение суетной и преходящей жажды знания, но приближение к бессмертному и вечному»¹. Таким образом, критерием истинности становится авторитет и, прежде всего, авторитет откровения. Ф. Аквинский считал, что иерархизм мешал созданию естествознания. Поскольку мир целостен только благодаря сотворившему его Богу, поэтому любой объект определяется по отношению к Богу, а не к другим естественным объектам, нет места вещности, объективной общемировой связи, целостности, без чего не могло возникнуть понятие закона, ни, если брать шире, – естествознания².

Однако средневековье вполне справедливо обвиняют в ретроградстве. Так, в 1131 г. Реймский собор наложил запрет на изучение юридической и медицинской литературы, Второй Латеранский собор 1139 г., Турский собор 1163 г. и декрет Александра III подтвердили этот запрет.

Средневековье создает условия формирования возможности научного естествознания, но реализоваться эти возможности не могут в то время по следующим причинам:

1. В средневековье еще не возникает идея самостоятельности природы, управляемой естественными законами.

2. Средневековое мировоззрение носит текстовый, компилятивный характер, оно иконографично, чрезвычайно высок «индекс цитирования». Знание в средние века выступает в форме комментария. И истина откровения или авторитета превышает очевидности. Так, на приглашение Г. Галилея посмотреть на пятна на солнце, перипатетик ответил: «Напрасно, сын мой. Я дважды прочел Аристотеля и ничего не нашел у него о пятнах на Солнце. Пятен нет. Они происходят либо от несовершенства твоих стекол, либо от недостатка твоих глаз»³.

3. Даже та опытная деятельность, которая имеет место быть в средневековье носит полумистический характер (алхимия, астрология).

4. Мешает формированию систематизированного научного знания его качественный характер, поскольку понятие количества еще отсутствует.

Версия 5. Наука возникает в Новое время в XVI–XVII веках. Эта точка зрения наиболее общепринята, поскольку именно здесь сходятся

¹ Цит. по: Философия науки / Под ред. С.А. Лебедева. М., 2005. С. 69.

² Там же.

³ Гессен Б.М. Социально-экономические корни механики Ньютона. М.; Л., 1963. С. 20.

большинство аргументов «за» (И. Кеплер, Г. Галилей, И. Ньютон, Х. Гюйгенс).

Именно в эту эпоху складываются наиболее благоприятные социально-культурные предпосылки для формирования науки. Происходит переход от феодализма к раннему капитализму, что дает целый ряд преимуществ:

- растут города, в которых увеличивается концентрация культурной мысли;
- с ростом экономической конкуренции развивается критическое мышление;
- с ростом капитализма менталитет меняется от группового, общинного, анонимного ко все более индивидуалистическому;
- появление машин требует более быстрого развития точных наук;
- к этому времени накапливается достаточно большой запас фактических знаний, что выводит науку на новый уровень.

Мы можем с большой вероятностью утверждать, что уровень развития познавательной активности того времени можно называть наукой.

Во-первых, именно в это время происходит рождение науки как социального института. В 1662 г. открывается Лондонское королевское общество, в 1666 г. – Парижская академия наук.

Во-вторых, возникает новейшее естествознание, умеющее строить математические модели изучаемых явлений, проводить рассуждения посредством мысленного эксперимента. Рождение науки тождественно рождению современной физики и математики, поскольку именно там было накоплено большее количество фактов. Понятия науки и естествознания в эпоху Нового времени практически отождествлялись, поскольку формирование обществознания происходило более медленными темпами.

В-третьих, культурные условия дали возможность проявиться гению живших тогда ученых.

Таким образом, в Новое время были созданы объективные условия для формирования науки:

- как особой системы знаний;
- как специфического духовного феномена;
- как социального института.

Итак, последователи данной версии считают, что в античный и средневековый периоды существовали лишь элементы, предпосылки, фрагменты научного знания, а не сама наука как указанное триединство.

С формированием науки в плане обратной связи начинает возникать новое мышление, новая картина мира, в которой:

- вещно-натуральная концепция космоса Г. Галилея с ее ориентацией на механистичность и количественные методы играет

определяющую роль. Именно Г. Галилей ввел мысленный эксперимент, конструирование, абстрагирование и придавал особое значение математическим методам. Ему принадлежит знаменитая фраза: «Книга вселенной написана языком математики»;

- природа представляется как автоматический, самостоятельный объект, лишенный антропоморфно-символического элемента;

- прослеживается жестко детерминированное восприятие явлений, причинно-следственные связи становятся определяющими в объяснении природных явлений;

- доминирует представление о геометризированной действительности, управляемой количественными законами;

- математика становится универсальным методом описания явлений.

Процесс формирования науки происходит следующим образом:

Во-первых, происходит окончательное отделение науки от философии.

Во-вторых, в целостном философском знании выделяются такие дисциплины, как **онтология**, философия природы, философия истории.

В-третьих, в рамках науки особо выделяются частные науки: механика, астрономия, физика, химия, биология и т.д.

В Новое время наука как особый род человеческой активности, оформляясь, получает свои четкие границы, она становится феноменом достойным рефлексии. В терминах В.П. Визгина она становится проектом модерна (культурологический термин) или классической наукой.

Версия 6. Наука возникает в конце первой трети XIX века. Именно в это время она переходит на профессиональные рельсы. Она становится университетской, происходит совмещение преподавательской и научной деятельности. Это начинается с реформы Берлинского университета под руководством В. Гумбольдта. Идеи реализованы в лабораториях Ю. Либиха и А. Гессена. На рынке начинают появляться наукоемкие товары.

Те страны, где в это время наука остается на преимущественно любительских позициях (Англия), теряют первенство в науке. С этого момента наука развивается именно как профессиональная, а научная деятельность становится важной социокультурной традицией.

Версия 7. Подлинная наука еще не родилась, она появится только в XXI веке, поскольку критерии науки достаточно расплывчаты и постоянно меняются

Итак, примем за исходную – общепринятую точку зрения на возникновение науки, и поведем ее отсчет с Нового времени. Именно с этого момента начинается формирование основных *этапов развития науки*.

Первый этап развития науки назван *классическим* и начинается с XVI века. Он, в свою очередь, делится на несколько периодов.

Период механистического естествознания начинается в XVI веке и длится до 30-х гг. XIX века.

Он включает в себя доньютоновский подэтап, характеризующийся целым рядом научных революций: первой научной революцией, определяемой гелиоцентрическим учением Н. Коперника, второй научной революцией, совершенной Г. Галилеем, И. Кеплером и И. Ньютоном.

Г. Галилей выделил два основных метода экспериментального исследования природы:

- аналитический (метод резолюций), когда вычлняются предельные феномены познания, логически возможные, но не представимые в реальной действительности;

- синтетически-дедуктивный (метод композиций), когда на базе количественных соотношений вырабатываются некие теоретические схемы, которые применяются при интеграции явлений и их объяснении.

И. Кеплер установил три закона движения планет вокруг Солнца, правда, не объясняя причины движения.

Ньютоновские открытия завершают первый подэтап и открывают второй, названный *ньютоновским*. В «Математических началах натуральной философии» (1687) И. Ньютон сформулировал понятия и законы классической механики, дал математическую формулировку закона всемирного тяготения, теоретически обосновал законы И. Кеплера и с единой точки зрения объяснил большой объем опытных данных. Ньютоновская картина мира стабильна, понятна, геометрически четко определена. Время, пространство и материя там субстанциальны и независимы.

Второй этап зарождения и формирования революционных идей начинается с 30-х гг. XIX века и длится до его конца.

В это время Дж. Максвелл открывает теорию электромагнитного поля, параллельно с ним идею электромагнитного поля выдвигает М. Фарадей.

Материя уже рассматривается и как вещество, и как поле одновременно. Теория электромагнитного поля привела к более глубокому пониманию единства мира.

Вторая линия подрыва классической картины мира – учение Ч. Лайеля о непрерывном изменении земной поверхности, целостная концепция эволюции живой природы Ж. Ламарка и теория катастроф Ж. Кювье. Заканчивают подготовку к перевороту в научном мировоззрении три великих открытия:

- клеточная теория М. Шлейдена и Т. Шванна;
- закон сохранения и превращения энергии Ю. Майера, Дж. Джоуля и Э.Х. Ленца;
- теория Ч. Дарвина.

В результате такого научного прорыва происходит секуляризация человеческого сознания, эмансипация научного мышления от фидеистических и организмических категорий, его натурализация, отказ от топографической *иерархии* – верх-низ, формирование идей однородности

и изотропности, забвение антропоцентризма, демократизация и эффективизация научного поиска, рождается универсальный космизм.

Эпоха классической науки не мыслит предела человеческому разуму. Г. Галилей вопрошает о том, кто возьмется поставить разуму пределы, а Б. Паскаль говорит о бесконечности науки.

Классическому этапу развития науки присущ целый ряд характеристик.

Во-первых, происходит размежевание между частными науками и философией. К философским основаниям классической науки можно отнести следующие:

Онтологические – антитеологизм, детерминизм, механицизм.

Гносеологические – объективные методы исследования, эксперимент, математическая модель объекта, дедуктивно-аксиоматическая модель построения теории.

Социальные – дисциплинарные организации, создание научных и учебных заведений нового типа (лаборатории, институты), востребованность науки обществом, усиление связи науки с производством, создание промышленного сектора науки.

Во-вторых, возникает новый стиль мышления, опирающийся на эксперимент и математическую методологию, формируются новые методы познания.

В-третьих, субъект практически устраняется из течения эксперимента.

В-четвертых, в этот период наука и картина мира достаточно стабильны.

В-пятых, мировоззрение классического этапа можно назвать детерминистским. Оно включает целый ряд особенностей:

- *Натурализм*, подразумевающий самодостаточность природы, начинается с разработки нетипичных теологических концепций, таких, как пантеизм и деизм, а развитие естественных наук укрепляет идею единства человека и природы.

- *Причинно-следственный автоматизм*.

- *Комбинаторность* как сочетания различных форм, отсюда его инструментальность и механистичность.

- *Квантитивизм*, определяющий метод измерения как один из основных. С точки зрения классической науки, познать – значит измерить. Отсюда унитарно-количественный, а не гетерогенно-качественный космос.

А также, по мнению В.В. Ильина, это мировоззрение дополняется следующими характеристиками:

- *Фундаментализмом* как допущением предельных унитарных основоположений, образующих для познавательного много- и разнообразия незыблемый монолит центр-базис, имплицитно производные от него дистальные единицы знания.

- *Имперсональностью* как субъективной отрешенностью знания, являющейся следствием погружения последнего в область безличного

объективного сущего, чуждого индуцируемых познающим субъектом аксиологических измерений.

- *Абсолютизмом*, когда субъект воспринимается как асоциальный, аисторичный, среднетипический познаватель.

- *Наивным реализмом* как онтологизацией познавательной рефлексии: постулирование зеркально-непосредственно-очевидного соответствия знания действительности, восприятия содержания мыслительных отображений реальности как атрибутивного самой реальности.

- *Субстанциальностью* как элиминацией из контекста науки параметров исследователя.

- *Динамизмом* – установкой на жестко-детерминистское толкование событий, исключение случайности, неопределенности, многозначности.

- *Сумматизмом* – ориентацией на сведение сложного к простому с последующей реконструкцией комплексного как агрегата элементарных частей.

- *Эссенциализмом* как разрывом явления и сущности, сущности и существования.

- *Механицизмом* как гипертрофией механики как способа миропонимания.

- *Куммулятивизмом* как трактовкой развития знания как линейного количественного его саморасширения за счет монотонной аддитации новых истин¹.

В это время формируется тип рациональности, названный классическим, который включает в себя:

- 1) прямой онтологизм – знание прямо соотносится с реальностью;
- 2) монотеоретизм – должна существовать только одна истинно верная теория, посредством которой данная реальность будет описана;
- 3) объективизм – выведение субъекта из познавательного пространства.

Вторым этапом является этап *неклассической* науки (начало XX века).

Неклассическая наука кардинально меняет представления о мире. Этому способствует целый ряд открытий в науке. Существенно изменили взгляды на атомную структуру мира А. Беккерель (радиоактивность), М. и П. Кюри (радий), Дж. Томсон (электрон), Э. Резерфорд (ядро атома). М. Планк создает квантовую теорию, которая вошла в противоречие с электромагнитной теорией Дж. Максвелла, в результате чего возникла дилемма: либо материя абсолютно непрерывна, либо дискретна. Н. Бор на основе предшествующих идей создает свою модель атома. Все эти открытия планомерно подрывали представление об атоме как о первокирпичике материи и первооснове мира.

¹ Философия науки / Под ред. С.А. Лебедева. М., 2005. С. 84–86.

Следующим моментом подрыва классики стала теория относительности А. Эйнштейна совместно с неевклидовой геометрией Н.И. Лобачевского. Теория относительности показала, что пространство и время так же относительны, как и материя, и тем самым перевела ньютоновскую концепцию в разряд частного случая общей теории относительности.

Разработки Луи де Бройля, Э. Шрёдингера, В. Гейзенберга, М. Борна в области квантовой механики показали двойственность (корпускулярный и волновой характер) материальных микрообъектов.

На этом этапе возникает, так называемая, *неклассическая рациональность* в основе которой лежат:

1) методологизм. Научное знание является во многом является коррелятом метода.

2) политеоретизм. В неклассической рациональности присутствует возможность сосуществования нескольких альтернативных описаний реальности.

3) неустранимость субъекта (субъективная составляющая науки, прежде всего, в виде методологических средств и возможностей субъекта, а также признания, что научные знания могут относиться не к самому субъекту, а к сложному комплексу субъект-объектных взаимодействий).

Философским обоснованием неклассической науки становится неклассическая философия.

В области онтологии это: релятивизм (пространства, времени, массы), индетерминизм, массовость (множество объектов любого рода – статистическая система), системность, структурность, организованность, эволюционность систем и объектов.

В области *гносеологии*: субъект-объектность научного знания, гипотетичность, вероятностный характер научных законов и теорий, частичная эмпирическая и теоретическая верифицируемость научного знания.

В области методологии: отсутствие универсального научного метода, плюрализм, интуиция, творческий конструктивизм.

В области социологии: «зернистая» структура научного сообщества, многообразие форм научной кооперации, наука – объект правового, социального и государственного регулирования, противоречивое многообразие норм научного этоса.

Со второй половины XX века ученые начинают говорить с легкой руки В.В. Степина о возникновении нового этапа развития науки – *постнеклассического*, который характеризуется еще большим отходом от классических образцов.

Философскими основаниями этого периода в области онтологии являются: системность, структурность, органицизм, нелинейный эволюционизм, телеологизм, антропологизм.

В области гносеологии – проблемная предметность, социальность (коллективность) научно-познавательной деятельности, контекстуальность научного знания, полезность, экологическая и гуманистическая ценность научной информации

В области методологии – методологический плюрализм, конструктивизм, эффективность, целесообразность научных решений, консенсуальность.

Этот период характеризуется несколькими научными парадигмами: эволюционно-синергетической парадигмой И. Пригожина, Г. Хакена, Э. Янча, У. Матураны, парадигмой системности Ф. Капры, Дж. Чу, Д. Бома, коэволюционной парадигмой И. Пригожина и Н.Н. Моисеева.

Объектом постнеклассической науки являются саморазвивающиеся сложные системы, природные комплексы, включающие человека. Ключевые идеи постнеклассической науки – *нелинейность*, системность, коэволюция, самоорганизация, идея глобального эволюционизма, синхронистичность, человекоразмерность.

В постнеклассической науке иначе выстраиваются субъект-объектные связи. В постнеклассической науке помимо реальных, в которых субъект и объект разделены, допускается и реальность, в которой они не противопоставлены друг другу или когда они оба являются объектами.

Возникает так называемая *постнеклассическая рациональность*, для которой характерно:

- 1) признание ограниченности научных знаний и сверхсложности реальности;
- 2) требование учета ценностных параметров мира.

Основные понятия и термины

Апейрон – термин древнегреческой философии, обозначающий «бесконечное» как космогонический принцип, апейрон занимает существенное место в древнейших мифологиях мира.

Верификация – понятие, употребляемое в логике и методологии науки для обозначения процесса установления истинности научных утверждений в результате их эмпирической проверки.

Гносеология – раздел в философии, представляющий собой теорию познания, исследующий всеобщие предпосылки познания, выявляющий условия его достоверности, а также его методы.

Детерминизм – философское учение об объективной закономерной взаимосвязи и взаимообусловленности явлений материального и духовного мира. Центральным ядром детерминизма служит положение об обязательном существовании причинно-следственных связей между явлениями.

Иерархия – принцип структурной организации сложных многоуровневых систем, состоящий в упорядочении взаимодействий между уровнями в порядке от высшего к низшему.

Логика – наука об общезначимых формах и средствах мысли, необходимых для рационального познания в любой области знания. Существует формальная, диалектическая, математическая логика.

Логика науки – специальная дисциплина, применяющая понятийный и технический аппарат современной формальной логики к анализу систем научного знания.

Онтология – раздел философии, изучающий фундаментальные принципы бытия, наиболее общие сущности и категории сущего.

Рациональность (лат. разум) – определяющая характеристика мышления, выступающая в различных формах.

Синкретизм (греч. соединение) – смешение, неоднородное состояние человеческой культуры в целом или отдельных форм общественного сознания, позднее аналог термина эклектика.

Телеология – учение о цели и целесообразности. Телеология постулирует особый вид причинности: целевой, отвечающий на вопрос, ради какой цели совершается тот или иной природный процесс.

Теоцентризм – средневековая система мировосприятия, в центре которой находится проблема бога, определяющая всю картину мира.

Фидеизм – утверждение приоритета веры над разумом, характерное для религиозных мировоззрений, опирающихся на откровение.

Афоризмы

«Я прилагал всяческие старания к тому, чтобы выделиться из толпы и прославиться каким-нибудь талантом» (Сенека. О счастливой жизни, I).

«... природа требует немногого, а мудрец соотнобразует с природой» (Сенека. Письма. 17,9).

«Истина – дитя своего времени, а наука – дочь не одного или двоих, а всего человечества» (Роджер Бэкон).

«Наука – полководец, а практика – солдаты» (Леонардо да Винчи).

«Ложь иной раз так ловко прикидывается истиной, что не поддаться обману значило бы изменить здравому смыслу» (Ф. Ларошфуко).

«В наших собственных ошибках мы наименее компетентные судья» (Л. Фейербах).

«Истинная философия заключается не в том, чтобы творить книги, а в том, чтобы творить людей» (Л. Фейербах).

«...закон в научном смысле слова есть, по существу, продукт человеческого духа, не имеющий смысла помимо человека. Он обязан своим существованием творческой мощи его интеллекта. Имеет больше смысла утверждать, что человек дает законы Природе, чем наоборот, что природа дает законы человеку» (К. Пирсон).

Библиографический список

1. Бернал, Дж. Наука в истории общества / Дж. Бернал. – М., 1956.
2. Больцано, Б. Учение о науке: Избранное / Б. Больцано. – СПб., 2003.

3. По тропам науки / Луи де Бройль. – М., 1962.
4. Вернадский, В. И. Инбранные труды по истории науки / В. И. Вернадский. – М., 1981.
5. Гайденко, П. П. История новоевропейской философии в ее связи с наукой / П. П. Гайденко. – СПб., 2000.
6. Гайденко, П. П. Научная рациональность и философский разум / П. П. Гайденко. – М., 2003.
7. Гайденко, П. П. Эволюция понятия науки (XVII–XVIII вв.). Формирование научных программ нового времени / П. П. Гайденко. – М., 1987.
8. Гайденко, П. П. Эволюция понятия науки. Становление и развитие первых научных программ / П. П. Гайденко. – М., 1980.
9. Гайденко, П. П. Западноевропейская наука в средние века: Общие принципы и учение о движении / П. П. Гайденко, Г. А. Смирнов. – М., 1989.
10. Койре, А. Очерки истории философской мысли (о влиянии философских концепций на развитие научных теорий) / А. Койре. – М., 2003.
11. Косарева, Л. М. Генезис научной картины мира / Л. М. Косарева. – М., 1984.
12. Кузнецов, Б. Г. Идеи и образы Возрождения / Б. Г. Кузнецов. – М., 1979.
13. Мамардашвили, М. К. Классический и неклассический идеалы рациональности / М. К. Мамардашвили. – Тбилиси, 1984.
14. Моисеев, Н. Н. Современный рационализм / Н. Н. Моисеев. – М., 1995.
15. Нейгебауэр, О. Точные науки в древности / О. Нейгебауэр. – М., 1968.
16. Огурцов, А. П. От натурфилософии к теории науки / А. П. Огурцов. – М., 1995.
17. Рабинович, В. Л. Алхимия как феномен средневековой науки / В. Л. Рабинович. – М., 1979.
18. Режабек, Е. Я. Мифомышление (когнитивный анализ) / Е. Я. Режабек. – М., 2003.
19. Рожанский, И. Д. Античная наука / И. Д. Рожанский. – М., 1980.
20. Хюбнер, К. Истина мифа / К. Хюбнер. – М., 1996.
21. Хюбнер, К. Критика научного разума / К. Хюбнер. – М., 1994.
22. Шмаков, В. С. Структура исторического знания и картина мира / В. С. Шмаков. – Новосибирск, 1990.

4. СТРУКТУРА НАУЧНОГО ЗНАНИЯ И ПОЗНАНИЯ

(Карабущенко П.Л.)

1. Научное знание как система. Базовым признаком научного познания является его системность, которая понимается как некая совокупность знаний, приведенных на основе конкретных знаний в целостную органическую систему. Наука возникает на том уровне собирания разрозненных знаний, когда возникает их система в результате целенаправленной селекционной работы. Поэтому всякая наука стремится к тому, чтобы стать системой знаний по определенной отрасли. Слабая системность – свидетельство слабости (незрелости) такой научной дисциплины. Поэтому всякая уважающая себя наука должна заранее позаботиться о создании своей собственной системы знаний, в противном случае – всегда будут сильны и обоснованны сомнения в ее научности.

Основная задача научного познания – обнаружение объективных законов действительности и обозначение их в понятных для человека идеальных знаках. Поэтому основой бытия науки является получение нового знания, объединение этих полученных знаний в целостную, развивающуюся систему и обеспечение стабильности развития культуры и социальной системы.

В цепи логических операций науки выделяются три звена: 1) исследование прошлого; 2) анализ настоящего; 3) предвидение будущего. Наука, таким образом, занимается выяснением сущности всех трех измерений человеческого времени. Эти структуры существуют исключительно в мышлении самого человека, поскольку все физическое существует «здесь-и-сейчас».

С точки зрения взаимодействия объекта и субъекта научного познания, последнее включает в себя следующие необходимые компоненты в их логическом и диалектическом единстве: 1) субъект науки; 2) объект; 3) систему методов и приемов; 4) **язык***¹. Главная цель науки – открыть, описать и сделать общедоступной объективную Истину.

Научная деятельность есть сбалансированное единство активности субъекта и объективности получаемых им результатов (сосредоточенной в знании истины). Поэтому характерными чертами научного познания являются объективность и творчество. Если философия всего лишь ищет Истину, формулируя для этого свои сложные вопросы, то в задачу науки входит нахождение истины посредством ответа на ее вопрос («вызов»).

В качестве структуры научного знания вообще мы должны выделить несколько уровней рассмотрения указанной проблемы: 1) структура наук (классификация); 2) структура научного знания; 3) структура научного познания; 4) структура научного творчества (как производства нового знания).

¹ Основы философии науки / В.П. Кохановский, Т.Г. Лешкевич, Т.П. Матяш, Т.Б. Фатхи. Ростов н/Д., 2004. С. 32–34.

2. Структура и классификация научного знания. Проблема структуры философско-научного знания всегда стояла в центре научно-философского мышления. Так, еще древнегреческий философ Диоген Лаэртский (III век н.э.) предложил свою классификацию философско-научного знания. Согласно его видению, все философско-научное знание может быть разделено на три блока: 1) физика – изучает законы внешнего мира; 2) этика – исследует законы мира человека; 3) диалектика – занимается анализом развития языка, законов логики (мышления) и методологии (I, Вступление, 17–18)¹.

В XVII веке Френсис Бэкон предложил свой вариант структуры знания. По его мнению, перед философией всегда стояли три главные проблемы: Бог, Природа, Человек. Вопросами Бога занималась теология (богословие), Природы – физика и натурфилософия, Человека – антропология и социальные науки. Данная классификация может считаться общей, поскольку в целом характеризует структурность человеческого знания.

Наконец, о современных принципах структурирования научного знания. Чаще всего, в качестве критерия выведения структуры науки берется характер взаимоотношений субъекта и объекта познания. В этой связи выделяют следующие группы или типы наук: 1) технические науки; 2) естественные науки; 3) точные науки; 4) социально-гуманитарные. Научное знание подразделяется на фундаментальное и прикладное.

У первых двух типов наук объект и субъект познания четко разграничены друг с другом, что позволяет им чаще открывать объективные законы. Во второй группе наук такой четкой границы между субъектом и объектом познания не существует, и субъект сам выступает в роли объекта (особенно это касается гуманитарных наук). Технические науки имеют дело с неживой природой, созданной руками человека, в то время как естественные науки исследуют непосредственно саму природу в ее изначальном (т.е. дочеловеческом) состоянии.

«Что касается классификаций современных наук, то они проводятся по самым различным основаниям (критериям). По предмету и методу познания можно выделить науки о природе — естествознание, об обществе — обществознание (гуманитарные, социальные науки) и о самом познании, мышлении (логика, гносеология, эпистемология и др.). Отдельную группу составляют технические науки. Очень своеобразной наукой является современная математика. По мнению некоторых ученых, она не относится к естественным наукам, но является важнейшем

¹ Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / Пер. с древнегреч. М.Л. Гаспарова. М., 1995. С. 64.

элементом их мышления»¹. Но лучше всего классификацию научного знания производить по типу взаимоотношений субъекта и объекта науки.

«Выявление структуры науки в этом ее аспекте ставит *проблему классификации наук* – раскрытие их взаимосвязи на основании определенных принципов и критериев и выражение их связи в виде логически обоснованного расположения в определенный ряд («*структурный срез*»). Поскольку наука не есть нечто неизменное, а представляет собой развивающуюся целостность, исторический феномен, то возникает *проблема периодизации истории науки*, т.е. выделение качественно своеобразных этапов ее развития («*эволюционный срез*»). Обе проблемы решаются по-разному, в зависимости от предмета исследования отдельных наук, их методов, целей научного познания и других многообразных обстоятельств»².

Помимо классификации, исследователи также выделяют и периодизацию наук. «Если *классификация наук* – это их расчленение «по вертикали», то *периодизация* – это их развертывание «по горизонтали», т.е. по оси времени в форме определенных, следующих друг за другом, исторических периодов (ступеней, фаз, этапов)»³.

3. Структура научного познания. Прежде всего, для установления структуры научного знания следует упорядочить сам понятийный аппарат. Система терминов в данном случае укажет нам и на систему самого научного познания. В этой связи мы можем выделить следующие четыре группы терминов:

1) первая группа терминов объясняет нам природу самого познания и включает такие понятия, как: а) сознание, б) знание, в) познание, г) самосознание;

2) ко второй группе терминов относятся понятия, разъясняющие нам познание в качестве самого процесса. С этой точки зрения научное познание бывает: а) эмпирическим, б) теоретическим и в) догматическим;

3) третья группа терминов раскрывает нам сам характер познавательного процесса: а) инновационное и б) схоластическое познание;

4) четвертая группа рассматривает конечную цель научного познания – формирование научного типа мировоззрения и создание научной картины мира.

Следует также упомянуть и о принципах научного познания. Таковыми являются: принцип всеобщности, системности, развития и элитности. Все эти группы терминов могут быть сведены нами в таблицу:

¹ Кохановский В.П. Философия и методология науки: Учебник для высших учебных заведений. Ростов н/Д., 1999. С. 36–37.

² Там же. С. 34.

³ Там же. С. 39.

СТРУКТУРА НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ

Группы	Термины
1) Гносеологическая	1) Сознание, 2) Знание, 3) Познание, 4) Самосознание
2) Классификация научного познания по методологическому признаку	1) Эмпирический, 2) Теоретический
3) Характер познавательного процесса	1) Инновационный, 2) Схоластический
4) Мировоззренческая группа	1) Научное мировоззрение, 2) Научная картина мира
5) Принципы научного познания	1) Всеобщность, 2) Системность, 3) Развитие, 4) Элитность
6) Этапы научного познания	1) Ознакомительный; 2) Транслирующий; 3) Развивающий
7) Термины «внешней связи»	Ненаучное познание: 1) вненаучное и 2) антинаучное

Приведенные в таблице группы научных терминов непосредственно указывают нам на структуру самого научного знания.

Познание – это определение точного смысла и значения явлений природы, общества и человека. Познание дает название тем явлениям (объектам), на которые оно направлено¹. В познании мы не только узнаем о свойствах того или иного объекта, но и даем ему его «личное» название. После овладения этим знанием вся наша последующая деятельность есть *припоминание* того, как называется и как действует тот или иной объект. Мы вспоминаем ту идею, которую сформировали об этом предмете или явлении в своем сознании. Научное познание есть припоминание всего накопленного объема знания по нужной отрасли. Но этого оказывается недостаточно. Человек, овладевший богатством прошлого знания, начинает его не просто транслировать (передавать другим), но и творчески обогащать. Именно обогащение научного знания есть самый важный акт

¹ В этой связи уместно будет привести пример из Библии: первое «поручение», которое Господь Бог дал Адаму, заключалось в том, чтобы он по своему усмотрению давал всем предметам, растениям и животным их собственные имена (*Бытие, 2:19–20*). Таким образом возникла система абстрактных координат, необходимая лишь для человека, но совершенно «бесполезная» по отношению к самим «предметам» и явлениям.

научного познания, когда ученый оказывается впереди всех в деле познания нового научного объекта¹.

В качестве основных этапов научного познания можно выделить три главных:

1) *ознакомительный* – ученичество, студенчество; этап, когда субъект активно знакомится с научным знанием, которое затем станет основой его профессиональной деятельности;

2) *транслирующий* – преподавательство, когда субъект научного познания начинает выступать в роли транслятора усвоенного им знания;

3) *развивающий* – научная деятельность ученого, в которой проявляются его творческие способности и возможности.

В связи с последним этапом в настоящее время весьма активно развивается научное направление, связанное с выяснением законов человеческого творчества (креативности). Философия творчества была создана еще в начале XX века (Вл.С. Соловьев, Н.А. Бердяев). О научной теории творчества в том ее виде, в котором она сложилась в наше время, можно будет говорить как о завершенной лишь тогда, когда она более или менее точно ответит нам на самый главный вопрос, что такое гениальность и откуда (каким образом) берутся гении?

Очевидно, что чем больше человек проявляет в научном познании свои творческие способности, тем больше у него шансов стать элитным. «Элитный» (в данном случае) означает самодостаточную научную единицу (субъекта), способную самостоятельно решить оригинальным способом сложную научную проблему и получить адекватное признание со стороны своих коллег. *Элитность в науке* указывает на то, что в ней активно идет селекционный процесс и структурирование.

Наконец, следует также сказать о «статусе» (титуле) научного знания. Здесь выделяют следующие «титулы», выявляющие различную меру и различный уровень истинности: *закон, гипотеза, предположение*.

Традиционно ключевым элементом научного знания является закон.

Желательно чтобы научная истина, представленная в виде закона, выражала собой единство теории и практики. При этом для технических и естественных наук желательно, чтобы закон имел также и определенную материализацию, а для гуманитарных и социальных дисциплин желательной оказывается идеализация (популярность, элитность).

Традиционно выделяют следующие типы и виды научных законов:

1) эмпирические и теоретические; 2) динамические и статистические законы; 3) причинные и не причинные законы.

¹ Следует напомнить нашему читателю «третий идол» (вид заблуждения) нашего разума по Ф. Бэкону. Этим «идолом» является «идол рынка» – историческое отставание развития научного языка от развития научного знания. – См.: Бэкон Ф. Сочинения: В 2 т. М., 1972. Т. 2. С. 18–34.

4. Наука как познавательная деятельность. Еще раз напомним нашему читателю о том, что *наука* – это форма духовной деятельности людей, направленной на производство знаний о природе, обществе, человеке и о самом познании и имеющей непосредственной целью постижение истины и открытие объективных законов на основе обобщения реальных фактов в их взаимосвязи для того, чтобы предвидеть тенденции развития действительности и способствовать ее изменению; наука есть социокультурная деятельность, а не только «чистое знание»¹.

Таким образом, *основные стороны бытия науки*: 1) сложный, противоречивый процесс получения нового знания; 2) результат этого процесса, т.е. объединение полученных знаний в целостную, развивающуюся органическую систему (а не простое их суммирование); 3) социальный институт со всей своей инфраструктурой: организация науки, научные учреждения и т.п.; этос (нравственность) науки, профессиональные объединения ученых, ресурсы, финансы, научное оборудование, система научной информации, различного рода коммуникации ученых и т.п.; 4) особая область человеческой деятельности и важнейший элемент (сторона) культуры².

Важнейшей чертой, характеризующей науку и отличающей её от всех остальных видов знания, является практическая направленность. Вторым отличительным свойством научного знания является патологическое (генетическое) стремление к самообновлению. При этом наука призвана совершенствовать как внешние условия человеческой жизни, так и сами духовные качества личности. В XX веке наука превратилась в самое эффективное орудие человеческого познания и совершенствования человеческой природы.

5. Гносеологическая группа. Анализ первой группы терминов указывает на генетическое происхождение научного познания. В первую очередь бросается в глаза тесная связь науки и философии. Собственно говоря, гносеология – теория познания – претендует на то, чтобы быть в рамках философии специальной наукой о знании и о способах познания. Теория познания (гносеология, эпистемология) – это раздел философии, в котором изучается природа знания, его возможности, границы и условия достоверности³. Именно из этого определения мы и будем исходить, определяя структуру научного знания и его познания.

В гносеологическую группу – 1) сознание, 2) знание, 3) познание, 4) самосознание – необходимо также включить и, так называемую, *гносеологическую триаду*: «Истина», «Заблуждение», «Ложь». Научное

¹ Кохановский В.П. Философия и методология науки. Ростов н/Д., 1999. С. 22.

² Там же. С. 22–23.

³ Лекторский В.А. Теория познания (гносеология, эпистемология) // Вопросы философии. 1999. № 8.

познание как раз и направлено на то, чтобы выяснить и установить интеллектуальную дистанцию между категориями этой триады.

Научное познание – это процесс овладения научным знанием. Сами знания есть неотъемлемая часть нашего сознания, содержащая наиболее ценную информацию об окружающем нас мире и самих себе. Сама информация представляет собой некий объем сведений, на различном уровне описывающий, объясняющий и анализирующий какое-либо явление или предмет.

Научное сознание в силу различного рода обстоятельств (интеллектуальных способностей, нравственных принципов и волевых возможностей) склоняется к одному из двух характеров познавательного процесса – ему бывают свойственны или схоластические, или инновационные устремления, или характерна различная комбинация из них.

Особую роль в процессе развития научного знания занимают «научные элиты» и «научные лидеры», которые и формируют все изменения научных установок, влияющих на продуктивность научных понятийных популяций.

6. Классификация научного познания по методологическому признаку. Традиционно научное познание как процесс включает в себя два связанных между собой основных уровня – эмпирический и теоретический.

1. *Эмпирическое исследование (ЭИ).* На эмпирическом уровне преобладает чувственное познание, которое отодвигает рациональный момент на второй (подчиненный) план. Родоначальник эмпиризма Ф. Бэкон считал, что критерием истины является эксперимент, практика, что Истина не может быть выведена исключительно только на основании «чистой» умственной деятельности.

ЭИ осваивает свой объект при помощи таких средств, как описание, сравнение, измерение, наблюдение, эксперимент, анализ, индукция. Любое исследование начинается со сбора, систематизации и обобщения фактов.

2. *Теоретическое исследование (ТИ).* Как известно, термин «теория» (греч. *theoria* – рассмотрение, исследование) означает систему основных идей в той или иной отрасли знания. Как форма научного знания теория должна дать целостное представление о закономерностях и существенных связях действительности. Вершиной теоретического исследования является аналитика.

При отсутствии творчества всякая аналитика, методология, да и вообще любой акт рационального характера может быть заподозрен в схоластике. Поэтому аналитика не должна быть оторвана от действительности, а сам аналитик не должен превращаться в догматика (по классификации Ф. Бэкона – в «паука»).

7. Мировоззрение. Наука – это последняя (четвертая) по времени форма творческой деятельности духа, направленная на производство строгих знаний (объективных законов), проверяемых на практике. Она обобщает (отвергает или уточняет) знания трех исторических своих предшественниц – мифологии, религии и философии. Ныне именно ей отдает свое предпочтение разум, но абсолютно полагаться на нее – значило бы полностью игнорировать опыт предшествующих столетий, когда наука не являлась явным фаворитом человеческой «Одиссеи духа».

С точки зрения идеализма, вся история человечества есть история развития его мировоззренческих констант. Основную роль играли процессы развития ценностей (аксиология) и идеалов (элитологический идеализм), сумма которых и являлась главным двигателем культуры и цивилизации.

Мировоззрение есть не только системный взгляд на мир в целом, но и сложный сплав традиций, норм, установок, знаний и ценностей. Воззрение на мир – не простая информация о реальности, но и позиция самой личности, обладающей правом свободы выбора и даром критического мышления. Формирование мировоззрения – это процесс отбора наиболее ценных и истинных для личности установок, представлений и приоритетов, которые выстраиваются ею в определенную иерархическую систему. О сформировавшемся мировоззрении мы вправе говорить тогда, когда субъективная реальность личности демонстрирует нам четкий комплекс убеждений, проявляющихся в ее идеалах, ценностях и поступках.

Мировоззрение выражается не только в качественном состоянии духа, но и в самом практическом поведении человека. Поэтому мировоззрение – это не только интеллект (ценности + знания), но и воля, которая проводит эти ценности и знания из области теории в область практики.

Мировоззрение есть не просто «поверхностное воззрение на мир», это еще и взгляд вглубь самого мира, это проникновение взгляда в сам мир, в его самые потаенные части.

8. Научная картина мира. Научная картина мира (НКМ) является уже четвертой исторической картиной мира (после мифологической, религиозной и философской), которая предлагает свое системное видение объективной и субъективной реальности. Специфика НКМ состоит в том, что ей свойственны: 1) строгость, 2) достоверность, 3) обоснованность, 4) доказательность и 5) закономерность.

Картина мира есть законченное полотно доступных для человеческого разума объяснений мира природы и человека, отражающее определенный исторический вид мировоззрения. НКМ предполагает, что мы уже имеем некую известную и в чем-то уже завершенную систему знаний, продолжающую, однако, свое возможное развитие. Поэтому НКМ

представляет собой предельно возможную на сегодняшний день панораму научных знаний об окружающей нас действительности, дающую исчерпывающее объяснение тех явлений и причин, с которыми сталкивается человек в процессе своей жизнедеятельности. В НКМ входят только те знания, которые отвечают **критериям научности**¹. Главной чертой научного мировоззрения является ее системность. Оно стремится не просто описать мироздание, а раскрыть систему принципов универсума.

«С научной картиной мира связывают широкую панораму знаний о природе, включающую в себя наиболее важные теории, гипотезы и факты. *Структура научной картины мира* предполагает 1) центральное теоретическое ядро, 2) фундаментальные допущения и 3) частные теоретические модели, которые постоянно достраиваются. *Центральное теоретическое ядро* обладает относительной устойчивостью и характеризуется достаточно длительным сроком существования. Оно представляет собой совокупность конкретно-научных и онтологических констант, сохраняющихся без изменения во всех научных теориях»². Все эти три составляющие указывают на три различных типа достоверности научного знания: 1) когда оно незыблемо, т.е. абсолютно (фундаментальные константы); 2) когда оно носит относительный характер и 3) когда оно находится в состоянии постоянной доводки, постоянно достраивается.

Главная функция НКМ – интеграция различных видов знаний. Научные знания могут существовать и как эклектический набор фрагментов отдельных дисциплин, и как некие локальные системы, и как синтез двух первых видов. Все человечество является носителем этой суммы знаний. Каждый специализируется только на определенном виде знаний, «ибо многознание ему не научает» (Гераклит). Однако у каждой исторической эпохи всегда находятся свои мудрецы, которые пытаются собрать воедино все «лоскутки» человеческих знаний и навести порядок в калейдоскопе господствующих идей.

Картина мира предусматривает рассмотрение мира в целом. «Мир в целом» подразделяется на: 1) «мир как историю», 2) «мир как природу» и 3) «мир как действительность (возможность)». «Цельность» предполагает полноценное существование достижений как естественных, так и гуманитарных и технических наук. В целом НКМ предусматривает наличие некоего «порядка», некоего «Логоса», который указывает на

¹ **Критерии научности** – правила оценки продуктов познания на основании их соответствия стандартам науки, которые позволяют установить принадлежность или отдаленность различных типов знания по отношению к науке. – Основы философии науки / В.П. Кохановский, Т.Г. Лешкевич, Т.П. Матяш, Т.Б. Фатхи. Ростов н/Д., 2004. С. 235.

² См.: Лешкевич Т.Г. Философия науки: традиции и новации. М., 2001. С. 122.

строгую систему научных знаний, применимых ко всем проявлениям природы, человека и общества.

НКМ всегда ограничена историческими рамками своей эпохи. Ее историчность указывает на этапы ее развития. НКМ постоянно пополняется новыми уточняющими знаниями. Недостоверное знание стирается с ее полотна, а наносимые кистью штрихи фактов, гипотез и теорий постоянно ее совершенствуют. Историчность НКМ указывает на ее эволюцию и диалектичность.

Академик В.С. Степин выделил три стадии эволюции НКМ: 1) классическая (XVII–XIX века – когда НКМ была основана на открытиях Н. Коперника, Г. Галилея и И. Ньютона: объяснительным эталоном здесь считалась однозначная причинно-следственная зависимость); 2) неклассическая (рубеж XIX–XX веков, когда возникла более гибкая система детерминации, учитывающая роль случая; новая форма детерминации вошла в теорию под названием «статистическая закономерность»); 3) постнеклассическая (действует принцип неопределенности, когда развитие может пойти в одном из нескольких направлений, что чаще всего определяется каким-нибудь незначительным фактором)¹. Для XXI века мы могли бы предположить наступление и четвертой стадии, которую условно можно было бы назвать «интегрирующей»: интеграция наук в единую систему знаний и максимальное сближение (но не отождествление) с философией.²

Постнеклассический этап развития характеризуется еще и тем, что он предполагает учет взаимоотношений научных и вненаучных факторов, диалог рационалистического и иррационалистического мировоззрений, широкий контакт науки с философией, религией и мифологией. Он характеризуется также появлением *постаналитического* способа мышления, в котором сочленяются сразу три сферы анализа: исторический, критико-рефлексивный и теоретический³.

Таким образом, НКМ – это построенная на основе научных данных целостная система представлений об общих свойствах и закономерностях

¹ Степин В.С. Теоретическое знание. М., 2000. С. 634.

В качестве наиболее известных научных направлений постнеклассической картины мира является синергетика и ее ранняя версия тектология. – См.: Хакен Г. Синергетика. М., 1980; Богданов А.А. Тектология. Всеобщая организационная наука. М., 1988. Кн. 1–2.

² История науки показывает, что она развивается по законам нашего мозга – вначале науки развивались каждая сама по себе, самостоятельно накапливая знания (капсульное сообщество, где каждая капсула ментально несовместима с другими), но затем должно прийти время, когда потребуется объединение всего знания, для создания общей картины мира. Такое соединение наук может произойти на базе философии науки. Во всяком случае, именно философия науки имеет все необходимые для этого параметры.

³ Лешкевич Т.Г. Философия науки: традиции и новации. М., 2001. С. 124–126.

действительности, отражающая уровень развития научного знания конкретной исторической эпохи.

Наука требует «конкретного анализа конкретной ситуации», и все попытки запечатлеть «навечно» научное знание в неизменном состоянии подспудно порождают новый виток схоластики.

Естественнонаучная картина мира отодвигает человека на периферию, на дальний план; гуманитарная – напротив, ставит его в центр. Для гуманитарного знания НКМ является само сознание человека, в то время как для технических и естественных наук оно всего лишь сопровождение объективной реальности. Именно вследствие этого факта, материалистическое понимание действительности было характерно для технических и естественных наук, гуманитарные науки в большей степени склонялись к идеалистическому восприятию действительности.

9. Принципы научного познания. В философии науки можно выделить несколько базовых принципов рассмотрения ее природы и сущности: диалектический, метафизический, эпитологический. **Принцип** в науке указывает нам на то, что является мировоззренческой основой или методологической базой научного сознания.

В качестве принципов научного познания выступают следующие «нормы»: 1) принцип всеобщности; 2) системности; 3) развития и 4) элитности. Выделенные принципы обладают признаками диалектики. Но если первые три принципа понятны и традиционны, то последний нуждается в некоторой нашей расшифровке и уточнении.

Помимо трех традиционных принципов научного познания, в науке с древнейших времен действует еще один всеобщий принцип – это **принцип элитности**, когда конструирование научного знания ведется «сверху» «по отношению к реальной практике и лишь после этого путем опосредований проверяет созданные из идеальных объектов конструкции, сопоставляя их с предметными отношениями практики»¹.

Принцип элитности заключается еще и в том, что в научной картине мира в качестве узловых ее деталей оказываются самые проверенные (истинные) и самые элитные (ценные) знания. Знания массового (периферийного) характера выполняют роль статистов. Без них не обойтись, но их роль второстепенна. Продолжение «периферийного» и «центрального» (доминирующего) знаний продолжается на уровне эзотерического и экзотерического.

Принцип элитности указывает, что в качестве научного знания утверждаются только те законы и теории, которые в наибольшей мере в конкретное время соответствуют истине и являются ее носителями. Величина открытий измеряется мерой содержащейся в них Истины. Элитность должна, таким образом, указывать *на истину в науке*.

¹ Степин В.С. Теоретическое знание. М., 2000. С. 57.

«Задачи науки всегда и повсюду – находить те высшие точки зрения, с которых и Мендель, и Мичурин, равно как Ламарк и Дарвин явятся всего лишь гранями одного и того же кристалла мысли или стадиями в развитии одной и той же научной теории»¹. В этом и состоит элитологичность понимания научного духа. Деятельность ученых должна быть оплодотворена «*amor intellectualis*» («любовь к мышлению»), в результате чего на свет рождаются великие открытия.

Наука постоянно элитизирует свои качества и раздвигает пределы своих возможностей. Этому способствует всякое новое открытие. Принцип элитности в науке представляет собой изначально присущее научному мышлению стремление к совершенному знанию.

«Под методом же я [Р. Декарт] разумею достоверные и легкие правила, строго соблюдая которые, человек никогда не примет ничего ложного за истинное и, не затрачивая напрасно никакого усилия ума, но постоянно шаг за шагом приумножая знания, придет к истинному познанию всего того, что он будет способен познать»². Важным условием совершенного знания, по его мнению, является теоретический метод, помогающий правильно пользоваться интуицией и дедукцией. Ведь истина не дана заранее, ее следует открыть с помощью метода, орудия, которым может пользоваться всякий, как бы ни был посредственен его ум³.

И миф, и религия, и философия, и, разумеется, сама наука ищут одно и то же – совершенное знание, т.е. такую сумму Истин, которая была бы максимально адекватна самой действительности.

10. Термины «внешней связи». В качестве терминов, осуществляющих внешнюю связь науки с другими видами знания, выступают следующие три термина: ненаучное знание, вненаучное знание и антинаучное знание.

Ненаучное знание подразделяется на: 1) вненаучное (религия, искусство, философия) и 2) антинаучное (например, политическая идеология). Если «вненаучное знание» – это такое знание, которое выходит за рамки науки и которое сама наука не может ни опровергнуть, ни подтвердить, то «антинаучное знание» представляет собой такой род знаний, которые входят в явное или косвенное противоречие с наукой. Синонимами этого вида знаний являются такие термины, как квазинаука, псевдонаука, лженаука⁴.

¹ Золотарев А.А. О Гегеле и гегельянстве // Вопросы философии. 1994. № 5. С. 111.

² Декарт Р. Сочинения: В 2 т. М., 1989. Т. 1. С. 5.

³ Кохановский В.П. Философия и методология науки. Ростов н/Д., 1999. С. 64.

⁴ Некоторые авторы пытаются провести разграничения между такими понятиями, как антинаука, квазинаука, псевдонаука, лженаука (Основы философии науки / В.П. Кохановский, Т.Г. Лешкевич, Т.П. Матяш, Т.Б. Фатхи. Ростов н/Д., 2004. С. 17–18). Однако предложенные определения, разграничивающие предметную область этих «видов» знаний, фактически совпадают, что делает указанную схему

С каждым из этих видов ненаучного знания наука должна контактировать и иметь свое особое мнение по рассматриваемым ими проблемам. Пренебрежительное отношение к этим видам знания может обернуться тем, что возрастет степень давления этих знаний на науку и она не сможет оперативно справиться с этим вызовом своего времени.

Наиболее известной позицией является антисциентистская версия философии науки (П. Фейерабенд, Т. Роззак), которая требует равноправия науки и вненаучных способов видения мира, критикует науку за то, что она подавляет своим авторитетом другие формы общественного сознания, превращается в новую схоластику, все больше начинает представлять собой отчужденное мышление и источник догматизма.

В научном познании выделяются два направления развития мысли: инновационное (то, что стремится всегда вперед к неизбежно новому знанию) и схоластическое (то, что топчется на месте или даже влечет назад). Во взаимоотношении схоластического и инновационного мы должны усматривать не только дихотомическую системность, но и диалектическую взаимосвязь этих противоположностей. Схоластика и инновация – это два взаимообуславливающих процесса, борьба между которыми и дает импульс к развитию или затуханию научного знания.

В.И. Вернадский указывал на четыре отличительные особенности отличия научного типа мышления от других ненаучных типов: 1) единство процесса развития научной мысли; 2) общеобязательность научных результатов; 3) большая и своеобразная независимость науки (по сравнению с другими духовными образованиями - философией, религией, искусством и др.) от исторической обстановки; 4) очень глубокое (подобно религии), но совершенно своеобразное влияние научного познания на понимание человеком смысла и цели своего существования; 5) научное творчество является основным элементом «научной веры» (противоположной религиозной), которая является могущественным созидательным фактором в науке.¹ По его мнению, только в истории научных идей четко и ясно проявляется прогресс, чего нет в других сторонах культурной жизни (в искусстве, литературе, музыке) и даже в истории человечества, которую «едва ли можно принимать за нечто единое и целое».

В первую очередь борьба науки и антинауки обостряется потому, что последняя пользуясь сомнительным уровнем образования политической элиты, начинает активно срастаться с властью, «предлагая ей заманчивые проекты и престиж научных степеней и ученых званий, лишая реальную

малофункциональной. Все эти термины указывают на одно и то же – на явное несоответствие знания истине, и на то, что само сознание отдает такому «знанию» свое явное предпочтение. Диагноз такого сознания всегда бывает один и тот же – иллюзорное и эклектическое мышление, страшящееся точного научного или философского знания и уходящее поэтому в «катакомбы» своего мышления.

¹ Вернадский В.И. О науке. Т. 1. С. 118—126.

науку финансирования и дискредитируя сам научный поиск. Официальные структуры проигрывают первые сражения. Пример тому - выдача Роспатентом свидетельства об изобретательских правах на устройство вечных двигателей и слабое противодействие РАМН внедрению в лечебную практику средств «от всего сразу».¹

Из-за пренебрежительного отношения науки к лженауке, последняя часто оказывается в более выигрышном положении. Наука иногда проигрывает лженауке в рекламе своих достижений. Считается, что «ценность науки основана на чуде, тайне и авторитете. И она начинает проигрывать лженауке, т.е. магии, маскирующейся под науку, когда лженаука разворачивает перед профанами более яркие чудеса, тайны и авторитеты. Торжество шарлатанов выводит ученых из себя, и они уверяют мир, что если бы их пустили в газеты и на телевидение наравне с сумасшедшими и жуликами, то они сумели бы объяснить массам, как все обстоит на самом деле. Но это, увы, глубокое заблуждение».² Борьба с лженаукой необходимо по средствам всесторонней и постоянной пропаганды научных достижений. Но как раз именно научной пропаганды как раз и не хватает современным ученым и науки в целом.

По признанию самих же ученых, самой большой бедой современной российской науки является квазинаука и квазиученые, а также сопровождающее эти несчастье ужасающая бюрократия. «Квазинаука – это некая ее имитация в рамках общепризнанных научных парадигм, а квазиученые – это халтурщики от традиционной науки, трудящиеся на ее ниве и рождающие научные работы и разного рода диссертации невысокого и очень невысокого уровня. Квазиученый, защитив всеми правдами и неправдами диссертацию, а то и две, становятся, как правило, начальником от науки, заставляя других людей работать на себя и получая при этом свою долю «научной прибавочной стоимости» от эксплуатации чужого умственного труда».³ Более того, такой «ученый» начинает мешать

¹ Как заявил на международном симпозиуме «Наука, антинаука и паранормальные верования», организованный РАН, философским факультетом МГУ и Комитетом по научному расследованию заявлений о паранормальных феноменах (США) (Москва, 03-05.10.2001 г.) академик **Э.П. Кругляков**, возглавляющий Комиссию Президиума РАН по борьбе с лженаукой и фальсификацией научных исследований, отметил, что за последние годы в России образовалось около 120 самозванных академий. Нью-Йоркская академия наук широко и активно продает академическое звание за 100 с небольшим долларов *всем* желающим. Образовались целые антинаучные «исследовательские» институты, занимающиеся, например, астрологией. СМИ под видом исследований популяризируют откровенную дезинформацию. – См.: Наука – Антинаука: хроника противостояния // Вопросы истории, естествознания и техники, 2001, №4.

² Мелихов А. Лаборатория против лакейской // Известия. №214. 19.11.2009. С.6.

³ Вейцман Э. Табель академических рангов // Литературная газета. № 1 (6257). 20-26.01.2010. С.4.

развиваться нормальным творцам научной мысли, умножая в принципе достоверное, но стремительно морально устаревающее научное знание, тормозя при этом новаторские научные проекты. С ним солидарен академик Е. Велихов, который считает, что «научная бюрократия – такой же враг для развития страны, как и бюрократия управленческих организаций».¹

11. Схоластика и инновации в структуре научного познания: научное творчество (IQ или PR?). Научное творчество представляет собой продвижение научной мысли в пространстве и во времени непознанного с целью открытия новых законов развития природы, общества и человека.

В акте научного творения Logos находит свое наивысшее воплощение.

Все научное знание есть результат творческой деятельности конкретного ученого. Однако самому научному сообществу важно не то, «кто» сделал то или иное открытие, важно само по себе открытие. Для философии и религии, напротив, важно то, «кто», а затем уже «что» и «когда» сказал? Наука в этом смысле более объективна и, следовательно, менее персоналистична.

История и философия науки есть научно-философская дисциплина, исследующая то, как дух в процессе своего развития совершает переход от примерного и относительно верного знания о себе самом к точному и опытно выверенному научному знанию. Отдаваясь в объятия науки, дух тем самым, насколько это возможно, максимально дисциплинирует себя. Связывая свою судьбу с судьбой развития научного знания, дух открывает для себя новые перспективы своего развития. Творчество есть раскрытие индивидуальных способностей личности путем максимальной мобилизации и активизации своих персональных достоинств. Творчество есть поиск нового знания, создание нового качества. С этой точки зрения творчество всегда предусматривает инновацию.

Именно через творчество в науки формируются традиции, которые представляют собой устоявшиеся в истине знания. Традиции свидетельствуют о том, что это знание признанно всеми и является на данный момент развития науки самым достоверным, самым проверенным и признанным. Но у традиции есть и обратная сторона – она часто с недоверием, а порой и враждебно встречает новое знания, усматривая в нем угрозу для своего уже сформировавшейся системы. Так в недрах традиции вызревает схоластика – научный вид знания, лишенный всякого творческого развития.

Творчество в науке есть преодоление схоластического типа мышления и схоластической картины мира. Если научная картина мира

¹ Велихов Е. «Чтобы не уничтожить самих себя» // Аргументы и факты. № 5 (1526). 03-09.02.2010. С.3.

вдруг по каким-то причинам остановится в своем развитии, то наступит время ее окостенения, т.е. превращения в схоластику.

Схоластика – это обратная сторона науки. Это ее «ночная часть», где могут происходить все самые ненаучные события. Именно в эту «ночную часть» науки вторгаются силы, с которыми наука борется в дневное время. Что это за силы? Это, прежде всего, миф, религия, философия и антинаука, которым «чистая наука» не дает возможности свободно высказаться днем. Пользуясь случаем, схоластика начинает активно имитировать творчество и создавать свою альтернативную версию новаторского знания. Таким образом, сами жесткие меры науки в ее борьбе за «научную чистоту» порождают феномен схоластики и мнимой новации.

Схоластика неуничтожима, потому что существует определенный тип мышления, который и является ее носителем. Схоластика является порождением той психологической дистанции, которая устанавливается между сознанием талантливого ученого (гения, мудреца, подлинного новатора, первопроходца) и сознанием бездарности, простого имитатора учености (плагиатора, копировщика, компилятора). Именно неспособность или невозможность стать ученым с большой буквы и порождает схоластику как имитацию учености, как компенсацию за неадекватные притязания на признание. Схоластика стремится, чтобы ее признали в качестве науки, а для этого ей необходимо выдать своих «классиков» за блестящих деятелей науки. Поэтому она начинает создавать им подобающий имидж, т.е. начинает отдавать предпочтение не реальному развитию IQ, а усиленному внедрению PR. Таким образом, ориентации науки и схоластики расходятся диаметрально: наука нацелена на открытие новых пределов и новых возможностей IQ, схоластика имитирует IQ с помощью PR-технологий.

Поэтому схоластика может создать только ложный образ ученого, который все равно рано или поздно рассыплется под силой критики последующих поколений ученых. Осознанная и активная схоластика – ложь вдвойне, тогда как неосознанная – всего лишь заблуждение, а активная, но не до конца осознанная, – просто ложь.

12. Современная схоластика. Полагать, что схоластика является достоянием средневековья и нас уже никак не касается, наивно, поскольку мы все еще живем со схоластикой и даже более того – находимся в ее незримых объятиях. Дух схоластики оказался неистребим и, несмотря на то, что по его имиджу серьезный удар нанёс такой ученый, как Ф. Бэкон, она смогла оправиться от этого удара и даже неплохо реанимировать свои прежние силы.

Схоластика живет в серых умишках тех, кто считает себя учеными в силу наличия у них свидетельства о высшем образовании, но имеющих в действительности о самой науке весьма приблизительное представление. Схоластика – это способ бытия заурядного научного мышления, которому

неведомо творческое горение духа. Это ремесленники от науки, причем, не самые лучшие.

Сам термин «схоластика» употребляется в нескольких значениях:

1. «Схоластика» – в традиционном смысле: как средневековая университетская наука и философия (VII-XV вв.), основанная на отвлеченно-догматическом способе мышления, опирающемся не на реалии жизни, а на авторитет канонических текстов и на формально-логическую правильность односторонних, сугубо словесных рассуждений.

2. «Схоластика» – как современная лженаука: оторванное от действительности умозаключение, основанное или на фантазии своего автора, или воздействию на нее утопии политической идеологии.

3. «Схоластика» – как общий и упрощенный курс какой-либо научной дисциплины, формально читаемый на непрофильных факультетах в условиях дефицита учебного времени и неподготовленности студенческой аудитории. Преподавание любого предмета требует его упрощения, что неизбежно приводит к потере некоего количества особо ценной информации и вульгаризации отдельных его постулатов. В этом плане любая научная дисциплина имеет свою внутреннюю схоластику, вероятность которой возрастает по мере снижения IQ тех, кто ее преподает.

4. «Схоластика» – как методология ради самой методологии (когда «варварский философский рассудок» вертится в бесконечном сочетании категорий). При этом у нее даже не просыпается никакого интереса к «презренной действительности»¹. Такая схоластика постоянно занимается «игрой в дефиниции», манипулированием «голыми» («заумными») терминами, классификаторством и системосозиданием, псевдоноваторством с забвением прописных истин, бесплодными перетасовками понятий и бесконечным «плетением словес»².

¹ Как бы не была «презренна действительность», методологическая схоластика обязана ее учитывать. В этом плане мы вправе выделить несколько подвидов такой схоластики: 1) та, что совершенно оторвана от практики и даже не предусматривает ее; 2) та, что ориентирована на внутриметодические разработки и концентрирует все свое внимание исключительно на разработке логики методологических основ и 3) та, что имеет в себе творческое начало и развивает понятийный аппарат, еще не имея возможности применить его на практике, поскольку он не готов в силу своей принципиальной новизны, и наука, которой он предназначен, проходит этап своего методологического становления.

² Под это определение схоластики может быть подведена вся методология, в которой отсутствует дух творческого начала и которая заиклена на изучении одних лишь категорий. Водоразделом между такой схоластикой и методологией могут служить такие признаки, как: 1) наличие реальных потребностей науки в развитии категориального аппарата, что характерно для молодых научных дисциплин; 2) внесение предложений относительно введения в научный язык принципиально новых понятий, отражающих какое-либо новое явление или факт; 3) разработка новых вариантов применения «старых» методов исследования. Эти признаки указывают на то,

Таким образом, схоластика – это свойство ума, который решил, что ему уже незачем развиваться; полученного знания ему кажется вполне достаточно для дальнейшего существования в рамках научного сообщества. Имеющееся в его распоряжении знание представляется ему удобным и комфортным и не нуждающимся в дальнейшем творческом развитии. Из такого вида знания уходит диалектика развития, оно боится противоречий (потому что не знает как на них отвечать) и конфликтов (потому что не знает как их конструктивно решать).

При этом негативное понимание схоластики оказывается настолько широким понятием, что под него может подойти все, что не является общепринятым в качестве традиционного понимания науки. Для схоластики важно, чтобы схоластикой считалось инновационное знание. Поэтому в самом факте существования схоластики мы усматриваем нарушение этических норм научной профессиональной деятельности.

Именно страх перед схоластикой порождает гонения на инновационное знание, которое воспринимается как вызов и угроза существующей традиции.

Для современной схоластики традиционным является следующие характеристики:

1. *Некритическое восприятие научного материала*: данное свойство является признаком массового общественного сознания, и мы можем усмотреть в этом следы омассовления научного знания, происшедшего в XIX–XX веках. Отсутствие критического мышления компенсировалось формализмом, внешней красотой цитаты, которая являлась следствием общего преклонения этой «массы» перед чьим-либо авторитетом¹.

2. *Преклонение перед авторитетом (традицией)*: данный признак вытекает из предыдущего и указывает на прямую зависимость некритического мышления от довлеющего над ним авторитета его «гуру»; при этом отмечается «слепое подчинение» воли этого, так называемого, «учителя», пропагандируемые знания которого становятся для его последователей истиной в последней инстанции (т.е. догмой)².

что данная методология не просто переписана (изложена реферативно), а творчески переработана с учетом конкретных научных задач.

¹ Согласно представителям теории массовой психологии (Г. Лебон, Г. Тард, С. Сигеле), именно *некритическое восприятие* является родовым признаком массового сознания. Наличие этого явления позволяет элитам эффективно манипулировать общественным сознанием. Аналогичные следы манипуляции научным знанием мы наблюдаем и в современной схоластике.

² Данный признак формировался под сильным давлением на науку и философию политической идеологии, которая в XX веке фактически превратила их в своих «безропотных рабов». Именно политическая идеология заставляла науку и философию идти на сделку с совестью и в угоду конъюнктурным политическим веяниям искажать объективные научные и философские данные. Политическая идеология становилась

3. *Догматизация*: она проявляется в том, что относительно истинное знание или даже недостоверное знание возводится в ранг абсолютной истины, которая не требует дополнительных доказательств и воспринимается исключительно на веру; наличие в догме недостоверности приводит к необходимости маскировать, прятать это расхождение между формой и содержанием; последнее обстоятельство и приводит к двум последующим признакам схоластики – формализму и фальсификации¹.

4. *Формализация*: поверхностное отношение к формулированному знанию, когда исследователи «закрывали глаза» на явное логическое или теоретическое разногласие. Для него характерно повторение без понимания уже известных всем «истин». Формализм означал косметическое приукрашивание или сглаживание противоречий, создание некой удовлетворяющей всех «иконы», подменяющей собой Истину².

5. *Эклектизм*: само понятие происходит от греческого «*eklektikos*» (выбирающий) и означает механическое соединение разнородных, часто противоположных принципов, взглядов, теорий, элементов и т.д.; произвольный выбор сочетания элементов, каждый из которых имеет качественной смысл и назначение; отсутствие системного изложения и хаотичный набор внутренне не связанных, но внешне вроде бы правильных знаний.

6. *Казуистика*: схоластическая казуистика означает ловкость и изворотливость в доказательствах (обычно ложных или сомнительных положений), а также крючкотворство (придирка к терминам, заявка на якобы существующую необходимость уточнения их значений).

7. *Имитация науки*: подделка (от лат. *imitatio* – подражание) под научную деятельность; надуманное конструирование смыслового ряда, по форме напоминающего науку, но не соответствующий по своему содержанию; сопровождается терминологическим хаосом (и даже привлечением ненаучных терминов), методологической казуистикой и теоретической эклектикой.

8. *Фальсификация* (буквально – «производство лжи»): «подгон» и «переделка» под «идеологические интересы» объективных научных и философских знаний; фальсификация есть открытый разрыв ученого с истиной и с профессиональной этикой; самым ярким (и крайним по

«священной коровой», в храме которой наука и философия выполняли функции прислуги.

¹ Догматизация проявляется не только в том, что кем-то по своему усмотрению (т.е. совершенно субъективно) было определено абсолютно истинное знание, которому поклонялись все и подчинялось всё, но и в том, что одна и та же тема могла многократно обыгрываться, и развитие ее шло не путем приращения принципиально нового знания, а путем уточнения и обыгрывания различного рода терминологии.

² Формализм маскирует возникающее несоответствие между формой и содержанием тогда, когда «истина» провозглашается по форме, а по своему содержанию она представляет собой заблуждение или не вполне достоверное знание.

степени вредоносности) примером фальсификации является плагиат, но наиболее распространенным (обыденным) видом – умолчание или преднамеренная небрежность в работе с первоисточниками, свидетельствующая о низком культурном и профессиональном уровне «ученого»¹.

9. «*Милитаризация*»: несоответствие между формой и содержанием «научного» знания приводит к необходимости его идейной защиты (апологии). Воинственность стала главным средством защиты незыблемых (как считалось) постулатов идеологии. Для такого рода схоластики любой выход за четко определенные параметры означал контакт с инакомыслием, которое могло разрушить выстроенную ей «Вавилонскую башню». Поэтому схоластика всегда воинственно была настроена к альтернативным вариантам и заявляла об их ложности. Так, в эпоху развитого социализма политология считалась буржуазной лженаукой, а единственно верным ее вариантом был объявлен «научный коммунизм», который подменял собой саму эту науку. Философия и наука занималась в это время тем, что обслуживали «войну идеологий»².

Обращает на себя внимание тот факт, что указанные выше признаки представляют собой четко взаимосвязанную «систему», где каждый последующий признак вытекает из предыдущего или связан с ним.

Еще одной общей характеристикой схоластики является ее несовместимость с творчеством, с критическим духом подлинного исследования истины, поскольку мышлению навязывается уже готовый, подогнанный под желаемые кем-то выводы, вариант решения проблемы. Отсутствие творчества указывает на отсутствие свободы духа, на рабскую покорность и зависимость от ортодоксальной доктрины и полное подчинение ей. Для борьбы со схолистикой наиболее эффективными приемами являются методы *верификации*, фальсификации и герменевтики.

Герменевтика схоластики находится на уровне работы в рамках компилятивного и комментаторского исследования текстов, господства субъективизма и произвольности в оперировании понятиями и терминами (так называемая «словесная эквилибристика»), а также совершенно формально-логический способ аргументации. Ее основными «методами»

¹ В связи с этим широко используется принцип: «если научные данные противоречат господствующей политической идеологии, то тем хуже для самой науки». Фальсификация стала средством идеологической борьбы, поэтому все «идеологические войны» последнего времени стали войнами одних политических и научных «мифов» с другими.

² Для политической литературы эпохи развитого социализма характерны названия, содержащие такие ключевые слова, как «борьба», «фальсификация», «критика» и т.п., характеризующие именно воинственность марксистской идеологии эпохи ее духовного, идейного упадка.

являются – цитатничество, начетничество и компилятивность. В таком случае мышление полностью замыкается само на себе и воспринимает эмпирический метод менее достоверным в сравнении с рациональным методом исследования. Таким образом, схоластика представляет собой доведенный до полного абсурда рациональный метод исследования, когда самосознание проецируется на окружающий мир без учета объективных реалий.

Схоластика в науке характеризует эпоху застоя. Происходит не только переосмысление ранее выдвинутых «блестящих научных теорий», но и частичное их опровержение, продиктованное несоответствием с наступившим будущим. Мир приходит в себя от бурных потрясений великих открытий и оказывается, что эти открытия были не столь уж и великими. Наступает время научного скепсиса, когда наследники «великих идей» начинают их адаптировать к новой действительности, не замечая при этом, как превращают науку в схоластику.

То, что в настоящее время ни в науке, ни в философии, ни в религии не наблюдается существенного прорыва, можно отчасти объяснить усилением именно схоластических тенденций в этих сферах человеческих знаний. Наука и философия как бы замерли в ожидании чего-то нового. Эта тишина обычно бывает перед бурей. Одни видят надвигающийся шторм в образе открытия контакта с инопланетным разумом, другие – в глобальной техногенной катастрофе человечества, третьи – в мировом кризисе религиозного сознания и т.п.

Но у схоластического принципа есть и свои плюсы. Все сказанное выше в большей степени характерно для естественнонаучных дисциплин. А. Эйнштейн, например, считал, что физика лишь страдает от того, что схоластика вмешивается в процессы¹. С этим трудно не согласиться. Но есть такие отрасли научного знания, где схоластика оказывается вполне приемлемым средством познания окружающего мира, – это, в частности, юриспруденция, отчасти политология, психология и даже философия. Там, где к схоластике примешивается хотя бы одна капля творчества, она просто преображается и становится всем чем угодно, но только не самой собой в ее классическом варианте.

13. Инновационные программы. Инновации часто граничат с тем, что принято называть антинаукой (квазинаукой), или ересью. Поскольку научная картина мира (НКМ) обладает определенным иммунитетом, направленным на сохранение конкретного концептуального основания, не всё полученное в ходе научного поиска знание принимается ей в качестве научного.

Традиционная наука в штыки встречает принципиально новые знания, видя в них угрозу господства своего авторитета. Поэтому академии

¹ Эйнштейн А. Физика и реальность. М., 1965. С. 62.

наук могут представлять собой не только храм и хранителей научной элитной мысли человечества, но и выступать в роли инквизиции. Особенно это характерно для научных сообществ тоталитарных и авторитарных политических режимов.

Инновационное знание означает нахождение принципиально нового варианта поиска Истины, требующего максимального использования творческого потенциала личности ученого. Именно творчество заметно отличает инновационное познание от схоластического. Схоластика есть выхолащивание творчества, его имитация. Поэтому в инновационном знании первое место занимает философия творчества, уходящая в тайны человеческого гения. Гениальное всегда есть инновационное. Но вслед за гением идет схоласт. Он как дворник подметает опавшую за гением листву, стирает о нем истинное знание и выстраивает мир по своему образу и подобию. На одного гения приходится несколько тысяч схоластов.

Процесс развития инновационного знания предусматривает отказ или даже слом устаревшего традиционного знания, в котором были обнаружены следы явного заблуждения. В таком случае инновационному знанию никак не обойтись без критики (верификации и фальсификации) схоластики. Знание становится схоластикой тогда, когда появляется инновация и когда научный ум отказывается в силу различных причин признать в «старом знании» заблуждение и начинает его отстаивать всеми возможными средствами.

Исследования американских ученых в области философии техники (Э. Лейтон) показали, что только 9 % из технологических инноваций «имели в качестве своего источника новейшие научные достижения, а 91 % имели в качестве своего источника предшествующие технологии. Из выявленных 9 % инноваций только 0,3 % имели источник в области фундаментальных исследований. Все это убедительно показывает, сколь незначительна сиюминутная отдача науки и насколько затруднен процесс движения новейших научных разработок в сферу технологии и производства»¹.

Если материальные выгоды инновации разработчиками не доказаны тем, кто будет внедрять на практике, то ее судьба может сложиться весьма печально. Поэтому у всякой инновации всегда должно быть на высоте рекламное сопровождение. Мониторинг и маркетинг науки всегда должны соответствовать друг другу. Но если *научный мониторинг* предшествует научной деятельности, то *научный маркетинг* сопровождает результаты научной деятельности в процессе их непосредственного внедрения в практику.

¹ Основы философии науки / В.П. Кохановский, Т.Г. Лешкевич, Т.П. Матяш, Т.Б. Фатхи. Ростов н/Д., 2004. С. 571.

Инновация есть максимальное применение духом своего творческого потенциала в деле познания нечто нового и с целью преодоления схоластики. Поэтому инновация всегда сопровождается верификацией полученного знания.

Именно столкновение интересов новации и схоластики приводит к возникновению в науке конфликтов. *Научный конфликт* – двигатель научного прогресса. Он позволяет сделать наиболее адекватный выбор научной позиции в процессе селекции научного знания. Честное (открытое) столкновение научных идей – необходимое для продвижения вперед научной мысли действие (акт). Но ситуация в корне меняется, когда вместо «столкновения научных идей» происходит столкновение каких-то посторонних (ненаучных) интересов конкретных ученых или даже неких научных сообществ. Научный спор не должен превращаться в сведение личных счетов между учеными, школами или даже целыми науками¹. Поэтому научный конфликт никогда не должен выходить за рамки научной профессиональной этики.

Но самой главной ценностью всего процесса научного познания является творчество. Наука без творчества сразу же превращается в схоластику, ибо до бесконечности начинает рутинно перебирать (пересматривать) уже существующие положения, постоянно зачем-то их добавляя, пересматривая и тут же опровергая. Когда наука замыкается исключительно на одной себе, она отворачивается от инновации в сторону схоластики.

Основные понятия и термины

Гипотеза — это некоторое предположение или система предположений о связи между явлениями, о закономерном порядке вещей. Роль гипотезы в познании обуславливается двумя обстоятельствами. Во-первых, гипотеза выступает как форма перехода знания от эмпирического уровня к теоретическому (например, факты – гипотеза – теория). Во-вторых, взятая более широко гипотеза в контексте развивающего знания представляет собой прорыв в неизвестное, передний край науки. И в этом плане она объединяет, синтезирует и эмпирическое, и теоретическое знания, опережая их собственное развитие. В этой связи говорят о гипотетико-дедуктивной модели развития знания².

¹ Классическим примером здесь может служить «научная» деятельность академика (с 1939 г.) Т.Д. Лысенко (1898 – 1976), главного гонителя отечественной генетики в СССР эпохи сталинизма. Выдвинутая им самим концепция наследственности была признана антинаучной, а ошельмованные им ученые-генетики (среди которых академик Н.И. Вавилов (1887 – 1943) были признаны жертвами сталинских репрессий.

² Меркулов И.П. Гипотетико-дедуктивная модель и развитие научного знания. М., 1980.

Закон – необходимое, существенное, устойчивое, повторяющееся отношение между явлениями в природе и обществе; он носит объективный характер и существует независимо от сознания людей. Понятие *закон* родственно понятию сущности. Внутренней опорой *закона* служат «постоянные величины» – константы (лат. constans – постоянный, неизменный). Спецификой *закона* является то, что он имеет организующую и направляющую силу: у Гераклита Логос выступает как мировой *закон* (судьба), которому подчиняется развитие всех вещей и людей; у Анаксагора – это мировой разум, упорядочивающий хаос геометрией, лежащий в основании всего существующего; Демокрит считал, что все в мире возникает и совершенствуется в силу необходимости, выступающей у него в качестве некоторой органически присущей природе силы¹.

Обычно термин *закон* употребляется в двух смыслах: 1) «Logos» (греч.), как необходимая связь явлений (*закон* природы и мышления) и 2) «Lex» (латин.) как обязательное для людей общественное установление (*закон* государства и юриспруденции). Выделяются три группы *законов*: 1) частные, или специфические; 2) общие и 3) универсальные, или всеобщие. В задачу науки входит познание *законов*.

Научный маркетинг (англ. marketing, от market – рынок) – одна из современных систем управления и организации деятельности по разработке новой продукции, производству и сбыту товаров или предоставлению услуг; *научный маркетинг* – сопровождающий научный процесс – «служба», рекламирующая и продвигающая данные научной деятельности в практику. Многие научные открытия (особенно фундаментального характера) не сразу находят свое применение в жизни. Инерция общественного мышления затрудняет продвижение и внедрение «научного ноу-хау» в практику.

Научный мониторинг (лат. monitor – напоминающий, надзирающий, наблюдающий) – наблюдение, оценка и прогноз состояния интересующей науку действительности в связи с деятельностью человека; *научный мониторинг* – предшествующий научной деятельности процесс, выявляющий наиболее востребованные (актуальные) в действительности научные темы, внедрение которых существенно может улучшить реальное состояние чего-либо. Различают три степени мониторинга: 1) глобальный (мега-уровень); 2) региональный (макро-уровень); 3) локальный (микро-уровень). *Научный мониторинг* определяет перспективы развития научного знания и самих научных дисциплин, поэтому от него больше ожидают выполнения прогнозирующей функции – обоснования и доказательства необходимости развития конкретной отрасли научного знания.

¹ Философская энциклопедия. М., 1962. С. 149.

Принцип (лат. *principium* – начало, основа) имеет три традиционных значения: 1) основное исходное положение какой-либо теории, учения, науки, мировоззрения; 2) внутренняя убежденность человека, определяющая его отношение к действительности, нормы поведения и деятельности; 3) основа устройства или действия какого-либо прибора, машины и т.п.¹

Элитность в науке – высокого качества научное знание, имеющее принципиально важное значение для развития всего последующего научного знания. Оно является свидетельством того, что в науке активно идет процесс селекции передового знания и структурирование новых научных дисциплин. Но сам факт обнаружения элитности в науке может способствовать самоидентификации научного знания и рождению новой отрасли науки.

Выделяется два значения данного термина: 1) «субъектное» – относящееся к личности ученого: элитность в науке есть качество, указывающее на то, что данный представитель научного мира имеет положительный и всеми общепризнанный результат в реализации своих творческих способностей и возможностей; 2) «объектное» – относящееся к самому научному знанию: оно представляет собой «несущую конструкцию», являющуюся основой для всего остального научного построения.

Элитным в науке является лишь только то знание, которое может выступать в качестве основания для всего остального знания и без которого это «новое» не может никак обойтись. В любой науке существует своя система законов, аксиом и догм, которые составляют ее костяк и которые в ближайшем будущем не могут быть опровергнуты в качестве ненаучного знания другими более совершенными научными системами.

Именно поэтому *принцип элитности* занимает одно из ведущих мест в числе основных принципов научного познания. Поскольку наука постоянно нацелена на поиск нового знания, а поиск предполагает принятие решения по выбору того или иного варианта «ответа», то в процессе научного познания постоянно происходит отбор достоверного или истинного знания. Научный поиск есть реализация на практике принципа селекции научного знания. В результате «избирается» то знание, которое становится «избранным» (т.е. «лучшим» – «elite»).

Язык – система кодов, принятых определенной общностью людей и находящих свою реализацию в речи человека. «Я» неразрывно связан с мышлением и является средством хранения и передачи информации, одним из средств управления человеческим поведением. «Я» выступает средством раскрытия сущности человека, его личности². Каждый человек

¹ Советский энциклопедический словарь. М., 1988. С. 1061.

² Философский словарь. М., 1991. С. 551.

говорит по-своему, даже если на том же языке, что и другие. Каждый человек «представляет собой особый мир, прежде всего и почти исключительно, благодаря своему языку»¹. Частные языки отделяют группу людей от группы, а речь – личность от личности.

Афоризмы

«Я мыслю, следовательно, я существую» (Р. Декарт)

«Самое лучшее из всех доказательств есть опыт, если он коренится в эксперименте» (Ф. Бэкон).

*«Много лет размышлял я над жизнью земной,
Непонятного нет для меня под луной.*

*Мне известно, что мне ничего не известно, -
Вот последняя правда, открытая мной»... (Омар Хайям)*

«Гений - это природожденное свойство души, через которое природа дает искусству правила»; гений - это талант создавать то, для чего не может быть никаких правил, следовательно, оригинальность должна быть его первым свойством: «Его продукты в то же время должны быть и образцами, то есть образцовыми, значит... должны давать пример для подражания другим» (И. Кант).

«Противоречие есть критерий истины, отсутствие противоречия - критерий заблуждений» (Г.Ф.В. Гегель).

«Теория, мой друг, суха, // Но зеленеет жизни древо» (И.В. Гете, «Фауст»).

«Великим основным вопросом всей, в особенности новейшей, философии, является вопрос об отношении мышления к бытию», а так же извечная проблема познаваемости мира...» (Ф. Энгельс).

«Поиски правдоподобия, представляют собой более ясную и реалистическую цель, нежели поиск истины» (К. Поппер).

«Истиной прагматизм признает то, - и это единственный его критерий истины, - что лучше всего подходит к каждой части жизни» (У. Джеймс).

«Мысль «истинная» постольку, поскольку вера в нее выгодна для нашей жизни» (У. Джеймс).

Библиографический список

1. Карабущенко, П. Л. Триады политического сознания: массы – элиты – лидеры / П. Л. Карабущенко. – Астрахань, 2004.
2. Кохановский, В. П. Философия для аспирантов: Учебное пособие / В. П. Кохановский, Е. В. Золотухина, Т. Г. Лешкевич, Т. Б. Фатхи. – Ростов н/Д., 2002.
3. Лешкевич, Т. Г. Философия науки: традиции и новации / Т. Г. Лешкевич. – М., 2001.
4. Никифоров, А. Л. Философия науки: история и методология / А. Л. Никифоров. – М., 1998.

¹ Бибихин В.В. Язык философии. М., 1993. С. 41.

5. Основы философии науки / В. П. Кохановский, Т. Г. Лешкевич, Т. П. Матяш, Т. Б. Фатхи. – Ростов н/Д., 2004.
6. Рорти, Р. Философия и зеркало природы / Р. Рорти. – Новосибирск, 1997.
7. Философия и методология науки / под ред. В. И. Купцова. – М., 1996.
8. Франк, Ф. Философия науки / Ф. Франк. – М., 1960.

5. ОБЩАЯ МЕТОДОЛОГИЯ ФИЛОСОФИИ И НАУКИ

(Карабущенко П.Л.)

Перед методологией стоит главная цель – обеспечить научное и философское познание выверенными нормами и приемами исследования. Методология представляет собой совокупность способов организованной научной деятельности, имеющие нормативно-рациональные основания. Методология устанавливает качество методов и исследует их взаимосвязь в процессе научно-философской деятельности субъекта познания. Качество методологии отражается на творческой деятельности и конечном результате ученого.

1. Методология: основные параметры. В переводе с греческого «*methodos*» означает «путь к чему-либо». В самом широком смысле, *метод** – это способ достижения цели, определенным образом упорядоченная деятельность. В основе метода, как правило, лежат объективные законы действительности.

Традиционно под *методологией** понимают систему принципов научного исследования. Именно методология определяет, в какой мере собранные факты могут служить реальным и надежным основанием объективного знания. С формальной точки зрения, методология не связана с сущностью знания о реальном мире, но скорее имеет дело с операциями, при помощи которых конструируется знание. Поэтому термином «методология» принято обозначать совокупность исследовательских процедур, техники и методов, включая приемы сбора и обработки данных.¹

Содержательное понимание методологии исходит из того, что в ней реализуется эвристическая (т.е. поисковая) функция предметной области исследования. Любая теоретическая система знания имеет смысл лишь постольку, поскольку она не только описывает и объясняет некоторую

¹ См.: Ядов В.А. Социологические исследования: методология, программа, методы. Самара. 1995. С.31.

предметную область, но одновременно является инструментом поиска нового знания.¹

Обычно социологами выделяются три основные методологические функции теории: 1) ориентирующую, 2) предсказательную и 3) классифицирующую. Первая направляет усилия исследователя в отборе данных, вторая опирается на установление каузальных зависимостей в некоторой специальной области, а третья помогает систематизировать факты путем выявления их существенных свойств и связей, т.е. не случайно.² Высший уровень методологии диктует соблюдение общенаучных требований, которые не остаются неизменными. Общенаучные методологические принципы разрабатываются в логике и методологии научного исследования, являются, таким образом, следствием продвижения, развития философского знания.³

Каждое новое столетие привносит в науку свои новые методы исследования. XX в. вообще можно считать временем становления современной методологии. Каждая вновь возникающая научная дисциплина и теория в первую очередь заботится о том, чтобы создать надежную методологическую базу. Как справедливо заметил ведущий российский психолог *Лев Семенович Выготский* (1886 – 1934), поиск метода становится одной из важнейших задач любого серьезного исследования. «Метод в таких случаях является одновременно предпосылкой и продуктом, орудием и результатом... Метод должен [всегда] быть адекватен изучаемому предмету». Необходимость систематического изложения проблемы, по его мнению, заставляет нас уже в самом введении к своей работе обращаться к описанию нашей методологии.⁴

Сами методы можно разделить на два больших блока: 1) философские (имеющие общий для всех характер) и 2) научные (представляющие собой частные для каждого научного направления), которые в свою очередь подразделяются на: общенаучные, частнонаучные и междисциплинарные.

2. Методы философского исследования. Философия имеет специфический предмет исследования и имеет ряд собственных методов. Еще Гегель четко заявил об имманентности метода предмету, пропагандируя диалектику в противоположность метафизики. Метафизический метод философского исследования со времен Аристотеля преследовал попытки открыть за текущей действительностью нечто

¹ Ашин Г.К., Бережнова Л.Н., Карабущенко П.Л., Резаков Р.Г. Теоретические основы элитологии образования. М., 1998. С.190-191.

² Куприян А.П. Методологические проблемы социального эксперимента. М., 1971. С.12.

³ См.: Философия и методология науки. М., 1996.

⁴ Выготский Л.С. Собрание сочинений. Т.3. Проблемы развития психики. М., 1983. – С.41.

устойчивое. Гегель именно действительность взял отправной точкой философствования и возвел в метод. Он был новатором использования диалектики как метода, пригодного для всех философских исследований.

Применение метода связано с основной содержательной установкой. Если признавать идеи существующими автономно, к ним надо приходиться с помощью диалога и созерцания (Сократ, Платон); если идеи пребывают в вещах, последние надо исследовать (Аристотель); если идеи существуют в человеке - испытывать природу с их помощью (И. Кант); если идеи переходят из одной формы в другую, нужен некий синтетический метод - диалектика, в который входят и диалог с созерцанием, и исследование, и испытание. В одном случае Дух спорит и созерцает, в другом - следует природе, в третьем - пытается ее, расчлняя, в четвертом - природа предстает как саморазвивающаяся идея.

К философским методам относят *метафизику*, *диалектику*, *догматику* (восприятие мира через призму абсолютизированных суждений), *эклетику* (произвольное соединение фактов и идей, не имеющих особых связей между собой), *софистику* (доказательство какого-либо положения независимо от того, являются ли истинными те аксиомы, на которые оно опирается), *герменевтику* (искусство толкования текста).¹ Основными методами считаются диалектический и метафизический: (а) *диалектический метод* рассматривает явления в их развитии и изменении, в связях с другими явлениями; (б) *метафизический метод* рассматривает явления в качестве самостоятельных, неизменных объектов.

Диалектика (линия Гераклита)	Метафизика (линия Парменида)
Основные принципы	
1) Принцип всеобщей связи; 2) Принцип противоречия; 3) Мир изменяем.	1) Принцип локальности; 2) Принцип не противоречия; 3) Принцип неизменности
Диалектический метод	МЕТАФИЗИЧЕСКИЙ МЕТОД
(1) ОТНОШЕНИЕ К МИРУ	
Рассматривает любое явление в его связи со всеми остальными явлениями, т.е. смотрит на мир как на некое универсальное целое.	Мир представляет собой совокупность самостоятельных, неизменных сущностей, которые могут быть «классифицированы», т.е. распределены по строго отграниченным друг от друга родам сущего.
(2) отношение к противоречию	

¹ См.: Агафонова М.Ю., Обухов Д.В., Шефель С.В. Философия. Ростов н/Дону. 2003. С.32-33.

Рассматривает противоречие в качестве составной части, которую невозможно отрицать и игнорировать.	Ориентируется на построение картины мира, в которой не имелось бы противоречий.
(3) количество и качество	
Не отрицая количественных изменений, обращает особое внимание на качественные изменения, т.е. переход одних явлений и процессов в другие.	Любые изменения – это лишь количественные изменения, которые не затрагивают сущностей.
(4) отношение к развитию	
Развитие приводится в движение противоречиями, которые присущи самому объекту, а, следовательно, имеет внутренние причины.	Любой источник изменения размещает вне исследуемого объекта, т.е. предполагает, что любое изменение вызывается какими-то внешними силами.

Итак, (1) согласно диалектики: а) мир противоречив; б) динамичен и в) находится в постоянном изменении; (2) согласно метафизики: а) мир не противоречив; б) статичен и в) неизменен.

3. Методология: от философии к науке. Обычно методологией называют систему принципов научного исследования. Именно методология определяет, в какой мере собранные факты могут служить реальным и надежным основанием объективного знания. С формальной точки зрения, методология не связана с сущностью знания о реальном мире, но скорее имеет дело с операциями, при помощи которых конструируется само знание. Поэтому термином «методология» принято обозначать совокупность исследовательских процедур, техники и методов исследования.

Содержание понимание методологии исходит из того, что в ней реализуется эвристическая (т.е. поисковая) функция предметной области исследования. Любая теоретическая система знания имеет смысл лишь постольку, поскольку она не только описывает и объясняет некоторую предметную область, но одновременно является инструментом поиска нового знания.

Традиционно выделяют три основные методологические функции: (1) ориентирующую, (2) предсказательную и (3) классифицирующую. *Первая* направляет усилия исследования в отборе данных, *вторая* опирается на установление каузальных зависимостей в некоторой специальной области, а *третья* – помогает систематизировать факты путем выявления их существенных свойств и связей.

Высший уровень методологии диктует соблюдение общенаучных требований, каковые не остаются неизменными. Общенаучные

методологические принципы разрабатываются в логике и методологии научного исследования, являются, таким образом, следствием продвижения развития философского знания.¹

В процессе развития познания выработались такие общие принципы научного мышления как:

(1) **ИНДУКЦИЯ** (лат. *inductio* – наведение) – форма умозаключения обеспечивающая переход от единичных фактов к общим положениям (Аристотель, Ф. Бэкон, И. Ньютон).

(2) **ДЕДУКЦИЯ** (лат. *deductio* – выведение) – в широком смысле под дедукцией понимается любой вывод вообще; в наиболее употребительном смысле – доказательство полученное из единого или нескольких утверждений (посылок) на основе законов логики, носящее достоверный характер (Р. Декарт).

(3) **АНАЛИЗ и СИНТЕЗ** (греч. *analysis* – разложение и *synthesis* – соединение) – логические приемы мышления, совершающиеся при помощи абстрактных понятий; в самом общем значении – процессы мыслительного разложения целого на составные части и воссоединения целого из частей; цель – получение новых знаний.

(4) **АНАЛОГИЯ** (греч. *analogia* – соответствие) – умозаключение по аналогии – вывод о наличии сходства определенных признаков нетождественных объектов на основании фиксации сходства некоторых сторон, качеств или отношений.

(5) **СРАВНЕНИЕ** – сопоставление объектов с целью выявления черт сходств или различия между ними; является важной предпосылкой обобщения и играет большую роль в умозаключениях по аналогии.

(6) **ЭКСПЕРИМЕНТ** (лат. *experimentum* – проба, опыт) – исследование какого-либо явления путем активного воздействия на него при помощи создания новых условий, соответствующих целям исследования.

(7) **НАБЛЮДЕНИЕ** – целенаправленное и организованное восприятие внешнего мира, доставляющее первичный материал для научного исследования.

(8) **ОБОБЩЕНИЕ** – логический процесс перехода от единичного к общему, отнесение общего к еще более общему знанию.²

4. Три аспекта бытия науки. В современной философии науки традиционно выделяют три аспекта бытия науки: 1) наука как познавательная деятельность, 2) наука как социальный институт и 3) наука, как особая сфера культуры.

¹ См.: Ядов В.А. Социологические исследования: методология, программа, методы. Самара. 1995. С.31-32.

² См.: Философский энциклопедический словарь. М., 1990; Философский словарь. М., 1991.

(а) Особенности научного познания. В чем заключаются основные особенности *научного познания*, или критерии научности? В ответе на данный вопрос следует выделить следующие стороны (признаки):

(1) основная задача научного познания - обнаружение объективных законов действительности (природных, социальных, законов самого познания, мышления и др.). Таким образом, основным признаком науки, основной ее особенностью - открытие законов, углубление в сущность изучаемых явлений;

(2) на основе знания законов функционирования и развития исследуемых объектов наука осуществляет предвидение будущего*¹ с целью дальнейшего практического освоения действительности. Наука всегда должна быть нацелена не только на исследование того, что уже существует в действительности, но и на то, как эта действительность будет выглядеть «завтра»? Ориентация на реальное будущее является важной отличительной чертой научного познания.²

(3) Еще одним важным признаком научного познания является его системность, - совокупность знаний, приведенных в порядок на основании определенных теоретических принципов, которые и объединяют отдельные знания в целостную органическую систему. Собрание разрозненных знаний («суммарное целое»), не объединенных в систему, еще не образует науки. Знания превращаются в научные, когда целенаправленное собирание фактов, их описание и обобщение доводится до уровня их включения в систему понятий, в состав теории.³

(4) Постоянная методологическая рефлексия: изучение объектов, выявление их специфики, свойств и связей всегда сопровождается осознанием методов и приемов, посредством которых исследуются данные объекты. Хотя наука в сущности своей рациональна, но в ней всегда присутствует иррациональная компонента, во многом определенный личностью самого ученого.

(5) Непосредственная цель и высшая ценность научного познания — объективная истина, постигаемая преимущественно рациональными средствами и методами. Из этого вытекает следующая характерная черта научного познания - объективность.* Существенной характеристикой научного познания, отличающая его от других форм познавательной деятельности - постоянная ориентация на истину, признание ее самоценности, непрерывные ее поиски в трудных и сложных условиях.

(6) Еще одним важнейшим показателем (критерием) научности является процесс воспроизводства знаний, образующих целостную развивающуюся систему понятий, теорий, гипотез, законов и других идеальных форм, закрепленных в языке.

(7) В процессе научного познания применяется т.е. «научное оборудование»: 1) специфические материальные средства (приборы, инст-

¹ См.: Кохановский В.П. Философия и методология науки. Ростов-на-Дону. 1999. С.24.

² Там же. С.23-24.

³ Там же. С.26.

рументы – для технических, точных и естественных наук) и 2) *идеальные (духовные) средства* и методы (логика, математические методы, диалектика, системный, синергетический и др. приемы и методы – для социально-гуманитарных наук).

(8) Научному познанию присущи строгая доказательность, обоснованность полученных результатов, достоверность выводов. Вместе с тем здесь немало гипотез, догадок, предположений, вероятностных суждений и т.п. Вот почему тут важнейшее значение имеет логико-методологическая подготовка исследователей, их философская культура, постоянное совершенствование (элитизация) мышления ученого, умение правильно применять научные законы и принципы.¹

(б) Субъект и объект. Следует также всесторонне разобраться с такими категориями, как ОБЪЕКТА и СУБЪЕКТА научного познания, взаимоотношение между которыми включает в себя четыре необходимых компонента в их единстве:

1) *СУБЪЕКТ НАУКИ* — ключевой ее элемент, которым являются отдельный исследователь, научное сообщество, научный коллектив, в конечном счете — общество в целом. Именно субъекты науки и исследуют свойства, стороны и отношения объектов и их классов (материальных или духовных) в данных условиях и в определенное время. Научная деятельность всегда требует специфической (профессиональной) подготовки познающего субъекта, в ходе которой он осваивает предшествующий и современный ему концептуальный материал, сложившиеся средства и методы его постижения, делает их своим достоянием, учится грамотно им оперировать, усваивает определенную систему ценностных, мировоззренческих и нравственных ориентации и целевых установок, специфичных именно для научного познания.

2) *ОБЪЕКТ (предмет, предметная область)* - то, что именно изучает данная наука или научная дисциплина и что непосредственно противостоит субъекту науки; это - все то, на что направлена мысль исследователя, все, что может быть описано, воспринято, названо, выражено в мышлении. По мере развития знаний об объекте открываются новые его стороны и связи, которые становятся предметом познания. Поэтому, понятие «предмет» может быть использовано для выражения системы законов, свойственных данному объекту (например, предмет диалектики — всеобщие законы развития). Различные науки об одном и том же объекте имеют различные предметы познания (например, анатомия изучает строение организма, физиология — функции его органов, медицина — болезни и т. п.).

3) *СИСТЕМА МЕТОДОВ И ПРИЕМОВ* – для каждой науки или научной дисциплины характерно свое своеобразие методов, приемов и терминов.

4) *ЯЗЫК* - у каждой научной дисциплины имеется свой язык научного познания, который представляет собой систему различных

¹ Там же. С.28.

знаков, символов, математических уравнений, химических формул и т.п.¹ Развитие языка напрямую зависит от развития науки. По мере проникновения во все новые области объективного мира, язык развивается, совершенствуя свою собственную природу.²

(в) Практика. С точки зрения философии науки, *практика и познание* — это две взаимосвязанные стороны единого исторического процесса, но решающую роль здесь играет *практическая деятельность*. Это целостная система совокупной материальной деятельности человечества во всем его историческом развитии. Ее законами являются законы самого реального мира, который преобразуется в этом процессе.

Важнейшие *формы практики*: 1) материальное производство (труд), преобразование природы, естественного бытия людей; 2) социальное действие - преобразование общественного бытия, изменение существующих социальных отношений определенными «массовыми силами» (революции, реформы, войны, преобразование тех или иных социальных структур и т. п.); 3) научный эксперимент - активная (в отличие от наблюдения) деятельность, в процессе которой исследователь искусственно создает условия, позволяющие ему исследовать интересующие его свойства объективного мира.

Выделяют 4 основные функции практики в процессе научного познания:

1) Практика является *источником* познания потому, что все знания вызваны к жизни главным образом ее потребностями, хотя не всегда, конечно, открытия в науке делаются непосредственно «по заказу» практики (имеет место быть также и «Его величество случай»).

2) Практика выступает как *основа* научного познания, его движущая сила, ибо весь познавательный процесс, начиная от элементарных ощущений и кончая самыми абстрактными теориями обуславливается задачами и потребностями объективной или субъективной практики. Именно практика ставит перед познанием определенные проблемы и требует их решения.

3) Практика является опосредованно *целью* научного познания, ибо оно осуществляется не ради простого любопытства, а для того, чтобы направлять и регулировать деятельность людей. Научные знания возвращаются в конечном итоге обратно в практику и оказывают активное влияние на ее развитие. В этом смысле можно вывести своеобразную формулу: «практика — теория — практика²» (П-Т-П²). Задача человека состоит не только в том, чтобы познавать и объяснять мир, а в том, чтобы использовать полученные знания в качестве «руководства для действия» по его преобразованию, для удовлетворения материальных и духовных потребностей людей, для улучшения и совершенствования их жизни.

¹ Там же. С.31.

² Философия. Учебник для вузов. /Под ред. В.В. Миронова. М., 2005. С.595.

4) Практика представляет собой *решающий критерий истины* научного знания. Проверка знания «на истину» практикой (в той или иной ее форме) не есть какой-то одноразовый акт, или «зеркальное сличение», а она есть процесс, т.е. носит исторический, диалектический характер.

(г) Верификация и фальсификация. Процедура проверки научных положений выражается такими понятиями, как «верификация» и «фальсификация».

Понятие «*верификация*» (лат. *verificare* — истинный и делаю, т.е. доказывать истину) является одним из исходных принципов логического позитивизма, согласно которому истинность всякого утверждения о мире должна быть в конечном счете установлена путем его сопоставления с чувственными данными;¹ «*верификация*» - обозначает процесс установления истинности научных утверждений путем их эмпирической проверки. Последняя заключается в соотнесении данного утверждения с реальным положением дел с помощью наблюдения, измерения или эксперимента. Различают верификацию прямую (напрямую выходящую к фактам или экспериментальным данным) и опосредованную (выходящую к ним через другие проверенные положения).

Понятие «*фальсификация*» (лат. *falsus* - ложный и *facio* - делаю) обозначает процедуру, устанавливающую ложность гипотезы, теории или другого научного утверждения в результате их эмпирической проверки.² В процессе фальсификации доказывается ложность (т.е. научная несостоятельность) ранее высказанного утверждения.

Рассмотрим еще несколько методов научного исследования.

(д) Статистический метод. Название данного метода говорит само за себя. Статистический метод, или метод цитирования имеет своей целью выявление чистоты упоминания того или иного автора, термина или теории, для установления рейтинга их популярности и востребованности (актуальности).

Статистический метод применим как к социально-политическим феноменам, так и к тексту любого научного произведения. В последнем случае в рамках данного метода выявляются такие критерии, как: а) количественный и качественный показатели; б) прямая и косвенная (формальная) ссылка; в) прилагательный (например, «платонизм») и существительный (например, Платон) показатель; г) тематический и терминологический; д) показатель цитирования (или упоминания) в отечественной и зарубежной литературе.

Данный метод может показать динамику роста или убыли применения того или иного термина или даже целой системы терминов: так, например, после 1991 г. весь понятийный аппарат «Научного коммунизма» и «Истории КПСС» практически полностью исчезает со

¹ Философский словарь. М., 1991. С.63.

² Кохановский В. П. Философия и методология науки. Ростов-на-Дону. 1999. С.21-22.

страниц научной литературы и замещается более нейтральными (с идеологической точки зрения) терминами. С другой стороны, бывший в советское время под негласным запретом термин «элита» напротив получает весьма широкое (в том числе и не всегда совсем научное) распространение.

Статистический метод широко применяется к политическим и социальным феноменам и состоит в изоляции определенных частей изучаемого объекта в количественные переменные и концентрации на их взаимоотношениях. Однако, когда число случаев, из которых выделяются переменные, является небольшим, то статистический метод достигает границ своей полезности.¹

(е) Принцип историзма. В основе историзма лежит требование оценивать прошлое через призму развития (объективной диалектики). Марксизм считал, что принцип историзма заключается в том, что к объекту «надлежит подходить с точки зрения закономерного процесса его развития. Такой подход означает, что объект должен рассматриваться с точки зрения его внутренней структуры, причем не как механистическое множество отдельных элементов, связей, зависимостей, а как органическая совокупность этих структурных составляющих, как внутренне связанное и функционирующее целое, как система; с точки зрения процесса, т.е. во всей совокупности исторических зависимостей его внутренних составляющих, следующих друг за другом во времени; с точки зрения процесса именно развития, т.е. с учетом качественных изменений в его структуре в целом; наконец, с точки зрения процесса развития закономерного, т.е. характеризующегося определенными законами перехода от одного исторического состояния объекта, с одной структурой, к другому его историческому состоянию, с другой структурой».²

Ни одна современная наука не может обойтись без своей истории, которая бы раскрывала ей суть и этапы ее исторического становления. Поэтому специалисты, занимающиеся историей своей науки, во избежание современного субъективизма, должны руководствоваться принципом историзма. Многие выдающиеся ученые обращали на этот аспект своей деятельности внимание и охотно обращались за историческими примерами.

Уважение к историческому наследию столь же важный элемент научной работы, как и поиск чего-то принципиально нового. Одна из характерных особенностей «драмы идей» в физическом познании (и не только в нем) заключалась в том, что «успеха в прокладывании новых путей добивались именно те физики, которые соединяли в себе два необходимых качества: 1) чувство нового: они видели новые данные опыта, требующие изменения устоявшихся взглядов, они не отмахивались от нового. Они

¹ Сморгун Л.В. Современная сравнительная политология. М., 2002. С.43.

² Философская энциклопедия. В 5 т. М., 1962. Т.2. С.352.

активно искали пути объяснения новых фактов, не останавливаясь перед изменением устоявшихся теорий; 2) бережное уважение к наследию старого: эти физики понимали, что в физике XIX в. должно сохраниться все ценное, оправдавшее себя на опыте и практике».¹

«Взаимопонимание столетий и тысячелетий, народов, наций и культур обеспечивает сложное единство всего человечества, всех человеческих культур (сложное единство человеческой культуры), сложное единство человеческой литературы. Все это раскрывается только на уровне большого времени. Каждый образ нужно понять и оценить на уровне большого времени. Анализ обычно копошится на узком пространстве малого времени, то есть современности и ближайшего прошлого и представимого - желаемого или пугающего - будущего. Эмоционально-ценностные формы предвосхищения будущего в языке-речи (приказание, пожелание, предупреждение, заклинание и т.п.), мелко человеческое отношение к будущему (пожелание, надежда, страх); нет понимания ценностных непредрежденности, неожиданности, так сказать, «сюрпризности», абсолютной новизны, чуда и т.п. Особый характер {пророческого} отношения к будущему. Отвлечение от себя в представлениях о будущем (будущее без меня)».²

Академик П.Л. Капица писал в свое время, что: «...применение диалектики в области естественных наук требует исключительно глубокого знания экспериментальных фактов и их теоретического обобщения. Без этого диалектика сама по себе не может дать решения вопроса. Она как бы является скрипкой Страдивариуса, самой совершенной из скрипок, но чтобы на ней играть, нужно быть музыкантом и знать музыку. Без этого она будет так же фальшивить, как и обычная скрипка».³

(ж) Принцип сравнения (компаративизм). Сравнение как метод познания представляет собой выявления общего и особенного в изучаемых феноменах. Сравнение представляет собой способность человека ориентироваться в мире вещей и слов, посредством его чувств, представлений о ценностях, способности конструировать идеальные типы, производить понятия и т.д. Сравнения ведутся по целому ряду показателей: по количественным и качественным критериям, статического и динамического аспекта, исторического и современного, актуального и малозначительного, и т.д. Сравнительная область научного исследования лежит между эмпирическими данными (событиями и феноменами) и теорией и философией, черпая из последней гипотезы и проверяя их серийными наблюдениями.⁴

¹ Зельдович Я. Б., Хлопов М. Ю. Драма идей в познании природы. М., 1988. С. 11.

² Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С.370-371.

³ Капица П.Л. Эксперимент. Теория. Практика. М., 1987. С. 182.

⁴ Сморгунов Л.В. Современная сравнительная политология. М., 2002. С.41.

Исследователи отмечают, что «сравнение не тождественно эксперименту и его более слабому аналогу – статистическому методу, но логика сравнительного анализа в определенной мере сопоставима с логикой экспериментальной науки.

Еще одним методом научной проверки достоверности или ложности научного знания является *герменевтика*, метод, который может служить профилактикой и предупреждением проникновения ложного знания в науку.

5. Герменевтика. Термин «*герменевтика*» происходит от имени греческого бога торговли и информации Гермеса. Согласно мифу, Гермес прославился тем, что, будучи еще младенцем, украл у бога Аполлона стадо его священных коров. Разгневанный Зевс приказал малышу вернуть похищенное, а тот в обмен на это выторговал у него «должность» бога-министра торговли и информации, т.е. вестника богов. Гермес обещал отвечать за сохранность всей собственности богов (!) и, передавая людям божественную информацию, никогда не лгать, хотя и не обещал всегда говорить и всю правду.¹

По мнению известного германского философа и культуролога *Фридриха Эрнста Даниэля Шлейермахера* (1768 - 1834) истолкователь текста знает о тексте больше чем сам автор, ибо владеет большей информацией, т.к. имеет возможность сравнить этот текст с другими. Лучшее понимание выступает результатом историко-филологического анализа. Ф. Шлейермахером были выявлены основные принципы и методы герменевтического анализа; связь языка и индивидуального мышления человека в процессе понимания и общения; принцип единства грамматической и психологической интерпретаций; формулирует принцип «герменевтического круга», принцип диалектического взаимодействия части и целого при понимании текстов; формулирует (с некоторыми пояснениями) правила истолкования, где выявляет принцип зависимости понимания от знания внутренней и внешней жизни автора; принцип сотворчества автора и интерпретатора; метод перевода интерпретатором бессознательного пласта из жизни автора в план знания; метод построения гипотез, основывающихся на предварительном понимании.

В своих работах «Введение в науку о духе» (1883) и «Возникновение герменевтики» (1890) немецкий философ *Вильгельм Дильтей* (1833 - 1911) утверждает, что связующим звеном между философией и историческими науками является «учение об истолковании» (герменевтика), которую он понимал как средство воссоздания неповторимых и самозамкнутых культурных миров прошлого. Человека можно понять, если мы признаем царственную независимость его интеллекта от материальной жизни. В науке о духе важно внутреннее состояние.

¹ Грейвс Р. Мифы древней Греции. М., 1992. С. 44-45.

Он предлагает в науке о духе различать три типа высказываний: 1) высказывание о том, как представлены действительные восприятия; они содержат «историческую компоненту познания»; 2) абстрагирующие высказывания, «образуют теоретическую составляющую познания»; 3) «высказывания выражают оценочные суждения и предписывают правила, в них заключена практическая компонента наук о духе».¹ Взаимосвязаны все три типа, но третий как бы пронизывает все науки о духе, а первые два господствуют в естествознании.

Назначение наук о духе - уловить единичное, индивидуальное в исторически-социальной действительности, распознать действующие тут закономерности, установить цели и нормы ее дальнейшего развития. «Науки о духе» основываются на жизненном опыте. Естественные науки формулируют свои законы, абстрагируясь от чувственного опыта. В качестве отправного пункта В. Дильтей выдвигает жизнь. «Жизнь - фундаментальный факт и она должна быть отправной точкой философии. Она есть то, что мы знаем, исходя из нее самой, нечто такое, за пределы чего нельзя проникнуть».

Методом постижения реальной жизни В. Дильтей провозглашает «понимание», которое определяет следующим образом: «Пониманием мы называем процесс в ходе которого мы достигаем знания духовной жизни в результате обращения к объективациям духа, воспринимаемым нашими органами чувств». Эти объективации духа могут быть самыми разными, но В. Дильтей особо отмечает те, которые реализуются посредством языка: "Только в языке духовная жизнь находит свое наиболее полное выражение, обеспечивающее объективное".

В. Дильтей отмечал, что для понимания необходимы: 1) уподобление, перевоплощение духовному состоянию автора; 2) логические операции: индукция, дедукция, сравнение; 3) аналогии, которые обеспечивают возможность проникновения в духовный мир других индивидов. «Понимание» по В. Дильтею предполагает наличие такого априорного знания о нас самих, за пределы которого мы выйти не в состоянии, поскольку «понимаем» в других только то, что «понимаем» в себе самих.²

По его мнению, существуют два вида психологии: 1) «описательная»; 2) «объясняющая». «Объясняющая» психология изучает внутренний мир человека, опираясь на внешний опыт и на выдвижение гипотетических схем. Недостаток этой психологии - изучение психологических свойств индивида в отрыве от его общественной жизни и от материальных предпосылок.

¹ Дильтей В. Введение в науку о духе. // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX - XX в. М., 1987. С.129.

² Фольгер Я.Г. История возникновения и этапы эволюции философской герменевтики // Герменевтика: история и современность: (Критический очерк). М., 1985. С.47.

«Описательная» психология опирается на внутренний мир человека. На ее основе возникает комплекс наук о духе. Основной метод исследования - самонаблюдение. Внутреннюю жизнь мы понимаем, а не объясняем. Общество, по мнению В. Дильтея, понимается из постижения собственного духовного мира, т.к. члены общества аналогичны друг другу. Основа аналогии - родство человеческих душ.

«Кто хочет понять текст, - пишет Х.Г. Гадамер, комментируя хайдеггеровское понятие герменевтического круга, - тот всегда делает предположение. Он предполагает смысл целого, который кажется ему первым смыслом в тексте. Так получается потому, что текст читают уже со значительным ожиданием определенного смысла».¹

Крупнейший современный французский философ П. Рикер определяет герменевтику как «теорию операций понимания в их соотношении с интерпретацией текстов; слово «герменевтика» означает не что иное, как последовательное осуществление интерпретации».²

Истолкование тех или иных текстов требует соблюдения, по крайней мере, следующих минимальных условий:

(1) Необходимо знать язык, на котором написан текст. При этом всегда следует помнить, что перевод с этого языка на другой никогда не похож на оригинал. «Всякий перевод, всерьез относящийся к своей задаче, яснее и примитивнее оригинала. Даже если он представляет собой мастерское подражание оригиналу, какие-то оттенки и полутона неизбежно в нем пропадают».³ С другой стороны, Платон для русских всегда будет только в русском изложении (варианте), так как подлинный Платон всегда будет говорить только по-гречески...

(2) Нужно быть специалистом в той области, в которой работал автор того или иного сочинения. Абсурдно, например, неспециалисту в области античной философии заниматься интерпретацией произведений Платона.

(3) Нужно знать эпоху появления того или иного интерпретируемого письменного источника. Необходимо представлять себе, в связи с чем, данный текст появился, что хотел сказать его автор, каких мировоззренческих позиций он придерживался.

(4) Не истолковывать исторические источники с точки зрения современности, а рассматривать их в контексте изучаемой эпохи. Еще Г.В.Ф. Гегель, касаясь способа трактовки древних систем философии, строго предостерегал нас от того, чтобы мы не приписывали им выводов и утверждений, которых они вовсе не делали и которые даже не приходили их творцам в голову, хотя эти утверждения и можно правильно вывести из мыслей, высказанных в этих системах философии.

¹ Кузнецов В.Г. Герменевтика и гуманитарное познание. М., 1991. С.67.

² Рикер П. Герменевтика. Этика. Политика. М., 1995. С.3.

³ Гадамер Х.-Г. Истина и метод. М., 1988. С.449.

Надо излагать исторически: приписывать им лишь то, что нам непосредственно дано как их учение.

(5) Всячески избегать оценочного подхода, стремиться к максимально объективной интерпретации текстов.¹

Герменевтика играет исключительно важную роль в гуманитарных и социальных научных дисциплинах. Так, например, в политологии она позволяет выявлять скрытые моменты политики, путем глубинного анализа отдельных высказываний или публичных речей действующих политиков. Политическая герменевтика все чаще становится «великим разоблачителем» политической манипуляции и властных махинаций субъектов элиты. Активное использование этого метода исследования властвующего политического сознания может служить одним из свойств и гарантий демократизации общества и открытости самой политической власти.

6. Общие выводы. Из приведенного выше материала видно, что методология представляет собой многоуровневую систему способов получения научного знания. С каждым новым этапом развития науки, сама методологическая система претерпевает существенные изменения. Отмечается появившаяся в XX в. в науке некая специализированность методологии.

Анализ истории развития науки последних столетий показывает, что динамика возрастала тогда, когда развитие методологии хотя бы на йоту опережало развитие конкретного научного знания. Чаще всего бывало так, что конкретные методы исследования возникали по ходу развития самой науки. Причем успех или неудача конкретного научного исследования непосредственно зависит от того, насколько удачно были применены учеными выбранные ими методы научной деятельности. Методы налагают на каждое исследование свой отпечаток. Поэтому по результатам и способу проведения исследования можно установить выбранную субъектом познания методологическую базу.

Чаще всего методология выполняет технологическую функцию в получении и обработке нового знания. Но она же одновременно стремится соединить логические, гносеологические и аналитические задачи, стоящие перед исследованием и представить их в единстве, как нечто целое. Методологические ошибки являются базовыми (глубинными) ошибками в исследовании. Поэтому методология должна также содержать и некий механизм верификации своих методов, своевременно предупреждая и предотвращая несанкционированное использования того или иного метода.

¹ См.: Гобозов И.А. Социальное познание // Философия и общество. № 2, 1999, С.106-107.

Афоризмы

«Все люди от природы стремятся к знанию» (Аристотель).

«...мудрый знает все, насколько это возможно, не имея знания в отдельности о каждом предмете. Далее, мы считаем мудрым того, кто в состоянии узнать вещи трудные и не легко постижимые для [простого] человека... более мудрым во всякой науке является человек более точный и более способный научать» (Аристотель).

«...ничего, кроме души, недостойно восхищения, а для великой души все меньше нее» (Л.А. Сенека).

«Нужно жить для другого, если хочешь жить для себя» (Л.А. Сенека).

«... живи с людьми так, будто на тебя смотрит бог, говори с богом так, будто тебя слушают люди» (Л.А. Сенека).

«Знание – сила» (Ф. Бэкон).

«Нам трудно поверить тому, что лежит за пределами нашего кругозора» (Ф. Ларошфуко).

«Истинное красноречие – это умение сказать все, что нужно, и не больше, чем нужно» (Ф. Ларошфуко).

«Никто не может за меня мыслить; в истинности мысли я убеждаюсь только через самого себя» (Л. Фейербах).

«...доказательство есть лишь возвращение отчуждения мысли к первоисточнику мысли» (Л. Фейербах).

«Наше знание ограничено – это значит: мы знаем лишь кое-что и немного, а не все» (Л. Фейербах).

Литература

Гадамер Х.-Г. Истина и метод. М., 1988.

Дильтей В. Введение в науку о духе // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX -XX в. М., 1987.

Дильтей В. наброски к критике исторического разума // Вопросы философии. 1988, №4.

Кузнецов В.Г. Герменевтика и гуманитарное познание. М., 1991.

Михайлов А.А. Современная философская герменевтика: Критический анализ, М., 1984.

Рикер П. Герменевтика. Этика. Политика. М., 1995.

Сморгунов Л.В. Современная сравнительная политология. М., 2002.

Философия науки: Общие проблемы познания. Методология естественных и гуманитарных наук: хрестоматия /Отв.ред-сост. Л.А. Микешина. – М., 2005.

Фольгер Я.Г. История возникновения и этапы эволюции философской герменевтики // Герменевтика: история и современность: (Критический очерк). М., 1985.

6. ОСОБЕННОСТИ ДИНАМИКИ И ПРИНЦИПЫ ПРИРАЩЕНИЯ НОВОГО ЗНАНИЯ

(Баева Л.В.)

Мир науки – уникальная сфера теоретического коллективного мышления наиболее творческих, нестандартно мыслящих личностей. Это форма сознания играет главную роль в процессе преобразования природно-социального мира, окружающего человека. Сегодня динамика научного мышления – проблема, волнующая не только узких специалистов, но и имеющая значение для развития цивилизации в целом, поскольку современная эпоха отмечена столь высоким темпом прироста знания, который имеет не только количественные, но и качественные характеристики.

Проблема развития научного знания в философии науки сопряжена с решением трех основных вопросов:

1. Какова динамика научного роста (эволюционное расширение объема и содержания научных истин или революционные переходы от одних взглядов к другим)?

2. Является ли динамика науки процессом в целом кумулятивным (накопительным) или антикумулятивным (критическим)?

3. От каких факторов – внешних или внутренних – в большей степени зависит развитие науки?

Рассмотрим, какие решения этих проблем предлагает философия науки.

В современной западной философии науки проблема роста, развития знания с середины XX века является центральной. Ее изучению посвящены такие направления, как эволюционная или генетическая *эпистемология* и *постпозитивизм*. Целью этих философских традиций является выявление генезиса и этапов развития научного познания, а также построение общей теории эволюции единой науки. В основе современной эпистемологии лежит принцип историзма и попытка примирения крайностей эмпиризма и рационализма, рационализма и иррационализма, естествознания и гуманитарных наук, которые впервые были обоснованы европейскими и американскими философами науки в противостояние господствующим со времен классической философии принципам абсолютности, всеобщности, рациональности научного знания.

1. Проблема роста знания в западной философии науки. Особенно активно проблему динамики науки изучали с 40-х гг. XX века сторонники постпозитивизма и неопозитивизма, главными среди которых можно назвать Г. Башляра, К. Поппера, Т. Куна, И. Лакатоса, П. Фейерабенда, Ст. Тулмина и др.) Ими были построены несколько концепций развития

науки: «интегральный рационализм» Гастона Башляра, фальсификационизм Карла Поппера, концепция методологии научно-исследовательских программ Имре Лакатоса и «анархическая методология» Пола Фейерабенда. Теория научных революций Томаса Куна (теория парадигм) была построена в идейно-мировоззренческом противопоставлении подходу, который предложил К. Поппер и который был развит трудами его последователей.

Остановимся подробнее на анализе каждого из названных подходов и концепциях их представителей.

Гастон Башляр (1884–1962) – французский философ и методолог науки противопоставил свою концепцию традиционному для начала века пониманию науки и ее развития. Дух нигилизма отражает даже название его труда «Философия не» (1940). Он является одним из первых представителей исторической школы философии науки. Открытия в физике в начале XX века, возникновение неевклидовой геометрии, неньютоновской физики, химии не «по Лавуазье» породили феномен неклассической рациональности, имеющей, по мнению Г. Башляра, диалектический характер. В процессе развития научного знания он различал три вида диалектики: «внутреннюю», «внешнюю» и «наложение» той и другой. Внутренняя диалектика имеет место в сфере аксиоматического, преимущественно математического, мышления, где новое знание рождается как бы «внутри себя» путем «расчленения разума». Г. Башляр приводит в пример этого типа диалектики создание Н.И. Лобачевским новой системы геометрии благодаря «диалектизации понятия параллели» и «геометрического юмора». Аналогичным образом А. Эйнштейн «диалектизировал» понятия пространства и времени.

Разуму Г. Башляр отводил главную роль в процессе возникновения нового знания. Он подчеркивал, что современная наука становится «фабрикой феноменов», превращаясь в «феноментехнику». Новые идеи, возникающие в сознании ученого, превращаются в эмпирические данности объективного мира. Таким образом, сама физическая реальность выступает как производное от теоретического, математического мышления. В этом смысле она скорее ноуменальна, чем феноменальна: «Реальность в смысле научном создана из ноуменальной контекстуры, предназначенной для того, чтобы задавать направления экспериментированию»¹. Г. Башляр попытался преодолеть дихотомию аналитического и синтетического мышления, утвержденную постпозитивизмом, ведущую роль отводя математическому творчеству как единству этих процессов. При этом ученый подчеркивал тесную связь научного творчества с социальной и культурной сферами Индивидуализм в познании, считает Г. Башляр, уже невозможен, поэтому каждый исследователь – житель единого «города ученых», связанных не только традициями и стилями мышления, но и

¹ Башляр Г. Новый рационализм. М., 1987. С. 31.

активно влияющих на развитие мира культуры: «Отныне движение науки в контексте культуры опережает природное движение. Быть химиком означает быть в контексте культуры, занимать место в городе ученых, определенное современностью исследований. Любой индивидуализм здесь будет совершенным анахронизмом»¹.

В рамках традиции постпозитивизма в послевоенный период К. Поппером и его сторонниками, были выдвинуты собственные теории развития научного знания. Следует отметить, что первоначально основное внимание этих философов было приковано к критике принципа **верификации**, утвердившегося в философии науки со времен деятельности Венского кружка. Верификация – методологическое понятие, означающее процесс установления истинности научных утверждений в результате их эмпирической проверки.

Венский кружок – группа ученых, преимущественно физиков, объединившихся в 1922 г. Его руководителем был Г. Шлик, позже в деятельности кружка участвовали Э. Нагель, Р. Карнап, Л. Витгенштейн и др. Традиционными для этого сообщества были следующие взгляды: 1) антиметафизическое умонастроение; 2) признание анализа языка науки основной задачей философии науки; 3) понимание знания как высказывания; 4) представление о том, что сложное знание можно разложить на элементарные высказывания, выражающие непосредственный опыт, получив тем самым подтверждение его подлинного смысла и значения; 5) процедура, указанная в пункте 4, является, собственно говоря, процедурой верификации, что и позволяет считать опытное подтверждение основной характеристикой научного знания.

Взамен принципа верификации К. Поппер выдвинул принцип **фальсификации** – идею того, что критерием подлинного научного знания выступает не проверяемость в опыте, а возможность опытного опровержения. Это принципиально меняло образ самой науки: если для сторонников Венского кружка наука выступала в качестве системы строго доказанных высказываний, то, по К. Попперу, ученые должны были признать принципиальную погрешимость своих построений, понять, что осознание своей «ошибки» – благо, что критика есть подлинный двигатель научного прогресса. К. Поппер стал рассматривать любое научное знание как развивающееся и изменяющееся. Он отверг метод построения искусственных моделей языка науки, понимая под научным ростом своего рода эволюционный процесс, естественный отбор. Рост научного знания предполагает процесс выдвижения научных гипотез с последующим их опровержением. Последнее отражается в **принципе фаллибилизма** (от англ. ненадежный, ошибочный). К. Поппер полагал, что научные теории в

¹ Башляр Г. Избранное. М.; СПб., 2000. Т.1. Научный рационализм. С. 200.

принципе ошибочны, их вероятность равна нулю, какие бы строгие проверки они не проходили. Иными словами, «нельзя ошибиться только в том, что все теории ошибочны». Термин «фальсификация» означал опровержение теории ссылкой на эмпирический факт, противоречащий данной теории: «Догму значения или смысла и порождаемые ею псевдопроблемы можно устранить, если в качестве критерия демаркации принять *критерий фальсифицируемости*, то есть по крайней мере асимметричной или *односторонней* разрешимости. Согласно этому критерию, высказывания или системы высказываний содержат информацию об эмпирическом мире только в том случае, если они обладают способностью прийти в столкновение с опытом, или более точно – если их можно *систематически проверять*, то есть подвергнуть (в соответствии с некоторым «методологическим решением») проверкам, результатом которых *может быть* их опровержение»¹.

Фальсифицируемость предполагала *открытость* любой подлинно научной теории для фальсификации. «Фальсифицируемость означает, что в связи с теорией мыслится не только совокупность эмпирических данных, подтверждающих эту теорию, т.е. выводимых из нее путем дедукции, но и совокупность потенциальных фальсификаторов, еще не зафиксированных эмпирических свидетельств, противоречащих этой теории», – писал К. Поппер². Главным механизмом этого процесса он считал механизм предположений и опровержений. К. Поппер видел рост науки в выдвижении смелых гипотез, утверждении лучших из них и ниспровержении несостоятельных. В этом плане рост научного знания понимался как частный случай мировых эволюционных процессов. К. Поппер сформулировал три основных требования к росту знания: 1) новая теория должна исходить из простой, новой объединяющей идеи; 2) она должна быть независимо проверяемой, т.е. вести к представлению явлений, которые до сих пор не наблюдались; 3) новая теория должна выдерживать проверку временем. Теория изучения научного роста стала называться эпистемологией, изучающей постановку проблем, выдвижение гипотезы, решения проблем их критического обсуждения, проверки, выдвижение новых идей. История науки, считал К. Поппер, не способна вскрыть закономерности и механизмы этого динамического процесса, однако философско-методологические построения как раз помогают их выявить. Таким образом, необходимость союза философии, методологии и истории науки становится необходимым элементом мировоззрения всего попперианства.

Если К. Поппер отверг принципы Венского кружка с позиций историзма, то по отношению к нему аналогичной была критика Т. Куна. В следующем разделе, непосредственно посвященном теории научных

¹ Поппер К. Избранные работы. М., 1983. С. 239.

² Поппер К. Реализм и цель науки // Современная философия науки. М., 1996. С. 89.

традиций и революций, мы коснемся позиции Т. Куна более детально. Здесь же ограничимся общим определением его позиции. Т. Кун считал, что развитие науки не эволюционно размеренный, а революционно скачкообразный процесс, где движение происходит от построения одной парадигмы к другой. Безусловно, упразднение старой парадигмы и ее набора правил, по мнению Т. Куна, происходит не как их полное отбрасывание и отрицание. Он говорит об этом, используя термин «реконструкция предписаний», понимая под ним удержание наиболее ценного содержания.

С попыткой продолжить дело К. Поппера выступил еще один представитель эволюционной эпистемологии американский философ Стивен Тулмин (1922–1997). Общий смысл его позиции состоит в изучении познания как момента эволюции живой природы и раскрытии механизмов познания в эволюционном ключе.

Ст. Тулмин усматривает прогресс науки и рост человеческого знания во все более глубокое и адекватное *пониманию*. И в отличие от методологической доктрины К. Поппера, в основании которой «более полное знание через более истинные суждения», Ст. Тулмин мыслит «более глубокое понимание через более адекватные понятия».

Понимание в науке, считает Ст. Тулмин, определяется соответствием ее утверждений принятым в научном сообществе стандартам или «матрицам». Полемизируя с «революционной» теорией Т. Куна о процессе концептуальных изменений, Ст. Тулмин утверждает, что новые идеи могут входить в общество не сразу, а постепенно. Долгосрочные крупномасштабные изменения в науке, как и везде, происходят не в результате внезапных «скачков», а благодаря накоплениям мелких изменений, каждое из которых сохранилось в процессе отбора в какой-либо локальной или непосредственно проблемной ситуации. Эволюция науки предполагает улучшение понимания. Последнее предусматривает устранение того, что не укладывается в матрицу понимания, т.е. устранение аномалий. Эволюция научных теорий – это непрерывный отбор концептуальных новшеств: «при изучении концептуального развития некоторой научной традиции мы сталкиваемся с процессом избирательного закрепления предпочитаемых научным сообществом интеллектуальных вариантов, то есть с процессом, имеющим определенное сходство с дарвиновским отбором»¹. Теории, в свою очередь, предстают как «популяции понятий». Они подвержены выживаемости, т.е. процессам сохранения и мутации (инновациям). «Мутации» сдерживаются факторами критики и самокритики, что по аналогии играет роль естественного и искусственного отбора. Изменения наступают тогда, когда интеллектуальная среда позволяет «выжить» тем

¹ Тулмин Ст. Концептуальные революции в науке // Структура и развитие в науке. Из Бостонских исследований по философии науки. М., 1978. С. 184.

популяциям, которые в наибольшей степени адаптируются к ней. Наиболее важные изменения, согласно Ст. Тулмину, связаны с заменой самих матриц понимания или наиболее фундаментальных теоретических стандартов¹.

Еще один ученый – современник К. Поппера британский философ и историк науки Имре Лакатос (1922–1974) предпринял построение своей теории роста научного знания. Она стала известна как концепция конкурирующих научно-исследовательских программ (НИП). Под НИП И. Лакатос понимает серию сменяющих друг друга теорий, объединяемых совокупностью фундаментальных идей и методологических принципов.

Структура НИП включает в себя:

- 1) «жесткое ядро» – специфические для данной программы фундаментальные допущения;
- 2) «защитный пояс» – вспомогательные гипотезы – ограждающий ядро от опровержений;
- 3) нормативные правила, предписывающие наиболее перспективные пути дальнейшего исследования («положительная эвристика») и каких путей следует избегать («отрицательная эвристика»).

Основными этапами развития НИП являются прогресс и регресс, а граница этих стадий – «пункт насыщения». Лакатос полагал, что НИП существуют, конкурируя друг с другом (в отличие от парадигм Т. Куна, которые, по его мнению, отвергают, сменяют друг друга), и в процессе эвристики, критики и соперничества наиболее «сильная» из них начинает доминировать. Как же определить, какая из конкурирующих программ лучше, прогрессивней? Объективным критерием, с точки зрения И. Лакатоса, является способность программы справляться с эмпирическими данными. У прогрессирующей программы теоретический рост опережает эмпирический, она успешно предсказывает новые факты. Регрессирующая программа не успевает за эмпирическим ростом, ей недостает инициативы, она существенно зависит от поступления эмпирических данных (которые не смогла предсказать заранее).

Вся наука в целом рассматривается И. Лакатосом как «гигантская исследовательская программа, подчиняющаяся основному эвристическому правилу К. Поппера: «выдвигай гипотезы, имеющие большее эмпирическое содержание, чем у предшествующих»². Но в отличие от К. Поппера И. Лакатос отводил главную роль не отрицательной, а положительной эвристике. Наличие аномалий, неразрешенных головоломок может долго оставаться на периферии исследования: «Положительная эвристика выручает ученого от замешательства перед океаном аномалий. Положительной эвристикой определяется программа, в

¹ См.: Порус В.Н. Современная западная философия. Словарь. М., 1991.

² Лакатос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ // Кун Т. Структура научных революций. М., 2001. С. 322.

которую входит система более сложных моделей реальности; внимание ученого сосредоточено на конструировании моделей, соответствующих тем инструкциям, какие изложены в позитивной части его программы»¹. Поэтому, считает И. Лакатос, именно верификации поддерживают продолжение работы программы несмотря на «непокорные примеры», на которые ученые часто не обращают внимания. Аномалии регистрируются, но оставляются до тех времен, когда появится возможность их преодоления. Как видно, в теории И. Лакатоса выражается попытка примирения принципов верификации и фальсификации на основе признания их относительности и интервальности.

Наиболее радикальную и плюралистическую концепцию динамики науки предложил американский философ Пол Фейерабенд (р. 1924). Он выдвигает тезис «критического реализма», суть которого состоит в том, что рост знания происходит в результате пролиферации (размножения) теорий, которые являются несоизмеримыми и равноправными. «В мои намерения, – писал он, – вовсе не входит замена одного множества общих правил другим, скорее, я хочу убедить читателя в том, что *всякая методология – даже наиболее очевидная – имеет свои пределы*. Лучший способ показать это состоит в демонстрации границ и даже иррациональности некоторых правил, которые тот или иной автор считает фундаментальными»². П. Фейерабенд отстаивает **плюрализм** различных типов знания, их собственную ценность для науки и культуры, а также их идеологическую нагруженность. Он подчеркивает зависимость знания от социальной сферы, политики, общественного запроса, тем самым показывая относительность каждой научной истины и самих критериев научности. Созданная им «анархистская эпистемология» отрицает возможность создания универсального метода познания, открытия объективной истины. В то же время П. Фейерабенд стремился не к отказу от науки как таковой. Его задача состояла во включении в сферу науки гуманистического и экологического аспектов, а также защиту различных традиций в науке и в общественном сознании в целом. Он попытался показать равноправность таких его форм, как миф, религия, философия и наука. Эти идеи во многом были использованы в движении «зеленых», хотя академическая философия Запада данную концепцию не одобрила.

2. Проблема движущих сил науки. Столь же неоднозначно решается в современной философии науки и вопрос о ее движущих силах. В целом современные исследователи выделяют две основные концепции движущих факторов научного знания – **интернализм** и **экстернализм**. Лидерами интернализма являются А. Койре, И. Лакатос и К. Поппер.

¹ Лакатос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ // Кун Т. Структура научных революций. М., 2001. С. 323.

² Фейерабенд П. Против методологического принуждения // Избранные труды по методологии науки. М., 1986. С. 165.

Главное значение с позиции интернализма придается внутренним факторам, поскольку сама наука, как полагает А. Койре, достаточно самостоятельна, автономна и развивается по внутренним законам. Интернализм фиксирует и внешние факторы (экономический, социокультурный), но утверждает, что они могут лишь оказывать благотворное (или сдерживающее) влияние на науку, но формировать проблематику научного знания и его структуру не способны. Однако один из «внешних» факторов все же признается определяющим – развитие философии. А. Койре отмечал, что «научная мысль никогда не была полностью отделена от философской мысли» и «великие научные революции всегда определялись катастрофой или изменением философских концепций»¹. Таким образом, наука рассматривается как плод развития древа – философии, понимается обусловленной в большей степени субъективными, интеллектуальными факторами.

Согласно доктрине К. Поппера, существуют три самостоятельных, причинно не связанных друг с другом типа реальности: физический мир, психический мир и мир знания. Мир знания, созданный человеком, постепенно стал независимой объективной реальностью, все изменения в которой полностью предопределены ее внутренними возможностями. Внешние факторы при этом не отвергаются К. Поппером, но рассматриваются как не затрагивающие само содержание научного знания. Рост науки связывается с когнитивным творческим процессом, перекombинацией уже имеющихся идей, случайными открытиями явлений неизвестной природы.

Другой подход в понимании движущих сил развития науки – экстернализм – абсолютизирует роль внешних факторов, в первую очередь, социально-экономических. В духе марксизма экстерналисты связывали развитие научных теорий с экономическими и социальными потребностями в обществе. Этот подход был широко представлен в отечественной и западной науке середины XX века (А. Богданов, Д. Лукач, Т. Контрабиньский, Т. Кун, П. Фейерабенд, М. Полани, Л. Косарева, Г. Гачев и др.). Экстерналисты полагают, что научный процесс всегда «замкнут» на определенный практический интерес, на необходимость решения актуальных для общества и власти проблем. Ряд исследователей при этом указывают на доминирование экономических, технических предпосылок, другие – подчеркивают роль социальной организации, третьи – абсолютизируют значение культурного типа, ценностей, политических, психологических или иных факторов. Другой пункт расхождения между экстерналистами: оценка влияния социально-политического заказа на науку. Долгое время большинство исследователей утверждало, что наибольшее влияние социума обнаруживается в развитии

¹ Койре А. Очерки истории философской мысли. М., 1985. С. 14.

гуманитарного знания. Но в 70-х гг. XX века эта позиция была подвергнута критике. Т. Кун и его последователи обосновали взаимосвязь исторической эпохи и направленности не только гуманитарных, но и точных наук, естествознания, что было ярко проиллюстрировано развитием науки в СССР, и в других тоталитарных государствах.

Однако оппозиция интернализма и экстернализма во многом оказалась упрощением проблемы, в решении которой сочетаются внешние и внутренние движущие факторы.

Другой альтернативой в философии науки выступает понимание развития науки как накопления фактов либо их качественной эволюции. В научной литературе эта проблема представлена на примерах *кумулятивной* и *некумулятивной* концепций. Кумулятивный подход утверждает, что знания о процессах и явлениях природы, однажды приобретенные наукой, накапливаются, кумулируются. Каждый раз в науке открываются новые истины, которые остаются без изменений и составляют фундамент следующих исследований. История науки с этой позиции не отбрасывает ненужных идей, а накапливает их, и в дальнейшем какие-либо из бывших «заблуждений» могут оказаться прообразом новых идей. Однако кумулятивный подход строго разграничивает научное и ненаучное знание, под научным понимая строго доказанное неопровержимое, проверяемое. С кризисом рационализма в XX веке данное понимание научного знания оказалось не полным, а кумулятивный подход не мог объяснить происходящих в науке изменений.

В отечественной философии науки проблему роста знания разрабатывали такие исследователи, как И.П. Меркулов («Когнитивная эволюция», 1999), Б.М. Кедров («Проблемы логики и методологии науки», 1990), В.С. Степин («Теоретическое знание», 2000) и др.

3. Принципы динамики научного знания. Согласно традиционным для советской философии диалектическим принципам, развитие научного знания рассматривается как один из видов диалектики в целом. В связи с этим принципы и закономерности развития научного знания во многом объясняются классическими законами диалектического роста. При этом используются аргументы и западных специалистов (но в основном ученых, а не философов). В целом отечественные философы науки выделяют следующие принципы динамики научного знания¹.

1. Прежде всего, это преемственность, описанная в диалектике с помощью понятия «диалектическое снятие» или «отрицание отрицания». Данная закономерность выражает неразрывность всего познания действительности как внутренне единого процесса смены идей, принципов, теорий, понятий, методов научного исследования. При этом каждая более высокая ступень в развитии науки возникает на основе

¹ См.: Кохановский В.П. Философия и методология науки. Ростов н/Д., 1999.

предшествующей ступени с удержанием всего ценного, что было накоплено раньше, на предшествующих ступенях. Объективной основой преемственности в науке является то реальное обстоятельство, что в самой действительности имеет место поступательное развитие предметов и явлений, вызываемое внутренне присущими им противоречиями. Воспроизведение реально развивающихся объектов, осуществляемое в процессе познания, также происходит через диалектически отрицающие друг друга теории, концепции и другие формы знания. Образно этот процесс описали А. Эйнштейн и Л. Инфельд: «...создание новой теории не похоже на разрушение старого амбара и возведение на его месте небоскреба. Оно, скорее, похоже на восхождение на гору, которое открывает новые и широкие виды, показывающие неожиданные связи между нашей отправной точкой и ее богатым окружением. Но точка, от которой мы отправлялись, еще существует и может быть видна, хотя она кажется меньше и составляет крохотную часть открывшегося нашему взгляду обширного ландшафта»¹.

В этом процессе «восхождения на гору» содержание отрицаемых знаний не отбрасывается полностью, а сохраняется в новых концепциях в «снятом» виде, с удержанием положительного. Новые теории не отрицают полностью старые, потому что последние с определенной степенью приближения отображают объективные закономерности действительности в своей предметной области. История науки показала, что, например, «...в физике более поздние этапы ее развития вовсе не сводят к нулю значение более ранних стадий, а лишь указывают границы применимости этих более ранних стадий, включая их как предельные случаи в более широкую систему новой физики»².

Диалектическое отношение новой и старой теории в науке нашло свое обобщенное отражение в *принципе соответствия*, впервые сформулированном Нильсом Бором (1885–1962). Согласно данному принципу, смена одной частнонаучной теории другой обнаруживает не только различия, но и связь, преемственность между ними. Новая теория, приходящая на смену старой, в определенной форме – а именно в качестве предельного случая – удерживает ее. Так, например, обстоит дело в соотношении «классическая механика – квантовая механика». Поэтому, по словам А. Эйнштейна, «лучший удел» какой-либо теории состоит в том, чтобы указывать путь создания новой, более общей теории, в рамках которой она сама остается предельным случаем. При этом новая теория выявляет как достоинства, так и ограниченность старой теории и позволяет оценить старые понятия с более глубокой точки зрения. В процессе развития научного познания возможен обратный переход от последующей теории к предыдущей, их совпадение в некоторой предельной области, где

¹ Эйнштейн А., Инфельд Л. Эволюция физики. М., 1965. С. 125.

² Паули В. Физические очерки. М., 1975. С. 8.

различия между ними оказываются несущественными. Например, законы квантовой механики переходят в законы классической при условии, когда можно пренебречь величиной кванта действия, а законы теории относительности переходят в законы классической механики при условии, если скорость света считать бесконечной. Так, В. Гейзенберг отмечал, что «релятивистская механика и в самом деле переходит в ньютоновскую в предельном случае малых скоростей... Мы, стало быть, и сегодня признаем истинность ньютоновской механики, даже ее строгость и общезначимость, но добавляя «везде, где могут быть применены ее понятия», мы указываем, что считаем область применения ньютоновской теории ограниченной»¹. Таким образом, любая теория должна переходить в предыдущую менее общую теорию в тех условиях, в каких эта предыдущая была установлена. Поэтому-то «ошеломляющие идеи» теории относительности, совершившие переворот в методах физического познания, не отменили механики Ньютона, а лишь указали границы ее применимости. Как бы ни был гениален ученый, он так или иначе должен исходить из знаний, накопленных его предшественниками, и знаний современников. Известна знаменитая фраза И. Ньютона: «Я стоял на плечах гигантов». При выборе объектов исследования и выводе законов, связывающих явления, ученый исходит из ранее установленных законов и теорий, существующих в данную эпоху. Как в этой связи отмечал Д.И. Менделеев, истинные открытия делаются работой не одного ума, а усилием массы деятелей, из которых иногда один есть только выразитель того, что принадлежит многим, что есть плод совокупной работы мысли. Однако в современной науке и этот принцип не всегда подтверждается. Так, господствующая сегодня синтетическая теория эволюции не есть некое продолжение или обобщение теории эволюции Ч. Дарвина, а геометрия Б. Римана не является обобщением теории Н.И. Лобачевского.

Таким образом, преемственность представляет собой органическое единство двух моментов: наследования и критической переработки. Только осмысливая и критически перерабатывая знания предшественников, ученый может развивать науку, сохраняя и приумножая истинные знания и преодолевая заблуждения.

Процесс преемственности в науке (но не только в ней) может быть выражен в терминах «традиция» (старое) и «новация» (новое). Это две противоположных диалектически связанных стороны единого процесса развития науки: новации вырастают из традиций, находятся в них в зародыше; все положительное и ценное, что было в традициях, в «снятом виде» остается в новациях.

2. Вторым принципом развития науки выступает единство количественных и качественных изменений в развитии науки

¹ Гейзенберг В. Шаги за горизонт. М., 1987. С. 180–181.

Преимственность научного познания не есть однообразный, монотонный процесс. В определенном срезе она выступает как единство постепенных, спокойных количественных и коренных, качественных (скачки, научные революции) изменений. Эти две стороны науки тесно связаны и в ходе ее развития сменяют друг друга как своеобразные этапы данного процесса. В развитии науки эпохи относительной стабильности отделены друг от друга краткими периодами кризисов, во время которых под давлением фактов, ранее мало известных или вовсе неизвестных, ученые вдруг ставят под сомнение все принципы, казавшиеся до этого вполне незыблемыми, и через несколько лет находят совершенно новые пути. Такие неожиданные повороты всегда характеризуют решающие этапы в прогрессивном развитии знаний. Этап количественных изменений науки – это постепенное накопление новых фактов, наблюдений, экспериментальных данных в рамках существующих научных концепций. В связи с этим идет процесс расширения, уточнения уже сформулированных теорий, понятий и принципов.

На определенном этапе этого процесса и в определенной его «точке» происходит прорыв непрерывности, скачок, коренная ломка фундаментальных законов и принципов вследствие того, что они не объясняют новых фактов и новых открытий. Это и есть коренные качественные изменения в развитии науки, т.е. *научные революции*.

Научная революция подводит итог предшествующему периоду познания, поднимает его на новую, высшую ступень. Очищая науку от заблуждений, она открывает новые объекты и методы исследования, ускоряя тем самым темпы развития науки.

3. Третьим принципом развития научного знания выступает ***дифференциация*** и ***интеграция*** наук. Развитие науки характеризуется взаимодействием двух противоположных процессов – дифференциацией (выделением новых научных дисциплин) и интеграцией (синтезом знания, объединением ряда наук – чаще всего в дисциплины, находящиеся на их «стыке»). На одних этапах развития науки преобладает дифференциация (особенно в период возникновения науки в целом и отдельных наук), на других – их интеграция, это характерно для современной науки.

После длительного периода накопления информации в Новое время начинается процесс дифференциации, отпочкования наук, превращения отдельных «зачатков» научных знаний в самостоятельные (частные) науки и внутринаучное «разветвление» последних в научные. В этот период единое ранее знание (философия) раздваивается на два главных «ствола» – собственно философию и науку как целостную систему знания, духовное образование и социальный институт. В свою очередь, философия начинает расчленяться на ряд философских наук (онтологию, гносеологию, этику, диалектику и т.п.), наука как целое разделяется на отдельные частные науки (а внутри них – на научные дисциплины), среди которых лидером

становится классическая (ньютоновская) механика, тесно связанная с математикой с момента своего возникновения. В последующий период процесс дифференциации наук продолжал усиливаться. Он вызывался как потребностями общественного производства, так и внутренними потребностями развития научного знания. Следствием этого процесса явилось возникновение и бурное развитие пограничных, «стыковых» наук.

По мере того, как биологи углубились в изучение живого настолько, что поняли огромное значение химических процессов и превращений в клетках, тканях, организмах, началось усиленное изучение этих процессов, накопление результатов, что привело к возникновению новой науки – биохимии. Точно так же необходимость изучения физических процессов в живом организме привела к взаимодействию биологии и физики и возникновению пограничной науки – биофизики. Аналогичным путем возникли физическая химия, химическая физика, геохимия и т.д. Возникают и такие научные дисциплины, которые находятся на стыке трех наук, как, например, биогеохимия. Основоположник биогеохимии В.И. Вернадский считал ее сложной научной дисциплиной, поскольку она тесно и целиком связана с одной определенной земной оболочкой – биосферой и с ее биологическими процессами в их химическом (атомном) выявлении. «Область ведения» биогеохимии определяется как геологическими проявлениями жизни, так и биохимическими процессами внутри организмов, живого населения планеты.

Дифференциация наук является закономерным следствием быстрого увеличения и усложнения знаний. Она неизбежно ведет к специализации и разделению научного труда. Последние имеют как позитивные стороны (возможность углубленного изучения явлений, повышение производительности труда ученых), так и отрицательные (особенно «потеря связи целого», сужение кругозора – иногда до «профессионального кретинизма»). Касаясь этой стороны проблемы, А. Эйнштейн отмечал, что в ходе развития науки деятельность отдельных исследователей неизбежно стягивается ко все более ограниченному участку всеобщего знания. Эта специализация, что еще хуже, приводит к тому, что единое общее понимание всей науки, без чего истинная глубина исследовательского духа обязательно уменьшается, все с большим трудом поспевает за развитием науки; она угрожает отнять у исследователя широкую перспективу, принижая его до уровня «ремесленника».

Одновременно с процессом дифференциации происходит и процесс интеграции – объединения, взаимопроникновения, синтеза наук и научных дисциплин, объединение их (и их методов) в единое целое, стирание граней между ними. Это особенно характерно для современной науки, где сегодня бурно развиваются такие синтетические, общенаучные области научного знания, как кибернетика, синергетика, строятся такие интегративные

картины мира, как естественнонаучная, общенаучная, философская (ибо философия также выполняет интегративную функцию в научном познании).

Тенденцию «смыкания наук», ставшей закономерностью современного этапа их развития и проявлением парадигмы целостности, четко уловил В.И. Вернадский. Большим новым явлением научной мысли XX века он считал слияние *в единое целое* всех, до сих пор шедших в малой зависимости друг от друга, а иногда вполне независимо, течений духовного творчества человека. Перелом научного понимания космоса совпадает, таким образом, с одновременно идущим глубочайшим изменением наук о человеке. С одной стороны, эти науки смыкаются с науками о природе, с другой – их объект совершенно меняется, полагает ученый. Интеграция наук убедительно и все с большей силой доказывает единство природы. Она поэтому и возможна, что объективно существует такое единство.

Интеграция науки находит выражение в синтезировании данных различных наук, их взаимовлиянии. Большинство научных дисциплин развиваются не независимо, а в связи друг с другом, взаимодействуя по разным направлениям, в том числе на использовании понятий и данных одной науки в других областях знаний. Например, в XVIII–XIX веках в гуманитарных науках находили широкое распространение понятия и принципы естествознания, что выразилось в концепциях биологического и географического *детерминизма*. В свою очередь, успешное развитие геологии и биологии было невозможно без опоры на знания, полученные в физике, химии и т.п. Однако закономерности, свойственные высшим формам движения материи, не могут быть полностью сведены к низшим. Рассматриваемую закономерность развития науки очень образно выразил нобелевский лауреат, один из создателей синергетики, И. Пригожин: «Рост науки не имеет ничего общего с равномерным развертыванием научных дисциплин, каждая из которых в свою очередь подразделяется на все большее число водонепроницаемых отсеков. Наоборот, конвергенция различных проблем и точек зрения способствует разгерметизации образовавшихся отсеков и закутков и эффективно «перемешиванию» научной культуры»¹.

Принципиально важным для взаимодействия наук является и взаимообмен методами и приемами исследования, т.е. применение методов одних наук в других. Особенно плодотворным оказалось применение методов физики и химии к изучению в биологии живого вещества, сущность и специфика которого одними только этими методами, однако, не была «уловлена». Для этого нужны были свои собственные – биологические методы и приемы их исследования. Примером этому могут послужить принципы синергетической теории, широко применяемой

¹ Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой. М., 1986. С. 275.

сегодня при анализе социальных и культурных явлений, использование математического анализа в истории, принципов биологии в социологии и т.д.

Конечно, взаимодействие наук и их методов затрудняется неравномерностью развития различных научных областей и дисциплин. Методологический плюрализм – характерная особенность современной науки, благодаря которой создаются необходимые условия для более полного и глубокого раскрытия сущности, законов качественно различных явлений реальной действительности. В самом широком плане взаимодействие наук происходит посредством изучения общих свойств различных видов и форм движения материи. Оно имеет важное значение для производства, техники и технологии, которые сегодня все чаще становятся объектами применения комплекса многих (а не отдельных) наук.

Наиболее быстрого роста и важных открытий сейчас следует ожидать как раз на участках «стыка», взаимопроникновения наук и взаимного обогащения их методами и приемами исследования. Этот процесс объединения усилий различных наук для решения важных практических задач получает все большее развитие. Это магистральный путь формирования «единой науки будущего».

Как видно, новое в науке прокладывает себе дорогу в процессе взаимодействия и конкуренции различных теорий. На основании каких же критериев можно оценить достоинство новых концепций? Современные исследователи называют в качестве приоритетных следующие принципы¹:

- эмпирическая подтверждаемость – согласованность теории с экспериментальными данными;
- межтеоретическая согласованность – совместимость теории с другими общепринятыми научными теориями;
- эвристичность – открытие перспектив для дальнейших исследований;
- когерентность – внутренняя логическая и содержательная связанность;
- простота – достижение максимальных результатов наиболее коротким и легким путем.

Подводя итоги изучения проблемы роста научного знания, отметим, что большинство подходов к ее решению анализируют научные знания как объективный или социально обусловленный феномен. По нашему мнению, в этом вопросе в некоторой степени упущены аспекты личностного научного творчества. Конечно, открытые законы не несут на себе отпечатка личности автора в той степени, как литературное произведение или философский трактат. Однако тематика, направленность исследований

¹ Ушаков Е.В. Введение в философию и методологию науки. М., 2005. С. 300–301.

отражают не только объективные запросы общества, диктуются рынком. Большинство крупных исследователей-фундаменталистов мало связаны этими заказами, ими движет интерес открытия истины, выяснения природы вещей и явлений. Кроме того, значительная часть исследований – это попытка расширить способности человека в тех или иных сферах, и роль субъекта в творчестве таких знаний очень существенна.

На наш взгляд, научное творчество – способ продления и качественного усовершенствования бытия человека, выход за существующие в природе рамки путем их познания и преодоления. Развитие знания – восхождение к цели различными путями, каждый из которых чем-то ценен, чем-то опасен. Главное, чтобы ученый осознавал меру ответственности за открытие знаний – обоюдоострых, способных и спасти, и уничтожить жизнь на планете.

Основные понятия и термины

Верификация – методологическое понятие, означающее процесс установления истинности научных утверждений в результате их эмпирической проверки.

Дифференциация наук – процесс образования, отделения самостоятельных наук от общей системы знаний, способствующий их дальнейшей специализации, детализации и углублению познания.

Интеграция наук – процесс объединения, синтеза отдельных наук, на основании единства объекта познания, обмена методами и принципами.

Интернализм – направление в философии науки, утверждающее, что развитие научного знания происходит благодаря его собственным, внутренним причинам и законам.

Научно-исследовательская программа – в учении И. Лакатоса серия сменяющих друг друга теорий, объединяемых совокупностью фундаментальных идей и методологических принципов.

Плюрализм – философско-мировоззренческая позиция, согласно которой существует множество независимых друг от друга начал или видов бытия, форм и принципов знания, теорий, методов, ценностей, субъектов.

Позитивизм, постпозитивизм – одно из основных направлений философии XX века, занимающееся проблемами науки, научного познания, анализом языковых форм знания.

Принцип фаллибилизма – утверждает принципиальную ошибочность, погрешность, относительность, ненадежность любого научного знания.

Фальсификация – методологическая процедура, позволяющая установить ложность гипотезы или теории или подтверждающая ее истинность в результате экспериментальной или теоретической проверки.

Эволюционная эпистемология – направление в эпистемологии, исследующее познание как момент эволюции живой природы и ее продукт.

Экстернализм – течение в философии науки, утверждающее доминирующую роль социокультурных, экономических, политических факторов в развитии научного знания.

Эпистемология – раздел философии, в котором изучаются проблемы природы познания, отношения знания к реальности, исследуются предпосылки познавательного процесса, выявляются условия его истинности.

Афоризмы

«...миф есть не что иное, как ложный рассказ, отображающий истину. Коль скоро миф есть образ истины, а душа есть образ предшествующих ей начал, душа естественно радуется мифу, как образ – образу» (Олимпиодор Младший)

Лживых историков надо казнить, как фальшивомонетчиков» (М. Сервантес).

«Чтобы быть великим человеком, нужно уметь искусно пользоваться всем, что предоставляет судьба» (Ф. Ларошфуко).

«Никто, в том числе и наши предки, не заметил появления разума на Земле, человек вошел в мир бесшумно» (Пьер Тейяр де Шарден).

Библиографический список

1. Антисери Д., Реале Дж., Мальцева С., Западная философия от истоков до наших дней. От романтизма до наших дней (4). СПб, 2008.
2. Ахундов, М. Д. Методология научных революций и развитие физики // М. Д. Ахундов, С. В. Илларионов. Природа научного открытия. – М., 1986.
3. Башляр, Г. Новый рационализм / Г. Башляр. – М., 1987.
4. Башляр, Г. Избранное / Г. Башляр. – М.; СПб., 2000. Т. 1: Научный рационализм.
5. Вернадский, В. И. Научная мысль как планетарное явление / В. И. Вернадский. – М., 1991.
6. В поисках теории развития науки. Очерки западноевропейской и американской концепций XX века. – М., 1982.
7. Гачев, Г. Д. Гуманитарный комментарий к физике и химии. Диалог между науками о природе и о человеке / Г. Д. Гачев. – М., 2003.
8. Гейзенберг, В. Шаги за горизонт / В. Гейзенберг. – М., 1987.
9. Грязнов, Б. С. Логика, рациональность, творчество / Б. С. Грязнов. – М., 1982.

10. Дугин, А. Г. Эволюция парадигмальных оснований науки / А. Г. Дугин. – М., 2002.
11. Кедров, Б. М. Проблемы логики и методологии науки: Избранные труды / Б. М. Кедров. – М., 1990.
12. Койре, А. Очерки истории философской мысли / А. Койре. – М. 1985.
13. Кохановский, В. П. Философия и методология науки / В. П. Кохановский. – Ростов н/Д., 1999.
14. Кун, Т. Структура научных революций / Т. Кун. – М., 1977.
15. Мамчур, Е. А. Проблема выбора теорий / Е. А. Мамчур // Физическая теория. – М., 1980.
16. Марков, Б. В. Проблемы обоснования и проверяемости теоретического знания / Б. В. Марков. – Л., 1984.
17. Микешина, Л. А. Философия науки / Л. А. Микешина. – М., 2005.
18. Лакатос, И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ / И. Лакатос // Кун Т. Структура научных революций. – М., 2001.
19. Лакатос, И. Методология исследовательских программ / И. Лакатос. – М., 2003.
20. Косарева, Л. М. Предмет науки: социально-философский аспект проблемы / Л. М. Косарева. – М., 1989.
21. Основы философии науки / В. П. Кохановский, Т. Г. Лешкевич, Т. П. Матяш, Т. Б. Фатхи. – Ростов н/Д., 2004.
22. Пригожин, И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой / И. Пригожин, И. Стенгерс. – М., 1986.
23. Полани, М. Личностное знание / М. Полани. – М., 1985.
24. Поппер, К. Логика и рост научного знания / К. Поппер. – М., 1983.
25. Поппер, К. Реализм и цель науки / К. Поппер // Современная философия науки. – М., 1996.
26. Поппер, К. Нищета историзма / К. Поппер. – М., 1993.
27. Порус, В. Н. О философских аспектах проблемы «несоизмеримости» научных теорий / В. Н. Порус // Вопросы философии. – 1986. – № 12.
28. Розов, М. А. Проблемы эмпирического анализа научных знаний / М. А. Розов. – Новосибирск, 1977.
29. Смирнов, В. А. О логических отношениях между теориями / В. А. Смирнов // Идеалы и нормы научного исследования. – Минск, 1981.
30. Современная философия науки: Знание, рациональность, ценности в трудах мыслителей Запада : хрестоматия / под ред. А. А. Печенкина. – М., 1996.
31. Степин, В. С. К проблеме структуры и генезиса научной теории / В. С. Степин // Философия. Методология. Наука. – М., 1972.
32. Степин, В. С. Философия и методология науки / В. С. Степин, В. Г. Горохов, М. А. Розов. – М., 1996.
33. Степин, В. С. Теоретическое знание / В. С. Степин. – М., 2000.

34. Структура и развитие науки. Из Бостонских исследований по философии науки / под ред. Б. С. Грязнова и В. Н. Садовского. – М., 1978.
35. Тулмин, Ст. Концептуальные революции в науке / Ст. Тулмин // Структура и развитие науки. Из Бостонских исследований по философии науки / под ред. Б. С. Грязнова и В. Н. Садовского. – М., 1978.
36. Ушаков, Е. В. Введение в философию и методологию науки / Е. В. Ушаков. – М., 2005.
37. Фейерабенд, П. Избранные труды по методологии науки / П. Фейерабенд. – М., 1986.
38. Философия науки / под ред. В. И. Купцова. – М., 1973.
39. Философия науки: Общие проблемы познания естественных и гуманитарных наук : хрестоматия / под ред. Л. А. Микешеной. – М., 2005.
40. Эйнштейн, А. Эволюция физики / А. Эйнштейн, Л. Инфельд. – М., 1965.

7. ФИЛОСОФИЯ НАУЧНЫХ ТРАДИЦИЙ И РЕВОЛЮЦИЙ. ТИПЫ НАУЧНОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ

(Баева Л.В.)

Процесс приближения человека к истине происходит постепенно. Это бесконечный путь, завершение которого недостижимо. Поэтому следует уточнить, что истина – некий абстрактный идеал, возможность, а ее достижение – способ совершенствования, усложнения. Создавая науку, человеческий разум не обретает *всеведения*. Всеведение является идеалом, пожалуй, более религиозным, чем научным. Пределы приближения человека к истинному знанию всегда исторически конкретны и социально обусловлены, поэтому конкретные знания всегда сочетают в себе относительные и абсолютные моменты истины. Что же является движущими силами развития знания и роста науки? Является ли наука просто накоплением неопровержимых истин или ее характеризует скачкообразный рост? Как сочетаются в ее развитии эволюция и революции? Этим вопросам и будет посвящена наша лекция.

1. Роль традиций в развитии науки. Понятие парадигмы. Проблема сочетания эволюции и революции, традиции и инновации в философии науки оказалась одной из наиболее острых и дискуссионных в XX веке. Значительный вклад в ее решение был внесен Т. Куном, утверждающим революционный характер развития научного знания. При

этом Т. Кун уделит значительное внимание не только революциям, но и традициям в науке.

Большинство исследователей XX века занимались изучением революционных преобразований в науке, анализом ее состояния в кризисные переломные этапы истории. Проблему научных традиций наряду с революциями впервые подробно исследовал Т. Кун в работе «Структура научных революций» (1962). Т. Кун во многом впервые применяет метод историзма в анализе науки, выступая оппонентом К. Поппера, который полагал, что наука постоянно переживает революции. Т. Кун выдвинул, казалось бы, противоречивый феномен: традиции являются условием возможности развития научного знания. Под традициями науки Т. Кун понимает утвердившиеся в определенной области знания парадигмы, базирующиеся на прошлых достижениях. К научным парадигмам относятся ранее открытые теории, которые по тем или иным причинам начинают интерпретироваться как образец решения всех научных проблем, как теоретическое и методологическое основание науки в ее конкретно-историческом пространстве.

Парадигма определяется Т. Куном как совокупность знаний, методов, образцов решения конкретных задач, ценностей, безоговорочно разделяемых членами *научного сообщества* – группы ученых, объединенных совокупностью знаний и определенным подходом к решению научных проблем. Парадигмы лежат в основании развития «нормальной науки». Понятие «нормальная» наука также введено Т. Куном. По его выражению, «ученые в русле нормальной науки не ставят себе цели создания новых теорий, обычно к тому же они нетерпимы к созданию таких теорий другими»¹. Чаще всего, речь идет о некоторой общепринятой теоретической концепции типа системы Н. Коперника, механики И. Ньютона и т.п.

Исследования в русле «нормальной» науки направлены на разработку тех явлений и теорий, существование которых парадигма заведомо предполагает. В этот период наука развивается в рамках традиции, несмотря на то, что в ней может не происходить крупных научных открытий. Ценность этого этапа состоит в систематизации известных фактов, их более детальном объяснении в рамках научной парадигмы, открытии новых фактов, опираясь на предсказания господствующей теории, совершенствовании опыта решения проблем, возникших в контексте данной теории. Таким образом, традиция не только не тормозит развитие науки, но и оказывается важнейшим условием ее углубления. По словам Т. Куна, «для ученого результаты научного исследования значительно уже, по крайней мере, потому, что они расширяют область и повышают точность применения парадигмы»².

¹ Кун Т. Структура научных революций. М., 1977. С. 45–46.

² Там же. С. 60.

Т. Кун утверждал, что в науке нет и быть не может факторов, независимых от научной парадигмы. Невозможен, по мысли Куна, и эмпирически нейтральный язык наблюдения. Ученые, включенные в научное сообщество, видят мир сквозь призму принятой парадигмы, полагает он, ибо не факты определяют теорию, а теория выбирает те или иные факты, которые могут войти в ее осмысленный опыт. Пытаясь более точно эксплицировать понятие «парадигма», Т. Кун в дальнейшем трансформировал его в понятие «дисциплинарной матрицы», учитывающей как принадлежность ученых к определенной дисциплине, так и систему правил научной деятельности.

Сравнивая структуру дисциплинарной матрицы и парадигмы, можно отметить их явное сходство и выделить следующие составляющие их компоненты:

- символические обобщения, здесь имеются в виду те выражения, которые используются членами научной группы без сомнений и разногласий; они имеют формальный характер или легко формализуются;
- необходимые предписания (или метафизические парадигмы);
- ценности, признанные в рамках данной дисциплины; чувство единства во многих сообществах возникает именно благодаря общности ценностей;
- и, наконец, так называемые «образцы» решения тех или иных стандартных задач.

Концепция Т. Куна развивается в трудах современных отечественных специалистов в философии науки. Прежде всего, речь идет о разработке концепции многообразия научных традиций, предложенной В.С. Степиным, В.Г. Гороховым, М.А. Розовым. По способу существования они выделяют вербализованные (существующие в виде текстов) и невербализованные (не выразимые в языке полностью) традиции. Первые существуют в виде текстов научных трудов, а вторые относятся к типу так называемого «неявного знания» (термин М. Полани). Это трудно выразимые в терминах предписания по созданию «красивых», изящных решений, этических норм научного сообщества. В целом изучаемая технология создания и развития парадигмы науки показывает, что она не является замкнутой на сферу норм и предписаний, а представляет собой открытую систему, включающую образцы неявных знаний, почерпнутых не только из сферы научной деятельности, но и повседневного, художественного, религиозно-мистического или иного типов опыта ученого.

2. Факторы возникновения новых знаний. *Как же возникает в науке новое знание?* По мнению Т. Куна, возникновение научных открытий связано с появлением и осознанием *аномалии*, т.е. «с установлением того факта, что природа каким-то образом нарушила навешанные парадигмой

ожидания»¹ («они создаются непреднамеренно в ходе игры по одному набору правил, но их восприятие требует разработки другого набора правил»²). Это может *случайно* или *побочным образом* привести к открытию нового явления или созданию новой концепции объяснения его природы. Т. Кун приводит примеры с открытием рентгеновских лучей физиком В. Рентгеном и открытием кислорода в экспериментах А. Лавуазье.

Другое объяснение предлагают В.С. Степин и М.А. Розов, утверждая, что новое знание возникает благодаря существованию и взаимодействию многообразия традиций и является результатом целенаправленных действий. Источником знания М.А. Розов называет состояние незнания, в котором ученый, не зная причины какого-то явления, *целенаправленно* стремится их изучить (незнание причины или природы какого-либо известного явления). Другим источником нового знания можно считать состояние неведения (когда сама область непознанного в принципе не известна исследователю), где целенаправленный поиск решения невозможен. В этом случае, по мнению М.А. Розова, возможны непреднамеренные открытия. М.А. Розов предлагает несколько объяснений этого процесса:

1. *Концепция «пришельцев»* состоит в том, что в какую-то науку приходит ученый из другой научной области и начинает решать ее задачи при помощи методов своей родной сферы. В результате своеобразного монтажа методов той науки, в которую пришелец внедрился, и той, из которой он пришел, оказывается возможным синтез традиций, ведущий к новым качественным достижениям (например, открытие Пастера оказались комбинированием традиций химии и биологии).

2. *Концепция побочных результатов исследования.* Работая в рамках нормальной науки, ученый получает какие-то побочные результаты или эффекты, которые им не планировались. Необычность требует объяснения, что предполагает выход за узкие рамки данной традиции.

3. *Концепция «движения с пересадками».* Побочные результаты, непреднамеренно полученные в рамках одной из традиций, будучи для нее «бесполезными», могут оказаться очень важными для другой традиции. Именно так открыл закон взаимодействия электрических зарядов Ш. Кулон. Работая в традиции таких наук, как сопротивление материалов и теория упругости, он придумал чувствительные крутильные весы для измерения малых сил. Но закон Кулона появился только тогда, когда этот прибор был использован в учении об электричестве.

¹ Кун Т. Структура научных революций. М., 1977. С. 80.

² Там же.

Суммируя аргументы данных подходов, можно заключить, что получение нового знания в науке – это результат взаимодействия новаций и традиций, а также объективных законов и творчества ученого как субъекта¹.

Новация (в самом широком смысле) – это все то, что возникло впервые, чего не было раньше. Характерный пример новаций – научные открытия, фундаментальные, «сумасшедшие» идеи и концепции – квантовая механика, теория относительности, синергетика и т.п. Формулируя новые научные идеи, «мы должны проверять старые идеи, старые теории, хотя они и принадлежат прошлому, ибо это – единственное средство понять значительность новых идей и пределы их справедливости»².

Традиции в науке – знания, накопленные предшествующими поколениями ученых, передающиеся последующим поколениям и сохраняющиеся в конкретных научных сообществах, научных школах, направлениях, отдельных науках и научных дисциплинах. Множественность традиций дает возможность выбора новым поколениям исследователей тех или иных из них. А они могут быть как позитивными (что и как принимается), так и негативными (что и как отвергается). Жизнеспособность научных традиций коренится в их дальнейшем развитии последующими поколениями ученых в новых условиях.

3. Научные революции и их типы. Теперь обратимся к изучению такого явления, как «*научная революция*». Революциями называют такой вид новаций, который отличается от других видов не столько характером и механизмами генезиса, сколько своей значимостью, последствиями для развития науки и культуры. Этапы развития науки, связанные с перестройкой исследовательских стратегий, задаваемых основаниями науки, получили название научных революций.

В теории Т. Куна научные революции определены как смена парадигм, влекущая за собой перестройку оснований и ценностей всей науки. Т. Кун распространяет понятие «революция» не только на крупнейшие события, такие, как гелиоцентрический переворот Н. Коперника, эволюционная теория Ч. Дарвина, теория относительности А. Эйнштейна, но и на изменения в научном сообществе, обусловленные «реконструкцией предписаний». Для ученых вне данного сообщества подобные изменения могут не быть революционными, и в этом смысле можно говорить об относительной революции в науке. В поздних работах Т. Кун даже ввел термин «микрореволюции», однако он не имел развития в последующих теориях и быстро вышел из употребления. Научные революции не всегда полностью опровергают старую науку, не отбрасывают они и открытых ранее фактов. Ценность научных революций в том, что они изменяют теоретическую интерпретацию прежних

¹ См. Степин В.С., Горохов В.Г., Розов М.А. Философия и методология науки. М., 1996.

² Эйнштейн А., Инфельд Л. Эволюция физики. М., 1965. С. 63.

накопленных фактов, проводят переоценку знаний, очищая их от заблуждений, схоластики, «шелухи».

Исследователи отмечают, что признаками научной революции, кроме бросающихся в глаза аномалий, являются кризисные ситуации в объяснении и обосновании новых фактов, борьба старого знания и новой гипотезы, острейшие дискуссии. Научная революция – не одномоментный акт, а длительный процесс, который сопровождается радикальной перестройкой и переоценкой всех ранее имевшихся факторов. При этом изменяются не только стандарты и теории, но и конструируются новые средства исследования.

Результатами научного переворота является определенное затруднение во взаимопонимании среди представителей отдельных парадигм. Те методы, которые применялись раньше и те проблемы, которые считались первостепенными, могут оказаться в новом свете совсем не актуальными. Но новая парадигма представляет исследователям и новые перспективы. Процесс трансформации методов и задач может затянуться на долгие годы, и порой новая парадигма сталкивается не с меньшим (а возможно и с большим) количеством трудностей, чем старая.

Ряд исследователей в области философии и методологии науки выделяют среди главных компонентов оснований науки идеалы, ценности, методы, научную картину мира, философские идеи и принципы, обосновывающие идеалы и методы научного исследования. В зависимости от того, какой компонент науки перестраивается, различают две разновидности научной революции:

1) идеалы и нормы научного исследования остаются неизменными, а картина мира пересматривается;

2) одновременно с картиной мира радикально меняются не только идеалы и нормы науки, но и ее философские основания¹.

По мнению В.И. Купцова, можно выделить три вида революций:

1) построение новых фундаментальных теорий;

2) внедрение новых методов исследования;

3) открытие «новых миров»².

Примерами революций первого типа могут послужить коперниканский переворот, революция Ньютона, теория относительности Эйнштейна, эволюционная концепция Дарвина и др.

Революции второго типа также имеют далеко идущие последствия. К ним можно отнести открытие микроскопа в биологии, оптического и радиотелескопа в астрономии, «воздушной археологии» (радиоуглеродный метод датировки, методы аэрофотосъемки).

¹ См.: Основы философии науки / В.П. Кохановский, Т.Г. Лешкевич, Т.П. Матяш, Т.Б. Фатхи. Ростов н/Д., 2004.

² См.: Философия науки / Под ред. В.И. Купцова. М., 1973.

Если речь идет об открытиях новых «миров», это означает, что открывается область непознанного, мир новых объектов и явлений, у которых нет даже имени. Простейший пример – великие географические открытия новых земель, акваторий, культур. Это и открытие мира микроорганизмов и вирусов, мира атомов и молекул, мира электромагнитных явлений, элементарных частиц, других галактик и т.д.

Значительная трансформация оснований науки, происходящая в ходе научных революций приводит к смене типов научной рациональности. Изменение парадигмы, приносимое научной революцией, может вызвать значительное сопротивление многих представителей научного сообщества. Причем в процессе столкновения старой и новой теорий обе стороны действуют на основе принципов рациональности. Сопротивление новым идеям, консервативность мышления в целом не является проявлением иррациональности. В связи с этим возникает вопрос, существуют ли объективные критерии научной рациональности и как объяснить то, что, отстаивая противоположные идеи, ученые в том и другом случае действуют с позиции научной рациональности?

4. Научная рациональность и ее формы. Для рассмотрения этого вопроса обратимся к рассмотрению проблемы *научной рациональности* в истории и философии науки.

Наиболее острая дискуссия, касающаяся проблемы научной рациональности, развернулась в конце 60–70 гг. XX века между ведущими методологами науки К. Поппером и Т. Куном. К. Поппер представлял тогда классическую европейскую концепцию науки, понимаемую как царство разума, истины, резко противостоящей ненаучному, обыденному, наивному мировоззрению. Главным отличием науки К. Поппер считал критический рационализм – стремление все рассматривать как объект рационального анализа. Т. Кун, предложивший исторический подход, подчеркивал, что сама рациональность – свойство не столько науки, знания, а лишь то, что принято в качестве такового научным сообществом, авторитетами, лидерами, небольшой группой ученых, которые навязывают остальным свое понимание рационального. Каждая парадигма, полагал Т. Кун, устанавливает свои стандарты рациональности, и пока она господствует, эти стандарты абсолютны, но со сменой парадигм происходит и смена стандартов рациональности.

Вывод Т. Куна особенно болезненно затрагивал убеждения тех, кто видел в научном развитии объективную логику и верил в прогресс, состоящий в увеличении истинного знания. Т. Куна обвинили в иррационализме, и ему пришлось разъяснять, что он выступает не против рациональности, а против ее слишком узкой трактовки, против отождествления рационального и логически-нормативного анализа.

Ст. Тулмин, в отличие от Т. Куна, был не склонен драматизировать смену стандартов рациональности как прыжок через пропасть «научной

революции». Стандарты рациональности, или, как выражается Ст. Тулмин, «матрицы понимания» (их роль играют «идеалы естественного порядка»: аристотелевское уравнение движения, законы Г. Галилея, И. Ньютона и т.п.), сосуществуют или чередуются, проходя испытание на «выживаемость» в «интеллектуальной среде» через механизм отбора. «Выживают» матрицы, лучше других приспособившиеся к этой среде; факторами отбора могут быть «когнитивные» и социальные явления и процессы.

Для И. Лакатоса принципиальной стала идея рациональной реконструкции. Если история науки представляет ученому факты, которые, кажется, имеют иррационалистический характер, то задача рационалиста заключается в том, чтобы пересказать ту же историю в рационалистической версии. Рациональная реконструкция – это предлагаемая историком науки возможная модель, укладывающая неудобные исторические факты в рационалистические рамки. В этом смысле научное сообщество не ищет абсолютно правильную теорию, а работает в режиме сравнения, отбора самой оптимальной из спектра научных программ.

Еще в большей степени к релятивизму склоняется концепция рациональности П. Фейерабенда. Вместо критериальной рациональности он предлагает принцип «все дозволено» («anything goes»). Согласно этому принципу, в равной степени правомерны различные типы рациональности, доминирующие в разных интеллектуальных традициях, в разные исторические периоды; даже индивидуальное суждение обладает статусом рациональной нормы. При этом научное сообщество трактуется как частный случай «традиционного» общества, изучаемого этнологами¹.

Однако требуется пояснить, что же понимается в философии под самим термином «рациональность»? Попытки определения сущности рациональности неоднократно предпринимались различными исследователями. Наиболее емкое определение «рационального» сформулировал Н. Мудрагей: «Рациональное – это логически обоснованное, теоретически осознанное, систематизированное универсальное знание предмета... это в гносеологическом плане. В онтологии – предмет, явление, действие, в основе которого лежит закон, формообразование, правило, порядок, целесообразность»². По мнению Б.С. Грязнова, рациональная система научного знания должна быть, во-первых, гомогенной, во-вторых, замкнутой и, наконец, в-третьих, представлять собой причинно-следственную структуру. Рациональность понимается им как присущее субъекту универсальное средство

¹ См.: Порус В.Н. О философских аспектах проблемы «несоизмеримости» научных теорий // Вопросы философии. 1986. № 12.

² Мудрагей Н.С. Рациональное-иррациональное: взаимодействие и противостояние // Исторические типы рациональности. М., 1996. Т. 1. С. 73.

организации деятельности. По М. Веберу, рациональность – это точный расчет адекватных средств для данной цели, по Л. Витгенштейну – наилучшая адаптированность к обстоятельствам, по Ст. Тулмину – логическая обоснованность правил деятельности. Канадский философ У. Дрей рациональным называет всякое объяснение, которое стремится установить связь между убеждениями, мотивами и поступками человека. А. Никифоров обращает внимание на то, что рациональность можно рассматривать трояко: как соответствие «законам разума», как «целесообразность» и как цель науки. Однако и это определение, как нам представляется, может быть дополнено рядом существенных положений.

По нашему мнению, характерными чертами и определяющими признаками рациональности как принципа являются следующие:

- рефлексия, «выделенность» разума и направленность на самого себя; понимание разума как цели, смысла эволюции, высшей ценности человеческой цивилизации;
- опора на факты, законы логики, опыт (в противопоставление опоре на чувства, откровение, интуицию и т.д.);
- объективность знания как условие его достоверности;
- антиномичность мышления, разграничение мира на противоположности;
- преобразующий характер познания, активность, обусловленная приоритетом разума в системе ценностей и приоритетом субъекта над объектом;
- признание истинным лишь того, что доступно и подвластно разуму и может быть им использовано;
- творческий, индивидуальный, личностный характер мышления (в отличие от коллективного мифологического);
- признание возможности познания мира, вера в науку как в средство решения любых проблем.

Таким образом, рациональность в классическом варианте означает разумность, логичность, целесообразность, систематичность, согласованность, критичность, упорядоченность суждений. Однако сегодня ученые приходят к выводу, что нет единого принципа, стандарта рациональности, а существуют различные исторические типы рациональности. Они соответствуют определенным этапам развития культуры и науки.

В таком значении рациональность не сводится только к научной форме. В более широком смысле рациональность – некий принцип, организующий жизнедеятельность и культуру западного мира, формирование которого начинается еще в античности, и прежде чем анализировать его связь с научными революциями, рассмотрим некоторые основные вехи в его формировании.

В свое время Ф. Ницше обозначил рождение рациональности появлением «аполлонийского» начала в противовес более древнему, стихийно-иррациональному «дионисийскому». Его характерными признаками он считал строгую и сухую логику, анализ (как рассечение объекта на части для их поэтапного изучения), опору исключительно на разум, теоретизирование. Решающую роль в утверждении нового миропонимания сыграли Зенон Элейский, Сократ и Платон, которые сделали предметом мышления само мышление и осуществили не доступную ранее рефлексию, как образно писал Г. Шпет: «Чистый европеизм пробудился в тот момент, когда первый луч рефлексии озарил человеку его собственные переживания»¹. В контексте своего учения об идеях Платон обосновывает двуединую природу человека, где разумная душа уже не принадлежит Природе, а относится к сверхприродной Всеобщности. И если софисты в качестве «меры всех вещей» называли человека, то Сократ и Платон уточняют, что именно «человек мыслящий» и есть мера всех вещей. В классической Греции впервые утверждается ценность рационального знания, достигаемого разумом с помощью диалектики (у Платона) и логики (у Аристотеля).

Средневековая патристика и схоластика поставили перед рациональным знанием задачу обоснования теологических догматов, исключив момент творчества заранее утвержденным результатом «научного» исследования.

После пятнадцативекового господства ревелационизма (принцип, считающий главным источником познания Божественное откровение) начинают формироваться ценности объективного предметного, практического знания, незыблемости истины, науки, которые окончательно оформились в эпоху Просвещения. Рациональность вышла за рамки мыслительной деятельности, породив науку, ставшую с Нового времени активной производительной силой. В результате этого начался процесс рационализации всех сторон жизнедеятельности: в ведении хозяйства, в управлении, в экономической и политической деятельности, в культуре.

5. История научных революций. Формирование рациональности оказалось тесно связанным с развитием науки, и каждая из научных революций вызывала к жизни новый тип рациональности. *Первая научная революция* произошла в XVII веке, в результате чего возникла классическая европейская наука, прежде всего механика, а позже физика. Она была связана с открытиями *гелиоцентрической* системы Н. Коперника и Дж. Бруно, закона инерции, астрономических и физических законов Г. Галилея, законов движения И. Кеплера, законов движения и всемирного тяготения И. Ньютона.

¹ Шпет Г. Философские этюды. М., 1994. С. 27.

В ходе этой революции сформировался особый тип рациональности, названный научным. Он стал результатом того, что наука отказалась от метафизики и схоластики. И хотя философия Декарта не отрицала творения мира богом, она при этом утверждала, что с момента создания мир стал развиваться по своим имманентным законам. С теорией «двойственной истины» научное и религиозное мировоззрение разграничили сферы влияния. К основным чертам данного типа рациональности можно отнести:

1. Утверждение **механицизма** и **детерминизма** в понимании мира и человека. Космос, Универсум понимается в качестве некой системы механических устройств, находящихся в жестком поле причинно-следственных связей. Механическая картина мира приобрела статус универсальной научной онтологии.

2. Возрастание ценности индивидуального разума, авторского, творческого начала в познании. Разум перестает быть коллективным или божественным, освобождаясь при этом и от нравственной сферы. Формируется культ так называемого «чистого» разума, свободного как от догматизма, традиций, так и от ценностей и моральных ограничений. По мнению А. Койре, из науки изгоняются все рассуждения о гармонии, смысле, совершенстве, цели и т.д. Неизменное, беспристрастное, объективное, всеобщее знание становится идеалом научной рациональности.

3. Принцип ясности, проницаемости объектов для познания, ограничение реальности до рамок того, что может быть познано разумом. Данный принцип утверждает, что мир не содержит тайн и чудес, непознаваемых в принципе, с одной стороны, и что в мире есть только то, что может быть понято и проконтролировано разумом – с другой. Реальность превратилась в рационально построенный мир, открытый для познания. Разум при этом рассматривался как главный инструмент для его освоения и покорения.

4. Утверждение **антропоцентризма** и понимание разума в качестве силы, обеспечивающей субъекту центральное место в мире и господство в природе. Понимание знания в качестве главного инструмента утверждения господства человека в мире природы.

5. Признание существования объективной истины, которая может быть установлена через очищение познания от субъективности. Понимание истины как адекватного реальности знания о предмете. Уверенность в возможности построить одну-единственную истинную теорию, доказательства и аргументы которой будут абсолютными, а не исторически ограниченными.

Данный тип рациональности оказывал сильное влияние на исследовательские стратегии в физике, химии, биологии. В эпоху Просвещения рациональное практически было отождествлено с научным,

и все виды знания, отличающиеся от научных, критиковались и отбрасывались.

Вторая научная революция произошла в конце XVIII – начале XIX века. В это период совершается переход от классической науки, ориентированной в основном на изучение механических и физических явлений, к дисциплинарно организованной науке. Появление биологии, химии, геологии способствовало тому, что механическая картина мира перестала быть общезначимой и общемировоззренческой. Специфика объектов, изучаемых в биологии или геологии, требовала иных, по сравнению с классическим естествознанием, принципов и методов. В картину мира включаются идеи развития органических, а не механических взаимодействий. Это потребовало отказа от стремления все объекты описывать в терминах механики или математики. Главным объектом естествознания становится «жизнь», которая включала не только телесный, но и эмоциональный, ценностный компоненты.

Значительный вклад в развитие науки в этот период внесли труды И. Канта и П. Лапласа о происхождении Солнечной системы, открытие электромагнетизма О. Кулоном, теории эволюции органического мира Ж. Ламарка, теория геологической эволюции Ч. Лайеля, теория происхождения видов и естественного отбора Ч. Дарвина, клеточная теория М. Шлейдена и Т. Шванна (в ботанике и зоологии), закон единства и превращения энергии Ю. Майера и Дж. Джоуля, открытие органической химии Ф. Велером, периодического закона химических элементов Д.И. Менделеева, открытие кислорода А. Лавуазье, создание теории электромагнитного поля М. Фарадеем и Дж. Максвеллом.

В самой физике также появлялись новые тенденции. Наряду с развитием классических теорий (электромагнетизма Дж. Максвелла, статической физики) появлялись неклассические способы обоснования научных знаний. Развитие математики и ее включение в физику позволили исследовать не только детерминированные, но и случайные процессы, которые, согласно принципам классического рационализма, могли рассматриваться только как иррациональные. Теории Дж. Максвелла и Л. Больцмана признавали принципиальную допустимость множества возможных интерпретаций в физике. Примером этого может служить одновременное сосуществование двух альтернативных теорий света: волновой и корпускулярной. Ими же были поставлены под сомнение возможности слов адекватно выражать содержание мышления и изучаемой реальности. То есть внутри самой классической физики формировались начала нового понимания идеалов и норм научности.

Третья научная революция охватывает период со второй половины XIX века до середины XX века и характеризуется появлением *неклассического* естествознания и соответствующего ему нового типа рациональности. Революционные преобразования произошли сразу во

многих науках: в физике были разработаны релятивистская и квантовая теории, в биологии – генетика, в химии – квантовая химия. В центр исследований выдвигается изучение объектов микромира. В этот период происходит каскад принципиальных открытий: радиоактивности (А. Беккерель, супруги Кюри), электрона (Дж. Томпсон), планетарной модели атома (Э. Резерфорд), квантовой теории (М. Планк), новой теории атома (Н. Бор), теории относительности (А. Эйнштейн). Третья научная революция, по сути, отвергла постулаты классической науки: об атомах как о твердых телах, о времени и пространстве как о независимых абсолютах, о строгой механической причинности всех явлений, о возможности объективного наблюдения природы. Все открытия говорили о том, что все действительно с «точностью до наоборот»: материя и энергия переходят друг в друга; атомы – заполнены пустотой; пространство и время составляют трехмерный континуум, время зависит от скорости; планеты движутся вокруг Солнца не потому, что их притягивает сила тяжести, а потому, что пространство искривлено; частицы вели себя как волны и показывали различные данные в условиях наблюдения.

Произошли существенные изменения в понимании идеалов и норм научного знания:

1. Ученые согласились с тем, что исследователь имеет дело не только с объектом, но и с тем, как данный объект является наблюдателю или его приборам. Если в классической физике идеалом объяснения была характеристика объекта «самого по себе», то в квантово-релятивистской физике, изучающей микрообъекты, объяснение и описание стали невозможны без фиксации средств наблюдения, которые оказывали сильное влияние («возмущение») на объект и не позволяли наблюдать его в одном и том же начальном состоянии.

2. Любое исследование стало представляться как взаимодействие субъекта и объекта, поэтому необходимо иметь в виду, что ученый познает не саму реальность («вещь-в-себе»), а некоторую сконструированную его чувствами и разумом имитацию. Любая теория стала лишь только точкой зрения.

3. Возникла проблема принципиальной непознаваемости сущности объектов для рациональных форм постижения, начались поиски альтернативных методов.

4. На фоне открытия множественности форм реальности обосновывалась необходимость теории множественности истин, их постоянная относительность и историчность.

Четвертая научная революция совершилась в последнюю треть XX века. Главными событиями этого периода явились компьютеризация науки, усложнение приборных комплексов, рост междисциплинарных исследований, разработка идей синергетики. Эта революция оказалась

связана с появлением особых объектов исследования, что привело к радикальным изменениям в основаниях науки. Наиболее существенные открытия происходят в космологии. Теория эволюции Вселенной была предложена русским математиком А. Фридманом, обосновавшим, что Вселенная находится в состоянии развития, эволюции и, следовательно, имела начало и может иметь финал, в принципе ненаблюдаемые человеком. Наука, изучающая объекты, которые не могут быть проверены в опыте, становится больше похожей на метафизику, где главным методом является умозрение. Идея И. Канта об антиномичности разума находит все больше подтверждений в открытиях науки, которые, будучи экспериментально и логически доказанными, противоречат друг другу (антиномичность электрона в физике, показанная Н. Бором). Таким образом, современная стадия развития науки оказалась отмечена не только небывалыми темпами, но и качественно новыми принципами, нормами, ценностными и мировоззренческими ориентирами.

Рождается *постнеклассическая* наука, объектами изучения которой становятся исторически развивающиеся системы. Термин «постнеклассическая» был введен в научную литературу профессором В.С. Степиным, который полагал, что этот тип представляет собой не отрицание неклассической рациональности, а говорит о ее вхождении в новейшую стадию. Однако многие философы и ученые стали расценивать происходящие изменения в науке 70–80-х гг. XX века как революционные, качественно меняющие облик самой науки.

Формируется рациональность постнеклассического типа. Ее основные характеристики состоят в следующем.

1. Изучаемые объекты рассматриваются не только с позиции системного, но и исторического анализа, не только в гуманитарных науках или геологии, но и в физике, химии и других науках. В ходе разработки идей термодинамики неравновесных процессов возникло новое направление в науке – синергетика, оказавшая влияние на методологию объяснения исторически развивающихся систем.

2. Такие системы рассматриваются как переходные от состояния устойчивости в состояние бифуркации, где роль случайных и даже незначительных условий может оказать решающее влияние и изменить направление развития всей системы. Какая из возможностей при этом возобладает, предсказать не возможно, что повышает уровень неопределенности как для системы, так и для науки.

3. Субъект познания в связи с этим наделяется повышенной ответственностью, поскольку именно он и может оказаться тем «небольшим случайным воздействием», которое обусловит переход системы на необратимый следующий уровень. Исследователь теперь не просто наблюдатель, но главный участник изучаемых процессов.

4. Постнеклассическая наука впервые обратилась к изучению таких исторически развивающихся систем, непосредственным компонентом которых является сам человек. Это объекты экологии, включая биосферу, медико-биологические, биотехнологические объекты и др.

5. Поскольку изучаемые системы включают и человека, ценностно-нейтральный подход оказывается неприемлемым. Объективное объяснение систем приобретает аксиологический и этический оттенок, так как содержит отношение субъекта и к самому себе, которое никогда не может быть объективным. Значительную роль при этом начинает играть нравственная, эмоциональная, интуитивная сферы, что приводит к сочетанию рациональных методов с иррациональными.

Переживанием кризиса рационализма и Ответом на него явилось развитие иррациональных и критических направлений в философии от экзистенциализма до постмодернизма. Разграничивая «вычисляющее мышление» и «осмысляющее раздумье», М. Хайдеггер еще в первой половине XX века одним из первых показывает ограниченность узко рационального подхода к пониманию сущности бытия. Мышление западного человека, по сути, являющееся исчислением и разграничением, по мысли немецкого философа, также не существенно, как и внешние по отношению к человеку виды деятельности, поскольку цель его та же – внешнее господство.

Критика рациональности как главной ценности западного мышления характерна и для философии представителей Франкфуртской школы. Ее основатели Т. Адорно и М. Хоркхаймер в «Диалектике просвещения» обосновывают идею о том, что развертывание разумного начала имманентно не приводит к увеличению человеческой свободы. В разуме они видят лишь специфический орган приспособления человека к окружающей среде, который вырастает из природы и призван служить ее покорению.

Психоаналитическое обоснование такому пониманию рациональности дает другой представитель Франкфуртской школы Г. Маркузе. В работе «Эрос и цивилизация» он подчеркивает, что отчуждение является неизменным спутником всякой цивилизации с сопутствующей ей «репрессивностью» разума. Рассматривая исторический процесс в целом, Г. Маркузе приходит к выводу о том, что тотальный рационализм как последнее воплощение идеи Разума не может совпадать с прогрессом, поскольку непрекращающиеся ограничения Эроса в конце концов ослабляют инстинкты жизни¹.

Специфическим протестом против культа рационализма становится постмодернизм. Его представители – Ж. Деррида, Ж. Лиотар, Ж. Делез, Э. Левинас, исходя из констатации неоднозначности, многофакторности

¹ См.: Маркузе Г. Эрос и цивилизация: пер. с англ. М., 2003.

самого бытия, подошли к выводу о невозможности объективного рационального системного знания как научного, так и философского. Оценивая мир как «вещь-в-себе», не позволяющие делать о себе никаких утверждений представители *постструктурализма* и *постмодернизма* обосновывают самоценность познающего субъекта, без интерпретаций которого бытие не существует.

Постнеклассическое мировоззрение и наука изменили коренные представления о мире, субъекте, истине, процессе познания, и это был по истине революционный переворот в сознании. Однако эта революция не завершилась, она продолжается и сегодня на наших глазах. Ежедневно происходят открытия, значение которых трудно переоценить. Классическая рациональность все более теряет свою «чистоту» и включает ценностный, этический, антропный компоненты. Это дает новые возможности и вызывает особые опасения. Тому, что представляет собой современная наука, и будет посвящен следующий раздел.

Основные понятия и термины

Антропоцентризм – принцип, утверждающий центральное, главенствующее значение человека в мире; приоритет ценности человека над всеми другими императивами, в том числе экологическим.

Гелиоцентризм – учение о том, что центром Вселенной является Солнце, вокруг которого вращаются планеты.

Детерминизм – система философских взглядов об объективной, закономерной связи и всеобщей обусловленности всех явлений окружающего мира; принцип, устанавливающий строгую причинно-следственную связь между явлениями.

Механицизм – методологический подход, возникший в Новое время, сторонники которого стремились объяснить все процессы и явления, опираясь на законы классической механики. Механизм наиболее крайних форм сводил все высшие процессы к низшим, рассматривал человека, мир природы в качестве сложных механизмов.

Научная парадигма – образец деятельности, совокупность знаний, методов, образцов решения конкретных задач, ценностей, безоговорочно разделяемых членами научного сообщества.

Научное сообщество – в учении Т. Куна группа ученых, объединенных совокупностью знаний и определенным подходом к решению научных проблем.

Научные революции – такой вид инноваций, когда происходит коренная ломка традиционных представлений, картины мира, ценностных приоритетов, осуществляется смена одной парадигмы другой.

Нормальная наука – в учении Т. Куна период господства и развития определенной научной парадигмы, в течение которого она совершенствуется, дополняется.

Постмодернизм – стиль в культуре и философии, утверждающий множественность, сложность и неоднозначность бытия, мышления и, следовательно, истины; приоритет относительных знаний над абсолютными; изменчивость, открытость, незавершенность умственных построений, избежание застывших парадигм и вечных на все времена метатеорий; понимание объективного мира как «вещи-в-себе», недоступной субъекту и не позволяющей делать о себе никаких утверждений. Мир не существует независимо от интерпретаций; отрицание всех форм тотализации и метаповествования, любых устремлений к интеллектуальному единству, цельности или всеобъемлющей связанности; отношение к человеку как случайному наблюдателю, игроку в игре без правил, имеющему, правда, некую власть над происходящим.

Постструктурализм – направление в западной философии и социо-гуманитарном знании 70–80 гг. XX века, связанное с осмыслением «неструктурного» в структуре, с выявлением апорий и парадоксов, возникающих при попытках объективного познания человека и общества с помощью языковых структур.

Рациональность – совокупность норм, методов, характеризующихся приоритетом разума над внерациональными видами освоения мира, целесообразностью, активностью, творческой направленностью, стремлением к объективности, всеобщности, логической определенности суждений.

Традиции в науке – знания, накопленные предшествующими поколениями ученых, передающиеся последующим поколениям и сохраняющиеся в конкретных научных сообществах, научных школах, направлениях, отдельных науках и научных дисциплинах.

Афоризмы

«Все люди от природы стремятся к знанию» (Аристотель).

«...мудрый знает все, насколько это возможно, не имея знания в отдельности о каждом предмете. Далее, мы считаем мудрым того, кто в состоянии узнать вещи трудные и не легко постижимые для [простого] человека... более мудрым во всякой науке является человек более точный и более способный научать» (Аристотель).

«...ничего, кроме души, недостойно восхищения, а для великой души все меньше нее» (Л.А. Сенека).

«Нужно жить для другого, если хочешь жить для себя» (Л.А. Сенека).

«... живи с людьми так, будто на тебя смотрит бог, говори с богом так, будто тебя слушают люди» (Л.А. Сенека).

«Знание – сила» (Ф. Бэкон).

«Нам трудно поверить тому, что лежит за пределами нашего кругозора» (Ф. Ларошфуко).

«Истинное красноречие – это умение сказать все, что нужно, и не больше, чем нужно» (Ф. Ларошфуко).

«Никто не может за меня мыслить; в истинности мысли я убеждаюсь только через самого себя» (Л. Фейербах).

«...доказательство есть лишь возвращение отчуждения мысли к первоисточнику мысли» (Л. Фейербах).

«Наше знание ограничено – это значит: мы знаем лишь кое-что и немного, а не все» (Л. Фейербах).

Библиографический список

1. Ахундов, М. Д. Методология научных революций и развитие физики / М. Д. Ахундов, С. В. Илларионов // Природа научного открытия. – М., 1986.
2. В поисках теории развития науки. Очерки западноевропейской и американской концепций XX века. – М., 1982.
3. Гадамер, Х.-Г. Истина и метод / Х.-Г. Гадамер. – М., 1998.
4. Гайденко, П. П. Научная рациональность и философский разум / П. П. Гайденко. – М., 2003.
5. Грязнов, Б. С. Логика, рациональность, творчество / Б. С. Грязнов. – М., 1982.
6. Касавин, И. Т. Рациональность в познании и практике / И. Т. Касавин, З. А. Сокулер. – М., 1989.
7. Кун, Т. Структура научных революций / Т. Кун. – М., 1977.
8. Мамчур, Е. А. Проблема выбора теорий / Е. А. Мамчур // Физическая теория. – М., 1980.
9. Марков, Б. В. Проблемы обоснования и проверяемости теоретического знания / Б. В. Марков. – Л., 1984.
10. Микешина, Л. А. Философия науки / Л. А. Микешина. – М., 2005.
11. Научные революции в динамике культуры / ред.-сост. В. С. Степин. – Минск, 1987.
12. Никифоров, А. Л. Научная рациональность и цель науки / А. Л. Никифоров // Логика научного познания: Актуальные проблемы. – М., 1987.
13. Основы философии науки / В. П. Кохановский, Т. Г. Лешкевич, Т. П. Матяш, Т. Б. Фатхи. – Ростов н/Д., 2004.
14. Поппер, К. Логика и рост научного знания / К. Поппер. – М., 1983.
15. Порус, В. Н. О философских аспектах проблемы «несоизмеримости» научных теорий / В. Н. Порус // Вопросы философии. – 1986. – № 12.
16. Порус, В. Н. Системный смысл понятия «научная рациональность» / В. Н. Порус // Рациональность как предмет философского исследования. – М., 1995.

17. Порус, В. Н. Парадоксальная рациональность / В. Н. Порус. – М., 2000.
18. Проблемы истории и методологии научного познания / под ред. В. А. Штоффа. – М., 1983.
19. Пружинин, Б. И. Рациональность и историческое единство научного знания: Гносеологический аспект / Б. И. Пружинин. – М., 1980.
20. Рациональность на перепутье : в 2 т. / отв. ред. В. А. Лекторский. – М., 1999.
21. Родный, Н. И. О научных революциях и формах их проявления / Н. И. Родный // Очерки по истории и методологии естествознания. – М., 1975.
22. Розов, М. А. Проблемы эмпирического анализа научных знаний / М. А. Розов. – Новосибирск, 1977.
23. Смирнов, В. А. О логических отношениях между теориями / В. А. Смирнов // Идеалы и нормы научного исследования. – Минск, 1981.
24. Современная философия науки: Знание, рациональность, ценности в трудах мыслителей Запада : хрестоматия / под ред. А. А. Печенкина. – М., 1996.
25. Степин, В. С. К проблеме структуры и генезиса научной теории / В. С. Степин // Философия. Методология. Наука. – М., 1972.
26. Степин, В. С. Философия и методология науки / В. С. Степин, В. Г. Горохов, М. А. Розов. – М., 1996.
27. Структура и развитие науки / пер. с англ. А. А. Никифорова. – М., 1978.
28. Традиции и революции в истории науки. – М., 1991.
29. Ушаков, Е. В. Введение в философию и методологию науки / Е. В. Ушаков. – М., 2005.
30. Фейерабенд, П. Избранные труды по методологии науки / П. Фейерабенд. – М., 1986.
31. Философия науки / под ред. В. И. Купцова. – М., 1973.
32. Философия науки: Общие проблемы познания естественных и гуманитарных наук : хрестоматия / под ред. Л. А. Микешинной. – М., 2005.

9. СОВРЕМЕННАЯ НАУКА: ПЕРСПЕКТИВЫ И ПРОБЛЕМЫ

(Баева Л.В.)

Современная наука – уже не только движущая сила мировой цивилизации, средство для разрешения человечеством поставленных задач, но и мощная, не всегда контролируемая, энергия, несущая с

небывалым ускорением мир на качественно новые высоты. Это и продвижение в космос, и изменение программы живого организма, и компьютерные технологии, и невиданные ранее возможности коммуникации, и многое другое, что день от дня меняет жизнь человека и его планеты. Рассмотрим наиболее важные открытия и характеристики современной науки и проанализируем ее направленность.

1. Синергетика как методология. Прежде всего, современную науку отличает постнеклассический тип мышления и рациональности, о котором шла речь в предыдущем разделе. Как отмечалось, значительную роль в его формировании сыграла синергетическая концепция. **Синергетика** – теория **самоорганизации** и развития сложных открытых систем различной природы (Г. Хакен, И. Пригожин, Е. Князева, С. Курдюмов). С синергетикой в науку входят новые понятия и категории, такие, как бифуркация, флуктуация, хаосомность, неопределенность, нелинейность, **аттракторы**, необратимость и т.д.

Впервые основные положения синергетической теории были изложены профессором Штутгартского университета Г. Хакеном в 1973 г. на первой конференции, посвященной проблемам самоорганизации. Это положило начало новой дисциплине синергетики. Г. Хакен обратил внимание на то, при переходе от неупорядоченности к порядку возникает сходное поведение элементов, которое он назвал синергетическим или кооперативным эффектом. Подчеркивалось, что синергетические явления наблюдаются в самых разнообразных системах, будь то астрофизические явления, фазовые переходы, гидродинамические неустойчивости, образование циклонов в атмосфере, динамика популяций и даже явления моды. В ставшей классической работе «Синергетика» Г. Хакен отмечал, что во многих дисциплинах, от астрофизики до социологии, мы часто наблюдаем, как кооперация отдельных частей системы приводит к образованию макроскопических структур.

Все системы в современном научном знании рассматриваются с позиции открытости или закрытости. Так, закрытые системы характеризуются тем, что они закрыты от воздействия внешней среды, внутренне стабильны, находятся в равновесии, в состоянии гомеостаза. Открытые системы отличаются тем, что они обмениваются энергией и информацией с внешней средой, внутренней нестабильностью, нелинейностью вариантов развития. Такие системы уникальны, ход их эволюционного изменения не обратим. Еще одним специфическим свойством открытых систем является то, что управлять ресурсами всей системы можно из любой ее точки. К открытым системам относятся природа, общество, сознание, наука и др.

Синергетика фокусирует внимание, прежде всего, на анализе открытых систем различной природы, в которых структуры или функции систем переживают драматические изменения на уровне макромасштабов.

Парадоксальным казалось то, что при переходе от неупорядоченного состояния к состоянию порядка все эти системы ведут себя схожим образом. Г. Хакен следующим образом объясняет, почему он назвал новую дисциплину синергетикой. Во-первых, в ней «исследуется совместное действие многих подсистем... в результате которого на макроскопическом уровне возникает структура и соответствующее функционирование»¹. Во-вторых, она кооперирует усилия различных научных дисциплин для нахождения общих принципов самоорганизации систем. В 1982 г. на конференции по синергетике, проходившей в нашей стране, были выделены конкретные приоритеты новой науки. Г. Хакен подчеркнул, что в связи с кризисом узкоспециализированных областей знания информацию необходимо сжать до небольшого числа законов, концепций или идей, а синергетику можно рассматривать как одну из подобных попыток. По мнению ученого, существуют одни и те же принципы самоорганизации различных по своей природе систем, от электронов до людей, а, значит, речь должна вестись об общих детерминантах природных и социальных процессов, на нахождение которых и направлена синергетика².

В целом основные идеи синергетики состоят в следующем: 1) сложноорганизованным системам нельзя навязать путь их развития; 2) для них, как правило, существует несколько альтернативных вариантов развития; 3) хаос может выступать в качестве созидającego начала, конструктивного механизма эволюции; 4) будущее состояние системы организует, формирует, изменяет ее наличное состояние.

С позиции синергетики саморазвивающиеся системы рассматриваются как целое, находящее в состоянии эволюции через хаос путем спонтанного образования структур, качественных изменений на макроскопическом уровне, эмерджентное возникновение новых качеств. Особенностью данного подхода является понимание линейного, равновесного состояния как временного, а также рассмотрение любой системы как открытой к спонтанным изменениям. Таким образом, впервые предлагается исторический подход к изучению как социальных, так и несоциальных систем. При этом данная методология успешно сочетается с диалектическим и системным подходами и активно используется не только в естествознании и космологии, но и в гуманитарных науках. В плане системного подхода синергетика оказалась весьма продуктивной научной концепцией, поскольку представила все сложные системы как взаимосвязанные и обусловленные общей особенностью формирования от хаоса к порядку.

Синергетика включила в себя новые приоритеты современной картины мира: концепцию нестабильного неравновесного мира, феномен неопределенности и многоальтернативности развития, идею

¹ Хакен Г. Синергетика. М., 1980. С. 15.

² См.: Лешкевич Т.Г. Философия науки: традиция и инновации. М., 2001.

возникновения порядка из хаоса. С позиции данной методологии мир понимается не только как саморазвивающийся, целостный, но и как неустойчивый, нелинейный, неравновесный, хаосогенный. Нестабильность мира не означает, что он не поддается научному изучению, но неустойчивость далеко не всегда есть зло, подлежащее устранению, она может выступать условием стабильного и динамичного саморазвития, которое изживает старые формы (порядок и беспорядок существуют одновременно).

Другим важным следствием синергетической парадигмы является то, что малым, локальным, второстепенным причинам соответствуют глобальные по размаху и энергетической емкости следствия. Это делает будущее принципиально неопределенным и открытым для новообразований. В перспективах эволюционирования таких систем допустимы многочисленные комбинации последующего развития, а в критических точках направленных изменений возможен эффект ответвлений. Поэтому наиболее пригодной для описания поведения подобных систем оказывается древовидная ветвящаяся графика. Это ведет к устранению из современной постнеклассической картины мира ориентации на линейную однозначность и тотальную предзаданность сюжетов последующего развития. Неопределенность становится атрибутивной характеристикой бытия¹.

Овладение синергетической методологией дает исследователям возможность по-новому изучить объекты науки, это касается сложных эволюционирующих природных систем, культуры, социума, науки, механизмов творческого мышления, системы образования и других видов деятельности.

2. Мир как единое целое. Другой важнейшей чертой современной науки можно считать укрепление парадигмы *целостности*, т.е. осознание необходимости глобального всестороннего взгляда на мир. Это выражается в том, что в современных научных исследованиях человек рассматривается не вне изучаемых объектов, а внутри них, или в связи с ними. Кроме того, происходит сближение различных областей науки, в том числе естественных и гуманитарных, для которых приоритетным оставалась ценностно-этическая направленность. Процесс всемирной глобализации затронул и научную сферу, в которой методы западного познания сближаются и пересекаются с традиционными восточными технологиями в области работы над сознанием субъекта. Развивается и углубляется принцип *коэволюции*. Это понятие, будучи биологическим по происхождению, сегодня охватывает обобщенную картину всех мыслимых эволюционных процессов. Коэволюция, по определению Н.Н. Моисеева, – такое поведение человечества, такая адаптация к естественным процессам,

¹ См.: Лешкевич Т.Г. Философия науки: традиция и инновации. М., 2001.

которая сохраняет биосферу в рамках действия того аттрактора (канала эволюции), который оказался способным произвести человека¹. Принцип коэволюции означает такую систему запретов (экологических параметров), которая исключала бы возможность изменения биосферы до той запретной черты, переступить через которую человечество не имеет права. Современное состояние жизни при этом оценивается как критическое: «Биосфера и вся Вселенная «держатся на острие бритвы», и кажущиеся ничтожными изменения их фундаментальных параметров могут привести к «срыву», т.е. ее полной перестройке»². По мнению Н.Н. Моисеева, это должно резко изменить отношение человека к окружающему планетарному сообществу, вызвать ответственность за жизни чужих и далеких ему людей. Теория самоорганизации оказалась созвучной такому подходу, поскольку люди и их деятельность получили роль не просто зрителей, но и реальных участников эволюционного процесса, являя собой его аттракторы. Современная стадия развития науки и технологии рассматривается как точка *бифуркации* – нарушения состояния равновесия или ветвления эволюционных путей. Развитие таких процессов непредсказуемо, поэтому «к числу условий экологического императива следует добавить требование избегать любых бифуркационных состояний»³.

Принцип коэволюции позволил соединить материальные и идеальные системы, природные и социальные процессы. Сторонники теории «ноосферы», коэволюции как высшего этапа трансформации общества в направлении усиления взаимопроникновения бытия и разума связывают с ростом знания динамику общественного и даже планетарного процесса эволюции.

3. Специфика современного знания. Особенностью современной эпохи является предельно высокая роль научного знания, которое становится главным фактором развития общества, его высшей ценностью, выражением свободы, независимости, безопасности, благополучия, процветания. Одновременно знания достигают такой глубины, что вызывают и наибольшую опасность, возможность разрушения не только цивилизации, но и природы, умножение возможностей массовой смерти, болезней и потери смысла существования. В этой связи все больше исследователей говорят об «опасных» знаниях, способных уничтожить жизнь на планете.

Своеобразной чертой современного знания является *деятельностный* характер. Науке уже не свойственна созерцательность, отражательность, пассивность в отношении к окружающей реальности.

¹ Моисеев Н.Н. Быть или не быть... человечеству? М., 1999.

² Там же. С. 42.

³ Моисеев Н.Н. Универсальный эволюционизм (Позиция и следствия) // Вопросы философии. 1991. № 3. С. 27.

Она, начиная с Нового времени, становится активной преобразующей силой цивилизации Запада, что в XX веке приобретает всемирный характер. Научное творчество оказывается сферой, опережающей все иные области эволюции, областью рождения инноваций, внедряемых в материальную (техническую и экономическую) и духовную (идейную и политическую) сферы, интенсифицируя, направляя их развитие.

Современную эпоху отличает невиданный рост ценности знания, который оказывается качественно отличным от аналогичных процессов в прошлом. Его особенностью в эпоху потребления становится утилитарность, с одной стороны, и отсутствие ответственности за результаты его использования – с другой. Обобществление субъекта знания, невозможность изолированного процесса творчества способствуют снижению личной ответственности за применение знаний. Знание как воплощение свободы может рассматриваться и как основание для ее потери. Тем самым небывалый рост ценности знания, сопровождающий грядущее *информационное общество*, может привести как к качественным позитивным, так и к негативным последствиям.

4. Многообразие форм и методов познания. Еще одной особенностью современной науки специалисты называют *методологический плюрализм* – осознание ограниченности, односторонности любой методологии, в том числе рационалистической. Эту ситуацию американский философ П. Фейерабенд обозначил как принцип «все дозволено» («anything go»). По мнению П. Фейерабенда, ученый должен сравнивать новые идеи с другими идеями, а не с опытом, и попытаться улучшить те концепции, которые потерпели поражение в соревновании, а не отбрасывать их. Его нашумевшее произведение «Против методологического принуждения. Очерк анархистской теории познания» (1970) – знаменитый памятник релятивизму. набросок основных рассуждений, предваряющих текст работы «Против методологического принуждения», включает в себя следующие тезисы:

- теоретический анархизм более гуманен и прогрессивен, чем его альтернативы, опирающиеся на закон и порядок;
- единственным принципом, не препятствующим прогрессу, является принцип «допустимо все»;
- можно использовать гипотезы, противоречащие хорошо подтвержденным теориям, развивать науку, действуя контриндуктивно;
- условие совместимости неразумно, поскольку оно сохраняет более старую, а не лучшую теорию, единообразие подвергает опасности свободное развитие индивида;
- не существует идеи, сколь бы устаревшей и абсурдной она ни была, которая не способна улучшить наше познание;
- если наука существует, то разум не может быть универсальным и неразумность исключить невозможно (одно из наиболее сильных

утверждений методолога), эта характерная черта науки требует анархистской эпистемологии¹.

Критика односторонних методов познания не нова, особенно для русской философии. В XIX веке русские философы (И.В. Киреевский, Вл. Соловьев) говорили о необходимости создания «цельного» знания о мире, Боге, человеке с помощью различных видов опыта. Современная наука, отказавшись от строгого рационализма, все чаще стала обращаться к использованию иррационального опыта в изучении мира. Фантазия, воображение, интуиция, вдохновение, эстетическое восприятие и творчество становятся методами научного поиска не только в гуманитарных, но и в точных науках. Все чаще звучат призывы отказаться от демаркации «наука-ненаука». Поэтому современное знание отличается «форсированным плюрализмом», множественностью форм и методов, тесным переплетением рационализма с иррационализмом, методов гуманитарных наук с принципами познания естествознания.

Выражением новой эпистемологии становится *принцип дополнительности*, с успехом применяемый сегодня в различных науках. Впервые данный принцип был предложен Н. Бором, обосновавшим положение о том, что одно и то же явление (объект) может быть описано с позиции различных теорий. Это позволило использовать в исследованиях одних объектов взаимоисключающие понятия (так квант был описан как частица и как волна). Ценность данного принципа состоит в сочетании в процессе исследования противоречивых, антиномичных утверждений и подходов, как дополняющих и обогащающих друг друга. По словам Н. Бора, одно и то же событие мы можем охватить с помощью двух различных способов рассмотрения. Оба способа взаимно исключают друг друга и лишь сопряжение двух противоречащих способов рассмотрения полностью исчерпывает суть явления².

Неклассический принцип дополнительности разрушает классическую идею однозначного соответствия знания реальности безотносительно к способам ее интерпретации. Дополнительность выражает не просто относительность к приборам измерения величин, показателей, но относительность к самим исследовательским стратегиям, парадигмам, понятийным системам. Так, одно и то же явление, например, мировоззрение, может быть рассмотрено и в терминах синергетики, и психоанализа, и экзистенциализма, и диалектического материализма, как дополняющих друг друга, позволяющих всесторонне изучить многогранность данного комплексного феномена³.

¹ См.: Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. М., 1986.

² Бор Н. Атомная физика и человеческое познание. М., 1961.

³ Пример использования данного принципа в гуманитарных науках: Баева Л.В. Генеалогия ценности // Полигнозис. 2004. № 2.

5. Новые представления о Вселенной. Современную науку отличает и новое видение Вселенной, которое характеризует релятивизм. *Релятивизм* утверждает идею естественного предела значений как величин, так и способов их фиксации. Возможны два основных выражения релятивизма: онтологический и гносеологический (эпистемологический). Онтологический релятивизм указывает на связь объективных характеристик предметов и явлений с происходящими с ними процессами: в различных условиях свойства объектов варьируются. Например, в условиях макромира при сильных полях действующая в макромире причинно-следственная зависимость существенно нарушается. Гносеологический релятивизм заключается в отказе от абсолютных (привилегированных) систем отсчета. С этих позиций аппарат науки зависит не от универсальных стандартов, действующих всегда и везде, а от конкретных систем отсчета, связанных с определенными онтологическими интервалами, стадиями, формами. По словам Н. Бора: «Поведение атомных объектов невозможно резко отграничить от их взаимодействия с измерительными приборами, фиксирующими условия, при которых происходят явления»¹. Релятивизм не следует путать с субъективизмом или анархизмом. Он не исключает признания абсолютов, поскольку без них не возможно и само научное знание. Релятивизм подчеркивает лишь, что все виды знания – часть общего процесса развития и изменения.

Наиболее важные области науки, в которых релятивизм утвердился наиболее прочно, – квантовая физика и астрономия. Современный этап развития науки характеризуется приоритетами релятивистской космологии, которая не претендует на законченное описание мира в целом, но исследует конечное и бесконечное применительно к нашей Вселенной со стороны ее физико-пространственной структуры.

Космология – наука, изучающая Вселенную как единое целое, ее строение и эволюцию. У истоков релятивистской космологии стоят А. Эйнштейн и А. Фридман. Через год после создания Общей теории относительности (ОТН) в 1916 г. А. Эйнштейн построил первую релятивистскую модель Вселенной, исходя из следующих предположений:

1. Вещество и излучение распределено во Вселенной в целом равномерно. Отсюда следует, что пространство Вселенной однородно и изотропно. Хотя вблизи массивных объектов геометрия пространства-времени изменяется, это изменение – лишь незначительное отклонение от однородного изотропного пространства Вселенной, обладающего постоянной кривизной.

2. Вселенная стационарна, неизменна во времени. В связи с этим геометрия пространства не может иметь эволюции. Мир А. Эйнштейна обычно называют «цилиндрическим», поскольку его можно представить в

¹ Бор Н. Атомная физика и человеческое познание. М., 1961. С. 61.

виде бесконечно протяженного четырехмерного цилиндра. Вдоль образующей цилиндра простирается ось времени, которая неограниченно направлена как в прошлое, так и в будущее. Сечение цилиндра дает пространство. В данной модели это трехмерное сферическое пространство с постоянной положительной кривизной. Оно имеет конечный объем. Это не следует понимать так, что имеется какой-то «край света», за которым ничего не существует. Просто пространство, выражаясь фигурально, «замыкается само на себя», благодаря чему в нем можно бесконечно кружить, никогда не наталкиваясь на преграду.

Более современное решение этой космологической проблемы было дано советским математиком А. Фридманом и развито бельгийским космологом М. Леметром. А. Фридман отказался от предположения о стационарности мира, сохранив постулат о его однородности и изотропности. При этом стали возможны три решения:

1. Если плотность вещества и излучения во Вселенной равна некоторой критической величине, то пространство является евклидовым, т.е. обладает нулевой кривизной, и мир бесконечен.

2. Если плотность меньше критической, то пространство Вселенной описывается геометрией Н.И. Лобачевского, оно обладает отрицательной кривизной и бесконечным объемом, открытостью.

3. Если же плотность вещества во Вселенной больше критической, то пространство имеет положительную кривизну, оно безгранично, но объем его конечен. Мир оказывается замкнут и конечен. Он описывается геометрией Б. Римана¹.

В целом мнения ученых расходятся. Одни приняли гипотезу бесконечно расширяющейся Вселенной и считают, что, согласно концепции «Большого взрыва», около 17–20 млрд лет назад Вселенная была сконцентрирована в ничтожно малом объеме в сверхплотном сингулярном состоянии. Произошедший «Большой взрыв» положил начало расширению Вселенной, в процессе которого плотность вещества изменялась, кривизна пространства разглаживалась. Другие считают, что на смену расширению вновь придет сжатие и весь процесс повторится. На этом основании выдвигается гипотеза пульсирующей Вселенной, в которой приблизительно каждые 100 млрд лет все начинается с «Большого взрыва». Своеобразие в решении данной проблемы состоит в том, что ответы на данные вопросы принципиально не могут быть проверяемы, поскольку при этом будет отсутствовать сам наблюдатель. В этих аспектах космология все больше сближается с философией.

6. Информационный мир. Еще одной особенностью современной науки можно считать внедрение понятий и принципов кибернетики в науку и философию.

¹ Данные по: Лешкевич Т.Г. Философия науки: традиция и инновации. М., 2001. С. 131–132.

Но как же понимается сама *информация*? Попытки свести ее к материи или энергии не увенчались успехом. Определение сущности информации сегодня еще далеко от единства и окончательных формулировок. Так, «отец кибернетики» Н. Винер считает, что «информация – это обозначение содержания, полученного из внешнего мира в процессе нашего приспособления к нему»¹. В.А. Звягинцев отмечает, что «информация – это знания минус человек»². К. Шеннон определяет информацию как коммуникацию и связь, в процессе которой устраняется энтропия, В.Н. Андреев называет ее «мерой устранения неопределенности знания у получателя сообщения о состоянии объекта»³, А.Д. Урсул – «отраженным своеобразием», Г. Кастлер – «случайным и запомненным выбором одного варианта из нескольких возможных и равноправных», А.И. Михайлов – «объективным содержанием связи между взаимодействующими материальными объектами»⁴ и т.д.

В философских дискуссиях по вопросу о предметной области информации возникли, по меньшей мере, три позиции. Во-первых, информация трактуется как сфера общения и средство общенаучной рефлексии. Во-вторых, она понимается как свойство самоорганизующихся систем, связанное с упорядочиванием взаимодействий. Понимание информации как функции органических, общественных, кибернетических систем характерно для сторонников так называемого «функционального» подхода (В.В. Вержбицкий, И.И. Гришкин, Д.И. Дубровский, А.М. Коршунов, Г.И. Царегородцев, Н.Н. Моисеев и др.). В-третьих, информация предстает как мера неоднородности распределения материи и энергии, свойство всех материальных систем, фиксирующих изначальную неоднородность мира. Таким образом, если представители функционального подхода связывают феномен информации лишь с деятельностью саморазвивающихся систем, сторонники «атрибутивного» подхода квалифицируют ее как свойство всех материальных объектов, их неотъемлемый атрибут. И.И. Юзвизин в монографии «Информациология» даже отводит ей роль первоосновы бытия: «Она является первоосновой мира, ибо в основе всего – информация. То, что мы ощущаем, слышим и видим, – все это конкретные формы, информационно-кодовые структуры и виды материализованной и дематериализованной информации, а наша жизнь является ее феноменом»⁵. Информация выступает здесь как «все существующие источники первопричин явлений и процессов», как фундаментальная основа и свойство Вселенной, обуславливающее бытие в целом.

¹ Винер Н. Кибернетика и общество. М., 1958. С. 31.

² Звягинцев В.А. Компьютерная революция: проблемы и задачи // Вопросы философии. 1987. № 4.

³ Андреев В.Н. Информация и моделирование в управлении производством. Л., 1985. С. 5.

⁴ Михайлов А.И., Черный А.И., Гиляровский Р.С. Основы информатики. М., 1968.

⁵ Юзвизин И.И. Информациология. М., 1996. С. 15.

На основании этих суждений стали возможными такие теории, как концепция информационной Вселенной. В 1969 г. доктор Д. Форстер выступил с лекцией по кибернетике в Королевском колледже в Лондоне. Он отметил, что волна – основное понятие в электрической информационной теории – состоит из двух половинок: от вершины одного возвышения до впадины следующего. Волна – двоичная система, а именно в такой системе работают компьютеры. Но если волна – это основной словарь Вселенной, то логично предположить всеобщее программирование. При этом ученый подчеркнул, что скорость управляющей системы должна быть больше, чем скорость управляемых процессов. Данный вывод находит множество подтверждений в многообразии обыденных ситуаций. Например, когда человек ведет свою машину, он принимает решение быстрее, чем работает мотор, иначе она станет неуправляемой. Следовательно, программирование материи должно быть выполнено с помощью колебаний или волн намного более быстрых, чем вибрации самой материи, т.е. на космическом излучении. Д. Форстер пришел к выводу, что уровень создающего разума выше, чем разум человеческий. Принятие принципа всеобщего энергоинформационного обмена во Вселенной влечет за собой признание «разумности Мирового Пространства». По мнению эзотерически ориентированных ученых, информационную матрицу Вселенной, несущую в себе эволюционную программу построения и развития материи, можно называть и Богом.

Ноосферные идеи, идеи кибернетического программирования живой материи, сам антропный принцип, а также утверждения ученых (в частности, В. Налимова) о существовании «всемирно размытого сознания» рождают образ Вселенной не как холодной и мертвой, а как грандиозной самосознающей структуры. Человек в таком случае понимается как некоторый определенным образом организованный объем пространства, узел сгущения энергии и информации. Субъект, осознавший эту истину, освобождается от чувства потерянности в пространстве, от ощущения вселенского одиночества и незащитности. Вселенная полна смысла, который может быть понят. Внезапное чувство значения, которое человек осознал, аналогично тому, как радиоприемник может выбрать какую-то неизвестную станцию. Значения плавают вокруг нас, они могут быть декодированы человеком.

Информационное поле связывает материальный мир в целостную систему. Об особой значимости роли информации в современную эпоху впервые заговорили теоретики постиндустриального общества в 60-е гг. XX века (Д. Белл, Дж. Гэлбрейт, З. Бжежинский). Именно в этой концепции наступающий современный этап в развитии наиболее сильных в экономическом отношении государств был назван «информационным» (авторство в отношении данного понятия принадлежит профессорам Токийского университета Ю. Хаяши и Т. Умесао.), приходящим на смену

предшествующим индустриальным и аграрным формам организации экономики. Главным движущим фактором и товаром нового исторического периода в жизни человечества, по мнению ученых, станет информация, значение которой невозможно будет переоценить. Французский ученый Р. Пассе говорит об этом так: «Сегодня мы подошли к моменту, когда движущая сила развития перемещается из энергетической сферы в сферу информации. Это гигантская революция, которую я готов сопоставить с революцией неолитической»¹. А. Турен называет современное общество программируемым, подчеркивая, что каждый из индивидов в нем находится в зависимости от «анонимного программиста». Властвуют компетентные, подчиняют некомпетентных. Главным становится доступ к информации. Родоначальник кибернетики Р. Винер подчеркивал, что сообщество простирается лишь до того предела, до которого простирается действительная передача информации.

С позиции Д. Белла, информационное общество отличают следующие черты: 1) ведущий сектор экономики – сфера услуг (организация, управление, информатика); 2) главная ценность – экономия времени (удовлетворение личных потребностей); 3) профессиональная структура – рост значимости интеллигенции, «технического класса»; 4) объект организации – знания; структура экономики – наукоемкие, инновационные отрасли; фактор власти элиты – образование, квалификация, доступ к информации².

Но такое общество не идиллия. Оно становится более технократичным, со временем в нем начинает проявляться фактор «зомбирования» населения через СМИ, рекламу; возможно вмешательство в частную жизнь людей и организаций через взлом их информационных систем; возникает сложность в освоении значительных объемов информации при обучении. Поэтому столь серьезная ответственность сегодня ложится на тех, кто выступает главными «творцами» информации: представителей творческой, научной, политической элиты, личностей, которые могут воздействовать на сознание массового общества через мировую информационную сеть, СМИ и др. В связи с этим все больше внимание сегодня приковано к человеку, субъекту, источнику знания и информации, и это связано с еще одной особенностью современной науки.

7. Антропный принцип. Для современной науки характерно повышение роли антропного фактора. В естествознании XX века возник и распространился, так называемый, *антропный принцип* – один из фундаментальных в современной космологии. Он устанавливает связь существования человека (как наблюдателя) с физическими параметрами Вселенной. Согласно антропному принципу, Вселенная должна рассматриваться как сложная самоорганизующаяся система и наличие в

¹ Мировая экономика и международные отношения. 1989. № 2. С. 62.

² Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М., 1999.

ней человека является необходимым условием ее существования и развития. Независимого наблюдателя, который не вмешивается в естественный ход событий, по мнению современных ученых, просто не существует. Человек – единственный наблюдатель, которого мы способны себе представить, и его невозможно вычленивать из окружающего мира, сделать независимым от его собственных действий, от процесса приобретения и развития знаний. Удивительная приспособленность Вселенной к существованию в ней человека получила название антропного принципа. Эту идею наиболее точно сформулировал в 1973 г. Б. Картер: «Я мыслю, следовательно, Вселенная такова, какова она есть». С. Хокинг выразил эту мысль так: «Вселенная такова, какой мы ее наблюдаем, по той причине, что существует человек». Ф. Типлер предложил постулат вечности жизни, точнее реализации программы производства информации, цель которой – управление структурой Вселенной, а его финал – точка Омега, мировой Разум, потенциально владеющий бесконечным объемом информации обо всех процессах и явлениях. Такая Вселенная оказывается закрытой системой, антропный принцип в ней переходит в телеологический и предполагается финал, или предел эволюции. Внедрение антропного принципа вызвало немало следствий, в том числе включение принципов гуманитарного знания в естествознание.

8. Ценности и знания. Человек сегодня уже не только наблюдатель. Благодаря невиданному ранее арсеналу знаний и технических возможностей он способен изменить и даже разрушить состояние окружающего социального или природного миров. От амбиций, волевых, интеллектуальных или иных способностей отдельных субъектов (представителей элиты знания, политической, военной элиты) во многом зависит ход современной социальной динамики. В связи с этим резко повышается значение нравственно-интеллектуального развития личности (достигаемого не только через обучение, но и через воспитание), увеличивается роль *ценностного* фактора. Ценностный, аксиологический подход в науке – явление не бесспорное. Ориентируясь на объективность, наука тщательно стремилась избежать оценочности, субъективизма, измерений по шкале «плохо-хорошо». Наука, не имеющая запретных тем и избегающая моральных аспектов в исследовании, долгое время оставалась свободной от ценностей. Истоки формирования чистой, безоценочной науки восходят к Г. Галилею и Ф. Бэкону, выступавших за автономность, нейтральность науки. Однако наука утверждала собственные ценности: разума, опыта, знаний, истины, свободы исследования, субъекта, объекта, той или иной методологии, самой познавательной активности и т.д. Так возникла область когнитивных ценностей, не позволяющих утверждать, что наука полностью свободна от каких бы то ни было ценностей. Что касается ценностей этических, антропологических, то их роль для науки оказалась минимальной. Это способствовало снятию контроля над

опасными для человека и общества видами исследований, что породило антисциентизм и утверждения о том, что человек безразличен науке.

Наука XXI века породила целый ряд серьезных этических проблем, которые заставили по-новому отнестись к ее ценностной нейтральности. Прежде всего, речь идет об исследованиях, угрожающих жизни, здоровью человека и природы. Физики-ядерщики первыми столкнулись с этими проблемами. Сейчас эти риски и угрозы затрагивают область молекулярной биологии, генетики, медицины, психологии и т.д. В связи с этим резко возрастает проблема нравственного уровня развития самого ученого, творчество которого способно направить весь арсенал современной науки в указанном им направлении. Открытия в области генной инженерии, возможность клонирования, выращивания стволовых клеток способны качественно изменить человека и человечество, расширить их возможности, продлить жизнь, активность, уничтожить болезни и одновременно могут вызвать разрушительные последствия. Например, генетически модифицированные продукты способны к 2050 г. обеспечить питанием все население планеты, притом, что количество обрабатываемых земель сократится вдвое, с другой стороны, употребление таких продуктов питания вызывает генетические изменения у человека, нарушая обмен веществ, влияя на гормон роста и т.д. В связи с этим следует указать на еще одну особенность современной науки – ее тесную связь с экологическими и социально-политическими проблемами.

9. Экологические проблемы и развитие науки. К концу XX века важнейшей проблемой современной науки стал экологический феномен, который настоятельно взывает к биосферизации всех видов человеческой деятельности, всех областей науки. Он влечет за собой необходимость формирования нового этического императива, обязывающего ученых с большей ответственностью подходить к результатам своих исследований. Сфера действия этики расширяется. Выдающиеся физики требуют ограничения применений открытий в военной области. Врачи и биологи выступают за мораторий на использование достижений генетики в антигуманных целях. Научный анализ сегодня необходим для того, чтобы показать размеры кризисной ситуации и попытаться наметить возможные пути выхода из нее.

Наука встала перед необходимостью переосмысления установки на ускорение темпов НТР с 70-х гг. XX века. С 1962–1972 гг. ученые фиксируют пик НТР. Именно тогда появляются и первые призывы к ограничению темпов роста (А. Печчеи, Г. Маркузе и др.) В 1972–1992 гг. происходит экологизация общественного сознания, что находит подтверждение в решениях всемирного саммита в Рио-де-Жанейро. На протяжении 1992–2002 гг. наблюдается глобальное распространение иллюзии поддерживаемого устойчивого развития. Но следующий саммит в Йоханнесбурге со всей очевидностью показал, что решения конгресса в

Рио воплощены только на 2–7 %. «Затормозить» темпы роста современной цивилизации оказалось невозможно, «устойчивое развитие» стало мифом, поскольку растущему численно человечеству требуется все больше средств и ресурсов для выживания и развития. Самыми существенными факторами экологического кризиса на сегодня являются демографический, сырьевой, к ним также примыкает фактор загрязнения атмосферы, Мирового океана, парниковый эффект и др. Ученые – одни из немногих, кто, прогнозируя будущее, бьет тревогу, однако эффективных методов преодоления экологического кризиса еще не найдено.

10. Глобализация. И, наконец, еще одной важнейшей тенденцией современной общественной динамики, которая связана с развитием науки, является процесс *глобализации* – интеграции народов и государств в единое планетарное сообщество. Наука способствует этому процессу и сама испытывает его влияние. Открытия в ядерной энергетике, генной инженерии делают мир целостным, единым перед возможной угрозой выживанию. Политика государств зависит от обладания теми или иными видами оружия, технологиями их создания. Глобализационное переплетение капиталов способствует союзу науки и производства. Доля иностранных заказных проектов очень велика. Так, в США иностранные предприятия расходуют на научные исследования 12% всех ассигнований, во Франции – 19%, в Британии – 40%. Наука становится объектом политических и идеологических сфер интереса. Через совместные научные исследования происходит перехват информации, новых открытий, технологий.

Наука способствует глобализационному соединению государств: прорыв в области технологии коммуникаций, транспорта и связи «снимает» границы, преодолевает расстояния и сокращает издержки во времени. Глобализация меняет мир, делая доступными все большему числу стран научные технологии и новации. Так, если к 2000 г. более половины жителей на Земле не сделали ни одного телефонного звонка, то в 2005 г. это сделает уже половина человечества, а в 2010 г. телефонная связь будет доступна большинству. К 2005 г. число пользователей Интернет достигло 3 млрд, что способствует глобальному распространению информации, созданию единой планетарной культуры¹. В то же время глобализационные процессы происходят за счет поглощения более сильными (в экономическом отношении) системами более слабых, сопровождаются потерей культурной и национальной идентичности, своеобразия, уникальности. Усредненность, выравнивание неизбежно способствуют потере многообразия, полноты, богатства содержания и форм, что вызывает вполне обоснованную обеспокоенность ученых-гуманитариев, философов, деятелей искусства. Этот процесс требует

¹ Данные по: Уткин А.И. Глобализация: процесс и осмысление М., 2001.

сегодня осмысления и оценки, нахождения такой формы протекания, которая обеспечивала бы качественные позитивные изменения при наименьших потерях. Современная наука призвана способствовать разрешению этой сверхновой задачи. От направленности современных научных стратегий во многом зависит то, каким наш мир будет в будущем.

Основные понятия и термины

Антропный принцип устанавливает связь объективных процессов макро- и микромира с присутствием наблюдателя (человека) и средств наблюдения; утверждает зависимость эволюции Вселенной от Разума.

Аттрактор – относительно устойчивое состояние системы, которое как бы притягивает к себе различные траектории динамических систем, направляет, канализирует их к определенной цели (подобно воронке). Если система попадает в область аттрактора, она неизбежно эволюционирует к этому состоянию, а все прочие состояния автоматически диссипируют, затухают.

Бифуркация – нарушение устойчивости эволюционного пути развития системы, приводящее к возникновению в, так называемой, «точке бифуркации» появления спектра альтернативных сценариев, путей эволюции открытой нелинейной системы в различные стороны. Это состояние, когда неопределенность достигает предела и преодолевается. В эти моменты фундаментальную роль начинают играть случайные, возможно, второстепенные факторы, что делает невозможным прогнозирование наиболее вероятного пути эволюции такой системы.

Глобализация – процесс интеграции, смешения, слияния отдельных народов, государств, культур в общечеловеческое планетарное единство. Негативный вариант глобализации предполагает поглощение более сильными в экономическом отношении государствами более слабых, уничтожение культурной идентичности, выравнивание, усреднение, однообразие. Позитивный вариант – предполагает создание единого общечеловеческого общества на основе признания свободы и равноправия каждой из культур и традиций, совместное решение глобальных проблем современности.

Дополнительности принцип предполагает сочетание в процессе исследования противоречивых, антиномичных утверждений и подходов, как дополняющих и обогащающих друг друга.

Информационное общество – ступень развития человечества, следующая за индустриальной и аграрной стадиями, характеризующаяся тем, что главным средством труда, основным товаром, высшей ценностью является информация.

Информация – многозначное понятие, характеризующее: 1) сумму знаний, средство общения; 2) свойство органических, социальных и

кибернетических систем выражать свою уникальность, своеобразие, содержание процессов и характер связей с другими системами; 3) атрибут всех форм бытия, отражение их в кодовой форме признаков и качества.

Козволюция – единство природных и социальных эволюционных процессов, принцип отношений человека к миру с позиции приоритета экологического императива.

Методологический плюрализм – осознание ограниченности, односторонности любой методологии, в том числе рационалистической, утверждение множественности методов познания истины.

Нелинейность – многовариантность, альтернативность путей, темпов эволюции, ее необратимость, возможность непредсказуемых изменений течения процессов – в целом развитие через случайность выбора пути в точках бифуркации¹.

Открытость – свойство систем, проявляющееся в их способности к обмену веществом, энергией и информацией с окружающей средой.

Самоорганизация – процесс упорядочивания, перехода от хаоса к структурному состоянию, происходящий спонтанно в открытых нелинейных системах.

Синергетика – теория самоорганизации открытых, неравновесных систем путем спонтанного структурогенеза (основатели – Г. Хакен, И. Пригожин).

Сциентизм и антисциентизм – противоположные философско-методологические позиции в отношении роли и ценности науки. Сциентизм рассматривает науку как высшую ступень человеческого разума, утверждает, что все проблемы можно разрешить на основе научного подхода. Антисциентизм отличается резкой критикой науки и техники, которые с позиции данного принципа не могут обеспечить социальный прогресс, улучшить жизнь людей, а лишь подвергают природно-социальную систему различным рискам (военная, экологическая опасность).

Ценности – смысло-значимые ориентиры жизнедеятельности, креативно влияющие как на субъект, так и на окружающее его природно-социальное пространство, преобразующие их в направлении должного, совершенного образца.

Афоризмы

«Все абстрактные науки калечат человека» (Л. Фейербах).

Библиографический список

¹ Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Основания синергетики. СПб., 2002. С. 368.

1. Аггаци, Э. Моральное измерение науки и техники / Э. Аггаци. – М., 1998.
2. Андреев, В. Н. Информация и моделирование в управлении производством / В. Н. Андреев. – Л., 1985.
3. Аршинов, В. И. Синергетика как феномен постнеклассической науки / В. И. Аршинов. – М., 1999.
4. Баева Л.В. Информационная эпоха: метаморфозы классических ценностей. Астрахань: АГУ, 2008.
5. Баранцев, Р. Г. Методология современного естествознания / Р. Г. Баранцев. – М., 2002.
6. Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Д. Белл. – М. 1999.
7. Белов, В. А. Ценностное измерение науки / В. А. Белов. – М., 2001.
8. Бор, Н. Атомная физика и человеческое познание / Н. Бор. – М., 1961.
9. Винер, Н. Кибернетика и общество / Н. Винер. – М., 1958.
10. Гирусов, Э. В. Основы социальной экологии / Э. В. Гирусов. – М., 1989.
11. Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности : пер. с англ. и фр. / отв. ред. П. А. Маркова. – М., 1990.
12. Глобализм в системе категорий современной культурологической мысли. Под научн. ред. М.С. Кагана. СПб., 2005.
13. Границы науки / отв. ред. П. А. Маркова. – М., 2000.
14. Заблуждающийся разум? Многообразие вненаучного знания / под ред. И. Т. Касавича. – М., 1990.
15. Звягинцев, В. А. Компьютерная революция: проблемы и задачи / В. А. Звягинцев // Вопросы философии. – 1987. – № 4.
16. Канке, В. А. Основные философские направления и концепции науки: Итоги XX столетия / В. А. Канке. – М., 2000.
17. Капица, П. Л. Синергетика и прогнозы будущего / П. Л. Капица, С. П. Курдюмов, Г. Г. Малинецкий. – М., 2003.
18. Карпинская, Р. С. Философия природы: коэволюционная стратегия / Р. С. Карпинская, Т. К. Лисеев, А. П. Огурцов. – М., 1995.
19. Князева, Е. Н. Основания синергетики / Е. Н. Князева, С. П. Курдюмов. – СПб., 2002.
20. Лейси, Х. Свободна ли наука от ценностей? Ценности и научное понимание / Х. Лейси. – М., 2001.
21. Лекторский, В. А. Эпистемология классическая и неклассическая / В. А. Лекторский. – М., 2001.
22. Лешкевич, Т. Г. Философия науки: традиция и инновации / Т. Г. Лешкевич. – М., 2001.
23. Маркова, Л. А. Конец века – конец науки? / Л. А. Маркова. – М., 1992.
24. Микешина, Л. А. Философия науки / Л. А. Микешина. – М., 2005.
25. Михайлов, А. И. Основы информатики / А. И. Михайлов, А. И. Черный, Р. С. Гиляровский. – М., 1968.

26. Моисеев, Н. Н. Быть или не быть... человечеству? / Н. Н. Моисеев. – М., 1999.
27. Моисеев, Н. Н. Современный рационализм / Н. Н. Моисеев. – М., 1985.
28. Моисеев, Н. Н. Судьба цивилизации. Пути разума / Н. Н. Моисеев. – М., 2000.
29. Моисеев Н.Н. Универсальный эволюционизм (Позиция и следствия) / Н.Н. Моисеев // Вопросы философии. – 1991. – № 3.
30. Основы философии науки / В. П. Кохановский, Т. Г. Лешкевич, Т. П. Матяш, Т. Б. Фатхи. – Ростов н/Д., 2004.
31. Проблемы становления информационного общества. Курс лекций. Под ред. Л.В. Баевой. Астрахань, 2008.
32. Проблема ценностного статуса науки на рубеже XXI века / отв. ред. Л. Б. Баженов. – СПб., 1999.
33. Разум и экзистенция / под ред. И. Т. Касавича, В. Н. Поруса. – СПб., 1999.
34. Родин, С. М. Идея коэволюции / С. М. Родин. – Новосибирск, 1991.
35. Самоорганизация и наука: опыт философского осмысления / В. И. Аршинов и др. – М., 1994.
36. Синергетическая парадигма. Многообразие поисков и подходов / под ред. В. И. Аршинова. – М., 2002.
37. Синергетическая парадигма. Нелинейное мышление в науке и искусстве / сост. и отв. ред. В. А. Копчик. – М., 2002.
38. Современная философия науки / под ред. А. А. Печенкина. – М., 1996.
39. Современная философия науки: Знание, рациональность, ценности в трудах мыслителей Запада : хрестоматия / под ред. А. А. Печенкина. – М., 1996.
40. Степин, В. С. Философия и методология науки / В. С. Степин, В. Г. Горохов, М. А. Розов. – М., 1996.
41. Степин, В. С. Научная картина мира в культуре техногенной цивилизации / В. С. Степин, Л. Ф. Кузнецова. – М., 1994.
42. Томсон, М. Философия науки / М. Томсон. – М., 2003.
43. Уткин, А. И. Глобализация: процесс и осмысление / А. И. Уткин. – М., 2001.
44. Ушаков, Е. В. Введение в философию и методологию науки / Е. В. Ушаков. – М., 2005.
45. Фейерабенд, П. Избранные труды по методологии науки / П. Фейерабенд. – М., 1986.
46. Философия науки / под ред. В. И. Купцова. – М., 1973.
47. Философия науки: Общие проблемы познания естественных и гуманитарных наук : хрестоматия / под ред. Л. А. Микешиной. – М., 2005.
48. Хакен, Г. Синергетика / Г. Хакен. – М., 1990.
49. Шредингер, Э. Наука и гуманизм / Э. Шредингер. – М., 2001.

50. Эпистемология и постнеклассическая наука : сборник статей / отв. ред. В. И. Аршинов. – М., 1992.
51. Юзвшин, И. И. Информациология / И. И. Юзвшин. – М., 1996.

1. НАУКА КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ

(Карабущенко П.Л.)

В научной литературе на эту тему можно встретить такую формулировку процесса развития науки как особого социального института: «Социальный институт науки начал складываться в Западной Европе в XVI–XVII столетиях, в период упадка феодализма и зарождения буржуазных общественных отношений и ценностей»¹. Утверждение не бесспорное, поскольку его авторы забывают о том, что еще в IV веке до н.э. Платон и Аристотель создали свои научно-образовательные сообщества (Академия и Ликей), которые и стали прообразами институционализации науки. Нам стоит уделить этому вопросу более пристальное внимание и попробовать разобраться, в чем здесь дело?

1. Общие замечания к определению науки как социального института. Принципы современной науки были сформулированы Ф. Бэконом и Р. Декартом в первой половине XVII века². Поэтому современная наука существует всего неполных 400 лет – срок весьма небольшой для того, чтобы можно было говорить о ее зрелости. Для сравнения: философия существует примерно 30 столетий, религия – около 60 веков, а миф тянет на долгожителя – приблизительно 100–150 веков (!?). В XXI веке наука отметит свой всего лишь четырехсотлетний юбилей (конкретного года не существует, поэтому праздновать можно все столетие!). В сравнении с другими историческими формами мировоззрения это еще младенческий возраст. Поэтому «юбилей» обещает быть весьма скромным (!).

Как социальный институт наука в наибольшей мере характеризуется такими понятиями, как: 1) «личность ученого», 2) «научный лидер», 3) «научная элита», 4) «научное сообщество», 5) «Университет»; к этому следует отнести и такие понятия: 6) «воспроизводство кадров», 7) «научное производство», 8) «внедрение научного знания», 9) «научное поле сознания».

Длительное время влияние науки на социальную жизнь не выходило за рамки мировоззрения. При этом науке приходилось долго и упорно (а порой и весьма жестко) конкурировать с религией, что не могло не

¹ Философия и методология науки / Под ред. В.И. Купцова. М., 1996. С. 449.

² В.И. Вернадский отмечал, что «современный научный аппарат почти целиком создан в последние три столетия, но в него попали обрывки из научных аппаратов прошлого». – Вернадский В.И. О науке. Дубна, 1997. Т. 1: Научное знание. Научное творчество. Научная мысль. С. 419.

сказаться на всех их последующих взаимоотношениях. Преимущество, а значит и победа, религии над наукой в то время было предопределено тем, что помимо мировоззрения религия безраздельно господствовала во всех сферах человеческой деятельности. На тот исторический момент это была самый удобный и самый верный способ объяснения действительности. «Верный» потому, что иного, более достоверного способа еще пока не было.

Так почему же наука как социальный институт не сложился раньше XVII века? Ответ, на наш взгляд, кроется в самом характере научных знаний времен Платона и Аристотеля. Оба философа и до сих пор считаются классиками мировой философской мысли. Именно они создали не только свои великие философские школы (идеализм и реализм), но и дали «путевку в жизнь» многим наукам, преимущественно гуманитарного характера. Речь идет о таких ключевых дисциплинах, как политология, социология, психология и культурология. Сам характер этих наук в первую очередь затрагивает мировоззрение, а не социально-экономическое бытие.

Переход от философского знания к научному фактически совершил Аристотель. Однако его заслуги перед мировой наукой оцениваются неравнозначно. Если брать корпус социально-гуманитарных дисциплин (политология, социология), то его вклад в развитие этих научных отраслей неоспорим. Но если мы будем с вами оценивать корпус его естественнонаучных работ, то вынуждены будем признать, что они не просто устарели, но и являются антинаучными.

В XVII веке наука Нового времени (Ф. Бэкон, Р. Декарт) начала свое развитие именно с разработки конкретных методов исследования естествознания. Аристотель и Платон оставили нам методы исследования гуманитарного знания, поэтому наука и получила столь долгую «прописку» именно в мировоззрении и не могла вплоть до XVII века найти свое онтологическое воплощение. Однако труд Платона и Аристотеля и труд Ф. Бэкона и Р. Декарта нам следует рассматривать как единый процесс развития научного знания, как его «альфу» и «омегу», «начало» и «конец» методологической предыстории современной науки.

Поскольку созданные Платоном и Аристотелем научные разработки касались главным образом социально-политической и философско-этической проблематики, то они оказали минимальное влияние на прикладные научные изыскания в области техники и экономики. Напротив, теоретические разработки Ф. Бэкона и Р. Декарта подвели под промышленное развитие конкретную теоретическую базу, которая стимулировала импульс развития НТР. Но без Платона и Аристотеля никогда бы не было Ф. Бэкона и Р. Декарта. Вот почему мы должны признать началом процесса социализации науки не XVII век, а IV век до н.э.

Если бы не было той научно-философской системы, которую создали Платон и Аристотель благодаря своим учебным заведениям, то не было бы воплощения самого грандиозного проекта греческой античности – «империи Александра Македонского», положившей начало эпохи эллинизма. Мировая история пошла бы по совершенно иному сценарию. Поэтому у нас есть все основания говорить о том, что «научные изыскания» Платона и Аристотеля все же имели влияние на развитие социальной жизни своего времени, но это их влияние касалось не экономики, а политики. По-видимому, в то время это было самое удачное и самое нужное практическое приложение их научного знания.

Поэтому мы должны развести такие понятия, как «рождение науки» и «наука как социальный институт». Научные данные (например, данные астрономии, математики или геометрии) применялись повсеместно там, где существовали древние цивилизации (Египет, Месопотамия, Индия, Греция и Рим). Архитектура, сельское хозяйство, ремесло, военное дело – вот лишь главные области применения древними своих научных познаний. Другое дело, что эти знания были впоследствии утеряны, т.е. наука еще не столь проникла в ткань обыденности, чтобы можно было говорить о ее «вечном присутствии» в ней. Современная наука зашла в этой области гораздо дальше.

*Началом социальной институционализации науки стало признание за научной деятельностью самоценного характера*¹. Этот процесс сопровождался утверждением и распространением научных открытий в сознании общества. Поэтому данный процесс надлежит рассматривать как поэтапное восхождение науки из небытия к бытию: от Н. Коперника к Г. Галилею, от Г. Галилея к И. Ньютону, от И. Ньютона к Ч. Дарвину и т.д., и т.п. Авторитет науки возрастал по мере роста доверия к ее истинам. Вслед за этим последовало превращение науки в профессиональную сферу деятельности, когда появляется не любитель науки, а профессионал, сделавший целью всей своей жизни – развитие научного знания. Именно этим, по всей видимости, и следует считать завершение процесса социализации и институционализации науки.

Все это подводит нас к одной из самых важных тем рассматриваемой нами проблемы – теме роли выдающейся личности в процессе становления научного знания. Ведь историю науки невозможно описывать, оставив в стороне тех выдающихся ученых, которые и сделали науку наукой.

2. Наука как форма духовного производства и социальный институт. «В ходе социального развития наука постепенно превращается в особую, относительно самостоятельную форму общественного сознания и сферу человеческой деятельности. Тем самым она выступает как исторический продукт длительного развития человеческой цивилизации,

¹ Философия и методология науки / Под ред. В.И. Купцова. М., 1996. С. 450.

духовной культуры, постепенно складываясь в особый социальный организм, вырабатывая свои типы общения, взаимодействия людей, формы разделения исследовательского труда и соответствующие ориентации, нормы сознания ученых. Производство и воспроизводство нового объективно-исторического знания и его практическое применение становятся важнейшими социальными функциями науки, способы выполнения которых модернизируются в зависимости от этапа истории и характера социальной системы»¹.

«Наука как *социальный институт* включает в себя, прежде всего, 1) ученых с их знаниями, квалификацией и опытом; 2) разделение и кооперацию научного труда; 3) четко налаженную и эффективно действующую систему научной информации; 4) научные организации и учреждения, научные школы и сообщества; 5) экспериментальное и лабораторное оборудование и др. В современных условиях первостепенное значение приобретает процесс оптимальной организации *управления* наукой и ее развитием.

Наука – это всеобщая общественная форма развития знания, продукт «общего исторического развития в его абстрактном итоге» (К. Маркс). Однако коллективность форм деятельности в современной фундаментальной или прикладной науке отнюдь не «отменяет» индивидуальный характер научного исследования. Ведущие фигуры науки – гениальные талантливые, одаренные, творчески мыслящие ученые-новаторы. Выдающиеся исследователи, одержимые устремлением к новому, стоят у истоков революционных поворотов в развитии науки. Взаимодействие индивидуального, личностного и всеобщего, коллективного в науке – реальное, живое противоречие ее развития»².

В.И. Вернадский обращал внимание на то, что наука не существует помимо человека, ученого. Поэтому «научная мысль есть и индивидуальное, и социальное явление. Она неотделима от человека. Личность не может при самой глубокой абстракции выйти из поля своего существования. Наука есть реальное явление и, как и сам человек, теснейшим и неразрывным образом связана с ноосферой»³. Логика развития научного знания показывает, что по мере продвижения, так называемых, «высоких технологий» роль элитности в развитии научного знания будет все увеличиваться.

Развитие науки приводит к тому, что ранее казавшееся мистическим либо становится областью для серьезных научных исследований, либо

¹ Кохановский В.П. Философия и методология науки. Ростов н/Д., 1999. С. 44.

² Там же. С. 45.

³ Вернадский В.И. О науке. Дубна, 1997. Т. I. Научное знание. Научное творчество. Научная мысль. С. 464.

совсем исчезает.¹ По мнению академика В. Гинзбурга, настоящая жизнь наступает лишь тогда, когда она соприкасается с наукой: «Наука – вот настоящая жизнь!», воскликнул лауреат Нобелевской премии незадолго до своей смерти.²

3. Наука как профессиональная сфера деятельности. Процесс становление науки в качестве социального института завершается тогда, когда появляются не просто профессионалы, а сообщество ученых. Выявление данных по этому конкретному вопросу зависит от темпов развития научного знания. Дело в том, что свои профессиональные сообщества появляются по мере развития той или иной отрасли научного знания. Иными словами, научные сообщества появляются неравномерно по времени, что не дает нам возможности судить о какой-либо конкретной дате завершения процесса институционализации науки. Мы можем сказать, что это произошло где-то в XIX–XX веках. Точнее – в XX столетии. В пользу последней даты говорят сами нижеприведенные цифры.

Сами темпы развития «большой науки» за последние 200–300 лет могут быть признаны «элитными». Этот перманентно элитизирующийся признак развития науки может быть сведен к выявлению двух важных показателей: 1) резкому возрастанию количества ученых и 2) столь же резкому увеличению научного пространства.

Таблица 3

ЧИСЛЕННОСТЬ УЧЕНЫХ В МИРЕ В XVIII–XX ВЕКАХ³

На рубеже XVIII–XIX веков	около 1 тысячи человек
В середине XIX века	10 тысяч человек
В 1900 году	100 тысяч человек
Конец XX столетия	свыше 5 млн

Наиболее быстрыми темпами количество людей, занимающихся наукой, увеличилось во второй половине XX века. Именно в 1950–70 гг. в целом ряде стран произошло удвоение числа ученых: в Европе – за 15 лет; в США – за 10 лет, в СССР – за 7 лет. «Такие высокие темпы привели к тому, что около 90 % всех ученых, когда-либо живших на Земле, являются нашими современниками»⁴.

К этому необходимо также добавить резкий рост объема научной информации. В XX веке мировая научная информация удваивалась за 10–15 лет. Так, если в 1900 году было всего около 10 тысяч научных

¹ Велихов Е. «Чтобы не уничтожить самих себя» // Аргументы и факты. № 5 (1526). 03-09.02.2010. С.3.

² Гинзбург В. Будущее человечества и России определяется наукой // Известия. №207. 10.11.2009. С.4.

³ Философия и методология науки / Под ред. В.И. Купцова. М., 1996. С. 58.

⁴ Там же.

журналов, то в 1990-е гг. их уже несколько сотен тысяч. Свыше 90% всех важнейших научно-технических достижений приходится именно на XX век¹.

Таким образом, рост числа ученых является еще одним важным фактором в процессе становления науки в качестве социально значимого института. Физическое увеличение численности носителей научного знания позволяет науке исключить мысль о своем физическом устранении. Известен случай, когда один китайский император, посчитав, что главной причиной всех социальных бед являются ученые, приказал в один день убить 200 философов (их просто утопили в общественном туалете!). Физическое уничтожение носителей научного знания в XX веке стало практически невозможным вследствие стремительного роста их численности (с 100 тыс. в начале XX в. до 5 млн в конце). Однако количественный рост не должен подменять собой рост качества научного сообщества.

На рубеже XIX – XX вв. возникает новый способ организации науки: создаются крупные научные институты и лаборатории с мощной технической базой, что «приблизило организацию научной деятельности к формам организации современного индустриального труда... Эти организационные преобразования, касающиеся места и роли науки в общественном разделении труда, привели к созданию в массовых масштабах социальных групп общества, прямо или косвенно связанных только с научной деятельностью. Производимые новые знания стали неотъемлемым элементом совокупного общественного продукта. Доступ же к этому совокупному продукту для представителей науки теперь обеспечивался через вознаграждение за участие в научной работе и полученные в ней результаты».²

Динамика развития российской науки

Год	Число научных организаций	Число научных и научно-педагогических кадров, тыс. чел.	Примечание
1727	1	84 члена РАН	Россия
1730	...	158 членов РАН	Россия
1913	298	11,6	Россия
1917	290	10,1	Россия
1929	1263	30,5	СССР
1940	2359	98,3	СССР
1950	3447	162,5	СССР

¹ Там же.

² Бобров В.В. Введение в философию. М. – Новосибирск, 2000. –С.174.

1960	4196	354,2	СССР
1970	5182	927,7	СССР
1980	4938	1373,3	СССР
1990	7973	1985,6	СССР
1991	4564	1079,1	РФ
1992	4555	984,7	РФ
1994	3968	641,8	РФ
1997	4098	555,8	РФ
<i>Источник:</i> Бобров В.В. Введение в философию. М. – Новосибирск, 2000. С.175.			

Переломным в процессе социализации науки стал рубеж XIX и XX вв. «С этого времени стал формироваться совершенно новый тип человека науки. Научная деятельность из увлечения превратилась в профессию. Для многих ученых продажа своих интеллектуальных способностей стала единственным источником доходов, и посредством научных открытий они стали бороться не только за расширение социального и духовного пространства, но и за личное материальное благополучие».¹

4. Личность ученого. Обозначенная нами проблема может быть названа *элитологией науки*. Роль личности в процессе развития научного знания трудно переоценить. Везде, куда бы мы не посмотрели в науке, встречаем ту или иную выдающуюся личность и целую толпу ее последователей, критиков или апологетов. Выдающегося ученого всегда можно узнать не только по его уникальным (элитным) идеям, но и по толпе, которая собирается вокруг него благодаря этим идеям. Поэтому у каждого великого ученого всегда была «свита» из его учеников и последователей.

Наука развивается благодаря профессиональной деятельности ученых. Поэтому для нее первостепенное значение имеет образовательный процесс – качественная передача научного знания от одного поколения ученых другому. Процесс преемственности в науке и в философии обычно выражается в таких терминах, как «*традиция*» (старое) и «*новация*» (новое). «Это две противоположных, диалектически связанных стороны единого процесса развития науки: новации вырастают из традиций, находятся в них в зародыше; все положительное и ценное, что было в традициях, в «снятом виде» остается в новациях»².

Традиционно выделяются два типа личности ученого: «*схоласт*» и «*новатор*». Первый тип олицетворяет истеблишмент, казенную иерархию научных чинов и разного рода помпезность. «Схоласт» в штыки воспринимает любую новацию, враждебно относится к любого рода

¹ Там же. С.175.

² См.: Кохановский В.П. Философия и методология науки. Ростов н/Д., 1999. С. 89.

конкуренции, усматривая в ней угрозу своему статусу. «Новатор», чаще всего, бывает колоритной фигурой и экстравагантной личностью с большим чувством юмора. Он критически относится к академической учености, отказываясь видеть в ней «священную корову» науки.

Ученый – это тот, кто привносит в общую копилку науки самостоятельно добытое им новое знание, новую крупицу Истины. В образе ученого мы без труда угадываем элитную личность. «Ученый – это тот, кто превосходит по своему интеллекту средний тип, кто в принципе отвращен от лжи, кто не впадает в отчаяние, терпеливо идет по пути поиска и обнаружения истины. Образ мыслей ученого избегает путаницы, смешения понятий, но признает взаимосвязь и взаимозависимость всего существующего. Накопление и систематизация знания – ключ к тайникам мыслительной лаборатории ученого»¹.

Элитность личности ученого обеспечивается тем, что он работает с Истиной. Если философ всего лишь ищет Истину, то ученый обязан ею уже обладать. Главная цель ученого – упорядочить мир в соответствии с существующими в нем Истинами (законами). Ученый призван избавить разум человечества от хаоса мира, создать «упрощенный ясный образ мира», поместить в него «центр тяжести своей эмоциональной жизни»².

Ученый есть, прежде всего, профессионал и специалист, ответственный за свое научное знание. Ученый, отказывающийся быть ответственным за свое знание, аморален. Этика ученого диктует ему быть откровенным перед своей совестью, даже если весь мир ополчился на него за его открытия.

Наука представляет собой идеализацию объекта своего исследования. Ученый постоянно формулирует и задает природе вопросы, пытаясь получить от нее адекватные ответы. Даже понятая им действительность требует от ученого своего лингвистического оформления. Погружаясь в мир языковых норм и форм, ученый постоянно сверяет полученные знания со своей духовной матрицей.

С точки зрения научного эпоса, «в известном смысле ученый – это воин на поле неопределенности, безрассудства и лжи. Борьба ведется и в споре, где рождается истина. Научная полемика, дискуссия – принятые и поныне формы борьбы, где ученый-воин сражается, отстаивая приоритет обнаруженного им истинного знания. Борьба идет на нескольких фронтах. Сражается ученый и с варварским невежеством, и с собственным сомнением. Вызов, который он бросает природе, не всегда кончается его победой. Но несмотря на неудачи, ученый, не останавливаясь, идет вперед. Поэтому можно сказать, что ученый, по существу своему, – человек,

¹ Основы философии науки / В.П. Кохановский, Т.Г. Лешкевич, Т.П. Матяш, Т.Б. Фатхи. Ростов н/Д., 2004. С. 549. – Ср.: Лешкевич Т.Г. Философия науки: традиции и новации. М., 2001. С. 96.

² Холтон Дж. Что такое антинаука // Вопросы философии. 1992. № 2. С. 127.

наделенный недюжинной силой воли, понимаемой как непрерывный поток энергии, управляемый с помощью намерения»¹.

Улучшение работы института науки, его социальная эффективность в немалой степени зависят не столько от решения задачи систематизации научных знаний о самой науке как социальном явлении, от вооружения этими знаниями будущих ученых², сколько от элитизации научного сообщества и, в частности, самой личности ученого.

5. «Научный лидер». Не каждый ученый становится лидером в своей отрасли научного знания. Лидерство измеряется здесь уровнем элитности полученного в ходе творческой научной деятельности знания, т.е. важностью его научных открытий. Несомненно, что лидер в науке – это ученый с большой буквы, гений в своей области научного знания, обладающий одновременно широкими энциклопедическими знаниями, обостренным и углубленным видением актуальности своей научной проблемы.

Лидерство в науке означает предельную концентрацию творческого потенциала в одной личности ученого или в целой группе лиц, связанных решением глобальной научной проблемы. Именно качество творческой активности ученого и служит мерилем его лидерских претензий. Однако научный лидер должен быть не просто известной в научных кругах личностью, его достижения должны получить признание со стороны научного сообщества.

Вокруг научного лидера со временем начинает формироваться научная элита, которая создается из числа его наиболее «продвинутых» в научном плане сторонников и последователей. Со временем из числа этих лиц формируются научные школы и направления, в которых начинает развиваться «культ личности» такого ученого.

Научная школа предполагает наличие ученого-лидера, который способен выдвинуть не только оригинальную теорию, но и сплотить вокруг себя группу единомышленников и воспитать своих учеников. Для того чтобы можно было говорить о наличии «научной школы», необходимо также наличие как минимум двух поколений учеников, соблюдающих традицию, заложенную ее основателем (Учителем). Чем харизматичнее личность Учителя, тем больше шансов на то, что, даже и в случае кризиса данной теории, она все равно будет пользоваться уважением среди научного сообщества.

Для возникновения школы необходимы четыре условия: 1) наличие Сверхидеи; 2) наличие ученого-новатора; 3) социокультурная востребованность данного знания; 4) традиция (последователи и ученики).

¹ Лешкевич Т.Г. Философия науки: традиции и новации. М., 2001. С. 94.

² Кохановский В.П. Философия и методология науки. Ростов н/Д., 1999. С. 45.

Возвращаясь к личности выдающегося ученого, следует отметить некоторые ее стороны. Великий ученый – это великий систематизатор мирового хаоса, он его упорядочивает, и он же дает ему те имена, по которым этот порядок затем узнают другие люди. Поэтому перед ученым, погружившимся в мир непознанного, стоят сразу три главные проблемы: 1) сделать открытие ранее неизвестного; 2) дать этому только ему одному уже известное имя; 3) познакомить с этим «новым» всех, кто желает о нем узнать. Все это требует от ученого не только великого напряжения интеллекта, но и активизации воображения (в придумывании новых «имен»), и реализации волевых и ораторских способностей (в деле распространения информации о сделанном открытии).

6. Научная элита. Научная элита – вершина научного сообщества. Она представлена как непосредственно самими лидерами научного процесса, так и теми, кто по темпам своего личного научного развития может потенциально стать таким лидером в будущем.

Науку продвигают те элитные умы, которые обладают способностью проникать в тайны внешнего мира природы и во внутренние тайны мира человека. Вообще можно сказать, что научная элита – это «двигатель науки». На уникальные способности интеллектуальной элиты обратили свое внимание еще древнегреческие философы (Гераклит, Платон, Аристотель, Сенека). Ими отмечалось, что люди, обладающие философским складом мышления, как правило, видят то, чего другим («простым») людям увидеть не дано. *«Философы – это люди, способные постичь то, что вечно тождественно самому себе, а другие этого не могут и ... [потому блуждают] среди множества разнообразных вещей, и потому они уже не философы» (Государство, 484b)¹.*

Философу присущи следующие основные добродетели идеального платоновского государства: он должен быть «человеком (1) с отменной природной памятью, (2) способным к познанию, (3) великодушным, (4) справедливым, (5) мужественным (6) рассудительным и (7) быть «другом и сородичем истины»². «Как видно из данного Платоном определения, элитарное сознание в первую очередь характеризуется им вхождением субъекта в систему мировых идей (знаний, ценностей) и активным в ней функционированием, т.е. качественным преобразованием этого мира идей в новое информационное пространство. При этом неизбежна персонализация, т.е. активное проникновение сознания одного индивида в духовный мир значимой для него личности»³.

Само понятие «научная элита» имеет несколько своих синонимов: «элита духа», «интеллектуальная элита», «меритократия», «элита знаний»,

¹ Платон. Собрание сочинений: В 4 т. М., 1994. Т. 3. С. 262.

² Там же. С. 263–266.

³ Карабущенко П.Л. Элитология Платона (античные аспекты философии избранности). М.; Астрахань, 1998. С. 146–147.

«аристократия духа». Суть всех этих терминов сводится к тому, что они указывают на тот узкий слой лиц, которые занимаются производством интеллектуальной собственности¹. Научная элита обладает одним неперенным и несомненным качеством – научной элитностью, которую добывает в результате максимального использования всех своих меритократических качеств.

Интеллектуальную элиту характеризует критическое, независимое мышление. Эмпирическим индикатором служит раннее развитие и выдающиеся способности. Исследования в области интеллектуальной элиты показали, что «наследственность сама по себе еще ничего не решает. Необходимо развитие способностей, которое достигается лишь на путях образования, овладения научными знаниями и методологией. Необходимо также благоприятный общекультурный фон и благоприятные условия общественной жизни индивидов. Необходимо, наконец, то благоприятное стечение конкретных обстоятельств, которое принято называть удачей»². Поэтому подлинной элитой может быть только интеллектуальная, а не та часть населения, которая присвоила себе максимальное количество материальных благ. Эзотерически ориентированные мыслители, как, например, Р. Генон, связывают понятие подлинной элиты с формированием духовной элиты, которая должна действовать в гармонии со всей природой и быть укоренена в чистой интеллектуальности и духовности³.

Существуют методики, которые указывают на ряд необходимых атрибутов и *формальных признаков* при решении вопроса об отнесении того или иного представителя интеллигенции к интеллектуальной элите. В качестве таковых Т.Г. Лешкевич предлагает следующие показатели: 1) избрание конкретного ученого действительным членом, членом-корреспондентом, почетным членом академий, научных учреждений и обществ; 2) присуждение премий и медалей за научную деятельность; 3) включение биографических справок в специальные биографические справочники и энциклопедии; 4) участие ученых в работе редакционных коллегий, изданий с высоким научным цензом; 5) высокий индекс цитирования публикаций ученого членами мирового научного сообщества⁴.

6. Элитность. Подлинная элита всегда отличается наличием в ней элитности. Элитность – это то самое качество, которое и возводит элиту из мира ее планов в реальность в качестве общепризнанной элиты; элитность

¹ См., например: Ашин Г.К., Охотский Е.В. Курс элитологии. М., 1999; Основы философии науки / В.П. Кохановский, Т.Г. Лешкевич, Т.П. Матяш, Т.Б. Фатхи. Ростов н/Д., 2004. С. 552.

² Гудков Л., Дубин Б. Интеллигенция. М., 1995. С. 18.

³ Генон Р. Кризис современного мира. М., 1991. С. 80.

⁴ Лешкевич Т.Г. Философия науки: традиции и новации. М., 2001. С. 101.

– это та самая сила, которая осуществляет развитие научного знания, она производит и внедряет новые идеи, способствующие изменению мира к лучшему. Элитность в науке представляет собой сумму уникальных знаний, способных коренным образом переустроить мир. Научный мир сам развивается именно благодаря появлению такого рода знаний.

Наука, в которой отсутствует элитность, имеет весьма смутные представления о ценности своих знаний. Осознание элитности позволяет ей сформулировать саму идею о себе, сделать себя уважаемой и привлекательной в глазах других научных дисциплин и направлений.

Элитность всегда указывает на качество духа. Она проявляется в творениях своего автора и сигнализирует окружающим о том, что это элитная личность, субъект элиты. Таким образом, элитность является важнейшим и решающим критерием в идентификации элиты как субъекта социокультурных отношений. Отсутствие элитности будет свидетельствовать о формальном отношении субъекта к элитной группе. Псевдоэлиты (или квазиэлиты) столь же распространенное явление, как и сами элиты. Отношение между элитами и псевдоэлитами можно охарактеризовать по линии отношений истины и заблуждения.

7. Научное сообщество. Наука в качестве социального института должна рассматриваться нами и в качестве научного сообщества. *Научное сообщество* – это группа ученых по определенной специальности, обладающих сходной научной подготовкой, объединенных общей научной проблематикой или «научной школой» своего учителя (научного лидера). Для научных сообществ характерны традиции в передаче научного знания (воспроизводство кадров), разработка общей для них тематики и создание схожей научной литературы. Зрелость или несостоятельность того или иного сообщества измеряется мерой его элитности, т.е. способностью к регулярным научным открытиям, открытым научным дискуссиям и выпуску периодических научных изданий.

Выделяют следующие исторические типы научных сообществ: 1) дисциплинарные и междисциплинарные сообщества; 2) научные школы и направления. Наиболее распространенными формами научного общения стали *конгрессы, конференции, симпозиумы, «круглые столы»*, на которых ученые имеют возможность публично обсудить свои научные разработки, открытия и иного рода предложения.

Научные сообщества представляют собой не просто «клубы по интересам». Они есть определенная мера концентрации элитного качества в деле «добычи» нового научного знания. Научное сообщество напоминает собой группу первобытных охотников на мамонтов, но только их целью является не «гора мяса», а «горы» (вершины) нового научного знания.

Самым известным видом научного сообщества являются учреждения, созданные по типу платоновской Академии. В настоящее время Университет является одной из самых эффективных форм

воспроизводства и расширения научного знания. Именно соединение науки и Университета в середине XIX столетия привело к мобилизации и элитизации научного мировоззрения. Со временем университеты превратились в «храмы науки и образования». Сегодня уже невозможно представить себе образовательный процесс вне рамок научного знания.

На Западе превосходство элитных университетов доказывается ими не только высоким качеством образования, но и притоком огромного количества иностранных студентов. Главная цель такого космополитического образования – преодоление провинциальных представлений, препятствующих творческому мышлению, которое вырабатывает в них любовь к своей профессии и желание заниматься самообразованием до конца своих дней¹. Но научная элита обладает не только «высокой истиной», но и является носителем определенных этических норм. Научная элита вне истины и этики существовать не может. Конфликт между этическим и гносеологическим всегда свидетельствует о кризисе такой научной элиты.

Этика ученого приказывает ему не просто стремиться к истине, но и побуждает его не причинять посредством своего знания вреда другим людям и окружающей среде. Конкурентная борьба должна идти в рамках научной этики. Она опирается на два фундаментальных запрета: «не лги» (запрет плагиата и злонамеренное введение кого-либо в заблуждение) и «не навреди» (запрет на изобретения, способствующие ухудшению человеческого качества или угрожающие безопасности жизни человека). Сама научная этика делает ученого ответственным за все социальные, культурные и техногенные последствия его изобретений.

Там, где научный поиск вступает в явное противоречие с профессиональной этикой ученого, следует говорить об ограничении свободы научных исследований. В XX веке физики-ядерщики как раз и столкнулись с такой проблемой. В СССР известным диссидентом и пацифистом стал «отец» водородной бомбы академик А.Д. Сахаров. Проблему противостояния морали и науки отразил и в своем романе «В круге первом». А.И. Солженицын². По его мнению, именно на научной элите лежит ответственность за обеспечение духовной безопасности всего человечества. Именно научная элита должна стать «первым заслоном» на пути расползания политического тоталитаризма. В XXI веке тоталитарные и авторитарные политические режимы уже не смогут процветать без опоры на интеллектуальную элиту. Поэтому «элита знаний» должна стать надежной опорой демократизации общества, а для этого интеллектуальной элите необходимо стать самостоятельной социокультурной силой, т.е. быть независимой от государства.

¹ Лэш К. Восстание элит и предательство демократии. М., 2002. С. 32.

² Солженицын А.И. В круге первом. М., 1991. С. 224–227.

8. «Идея Университета». Научное знание не может нормально функционировать, будучи исключенным из системы образования. Сама идея университета предусматривает естественное соединение науки и образования, их совместное проживание под одной крышей, совместное участие в творчестве.

Величайшим достижением античности стало создание философско-научных центров (школ), самыми известными из которых стали школа Пифагора в Кротоне (в конце VI веке до н.э.), Академия Платона в Афинах (ок. 387 г. до н.э.) и Ликей Аристотеля (335 г. до н.э.). Именно они и заложили основу всех современных форм и видов научных сообществ. Академия Платона вообще поставила своеобразный рекорд по продолжительности своего существования – 912 лет (с 387 г. до н.э. по 529 г. н.э.). Продолжением этой традиции стали средневековые университеты.

Средневековый университет – это корпорация студентов и профессоров, объединенных общим стремлением к познанию. Университеты были созданы практически во всех европейских столицах и ряде крупных культурных центров Западной Европы в Болонье (1158), Оксфорде (1168), Париже (1200), Кембридже (1209), Падуе (1222), Тулузе (1229) и др. К 1500 г. их было уже 79, причем 50 из них были созданы римскими папами на основе церковных католических школ¹. Одной из главных задач университетского образования и в то время, и в наше было создание элитного сознания (элиты интеллектуалов) по определенным отраслям знания. Выпускники университета в то время формально уже считались представителями интеллектуальной элиты.

Многие средневековые элитарные школы Англии сохраняют свою значимость и по сей день. Свою родословную они ведут от средневековых грамматических школ, впоследствии получивших наименование «паблик скул». Старейшая – Винчестер (основана в 1380 г.) для сыновей духовных лиц (зачастую небогатых), самая знаменитая – Итон (в 1440 г.) – преимущественно для детей дворян (выпускники ее продолжали образование в университетах Оксфорд и Кембридж), Вестминстер (в 1560 г.), Харроу (в 1571 г.)².

При этом не надо забывать, что возникновению университетов в Западной Европе предшествовало одно явление, которое было незаслуженно забыто историками науки. Речь идет о Платоновской Академии (780 – 800-е гг.) Алкуина (ок. 735 – 804) при дворе Карла Великого. Тогда Алкуину на короткое время удалось восстановить идеалы платоновской Академии, в результате чего об этом времени современные историки говорят как о «каролингском возрождении». Знаковым явлением для самой эпохи

¹ См.: Захаров И.В., Ляхович Е.С. Миссия университета в европейской культуре. М., 1994.

² Ашин Г.К., Бережнова Л.Н., Карабущенко П.Л., Резаков Р.Г. Теоретические основы элитологии образования. Монография / Под ред. П.Л. Карабущенко. М., 1998. С. 148.

Возрождения стало открытие в 1459 г. во Флоренции Платоновской Академии, которая стала своего рода продолжением Академии Платона и Академии Алкуина. И снова мы здесь, как и в двух предыдущих случаях, видим значительный «всплеск» элитного начала в культуре и науке.

Платоновская Академия, или, как ее называли, «Платоническая семья» (*Platonica familia*), во Флоренции имела свою краткую, но блестящую историю. Ее расцвет приходится на период 1470 – 1480 гг., т.е. на переломные годы итальянской истории. По мнению ряда исследователей (Р. Масель, А.Ф. Лосев), эта Академия была «очагом света», который привлекал к себе все богатство человеческого духа; это было место, куда стекались наиболее драгоценные рукописи и где встречались знаменитейшие эрудиты. Академия стала художественной мастерской, в которую каждый вносил свой талант¹. Эта Академия была чем-то средним между клубом, ученым семинаром и религиозной сектой. Сюда входили: Кристофоро Ландино, Лоренцо Великолепный, Пико делла Мирандола, Франческо Каттани, Марсилио Фичини и др.

В XVII веке идея Академии стала особенно популярной. Академии создавались везде, по любому поводу и без повода («просто так»). Популярность этого вида научного и культурного сообщества объясняется популярностью самого Платона. Так, в 1603 г. итальянский князь Фелерико Чези создает свою «Академию деи Линчеи» (т.е. «рысьеглазых»), членом которой был Г. Галилей; в 1660 г. создается Лондонское королевское общество; в 1666 г. – Парижская академия наук; в 1700 г. – Берлинская академия наук, а в 1724 г. – Петербургская академия наук.

По мнению известного английского философа и педагога Дж. Ньюмена (1801 – 1890), университет – это «школа универсального обучения» («*studium generale*»), задача которого состоит в том, чтобы воспитывать джентльменов (в данном случае интеллектуальную элиту)². Вслед за ним и многие другие теоретики университета, такие, как А. Флекснер (1866 – 1959), Х. Ортега-и-Гассет (1883 – 1955) стали высказывать аналогичные идеи³.

Идея университета родилась, прежде всего, как идея элитного университета. Гарвард, Принстон, Йель, Оксфорд, Кембридж, Сорбонна, Московский, Токийский и другие ведущие университеты мира играют фундаментальную, ведущую роль в формировании элит постиндустриального общества. Американские исследователи элитного

¹ Лосев А.Ф. Эстетика Возрождения. М., 1978. С. 320.

² Захаров И.В., Ляхович Е.С. Миссия университета в европейской культуре. М., 1994. С. 39–42.

³ Ашин Г.К., Бережнова Л.Н., Карабущенко П.Л., Резаков Р.Г. Теоретические основы элитологии образования. М., 1998. С. 128–133.

образования отмечают, что подобные университеты «очень сходны в своих функциях: они репродуцируют процесс селекции элит»¹.

Как утверждает в своей работе «Восстание элит» американский социолог К. Лэш (1932 – 1994), интеллектуалы новой волны предпочитают действовать в компании с такими же, как и они. В отличие от интеллектуалов старого образца, имевших склонность в своей работе держаться особняком и ревниво-собственнически относиться к своим идеям, эти «новые» стремятся полностью реализовать свой «потенциал к сотрудничеству», который благоприятствует «системному мышлению» – способности видеть проблему во всей ее целостности, воспринимать плоды коллективного экспериментирования и «различать более общие планы причин, следствий и взаимосвязей»².

Сознание этой «новой волны» интеллектуальных элит приобретает сетевой характер. Они и селятся в «географически обособленных местах сосредоточения» и создают «привилегированные общины» (Кембридж, Силикон-Вэлли, Голливуд и др.). В глазах обывателя они представляются олицетворением интеллектуального успеха и хорошей жизни, понимаемой как обмен «информацией» и рабочими «сплетениями». В такие творческие сообщества доступ новых членов всегда открыт, так как регулируется естественными законами развития интеллекта. Именно персональные качества и определяют «звездный статус» членов этих элитных групп³.

9. «О культуре науке». В XX веке окончательно сложился культ науки, который привел ее адептов к попыткам провозглашения науки как высшей ценности развития человеческой цивилизации. Наука, сама того не замечая и, быть может, сама того не желая, стала новой религией для интеллектуалов. Борьба за культ науки и борьба с культом науки привела к возникновению двух диаметрально противоположных лагерей – сторонников *сциентизма* и сторонников *антисциентизма*.

Сциентизм и антисциентизм представляют собой две остро конфликтующие ориентации в современном мире. Сциентисты приветствуют достижения НТР, модернизацию быта и досуга, верят в безграничные возможности науки и, в частности, в то, что ей по силам решить все острые проблемы человеческого существования. Наука оказывается высшей ценностью, и сциентисты с воодушевлением и оптимизмом приветствуют все новые и новые свидетельства технического подъема. Их оппоненты – антисциентисты – видят сугубо отрицательные последствия НТР, их пессимистические настроения усиливаются по мере

¹ Ашин Г.К. Элитное образование в меняющемся мире // Элитное образование: мировой опыт и модель МГИМО. Сборник научных трудов / Общ. ред.: проф. Г.К. Ашин, проф. С.А. Кравченко. М., 2002. С. 23.

² Лэш К. Восстание элит и предательство демократии. М., 2002. С. 32–33.

³ Лэш К. Восстание элит и предательство демократии. М., 2002. С. 33.

краха всех возлагаемых на науку надежд в решении экономических и социально-политических проблем¹.

Таблица 4

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СЦИЕНТИСТСКОГО И АНТИСЦИЕНТИСТСКОГО ПОДХОДОВ²

Аргументы сциентистов	Аргументы антисциентистов
Приветствуют достижения науки	Испытывают предубежденность против научных инноваций
Провозглашают знание как культурную наивысшую ценность	Не устают подчеркивать критическое отношение к науке
Отыскивая аргументы в свою пользу, привлекают свое знаменитое прошлое, когда наука Нового времени, опровергая пути средневековой схоластики, выступала во имя обоснования культуры и новых, подлинно гуманных ценностей; они подчеркивают, что наука является производительной силой общества, производит общественные ценности и имеет безграничные познавательные возможности.	Несмотря на многочисленные успехи науки человечество не стало счастливее и стоит перед опасностями, источником которых стала сама наука и ее достижения; следовательно, наука не способна сделать свои успехи благодеянием для всех людей, для всего человечества; научное знание имеет предел, за которым наука утрачивает свою актуальность.
Видят в науке ядро всех сфер человеческой жизни и стремятся к «онаучиванию» всего общества в целом, только благодаря науке жизнь может стать организованной, управляемой и успешной.	Считают, что понятие «научное знание» не тождественно понятию «истинное знание»; вторжение науки во все сферы человеческой жизни делает ее бездуховной, лишеной человеческого лица и романтики.
Намеренно закрывают глаза на многие острые проблемы, связанные с негативными последствиями всеобщей технократизации.	Прибегают к предельной драматизации ситуации, сгущают краски, рисуя сценарии катастрофического развития человечества, привлекая тем самым все большее число своих сторонников.

¹ Лешкевич Т.Г. Философия науки: традиции и новации. М., 2001. С. 45.

² Там же. С. 45–46.

Антисциентисты указывают на то, что помимо научного знания существует еще и вненаучное – религия, философия, искусство. Ограничивать себя сугубо научными знаниями – значит заведомо суживать границы познавательного процесса. Подобная постановка вопроса может привести науку только к схоластике, что и происходит с ней на всем протяжении истории XX и начала XXI столетия.

Тезис о всемогуществе науки – не более чем миф опрометчиво поддавшегося на искушения рационализма мышления. Наука бессильна решить многие глобальные и частные проблемы. У нее явно ограничены ресурсы и полет ее фантазии тоже имеет пределы возможного.

Наука, по мнению Г. Гегеля, ограничена и субъективна, ибо она выступает конечной формой постижения абсолюта. В силу того, что естествознание связано с рассудком, оно не способно постигать целостность, конкретность, противоречивость предмета. Оно поэтому охватывает только некоторый срез, конечный аспект воплощения духа и по этой причине не способно познать живой, саморазвивающейся целостности.

Согласно Г. Гегелю, дух – это объективная, саморазвивающаяся духовная деятельность, субстанция-субъект. Задача философии как науки – теоретически познать эту духовную деятельность на ее основе, т.е. как внутренне развивающуюся систему, систему ряда формообразований, внутренним стержнем которой является тождество противоположностей. Философ прямо отмечал, что форма бытия науки есть система. Это означает, что научное познание духа, прежде всего, предполагает постижение его в форме органической системы, в форме системы понятий, законов и принципов познания¹.

Культ науки наиболее наглядно проявляется в культе личности того или иного ученого, когда его явные или мнимые последователи начинают превозносить его явные или мнимые достоинства, делая из них объект своего научного поклонения. Сакрализация образа такого ученого происходит тогда, когда после его ухода обнаруживается «нищета научного духа» у его учеников и последователей. Особенно это заметно в таких научных сообществах, в которых выстраиваются, так называемые, «научные династии», когда «сыновья» и «внуки» гения начинают эксплуатировать его имя в своих семейных интересах, сами при этом ничего принципиально нового не добавляя к созданной им теории. В этом процессе снижения научного потенциала творческого духа мы видим наступление схоластики после эпохи новаций и великих открытий.

Когда складывается культ личности какого-либо ученого, тогда неизбежно инновационная наука превращается в научную схоластику и возникает религиозный тип науковедения. Возникает «икона ученого» и

¹ Кохановский В.П. Философия и методология науки. Ростов н/Д., 1999. С. 73–74.

адепты этого нового культа. Такой вид «науки» бывает особенно агрессивным, поскольку адептам (людям, не блещущим особыми талантами) приходится постоянно защищать свою «икону» от нападков конкурентов и иных инноваций. Так было, например, с фрейдизмом, когда от него начали выделяться и отдаляться такие крупные фигуры, как А. Адлер и Э. Фромм, которым удалось в рамках этого направления создать свои собственные школы.

Еще Х. Ортега-и-Гассет подметил, что прототипом невежества (как определенного психологического склада) человека из массы был «человек науки» – «технар», специалист, «ученый невежда», чье умственное превосходство «в его крохотном уголке вселенной» было под стать только его невежественности во всем остальном¹. По мнению все того же К. Лэша, «меритократия – это пародия на демократию. Она предлагает шансы на продвижение, по крайней мере, в теории, любому, кто обладает талантом не упустить их», но «шансы пойти в гору»².

10. Наука и власть. Власть науки наталкивается на власть политики. В предшествующие периоды истории политика детерминировала науку, но по мере приближения постиндустриализма аналитики начинают отмечать изменение вектора во взаимоотношениях науки и политики.

Лауреат Нобелевской премии академик В. Гинзбург был уверен, что «будущее человечества и России определяется наукой. За 400 лет со времен Галилея, первого в современном понимании ученого, в мире произошли невероятные изменения. Наука формирует мир в большей степени, чем любая другая область. Политикам необходимо это понять и поддерживать науку щедро и разумно».³

Если раньше политика вполне могла обойтись без науки, то сегодня уже сама политика начинает все больше подчиняться науке. Уже сам факт возникновения политической науки (а также целого ряда наук, связанных с проблемами господства и управления) говорит о конце гегемонии «чистой политики»⁴. Информационное общество должно поставить жирный крест на произволе и деспотизме политики, духовно облагородить ее, сделать ее цивилизованной.

Примечательна в этой связи позиция Лондонского Королевского общества («Устав» от 1662 г.), провозгласившего принцип

¹ См.: Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды. М., 2000; Ср.: Лэш К. Восстание элит и предательство демократии. М., 2002. С. 36.

² Лэш К. Восстание элит и предательство демократии. М., 2002. С. 36.

³ Гинзбург В. Будущее человечества и России определяется наукой // Известия. №207. 10.11.2009. С.4.

⁴ Под «чистой политикой» мы подразумеваем такой вид политики, когда она развивается по своим внутренним законам, удовлетворяет исключительно свои политические потребности и использует культуру, науку, религию, иные виды знания и самого человека в качестве средства для достижения своих конкретных целей. Ее лозунг – «все для политики и ничего лишнего».

невмешательства науки (принцип об «автономности науки», или «принцип ценностной нейтральности») в вопросы теологии, философии (метафизики), морали и политики. Тем самым научное сообщество попыталось сгладить и отрегулировать потенциальные напряжения во взаимоотношениях науки с другими социальными институтами¹. Однако, как показала дальнейшая история, заявление это оказалось декларативным. Науке не всегда удается сохранять обещанный нейтралитет.

Принцип «автономности науки» подразумевает, что и другие социально-политические институты будут в отношении нее сохранять нейтралитет. Однако XX век полностью опроверг все эти договоренности. Политическая идеология самым решительным (просто «наглым»!) образом вмешивалась как в научное, так и религиозное, и философское знания, активно заменяя их своими мифами. Чем авторитарнее власть, тем больше у нее поводов контролировать науку. В открытых обществах власть и наука действительно придерживаются принципа нейтралитета, в то время как авторитарные/тоталитарные политические режимы, как правило, требуют от науки «партийности».

Именно линия размежевания между наукой и властью является в настоящее время наиболее болезненной для науки, а в будущем (в эпоху постиндустриализма) – и для самой власти, игнорирующей достижения научной мысли в угоду своей сиюминутной корысти. Власть желала бы, чтобы наука была более пластичной и отражала ее интересы (читай «прихоть»), сама же наука всегда отстаивала свои интересы, даже путем жертв во имя истины. Споры о том, кого и от кого защищать (науку от государства или государство от науки), имеют смысл лишь в том случае, когда выясняется вопрос, кто из них является выразителем идеи тоталитаризма. Либерализм расставляет все по своим местам, но даже и он не защищен от заблуждения в своей абсолютизации.

Демаркация между наукой и властью важна, но она всегда оказывается весьма и весьма проблематичной. До сих пор мысль об абсолютно автономной науке выглядела весьма утопичной. Политические реалии всегда навязывали ей свою волю. Но смогут ли они делать то же самое в век высоких научных технологий. Если власть окажется некомпетентной, то наступит эпоха нового политического мракобесия. Однако уже сегодня ясно одно – *интеллектуальное развитие власти заметно отстает от интеллектуального развития науки. И это весьма и весьма опасно.*

Очевидно также и то, что *Истина нужна науке гораздо больше, чем власти.*

* * *

¹ Философия и методология науки / Под ред. В.И. Купцова. М., 1996. С. 447, 451.

Наука в настоящее время практически завершила процесс строительства себя как социального института. Начало этому процессу было положено еще в глубокой античности (Платон и Аристотель), продолжено в Новое время (Ф. Бэкон и Р. Декарт) и завершено лишь в XX столетии, после того как количество и качество ученого мира преодолело свою «критическую массу».

Признаками науки как социального института являются: 1) признание научной деятельности в качестве самостоятельного процесса; 2) образование единого научного духовного пространства (появление информационного пространства и научной инфраструктуры); 3) установление прямой зависимости жизни и развития человека от научного знания; 4) рост числа ученых (преодоление, так называемой, «критической точки») и складывание мирового (глобального) научного сообщества.

Институционализация науки означает, что она занимает весьма высокое место в системе национальных ценностей. Ее элитное положение определяется той ведущей ролью, которую она играет в доминирующих сферах человеческой деятельности – в политике, экономике, культуре, образовании. Там, где наука теряет статус института, общество оказывается на грани своего национального коллапса. Такие общества и государства перестают быть «великими», и их перестают уважать и ценить другие.

XXI век вынес уже свой диагноз – постиндустриальное (оно же – информационное) общество может существовать только при самом тесном взаимодействии науки с ведущими отраслями экономики и главными институтами политики. Знания становятся не просто основой будущего экономического благополучия, но и главной ценностью всего этого общества. Единственная проблема, которая обозначится перед таким обществом сразу же по самому факту его возникновения, будет заключаться в необходимости преодоления барьера постиндустриализма теми странами, которые все еще находятся на стадии индустриального или даже доиндустриального общества.

В будущем перед наукой будут все чаще возникать именно глобальные проблемы, и ей придется их решать в исключительно сжатые временные рамки. Глобализация науки должно привести к тому, что человечество превратится в единый Логос, где будут решены и сняты все политические, культурные и социальные разногласия прошлого. Миру еще предстоит пережить глобальную научную революцию, которая изменит саму природу человечества, сделает его более совершенным. Современные футурологические прогнозы рисуют научно-фантастический мир, в котором личность человека будет являться главной ценностью бытия, всецело определяя его своей научной мыслью.

В конечном счете, наука должна будет обеспечить безопасность всему человеческому роду от угроз исходящих из космоса. Именно

космическая безопасность может стать в будущем конечной целью социализации науки. Некоторые уже сегодня утверждают, что «главная функция науки не социальная, но экзистенциальная: она увеличивает иллюзию человеческого могущества и тем ослабляет нашего главного врага – страх незащитности и ничтожности в бескрайнем космосе».¹

Основные понятия и термины

Конгресс (лат. congressus – встреча, собрание) – наиболее значимое и масштабное событие в научной жизни того или иного сообщества ученых, специалистов, общественных деятелей, которое имеет международный или общенациональный характер. Программы конгрессов имеют широкий диапазон возможностей для реализации творческих и практических задач, решения организационных вопросов и т.д.²

Конференция (научная) (лат. conferential – собрать в одно место) – собрание или совещание представителей научного сообщества для обсуждения и решения тех или иных теоретических задач, связанных какой-то одной определенной темой³.

«Круглый стол» – форма публичного обсуждения или освещения каких-либо вопросов, когда все участники, имея равные права, высказываются в определенном ими порядке; символизирует равенство всех его участников вне зависимости от званий и регалий. Такая работа сочетает в себе полемику, дебаты, дискуссию, элементы «мозгового штурма» и заканчивается, как правило, подведением общих итогов ведущим круглого стола⁴.

Научная школа – сложившийся коллектив исследователей различных возрастных групп и научной квалификации, связанных проведением исследований по общему научному направлению и объединенных совместной научной деятельностью. Указанный коллектив должен осуществлять подготовку научных кадров, иметь в своем составе руководителя, а также молодых (до 35 лет) исследователей.

Имеются следующие критерии для установления *научной школы*: 1) устойчивость научного направления; 2) наличие в коллективе школы нескольких поколений в связках учитель-ученик, объединяемых общим, ярко выраженным лидером – руководителем школы, авторитет которого, как и авторитет научной школы, признан российским и международным научным сообществом; 3) научная квалификация и состав ведущей научной школы (количество докторов и кандидатов наук;

¹ Мелихов А. Лаборатория против лакейской // Известия. №214. 19.11.2009. С.6.

² Вестник Российского философского общества. 2004. № 3 (31). С. 8–9.

³ Там же. С. 9.

⁴ Вестник Российского философского общества. 2004. № 3 (31). С. 9.

высококвалифицированных инженерных кадров, аспирантов, зарекомендовавших себя студентов последнего года обучения), подготовка в рамках научного коллектива научных кадров высшей квалификации, в том числе за последние 5 лет; 4) высокий уровень научных результатов, подтвержденный печатными трудами, патентами и другими документами, участием в международных, федеральных и региональных программах, выставках, документально отмеченными достижениями, отзывами специалистов; 5) научная значимость исследования и научный (научно-технический) уровень ожидаемых результатов выполнения работы; 6) участие в преподавательской деятельности и/или интегрированных научно-образовательных центрах; 7) организация конференций и семинаров, в том числе постоянно действующих и периодических; 8) общественное признание научной школы, в том числе премии, медали, приглашенные доклады на международные конференции; 9) участие в деятельности научной школы аспирантов, молодых ученых и специалистов, наличие программы закрепления и расширения научного коллектива за счет молодых ученых и студентов; 10) минимальное число членов научной школы – 10–12 человек.

Симпозиум (лат. *symposium*; греч. *symposion* – большая «попойка», пир) – у древних греков и римлян – пирушка, часто сопровождающаяся музыкой, развлечениями, беседой. В современно научном значении «С» – совещание по какому-либо специальному научному вопросу, в котором принимают участие достаточно узкие специалисты, по большей части хорошо знающие друг друга (во всяком случае, по работам)¹. Поскольку в работе *симпозиума* принимают участие лишь «узкие специалисты», то образуемое им сообщество представляет весьма элитарный круг ученых, доступ в который возможен лишь при наличии аналогичных, как и у его участников, знаний. Иными словами, вход на *симпозиум* не специалистов «запрещен».

Социальные функции науки – традиционно выделяют три основные *социальные функции науки*: 1) функции культурно-мировоззренческого характера; 2) функции науки как непосредственной производительной силы и 3) функции науки как социальной силы, связанные с тем, что научные знания и методы в последнее время все шире используются при решении самых разных проблем, возникающих в жизни общества².

Элитология науки – раздел «большой элитологии», занимающийся исследованием влияния выдающейся личности на развитие науки. Перед *элитологией науки* стоят сразу несколько принципиально важных задач: 1) установление законов развития элитного знания (т.е. такого знания, которое в наибольшей мере содержит в себе абсолютную истину); 2)

¹ Вестник Российского философского общества. 2004. № 3 (31). С. 9.

² Философия. Учебник для вузов / Под ред. В.В. Миронова. М., 2005. С. 590.

выявление правил развития творческого процесса (научной креативности); 3) выработка принципов профессионального взаимодействия субъектов научных элит; 4) создание общей теории меритократии; 5) осуществление научного мониторинга и маркетинга.

Афоризмы

«Границ души тебе не отыскать, по какому бы пути [= в каком бы направлении] ты ни пошел: столь глубока ее мера» (Гераклит Эфесский).

«Предположение, что будущее похоже на прошлое, не основано на каких-либо аргументах, но проистекает исключительно из привычки, которая понуждает нас ожидать в будущем той последовательности объектов, к которой мы привыкли» (Д. Юм).

«...философия является историей самосознания, проходящего различные эпохи; последовательность их создает... единый абсолютный синтез» (Ф.В.Й. Шеллинг).

«Творческий динамизм человеческой истории, сам по себе делает предвидение важных исторических событий почти невозможным» (П. Сорокин).

«Душа [сознание] – это функциональная сущность, которую нельзя хранить в формалине или изучать под микроскопом» (Х. Дельгадо).

Библиографический список

1. Ашин, Г. К. Теоретические основы элитологии образования / Г. К. Ашин, Л. Н. Бережнова, П. Л. Карабущенко, Р. Г. Резаков. – М., 1998.
2. Захаров, И. В. Миссия университета в европейской культуре / И. В. Захаров, Е. С. Ляхович. – М., 1994.
3. Лосев, А. Ф. Эстетика Возрождения / А. Ф. Лосев. – М., 1978.
4. Философия и методология науки / Под ред. В. И. Купцова. – М., 1996.
5. Основы философии науки / Под ред. С. А. Лебедева. – М., 2005.

10. ЭТИКА НАУКИ

(А.П. Романова)

Вопрос об этике науки достаточно проблемный. Так, М.К. Мамардашвили замечательно говорит о нравственном законе, как о «действительном чуде», которое дано нам в виде простой принудительной очевидности¹. Этот нравственный закон имеет два уровня: уровень личностной человеческой морали, избираемой субъектом для себя достаточно свободно, и уровень онтологических моральных предикатов, укорененных в общечеловеческом знании.

¹ Silentium: Философско-художественный альманах. СПб., 1991. Вып. 1. С. 238–239.

Связь между наукой и *этикой* не очевидна, она лежит практически в двух плоскостях морального закона и атрибутируется не только из самого закона или самой науки, но и из всей существующей околонаучной действительности.

На первый взгляд кажется, что проблема этики науки имеет второстепенное значение. На самом деле это не так. И в прошлые века она имела определенный смысл, а в настоящее время становится сверхактуальной. По мере появления новых технологий этические проблемы становятся все более очерченными.

В наше время не только сама наука, но и околонаучное пространство становится объектом систематического изучения. Поскольку наука является, прежде всего, социокультурным элементом (а в настоящее время особенно), то она должна получить определенную моральную санкцию, своеобразное оправдание перед лицом культуры.

Встает вопрос, можно ли говорить не только о мировоззренческой, но и об этической нейтральности науки? Или, переходя на этико-религиозную терминологию, наука изначально невинна или изначально греховна?

В решении этого вопроса можно выделить две позиции.

Позиция 1. Наука сама по себе этически *нейтральна*, а антигуманное использование ее достижений целиком и полностью обусловлено социальными факторами. Ценностная нейтральность науки – достаточно распространенный тезис, который восходит к известному тезису Д. Юма – из суждения о фактах не вытекает суждение о должном. При такой позиции наука имеет только инструментальный смысл. Такой точки зрения придерживались многие ученые в первой половине XX века. В том числе Г. Маргенау, с точки зрения которого «наука этически нейтральна», ибо она выступает лишь как средство после того, как уже сделан этический выбор¹. Однако, к самой этике научный метод не только может быть, но и должен быть применим.

Однако этот принцип весьма уязвим и Р. Хеар утверждает, что факт может быть основанием для этического рассуждения². Сам процесс познания насыщен ценностными установками для гуманитарных наук в большей степени, нежели для естественных. Но, тем не менее, даже сама научная рациональность регулируется набором определенных ценностей: верифицируемость, доступность и т.д. Тем более, что нельзя представить ученого в качестве некоего запрограммированного абстрактного субъекта познания. Это всегда личность, являющаяся не только носителем определенного стиля мышления, но и с присущими ей неповторимыми субъективными характеристиками. Личность является носителем

¹ Цит. по: Фролов. И.Т., Юдин Б.Г. Этика науки: проблемы и дискуссии. М., 1986. С. 111.

² Ушаков Е.В. Введение в философию и методологию науки. М., 2005. С. 386.

некоторого количества масок и выполняет множество ролей – преподавателя, отца, мужа, гражданина и т.д. Нельзя провести четкую демаркационную линию между научной рациональностью и этическими характеристиками науки.

Однако уже в 60-е годы эта позиция перестает быть столь жестко формулируемой. Так, Р. Коэн в работе «Этика и наука» проводит определенные взаимосвязи между этикой и наукой: 1) научные открытия могут принуждать ученых к принятию этических решений; 2) они делают возможными некоторые этические решения; 3) научные методы могут помочь в деле рационального контроля и этического планирования общественной и личной жизни; 4) наука может предложить модель демократического образа жизни тем, кого такая модель интересует¹. По Р. Коэну, наука сама по себе этически нейтральна, но, будучи ничем не связанной, опасна в той же мере, в какой могущественна и безответственна. Таким образом, наука становится этически не нейтральной, прежде всего, в социокультурном контексте, и на нарушение моральных норм она идет под давлением общества.

Ж. Ладриер считает, что основная проблема этики науки относится к самой науке, а не к ее применению в других областях человеческого бытия. Этические проблемы связаны с наличием такой категории, как ответственность, которая имеет прямую и косвенную направленность. С одной стороны, это моральные принципы самого ученого, его прямая ответственность за собственное научное детище. С другой стороны, это косвенная ответственность в ситуации «возможностей»: наука создает возможность определенных действий, не относящихся к сфере науки, но и не могущих реализоваться без нее. Таким образом, Ж. Ладриер различает внутреннюю и внешнюю ответственность, полагая, что основной является внутренняя ответственность.

Как считает Ж. Ладриер, наука должна, прежде всего, нести внутреннюю ответственность. Что касается внешней ответственности, то она связана с тем, что познание делает возможными ситуации, которые в других отношениях представляются неприемлемыми. Нельзя отрицать, что наука должна отвечать за эти возможности, однако это еще не означает, что ей следует отступить перед ними. Кроме того, нельзя знать наперед, что окажется возможным, когда данное исследование породит свои результаты. Ответственность науки состоит в осознании той роли, которую она фактически играет в возникновении опасных возможностей, в точном информировании о том, что поставлено на карту, и о неизбежных последствиях, а также в поиске соответствующих мер, призванных ограничить риск и, если возможно, предотвратить потенциально опасные

¹ Цит. по: Фролов И.Т., Юдин Б.Г. Этика науки: проблемы и дискуссии. М., 1986. С. 113.

ситуации. Это, считает Ж. Ладриер, касается только науки самой по себе. Но благодаря присущему ей этическому измерению наука должна иногда покидать свою собственную область, чтобы с помощью своих методов и своим собственным духом оказать помощь другим областям, в которых возможности, созданные наукой, угрожают разрушительными последствиями¹.

Позиция 2. Во второй половине XX века начинает доминировать несколько иная концепция взаимоотношения этики и науки. Наука этически не нейтральна, она изначально не только социально, но и морально обусловлена. А ученый является не столько орудием социальных сил, сколько ответственной личностью.

Вот с какой тревогой пишет об этом В. Вайскопф: «Человеческие проблемы, создаваемые все нарастающим развитием основанной на науке техники, слишком близки и слишком угрожающи; они затмевают значение фундаментальной науки как орудия глубокого проникновения в сущность явлений природы. Ученый должен быть готов к встрече с результатами воздействия науки на общество; он должен быть осведомлен о социальных механизмах, приводящих к особым применениям научных результатов и к злоупотреблениям ими, должен стараться предотвратить злоупотребления и увеличивать пользу, приносимую научными открытиями. Иногда он должен находить силы противостоять общественному давлению, заставляющему его участвовать в деятельности, которую он считает вредной... Это ставит ученого в центр социальной и политической жизни и борьбы»².

Против тезиса о нейтральности науки выступает и специалист в области философии науки И. Супек. «Ставя вопрос об отношении науки к этике, – отметил он, – мы должны, прежде всего, преодолеть пропасть, вырытую спекулятивной мыслью между объективно ориентированным исследованием и моральной оценкой. Если с самого начала мы будем рассматривать науку как нечто, совершенно отличное от этики, то все попытки построить мосты над этой пропастью будут напрасными»³. Наука, по словам И. Супека, – это область приложения человеческих устремлений, пронизанных любопытством, общими усилиями, сомнениями, ценностными суждениями – всем, чем наполнена наша повседневная деятельность. Пропасть между наукой и этикой обусловлена таким пониманием науки, когда она рассматривается как логическая дедуктивная система, в которой посредством определенных операций мы выводим нечто из фундаментальных принципов и законов. Такая

¹ Фролов И.Т. Юдин Б.Г. Этика науки: проблемы и дискуссии. М., 1986. С. 128–129. С. 115.

² Вайскопф В. Физика в двадцатом столетии. М., 1977. С. 263.

³ Цит. по: Фролов И.Т., Юдин Б.Г. Этика науки: проблемы и дискуссии. М., 1986. С. 116.

концепция подкрепляется делением науки на «чистую» и прикладную: предполагается, что первая занята исключительно поисками истины, тогда как вторая служит социальным интересам. Из этого следует, что только прикладная наука может рассматриваться как подлежащая этической оценке, в то время как чистая наука находится за пределами каких бы то ни было моральных убеждений. Эта концепция, по мнению И. Супека, несостоятельна и восходит в своих основаниях к позитивистской философии.

Таким образом, в данной позиции вырисовывается целый круг этических проблем науки, которые условно можно разделить на внутренний и внешний.

Внешний круг – это этические границы науки по отношению ко всем остальным элементам человеческой культуры и бытия как такового. Это ответственность ученого за *последствия* своих исследований. Хрестоматийным здесь является пример американских генетиков, совершивших в 1974 г. беспрецедентную акцию. Они потребовали наложить мораторий на ту область исследования, в которой работали. Американский генетик Пол Берг, которому приписывают открытие методов, позволяющих получать гибридные молекулы ДНК, обратился к ученым всего мира с призывом, прежде чем продолжать эксперимент, предварительно оценить его последствия. Он считал, что в ходе экспериментов могут появиться какие-то не существовавшие в природе генетические комбинации, которые окажутся не только жизнеспособными, но и могут нести в себе инфекцию, поскольку основным объектом экспериментирования была бактерия кишечной палочки, существующая у каждого человека. Это свидетельствует, прежде всего, о зрелости самого научного сообщества, которое на данном этапе начинает отдавать себе отчет в своеобразной «коварности» научного процесса. Сегодня часто говорят о преувеличенных опасениях, однако возможно именно эти превентивные меры способствовали дальнейшему правильному направлению эксперимента, а также проведение научной конференции в Калифорнии в 1975 г. с участием исследователей из разных стран. Проявленная учеными предосторожность представляется не просто разумной, а прямо-таки необходимой; именно такой подход сегодня стал одним из оснований для социально-этической оценки тех новых возможностей, которые открывает прогресс науки и техники.

В сферу этических проблем внешнего круга входит некая совокупность: насколько соответствуют моральным нормам цели исследования, достаточно ли этичны средства, проверенна ли методология, каковы возможные последствия применения научной разработки, и в целом, каков онтологический смысл всего изыскания. Это проблема свободы выбора сферы исследования, границы свободы исследователя и контроля государства за исследованием; насколько правомерно

вмешательство государства в сферу научных исследований и в каких случаях; благо для это для науки или зло.

Одной из форм *этики* науки, возникшей в рамках проблем внешнего круга, является *биоэтика*. В определенной степени это продолжение врачебной этики, которая устанавливает допустимые формы взаимоотношения врача и пациента. Биоэтика же гораздо шире и включает в себя целую группу проблем, возникших вокруг здоровья человека в связи с научно-технической революцией. Современная медицинская практика все более насыщена высокими технологиями. Те трансформации, которые претерпевает практика биомедицинских исследований с участием человека, и, в частности, те механизмы и структуры этического контроля, которые вырабатываются в этой области, в определенной мере обозначают перспективу развития самых разных областей научных исследований, даже весьма удаленных от биомедицины. Важнейшим элементом любого исследования, связанного с привлечением человеческого ресурса, является обязательная этическая экспертиза каждого такого исследовательского проекта. Так, в статье 43 «Основ законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан» отмечается, что «любое медицинское исследование с привлечением человека в качестве объекта может проводиться только после получения письменного согласия гражданина. Гражданин не может быть принужден в участии в биомедицинских исследованиях».

Это заставляет ученых наряду с научными и техническими составляющими проекта просчитывать и предупреждать возможные риски для жизни и здоровья как конкретного испытуемого, так и человечества вообще. Причем в проекте рассчитываются не только риски, но и предполагаемые блага от реализации данного проекта. А это, естественно, приводит к возрастанию числа заинтересованных сторон и, следовательно, к возрастанию конфликтов интересов разных корпораций.

Наряду с этим расширяется и спектр биомедицинских исследований, включающих наряду с фармакологической отраслью и эпидемиологические исследования, в ходе которых используются персональные данные, касающиеся множества людей, – оказывается, и здесь человека необходимо защищать. К области этических проблем относится и использование тканей и органов, изъятых у человека при операции, пересадка органов больным людям от умершего человека, проблема суррогатного материнства, проблема клонирования и т.д.

К вопросам биомедицинской этики относятся и на первый взгляд далекие от нее проблемы. Научно-технический прогресс привел к созданию все расширяющейся искусственной среды вокруг человека – огромное количество синтетических продуктов, материалов, косметики, продуктов питания, в том числе и генетически измененных. Все это может оказаться опасным для человека как на данном этапе, так и впоследствии.

Поэтому прежде чем внедрять в массовое потребление все эти продукты необходимы определенные исследования, доказывающие их безопасность, а участие человека в этих исследованиях также должно быть сопряжено с этической экспертизой. Таким образом, области применения такой экспертизы становятся все более обширными.

В этой ситуации все больше исследований должны пройти *этическую экспертизу* при определении тематики исследования, у самых истоков должен присутствовать этический компонент. Этические соображения играют не только регулятивную, но и конститутивную роль по отношению к исследовательской практике, т.е. они оказываются встроенными в нее, положенными в ее основание. О них уже нельзя говорить как о чем-то привходящем, налагаемом извне на свободный поток научной мысли.

Здесь возникает достаточно сложная дилемма: с одной стороны, чрезвычайно ценна свобода исследователя, вся сумма зависимостей науки – идеологическая, экономическая, популистская – крайне отрицательно влияет на ее результативность, с другой стороны, современный научно-технический прогресс со всеми вытекающими из него последствиями не может не вынуждать общество определенным образом регулировать и контролировать направления научных исследований. Думается, поиск баланса между двумя этими императивами станет неотъемлемой стороной научно-технического развития.

Эти факторы привели к необходимости создания *этического комитета*, осуществляющего вышеназванную экспертизу. Таким образом, появляются весьма отработанные этические технологии, так называемая, этическая индустрия в сфере биомедицинских исследований.

Здесь можно вспомнить и «принцип предосторожности», в соответствии с которым, вводя новую технологию, ученый должен брать на себя ответственность за перспективы и последствия ее дальнейшего использования. Хотя абсолютно безопасных технологий не существует, риск использования должен быть сведен к минимуму. Причем чрезвычайно важно, что вопрос о безопасности новой технологии ставится не после результатов применения запущенного в серию продукта, а до начала ее запуска. Таким образом, начинает работать превентивная система мер. Так, первооткрыватели рекомбинантной ДНК, приостановив развитие этой технологии, действовали в соответствии с этим принципом, хотя сформулирован он был много позже, в начале 90-х гг. XX века.

К внешнему кругу взаимоотношений науки и общества относятся и проблемы, возникающие в ролевой структуре научного сообщества. Возникает этика взаимоотношения начинающих и маститых ученых, этика научного руководства, этика взаимоотношений в лаборатории, ученом совете и т.д.

Так, научная работа в лаборатории будет плодотворной, только если соблюдается целый ряд этических норм: достижения и публикации каждого сотрудника прямо пропорциональны его вкладу в работу, научный руководитель не присваивает себе коллективных научных результатов, в публикации включаются все, участвовавшие в научном процессе. В случаях же, когда эти нормы не выполняются, рано или поздно возникают ложные отношения, идущие во вред делу и приводящие к распаду коллектива.

Внутренний круг – это профессиональная этика ученого.

Разговор о проблемах этики науки стоит оценивать не столько по ее конкретному влиянию на государственную политику по этому вопросу и не столько по конкретным результатам в области науки как социального института, сколько с точки зрения стимулирующего воздействия, которое оказывает обсуждение этих проблем на формирование социальной ответственности ученых.

В этой области можно выделить как этику науки в целом, так и профессиональную этику ученого. Причем в этой сфере также может быть несколько пластов: этика ученого в области конкретной сферы своих исследований, когда решается вопрос о последствиях направления научной деятельности определенного субъекта, а также и о этике в профессиональной сфере: научная достоверность, авторские права, индекс цитирования, и т.д.

Когда решается вопрос о последствиях результатов научной деятельности ученого, то мы видим, что эта проблема автоматически начинает входить во внешний круг этических проблем науки и на законодательном уровне регулируется обществом. Однако здесь все же остается личностный аспект, когда ученый сам, просчитав возможные риски, поскольку владеет наиболее полной информацией, предъявит их на обсуждение этического комитета.

Однако есть целая сфера научных исследований, где моральные качества личности ученого могут играть решающее значение – это добросовестность представленного материала, которая изначально держится на высокой профессиональной педантичности и скрупулезности ученого.

Дело в том, что при предоставлении научному сообществу новых результатов научных исследований изначально присутствует «презумпция невиновности», т.е. предполагается, что научные факты, изложенные в исследовании, изначально верны. И основой такого подхода может быть только вера в изначальную добросовестность ученого.

Недобросовестное или просто несерьезное отношение к научным фактам ведет к самому страшному для исследователя – научной смерти. Человек продолжает жить и работать, но работ его не читают и не цитируют, он как бы перестает существовать для науки. Причем никому не

интересно, почему данные не воспроизвелись – из-за недобросовестности или просто из-за ошибки. И хотя право на ошибку – неотъемлемое право исследователя, злоупотреблять этим правом не позволено никому.

В связи с этим существует проблема случайной или заведомо известной ошибки. Так, в процессе завершения практически готовой работы автор может выяснить изначальную некорректность или, того хуже, ошибочность исходных предпосылок, для обнаружения которых научным сообществом потребуется долгая и кропотливая работа. Велик иску́с скрыть знание этого факта, который в принципе невозможно доказать. Вот здесь-то, собственно, и проявляется одна из характеристик научной добросовестности ученого.

Другой характеристикой является добросовестность цитирования. Естественно, что ни одно современное исследование не обходится без работы с литературой по соответствующей проблеме. Автор, следуя этике науки, обязан ссылаться на все родственные работы вне зависимости от своего к ним отношения. Замалчивание таких работ неэтично. Хотя проверить, с умыслом или по неинформированности произошло замалчивание, практически невозможно.

Важной характеристикой этики ученого является терпимость. Она предполагает достаточную широту взглядов, глубокое понимание принципов организации науки, подлинную заинтересованность в ее прогрессе; она требует от ученого преодоления личной ограниченности, личных симпатий и антипатий, а когда нужно, и совершения поступков, даже противоречащих собственным интересам. То есть если субъективизм в сфере исследования – явление нормальное и даже полезное, то предельная объективность и терпимость просто обязательны в научно-организационной деятельности.

В целом иерархия этики в науке, согласно американскому ученому П. де Форесту, включает следующие уровни: применение внутринаучных этических стандартов к профессиональным взаимодействиям ученых, оценка поведения ученых на основании соответствия этическим стандартам универсального характера, рассмотрение науки как социального института, в рамках которого ученые включаются в широкий спектр внешних взаимоотношений¹.

Основные понятия и термины

Этика – философская наука, объектом изучения которой является мораль, нравственность как форма общественного сознания, как специфическая сторона общественной жизни.

¹ Цит. по: Фролов И.Т., Юдин Б.Г. Этика науки: проблемы и дискуссии. М., 1986. С. 157.

Этическая экспертиза – предваряющее исследование, проверка того, связано ли проверяемое исследование с риском для здоровья, благополучия и достоинства испытуемых; обязательная процедура при исследованиях с проведением эксперимента с участием людей в качестве испытуемых.

Этический комитет – структура, проводящая этическую экспертизу. В состав этического комитета входят ученые-специалисты в данной области знания, не связанные непосредственно с данным исследованием, а также священники, юристы и т.д. Этический комитет должен иметь независимый статус, его одобрение является необходимым условием проведения исследований.

Афоризмы

«Мудрый! Будучи обязан жить среди простого народа, будь подобен маслу, плавающему поверх воды, но не смешивающемуся с ней» (Пифагор. «Законы и нравственные правила», СХС).

«... каждый день нужно проводить так, словно он замыкает строй, завершает число дней нашей жизни» (Сенека. Письма. 12, 8).

«Жизнь - как пьеса: не важно, длинна ли она, а то, хорошо ли она сыграна» (Сенека. Письма. 77,20).

«Судьбы ведут того, кто хочет, и тащат того, кто не хочет» (Сенека. Письма. 107,11).

«Мир ловил меня, но не поймал» (Г.С. Сковорода).

«...христианская теология проистекает из света веры, философия же – из естественного света разума. Философские истины [поэтому] не могут противоречить истинам веры» (Ф. Аквинский).

«Гений отличается от всего того, что не выходит за рамки таланта или умения, своей способностью разрешать противоречие, абсолютное и ничем иным не преодолимое» (Ф.В.Й. Шеллинг).

«...истинная популярность требует большого практического знания мира и людей, их понятий, вкуса и склонностей, на что нужно постоянно обращать внимание при изложении... - такое истинное популярное совершенство знания есть и на самом деле великое и редкое совершенство, знаменующее большое проникновение в науку» (И. Кант).

Библиографический список

1. Биоэтика: принципы, правила, проблемы / под ред. Б. Г. Юдина. – М., 1998
2. Биоэтика: проблемы и перспективы / под ред. А. П. Огурцова. – М., 1992.
3. Введение в биоэтику / под ред. Б. Г. Юдина, П. Д. Тищенко. – М., 1998.
4. Горяев, П. П. Волновой геном / П. П. Горяев. – М., 1994.
5. Гуссейнов, А. А. Введение в этику / А. А. Гуссейнов. – М., 1985.
6. Сойфер, В. Н. Власть и наука / В. Н. Сойфер. – Нью Йорк, 1989.
7. Сойфер, В. Н. Красная биология / В. Н. Сойфер. – М., 1998.

8. Фролов, И. Т. Этика науки: проблемы и дискуссии / И. Т. Фролов, Б. Г. Юдин. – М., 1986.
9. Шрейдер, Ю. А. Этика. Введение в предмет / Ю. А. Шрейдер. – М., 1998.
10. Юдин, Б. Г. О возможности этического измерения науки / Б. Г. Юдин // Человек. – 2000. – № 5.

ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИОГУМАНИТАРНЫХ НАУК

1. ФИЛОСОФИЯ НАУКИ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОСТИ

(П.Л. Карабущенко)

Философия науки исследует социальные проблемы, которые выстраиваются в треугольнике отношений между наукой, обществом и государством. Комплекс этих отношений сводится к выявлению понимания качества этих трех категорий, трех китов современной общественной жизни. У каждой из них есть свое собственное понимание этой проблемы (социальное, политическое, научное). Но лишь только философия науки надет общее и цельное видение сущности этих взаимоотношений. Философская позиция стоит над всеми этими частными противоречиями и пытается дать им комплексный анализ.

Специфика социально-гуманитарного познания: общетеоретические подходы. Прежде чем наука смогла сформулировать свое отношение к общественным проблемам, философия успела уже создать свою собственную систему оценки социальных ценностей. Поэтому социальная философия исторически предшествует всем социальным наукам. При этом речь идет не просто о простой пропедевтики, а о решающей роли философии в процессе формирования научного социального знания – практически все современные социально-гуманитарные научные дисциплины в прошлом были специальными философскими разделами.

Социальная наука выполняет важнейшую мировоззренческую функцию – она помогает человеку понять, в каком обществе он живет и под управлением какой власти он находится. Без этих ориентиров пребывание человека в обществе будет просто невыносимым.

Как феномен социально-гуманитарные науки зародились на Западе, как попытка осмысления сущности взаимоотношений государства и гражданского общества, и в настоящее время приобрели уже общечеловеческое значение.

Уже Платон заложил «систему» отраслевых философских знаний (философия культуры, политики, психологии, педагогики, общества), на базе которых в последствии возникли ряд одноименных гуманитарных и социальных научных дисциплин. В своих работах («Политик», «Государство» «Законы») Платон сформулировал идеалистический подход

к социально-политическим проблемам. Он исследовал то, что должно быть, если это должное довести до ее абсолюта, т.е. совершенства.

Еще Диоген Лаэртский указывал на то, что философия имеет три раздела: физику (или философию природы), этику (или философию человека и общества) и диалектику (или методологию). Социально-гуманитарные науки фактически выросли из той античной этики, о которой писал Диоген.

Еще У. Оккам указывал на особую меру ответственности, которые несут на себе ученые в деле распознавания всевозможных проявлений социального и политического зла. «При этом мыслитель подчеркивал неправомерность какого-либо идеологического приспособленчества и политического конформизма, отвергал апелляцию к «мнению большинства» как к ориентиру политического поведения».¹

Философия представляет собой интегральную форму научных знаний в области знаний об обществе, культуре, истории и человеке.

Российский контекст применения социального знания заключается в «двойном стандарте» его оценки властями и обществом: власти на словах признают его значимость, а на практике его полностью игнорируют, общество же на словах оценивает его как пустословие («болтовню»), а на практике пытается своим умом дойти до того же самого (т.е. «открыть заново Америку»).

Социальные науки всегда носили общественно активный характер. Именно в силу этой своей социальной активности они и оказывались наиболее уязвимыми к претензиям различных социально-политических идеологий. Политическая история XX в. показала незащищенность социальной и гуманитарной науки от произвола политического диктата. В будущем этим наукам надлежит выработать мощный иммунитет, который будет способен защитить их даже от самых иезуитских претензий политической идеологии.

Современная наука и власть: пути сближения и размежевания. Все противоречия социального и духовного мира находят свое отражение во взаимоотношениях науки и власти. При этом термин «наука» нами употребляется как некий сборный образ, включающий в себя помимо сугубо научного знания, еще и философию и культуру, а термин «власть» указывает на существующую в социально-политическом пространстве конкретной властвующей доминанты.

Сегодня для многих уже очевидно, что власть должна быть построена на четких научных принципах, что стихийная самодеятельность и интуиция удел не просто отдельных избранных, но и «технология» давно уже минувшего времени. Но исторический опыт показывает, что до сей

¹ Ефремова Н.В. Оккам как политический философ // Историко-философский ежегодник. М., 1989. С.79.

поры, не наука и ученые управляли политикой, а именно политика повелевала наукой и учеными. И науки еще предстоит переломить ситуацию в свою пользу.

Во взаимоотношении науки и власти философия науки выделять две противоположные тенденции: 1) тенденция, направленная на *сближение* (интеграционное начало) и 2) тенденция, направленная на *размежевание* (конфликтное начало).

Интегрирующим началом во взаимоотношениях науки и власти является то, что наука всегда стремилась и продолжает это делать к тому, чтобы иметь на власть как можно большее влияние, и то, что сама власть все больше пыталась заручиться поддержкой со стороны науки, для проведения своих идей в жизнь. Хотя тенденция на сближение у науки и власти одинакова, но цели такого сближения всегда были разные – каждая из них через такое сближение надеялась установить свою гегемонию над партнером/конкурентом.

Практика показывает, что современная наука все еще не может обойтись без поддержки политической власти, в то время как сама политическая власть все больше начинает зависеть от науки. Через это сближение и власть, и наука надеются стать самостоятельными. Однако их автономность всегда была относительной.

Разделительной линией между наукой и властью и в будущем должен остаться принцип невмешательства последней в дела первой. При этом вполне допустимо, что наука будет вмешиваться в дела власти, но надлежит поставить существенные преграды на пути того, чтобы власть вторгалась в области науки. С идеалистической точки зрения («линия Платона») наука интеллектуально всегда превосходила и будет превосходить власть. В этом плане власть никогда не догонит науку. Но если в прошлом и в настоящем это превосходство было относительным, что давала власти лишний повод оспаривать его, но в будущем оно станет абсолютным, что лишит власть всякой надежды тягаться с наукой за гегемонию над общественным сознанием.

Свое проникновение в политику и установление контроля над ней наука может и должна осуществить через политическое образование. Оно не только вытесняет и заменяет ценности большой политики своими собственными ценностями, но и совершает самую настоящую перестройку сознания субъекта власти.

Политическое образование и политика в сфере образования. Если раньше власть осуществляла свой контроль над наукой через осуществления своей образовательной политики, то в будущем наука установит свой собственный контроль над политикой через реализацию в ней своего политического образования. В этом плане мы полностью разделяем идею Платона, который утверждал, что только просвещенный правитель может править приближенно к идеальному типу управления.

Делу установления власти науки над политикой должно способствовать продвижение политического образования среди профессиональных политиков. Политики уже осознали то, что без профессионального знания им осуществлять свои управленческие функции становится с каждым годом все труднее и труднее.

На всем протяжении XX в. в образовательной политике преобладали тенденции направленные на развитие массовой школы (ликвидация всеобщей безграмотности, всеобщее среднее образование, приоритет массовой школы и т.д.), что в целом соответствовало диагнозу всей этой эпохи, сделанному еще Н.А. Бердяевым и Х. Ортега-и-Гассетом, назвавшие время «развитого индустриализма» эпохой «восстания масс».

В конце XX в. и в самом начале XXI столетия ситуация несколько уже изменилась. Американский социолог К. Леш назвал это время «восстанием элит». Чаша весов склонилась от одной парадигме к другой. Потребность повышения качества элиты порождает увеличение качества самой системы их образования и профессиональной подготовки. Это значит, что приоритетной будет уже не массовое образование и не массовая школа, а элитное (прежде всего качественное) образование и элитная школа.

Для успешной реализации своей управленческой деятельности современной политической элите потребуется принципиально новое по качеству образование. Скорее всего, информационное общество потребует от элиты власти перейти с рельс политической идеологии и манипуляции общественным сознанием по средствам черного PR на рельсы науки и реально открытого диалога с *гражданским обществом*.

Противостояние науки и власти наиболее остро проявляется в борьбе науки с политической идеологией. Причем борьбе на параллельных курсах и с переменным успехом. Проблема заключается в том, что политическая идеология часто маскируется под науку, а сама наука может при определенных условиях принимать черты некой идеологии.

Философия науки и современные политические идеологии. Если наука весьма отрицательно относится к любой политической идеологии, считая ее ложным сознанием, то философия науки пытается дать объективную оценку этих отношений, не принимая сторону ни одной из позиций. Именно с этой объективной точки зрения и выясняется, чем идеология и наука являются друг для друга, и зачем они постоянно вступают в многочисленные конфликты?

Главная задача философии науки вовремя минимизировать давление политической идеологии на науку, предложив для этого конкретные встречные инициативы (средства). В решении этой задачи философия науки оказывается на острие отношений науки и идеологии, принимает на себя основной удар критики с обеих противоборствующих сторон.

Прежде всего, философия науки стремится определить местоположения современных политических идеологий и их типологию. По ее мнению, некоторые (наиболее одиозные) политические идеологии оказались сегодня на обочине исторической дороге, другие напротив набирают силы и переживают своё «второе рождение». При этом сами идеологии не всегда адекватно себя понимают. Желая казаться современными, они часто преднамеренно искажают свою историческую сущность, кооперируясь с другими идеологическими системами. Часто случается, что противоположности и антагонизмы смыкаются и создают нечто принципиально новое.

Среди современных идеологических умозрений выделяются парные (дихотомические) группы, отношения между которыми напоминают (в зависимости от качества политической системы) то сверхточные «аптечные», то грубые «грузовые» весы. Наиболее распространенными являются три такие дихотомические группы: либерализм – консерватизм, социализм – коммунизм, национализм – интернационализм, которые дискутируют между собой в рамках еще одной более существенной дихотомии: демократия – авторитаризм (тоталитаризм).

Философия науки не просто исследует *пограничье* между наукой и политической идеологией (там, где чаще всего и происходят все основные конфликты между ними), но и пытается спрогнозировать ситуацию, определить курс их дальнейшего развития. Прогностическая функция осуществляется философией науки путем выяснения того, чем на самом деле в настоящее время являются наука и идеология и в каких они состоят отношениях? И определяющим в этом деле бывает установление характера протекающего между ними конфликта.

Разногласия между наукой и политической идеологией существовали всегда. Было время, когда идеология подавляла науку, ныне наступило некое затишье в отношении этих двух видов актуального знания. Осторожно заглядывая в будущее, можно сказать, что (в качестве желаемого варианта) наука должна будет полностью вытеснить из нашего сознания, посеянные в нем мифы политической идеологии.

Философия науки и глобальные проблемы современности. Процесс глобализации и глобальные проблемы – явления одного порядка. Если глобализация чаще всего воспринимается как процесс (унификации и стандартизации ценностей), то глобальные проблемы – это явления мирового порядка, оказывающие определяющее воздействие на развития всего человечества.

Естественно, что глобализация ставит перед современной наукой совершенно новые задачи, которые ранее перед нею не стояли или были обозначены в ином не столь существенном формате.

Глобальные проблемы современности составляют тот круг проблем, которые охватывают все человечество, т.е. касаются всех не зависимо от

их принадлежности к конкретной нации, государству, религии, культуре или цивилизации. «Глобальные проблемы» глобальны и в историческом времени, т.е. это проблемы, которые возникают не перед одним поколением людей, а переходят из одной исторической эпохи в другую.

К числу таких проблем относятся: 1) проблема войны и мира; 2) проблема взаимоотношения богатого «Севера» и бедного «Юга»; 3) экологические проблемы; 4) демографическая проблема; 5) проблема перехода к постиндустриализму (распространение информации в качестве базовой ценности). В последнее время обострилась еще такая проблема, как противостояние цивилизаций (религий и культур).

Указанными проблемами занимаются как философия, так и ряд наук, таких как: политология, социология, культурология, экономика и т.д. Но у всех у них свой специфический подход к их осмыслению и решению. Так, экологию в большей степени волнуют свои отраслевые проблемы, политику свои (например, проблема войны и мира), социологию и экономику - свои. Философия дает общий анализ указанных проблем, но не касается конкретики. И лишь за философией науки остается задача по сведению всего этого многообразия позиций в единую научную систему.

Здесь важно, чтобы каждая отрасль научного знания сама определилась в том, как ей решать возникающие перед человеком глобальные проблемы? Для социально-гуманитарных дисциплин определиться и найти свою особую нишу в этом вопросе особенно трудно. Почему? Для технических, естественных и точных наук их ниша обозначена гораздо четче, чем перед гуманитарными науками. Перед ними всегда стоят конкретные задачи. Социально-гуманитарные же науки отвечают за весь комплекс проблем, связанных с глобальными проблемами современности. Их задача – не частный случай, а общее решение проблемы. Философия науки здесь выполняет роль всеобщего координатора, роль «научного менеджера», всегда находящегося в курсе всех событий и проблем.

Социальные и культурные проблемы. Главной на сегодняшний день социокультурной проблемой является взаимоотношение *массового* и *элитарного* в социальных и культурных отношениях современных обществ. В этой проблеме вновь сходятся старые «диалектические оппоненты» – *количество* и *качество*, главные участники «закона противоречия» и всеобщего развития.

Большая часть идеологических споров всегда велась между *эгалитаризмом* и *элитизмом*. Сторонники этих двух глобальных мировоззренческих направлений всегда спорили о том, каким быть человеческому обществу? Их спор выходил за рамки конкретных политических идеологий и приобретал действительно мировоззренческий характер.

Еще одной такой актуальной проблемой является противостояние ценностей индустриализма и постиндустриализма, которые обостряются по мере перехода от одного типа общества к другому. Если индустриализм всегда стремился к повышению количественного фактора (т.е. к производству массового типа), то постиндустриализм ориентирован уже на качественный показатель (выпуск элитных и, как правило, штучного товара).

Глобализация культур потребует решение еще одной важной проблемы – *проблемы языка*, несущего на себе основное бремя коммуникации. Речь идет не просто о простом (техническом) переводе информации с одного языка на другой. Проблема ставится гораздо шире. Речь идет о возможности быстро и точно найти и выбрать нужную ученому информацию и правильно ее интерпретировать. Поэтому возрастает проблема поиска информации и ее верификации.

Еще одна проблема – *соотношение культурного и социального*. Речь идет о том, насколько социальное и культурное соответствуют друг другу? Вопрос о том, всегда ли социальная защищенность и материальное благополучие стремятся и требуют столь же высокую культурную составляющую? Данная проблема укладывается в сферу отношений политической и культурной элит, в то, как они находят себя в процессах исторического значения.

Вечно актуальными также остаются и проблемы социальной справедливости, свободы, достоинства личности, имущества, а в последнее время и проблемы формирования гражданского общества и его взаимоотношения с государством.

ЛЕКЦИЯ 2.
СПЕЦИФИКА СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОГО ПОЗНАНИЯ:
ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ
И ЧАСТНЫЕ СЛУЧАИ
(П.Л. Карабущенко)

Прежде чем наука смогла сформулировать свое отношение к общественным проблемам, философия успела уже создать свою собственную систему оценки социальных ценностей. Поэтому социальная философия исторически предшествует всем социальным наукам. При этом речь идет не просто о простой пропедевтике, а о решающей роли философии в процессе формирования научного социального знания – практически все современные социально-гуманитарные научные дисциплины в прошлом были специальными философскими разделами.

Общие принципы социального знания. Философия представляет собой интегральную форму научных знаний в области знаний об обществе, культуре, истории и человеке. Социальная среда оказывает непосредственное влияние на умы людей, но оказывает не на всех одинаково. Кто-то в большей степени от этого зависит, кто-то в меньшей; для кого-то социальная среда играет определяющую роль, а кто-то пытается всячески выйти из под ее влияние, наконец, кому-то она приносит пользу (удачу), а кому-то вред (неудачу). Социальные науки как раз и пытаются разобраться в этом сплетении социальных проблем, предлагая различные варианты решения возникающих здесь проблем.

Социальная наука выполняет важнейшую мировоззренческую функцию – она помогает человеку понять, в каком обществе он живет и под управлением какой власти он находится. Без этих ориентиров пребывание человека в обществе будет просто невыносимым. Раскрыть действующие в обществе законы, научить ими пользоваться самих людей и создать объективную систему планирования социальными процессами – вот три главных исходных пункта социальной науки. При этом социальные науки должны носить объективный, а не субъективный (идеологический) характер. Их ни в коем случае нельзя подгонять под конкретные политические интересы. В противном случае получится то, о чем в свое время писал еще английский философ и политолог *Томас Гоббс* (1588 - 1679): если бы геометрические аксиомы противоречили «чьему-либо праву на власть или интересам тех, чьи интересы задеты этой истиной, учение геометрии было бы если не оспариваемо, то вытеснено сожжением всех книг по геометрии».¹

Еще У. Оккам указывал на особую меру ответственности, которые несут на себе ученые в деле распознавания всевозможных проявлений социального и политического зла. «При этом мыслитель подчеркивал неправомерность какого-либо идеологического приспособленчества и политического конформизма, отвергал апелляцию к «мнению большинства» как к ориентиру политического поведения».²

¹ Гоббс Т. Избранные произведения. М., 1964. Т.2. –С.133.

² Ефремова Н.В. Оккам как политический философ // Историко-философский ежегодник. М., 1989. С.79.

Социальные науки всегда носили общественно активный характер. Именно в силу этой своей социальной активности они и оказывались наиболее уязвимыми к претензиям различных социально-политических идеологий. Политическая история XX в. показала незащищенность социальной и гуманитарной науки от произвола политического диктата. В будущем этим наукам надлежит выработать мощный иммунитет, который будет способен защитить их даже от самых иезуитских претензий политической идеологии.

Как феномен социально-гуманитарные науки зародились на Западе, как попытка осмысления сущности взаимоотношений государства и гражданского общества, и в настоящее время приобрели уже общечеловеческое значение. Еще Диоген Лаэртский указывал на то, что философия имеет три раздела: физику (или философию природы), этику (или философию человека и общества) и диалектику (или методологию). Социально-гуманитарные науки фактически выросли из той античной этики, о которой писал Диоген. Уже Платон заложил «систему» отраслевых философских знаний (философия культуры, политики, психологии, педагогики, общества), на базе которых в последствии возникли ряд одноименных гуманитарных и социальных научных дисциплин. В своих работах («Политик», «Государство» «Законы») Платон сформулировал идеалистический подход к социально-политическим проблемам. Он исследовал то, что должно быть, если это должно довести до ее абсолюта, т.е. совершенства. Ему в противоположность его ученик Аристотель предлагает другой вариант анализа социально-политической действительности – исследовать лишь то, что непосредственно есть в действительности. На базе его социально-философского реализма ныне основывают свое видение практически все социально-гуманитарные науки.

Философия науки исследует социальные проблемы, которые выстраиваются в треугольнике отношений между наукой, обществом и государством. Комплекс этих отношений сводится к выявлению понимания качества этих трех категорий, трех китов современной общественной жизни. У каждой из них есть свое собственное понимание этой проблемы (социальное, политическое, научное). Но лишь только философия науки найдет общее и цельное видение сущности этих взаимоотношений. Философская позиция стоит над всеми этими частными противоречиями и пытается дать им комплексный анализ. Именно с социальными отношениями у современной науки возникают самые серьезные внешние проблемы. Они связаны в первую очередь с тем, какую роль сама наука играет в обществе и как само общество воспринимает и пользуется плодами науки? При чем проблемы общества непосредственно отражаются на состоянии науки (научного знания и самих ученых). В бедных обществах роль науки незначительна, а судьба ученых незавидна.

Лучше всего эти общетеоретические проблемы прослеживаются на конкретном частном примере. В качестве такового мы выберем такую социально-гуманитарную дисциплину, как политология. Почему именно ее? Потому, что именно она в первую очередь отвечает за связь мира науки с миром политической власти. И от того, как она справляется с этой своей обязанностью, зависит всем необходимый диалог между наукой и властью, а, в конечном счете, и благополучие самой науки. При этом все победы и неудачи этой науки самым непосредственным образом сказываются и на других в первую очередь социальных дисциплинах. Поэтому со всех сторон рассмотреть внутреннюю динамику развития этой науки и установить стиль ее контактов с внешним политическим миром, будет означать наше приближение к общему диагнозу всей социальной науки нашего времени.

«День рождения» политологии. Политология как наука родилась в XX в., хотя ее роды неоправданно затянулись. До сих пор существует спор о том, когда политология отделилась от политической философии и стала самостоятельной научной дисциплиной. Американцы называют свою дату, европейцы – свою. Каждый приводит свои аргументы «за», их оппоненты – «против». Спор в принципе беспредметен и во многом схоластичен. Можно остановиться на любой из предложенной дате и она все равно будет не полной.

На наш взгляд политология стала наукой лишь «сегодня», т.е. по прошествию XX столетия, так как только сегодня она может действительно обозначить сугубо научный, а не идеологический подход в решении конкретных политических проблем. Без разницы в какой день и час родилась политология, важно, что она родилась под счастливой звездой и в рубашке.

Поэтому только целая сумма событий может считаться «днем рождения» политологии, а попытки уточнить конкретно «где и когда» это произошло?, бесплодны и схоластичны. Если взять за точку отсчета развития политологии появление первого политолога, то тогда она родилась тогда, когда Аристотель написал свою знаменитую «Политику» – первый учебник по политологии, совершив тем самым переход от политической философии к политической науке. Но это был первый опыт такого перехода. Трансформация политической философии в науку растянулась на многие столетия и окончательно завершилась лишь в наше время.

Известный представитель политической философии Л. Страусс, признавал, что основателем этой дисциплины был Сократ, а его ученики и последователи Платон и Аристотель стали классиками политической философии, подняв ее до уровня самостоятельной дисциплины и тем

самым «они стали основателями политической науки в точном и окончательном смысле этого слова».¹

«Политическая философия» и «политическая наука»: от Платона к Аристотелю. Знаменитое высказывание Аристотеля – «Платон мне друг, но Истина дороже» – относится и к их диалогу в области политической теории. Если Платон развивал свои политические учения в рамках своей политической философии и заложил основы политического идеализма, то его ученик Аристотель фактически уже совершил выход за рамки политической философии в область политической науки и его главное политическое произведение «Политика» может считаться первым учебником по политологии. Аристотеля действительно можно считать первым политологом (ученым), в то время как его учитель (Платон) так и остался в рамках философского знания. В отличие от Платона, Аристотель заложил основы политологического реализма.

Философия политики есть философия взаимоотношения свободы и подавления инициативы, власти и самоуправления, гражданского долга и права (свобод), политики и морали. Принципиальное отличие философии политики от политической науки заключается в переходе от сугубо умозрительных (аналитических) рассуждений к практике и осуществлению на ней провозглашенных ценностей.

Политическая философия решает фундаментальные, глобальные мировоззренческие проблемы, связанные в первую очередь с мировоззренческими категориями: свободы и ограничения, равенства и иерархии, преступности и справедливости, массовости и элитности (как лучшего»), деструктивности и творчества. Политическая наука рассматривает объективные законы политики и пути их дальнейшего развития. Политическая философия говорит о том, какой должна быть политика (Платона), политическая наука дает диагноз тому, какой политика является на самом деле в настоящий момент истории (Аристотель).

Обращает на себя внимание то, что каждая из перечисленных выше категорий или ограничивается, или корректируется своей противоположностью. Так, например, ограничить свободу можно и тем, что подавить инициативу, и тем, что установить новую иерархию или равенство.

«Линия Платона» и «линия Аристотеля». Спор идеализма (Платон) и реализма (Аристотель) отразился и на состоянии политической теории. Дискуссия между Платоном и Аристотелем – это диалог о том, что есть в реальности и о том, что должно быть в идеале. Это спор о должном и о реальном. Платон пытается представить развитие политики таким образом, чтобы она была наилучшей (т.е. идеальной), а Аристотель

¹ Strauss L. Introduction to Political Philosophy. N.Y., 1986. P.64-65.

предлагает нам исследовать только то, что в действительности есть в политике. Разве их позиции противоречат друг другу? По нашему мнению нет. Они напротив дополняют друг друга, в результате чего создается цельная картина анализа политического мира. Возведение искусственных барьеров между Платоном и Аристотелем приведет лишь к ухудшению самого качества политического знания, которое окажется разорванным на два непримиримых лагеря. Именно системное видение взаимодействия этих двух вариантов научно-философской мысли позволяет нам создать объективную науку о политике.

В эпоху Возрождения к этому спору присоединилась еще одна «третья политологическая линия» - «Линия Томаса Мора» (политическая утопия). Мор старается нам своей «Утопией» показать то, чего мы не должны делать ни при каких обстоятельствах. Его «Утопия» предвестник тоталитарных режимов XX в., а точнее есть его философское предупреждение. В утопии и идеализм, и реализм искажаются до полной своей неузнаваемости. Утопия фактически лежит в основе политической идеологии, особенно идеологии тоталитарного типа. Практическое же осуществление такой утопии возможно исключительно насильственным путем. Добровольно ни один здравомыслящий человек никогда себя не загонит в такие жесткие социально-политические условия. Сегодня все очевидно, что тоталитаризм представляет наихудшие условия для выживания человека как самодостаточной личности.

Политическая философия и политология призваны бороться с ложью политической идеологии, а не быть ее защитниками (апологетами). Политическая идеология есть лож политической элиты о себе и своем времени. Для нее особенно важно разжигать пожар раздора между идеализмом и реализмом. Состояние «войны» между ними создает благодатную почву для процветания любой политической идеологии независимо от ее политической ориентации. Объединение же политического идеализма и реализма напротив, наносит ощутимый удар по произволу и насилию политической идеологии и способствует установлению подлинно научных норм оценки политической действительности.

Политическая философия и политическая наука. Главным вопросом всей политологии и политической философии является вопрос, сформулированный еще Платоном: «Кто должен господствовать (править)?» или: «Чья воля может и должна доминировать в обществе?» В зависимости от вариантов ответов на этот вопрос формулируются и основополагающие параметры политических теорий и реальных политических систем. Фактически главный вопрос политической философии сводится к тому, какими качествами (достоинствами) должна обладать правящая элита и почему она на самом деле обладает теми недостатками, которые во все века считались пороками? Поскольку политическая философия занимается выяснением смысла и назначения

элиты и элитности в политике, она с полным основанием может быть нами названа еще и как политическая элитология.

Политическая философия выступает одновременно и как теория познания мира политического (политическая эпистемология), и как учение о политическом бытии (политическая онтология).¹ Поскольку для политического мира характерна высочайшая степень динамизма – многие феномены, события, процессы настолько быстры и эфемерны, что исследователь бывает просто не в состоянии поспеть за ними – политическая философия обращает внимание именно на сущность политических феноменов. Сам по себе «феномен» представляет то, что не может быть окончательно и адекватно познано. Тем самым, политическая философия в отличие от политической науки занимается лишь теми проблемами, которые не могут быть однозначно и решительно (т.е. окончательно) разрешены науки. Тем самым она исправляет ошибки политической науки, прикрывая те стороны ее теоретической и практической деятельности в которых она не имеет явного успеха, из-за отсутствия должного уровня своего развития.

Там где бессильна оказывается политическая наука должна вступать в дело политическая философия. Поэтому мы должны будем сказать, что политическая философия предшествует политической науке по времени (в истории) и опережает ее в будущем, обгоняя как раз именно на этих вечных вопросах политического бытия. Политическая философия как бы прокладывает путь развития политологии, выступает своеобразным для нее проводником. Политология в своем развитии идет по тем вешкам, которые специально для нее расставила политическая философия. Она меняет эти вешки на столбы магистральной дороги. При этом многие расставленные политической философией вешки так и остаются не тронутыми политической наукой.

«Крестным отцом» западной политической философии традиционно называется Сократ,² а самым первым и самым известным системным трактатом по политической философии является «Государство» Платона.³ Поэтому, как писал в свое время Ш. Уолин, «именно грекам мы обязаны за изобретение политической философии и за демаркацию политической по своей природе сферы».⁴

Исторически политическая философия являлась прообразом политической науки. В настоящее время она несколько видоизменила свое предназначение: она служит не только для связи между наукой и философией, но и является составной частью аналитической политологии

¹ См.: Гаджиев К.С. Политическая философия. М., 1999. С. 195 и далее.

² Catlin D. The Story of Political Philosophers. N.Y. and L., 1939. P.33.

³ Barry N. An Introduction to Modern Political Theory. L., 1982. P.110.

⁴ Wolin Sh. Politics and Vision. Boston, 1960. P.28.

и важнейшим элементов практического политического мышления (особенно у политических элит).

Новым этапом в развитии взаимоотношений между политической философией и политической наукой можно считать сложившуюся в России в конце XX в. политическую элитологию.

Философия политики и власть. Философия власти существует исключительно в умах профессиональных политологов. В умах профессиональных политиков существуют только их обыденные мнения и предпочтения, которые условно и с большими оговорками можно назвать «философией властной обыденности». Требовать от сегодняшней элиты власти, чтобы она имела свою собственную политическую философию немыслимо, поскольку в ее сознании царит идеологический хаос, порождающий ее высокое самомнение о себе, как о действительно «достойной власти».

Либерализм считает, что государственная власть определяется не волей властвующего субъекта, а сознанием зависимости подвластного. Поэтому носителями государственной власти являются все граждане (Н.М. Коркунов). Ныне правящие в России политические элиты так не думают. По их мнению, источником реальной власти по-прежнему являются они сами, а не общество. В этом архаизме не трудно разглядеть традиционные для России монархические (авторитарные) тенденции. Над Россией начала XXI столетия уже нависла тень неоавторитаризма.¹ Нынешние споры о «пользе» или «вреде» новой волны авторитаризма в России ни к чему реально позитивному не приведут. Власть по-прежнему продолжает осуществлять свою политику без учета общественного мнения и политической науки. Она (власть) по-прежнему считает себя умнее общественного мнения и политической науки. Такое завышенное самомнение в условиях развивающегося информационного общества до добра не доведет. В этих условиях власть должна, просто обязана обратиться за советом к политической науке, в противном случае у такой элиты будут серьезные проблемы в деле принятия управленческих решений.

Эпоха антропоцентризма в политологии. В истории эволюции политической мысли последних двух столетий можно выделить как минимум три этапа, характеризующие ее научные предпочтения и социально-политические требования: 1) социологический период; 2) идеологический и 3) антропологический. Каждый предшествующий период порождал последующий.

Таким образом, политология ныне совершила переход от социально-идеологических предпочтений к сугубо антропологическим, что дает нам

¹ См.: Карабущенко П.Л. Неоавторитаризм // Астраполис. 2004. №1.

основания рассматривать ее в качестве уже гуманитарной науки, а не только социально-политической дисциплины.

Один из крупнейших современных американских политологов Карл Дойч высказал убеждение, что основные изменения в политической науке второй половины XX в. связаны с усилившимся влиянием психологии, психиатрии и антропологии, которые привели к так называемой поведенческой революции в политологии.¹ Новая политическая наука, обогащенная знаниями о поведении человека – это, по словам Роберта Даля, исследование политики, «в котором упор делается скорее на индивидах, чем на больших политических единицах».²

Следует уточнить, что речь в данном случае должна идти не просто о сосредоточении внимания не столько на проблеме «индивида», сколько на проблеме «личности» и в частности на вопросах связанных с творческой активацией человеческого духа.

Современная наука и власть: пути сближения и размежевания. Все противоречия социального и духовного мира находят свое отражение во взаимоотношениях науки и власти. При этом термин «наука» нами употребляется как некий сборный образ, включающий в себя помимо сугубо научного знания, еще и философию и культуру, а термин «власть» указывает на существующую в социально-политическом пространстве конкретной властвующей доминанты.

Сегодня для многих уже очевидно, что власть должна быть построена на четких научных принципах, что стихийная самодеятельность и интуиция удел не просто отдельных избранных, но и «технология» давно уже минувшего времени. Но исторический опыт показывает, что до сей поры, не наука и ученые управляли политикой, а именно политика повелевала наукой и учеными. И науки еще предстоит переломить ситуацию в свою пользу.

Во взаимоотношении науки и власти философия науки выделять две противоположные тенденции: 1) тенденция, направленная на *сближение* (интеграционное начало) и 2) тенденция, направленная на *размежевание* (конфликтное начало).

Интегрирующим началом во взаимоотношениях науки и власти является то, что наука всегда стремилась и продолжает это делать к тому, чтобы иметь на власть как можно большее влияние, и то, что сама власть все больше пыталась заручиться поддержкой со стороны науки, для проведения своих идей в жизнь. Хотя тенденция на сближение у науки и власти одинакова, но цели такого сближения всегда были разные – каждая из них через такое сближение надеялась установить свою гегемонию над партнером/конкурентом.

¹ См.: Дойч К. Основные изменения в политологии (1952-1977 гг.) // Политические отношения: прогнозирование и планирование. М., 1979.

² Dahl R. The behavioral approach in Political Science. Ed. by H. Eulau. N.Y., 1968. P.77.

Практика показывает, что современная наука все еще не может обойтись без поддержки политической власти, в то время как сама политическая власть все больше начинает зависеть от науки. Через это сближение и власть, и наука надеются стать самостоятельными. Однако их автономность всегда была относительной.

Разделительной линией между наукой и властью и в будущем должен остаться принцип невмешательства последней в дела первой. При этом вполне допустимо, что наука будет вмешиваться в дела власти, но надлежит поставить существенные преграды на пути того, чтобы власть вторгалась в области науки. С идеалистической точки зрения («линия Платона») наука интеллектуально всегда превосходила и будет превосходить власть. В этом плане власть никогда не догонит науку. Но если в прошлом и в настоящем это превосходство было относительным, что давала власти лишний повод оспаривать его, но в будущем оно станет абсолютным, что лишит власть всякой надежды тягаться с наукой за гегемонию над общественным сознанием.

Свое проникновение в политику и установление контроля над ней наука может и должна осуществить через политическое образование. Оно не только вытесняет и заменяет ценности большой политики своими собственными ценностями, но и совершает самую настоящую перестройку сознания субъекта власти.

Спор вокруг научности элитологии. Выбранная нами в качестве научного анализа недавно образовавшаяся (прямо на наших глазах) наука – элитология, позволит нам лучше разобраться в проблемах становление новых дисциплин и их «борьбы» за место под солнцем. Случай с элитологией может считаться в этом смысле даже классическим, потому что, то, через что приходится ей проходить, прошли или проходят все молодые науки.

Вопрос о том является элитология наукой или нет, упирается в то, желаем ли мы иметь об элите точное научное знание или хотим остаться в плену своих прежних стереотипов о ней?

Дискуссия о том является ли элитология самостоятельной наукой или нет, до сих пор является актуальным у определенной группы ученых. Если рассматривать элитологию исключительно лишь с позиций социологии и политологии, то такой науки не нужно, потому что указанные науки рассматривают элитологические проблемы в рамках своих специализированных разделов. Это значит, что социология и политология не желают просто «делиться» этой темой с кем бы то ни было еще. Но спросим представителей этих наук: «Разве элитологическая тема ограничивается лишь рамками социологии и политологии?»

Сегодня дискуссия вокруг элитологии напоминает в известной степени то, что было с самой политологией в 1960-1970-х гг., когда подавляющего большинства специалистов-гуманитариев ставили вопрос о

целесообразности выделения этой науки в качестве самостоятельной дисциплины.¹

Некоторым ученым не желающим признавать самостоятельного за элитологией статуса, выгодно продолжать оценивать этот комплекс знаний в качестве «надстройки» для социологии и политологии. Они наотрез отказываются видеть в ней парадигмальность и предпочитают «урезать» поле ее действия, сводя его к минимальным размерам.

(а) *Доводы «за».* У элитологии есть четко обозначенный предмет научного исследования – элита и элитность. Она выполняет определенную социальную роль в деле выяснения сущности элиты и тем самым является элементом гражданского общества, поскольку объясняет сущность политической элиты не с позиции самой элиты (как это делала в свое время политическая идеология), с точки зрения самого общества. Иными словами элитология способствует тому, чтобы правящая элита носила «прозрачный» характер, чтобы у нее было, как можно меньше тайн от своего общества и чтобы само общество точно знало, что собой представляет его элита.

Темпы приращения научного знания в элитологии сопоставимы с темпами приращения научного знания вообще за весь XX в. Совпадение по данному показателю свидетельствует в пользу того, что элитология развивается по прогрессивной схеме и интерес к ней как к науке все возрастает, а не убывает, как это пытаются нам доказать некоторые ее недоброжелатели

Кто является этими ее «недоброжелателями»? Во-первых, – политические элиты авторитарного типа и во-вторых, та группа ученых, у которых элитология «отняла их хлеб», выведя тему теорий элит из непосредственного «подчинения» их наук.

(б) *Доводы «против».* Против чаще всего выступают сами представители правящей элиты, не желающие знать о себе самих правду и самое главное – не желающие, чтобы о них эту правду знало и само общество. Поэтому само по себе отсутствие элитологических исследований указывает на закрытость правящей элиты и авторитаризм установленного ею политического режима. Противниками элитологии утверждается, что она отстаивает интересы элиты. Здесь допускается грубейшая методологическая ошибка, отождествляющая элитаризм (идеологию оправдания власти элиты) с самой элитологией. Люди, которые предъявляют такое обвинение или плохо разбираются в политической науке, или преднамеренно вводят общество в заблуждение.

Элитология как наука избавлена от вмешательства со стороны политической идеологии. Те, кто выступают «против» ее научного статуса,

¹ См.: Соловьев А.И. Мозаичная парадигматика российской политологии // Полис. 1998. №4. С.6.

рассчитывают подчинить ее своей «политической идеологии», что можно сделать, если элитология будет раздроблена на мелкие части. У таких критиков не хватает широты кругозора их мировоззрения. Вся их научная картина мира лежит у них под носом и не выходит за границы их тени.

«Непопулярность» элитологии во многом объясняется непопулярностью главного предмета ее исследования – политической элиты. Но важно помнить, что кроме политической элиты у элитологии есть еще очень и очень много прекрасных и важных тем, связанных с проблемой гениальности, творчества, святости и тому подобного, что имеет непосредственное отношение к феномену достоинства личности человека. А этот ракурс элитологических исследований практически неисчерпаем.

Элитология как наука и как учебная дисциплина. Элитология вполне состоялась уже как наука и в настоящее время проходит стадию своего оформления в качестве учебной дисциплины. Окончательное признание любой науки возникает тогда, когда она складывается и как самостоятельное научное направление и как автономная учебная дисциплина.

Элитология – это наука о том, кто, как и почему становится элитой, сумев развить в себе до максимального свои элитные качества, и каким образом (по каким критериям) общество адекватно оценивает это их преимущество и относит их к элитным?

Элитой являются те, кто имеют явное преимущество в чем-либо, и это их преимущество заметно отличает их среди всего остального общества. Элитология должна выступить в роли хирурга, который вскрывает язвы политической элиты. Без такой науки гражданскому обществу будет сложно вовремя разобраться в том, кто им управляет. Поэтому элитология выполняет еще и диагностическую функцию.

В структуре элитологии следует выделять как минимум четыре раздела: 1) история элитологии; 2) методология элитологии; 3) теория (аналитика) и 4) прикладная или практическая элитология. В рамках прикладной элитологии целесообразно еще создать такие «отделы», как - элитологический мониторинг и элитологический маркетинг.

Элитологический мониторинг должен заниматься не столько вопросами отслеживания ситуации вокруг правящих политических элит, сколько следить за процессами вызывающими к жизни появление новых форм элитности, отслеживать свежие и оригинальные научные публикации и проводить систематизацию мемуаров выдающихся личностей. Он должен давать самой элитологии рекомендации о том, какой ей быть в ближайшем и отдаленном будущем, каким образом выстраивать свои отношения с другими науками и с политической идеологией.

Элитологический маркетинг решает проблемы продвижения элитологического знания, как на рынок научного знания, так и для его практического внедрения. К сожалению, данные элитологии все еще плохо ею рекламируются, а если учесть количество конкурентов и просто недоброжелателей, то и активно ими дискредитируются. Борьба с этой контрпропагандой важнейшая рекламная задача элитологической науки. Главная задача элитологического маркетинга – создание положительного имиджа этой науки в научном сообществе и пропаганда ее взглядов внаучной аудитории.

Преподавание элитологической дисциплины в вузах носит не столько просветительский, сколько пропедевтический характер. Молодое поколение должно знать об элите как можно больше, если не все. Преподавание элитологии ведется ныне в ведущих вузах России.¹ Признается, что сам факт введение элитологии в учебный процесс, означает не только повышает социально-политическую грамотность выпускников, но и то, что сам этот вуз тоже претендует на элитный статус как учебное заведение.

Политическая философия и политические элиты. Сегодня следует с особой грустью признать, что современные российские политики не только чужаются политической науки, но и пугаются вообще прикасаться к политической философии. Недостатки своего политического образования они прикрывают за счет более или менее удачного PR, а низкий уровень своего IQ прячут за схоластическими формулами политической риторики. Политическая философия помогает разобраться в сущности политической мифологии. Политические элиты, отказываясь от услуг политической философии, тем самым делают свой выбор в пользу политической мифологии, которая пользуется неизменным успехом у тех элит власти, которые обладают «средними» или даже «ниже средними» интеллектуальными способностями и нравственными достоинствами.

Политическая мифология компенсирует эти недостатки субъектов правящих элит, делая их заложниками своего ложного (мнимого) знания. Подобные политики живут исключительно лишь для себя и никого кроме себя они не видят. Именно поэтому такая политическая элита создает вместо точного научного знания о себе своего рода религию, которую и насаждает обществу и другим элитам. Такое мышление идет еще от первобытного человека. К. Юнг полагал, что первобытный человек исходил из той предпосылки, что «причиной всего является невидимая произвольная сила», именно поэтому «люди всегда нуждались в демонах и никогда не могли жить без богов».² Демоны политики делают самих субъектов политических элит своими заложниками.

¹ См.: Ашин Г.К. Курс истории элитологии. М.: МГИМО, 2003; Ашин Г.К. Элитология. Учебное пособие для гуманитарных факультетов вузов. М.: МГИМО, 2005.

² Юнг К. Психология бессознательного. М., 1994. С.111.

Политическая элита, живущая для себя, сама о себе создает миф, в который и погружается. Она вполне сознательно одевает «розовые очки», позволяющие ей выглядеть гораздо лучше в ее собственных глазах. Приспособленный к такой среде субъект, вырабатывает иммунитет, который защищает его от подлости «со стороны его группы – тем более, что большинство его товарищей свято верит в высочайшую справедливость своей социальной организации».¹

Главная задача современной гуманитарной политологии развенчать миф об этих демонах большой и малой политики. Если политическая философия может лишь идентифицировать и классифицировать этих «демонов», то политическая наука обладает всеми средствами чтобы «физически» расправиться с ними, их полностью дефрагментировав. Таким образом, перед политической философией и политологией ныне стоит одна и та же задача – эффективно бороться с «политической религией», победить ее и закрепить свою победу, во что бы то ни стало. Только так можно будет прийти к консенсусу между политикой и политологией, установить прямой и постоянный диалог между политиками и политологами.

Политолог и политик: две личности одного процесса. В России существует весьма важная проблема, связанная с глубоким размежеванием между политикой и политологией, между политиком и политологом. До тех пор пока политик и политолог разные люди, в России будет существовать непонимание между властью и обществом. Можно сказать, что эти отношения (между политикой и политологией) являются своего рода барометром отношений между властью и гражданским обществом.

Политологов (ученых) заменяют у политиков (практиков) так называемые «политические технологи», которые в действительности не являются ни политологами, ни политиками, а политическими наемниками. Перед нами фактически два типа личности: *личность политолога* вся деятельность которой направлена на обретение истины о мире политики и *личность политика*, готовую в любой момент скрыть эти истины, с целью удовлетворения своих персональных потребностей.

Вообще складывается впечатление, что политики, это лица которые постоянно выдают себя не за тех, кем они являются на самом деле. Политики должны быть не «христианами», а «язычниками», ибо язычество культивировало такие базовые их качества, как мужество и смелость, а не нравственную чистоту, смиренность и духовное совершенство. Поэтому для политика проще быть «язычником», ибо их мораль порой не имеет ничего общего с моралью нашей.

¹ Юнг К. О современных мифах. М., 1994. С.237.

Политическая история показывает, что именно политики были всегда главными носителями социально-политического зла. Их главное занятие – конфликт и война, иногда чередующиеся с короткими промежутками мнимого мира. Поэтому считается, что главной проблемой общества является ее политическая элита. Без нее общество обойтись не может, но может санкционировать приход к власти более лучшей элиты. Поэтому политологи, как главные общественные эксперты всегда представляли несомненную опасность для политиков, поскольку на свой страх и риск давали им свои непредвзятые оценки качества их работы.

О высокомерии политической элиты. В своем высокомерии субъекты правящих элит, считают, что обладают опытным знанием, которое многократно превосходит по степени своей полезности само научное знание. Поскольку элита обладает реальной властью, то она считает, что автоматически она обладает и монополией на абсолютную истину в политике. Она просто не замечает своей собственной глупости, поскольку не ведает о том, что ее знания о политике ограничены ее обыденными представлениями, имеющими конечный характер. Такие субъекты политических элит уподобляются породистым лошадям, бегущим по ипподрому со шторами на глазах и думающими, что они бегут сами по себе и сами для себя.

Высокомерие субъектов политических элит есть неотъемлемая часть их политической мифологии, необходимой им для утверждения их власти. Они должны во что бы то ни стало доказать всем (в первую очередь своим сторонникам и конкурентам) свое явное превосходство над ними. Это делает их власть над обществом легитимной (с точки зрения их политических интересов), но не всегда законной с точки зрения политической науки.

Подавляющему большинству политиков недостает в психологической структуре их личности механизма *децентрации* (способности принять точку зрения другого человека, отойти от собственной эгоцентрической позиции).¹ В силу этого политика оказывается одной из самых конфликтных зон человеческой деятельности. Если общество смогло договориться и прекратить у себя «войну всех против всех» (как это утверждал Т. Гоббс), то политические элиты до сих пор живут вне рамок этого общественного договора – они все еще живут «по старинки», у них все еще идет «война всех против всех». Эгоцентризм отдельных субъектов правящей политической элиты заключается в том, что они не видят кроме своего больше никакого другого мнения. Они упорствуют в отстаивании своей, пусть даже и ошибочной, но личной

¹ См.: Микрополитика. Субъективные аспекты политического процесса в России. К 250-летию МГУ им. М.В. Ломоносова. М., 2004. С.151.

позиции, навязывают ее другим. Тем самым они выдают ограниченность своего сознания, об ограниченности которого они даже и не подозревают.

Общественный договор и гражданское общество. Тема гражданского общества является в настоящее время популярной темой среди субъектов политических элит и болезненной темой среди самого гражданского российского сообщества. Ситуация парадоксальна: «верхи» предлагают создать гражданское общество, а «низы» отказываются в это даже всерьез поверить. Почему? Вопрос весьма и весьма дискуссионный.

Существуют две разновидности общественного договора: 1) вертикальная схема общественного договора (она возникает там, где политические элиты оказываются сильнее общества) и 2) горизонтальная схема (возникает там, где гражданское общество оказывается сильнее власти).

Справедлива общеизвестная формула, что «народ заслуживает ту власть, которую он имеет». Но часто бывает так, что сама элита своим поведением не заслуживает тот народ, из недр которого она вышла и над которым сама возвысилась. Это непременно образом сказывается на взаимоотношении власти и гражданского общества. «Общество просто распространило свое устройство на свои отношения с властью и на отношения предпринимательской деятельности с властью. Там, где гражданское общество оказалось слабее, государство распространило свой принцип иерархии на отношения с экономикой и с обществом... в России регулярно воспроизводилась структура вертикального контракта».¹

История нашего Отечества богата примерами борьбы самодержавной и самоуправленческой политической тенденции. Дважды разгромив Новгородскую боярскую республику (в 1478 г. и в 1570 г.), Московские цари (Иван III «Великий» и Иван IV «Грозный») предопределили судьбу гражданского общества в России на последующие столетия. И то, что авторитарная власть в начале XXI в. заявляет о своем намерении выстроить в России гражданское общество, продиктовано вертикальной схемой общественного договора. Инициативы снизу по данному вопросу еще не поступала. Общество молчит потому, что оно до сих пор отделено от собственности и материально не может поручиться за свое самодостаточность.

Философия науки и современные политические идеологии. Если наука весьма отрицательно относится к любой политической идеологии, считая ее ложным сознанием, то философия науки пытается дать объективную оценку этих отношений, не принимая сторону ни одной из позиций. Именно с этой объективной точки зрения и выясняется, чем идеология и наука являются друг для друга, и зачем они постоянно вступают в многочисленные конфликты?

¹ Аузан А. Не выходя за порок // Новая газета. №07 (1032). 31.01.-02.02.2005.

Главная задача философии науки вовремя минимизировать давление политической идеологии на науку, предложив для этого конкретные встречные инициативы (средства). В решении этой задачи философия науки оказывается на острие отношений науки и идеологии, принимает на себя основной удар критики с обеих противоборствующих сторон.

Прежде всего, философия науки стремится определить местоположения современных политических идеологий и их типологию. По ее мнению, некоторые (наиболее одиозные) политические идеологии оказались сегодня на обочине исторической дороге, другие напротив набирают силы и переживают своё «второе рождение». При этом сами идеологии не всегда адекватно себя понимают. Желая казаться современными, они часто преднамеренно искажают свою историческую сущность, кооперируясь с другими идеологическими системами. Часто случается, что противоположности и антагонизмы смыкаются и создают нечто принципиально новое.

Среди современных идеологических умозрений выделяются парные (дихотомические) группы, отношения между которыми напоминают (в зависимости от качества политической системы) то сверхточные «аптечные», то грубые «грузовые» весы. Наиболее распространенными являются три такие дихотомические группы: либерализм – консерватизм, социализм – коммунизм, национализм – интернационализм, которые дискутируют между собой в рамках еще одной более существенной дихотомии: демократия – авторитаризм (тоталитаризм).

Философия науки не просто исследует *пограничье* между наукой и политической идеологией (там, где чаще всего и происходят все основные конфликты между ними), но и пытается спрогнозировать ситуацию, определить курс их дальнейшего развития. Прогностическая функция осуществляется философией науки путем выяснения того, чем на самом деле в настоящее время являются наука и идеология и в каких они состоят отношениях? И определяющим в этом деле бывает установление характера протекающего между ними конфликта.

Разногласия между наукой и политической идеологией существовали всегда. Было время, когда идеология подавляла науку, ныне наступило некое затишье в отношении этих двух видов актуального знания. Осторожно заглядывая в будущее, можно сказать, что (в качестве желаемого варианта) наука должна будет полностью вытеснить из нашего сознания, посеянные в нем мифы политической идеологии.

* * *

Российский контекст применения социального знания заключается в существовании «двойного стандарта» его оценки со стороны власти и общества: власть на словах признают его значимость, а на практике его полностью игнорируют, общество же, напротив, на словах оценивает его как пустословие («болтовню»), а на практике пытается своим умом дойти

до того же самого (т.е. «открыть заново Америку»), о чем ему неустанно говорит вот уже который век социальная наука. Получается, что «бытовая политология» (т.н. «кухонная политика») преобладает над политической наукой и все активнее и настойчивее начинает продвигать в глубь общественного сознания свои идеалы и ценности. Отодвигая научный взгляд в сторону, такая «бытовая политология» открывает путь для мифологического и антинаучного мышления, что играет на руку тоталитарным политическим тенденциям. Преподавание политологии в вузах является необходимым, но недостаточным шагом на пути к ликвидации этого обыденного мифотворчества. Только всеобщая гражданская политологическая и правовая грамотность может положить конец засилью вульгарного восприятия политической действительности и вывести общественное сознание на более высокий уровень его состояния.

ЛЕКЦИЯ 3. ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА И ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ НАУКИ В XXI ВЕКЕ

(П.Л. Карабущенко)

С каждым новым столетием процесс строительства общества и государства все больше начинает зависеть от темпов и качества развития науки. Наука лежит практически уже во всех процессах и без научной оценки не принимается ни одно ответственное управленческое решение. Такое положение дел накладывает свой отпечаток на взаимоотношение науки (и философии), с одной стороны, и государства и общества, с другой. Наука становится нормой общественного бытия, хотя тайна самой науки скрывается на дне личности самого ученого.

Сегодня невозможно себе представить, чтобы фундаментальные научные исследования были приостановлены хотя бы на какое-то даже непродолжительное время. Подобная остановка будет означать крушение человеческой цивилизации. Наука, таким образом, становится главным средством стратегической безопасности всего человеческого рода. Попав в руки военных и политиков, наука может быть весьма опасной. Поэтому необходимо, чтобы наука находилась под контролем не властей, а гражданского общества. XXI в., скорее всего, и потребует от общественного такого контроля и такой ответственности за развитие науки.

1. Опыт государственной политики в области науки XX в.

Образование и наука составляют единое информационное и культурное пространство. Представить себе одно без другого практически невозможно. Но тут возникает один провокационный вопрос: что должно выступить в качестве третьего элемента в этой схеме – культура или цивилизация? Если культура, то речь должна идти об углублении и расширении гуманизации в XXI в.; если цивилизация – то о процветании технократического общества. Человечество вновь встала на распутье и ему предстоит снова сделать выбор от которого будет зависеть судьба будущих поколений землян.

Государство всегда должно стремиться найти оптимальную модель взаимоотношений между своей политической системой и такими важнейшими социальными институтами, как наука, образование, религия, культура и экономика. Желательно, чтобы между этими сегментами общества существовала гармония, но оказывается абсолютно недопустимым, чтобы сам политический режим господствовал над ними, подавляя их инициативу и ограничивая их свободу.

Приведем пример, который, по нашему мнению, иллюстрирует вышесказанное.

Так называемое «советское промышленное чудо» 1960-х гг. в значительной мере было определено произведенными советской элитой в предшествующий период (1950-е гг.) затратами на сферу образования. Именно в это время правящая элита стала инициатором увеличения финансовых расходов на образование. Так, в 1950 г. СССР тратил 10 % национального дохода на образование против 4 % в США; в 1988 г. эти цифры уже поменялись местами и составляли соответственно 7 и 12 %, а в 1992 г. в России доля национального дохода, направляемого на образование упала ниже 4 %.¹

В прямой зависимости от образования находится и развитие науки. В середине 1990-х гг. Россия стала тратить на науку только 0,52 % от ВВП (Израиль - 3,5 %, Японии - 3,05 %, США - 2,75 %), в то время как опыт передовых в технологическом плане стран показывает, что доля государственных ассигнований на науку не может быть ниже 2 %.²

В мировой практике общепринято, что если расходы на науку не превышают 2 % ВВП, то общество деградирует, а если расходы на образование не превышают 5 % ВВП, то общество обречено на исчезновение. В России в 1994 г. расходы на науку составили 0,5 % ВВП

¹ Карнеев Р.К., Подосинников С.А. Элита и образование // Элитологические исследования. 1999. № 1-2. С.25.

² См.: Что происходит с социологией (Беседа с академиком Г.В. Осиповым) // Социологические исследования №5, 1997. С.9; Карабущенко П.Л. Политическое образование для становления элит // Полис. 2000. № 4.

(по другим данным – 0,3 % ВВП). В это же время расходы на образование составили 4,4 % ВВП (по другим данным – 0,8 % ВВП).¹

История развития научного потенциала в XX веке весьма наглядно свидетельствует о возрастании роли этого вида знания в истории всего человечества.

По сравнению с началом XX века во второй половине этого столетия значительно увеличились общие расходы на образование и науку. Если в 1910 – 1913 гг. они составляли в среднем по шестерке ведущих капиталистических стран 2,5 – 2,7 % их ВВП/ВНП, то в 1950 г. – уже 7,6 – 7,8 %, а в 1990 – 1991 гг. 16,5 – 16,7 % . Однако в 1970 – 1980-е гг. динамика отмеченных расходов замедлилась: в 1950-1973 гг. удельный вес соответствующих затрат в ВВП возрастал в среднем ежегодно на 2,6 – 2,8 %, а в 1973-1990 гг. – лишь на 0,8-1,0 %:

ДИНАМИКА ОБЩИХ РАСХОДОВ НА ОБРАЗОВАНИЕ И НА НАУКУ, % к ВВП/ВНП								
Страна	1950 г.		1960 г.		1973 г.		1990 – 1991 гг.	
Великобритания	3,6	0,9	4,1	2,5	6,3	2,1	5,7	2,2
Франция	2,4	0,5	3,9	1,3	5,9	1,8	6,6	2,3
Германия	3,5	0,8	4,3	1,0	5,3	2,1	5,8	2,8
Италия	2,1	0,3	4,8	0,7	5,3	0,9	6,1	1,4
США	3,3	1,0	5,3	2,7	7,1	2,4	6,8	2,8
Япония	4,6	0,6	5,1	1,4	5,8	2,0	6,3	3,0

Источник: Мельянцев В.А. Восток и Запад во втором тысячелетии: экономика, история и современность. М., 1996. С. 181–182.

Между тем в России, политические коллизии 1990-х гг. привели к значительному сокращению расходов федерального бюджета на образование. Законами «Об общих принципах организации местного самоуправления», «О финансовых основах местного самоуправления», образование было отнесено к совместной компетенции региональных и местных органов власти. Финансирование общего среднего образования стало осуществляться местными органами. Динамика расходов бюджетов всех уровней в текущих ценах, представлена в следующей таблице:

ДИНАМИКА ФИНАНСИРОВАНИЯ ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ (в млрд. руб.)						
	1995	1996	1997	1998	1999	2000

¹ См.: Илларионов А. Попытки проведения политики финансовой стабилизации в СССР и в России // Вопросы экономики. 1995. №7. С.4-37; Основы экономической безопасности (Государство, регион, предприятие, личность). М., 1997. С.71.

<i>Расходы федерального бюджета</i>						
На образование	9,08	11,40	16,59	14,64	21,27	38,2
Доля расходов на образование от ВВП	0,59 %	0,53 %	0,67 %	0,54 %	0,48 %	0,54 %
Доля расходов на образование от расходов федерального бюджета	3,30 %	3,20 %	3,80 %	3,10 %	3,20 %	4,0 %
<i>Расходы на образование в ценах 1993 г.</i>						
Федеральный бюджет	1,25	1,29	1,69	0,81	0,86	1,3
Бюджет субъектов РФ	6,65	8,16	9,75	4,70	5,08	5,9
Итого	7,9	9,45	11,44	5,51	6,94	7,2
<i>Источник: Типенко Н. Что происходит с финансированием образования // Управление школой. № 33. 01-07.09. 2001. С. 6.</i>						

В 2000 г., несмотря на существенный рост расходов на образование в текущих ценах, реальные расходы на образование консолидированного бюджета еще не достигли уровня 1993 г. При этом расходы федерального бюджета остаются ниже уровня 1993 г., а также 1997 г. (1,3 млрд. против 1,7 млрд. соответственно, т.е. по объемам выделяемых средств на образование Россия не достигли уровня 1997 г. (до дефолта августа 1998 г.). Субъекты Федерации выделяют на образование менее 70 % уровня финансирования 1997 г. Одновременно произошло снижение доли расходов на образование от ВВП. Расходы консолидированного бюджета составили 3,05 % от ВВП (0,54 % федерального и 2,5 % бюджетов субъектов РФ). Причем и по расходам консолидированного бюджета и по расходам субъектов Федерации это самые низкие показатели с 1993 г.¹

На этом фоне тревожной выглядела ситуация, которая наблюдалась в начале 1990-х г. на постсоветском пространстве, включая Россию, где произошло резкое снижение доходов лиц с высшим образованием и оказались невостребованными их знания по специальности. Государственные расходы на образование стали действительно расти лишь с 2000 г. и к 2002 г. достигли 72 % дореформенного уровня. Что касается финансирования образования (в процентах от ВВП), то его размеры не только не увеличились, но и, наоборот, - снизились (с 1,2 % ВВП в 1991 г. до 0,4 % в 2002 г.). Так что теперь это показатель – самый низкий в Европе.²

«В настоящее время в Соединенных Штатах свыше 15 миллионов студентов обучаются в более чем 3700 вузах; если прибавить сюда

¹ Типенко Н. Что происходит с финансированием образования // Управление школой. 2001. 1-7.09. № 33. С. 6.

² Плаксий С. Сверхэксплуатация преподавателей – главная угроза высшей школе и развитию России в XXI в. // Alma mater. 2004. № 3. С. 16.

разветвленную систему образования для взрослых, то более половины американцев охвачено разными формами образования.¹ В России же сейчас около 4,5 миллионов студентов...».² Понятно, что главное не количество, а качество, и что эти цифры необходимо еще скорректировать с численностью проживающего в этих стран населения. Но сам факт остается фактом – самая развитая в мире страна имеет и самую развитую сеть студенческих ассоциаций.

В Докладе Госсовету РФ было рекомендовано повысить долю расходов на образование до 4,5 %, а правительство поставило задачу за 5 лет, т.е. к 2006 г., в 2-3 раза увеличить средства федерального бюджета, расходуемые на одного студента. Однако одобренный правительством документом ежегодный прирост (в течение 10 лет) ассигнований на нужды образования (из федерального бюджета в объеме 25 %, а из бюджетов субъектов РФ – на 10 %) отсутствует. Так, в 2003 г. по отношению к 2002 г. расходы федерального бюджета на образование выросли на 19,5 %; в 2004 г. они должны вырасти на 20,6 %. При этом доля расходов на образование в 1998 г. составляла 12,7 % консолидированного бюджета; в 2002 г. – 11,96 %; в 2003 г. - 11 %, а в 2004 г. планируется только в размере 8,8 %. В этой связи, закономерными выглядят выводы депутата Государственной Думы III созыва и заместителя ее Комитета по образованию и науке О.Н. Смолина, который отмечает, что федеральный бюджет образования 2004 г. – «бюджет неразвития».³

Было замечено, что в каждой реформе отражается ровно столько «умных замыслов» и «благих пожеланий», сколько их в свою очередь содержится в интеллектуальном потенциале и в нравственном климате правящей в это время элиты. Но ни один такой реформаторский замысел не пережил время жизни самой своей элиты, т.е. время ее пребывания во власти. Циклы реформ совпадают с циклами нахождения политической элиты во власти.

Сколько стоит наука?

(доля затрат в общей сумме бюджетных расходов 2008 г.)

страна	расходы в %
США	6 - 7
Франция, Германия, Великобритания, Италия	4 - 5
Япония	3 - 3,5
Россия	0,8

¹ Statistical Abstract of The United States. — Wash., 1999. — P.P. 194, 209.

² Ашин Г.К. Элитное образование в меняющемся мире // Элитное образование: мировой опыт и модель МГИМО. Сборник научных трудов. Общая редакция: профессор Г.К. Ашин, профессор С.А. Кравченко. М., 2002. –С.42.

³ Смолин О. Финансирование образования: Уровень и механизмы // Российское образование. 2004. № 1. С. 9.

Источник: Аргументы и факты. №43 (1512). 21-27.10.2009. С.8.

О важности и выгоде вложения средств в образовании сейчас пишут многие экономисты и политики. Практика же почему-то всегда оказывается хуже, чем в теории. «Изошренная западная экономическая мысль давно просчитала стратегические и тактические выгоды образования: подготовка и переподготовка кадров – один из центральных элементов стратегии и тактики экономики, экономических реформ, снятие экономических, политических и структурных диспропорций, формирование, развитие и регулирование рынка труда, рост пожизненных доходов и налоговых поступлений в бюджеты всех уровней, в зависимости от уровня образования и т. д. Для нашего государства, с отмеченной выше тенденцией образовательной политики – это находится за гранью реальности».¹

Элитологи указывают, что всему миру уже давно «известно, что ассигнования на образование — это вложение в будущее страны, а уменьшение этих ассигнований — мина замедленного действия под будущее той или иной страны. Возрождение России как великой страны возможно лишь в том случае, если образование станет одним из важнейших приоритетов в ее социальном развитии. Ибо она может возродиться не за счет продажи своего газа, нефти и других сырьевых ресурсов (что означает ограбление наших внуков и правнуков и прямую дорогу в страну «третьего мира»), а, только развивая те традиции великой культуры, благодаря которым она внесла неоценимый вклад в развитие мировой цивилизации».²

Что касается современной государственной политики в отношении науки и образования, то, откровенно говоря, в ней вообще мало обнаруживается здравого смысла. Государство постоянно упражняется в политической риторике на данную тему, проводит бесконечные реформы (начинает одни и тут же забрасывает и забывает о других), и ничего конкретного не делает по улучшению социального положения тех, на плечах которых все еще держится наука и образование. Как они еще держатся одному Богу известно.

Политика российского государства 1990-х гг. была антисоциальна. Политика российского правительства первого десятилетия XXI в. является ее прямым продолжением. И здесь возникает крамольная мысль: если государство не способно обеспечить нормальное развитие науки и

¹ Оськина О.И. Сущность и перспективы политического образования в современном российском политическом процессе. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. Волгоград, 2006.

² Ашин Г.К. Элитное образование в меняющемся мире // Элитное образование: мировой опыт и модель МГИМО. Сборник научных трудов. Общая редакция: профессор Г.К. Ашин, профессор С.А. Кравченко. М., 2002. –С.42-43.

образования, то обществу стоит тогда подумать, чтобы изъять от него эту функцию. Данный акт возможен лишь в том случае, если в России возникнет автономное от государства гражданское общество. До тех пор (пока его у нас нет), все надежды лишь на одно государство...

Опыт XX в. показывает, что главной целью государственной политики в области науки и образования было обеспечение правящей элитой своего контроля за этими процессами, как обеспечивающие ей политическое господство. Вопрос о том, какой будет политика государства в отношении науки и образования в XXI в. всецело зависит от того, каким будет сам этот век, и какая у этого века будет политическая элита?

2. Приоритеты государственной политики в области науки и образования на XXI в. В русле развития ныне модной у социологов и политологов теории постиндустриализма возникает вопрос относительно того, сможет ли государство в XXI в. контролировать и вообще управлять процессами, связанными с развитием науки? Речь идет фактически о самой возможности существования научной государственной политики в условиях информационного общества? Ответ на этот комплексный вопрос будет возможен в зависимости от того, какая восторжествует парадигма развития: линия на усиления цивилизации (технократизм) или линия углубления культуры (*гуманитаризм**)? Именно столкновением этих двух систем ценностей и отмечено наше время (переход от XX к XXI столетию).

Определяя основные приоритеты государственной политики в области науки и образования на XXI в., необходимо учитывать, что по утвердившемуся уже в нашем сознании мнению, это будет век постиндустриального общества, т.е. соответствующих технологий, принципов и парадигм.

Поскольку по прогнозам Н.А. Бердяева в будущем должна начаться эра «Третьего завета», т.е. «века абсолютного творчества», то было бы естественно с нашей стороны предположить, что творчество станет главной ценностью бытия человека и что в XXI в. должно произойти окончательная смена труда на творчество, т.е. материальное производство должно уступить место духовному.

В этой связи, по нашему мнению, главной проблемой наступившего XXI-го столетия будет являться проблема перехода от массового к элитному и связанная с этим переходом проблема модернизации науки, образования, культуры.

Элитизация – сложный и неоднозначный процесс, особенно тогда, когда он касается личности, т.е. совершенствование субъекта по шкале усиления его достоинств в сфере образования, культуры и науки.¹

¹ См.: Карабущенко П.Л. Качество образования и элитизация образовательного процесса // Качество высшего профессионального негосударственного образования: современное состояние и перспективы. Материалы международной научно-практической конференции. М., 2000. С.117-119.

Элитизация всех сфер общественной и духовной жизни – вот адекватный ответ на постиндустриальный вызов XXI столетия.

Современная элитология уже понимает, что качество страны и ее положение в мировом рейтинге во многом зависит от качества «элитных кадров» всех сфер и видов деятельности. Различия стран все больше приобретает классификацию именно по тому, насколько качественно они подготавливают свои элитные кадры. Если отправка студентов учиться в вузах других стран носит массовый характер, то такому государству нечем бывает похвастаться в системе своего национального образования. И напротив, приток иностранных студентов национальные вузы является критерием их не просто престижности, но и надежности в плане стратегического развития страны. Поэтому крайне важно чтобы миссия по подготовке *высших менеджеров* всегда оставалось делом национального образования. Потеря этой возможности указывает на возможность потери суверенитета такого государства.

Россия всегда имела неограниченные возможности в наращивании своего научного потенциала. Выпущенный Петром I «из бутылки джин науки» стал стремительно набирать силы в последующие столетия. Однако следует помнить, что все достижения современной российской науки во многом оказываются детерминированными именно прогрессирующим фактором развития последних двух столетий. Надеяться, что и в будущем богатства России будут прирастать наукой, при этом ее никак не поддерживая на государственном уровне, значит перенести колониальное мышление из XIX в. в век двадцать первый.¹

«В XXI веке толерантность — одна из нравственных основ мирового сообщества, определяющая политические, социальные, культурные процессы в современном плюралистическом, мультикультурном мире. В элитных учебных заведениях США особенно подчеркивается необходимость толерантного отношения к иным культурам, иным религиям — это входит в понятие политкорректности. Для образовательной системы советского периода была характерна интолерантность, гипертрофирование классовой борьбы, изначальное недоверие к капиталистическим странам. И только в период демократического транзита России осуществляется целенаправленное движение к толерантности».²

3. Проблема естественного и искусственного интеллекта. Вершиной научного дерзновения в настоящее время является полная уверенность науки в том, что ей удастся создать искусственный интеллект и вслед за этим создать искусственного человека (идея клонирования). Вопрос снова упирается в вечный вопрос человечества: «Что такое

¹ См.: Карабущенко П.Л. Научный потенциал современной России (особенности Астраханского региона) // Регион. Астраполис. 2001. № 1. С.88-98.

² Ашин Г.К. Элитное образование в меняющемся мире... –С.51.

человек»? Без ответа на этот вопрос создавать искусственные «вещи» с человеческими свойствами, (параметрами и характеристиками) весьма и весьма опасно.

Интеллект без образования существовать в полной мере не может. Для того, что бы интеллект работал на максимальных своих пределах и показывал возможности своего достоинства, его следует специальным образом воспитать и образовать.

«Технокультура предлагает иной социокод, основанный на постоянной трансформации личности, свободе от биологических ограничений, позиции «по ту сторону добра и зла». Привлекает проблема создания искусственного интеллекта (ИИ) и сверхинтеллекта (СИ)».¹ Для техногенного общества проблема создание искусственного интеллекта становится программным лозунгом, его «идеей фикс», которая имеет все признаки для того чтобы стать очередной утопией и увести человечества куда-то в сторону (ввести его в очередной соблазн, стать очередным научным заблуждением). Искусственный интеллект ориентированный на цивилизации является потенциальной угрозой для человечества. Американская фантастика уже создало по этому поводу достаточное количество техногенных «страшилок». Если такой интеллект когда-нибудь и будет создан, то он должен быть изначально ориентирован именно на культурные ценности человека.

На наш взгляд было бы целесообразно не разводить оба этих понятия. Вспомним, что и наш современный интеллект является не естественным, а искусственным образованием. Проблема сверхинтеллекта есть по существу своему проблема сверхчеловека, точнее сверхЛичности. Спор технократии и антропократии есть спор за будущего сверхчеловека, спор о том, каким ему быть уже в нашем XXI столетии.

Для политической элиты индустриального общества более понятными (доступными в их понимании) являются идеи технократии. Гуманитаризацию особенно в глобальном плане, они практически не воспринимают, в силу ограниченности своего профессионального мышления, направленного, как правило, на решение тактических задач по удержанию своей персональной власти.

Таким образом, технократизм и гуманизм предлагают два совершенно различных проекта развития человека (при этом никто не отрицает и третью возможность, которая бы совместила бы в себя реальные и положительные стороны обоих этих проектов).

Развитие современных технологий показывает, что искусственный интеллект никогда не сможет заменить в полном объеме интеллект естественный. Вся проблема заключается в том, что человек пытается воспроизвести только известные ему самому свойства своего интеллекта.

¹ Кохановский В.П. и др. Основы философии науки. Ростов н/Д. 2004. С.570.

Но все дело в том, что наши знания относительно сущности этого предмета весьма и весьма ограничены. Мы (все человечество в целом) так и не знаем, по каким законам возник и развивается наш разум. Копирование же его отдельных участков, способствует лишь улучшению работы тех его частей, которые нам известны, но не дает эффекта самостоятельности для этих искусственных систем.

Говорить в настоящее время о самодостаточности искусственного интеллекта не представляется возможным. Его главная задача – быть помощником естественного интеллекта и расширять его возможности. Но до тех пор, пока самим естественным интеллектом не будет создана его собственная целостная и адекватная модель, говорить об адекватности искусственного интеллекта вообще будет преждевременно.

4. Элитарная наука и элитарное образование. Тема элитного образования стала в последнее время одной из самых популярных и вместе с тем наиболее дискутируемых проблем.¹ В нашей стране об этой проблеме говорится много, но практически мало что делается. В этой связи сами элитологи с горестью отмечают: «К сожалению, с этой общемировой тенденцией контрастирует политика в области образования в России, резко снизившей свои ассигнования в этой области в 90-х г.г. Определенные сдвиги в этом отношении наметились только в 2002 г. В результате нас обогнали в сфере образования многие. Так, по количеству студентов к общей численности населения Россия занимала одно из лидирующих позиций в мире в 1960-х - 1970-х годах. Ныне же по этому показателю Россию обогнали не только США и большинство стран Западной Европы, Япония, но и такие восточно-азиатские страны, как Южная Корея, Тайвань. Ссылки на экономические трудности не могут оправдать подобную недалекновидную политику в области образования, которые снижают шансы России на подъем, на возрождение в XXI веке».²

Профессор МГИМО (У)МИД РФ Г.К. Ашин отмечает, что принципы элитного образования лучше всего подходят как раз к условиям информационного общества. «Потребности информационного общества детерминируют необходимость существенных сдвигов, структурных изменений, смены приоритетов в социальной системе. Крен в сторону технократизма, характерный для большинства стран, находившихся на стадии индустриального общества, постепенно преодолевается. Эта тенденция обозначилась с середины XX века в образовательных системах Северной Америки и Западной Европы. Но, пожалуй, особенно интересен процесс развития в той же Японии и, более широко, в странах

¹ См.: Ашин Г.К., Бережнова Л.Н., Карабущенко П.Л., Резаков Р.Г. Теоретические основы элитологии образования. М., 1998; Элитное образование: мировой опыт и модель МГИМО. Сборник научных трудов. /Общая редакция: профессор Г.К. Ашин, профессор С.А. Кравченко. М., 2002.

² Ашин Г.К. Элитное образование в меняющемся мире... –С.40.

конфуцианской и буддийской культуры. Важнейшим элементом всякого, и в особенности элитного образования в этих странах, является воспитание в молодых людях высоких нравственных качеств. Этическое и эстетическое воспитание занимает важное место в школьных программах, образовательный процесс ориентируется на воспитание таких нравственных ценностей, как чувство долга, трудолюбие, самосовершенствование личности, уважение к другим людям, особенно к старшим, к культурным традициям. В рамках этой традиции поощряется воспитание предприимчивости, но оно выступает, прежде всего, как средство самореализации личности (богатство как таковое занимает в системе этих ценностей более низкое место). Мощному технологическому рывку 1960 - 1980-х г. Япония в немалой степени обязана вниманию к проблемам образования, прежде всего, элитного (отметим тут роль Токийского университета). Повторим, что в тяжелейший для Японии период после поражения во второй мировой войне в ее системе образования много часов отводилось нравственному и эстетическому воспитанию. Не с этих ли уроков начиналось «японское чудо»?». ¹

И далее: «Потребности информационного общества требуют гармонически развитого человека, развитого не только интеллектуально и физически, но и нравственно, это общество нуждается в людях, получивших широкое гуманитарное образование, в гуманитарной элите. Не случайно, что и в США с их прагматической ориентацией, в последние десятилетия в учебных планах школ, колледжей, университетов гуманитарные дисциплины занимают ведущие позиции». ² Что касается современной России, то мы видим здесь совершенно обратную тенденцию – курсы гуманитарных дисциплин поголовно сокращаются, а их содержание безжалостно выхолащивается чиновниками от образования, бесконечно «модернизирующие» «Государственный образовательный стандарт», нагромождая много лишнего и несуразного.

5. Политическое образование и политика в сфере образования.

Если раньше власть осуществляла свой контроль над наукой через осуществления своей образовательной политики, то в будущем наука установит свой собственный контроль над политикой через реализацию в ней своего политического образования. В этом плане мы полностью разделяем идею Платона, который утверждал, что только просвещенный правитель может править приближенно к идеальному типу управления.

Делу установления власти науки над политикой должно способствовать продвижение политического образования среди профессиональных политиков. Политики уже осознали то, что без

¹ Там же. -С.41.

² Там же. –С.41-42.

профессионального знания им осуществлять свои управленческие функции становится с каждым годом все труднее и труднее.

На всем протяжении XX в. в образовательной политике преобладали тенденции направленные на развитие массовой школы (ликвидация всеобщей безграмотности, всеобщее среднее образование, приоритет массовой школы и т.д.), что в целом соответствовало диагнозу всей этой эпохи, сделанному еще Н.А. Бердяевым и Х. Ортега-и-Гассетом, назвавшие время «развитого индустриализма» эпохой «восстания масс».

В конце XX в. и в самом начале XXI столетия ситуация несколько уже изменилась. Американский социолог К. Леш назвал это время «восстанием элит». Чаша весов склонилась от одной парадигме к другой. Потребность повышения качества элиты порождает увеличение качества самой системы их образования и профессиональной подготовки. Это значит, что приоритетной будет уже не массовое образование и не массовая школа, а элитное (прежде всего качественное) образование и элитная школа.

Для успешной реализации своей управленческой деятельности современной политической элите потребуется принципиально новое по качеству образование. Скорее всего, информационное общество потребует от элиты власти перейти с рельс политической идеологии и манипуляции общественным сознанием по средствам черного PR на рельсы науки и реально открытого диалога с *гражданским обществом*.

Противостояние науки и власти наиболее остро проявляется в борьбе науки с политической идеологией. Причем борьбе на параллельных курсах и с переменным успехом. Проблема заключается в том, что политическая идеология часто маскируется под науку, а сама наука может при определенных условиях принимать черты некой идеологии.

Системный кризис, постигший России в конце XX в. стал следствием ее бурной истории этого столетия. В настоящее время России испытывает жесточайший дефицит в высококвалифицированных политических кадрах. В XX в. российская политическая элита была необычайно агрессивно настроена как по отношению к конкурирующим элитным группам (контрэлитам), так и в отношении своего собственного народа и собственной культуры и истории.

Увлеченность некоторых субъектов политических элит PR-технологиями приводит к тому, что они полностью деградируют как личности, поскольку у них выхолащиваются их умственные способности и нравственные достоинства. Политическая борьба сводится не к проявлению личного достоинства кандидата во власть, а к поиску компромата и дискредитации конкурентов. Сие свидетельствует о полной деградации того, кто сделал свой выбор в пользу эффективности «PR», а не в пользу усовершенствование «IQ» (политического образования).

Призыв, выдвинутый еще Конфуцием – «Все образованные люди идите в чиновники! В этом спасение и в этом величие нации!» – не утратил своего значения и в наше дни. В условиях надвигающегося постиндустриализма он напротив приобретает особый смысл и значение. Вытеснение интеллектуалами из власти «безталантных карьеристов», позволит очиститься правящему классу от рудиментов прошлого, тормозящих развитие инноваций.

Отсутствие у большей части политиков VIP-уровня специального политического высшего образования свидетельствует не в пользу их профессионализма. В XXI в. против этих «старых элит» должно произойти «восстание» других «новых элит», которые будут уже соответствовать высоким требованиям этого меритократического века.

В будущем государство все больше будет зависеть от науки и ученых. Значительно больше чем от политики и политиков. Парадоксальное на первый взгляд утверждение основывается на том, что за последние 100 лет наукой в значительной мере пропиталась вся жизнь современного человека. Это дает нам право говорить уже не просто о разумном человеке, а о научном человеке.

Афоризмы

«Посещай дом мудрого: будет ли он дома, или нет, ты выйдешь из него лучшим» (Пифагор).

«Глуп тот, кто, покупая коня, смотрит только на узду и попону, еще глупее тот, кто ценит человека по платью или по положению, которое тоже лишь облекает нас, как платье» (Л.А. Сенека).

«Лишь немногие располагают собой и своим добром по собственному усмотрению, прочие же подобны обломкам в реке: не они плывут, а их несут» (Сенека. Письма. 23,8).

«Нет ничего глупее желания всегда быть умнее всех» (Ф. Ларошфуко).

«Общество есть дополненная или расширенная личность, а личность - сжатое, или сосредоточенное, общество» (В.С. Соловьев).

«Воля к власти, - это столь же великий демон, как и Эрос, и является столь же древней и изначальной, как и он» (К.Г. Юнг).

«Соревнование (за мировое лидерство) перешло с полей сражений в классные комнаты. Школы нуждаются в модернизации; эти деньги можно взять из ассигнований Пентагону»¹.

«Для того, чтобы появилась элита в подлинном смысле слова, необходимы хотя бы ее эмбриональные здоровые элементы, высококачественное образование и явный социальный заказ на него со стороны общественности или государств» (А.Н. Самарин).

¹ Hearing of the Committee on Health, Education, Labor and Pensions US Senate. June 10, 1999. Wash., 1999. P.1-3; Ibid., July 7, 1999. Wash. 1999. P.10; Ibid., Sept. 14, 1999. Wash., 1999. P. 4-5.

Литература

1. Ашин Г.К. Элитное образование в меняющемся мире // элитное образование: мировой опыт и модель МГИМО. Сборник научных трудов. Общая редакция: профессор Г.К. Ашин, профессор С.А. Кравченко. М., 2002.
2. Лешкевич Т.Г. Философия науки: учебное пособие. М., 2006.
3. Пигров К.С. Социальная философия: учебник. Спб., 2005.
4. Философия науки: общие проблемы познания. Методология естественных и гуманитарных наук: хрестоматия /отв.ред-сост. Л.А. Микешина. – М., 2005.

4. СОВРЕМЕННОЕ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОЕ ЗНАНИЕ

(А.П.Романова)

Социально-гуманитарное знание является продуктом деятельности социально-гуманитарных наук. Однако термин этот формально является, с нашей зрения, не достаточно корректным, поскольку социальные и гуманитарные науки это две самостоятельные ветви научного знания. Условно науку можно классифицировать по четырем направлениям: точные науки(математика, механика, астрономия); естественные науки(науки о природе) физика, химия, биология) имеющие тенденцию к превращению их в точные науки; социальные науки- ,науки об обществе имеющие эмпирический базис (экономика, демография, социология, гуманитарные науки (культурология, филология, история) Однако термин «социально гуманитарные науки» достаточно употребим в отечественной литературе и обозначает совокупность наук, объектом исследования которых являются общественные феномены. Правда в отечественной литературе совокупный объем этого понятия часто приписывается либо гуманитарным наукам, либо социальным, и эти три понятия рассматриваются как более или менее тождественные и взаимозаменяемые.

В силу вышеперечисленных обстоятельств мы используем в дном случае именно этот термин. Итак, история социально-гуманитарных наук начинается в древности в постепенно накапливаемых знаниях об обществе, человеке, о различных способах социального поведения, условиях воспроизводства тех или иных социальных общностей. Но в строгом смысле этого слова эта отрасль знания оформляется в XIX

столетии, когда в культуре техногенной цивилизации отчетливо оформилось отношение к различным человеческим качествам и к социальным феноменам как к объектам управления и преобразования, когда общество становится самостоятельным и не менее важным, чем природа, объектом изучения. Социальные объекты начинают рассматриваться в динамике, как особые объекты целерационального действия.

Для того, чтобы лучше понять специфику социально-гуманитарного знания, необходимо отграничить его от естественно-научного. Не существует единой точки зрения на взаимоотношение естественных и гуманитарных наук. По этому поводу можно обозначить несколько позиций.

1. **Нет различия** между социальными и естественно-научными формами знания. Все проблемы, касающиеся гуманитарного познания, касаются познания как такового вообще. Практически все гуманитарное знание можно свести к естественно-научному. Результатом такой позиции явилась абсолютизация естественно-научного знания.

2. Вторая позиция определяет **диаметральное различие** наук о природе и наук о духе. Эта позиция была обозначена еще Баденской школой. Это означает, что в рамках общей методологии науки наряду с методологией естественно-научного познания должна разрабатываться также вполне самостоятельная методология социального и гуманитарного познания. Эта позиция не отрицает принципиального единства науки, однако базис такого единства так до конца и не выявлен, по крайней мере, он не может быть априорно естественнонаучным.

3. Социально-гуманитарное знание по отношению к другим видам знания имеет **как ряд общих черт, так и ряд особенностей**. Общие черты имеют все виды научного знания именно потому, что это **научное** познание. Различие же кроется, прежде всего, в предметной области.

Так в чем же специфика социально-гуманитарного знания? Она связана, прежде всего, со спецификой его предмета, целей, функций и метода.

1 **Предметом** гуманитарного знания является, человек и общество, тогда как естественно научное знание, прежде всего, изучает окружающую природу. Бесспорно, что в последнее время, социогуманитарное знание все больше вплетает в свою канву естественнонаучные проблемы и концепции, создавая своеобразные кентавры, такие как – культурная экология и т.д., но, тем не менее, основной отличительной характеристикой гуманитарного знания является формулировка данная Дильтеем - науки о духе.

2. Для ученого, работающего в области точных и естественных наук, основной **целью** может считаться установление всеобщих законов развития и бытия мироздания. Гуманитарные же науки, во - первых, имеют дело с социальной частью бытия, закономерности которой не являются принципиально универсальными и обязательными для всего целого, а во вторых с отдельным индивидуумом. Поэтому основной целью является не только, а в определенных случаях и не столько, выявление социальных закономерностей, а понимание единичного явления в его уникальности и одновременно вписанности во всеобщий контекст. Это особенность гуманитарного знания отмечали еще неокантианцы. Подобные подходы находят свое отражении в психологии: психоанализ З.Фрейда, учение о конкретной личности В.Н.Мясищева, науке о конкретных переживаниях А.Лоренцера. Однако современное гуманитарное знание является сложной развивающейся системой, где не стоит вопрос о дилемме между общим и единичным, а о сочетании этих категорий при решении конкретных социальных задач.

3. **Функции** гуманитарного знания в обществе, на наш взгляд, гораздо более весомы, чем таковые в области естественных и точных наук. Система естественно-научного мировоззрения оказывает влияние на относительно небольшое количество профессионалов. Условно говоря, знание о конфигурации земли не оказывает значительного влияние на повседневную жизнь обывателя. Естественно-научное знание, как это не парадоксально, в определенной мере более эзотерично. Оно воспринимается как некий инструментарий, дающий все новые завоевания над окружающей человека природой в виде всяческих технологий, улучшающих его быт. Мы пользуемся результатами этого научного процесса, слабо представляя себе его содержание. Знание же гуманитарное является более доступным и одновременно смысложизненным для общества и соответственно оказывает на него гораздо большее влияние. Социально -гуманитарное знание выполняет и общекультурную функцию, функцию создания стратегии человеческого поведения, воспитательную функцию. Однако при определенных условиях, социально- гуманитарное знание может выступать и как разрушающий фактор, например в ситуации с переворотами и террористическими актами. Таким образом, эта форма знания выступает основным рычагом моделирования социальных и индивидуальных жизненных процессов.

4. Гуманитарные науки (науки о духе) имеют существенные **методологические** особенности, отличающие их от наук о природе. Это, прежде всего, связано с особой ролью **ценностей** в науках об обществе. В естественных науках ценности выполняют вспомогательную функцию, относящуюся в первую очередь к познающему субъекту, нежели к объекту исследования., это своеобразные подпорки, используемый для построения теории. В гуманитарных науках, ценности являются неотъемлемым

структурным элементом этих наук и теорий, которые создаются в их рамках. Гуманитарные науки призваны не только продуцировать новые знания, но и формировать мировоззрение человека, в котором ценностные параметры играют основную, фундаментальную роль. Базовые ценности – религиозные, моральные, эстетические призваны сформировать мировоззрение человека и помочь его социализации. Поэтому система ценностей является, прежде всего, индивидуально значимой. Гуманитарное знание социально, личностно ориентировано. Субъект исследования оказывает здесь гораздо большее влияние на результат исследования, нежели в естественных науках. Этот фактор влияет не формирование специфических методов, которые используются в гуманитарных науках. Данные науки должны, в конечном счете, содействовать, прояснению ее целей и перспектив, что невозможно без введения и обоснования определенных ценностей. В социально-гуманитарное знание ценности входят обычно в форме описательно-оценочных высказываний.

В социально-гуманитарном знании используется целый набор методов. Однако практически в основании всех методов лежит тот факт, что субъект-объектные отношения здесь превращаются всегда в субъект – субъектные. Поэтому общим базовым основанием всей социо-гуманитарной методологии является **герменевтика**. Е.В.Ушаков называет его общеметодологическим проектом, ¹__основанным на__дихотомии понимания и объяснения.

Проблема понимания достаточно древняя. Она восходит к сакральной герменевтике, в основе которой лежала эзотерическая интерпретация священных текстов. Затем ареал текстов расширился, и из экзегетики герменевтика превратилась в понимание и истолкование текста вообще, и в том числе художественного. Понимание и истолкование - термины близкие, но не тождественные. Применительно к социально-гуманитарному знанию термин понимание скорее обозначает интуитивное постижение, некое вчувствование, непосредственное проникновение в основы. Впервые именно у Дильтея герменевтика становится общей методологией гуманитарного познания. Сутью герменевтического подхода к действительности является предание особой значимости методу интерпретации. Он может считаться одним из базовых методов социо-гуманитарного знания. Однако эта позиция ставит под сомнение идеал рационального знания, господствующего в точных науках.

Сейчас уже становится аксиомой укорененность гуманитарных наук в социуме достаточно сложным образом, поскольку беспристрастный, рационалистический идеал точных наук выдержать здесь практически невозможно. Все попытки привести гуманитарные науки, допустим,

¹ Ушаков Е.В. Введение в философию и методологию науки. М. »Экзамен»2005 г.с.337

философию к позиции точной науки, как это в свое время пытались сделать многие ученые, и в том числе, например Гуссерль в первой половине своего творческого пути, потерпели неудачу. От философии как строгой науки Гуссерль приходит к пониманию категории жизненного мира как основы бытия. Позиция наблюдателя и его картина мира в гуманитарных науках признаются базовыми. Исследователь интерпретирует исследуемые процессы, пользуясь своим инструментарием и исходя из своих интерпретативных мировоззренческих установок. Поэтому сам факт интерпретативности гуманитарного знания становится для него проблемой.

Во-первых, это проблема оправдания первоначальных позиций самого интерпретатора, а во-вторых, вопрос обоснованности выбора способа и технологии интерпретации. Е.В.Ушаков выделяет четыре подхода к данной проблеме.

1) Это радикальная антиметодологическая позиция, представленная прежде всего Г. Гадамером., для которого понимание есть первичный и изначальный способ человеческого существования. Гадамер превращает герменевтику в философию понимания, помещая последнее в широкий повседневный контекст жизненного мира. Оно становится онтологическим феноменом. Отсюда гуманитарные науки априорно становятся иными и имеют онтологическое право пользоваться иными методами, отличными от точных наук. Более того, именно естественнонаучное знание должно использовать социогуманитарный базис, поскольку в его основе лежит, прежде всего, язык с его герменевтическими традициями. Поэтому любое познание – интерпретативно, а корни ее уходят к традиционному донаучному знанию. Отсюда не только возможность, но и необходимость интерпретативного плюрализма.

2) Это сдержанный релятивизм. Большинство современных ученых, относя себя к какой-либо научной традиции, не собираются доказывать ее правоту, а просто используют собственную методологию. Отсюда происходит дробление научных подходов. Поэтому в определенной степени в данной позиции проблема интерпретации в принципе не решается.

3) Это новое обоснование рациональности. Ученые придерживающиеся данной позиции (Ю. Хабермас, К.О. Апель) пытаются выстраивать стратегию максимальной рациональности. Отказываясь от позитивистских позиций, тем не менее, они пытаются выявить условия возможного рационального консенсуса в гуманитарных исследованиях. Проблема понимания разрабатывается в аналитическом стиле и превращается в когнитивную стратегию. По мнению Ю. Хабермаса, всякое толкование является рациональным (хотя и остается гипотетическим), т.к. интерпретаторы не могут игнорировать стандарты рациональности, обязательные для всех участников коммуникации. Интерпретатор должен

учитывать в ходе рациональной реконструкции все условия, при которых интерпретируемые высказывания претендуют на значимость. Толкуемое содержание вообще остается непонятным, если интерпретатор не может реконструировать предпосылки, на основании которых автор претендовал на то, что он высказывает истинные утверждения, выражает и приписывает истинные переживания, признает действенные нормы.¹

4) Это конкретно-научные модификации. Это внутридисциплинарный подход, когда проблема интерпретации загоняется в рамки конкретной дисциплины и считается решаемой только ее методами. Так в социологии и антропологии родились собственные интерпретативные методы

Достаточно долгое время в методологии науки разводилась проблема понимания и объяснения. Первая считалась скорее гуманитарной, а вторая больше тяготела к естественным наукам. Даже в рамках гуманитарной науки долгое время было некое противостояние объяснения и понимания. Последнее время эта проблема снята и объяснение и понимание рассматриваются как некий интерпретативный процесс.

Однако, это становится возможным прежде всего потому, что изменилась трактовка самого понимания. Оно рассматривается уже не как интуитивно-психологическое вчувствование, эмпатия, а некое объективирование, конструирование. Современный гуманитарий уже не столько вживается, встраивается изнутри в ситуацию, а скорее овладевает технологией, позволяющей прийти к более или менее рационализированному знанию.

Относительно классификации методов социо-гуманитарных наук нет единого подхода среди ученых. Можно согласиться с предложенным Е.В.Ушаковым классическим вариантом деления методов на эмпирические и теоретические.

К эмпирическим методам он относит:

- 1) наблюдение (в различных вариантах);
- 2) симуляционный метод (проведение наблюдения в специальной обстановке, промежуточное между наблюдением и экспериментом);
- 3) Интервью; анкетирование ; свободная беседа;
- 4) тестовый метод;
- 5) изучение документов. Под документом в данном случае понимается не только письменный источник, но и произведение искусства, бытовые вещи и т.д.;
- 6) контент-анализ, использующий специальные процедуры изучения скрытого содержания;

¹ Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.2000,с.51 //Цит. По Е.В.Ушаков Введение в философию и методологию науки. М.»Экзамен»2005 г.с.346

7) социометрические методы, например, составление социограмм. Используются чаще в социологии.

8) биомедицинские исследования (изучение функциональных характеристик организма, состояние здоровья, генетического статуса.

9) эксперимент.

Гуманитарное знание в гораздо меньшей степени, нежели естественнонаучное базируется на эксперименте. Однако и здесь таковой возможен. В последнее время в гуманитарных науках все активнее используется социальное экспериментирование, используемое прежде всего в социальной психологии. Этот метод позволяет экспериментальным путем сформировать сложные психические процессы, с последующим более глубоким их изучением. Эксперимент в данном случае заключается в создании особых условий, в которых искомая психическая ситуация проявится и даст возможность ученому целенаправленно ее исследовать и менять. Правда правомерность данного метода подвергается рядом ученых сомнению, не только по формальным причинам верифицируемости и чистоты данного эксперимента, не только по причине более значительной, нежели в естественных науках субъективной связи субъекта исследования с объектом, который по сути прежде всего субъект, и исследуется как носитель субъективных параметров, но и по причинам биоэтического характера, которые все больше влияют на возможности экспериментирования с людьми.

10) активное вмешательство (использование возмущающего воздействия в исследовательских целях – вмешательство в процессы коммуникации, воспитания и т.п.)

11) моделирование (например, проведение деловых игр в исследовательских целях);

12) клинический метод, ориентированный на полное и всестороннее рассмотрение отдельного индивидуального случая

К теоретическим методам, по мнению Е.В.Ушакова можно отнести прежде всего метод построения различных типологий. Он был применен еще в 19 веке. Так еще Дильтей рассматривал типы, как некие представления, базирующиеся на совокупности определенных фактов. В работе «Типы мировоззрения и обнаружение их в метафизических системах», он выделяет религиозный, поэтический, философский типы мировоззрения.¹ Однако окончательно разработал концепцию идеального типа М.Вебер. Именно благодаря ему, этот метода стал достаточно универсальным в гуманитарных науках XX века и практически в каждом учебнике мы можем встретить главу по типологии. Однако веберовская трактовка идеального типа достаточно расплывчата, это некое сконструированная матрица. Идеальный тип, по мнению Вебера, является

¹ Дильтей. В. Типы мировоззрения и обнаружение их в метафизических системах // Культурология XX век. М.1995.

неким гипотетическим конструктом и может не обязательно соответствовать определенному набору реальных качеств. Он в полном смысле идеален. Он сконструирован с позиций познающего субъекта и освобождает нас от необходимости выбирать некий объективный наблюдательный ракурс.

Типология есть определенный способ упорядочивания гуманитарного знания. В естественных и точных науках применяется классификация, которая отличается от типологии. А.И.Ракитин указывает на следующие особенности типологии. Она учитывает характер развивающихся, а статических систем, ориентируется преимущественно на внутреннее соотношение признаков.¹ Е.В.Ушаков добавляет к вышперечисленному еще целый ряд свойств. Типология не претендует на исчерпанность своего предмет., поскольку конструирование новых типов может быть в определенной степени неограниченным. Типы не могут быть взаимоисключающими, т.е. типологизация в определенной степени более гибкая процедура, нежели классификация, которая подразумевает четкое рассечение объема понятий на взаимоисключающие сектора. Логическая основа классификации – деление объема понятия. Поэтому классификация опирается на деление по одному основанию, в основу типологии может быть положено несколько признаков. Классификация не допускает двусмысленностей. Весь универсум должен быть четко структурирован. При невыполнении данных условий классификация считается не отвечающей научным требованиям. Классификация продвигается от общего к частному(дедукция), типология пытается от неких частных признаков выйти на наиболее допустимый уровень обобщения.

Е.В.Ушаковым предлагается следующая таблица сравнительного анализа параметров обеих процедур.²

критерии сравнения	классификация	типология
Универсум (объем понятия)	Актуально дан	Потенциально дан
Основная логическая операция	Разбиение	Взятие подмножеств
Комплекс исходных признаков для выполнения процедуры	Основание деление (постоянное)	Типологическая база (может уточняться, пополняться)
Общее продвижение рассуждения	Дедуктивное Преимущественно	Индуктивное («сборка типов, элиминация

¹ Ракитин А.И. Историческое познание: Системно-гносеологический подход. М.1982.с.95-96.

² Ушаков Е.В. Введение в философию и методологию науки. М. »Экзамен»2005 г.с.356

	формальное Аналитическое, секущее (начинаем от универсума)	несущественного, выдвижение гипотез) Преимущественно содержательное Синтетическое, конструктивное (начинаем от интуитивно выделенных подмножеств
Цель процедуры	Максимально четко структурировать универсум(объем понятия), дойти до элементов	Построить исходное семейство типов – подмножеств универсума (возможно, не зная всего универсума)

Из таблицы видно, что социо-гуманитарные науки остаются более расплывчатыми, менее четкими по сравнению с естественными.

К теоретическим методам относятся и способы объяснения, такие как статистический, сравнительный, структурно-функциональный, генетический, интенционально-прагматический, нарративный.

Проблема теоретизации в гуманитарных науках стоит достаточно остро, поскольку весьма актуален вопрос о теоретической обоснованности субъективного теоретизирования. Если нет общепризнанных рациональных оснований для теоретизирования, и оно не подвергается никаким верификационным процедурам, то грань научности и литературности становится чрезвычайно тонкой. Такого рода творчество воспринимается как околonaучное, что, например случилось с работами Г. Гачева. Однако, не смотря на весь этот достаточно проблемный круг вопросов, теоретизирование в гуманитарных науках играет важную роль. Оно выполняет некую организующую функцию, которая упорядочивает в рамках мировоззрения познающего субъекта весь комплекс мировоззренческих проблем, в поле которых и вырастает само гуманитарное познание

Проблема теоретизирования в целом сталкивается с целым рядом трудностей. Во-первых, это трудности, связанные с многовариантностью исходного изучаемого материала, его «стыковостью». Практически любой социальный феномен на данный момент уже находится в поле исследования нескольких наук, что соответственно предполагает состыковку различных теоретических баз и различных методологий. Еще М.М. Бахтин подчеркивал полифонический характер гуманитарных феноменов, поэтому современная наука отказывается от поиска так

называемого решающего фактора. Проблему вызывают и поиски единой системы отсчета, которые бы соединили в единое целое деятельность субъектов социальной жизни и ответную реакцию социальных институтов. Разрыв между индивидуалистическим подходом и холистски-ориентированным становится все больше. Проблему вызывает и выбор оптимального объяснения из многовариантных альтернатив. Подчас ни одна из них не имеет достаточного фактического материала, для доказательства своего преимущества.

В последнее время в полифоничности гуманитарного знания происходит отказ от поисков общих закономерностей социального бытия. Исследователи удовлетворяются выявлением определенных аналогий, небольших корреляций, выстраиванием фактических цепочек. В эпоху глобализации все больше исследователи отказываются от построения глобальных социальных теорий и занимаются узкими проблемами в локальных контекстах, т.е. строят так называемые теории среднего уровня (Р.Мертон).

Социально-гуманитарные науки используют не только традиционные эмпирические и теоретические методы обоснования знания, но и **контекстуальные методы**, которые предполагают обращение к традиции, авторитетам («классике»), здравому смыслу, интуиции, вкусу и т.п. В отличие от естественно-научного знания, в котором приращение нового знания далеко отодвигает старое, в гуманитарном знании традиция воспринимается как нечто более актуальное, обладающее самостоятельной и в определенной мере инновационной ценностью. Так современные культурологи до сих пор обращаются не только как к архивам, но и как к действующим теориям, к работам О. Шпенглера А., Тойнби, В. Дильтея. Практически то же самое можно найти в психологии, социологии и т.д.

Естественно, что при таких теоретических проблемах и, методология гуманитарных наук сталкивается с целым рядом трудностей.

Во-первых, вовлеченность социально-гуманитарного знания, намного более сильная, нежели в естествознании, в систему жизненного мира ставит самого исследователя в достаточно сложные условия. Он не может совершенно четко отчертить поле субъектных и - объектных отношений своего исследования, поскольку даже если он исследует социальные объекты, а не социального субъекта, он тем не менее находится внутри поля своего исследования. Любой социальный объект, а при социогуманитарном исследовании и практически большинство природных объектов, становятся феноменами социокультурной деятельности. Взаимосвязь субъекта исследования с его объектом здесь гораздо более тесная и сложная. Она не поддается однозначной интерпретации и требует учета подчас огромного ареала самого жизненного мира. Тем более, что субъективные личностные характеристики исследователя, его мировоззренческая позиция оказывают

гораздо большее влияние на само исследование, протекание эксперимента, постановку проблемы, выбор цели, формирование исходной фактологической базы и интерпретацию этих фактов. Исследователь влияет на исследуемый объект подчас самим фактом его изучения. Таким образом, объект изучения и исследователь составляют некую единую чрезвычайно сложную разомкнутую систему, внутри которой протекают интерактивные процессы, обусловленные одновременно и постоянными внешними влияниями. В социальных науках чистый эксперимент если и возможен, например, в психологии, то не является абсолютно значимым, поскольку в реальной жизни практически неповторим, а следовательно имеет характер чистого конструкта имеющего более низкую практическую значимость.

Отсюда вытекает целый ряд этических проблем. Во-первых, исследователь зависим мировоззренческих от среды своего обитания Гуссерлевские попытки выделить феномен чистого сознания, его метод феноменологической редукции, последовательно очищающий сознание от субъективных наслоений, так и оказались чисто умозрительными конструктом.

Во-вторых, он зависим от нее экономически. Поэтому часто очень сложно снять обвинение в определенной ангажированности, конъюнктурности с целого ряда социальных исследовательских проектов.

В-третьих, исследователь зависит от совокупности своих повседневных установок, называемых здравым смыслом. Очень часто в процессе исследования он пытается подтвердить установки своего здравого смысла, что наносит ущерб инновации исследования.

В-четвертых, в процессе самого исследования, особенно в социологии и психологии, исследователь начинает влиять на субъект исследования. Постановка задачи перед испытуемым на бессознательном уровне настраивает его на желаемый для исследователя результат, поэтому достаточно сложно говорить о чистоте эксперимента и не заданности полученных данных. Выдвинутая исследователем социальная концепция порой может оказывать влияние на мировоззрение людей и на ход истории (теория марксизма). Так, С. Хантингтона обвиняют в том, что именно его теория противостояния мусульманской и христианской цивилизаций привела к новой вспышке терроризма на планете.

Несмотря на все вышеперечисленные трудности гуманитарной методологии, те исследователи, которые пытаются перенести естественно-научную методологию на гуманитарную почву сталкиваются с не меньшими проблемами. Это привело к зауженному видению и во многом к искусственной постановке задач, особенно в экспериментальной психологии. Перенесения психофизиологических методов, основанных на простой схеме «стимул-реакция» в психологию оказывается слишком упрощенным, не учитывающим всю совокупность социальных факторов.

Современное гуманитарное знание, в еще большей мере чем естественно-научное должно учитывать всю взаимообусловленность, нелинейность синергетичность современного знания.

Некоторые исследователи, в частности Е.В.Ушаков¹, отмечают как характеристику социально-гуманитарного знания, вызывающую определенную трудность у исследователей, его непрозрачность. Так основатель австрийской экономической школы К.Менгер (1840-1921) убедительно показал, что подавляющее большинство социальных институций - государство, язык, деньги – являются ненамеренным следствием человеческих действий. Поэтому моделирование социальных ситуаций, по мнению более поздних представителей этой школы, в том числе фон Хайека, является весьма приблизительным и сталкивается с целым рядом проблем.

Весьма трудно определить и парадигму современного социогуманитарного знания, поскольку тенденции его развития чрезвычайно противоречивы.

С одной стороны, гуманитарное знание как бы настаивает на своей особости, инаковости, индивидуалистичности. С другой стороны оно активно ищет формы своей рационализации. В последнее время гуманитарное знание движется в сторону наращивания рациональности в широком смысле, не в плане переноса методологии из естественных наук, а в плане попыток создания своей собственной методологии, учитывающей специфику гуманитарного знания.

С другой стороны нарастает плюрализм гуманитарного знания, появляется все больше разноплановых интерпретаций одних и тех же явлений, что вносит определенную эклектику в общую картину, которая становится все более размытой и невнятной. Многочисленные сторонники гуманитарного плюрализма как раз доказывают, что в гуманитарном знании должно быть несколько параллельных психологий, социологий, историй, что этот как раз не недостаток, а преимущество современной системы социального знания.

Однако современная парадигма приводит исследователя скорее не к созданию единой социальной науки, что либо на данном этапе, либо в принципе, невозможно, а к выработке некоего единого стратегического проекта.

Теперь, когда гуманитарная наука отстаивала свое право на существование и вопрос о «научности» ее самой и ее методов снят с повестки дня, основным вопросом становится вопрос о ее смысле, возвращение к философским истокам. Только плодотворная философская платформа гуманитарного знания (то, от чего так стремились откеститься

¹ Ушаков Е.В. Введение в философию и методологию науки. М.»Экзамен»2005 г.с.360

исследователи прошлых лет в связи с попыткой придания статуса эмпиричности своим наукам), способна придать сегодня импульс дальнейшему развитию гуманитарных наук. Пожалуй сегодня лозунг Ю.Хабермаса о «превращении наук о человеке в науки философские»¹, как нельзя лучше доказан им сами в его работе «Теория коммуникативного действия» (1981).

Основные понятия и термины:

Баденская школа (Фрайбургская, Юго-западная) — направление в неокантианстве, в центре внимания которого находилась проблематика ценностей и специфика методологии наук о природе и наук о духе. Представители - В. Виндельбанд и Г. Риккерт.

Герменевтика (др.-греч. ἑρμηνευτική — искусство толкования от др.-греч. ἑρμηνεύω — толкую) — направление в философии XX века, выросшее на основе теории интерпретации литературных текстов. С точки зрения герменевтики задача философии заключается в истолковании предельных значений культуры, поскольку реальность мы видим сквозь призму культуры, которая представляет собой совокупность основополагающих текстов.

Эмпатия — способность поставить себя на место другого человека (или предмета), способность к сопереживанию. Эмпатия также включает способность точно определить эмоциональное состояние другого человека на основе мимических реакций, поступков, жестов и т. д.

Биоэтика (от греч. др.-греч. βίος — жизнь и ἠθική — этика, наука о нравственности) — учение о нравственной стороне деятельности человека в медицине и биологии.

Холизм (от др.-греч. ὅλος, «целый, цельный») — идеалистическое учение, рассматривающее мир как результат творческой эволюции, направляемой нематериальным «фактором целостности». Весь мир с точки зрения холизма — это единое целое, а выделяемые нами отдельные явления и объекты имеют смысл только как часть общности. Соответственно, развитие мира должна направлять некая внешняя по отношению к нему сила.

Литература

¹ см Ушаков Е.В. Введение в философию и методологию науки. М.»Экзамен»2005 г.с.366

- Адорно Т. К логике социальных наук// Вопросы философии.1992.№10.
- Американская социология. Перспективы. Проблемы.Методы.М.1972.
- Андреева Г.М. Социальное познание: проблемы и перспективы.М.1999
- Арон Р.Избранное: введение в философию истории.М.СПб.2000
- Бахтин М.М.Эстетика словесного творчества.
- Блауг Г. Экономическая мысль в ретроспективе.М.1994
- Вебер М.Избранные произведения.
- Готлиб А.С. Современные проблемы методологии социогуманитарного знания. Самара 2001.
- Гуманитарное знание: Сущность и функции. СПб.1991.
- Дильтей В. Введение в науки о духе//Зарубежная эстетика и теория литературы XIX-XX века.М.1987
- Куприян А.П. Методологические проблемы социального эксперимента.М.1971
- Кэмпбелл Д.Модели экспериментов в социальной психологии и прикладных исследованиях. СПб., 1996.
- Леонтьев В.В. Экономические эссе. Теории, исследования, факты и политика. М., 1990
- Луман Н. Тавтология и парадокс в самоописаниях современного общества.//Социологос. М., 1991
- Математическое моделирование исторических процессов. М., 1996.
- Монсон П. Современная западная социология: Теории, традиции, перспективы. СПб., 1992.
- Основы социально-психологической теории/ Под ред. А.А. Бодалева, А.Н.Сухова. М., 1995.
- Поппер К.Р. Логика социальных наук // Вопросы философии 1992.№10.
- Проблема объяснения и понимания в научном познании. Л., 1985.
- Ракитов А.И. Историческое познание.М.1982.
- Рикер П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М., 1995
- Риккерт Г. Философия истории: философия жизни. Киев, 1998.
- Тернер Дж. Структура социологической теории. М., 1985
- Типы в культуре: Методологические проблемы классификации и типологии в социально-исторических и антропологических науках. Л., 1979
- Тойнби А.Постижение истории. М., 1991
- Трельч Э. Историзм и его проблемы. М., 1994.
- Уинч П. Идея социальной науки и ее отношение к философии. М., 1996
- Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. М., 1977

Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб., 2000.

5. АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ

(Л.В. Баева)

1. Гуманитарное знание как отражение системы ценностей.

Гуманитарные науки обращены к изучению человеческого в человеке. Их цель – исследование условий и форм существования человека во внутреннем и внешнем мирах. В этом смысле гуманитарные науки чрезвычайно близки к философии, однако, стремятся к более детальному, конкретному выявлению и характеристике отдельных сторон человеческого бытия, в отличие от философии, идущей по пути предельного обобщения. Гуманитарные знания оказываются в определенной степени субъективными, поскольку включают и элементы самооценивания, поэтому их трудно в полной мере верифицировать, подвергать проверкам на предмет «всеобщности и необходимости», как это происходит в точных и естественных науках. Гуманитарное знание во многом несет на себе груз этических, нравственных, а в более широком плане, ценностных представлений. «Чистое», ценностно-нейтральное гуманитарное знание, вероятно, невозможно в принципе. Но если так, то, говоря об особенностях гуманитарного знания, необходимо разобраться в том, что выступает его ценностным фундаментом. В связи с этим перед нами встают следующие **задачи**: рассмотреть понятие и сущность ценности, своеобразие аксиологии как отрасли философии; выяснить, каковы ценностные основания классического и современного гуманитарного знания; оценить, что происходит с гуманитарными науками в период современной «переоценки ценностей»; раскрыть связь ценностей и научного творчества; проанализировать, как развивается гуманитарное знание в условиях ценностного плюрализма и то, какие возможности и опасности влечет за собой такая ситуация. Этим проблемам и будет посвящена данная тема.

2. История аксиологических исследований. Философия ценностей или аксиология как отдельная отрасль знания возникла сравнительно поздно, во второй половине XIX века. Введение понятия «ценность» в ранг философской категории принято связывать с именем Г. Лотце, который понимал ее как обозначение достоинства духовного бытия человека, не охватываемого областью естественнонаучных знаний, а потому недоступного миру фактов и науки. Несмотря на достаточно позднее формирование самого понятия ценности, аксиологические проблемы присутствовали в философии со времен ее становления. Для

истории аксиологии характерно обособленное исследование теоретических понятий, их содержательного наполнения, практического смысла. В философских учениях древности и средневековья происходит формирование этико-эстетических основ ценностного мировоззрения, которое неизбежно связано с выявлением и утверждением духовных ориентиров личной и общественной жизни. Аксиология здесь еще не является самостоятельной дисциплиной, само понятие «ценность» анализируется не логически и теоретически, а скорее «эмпирически», описательно на уровне феномена. И если изучение теоретических проблем аксиологии начинается только с XIX века, то исследование содержательного, практического наполнения ценности происходит уже в древней философии.

Несмотря на то, что развитие понятия ценности, его содержательного наполнения шло по различным направлениям, характерным для данного процесса выступает его последовательное становление по следующим этапам: от возникновения интереса к содержанию ценимых в индивидуальном и общественном бытии добродетелей и благ (1) к появлению самого понятия ценности (2), его самостоятельной эволюции (3) вплоть до наделения его статусом высшей философской категории (4), к попытке низведения ее к разряду относительных, субъективных (а, следовательно, ненаучных) понятий (5) до современного признания необходимости исследования бытия с позиции ценности наряду с такими параметрами как истинность, сущность, причинность и др. (6).

Первый этап был характерен для восточной аксиологической мысли в целом, для европейской – от античности до возникновения немецкой классической философии, русской – до проникновения классической европейской философии в XIX веке. На протяжении этого периода шло многостороннее исследование содержания, смысловой специфики, роли, места ценностей личности и общества, характерных для того или иного региона или исторической эпохи. Исследованию подвергались сами ценности, а не понятие ценности. Это, с одной стороны, еще не дает основания говорить о развитии аксиологии как философского знания, но с другой, привлекает к ценностному анализу деятелей науки и культуры и показывает имманентное присутствие ценности в личном и общественном бытии во всех сферах его проявления. В различных типах обществ в этот период происходило изучение и осмысление ценностей, связанных в первую очередь с этической и эстетической значимостью, что свидетельствует о важнейшей роли субъективного и межличностного в процессе становления ценности. Тот факт, что содержание ценности неотъемлемо включает в себя эмоциональное и нравственное переживание, подтверждается, в том числе тем, что так очевидно было присутствие ценностного основания в эстетической и этической деятельности человека и именно с него начинается становление

аксиологической мысли. Описание ценностей, анализ их содержания и роли подготовил возможность для понятийного, логического исследования и возникновения аксиологии как теоретического знания.

Второй этап связан с введением категории ценность в философскую литературу и в философствование в целом, что произошло в Новое время, в век Просвещения. Этот момент свидетельствует о начале системного, доказательного, философского периода в развитии ценностного сознания. Высокий теоретический уровень философии и науки этого периода перенес изучение ценностей от конкретного и предметного к абстрактному, теоретическому, умозрительному. В этот период был подтвержден статус ценности как философской категории, и теория ценностей стала вполне самостоятельным разделом философского знания. Возникновение подобных разделов философии связано лишь с исследованием таких фундаментальных понятий как человек, мышление, познание.

Третий этап связан с творчеством выдающихся гениев западной философии, оказавших влияние на весь последующий период развития мировоззрения Европы, а с XIX века – и мира в целом. В кругу внимания Лейбница, Юма, Канта, Гегеля, Ницше, Шопенгауэра оказалось и понятие ценность, которое подверглось дальнейшему исследованию в контексте различных форм монизма. В этот период происходит, с одной стороны, предельная рационализация понимания бытия и ценности, в частности, связанная с кульминацией развития европейской классической философской традиции, и с другой – возникает попытка преодоления рамок рационализованного понимания ценности и классической философии в целом. Первый из этих процессов, связанный с деятельностью Декарта, Лейбница, Гоббса, Канта, Гегеля, приводит к постановке ценности в одну из ниш системы мирового бытия, роль которой, наряду с другими, связана с прогрессом, имманентным самому мирозданию. Второй процесс, развиваясь вопреки классической (в большей степени гегелевской) философии, связанный с творчеством Кьеркегора, Шопенгауэра, Ницше, приводит к внерациональному пониманию сущности ценности и применению ценностного подхода к восприятию мира. Впервые в европейской философии сам мир оценивается как переживание, страдание, воление и представление чувствующего субъекта, что приводит, с одной стороны, к крайнему пессимизму и утрате ощущения ценности в бытие, а с другой – новому наполнению ценности иррационально-экзистенциальным содержанием.

Четвертый этап приводит к утверждению наивысшего статуса ценности как феномена и как понятия. Этот процесс был связан с традицией неокантианства Баденской школы, основатели которой В. Виндельбанд и Г. Риккерт попытались объяснить все мироздание через его значимость для субъекта, опираясь при этом как на немецкую

классическую, так и на новую неклассическую традицию, идущую от Кьеркегора. Отвергнув односторонность объективизма и субъективизма, представители этого этапа утверждают, что мир есть совокупность двух компонентов: бытия и ценностей, и понять его можно только с позиции изучения каждой из этих частей. Ошибка же всей предшествующей философии и науки, по их мнению, состояла в том, что исследованию подвергалось только бытие, а ценности рассматривались как второстепенный компонент в его структуре. Выведение ценностей из «действительности» привело затем к возникновению учения об их самостоятельном бытии, определяющем все прочие формы и уровни, предложенного уже в XX веке М. Шелером.

Пятый этап был связан в большей степени с марксистской традицией и позитивизмом, которые отличались пониманием философии как научного знания, критериями истинности которого, в первую очередь, являются объективность и соответствие практике. Роль ценностей, в структуре которых уже утвердилась роль субъективного переживания, существенно снизилась: в многообразных формах бытия ценности проявлялись лишь в экономической сфере как стоимость (но здесь имело смысл скорее понятие цены) и в этико-эстетической сфере, как значимость объектов внешнего мира, обусловленная эмоционально-чувственными потребностями личности. Ценность вновь становится второстепенной, инструментальной категорией, изучение которой было отнесено к периферии философской науки. Вместе с тем интенсивно исследуются материальные причины формирования ценностей, выявляется их общественно-исторический характер, что в целом способствует дальнейшему развитию аксиологической мысли.

Шестой современный период отмечен в первую очередь кризисом классической рациональности и всех проявлений монизма, что не могло не повлиять на отношение к ценностям. С одной стороны, происходит иррационализация понимания ценности, что проявляется в экзистенциализме, философии жизни, психоаналитических учениях и в современной религиозной философии. С другой, происходит расширенное внедрение ценностного фактора в познание и преобразовательную деятельность общества, что явилось следствием кризиса «объективной», безоценочной науки, которая в XX веке способствовала созданию многомерной глобальной катастрофы. Современные формы философии и даже науки все больше стремятся к включению ценностного анализа в процесс исследования и приходят, таким образом, к концепции множественности истины, что следует понимать как проявление множественности самого бытия. Ценностный фактор в этом случае становится важнейшим параметром, осознание роли которого необходимо для нового постнеклассического понимания мира и самого человека. Вместе с тем современное общество, имеющее качественные отличия от

всех предшествующих исторических эпох, ставит перед исследователями задачу изучения и новых ценностных ориентиров как индивидуального, так и общественного бытия, позволяющих понять динамику и направленность познавательной и преобразующей деятельности субъекта в мире объектов. Происходящая перемена ценностной ориентации, характерная для общества потребления, с одной стороны, и для общества, находящегося в «пограничной», возможно финальной фазе своего существования, с другой, требует безотлагательного исследования, обусловленного ролью самих ценностей как направляющего фактора бытия. Поэтому современный этап развития аксиологического знания отмечен невероятным ростом интереса и внимания к анализу ценностного фактора в истории, ценностной мотивации в поведении и познании, ценностного переживания в индивидуальном бытии и т.д. В целом мыслители констатируют ситуацию «осознанного нигилизма» (Камю), хаоса ценностных ориентиров, способствующую поиску новой парадигмы понимания бытия, учитывающей возросшую роль субъекта в мире, с одной стороны, и внутренний разлад и кризис данного субъекта, лишенного сначала веры в иррациональное, а затем и в рациональное, с другой¹.

В отечественной философии аксиологические идеи развивались в работах материалистов-демократов (В. Белинского, Н. Чернышевского, Н. Добролюбова, Д. Писарева) и идеалистов (Ф. Достоевского, Л. Толстого, Н. Федорова, Н. Бердяева, С. Франка, Н. Лосского, М. Бахтина), для которых исходным был принцип гуманизма и триединства Истины, Добра и Красоты. Ценности здесь не рассматриваются отдельно от субъекта (как у Платона или М. Шелера), они связаны с субъектом (но не субъективны) – ведь без последнего они не более чем пустая возможность. Также как и в европейской аксиологии, здесь обнаруживаются общие закономерности ценностного отношения и его философского осмысления как «движения от недифференцированного ценностного миропонимания к осознанию его отдельных сторон, а затем к синтетическим философским понятиям». На протяжении советского периода аксиология оказалась, если не в статусе лженауки, но самой периферии научного исследования и сегодня происходит своего рода ее возрождение. Это тем более важно в «эпоху перемен», которую переживает Россия, где внутренние качественные изменения «наложились» на всемирные процессы глобализации и интеграции, с одной стороны, и процессы трансформации индустриального общества в информационное, с другой. Нерешенность (а возможно неразрешимость) экологических проблем только усугубляет и без того сложную ценностную картину современности. Аксиологи, анализируя сложившуюся ситуацию многомерного кризиса, ставят перед

¹ Подробнее см. Баева Л.В. Ценности изменяющегося мира: экзистенциальная философия истории. Астрахань, 2004.

собой задачу не только теоретического анализа сущности, природы, типов ценностей – что преобладало в классической аксиологии XIX-нач.XX вв., но и стремятся к поиску такой концепции ценностей, которая способствовала бы развитию толерантного общечеловеческого видения мира. Эта задача не могла быть поставлена в классической аксиологии, поскольку европейский мир рассматривал себя как «идеальный тип», единственно верный путь прогрессивного движения, к которому другие народы должны «приобщиться». Кризис идеи и политики европоцентризма заставил по-новому отнестись к факторам Востока, Юга и вызвал потребность в создании качественно новой теории ценностей, не умаляющей достоинства ни одного из народов и позволяющей вместе с тем сохранить гуманистический смысл.

3. Основные подходы к пониманию ценностей. Что же такое ценность? Следует отметить, что в философии нет единого ответа на этот вопрос и понятие «ценность» имеет различное содержательное наполнение в тех или иных подходах рассмотрим наиболее важные из них.

1. Во-первых, это понимание ценности как объективного бытия, усматриваемого или усваиваемого субъектом в процессе практической, познавательной, нравственной или эстетической видов деятельности. Этот подход неоднороден и включает в себя как материалистические, биологические, так и объективно идеалистические теории:

1) Ценность как вневременная и внепространственная объективная сущность, имеющая трансцендентальный характер и иррациональное происхождение (наиболее яркие представители – Платон, Г. Лотце, Г. Мюнстерберг, М. Шелер, Н. Гартман, Вл. Соловьев, Н. Бердяев, Н. Лосский, С. Франк, В. Франкл и др.)

2) Ценность как социокультурный феномен, имманентно присущий развитию общественного бытия, выражающий направление его развития (В.Г. Белинский, Н.Г. Чернышевский, Ю.Д. Граник, А.А. Ивин, И.С. Нарский, В.С. Степин, О.М. Бакурадзе, М.А. Розов и др.).

3) Ценность как идеальный продукт материальных и духовных потребностей личности, формирующихся объективно под влиянием экономического фактора (Т. Гоббс, Дж. Локк, К. Маркс, Ф. Энгельс, С.Ф. Анисимов, В.А. Василенко, Г.Я. Головных, П.Р. Леиашвили и др.).

4) Ценность как продукт интеллектуально-психологических потребностей личности, формирующийся преимущественно под воздействием объективного биологического фактора (А. Шопенгауэр, Г. Коген, Г. Зиммель, В. Дильтей, З. Фрейд, Э. Фромм и др.).

2. Во-вторых, это понимание ценности как субъективного феномена, имеющего источником совокупность интеллектуальных,

психологических, нравственных особенностей личности проявляющихся во внешнем мире:

1) Ценность как нравственно-эстетический феномен, выражение индивидуальной души субъекта, уникальной и единичной по своей сути (А. Шейфсбери, И. Кант, Ф.М. Достоевский).

2) Ценность как результат развития сознания индивида, продукт его рациональной деятельности (Д. Юм, В. П. Тугаринов, Л.И. Столович).

3) Ценность как продукт эмоционально-волевого, биологического развития индивида, являющегося определяющим для индивидуального и общественного бытия (Ф. Ницше, А. Мейнонг, Р.Б. Перри и др.).

3. В-третьих, это понимание ценности как субъектно-объектного или объектно-субъектного феномена, имеющего свою природу и проявляющегося только в отношениях между субъектом и объективным бытием:

1) Ценность как переживание субъектом объективных условий своего существования, в том числе как ответ на присутствие Бога в бытие (Г. Риккерт, В. Виндельбанд, Э. Гуссерль, Д. Фон Гильдебранд, И. Хейде и др.).

2) Ценность как ориентир жизнедеятельности субъекта в объективном бытии, связывающий его индивидуальность с мировым многообразием форм существования, как способ самореализации человека, включающий его субъективную сущность во внешний мир объектов (М. Вебер, Ж.П.Сартр, А. Камю, А. Маслоу, М.С. Каган и др.).

3) Ценность как выражение понимания, объяснения, истолкования мира субъектом (М. Хайдеггер, Г.Г - Гадамер, П. Рикер и др.).

По нашему мнению, ценности могут быть квалифицированы как доминанты сознания и экзистенции, направленной на достижение совершенного бытия, креативно влияющей на внутреннее развитие личности и окружающий мир через наполнение их значимостью и смыслами. Соединяя человека и мир узлами значимости, ценности преобразуют обе стороны этого отношения в направлении должного.

Классификация подходов возможна и по другим не менее важным в аксиологическом отношении основаниям. В частности те или иные подходы различаются относительно *роли*, которую они отводят ценностям, *функциям*, с которыми связывается ее проявление. Построение отдельных классификации в той или иной мере производит перестановки среди представителей каждого из направлений, но при этом не изменяет сущность их взглядов, поэтому их составление, хотя и представляет интерес с историко-логической точки зрения, серьезного влияния на решение самих аксиологических проблем не оказывает.

4. Современные трансформации ценностей. Современный мир и человек оказались перед угрозами своего существования, поэтому целый ряд ценностей, долгое время господствующих в сознании и творческой

активности людей начал трансформироваться и искажаться. Классическое наследие эпохи Просвещения утверждало в качестве высших ценностных приоритетов Человека, Разум, Прогресс, любовь к ближнему, долг перед отечеством, альтруизм, свободу и т.д. На протяжении нескольких веков в европейской литературе и в искусстве в целом, в исторической науке последовательно развивались гуманистический, прогрессистский, патриотический подходы. Однако XX век не оправдал этих надежд. Мировые войны, революции, тоталитарные режимы, экономические и экологические кризисы показали, что наука и разум не являются универсальным инструментом достижения царства справедливости, свободы и процветания. Как реакция, наступает кризис классических ценностных установок: гуманизм сменился антигуманизмом, прогрессизм – плюрализмом, рационализм – иррационализмом. Предвестниками критики классических ценностей были еще А. Шопенгауэр, и Ф. Ницше, труды которых в XX веке приобрели невиданную популярность. Новые постмодернистские установки всячески избегают категоричности и однозначности, главными ценностями становятся свобода, терпимость к другому, активность, инновации, творчество, знание, самовыражение и т.д. Поворот от всеобщих, тотальных ценностей к индивидуалистическим, эгоцентрическим, низвержение прежде незыблемых духовных авторитетов, по словам М. Хайдеггера, явились не только результатом «слепого разрушения и суетного обновления», но и следствием «необходимости придать миру тот смысл, который не принижал бы его до роли проходного двора в некую потусторонность»¹. Кризис монистических учений, тоталитарных режимов, нормативной этики, религиозной ортодоксии обусловил современный аксиологический персонализм, в котором высшую ценность приобрело бытие личности. Игнорирование индивидуальности, продолжавшееся на протяжении длительного времени развития цивилизации, породило сверхиндивидуализм и нарциссизм, в свою очередь чрезвычайно опасных в своих крайних проявлениях и вызывающих острую критику сторонников классической культуры, морали, науки, политики. Парадоксом современной эпохи является усиление множественности, фрагментация, повышение роли единичного, личностного на фоне разворачивающейся интеграции форм жизнедеятельности, глобализации информации, экономики и культуры. Утверждение космополитических ценностей сопутствует усилению националистических настроений, технократическое мировоззрение – взрыву мистицизма, массовая культура – эгоцентризму, либеральные приоритеты – культу насилия.

Как оценивать эти перемены? Наверное, как и все, что связано с человеком и его свободой, это изменение имеет и «светлую», и «темную»

¹ Хайдеггер М. Европейский нигилизм // Время и бытие. М. 1993. С. 88.

стороны. Сначала о положительном. Прежде всего, современная ценностная картина мира характеризуется значительной свободой, демократизмом, уважением к чужой точке зрения. Кризис гуманизма заставил по-иному оценивать деятельность человека в природе: достоин ли современный человек того восхищения и воспевания, которые имели место в классическую эпоху? На фоне более критичной оценки человека возрастает ценность природы в целом, Жизни во всех ее проявлениях, что слабо проявлялось в условиях господствующего, начиная с античности, в европейском мировоззрении принципа антропоцентризма. Вместе с более критичной оценкой самого человека приходит и критика Разума как главного инструмента преобразования мира, познания истины, реализации человеческого в человеке. Рационализм косвенно способствовал развитию техногенной и антропогенной катастрофы, и оказался достоин более сдержанных оценок. Сегодня возрастает ценность других видов опыта и познания, таких как чувственность, переживание, интуиция, фантазия, любовь, вера. Это позволяет оценить «жизненный мир» человека как более полный, открытый, многогранный, способствует развитию творческого, созидающего начала. Ценность креативности в современную эпоху переживает не первый, а скорее очередной подъем. Высокий уровень развития техники и технологии превращают художественное и научное творчество в особую силу.

Но есть и явные «минусы» современных трансформаций в области ценностей. Во-первых, кризис ценностей классического периода (эпохи Просвещения, классической философии XIX века, марксизма) выдвинул на первый план не нравственно-социальные, а личностно-гедонистические ценности. Идея усовершенствования природы человека «не оправдалась» и человек был «отпущен» на свободу, которая для многих оказалась основой духовного распада. Во-вторых, кризис рационализма, идеи прогресса, гуманизма вызвал возвышение ценностей иррационализма, антипрогрессизма, антигуманизма, что выразилось в унижении статуса личности до сведения к механическому, биологическому, утилитарному истолкованию. Философия и искусство современности выразили все худшее в человеке как единственно существующее, желая избавить европейское мировоззрение от необоснованного самолюбования и неоправданного оптимизма. Отсюда – нигилизм, пессимизм, культ brutального, некрофильного в искусстве, уничтожение жизнеутверждающих, гуманистических установок. В-третьих, кризис классических ценностей повлиял и на развитие научного знания, усилив процесс дистанцирования точной науки от гуманитарной, которой был начат еще в Новое время. Но эта проблема требует особого внимания, поэтому рассмотрим ее подробнее.

5. Наука и ценности. Идея ценностно-нейтральной науки сегодня оказалась несостоятельной, однако так дело обстояло не всегда. Впервые

идея автономии науки была выдвинута в теориях Ф. Бэкона и Г. Галилея в Новое время. Автономность науки по отношению к ценностям рассматривалась как условие освобождения от схоластического влияния теологии и понималась в качестве условия достижения беспристрастности в теоретических оценках и нейтральности в теоретических утверждениях. В дальнейшем эта позиция утвердилась, будучи продолжением идеи автономности университетов, существования науки как самостоятельного социального института, независимого от идеологических и религиозных предписаний и приказов. Позитивизм во всех его формах поддерживал это устремление. Однако научное творчество оказалось наиболее креативной формой социального бытия и под его влиянием стали происходить самые активные преобразования внешнего мира и самого человека. В связи с этим возникла проблема границ свободы в науке. Этому способствовали, прежде всего, создание оружия массового поражения, варварское загрязнение природной, эксперименты в области клонирования.

Поскольку в сфере научного и технического видов творчества каждое открытие и изобретение могут стать как источником продления жизни индивида и природы, так и их истреблением, возникает вопрос: является ли творчество сферой чистой свободы индивида или оно должно быть подчиненным неким моральным императивам? Размышляя над этими вопросами, следует помнить о двух моментах: во-первых, творчество всегда создает новое из небытия и, во-вторых, оно отображает дух самого автора, субъекта действия. Значит, давая себе свободу совершить то или иное открытие, отобразить в искусстве свое отношение к миру, ученый или художник получает и полную ответственность за последствия своего творчества. Ответственность как обратная сторона свободы, есть в этом случае и обратная сторона творчества. Свобода состоит как в том, чтобы *сказать*, что ты думаешь, так и в том, чтобы *не сказать* этого, в силу самоконтроля, а не внешнего давления. Мысли и переживания, вынесенные в мир и отчужденные от творящего их индивида, начинают собственное существование, уже неподконтрольное их автору. Его свобода связывает только акт их рождения, но не бытия и не влияния на других индивидов. Осознание этой ответственности и уровень духовного развития автора составляют, по нашему мнению, основания для творческой деятельности и в искусстве, и в научно-технической сфере. Уровень духовного, нравственного развития творческого человека имеет наибольшее значение по сравнению с другими индивидами, поскольку он формирует направление для деятельности большинства, следующего моде, стереотипам.

Если говорить об императивах, которые могут ограничивать сферу творчества, следует понять, что в свою очередь делает его возможным. Это, прежде всего Свобода, делающая возможным выражение собственного видения мира и его приумножение, и Жизнь, дающая саму

возможность существования индивидуальности. Таким образом, ограничением сферы творчества может выступать только то, что в конечном итоге обуславливает ее существование. Ненанесение вреда жизни и свободе для себя и по аналогии для другого, по сути, оказываются моральной границей, от которой начинается творчество как путь совершенствования, а вне которой – творчество как источник хаоса и деструктивности. Научное творчество человечества как самоцель, как сфера свободы от морали и ценностей – одна из наиболее опасных иллюзий западного мира, способная утвердить себя ценою гибели человечества или других видов жизни. Обсуждение этой проблемы, вероятно, станет одной из самых актуальных дискуссий в науке и философии, по мере открытия возможности изменения кода ДНК, клонирования, создания искусственного интеллекта и т.д.

6. Взаимовлияние ценностей и гуманитарного знания.

Гуманитарные науки, в отличие от точных, в большей степени сохранили связь с этикой, нравственными поисками, поэтому именно от них во многом зависит направленность духовного развития молодежи. Воспитание классических ценностей сегодня должно быть дополнено знанием тех процессов, которые происходят в современном ценностном сознании. Прежде всего, следует признать, что наука не свободна от ценностей, поскольку она есть поиск истины, высшей гносеологической ценности. Этические ценности также оказываются сферой, в которую вовлекается научное мировоззрение. Фактор ценностей оказывает влияние на науку в целом по следующим направлениям:

1. Ценности, разделяемые творческими личностями, влияют на выбор научных концепций (парадигм, НИП), методов исследования, самих объектов изучения.
2. Ценности как смысло-значимые ориентиры активности человека организуют и канализируют научные исследования в тех или иных направлениях.
3. Ценностное сознание наделяет результаты научных поисков признаками значимости, актуальности, необходимости и всеобщности.
4. Оценочная деятельность способствует развитию конкуренции между научными программами, отбору наиболее эффективных, отвечающих духу эпохи.
5. Аксиосфера выражает стремление человека к должному, совершенному и таким образом, призвана ограничивать те исследования, которые имеют деструктивный характер. В связи с этим происходит становление и развитие этики науки, формируются концепции коэволюции, ноосферы, подчеркивающие роль разума и ценностей в эволюционных процессах природы.

Что касается взаимосвязи ценностной сферы и гуманитарного знания, то она может быть раскрыта в следующих аспектах:

1. Гуманитарные науки ориентированы не на «точность познания», а на «глубину понимания» (М. Бахтин) объекта, что невозможно без анализа ценностных оснований личности или эпохи. Ценность – выражение уникальности субъекта, именно гуманитарные науки исследуют своеобразие внутреннего мира субъекта и его связи с окружающим. Познание – есть проникновение в глубины индивидуального, сущностью которого выступает система ценностных доминант.
2. Гуманитарные науки исследуют не только рациональные сферы индивидуального или общественного бытия, но и «жизненный мир», «мир чувств», ментальность – как совокупность бессознательных проявлений чувственности и духовности субъекта, область веры, любви и ненависти, – все это предполагает отнесение к ценности, то есть выявление значимых, связанных с субъективными переживаниями, доминант, ориентиров жизнедеятельности.
3. Гуманитарные науки имеют воспитательную функцию, предполагающую приобщение к высшим ценностям. В эпоху кризиса ценностей эта роль не ослабевает, а предельно возрастает, так как обыденно мыслящий субъект не в состоянии разобраться, какие из ценностей кризисной эпохи достойны служения.
4. Гуманитарные науки – сфера передачи ценностей от поколения к поколению без слепого копирования и навязывания этических (эстетических) стереотипов. В отличие от религии, мифологии, наука имеет творческий, полемический характер, критическую методологию, что позволяет обсуждать ценностные ориентиры предшествующих поколений, анализировать их достоинства и недостатки (через анализ литературного произведения, исторических фактов, правовых норм, экономических стратегий).
5. Гуманитарное знание, благодаря ценностной нагруженности, заставляет человека стремиться не только к самореализации, но и к самосовершенствованию. Экономические, политические и юридические науки способствуют и общественному самосовершенствованию, формируя новые приоритеты развития социума.
6. Если точные и естественные науки раскрывают природное единство мира, то роль гуманитарного знания состоит в обнаружении духовного единства (и многообразия форм) человечества. Ценности при этом оказываются одним из духовных фундаментов цивилизации, культуры, квинтэссенцией мировоззрения и творческой активности общества. Гуманитарные науки призваны формировать ценность единства всех живущих, поскольку

религиозное знание в большей степени отвечающее за формирование ценности Другого, все же имеет ярко выраженное дезинтегрирующее начало.

7. Все ключевые категории гуманитарных наук образованы посредством соотнесения с ценностными идеями (прогресс, благо, польза, ответственность, вина, долг, благосостояние, эффективность, успех и др.) Большинство видов экономических, юридических, исторических, филологических, культурологических, политологических концепций имеют не описательное, а преобразующее значение, выражают стремление к изменению реальности в направлении к должному, а не только фиксирование действующих объективных законов и закономерностей.

Как видно, взаимовлияние гуманитарного знания и ценностного сознания многообразны и значительны по выражению. В связи с этим сегодня все большую актуальность приобретают аксиологические подходы в тех или иных конкретных науках: формируется аксиология истории, филологии, права, экономики, социологии, политологии, культурологи, что способствует наиболее успешной «адаптации» и развитию гуманитарных наук в современную технократическую эпоху. Ценностное основание оказывается сферой, сближающей как различные виды научного знания, так и область соединения знаний с практикой, повседневностью, жизнью личности и общества во всех ее проявлениях.

Основные понятия и термины:

Аксиология – философское учение о ценностях.

Аксиосфера – сфера ценностей, духовно-практических ориентиров, установок общества в целом или определенного этапа его развития.

Ценности – смысло-значимые ориентиры жизнедеятельности, креативно влияющие как субъект, так и окружающее его природно-социальное пространство, преобразующие их в направлении должного, совершенного образца.

Ментальность – совокупность сознательных и бессознательных проявлений чувственности и духовности, область веры, мировоззренческих представлений, образ мышления субъекта или эпохи.

Библиографический список:

1. Анисимов С.Ф. Введение в аксиологию, М., 2001.
2. Баева Л.В. Ценности изменяющегося мира: экзистенциальная аксиология истории. Астрахань, 2004.
3. Баева Л.В. Ценностные основания индивидуального бытия: опыт экзистенциальной аксиологии. М., 2003.

4. Выжлецов Г.П. Аксиология культуры. СПб.: Изд. СПб ун-та, 1996.
5. Ивин А.А. Аксиология. М., 2005.
6. Каган М.С. Философская теория ценности. СПб.: Петрополис, 1997.
7. Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. М.: Республика, 1998.
8. Столович Л.Н. Красота. Добро. Истина: Очерк истории эстетической аксиологии. М., Республика. 1994.
9. Франкл В. Воля к смыслу. / Пер. с англ. М.: Апрель-Пресс, Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2000.
10. Ценности культуры и современная эпоха: Сб. ст. / Под ред. Н.Н. Лебедевой. М.: ИФАН, 1990.

6. ПРОБЛЕМЫ ПОЗНАНИЯ В СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУКАХ

(Баева Л.В.)

1. Проблема истины. Проблема истины является одной из важнейших проблем гносеологии – теории познания. Понятие истины относится к важнейшим, как в сфере науки, так и в общей системе мировоззренческих проблем. Истина находится в одном ряду с такими высшими ценностями, как Добро и Красота, имеющими всеобщий характер, разделяемыми во всех культурах и эпохах. Истина – цель познавательной активности человека, стремление к которой может носить не только научно-теоретический, но и смысло-жизненный, экзистенциальный аспект.

Что же такое истина? Как она понимается в философии? Плюрализм философского мышления и здесь демонстрирует различные подходы к определению данного понятия. Рассмотрим главные из них.

1) Прежде всего, *классический подход*, идущий от учения Аристотеля о том, что «истина – это соответствие знаний действительности (“вещам”)». Этот подход получил название *теории корреспонденции*. Классическое понимание истины разделяли Фома Аквинский, П. Гольбах, Г.В.Ф. Гегель, Л. Фейербах, К. Маркс; разделяют его и многие философы современности, как материалисты, так и идеалисты. Различия внутри этого подхода касаются вопроса о характере отражаемой действительности и о механизме соответствия.

2) Второй подход к пониманию истины получил название *прагматического*. Его суть заключается в трактовке истины как того, что может быть с успехом применено в практике, что может принести пользу, быть эффективным.

3) Третий подход (*конвенциональная теория*) утверждает, что «истина есть соглашение», то, что считает верным большинство специалистов.

Каждый из подходов имеет свои слабые стороны. Первый исходит из того, что истина соответствует (адекватна) реальности, однако может ли человек оценить степень этого соответствия? Для того чтобы сказать, что «мое понимание» соответствует тому, что есть, необходимо увидеть то, что есть, «со стороны», а не с позиции собственного восприятия, а это невозможно.

Второй подход позволяет отнести к истинным знаниям только те, что практически могут приносить пользу, однако большинство фундаментальных знаний носит столь абстрактный характер, что установить их практическую ценность почти невозможно. Бывает, что то или иное знание находит применение лишь через много лет после его открытия. Как в связи с этим можно оценить «истинность» современных теорий?

Третий подход, по сути, отрицает возможность объективной истины, поскольку связывает ее всецело с договором субъектов.

В то же время каждый из подходов ценен, поскольку демонстрирует ограниченность иных теорий. Анализ этих позиций показывает, что в понимании истины необходимо различать два ее основных типа: абсолютную и относительную.

Под *абсолютной истиной* понимают полное, всестороннее, окончательное знание об объекте. *Относительная истина*, напротив, есть частичное знание, которое может быть уточнено, дополнено, расширено. С учетом этого можно сказать, что все «достоверные» знания, которыми обладает человечество, при том, что оно стремится к абсолюту, есть лишь относительная истина. В марксизме было принято подчеркивать *конкретный* характер истины, ее соответствие определенной системе отсчета, заданным параметрам. Конкретность истины выражается в зависимости знания от связей и взаимодействий, присущих тем или иным явлениям, от условий, места и времени, в которых они существуют и развиваются. В понятие конкретной истины должно включаться указание на временные и пространственные параметры. В этом смысле абстрактной истины не существует, истина всегда конкретна.

Современное понимание истины, которое разделяют большинство философов, включает в себя следующие моменты. Во-первых, понятие «действительность» трактуется, прежде всего, как объективная реальность, существующая до и независимо от нашего сознания, состоящая не только из явлений, но и из сущностей, скрывающихся за ними, в них проявляющихся. Во-вторых, в «действительность» входит также и субъективная действительность, духовная реальность. В-третьих, познание, его результат – истина, а также сам объект понимаются как неразрывно связанные с предметно-чувственной деятельностью человека,

с практикой; объект задается через практику. В-четвертых, признается, что истина не только статичное, но также и динамичное образование; истина есть процесс. Эти моменты отграничивают диалектико-реалистическое понимание истины от агностицизма, идеализма и упрощенного материализма¹.

Можно заключить, что истина всегда есть процесс: во-первых, как изменение в направлении все большей полноты отражения объекта; во-вторых, как преодоление заблуждения в составе теорий.

Социально-гуманитарные науки имеют свою специфику, которая отражается и на понимании истины, истинного знания. Гуманитарные науки, или как их называли в прошлом веке «науки о духе», «науки о культуре» направлены на познание единичных, уникальных событий, состояний, переживаний, идей, ситуаций. Это обуславливает принцип историзма, важнейший для данных наук. Он предполагает отнесение к конкретно-историческим условиям и обязательное указание пространственно-временных, авторских и иных контекстов. Универсальных и абстрактных «истин» здесь не существует, так же как всеобщих законов, закономерностей, действующих во все времена и во всех культурных традициях. Даже если речь идет о сфере мышления, изучаемой психологией и логикой, то и на нее оказывают влияние такие факторы как ментальность, культурные универсалии, мифологические архетипы и т.д. Истина в социально-гуманитарных науках во многом носит фактологический характер, если же выявляются наиболее общие закономерности, то их обоснование предполагает компаративные (сравнительный), кросс-культурные методы, позволяющие определить меру особенного и всеобщего в тех или иных культурных традициях или эпохах.

Другая особенность «наук о духе» заключается в их объекте, который во многом совпадает с субъектом – самим человеком, направляющим познание на самого себя. Это неизбежно предполагает оценочность, субъективность, невозможность независимого наблюдения со стороны, извне. Человек изучает себя только с позиции собственного видения, которое всегда будет предполагать и личный опыт. Если в точных науках фактор человека как наблюдателя стал учитываться сравнительно поздно, только с XX века («антропный принцип»), то в гуманитарных науках и науках об обществе без него не возможно было ни одно научное исследование. Изучение текста предполагает изучение и его автора, это распространяется как на источниковедение, так и на филологию и философию. Отношение к той или иной личности важно, поскольку ее специфика отражается в результатах ее творчества в гуманитарной сфере несоизмеримо больше, чем в области точных наук и естествознания.

¹ См.: Алексеев П.В., Панин А.В. Философия: Учебник. М., 2003.

Гуманитарные исследования, имеющие дело, главным образом, с текстами, неизбежно встают перед проблемой их понимания, интерпретации, толкования, объяснения. Это также вносит значительную субъективность в процесс познания и отличается от установление истинности путем верификации (эмпирической проверки). Гуманитарные знания выступают видом информации о субъекте и объекте одновременно: с одной стороны, указывая, что стало объектом исследования, почему это имело значимость (субъективный компонент), с другой, отражая признаки объекта исследования (объективный компонент). Избирательность познания выражает субъективность, а стремление к всеобщности знаний – объективность.

Вопрос об истине в гуманитарном знании – вопрос экзистенции, присутствия в мире. В поиске знания человек выражает стремление к Истине как высшей объективности. Открывает ли истина себя субъекту? На этот вопрос предложил свой ответ немецкий философ XX века М. Хайдеггер: «Сущность истины есть свобода»¹. Это означает возможность быть открытым для открытого откровения. Чтобы совершить какое-либо действие или заключить вывод, необходимо иметь свободу выразить свое согласие или несогласие относительно объекта. Хайдеггер отмечает, что, хотя объективность и достижима для субъекта, она проявляется вместе с субъективностью и остается в распоряжении человека. М. Хайдеггер, комментируя И. Канта в вопросе о том, что наука и философия должны сами соблюдать свои законы, а не выступать глашатаями внешних факторов, приходит к выводу, что познание есть не просто вхождение в пределы всеобщего. Сущность истины, и в этом остается только согласиться с великим мыслителем XX века, – не пустая «генерализация» «абстрактной» всеобщности, а скрытая единичность прошлой истории раскрытия смысла того, что называется бытием.

Таким образом, социо-гуманитарные науки оказываются вынужденными признать ценность не только объективного, универсального, но и субъективного, уникального в познании, что отличает их от точных наук, «наук о природе», но не умаляет их значимости в общем процессе научного поиска Истины, которая соединяет Объект и Субъект в бытии.

Субъект и объект – парные категории, подобно причине и следствию, случайности и необходимости и т.д. Если мы выделяем нечто в качестве причины, то мы тем самым предполагаем существование следствия, и наоборот. Аналогичным образом субъект всегда предполагает объект, а объект всегда предполагает субъект. Таким образом мы с

¹ Хайдеггер М. О сущности истины // На проселочной дороге. Избранные статьи позднего периода творчества. М., 1991. С. 15.

необходимостью приходим к формуле: «*Без субъекта нет объекта*» (Авенариус)¹.

Под объектом в гносеологии следует понимать не просто любой фрагмент объективной (или субъективной) реальности, а только такой фрагмент, на который направляется внимание субъекта, который вовлекается в деятельность субъекта, становится предметом его теоретической или практической деятельности. Поскольку активной стороной в этой деятельности является субъект, он в каком-то смысле и «порождает объект», или, точнее, превращает предмет в объект своей деятельности. В той мере, в какой в узкогносеологическом смысле без субъекта нет объекта, или, вернее, без субъекта немислим объект, верно и обратное: без объекта нет субъекта, ибо любая деятельность субъекта всегда предметна. В терминах субъекта и объекта познание выступает как процесс активного освоения субъектом объекта. Само возникающее знание является результатом этого процесса. В ходе практического взаимодействия меняется как объект, так и субъект деятельности; через эволюцию практической деятельности осуществляется прогресс человека и общества.

2. Уровни и формы познавательной деятельности. Главными уровнями познавательной деятельности в философии считают *чувственный* и *рациональный*.

Основными формами чувственного познания являются ощущения, восприятия и представления. **Ощущение** – непосредственное взаимодействие органов чувств с материальными объектами, результатом которого является познание их отдельных свойств. **Восприятие** – комплекс, совокупность ощущений, дающий субъекту целостный образ объекта. **Представления** – это восприятия, закрепленные в памяти, благодаря которым становится возможным и иное – логическое отражение действительности.

Рациональный уровень также включает три формы познавательной активности: понятие, суждение, умозаключение. **Понятие** – «форма мышления, отражающая общие закономерные связи, существенные стороны, признаки явлений, которые закрепляются в определениях (дефинициях)»².

Суждение – это логическая форма мышления, связывающая понятия в предложения, в которых что-либо утверждается или отрицается. Суждения характеризуются предметом мысли и предикатом – тем, что говорится о предмете мысли.

¹ Для Авенариуса понятие субъекта тождественно понятию сознания, а понятие объекта – понятию материи, и отсюда следует, что материя в своем существовании зависит от сознания (Алексеев П.В., Панин А.В. Философия. М., 1996. С. 190).

² Современная философия: словарь и хрестоматия... С. 59.

Умозаключение – логическая форма мышления, когда из двух и более суждений выводится новое знание. Классический пример умозаключения: все люди смертны; Сократ человек; следовательно, Сократ смертен. Главным условием истинности умозаключения (с позиции формальной логики) является истинность посылок (исходных суждений).

История философии показала как противостояние чувственного (эмпиризм) и рационального методов, так и обоснование необходимости их единства (М.В. Ломоносов, марксизм). В русской религиозной традиции достижение истинного знания предполагает «цельность», синтез не двух, а трех начал: чувственного, рационального и мистического опыта.

Дискуссии о ценности различных источников опыта непосредственно связаны и с проблемой познаваемости мира. Сторонники агностицизма утверждают, что мир непознаваем: полностью (Д. Юм) или частично, до определенных пределов (И. Кант). Их оппоненты – подавляющее большинство ученых и философов – полагают, что мир познаваем и истинное знание может быть достигнуто, пусть не отдельным человеком, но всем человечеством, «соборным организмом» (термин А.С. Хомякова).

Позитивисты считают, что человек может найти ответ лишь на вопрос «как?», но не на вопрос «почему?»¹, не может познать то, что лежит «вне сферы его опыта»², в частности природу пространства, времени, движения. То, что включено в сферу опыта, принадлежит науке; то, что выходит за ее пределы, – религии. Поэтому, с точки зрения Г. Спенсера, например, под видовым антагонизмом между религией и наукой «скрывается их полное согласие»³.

По мнению Г. Айзермана, «теория всегда фальшива в том смысле, что она не соответствует полностью реальности и никогда не может соответствовать» ей⁴. Анализируя «теорию познания» известного итальянского элитолога В. Парето, Г. Айзерман пишет, что мы можем обладать лишь приблизительным представлением о конкретных феноменах. Поэтому наука есть вечное становление «понятого», теорий, заменяющих одна другую. Теория всегда есть предмет выбора, при котором предпочтение отдается той, которая в наименьшей степени обнаруживает расхождения с фактами прошлого и в наибольшей степени позволяет предвидеть факты будущего, в целом охватывая самое значительное число фактов. Но наука, в глазах Парето, не может стать «банкротом», поскольку всегда несет на себе печать относительности и, следовательно, самопричастности.

¹ См.: Кант И. Курс положительной философии. СПб., 1900. Т. 1. С. 4.

² Спенсер Г. Основные начала. СПб., 1899. С. 9, 26.

³ Там же. С. 11, 28.

⁴ Eisermann G. Vilfredo Pareto. Tübingen, 1988. S. 70.

В то же время трудность отличения истины от заблуждения в каждый данный момент не означает, что истины нет или что не изменяется объем этой истины. Истина существует, но она находится в процессе непрекращающегося развития. В науке проявляется постоянный рост объема истинного знания; в основе такого роста – непрерывное развитие практики и усиление познавательной активности человеческого разума¹.

3. Методы гуманитарного познания. Научное познание в целом, и гуманитарное в том числе в качестве важнейших мыслительных операций использует различные методы основными среди которых являются репрезентация, конвенция, интерпретация. Рассмотрим их особенности и роль в познавательном процессе.

Понятие *репрезентации* широко представлено как в научном познании, так и в европейской культуре в целом. В традиционном смысле — это знаковые модели, представления образа идеальных и материальных объектов, их свойств, отношений и процессов. Рассматривая историю развития значения слова «репрезентация», Гадамер в «Истине и методе» напоминает о его сакрально-правовом смысле. Оно было знакомо еще римлянам, в частности в смысле платежеспособности, но в свете христианской идеи воплощения и мистического тела получило новый аспект — представительства: репрезентировать обозначает «осуществлять присутствие». В каноническом праве оно стало употребляться в смысле юридического представительства, соответственно, репрезентируемая личность это представляемое и замещаемое кем-то, *но репрезентант*, осуществляющий ее права, от нее зависим.

Государственно-правовое понятие репрезентации всегда подразумевает «наличие замещения», и носитель общественной функции — чиновник, депутат и т. д. как репрезентант оказывается должным показывать себя таким, как это предписывает его роль. Понимание репрезентации как представительства обсуждает Ж. Деррида в «Грамматологии». Его концепция *деконструкции* и «метафизического присутствия», в конечном счете, основана на признании, что человек всегда имеет дело только с репрезентациями, он стремится к созданию все новых посредников, непосредственный контакт с реальностью без посредничества невозможен, опосредование и репрезентация «присутствия» неизбежны.

Проблема репрезентации обсуждается также в контексте рассмотрения способа бытия искусства. Гадамер полагает, что через репрезентацию «изображение приобретает свою собственную действительность», и только изображение делает представленное им собственно изображаемым, живописным. Репрезентация изображения

¹ См.: Алексеев П.В., Панин А.В. Философия: Учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2003.

может быть понята как особый случай «общественного события», религиозное изображение получает значение образца, а изобразительное искусство закрепляет, а по существу создает те или иные типы героев, богов и событий. В целом произведение искусства мыслится как бытийный процесс, в котором вместо абстракций существуют представления, игры, изображения и репрезентации, в частности, в форме знаков и символов, позволяющих чему-то «быть в наличии».

В эпистемологии (теории познания) репрезентация — это представление познаваемого явления с помощью посредников - моделей, символов, вообще знаковых, в том числе языковых, логических и математических систем. Естественные и искусственные языки — главные посредники, репрезентанты в науке. Возможность и необходимость репрезентации выражает модельный характер познавательной деятельности, при этом в качестве репрезентанта-посредника может выступить любая вещь, любой знак; символ, рисунок, схема и т. п. — все что угодно может быть репрезентантом всего остального, т. е. замещать находящийся за ним объект. Особо следует подчеркнуть, что только сам субъект познания и деятельности определяет, что будет в данной ситуации репрезентантом. Наше восприятие и познавательное отношение к миру в значительной степени формируется и изменяется под воздействием создаваемых (выбираемых) нами самими репрезентаций. Из этого следует, что наше представление о действительности - продукт собственной деятельности, наши формы восприятия, способы видения и понимания трансформируются в зависимости от того, какие образцы репрезентации предписываются нам культурой и внедряются практикой и образованием.

Именно такой подход к восприятию и репрезентации разработал американский философ М. Вартофский, специально исследовавший эту познавательную процедуру и стремившийся преодолеть чисто натуралистическую трактовку восприятия. Согласно его концепции, человеческое восприятие, имея универсальные предпосылки — биологически эволюционировавшую сенсорную систему, вместе с тем является исторически обусловленным процессом. Оно зависит от интерпретаций, предрасполагающих нас к тому, что нам предстоит увидеть, и управляется канонами, принятыми в культуре. Он не отождествляет репрезентацию с отражением, где главное неизменность, «зеркальность» и адекватность, он раскрывает более богатое содержание этой операции, укорененной в специфике субъекта, в истории и культуре.

Любые модели, например аналогии и конструкции, математические модели, вычислительные устройства или механизмы вывода, вообще репрезентации разной степени истинности, представляют не только внешний мир, но и самого познающего субъекта. В каждой модели-репрезентации содержится отношение субъекта к миру и исследуемому объекту, моделирование объектов мира вовлекает также своего творца или

пользователя. Очевидно, что отношение человека к миру носит культурно-исторический характер, исследуя типы репрезентации и их изменения в процессе развития познания, мы можем корректно проследить влияние Социальных и культурных факторов на содержание и формы познавательной деятельности. Успешно развивать теорию репрезентации возможно только в том случае, если она будет основываться на практической деятельности, социокультурном взаимодействии и коммуникации, тем самым вводя «подлинно историческое... описание роста знаний». Вартофский показал, что большая часть современной «философии восприятия» продолжает исходить из архаичных моделей ощущений XVII века, которые приняты здравым смыслом. Чтобы объяснить этот феномен, он вводит понятие «визуального понимания (мышления)», как знания и применения «общепризнанных канонов репрезентации» и «принципа постоянства формы».

Конвенция (соглашение) – познавательная операция, предполагающая введение норм, правил, знаков, символов, языковых и других систем на основе договоренности и соглашения субъектов познания. Она является прямым следствием диалогического, коммуникативного характера познания и деятельности. Наряду с культурно-историческим, социально-психологическим и лингвистическим аспектами познания, коммуникации в полной мере выражают его социокультурную природу. Они предстают как явления, чутко улавливающие и фиксирующие изменения ценностных ориентации научных сообществ, смену парадигм, исследовательских программ, в конечном счете отражающих изменения в социально-исторических отношениях и культуре в целом. Принятие конвенций и оперирование ими — одно из базовых когнитивных следствий коммуникативной природы познания; универсальная процедура познания наряду с репрезентацией и интерпретацией.

Особая сфера существования конвенций — язык. Рассматривая обычай, традиции, нравы как изменчивые понятия из области повседневности и здравого смысла, известный английский лингвист Э. Сепир полагает, что в этом же ряду стоит и понятие «конвенция», также трудно поддающееся научному определению. Все они сводятся, с точки зрения психологии, к «социальной привычке»; с точки зрения антропологии, — к «культурному стереотипу». Хотя они часто смешиваются друг с другом, но все же отличие конвенции состоит в том, что она акцентирует отсутствие внутренней необходимости в данной схеме поведения и часто предполагает некоторую долю явного или молчаливого соглашения, по которому определенный способ поведения должен восприниматься как «правильный». Чем более символичную, т. е. далекую от практических нужд, непрямую, функцию выполняет некоторый обычай, тем естественнее называть его конвенцией. В конечном счете, полагает

Сепир, эти первоначально независимые друг от друга способы поведения и деятельности объединились в крупные системы, такие, как архитектура, политическая организация общества, социальный этикет, организация промышленности, религия и другие, среди которых особое место занимает язык. Тем самым он признает, что во всех этих формах социального мира конвенции не только с необходимостью присутствуют, но выполняют важнейшие коммуникативно-познавательные и регулятивные функции.

Сепир исходит также из признания конвенциональной природы языка: звуки, слова, грамматические формы, синтаксические конструкции имеют определенные значения благодаря тому, что общество молчаливо согласилось считать их символами тех или иных объектов. Позиция Сепира — это подтверждение того, что элементы конвенции проникают во всю познавательную деятельность, в том числе научную и повседневную, прежде всего через язык, который обеспечивает коммуникации и одновременно привносит в познание различные формы конвенций.

Проблема соглашения и конвенций исследуется также М. Вебером в созданной им «понимающей социологии». Подтверждается постоянное присутствие различных видов соглашения в базовых формах социального действия, в том числе действий в познании. Для различных типов действия весьма значима «смысловая ориентация на *ожидание* определенного Поведения других», «субъективно *осмысленного*», заранее вероятностно исчисленного, на основе определенных *смысловых* связей и шансов других людей. Ожидание может быть основано на том, что действующий индивид «приходит к соглашению» с другими лицами, «достигает договоренности» с ними, соблюдения которой он ожидает. Однако ситуация обычно усложняется и реальное поведение может быть одновременно ориентировано на несколько соглашений, которые в смысловом отношении «противоречат» друг другу, однако параллельно сохраняют свою эмпирическую значимость. Возможна ситуация, когда индивид внешне ориентируется на требования закона, но в действительности неявно следует конвенциональным предписаниям.

Конвенции в гуманитарном знании связаны с использованием языковой формы, математических вариантов анализа, особенно в социологии. Конвенции здесь в большей степени связаны с социальным характером науки.

Следует иметь в виду, что конвенции заключаются отнюдь не всеобщим согласием всех участников научных познавательных процессов, не каждым членом научного сообщества и не всем сообществом в целом, а теми учеными, которые образуют элитную группу, формируют мнения и принципы деятельности научных сообществ. Именно эти авторитеты

формулируют те ценности, следование которым полагается целесообразным и потому рациональным¹.

Констатация этих фактов выводит нас на такую проблему, как принятие и функционирование конвенций в условиях профессионального согласия (консенсуса) или несогласия (диссенсуса). Под консенсусом понимают степень консолидации, согласованности в научном сообществе относительно когнитивных стандартов, онтологических предпосылок, системы ценностных ориентации в целом. Согласие (несогласие, рассогласование) исследуется как своеобразный коммуникационный механизм в самых различных функциях, одна из которых — быть логическим основанием развития научного знания, что имеет значение и для понимания природы обществознания. В частности, методологический консенсус представляет собой принятие конвенций в отношении когнитивных стандартов для выбора центральной, первоочередной проблемы, предпосылок ее исследования, приемлемых теоретических подходов, методов и приемов, полезных методик.

Интерпретация — одна из фундаментальных операций познавательной деятельности субъекта, общенаучный метод с правилами перевода формальных символов и понятий на язык содержательного знания. В гуманитарном знании это широко применяемая процедура истолкования текстов, изучаемая в *семантике* и эпистемологии понимания.

Наиболее обстоятельно интерпретация разрабатывалась как базовое понятие герменевтики, которая занимается правилами истолкования текстов, представлениями о понимании и интерпретации как фундаментальных способах человеческого бытия. В. Дильтей, объединяя общие принципы герменевтики и разрабатывая методологию исторического познания и наук о культуре, показал, что связь переживания и понимания, лежащая в основе наук о духе, не может в полной мере обеспечить объективности, поэтому необходимо обратиться к искусственным, спланированным приемам. Понимание части исторического процесса возможно лишь через его отнесение к целому, а универсально-исторический обзор целого предполагает понимание частей. Возможность множества интерпретаций ставит проблему истины, правильности, гипотетичности интерпретации. Отмечая этот момент, П. Рикёр, например, предлагает такую трактовку интерпретации, которая соединяет истину и метод и реализует *единство семантического, рефлексивного и экзистенциального* планов интерпретации. Он полагает, что множественность и даже конфликт интерпретаций являются не

¹ Порус В.Н. «Радикальный конвенционализм» К. Айдукевича и его место в дискуссиях о научной рациональности // Философия науки. Вып. 2, Гносеологические и логико-методологические проблемы. М., 1996. С. 75

недостатком, а достоинством понимания, выражающего суть интерпретации, и можно говорить о текстуальной полисемии по аналогии с лексической. В любой интерпретации понимание предполагает объяснение, которое развивает понимание.

В XIX веке обострился интерес к вопросу о множественности типов интерпретации, представленных во всех гуманитарных науках. Были выделены грамматическая, психологическая и историческая интерпретации, обсуждение сути и соотношения которых стало предметом как филологов, так и историков. Грамматическая интерпретация осуществлялась по отношению к каждому элементу языка, самому слову, его грамматическим и синтаксическим формам в условиях времени и обстоятельствах применения. Психологическая интерпретация должна была раскрывать представления, намерения, чувства говорящего, исходя из содержания сообщаемого текста. Историческая интерпретация предполагала включение текста в реальные отношения и обстоятельства его создания.

Проблему интерпретации, а также соотношения интерпретации и ценностей рассматривал М. Вебер, следуя идее «теоретического отнесения к ценностям», — в отличие от их практической оценки. Он опирается на понятия истолкования, интерпретирующего понимания, интеллектуальной интерпретации, вчувствования и существенно углубляет понимание проблемы в связи с введением понятия *целерациональности*, как деятельности, рационально ориентированной на достижение целей. Им также разработана концепция «понимающей социологии» с особым типом интерпретации — интерпретации поведения и действий человека. Для Вебера толкование языкового «смысла» текста и его «ценностного» смысла — логически различные акты. При этом вынесение «ценностного суждения» о конкретном объекте не может быть приравнено к логической операции подведения под родовое понятие. Оно лишь означает, что интерпретирующий занимает определенную конкретную позицию и осознает или доводит до сознания других неповторимость и индивидуальность данного текста с этой своей позиции. Интерпретация, или толкование, по Веберу, может идти в двух направлениях: ценностной интерпретации и исторического, причинного толкования. Ценностный анализ или «отнесение к ценности» - интерпретация поступков в соответствии с религиозными, этическими убеждениями, долгом, значимостью дела. Вебер считает, что любое эмпирическое исследование находится в связи с ценностями и интересами ученого. Человек, будучи субъектом культуры, не может не оценивать то, что изучает. Какая из ценностей для него доминирующая зависит от духа эпохи, времени, культуры.

Таким образом, проблемы познания в науках о человеке и культуре оказываются тесно связанными с аскиологическими ценностными

основаниями, имеют значительное влияние со стороны «мира ценностей», поэтому следующая проблема, которой будет посвящен новый раздел коснется именно этой важнейшей сферы личностного и общественного бытия.

Основные понятия и термины:

Репрезентация - это метод представления образа идеальных и материальных объектов, их свойств, отношений и процессов в знаковых моделях или через посредников.

Конвенция (соглашение) – познавательная операция, предполагающая введение норм, правил, знаков, символов, языковых и других систем на основе договоренности и соглашения субъектов познания.

Интерпретация — одна из фундаментальных операций познавательной деятельности субъекта, общенаучный метод с правилами перевода формальных символов и понятий на язык содержательного знания.

Когнитивный – познаваемый, соответствующий познанию.

Рефлексия – анализ и осмысление знаний, идей, теорий, чувств, переживаний. Ведущий метод гуманитарного познания.

Библиографический список:

1. Вебер М. О некоторых категориях понимающей социологии // Избр. Произв. М., 1990.
2. Лаудан Л. Наука и ценности. М., 1996.
3. Порус В.Н. Рациональность. Наука. Культура. М., 2002.
4. Левин Г.Д. Что есть истина?// Субъект, познание , деятельность. М., 2002.
5. Микешина Л.А. Философия науки: Современная эпистемология. Научное знание в динамике культуры. Методология научного исследования: уч.пособие. м., 2005.
6. Тулмин Ст. Человеческое понимание. М., 1984.
7. Хайдеггер М. о сущности истины // Философские науки. № 4. 1989.

7. ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ (Л.В. Баева)

1. Философия истории: предмет, задачи, основные проблемы.

Философия истории представляет собой один из важнейших разделов философского знания, позволяющий осознать смысл, логику исторического процесса во всем многообразии его проявлений. Эмпирическое изучение конкретных фактов и явлений истории не всегда дает исследователю возможность создания целостной, обобщенной картины развития человечества, выявления из многообразных феноменов реальности их внутреннего смысла, сущности, назначения. В отличие от изменчивых исторических фактов сущность истории неизменна во времени, и ее изучение позволяет не только описать, но и понять ход всемирно-исторического процесса.

В условиях кризиса концептуальных ориентиров современной социальной философии - теории формаций и теории прогресса - в историческом и философском знании обозначился существенный пробел в разъяснении и оценке хода исторического процесса. Отсутствие единой господствующей парадигмы объяснения истории дает наибольший простор для выбора и творческого поиска и вместе с тем, возлагает на исследователя небывалую ответственность за собственное решение глобальных исторических проблем. Такая ситуация заставляет нас анализировать то, что раньше воспринималось как объективная данность, размышлять там, где раньше приходилось только запоминать.

Философия истории в отличие от самой истории стремится к логическому рассмотрению человеческого общества, абстрагируясь от конкретного многообразия и обратив основное внимание на внутреннюю логику всемирной истории, ее сущности, внутренние механизмы функционирования. Она стремится выявить некие общие законы, принципы, которые присущи всех социальным системам, но проявляются по-разному в зависимости от конкретных условий исторического пространства-времени. Если историческая наука это теория среднего уровня абстракции не занимающаяся формулированием законов и категорий, то философия истории – теория высшей степени абстракции, стремящаяся изучить не то, что отличает культуры и эпохи, а то, что их объединяет и связывает.

Таким образом, **философия истории** – это синтез философского и исторического знания, исследующий имманентную логику развития человечества, его законы, внутренний смысл, направленность, проблемы исторического познания, исторического времени и пространства.

Европейская цивилизация выработала три основные формы теоретического отношения к истории: теология истории, философия истории и научная историография. Предметом философии истории является историческое измерение существования человека. Объектом философского рассмотрения является тот или иной отрезок исторической жизни человечества или всемирная история в целом. Задачами философии истории являются:

1. Установление главных причин, факторов истории.
2. Осуществление хронологического и процессуального членения истории (для ее упорядочения и выявления связей между эпохами).
3. Выявление некой фигуры протекания истории.
4. Завершающей задачей является попытка выявления смысла истории и ее цели.

В связи с этим возникают и основные проблемы философии истории:

- движущих сил истории, - проблема, имеющая не только теоретическое но и мировоззренческое значение;
- цели истории (менее научная, скорее опирающаяся на интуицию и прогноз);
- прогресса-регресса и их критериев;
- формационного или цивилизационного членения истории;
- роли личности в истории;
- исторического сознания и познания;
- исторического времени и пространства и т.д.

Философия истории – гуманитарная дисциплина, ставящая целью не только описание процессов и их понимание, но и дающая им оценку, интерпретирующая их смысл, воспитывающая человека, а не только сообщая ему информацию. Ее тесная связь с этикой и аскиологией, ее субъективность и оценочность вызывают немало нареканий со стороны историков. Это особенно обострилось из-за идеологической направленности философии истории марксизма, навязывающей не только законы, но и ценности, нормы исторической науке. Но историк не может быть полностью свободен от философии, не может просто описывать события. Как только он начинает выделять из них главные, находить причины и следствия, определять значение того или иного события он вступает в пределы философии. Как же шло формирование философии истории?

2. Классическая и современная философия истории. Термин «философия истории» был введен в научный оборот в XVIII веке Франсуа Вольтером. Он считал, что историк должен не только в хронологическом порядке излагать факты, описывать их, но и философски истолковывать

исторический процесс. Хотя термин появился только в XVIII веке, философско-исторические проблемы волновали многих более ранних мыслителей, начиная уже с античности. Гесиод, Лукреций, Августин, ибн Халдун и др. пытались осмыслить исторический процесс и его смысл. В Новое время наибольший вклад в философию истории внесли И.Г. Гердер, который определил философию истории как самостоятельную дисциплину и Г.В.Ф. Гегель, который трактовал историю как самовыдвижение и развитие разума, цель которого – максимальная свобода. Он представил историю как диалектический процесс, бесконечные преобразования в направлении свободы и воплощения рационального, всеобщего в историческую практику. В XX веке Г. Риккерт выделил три главных направления в философии истории: обобщение исторического процесса, отыскание смысла и методологию исторического познания.

В России наиболее крупные представители философии истории – А. Хомяков, Н. Кареев, А. Герцен, Герье, Л. Карсавин, Н. Бердяев, С.Франк, В. Плеханов, В. Ленин. Например, Л. Карсавин отмечал, что философия истории есть своего рода «суд над историей», подчеркивая высокую роль оценивающего, аксиологического аспекта в этой отрасли знания. Н. Бердяев, отвечая на вопрос о том, что такое для него философия истории России, писал: «Это не то, что думают о России те или иные люди. Это то, что думает о ней господь Бог». То есть философия истории призвана понять, какое назначение имеет история человечества или России в земном бытии и в чем его миссия.

В современной западной философии истории можно условно выделить два направления: онтологическое и гносеологическое.

- Онтологическое (О. Шпенглер, А. Тойнби, П. Тиллих, К. Ясперс и др.). Его представители главное внимание обращают на исследование бытия исторического процесса, смысла истории, социального прогресса, направленности истории, ее форм. Их цель прояснение общего плана истории, определение основных исторических типов и их взаимосвязей.
- Гносеологическое (В. Дильтей, Г. Зиммель, Дж. Коллингвуд, Ф. Бродель, Р. Арон, Л. Февр, П. Нора и др. полагают, что предмет философии истории – логико-теоретические и методологические проблемы исследования исторического прошлого, теоретическая реконструкция этого прошлого и установление истинности исторических фактов. Это направление также называют «критической» философией истории.

3. Проблема прогрессизма и плюрализма. Теперь обратимся к рассмотрению наиболее дискуссионных проблем философии истории современности. Прежде всего, это проблема направленности и форм развития истории (прогрессизма и плюрализма). История XX века не

оправдала надежд просветителей, рационалистов и коммунистов о достижении человечеством общества свободы и справедливости. Идеи прогресса стали избегать сначала в западной философии, а с крахом социализма и в России. Однако следует заметить, что ряд выдающихся мыслителей XX века остаются верными этой теории, например, К. Ясперс, П. Тиллих, В. Вундт. В тоже время в начале XX века на смену этой парадигме, берущей истоки в христианстве, приходят теории «исторического круговорота» (наиболее яркие представители – Н. Данилевский, О. Шпенглер и А. Тойнби), которые были популярными вплоть до 60-х гг. этого века. История представлялась как многомерный процесс, широкое поле, в котором каждая «культура» («цивилизация», «общественно-исторический организм») идут своей дорогой то к расцвету, то к упадку. Подобные теории, как правило, мало внимания уделяли вопросам взаимодействия народов и по мере того как усиливались процессы интеграции мировой экономики, а затем вступления человечества в стадию глобализации во многом утратили свой приоритет. Кроме этого наметились новые концептуальные парадигмы в науке в целом, постнеклассический тип мышления, который проявился и в философии истории. Возникший в конце 1969 г. постмодернизм, становится еще одним фактором, повлиявшим на процессы, происходящие в философии истории. Постмодернисты подвергли критике основные объясняющие парадигмы и концепции, главными среди которых оказались монизм и прогрессизм. Идея целостности, единства была изгнана из науки как несостоятельная. Ее место занял «форсированный плюрализм». Каждый процесс, каждый объект мира стал рассматриваться как самостоятельный и незапрограммированный. Мир стал пониматься как множество не сводимых друг к другу линий или измерений. Главной становится установка на принципиальной разнообразии форм развития и познания. Постмодернизм объявил, что на место единой человеческой истории приходит становление как самодостаточный процесс. Реальны только фрагменты, события истории, но единого, непрерываемого исторического процесса, тем более прогресса не существует. Прошлое и будущее сливается с настоящим и существует только в сознании субъекта. Макс Мюллер называет историей «такую взаимосвязь действий, которая ведет к возникновению созданного мира, соответствующего ограниченной во времени группе людей». При таком подходе не существует истории и смысла в единственном числе, а значит и истории человечества. На смену принципу круговорота, культурных (цивилизационных) типов (организмов) приходит принцип «ризомы». Этот термин был заимствован из ботаники. Ризома – тип коневой системы, не имеющей единого стебля, выступающей как множество беспорядочно плетущихся отростков, побегов, которые

развиваются во всех направлениях. Таковой предстала в постмодернизме и история человечества. Для нее нет четких ориентиров и она лишена какой либо цели кроме самой Жизни. Для историка, изучающего мир как множественность, плюрализм форм выражения тоже не может иметь четких правил. Такое видение, по словам Жака Делеза, позволяет непрерывно умножать грани исследуемой реальности. Сочетание постмодернизма с принципами синергетики, утверждающей хаосомный, неопределенный, нелинейный вариант развития саморазвивающихся систем (таких как природа и общество) окончательно утвердило новое видение истории. Его слабыми сторонами являются: излишний негативизм, хаотический плюрализм, релятивизм (что отмечает проф. А. Панарин), потеря духовной связи между поколениями, потеря одного из вариантов смысла жизни предков в памяти и истории потомков, игнорирование роли системы, целостности несводимой к сумме ее частей, потеря единых нравственных оснований. Однако можно назвать и достоинства этой парадигмы: отстаивание ценности разнообразия мира, демократизм, либерализм, признание свободы человека по отношению к объективным процессам, расширение кругозора исследователей, учет самоидентичности, возвышение ценности индивидуальной жизни, равноправия всех, даже малых культур. Однако концепция постмодернизма на рубеже XX-XXI века оказалась перед новой грандиозной проблемой – мир становится единообразным, народы смешиваются, мигрируют, забывают собственные языки и выравниваются в некую космополитическую всемирную нацию – начинается процесс глобализации.

4. Дихотомия «Запад-Восток» и процесс глобализации.

Глобализационные проблемы оказались сегодня в центре внимания всех исследователей, сценарии процесса объединения народов различны и от того, какой из них окажется победившим зависит и будущее человечества. После утверждения принципов демократизма и плюрализма мир уже не сможет вернуться к европоцентризму или американскому типу как единственно возможному варианту, что убедительно показал мусульманский мир, не желающий принять концепцию западного либерализма. Вывод Ф. Фукуямы о «конце истории» оказался поспешным. На всемирном философском конгрессе в Стамбуле Ю. Хабермас посвятил свою речь пересмотру принципов И. Канта, не мог в XIX в. учитывать фактор Востока, что сегодня уже принципиально невозможно для западной философии, культуры и политики. Современная философия истории, социология, культурология оказались вынуждены заключить, что дальнейшее развитие человечества зависит не только от Запада, но и от Востока, который следует рассматривать с ним на равных. Развернутая критика европоцентризма, «западного прометеизма» (термин А. Панарина)

способствуют утверждению новой двуполушарной структуры мира. Исследователи разделились на тех, кто обособляет западный и восточный типы культур, рассматривают их как периодически доминирующие и взаимпроникающие, либо как принципиально не различающиеся. Примером первого из подходов можно считать теорию асимметрии сознания примененную к анализу мировоззрений (Арсеньев). Примером второго подхода может служить теория А. Панарина о восточных и западных мегациклах всемирной истории. Так, по его мнению, первая фаза всемирной истории была связана с доминированием восточного мегацикла (шумерская, ассиро-вавилонская, египетская, индийская и китайская культуры). Рождение античности вызвало к жизни новый тип мышления и жизнедеятельности и способствовало утверждению западного духа. Эпоха средневековья вновь – реванш Востока, поскольку христианство, доминирующее в мировоззрении Европы, во многом восточная религия. Новое время, модерн – утверждение технической мощи Запада. Однако развитие технологии и науки способствовало тому, что мир оказался связан едиными проблемами выживания и, следовательно, вынужденным признать ценность других культур. А. Панарин говорил о грядущей новой стадии восточного мегацикла, которая реабилитирует китайскую и индийскую цивилизацию, дополнит их латиноамериканскими и российскими традициями и перспективы таких процессов очень отчетливо просматриваются в наши дни. О необходимости диалога основанного на взаимоуважении и ненасилии говорят сегодня ученые всех стран, и это составляет еще одну чрезвычайно актуальную проблему современной философии истории.

5. Человек в истории: историческая антропология. Еще одной важной проблемой философии истории XX века оказалась проблема человека, субъекта в истории. Тема исторических личностей и их роли в истории традиционно относилась к важнейшим философско-историческим вопросам, начиная с Гердера, Гегеля, Кареева, Бердяева и т.д. В XX в. в центре этой проблемы оказывается не только историческая личность, но и обычный человек из прошлого и тот человек, который изучает историю сегодня. В данной теме можно условно разграничить три направления: проблема человека в истории; проблема автора исторических источников, проблема постижения истории и ее интерпретаций современным читателем.

Впервые к этой проблематике обращаются французские историки, представители известной французской школы «Анналов», названный так в честь выхода нового исторического журнала; первый его номер увидел свет в Париже в 1929 г. Его редакторы Л. Февр и М. Блок призывали ликвидировать разрыв между успехами точных наук и отставанием истории, предлагая расширить проблематику за счет изучения истории хозяйства, техники, экономики и т.д. Но особое внимание обращалось на

изучение «истории чувств и образа мышления эпохи» именно в истории ментальностей представители школы «Анналов» видели суть истории, позволяющей осуществить всеобщий исторический синтез. Все остальные проблемы не уходили из поля исследования, но рассматривались через призму восприятия этих явлений людьми и способов их отношения к миру.

Так возникла **историческая антропология**, особое внимание обращавшая на образ человека в истории и психологическую характеристику социальных и культурных институтов эпохи или страны. В результате событийная история во многом отступает на второй план. При этом впервые в центре внимания исследователей оказались не переломные моменты истории, а эпохи равновесия, «ритмы смены смерти и жизни», в том числе история повседневности: история тела, костюма, питания, детства, сексуальности, безумия и т.д. Поиск мельчайших деталей подтверждал глобальность истории, в центре которой впервые оказался обычный человек и история его повседневной жизни. Представители данного направления Ф. Бродель, Э. Леруа-Ладюри, соединяли методы анализа ментальности с изучением объективных материальных факторов, используя даже математический метод.

Антропологизация истории нашла отражение в повышении внимания к феномену смерти. Этой проблеме посвящена монография Ф. Арьеса «Человек перед лицом смерти», Ф. Лебрена «Люди и смерть в Анжу в 17-18 вв.». Через отношение к смерти изучалось отношение людей к жизни, осмысливалась ее ценность. Живой человек становился базисом истории вместо социально-экономических отношений и технического прогресса. История людей сменяла историю вещей, революционные процессы рассматривались антропологически. В работах ученика Фернана Броделя Пьера Шоню утверждалась идея о том, что не экономика обуславливает человека, а человек экономику, от антропологического фактора зависит экономическая и социальная сферы. Культура, полагал Шоню, тождественна природе человека и европейская история не могла бы быть созданной китайцем или турком. П. Шоню считает ментальность генетической кладовой рода, которая оказывает влияние на ход развития цивилизации, формирует ее тип.

Человек, изучающий историю, также оказался наделен особой ценностью и правами. В историю входит принцип о том, что «каждый имеет право говорить только за себя и от своего имени», каждый имеет право на авторское, личностное видение прошлого и его истолкование. Особый вклад в развитие данной идеи внесла Новая историческая школа Пьера Нора. Ее главной идеей стал антиисторизм. История, полагает Нора, не нужна по чисто прагматическим соображениям, потому что она невозможна. Мы не в состоянии изменить произошедшего, отсюда бесполезны те или иные интерпретации минувшего, они всегда политически окрашены, а человечество не может извлечь из них уроков.

Более актуально понятие исторической памяти, которая относится к настоящему и питается воспоминаниями. История изучает не сами события, а их трансформацию в сознании и памяти людей.

Постмодернисты дополнили эти идеи установкой на принципиальное разнообразие методов познания истории. Отвергая высокие стандарты, авторитеты, рациональные принципы исследования, они, по сути, уравнивали профессионалов с непрофессионалами. Мир распался на множество осколков, и постмодернизм объявил это естественным. Самым эффективным способом познания была признана игра, повышающая чувствительность человека к различиям, прививающая терпимость, разрушающая грань между естественным и искусственным.

Но рождение исторической антропологии имело немало плюсов, поскольку сделало историю живой, интересной не только ученому, позволило ощутить значимость собственной эпохи и своего взгляда в историю.

Философия истории обращается и к другим не менее важным вопросам, позволяя исследователям гуманитарных наук глубже осознать взаимосвязи процессов истории, учесть самые различные (порой поначалу незначительные) факторы, оказывающие активное влияние на ход развития социума. Таким образом, философско-исторический анализ оказывается неотъемлемой частью наук о человеке и его роли в социально-природном бытии и приобретает новые возможности в условиях повышения роли субъекта в современную высоко динамичную, информационную эпоху.

Основные понятия и термины:

Философия истории – синтез философского и исторического знания, исследующий имманентную логику развития человечества, его законы, внутренний смысл, направленность, проблемы исторического познания, исторического времени и пространства.

Движущие силы истории – главные факторы, от которых зависит динамика исторического развития.

Историческая антропология – раздел истории, обращающий особое внимание на образ человека в истории и психологическую характеристику социальных и культурных институтов эпохи или страны

Плюрализм в понимании истории – утверждение множественности, поливариантности путей исторического развития как независимых и равноправных.

Диалог культур – процесс взаимодействия, взаимовлияния различных культурных традиций в целях поиска общих ценностей, универсалий, духовных ориентиров.

Библиографический список:

1. Арон Р. Введение в философию истории./ Философия и общество. 1997. № 2.
2. Баева Л.В. Философия истории: Методические рекомендации. Астрахань: АГУ, 2002.
3. Бердяев Н.А. Смысл истории. М., 1990.
4. Гринин Л. Философия и социология истории: некоторые закономерности истории человечества. Волгоград. 1995.
5. Ивин Философия истории.
6. Ильин Н. Философия истории. М., 2007
7. Коллингвуд Р.Дж. Идея истории. М. 1988.
8. Новикова Л.И., Сиземская И.Н. Русская философия истории. Курс лекций. М., 1997.
9. Февр Л. Бои за историю. М., 1991.
10. Философия истории. Антология. М. 1995.
11. Фукуяма Конец истории? М., 1997.
12. Шпенглер О. Закат Европы. Т.1. М. 1993.

8. ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА И ГУМАНИТАРНОЕ ЗНАНИЕ

(Баева Л.В.)

1. *Особенности культуры в информационную эпоху.* Современная» эпоха, называемая постнеклассической, постиндустриальной, информационной и т.д. эпоха начинается с конца прошлого века. Ее развитие было связано с массовым внедрением ЭВМ, информационных систем в сферу производства, управления и коммуникации. Главной особенностью современной эпохи стало сверхбыстрое развитие научного знания, которое способствовало активному преобразованию природы, социума, человека. Зависимость всех областей нашей цивилизации от роста и ускорения научно-технического прогресса привела исследователей к выводу о том, что главным фактором современной эпохи является не природный или индустриальный, как это было раньше, а, прежде всего, информационно-научный. Поэтому, начиная со второй половины XX века, все больше ученых обращаются к изучению информации как особого явления, сущность которого стала трактоваться весьма широко. Исследования в области новой науки кибернетики способствовали утверждению информации как базовой категории физики и космологии, а также внедрению близких терминов и понятий в другие отрасли науки, в том числе, в гуманитарные знания. Информация становится самым

популярным научным понятием, начиная с 60-х годов прошлого века, вследствие чего во многом вся нынешняя эпоха получила определение как информационная. Возникли совершенно новые области знания, связанные и изучением информации и оценкой ее роли в природе и обществе. Однако прежде чем говорить о своеобразии ценностей информационного общества, необходимо пояснить, что же понимается под информацией вообще, и как описывают информационное общество его теоретики.

В гуманитарных науках и философии интерес к понятию информация привел к формированию теории «информационного общества». Об особой значимости роли информации в современном обществе впервые заговорили теоретики постиндустриализма в 60-е годы XX века (Д. Белл, Дж. Гэлбрейт, З. Бжежинский). Именно в этой концепции наступающий современный этап в развитии наиболее сильных в экономическом отношении государств был назван «информационным» (авторство принадлежит профессору токийского ун-та Ю. Хаяши и Т. Умесао.), приходящим на смену предшествующим индустриальным и аграрным формам организации экономики.

Этот этап в истории человечества описывается как пришедший на смену менее развитым в технологическом отношении. Э. Тоффлер, Д. Белл и другие «первую волну» связывают с сельскохозяйственным этапом развития цивилизации (XVIII века), после промышленной революции наступает вторая - индустриальная «волна», которая завершается к 70-м годам XX века, когда наступает «постиндустриальная волна» или «информационное общество».

Одним из новых феноменов этой эпохи можно назвать формирование *электронной культуры*. Само понятие «электронная культура» еще требует уточнения, дефиниции, однако, очевидно, что как явление ее невозможно свести к чему-либо ранее существующему в истории человечества.

Прежде всего, отметим, что для определения сущности электронной культуры необходимо как позитивная, так и негативная понятийная характеристика, то есть выявление существенных черт и демаркация границ (указания того, чем наш объект исследования не является).

Начнем с того, что к феноменам электронной культуры относятся далеко не все результаты творчества, созданные в современную эпоху. Например, продолжает существовать традиция создания классических произведений искусства (литературы, музыки, театра, живописи и т.д.), появились и новые неклассические феномены культуры (новые религиозные, философские направления, молодежные субкультуры с самыми различными формами самовыражения). Они не относятся к электронной культуре, хотя могут быть связаны с ней технологически

(фильмы могут быть оцифрованы, книги написаны с помощью компьютеров и проч.)

К феноменам электронной культуры мы относим следующее:

- прежде всего, новые формы современной коммуникации: Интернет, электронная переписка, чаты, блоги, форумы, сайты;
- компьютерные игры;
- электронные СМИ (on-line-журналы, газеты);
- анимация, кино, музыкальные клипы, созданные с помощью современных IT-технологий;
- электронные энциклопедии;
- СМС-общение и др.

К чертам электронной культуры, вероятно, можно отнести такие:

- свобода доступа, открытость для членов «информационного общества» (тех, кто обладает электронными ресурсами);
- стихийность, возможность участия в формировании содержания информации из любой точки «информационного сообщества»;
- либеральность, дискриптивность, отсутствие жестких правил, норм (в том числе этических);
- эклектичность, микширование и сосуществование различных стилей, жанров, направлений;
- виртуальность, то есть существование в искусственно созданной реальности;
- клиповость мышления, доминирование визуального над смысловым;
- инновационность, существование через внедрение и постоянное обновление научных разработок;
- технократичность, повышенный интерес «пользователей» к технологии создания и использования феномена, а также проявление данного типа культуры через технические средства (что предполагает рост их значимости);
- развлекательный, игровой характер.

Таким образом, электронная культура представляет собой совокупность результатов творчества и коммуникации людей в условиях внедрения инноваций, информатизации, характеризующихся созданием единого информационного пространства, виртуальной формой выражения, дистанционной технологией.

Формирование и внедрение электронной культуры вызывает значительные изменения в жизни общества, в системе ценностей и формах взаимодействия людей (особенно молодежи, наиболее быстро приобщающейся к этим формам).

Информационный мир породил новые возможности (многократно ускорив и предельно разнообразив жизнь человека) и создал новые проблемы (прежде всего, связанные с виртуализацией сознания). Электронная культура, возникающая в этих условиях оказалась формой выражения и использования данных эпохой достижений: инновации (внедренные научные разработки в области техники и технологии) создали сферу электронных ресурсов, «вирта», нового пространства-времени, языка, форм общения. Подобно тому, как изобретение микроскопа или телескопа открыли исследователям новые миры, изобретение IT-технологий открыли «пользователям» новый «жизненный мир». В этом мире возникли свои законы, свободы и права, свой сленг, свой автор и потребитель, свои формы выражения. В нем большое место занимает игра, развлечения, он уделяет большую роль визуализации и обращен в значительной степени к чувственной сфере человека, он не имеет прежних моральных регуляторов (поскольку виртуален и, казалось бы, не связан с реальными поступками), он предоставляет небывалую ранее свободу, формы для самореализации. Однако самореализация пока не стала основанием для самосовершенствования, электронная культура пока лишь развлекает, но не развивает человека, эту же миссию во многом продолжает играть прежняя классическая культура, постепенно устранимая из общественного сознания. Создание электронной культуры является, по сути, новым видом творчества, после создания «второй природы» – мира вещей, человек создал *«третью природу»* – мир виртуальных феноменов, который является своеобразным синтезом мира сознания и современных высоких информационных технологий. Последствия этого сотворения нам еще предстоит увидеть и оценить.

Главным движущим фактором и товаром нового эпохи в жизни человечества становится информация, значение которой не возможно переоценить. Французский ученый Р. Пассе говорит об этом так: «Сегодня мы подошли к моменту, когда движущая сила развития перемещается из энергетической сферы в сферу информации. Это гигантская революция, которую я готов сопоставить с революцией неолитической»¹. А. Турен называет современное общество программируемым, подчеркивая, что каждый индивидов нем находится в зависимости от анонимного программиста. В таком обществе властвуют компетентные и подчиняют некомпетентных, а главным является доступ к информации.

¹ Мировая экономика и международные отношения. 1989. № 2. С. 62.

Информационное общество имеет особую социальную структуру: управляющий класс – технократическая и бюрократическая элита, имеющая доступ к информации, принятию решений, обладающая значительным виртуальным и реальным капиталом. Большинство общества составляют специалисты в тех или иных областях, которых государство ориентирует в направлении все более узкой специализации и профилизации. Интеллигенция может выступать либо в качестве эксперта (если имеет незначительный доступ к информации), либо переходит в класс управляющих (если этот доступ значительный и его удается претворить в практические проекты).

Своеобразными индикаторами вхождения в стадию «постиндустриализма» специалисты называют следующие:

- наука в качестве определяющей движущей силы общества;
- существенный перевес в пользу практически ориентированных наук, прагматизация науки и образования, кризис развития гуманитарного знания;
- доминирующее значение информации (научного, экономического, социально-политического и др. характера) по сравнению с другими ресурсами (техническими, сырьевыми, людскими);
- внедрение постоянно обновляющихся телекоммуникационных и компьютерных технологий в производство и повседневную жизнь членов общества;
- высокая роль сферы услуг по сравнению с промышленным сектором;
- стандартизация всех основных сфер жизни общества;
- практически всеобщее высшее, узко профильное образование;
- виртуализация образа жизни, коммуникации, творчества и т.д.;
- высокая зависимость от СМИ, «информационных потоков», формирующих сознание большинства;
- наличие единой информационной сети, позволяющей получить доступ к информации из любой точки социальной системы;
- индустриализация деревни, урбанизация и др.

Подобный список можно продолжать долго, поскольку процесс перехода индустриального общества во «что-то иное» осуществляется у нас на глазах.

Но такое общество оказалось далеко не идиллией. Оно стало более технократичным, прагматичным, в нем проявились мощные факторы «зомбирования» населения через СМИ, рекламу, оказалось возможным вмешательство в частную жизнь людей и организаций через взлом их информационных систем и др.

Если западные футурологи 70-х годов изобразили достаточно технократичный проект нового мира, то в отечественной науке и философии звучали хотя и созвучные Западу, но несколько иные настроения. Здесь с начала прошлого века шло формирование и развитие идей «ноосферы», коэволюции», то есть общества, идущего по пути развития экологичной науки (для элиты) и экологического сознания (для большинства). Этот проект, также был ориентирован на подготовку к новому типу общества, в котором природа, человек и высокотехнологичное производство составят единое гармоничное целое. Основой этого единства также понималась информация, которая и должна была заставить человека изменить потребительское отношение к окружающему миру на новое экофильное. В обоих вариантах предполагалось возвышение статуса знания, ученых, формирование некоего «сверхразума», способного управлять новой сверхсложной системой, включающей не только социальную самоорганизацию, но «планирование» в области природно-генетической сферы. Информационное поле в этом смысле рассматривается как связывающее природный мир, общество и человека в целостную систему.

2. Развитие знания в информационную эпоху. Выделим наиболее существенные тенденции в развитии процесса информатизации общества и самого субъекта и носителя информации – человека. Современные процессы трансформации общества показывают, что в ходе эволюции происходит, во-первых, обобщение самого субъекта информации, во-вторых, усиливается его объективация внешними материальными формами жизнедеятельности и, в-третьих, рост количества информации способствует возникновению ее нового качественного состояния, при котором информация способна отчуждаться от своего субъекта и развиваться самостоятельно.

Первый из этих выводов связан с процессом все большего обобщения самого знания и формированием единой системы его выработки. Новые знания, несмотря на авторские права их создателей, представляют собой результат совокупной интеллектуальной и практической деятельности целого общества и объединяют в себе многочисленные ряды предшествующих наработок. Уровень и сложность самой информации и скорость ее изменения не соответствуют биологическим способностям отдельного индивида и его сознанию, они предполагают иного – совокупного субъекта, который на определенном

этапе ее развития еще соответствует этим параметрам. Однако в будущем, судя по темпам развития информационного поля, возникнет необходимость совершенствования и этого совокупного, целостного субъекта знания, так как его способности то же весьма ограничены. Если на этот Вызов бытия будет найден Ответ эволюцией человека, то следующая эпоха будет иметь действительно качественные (а не только количественные) отличия от предыдущей. Если эволюционный Ответ окажется невозможным или неадекватным, общество встанет перед необходимостью искусственно затормозить скорость развития информации, и сохранить «устойчивость» развития. В случае неспособности контролировать скорость информационных изменений, общество, возможно, окажется перед лицом качественно нового кризиса. Возможен также и третий сценарий, когда управление сверхмощными, предельными для человека информационными потоками будет осуществлять «искусственный разум», что также не исключает, а напротив порождает множество этических и социальных проблем.

Второй аспект связан с процессом все большей объективации субъекта информации материальными факторами. Тот факт, что развитие информации связано в первую очередь с научными исследованиями, вызывает как надежды, так и опасения. Надежды возникают в силу того, что субъектом информации выступает в основном образованная, высоко интеллектуальная личность, что повышает нравственное, ценностное назначение и смысл знаний. В то же время в эпоху потребления, переживаемую ныне человечеством развитых стран, наука ориентирована прежде всего на решение практических задач, извлечение прибыли, невзирая на этическую сторону исследований и открытий. В этом случае резко увеличивается возможность формирования потока знаний, который будет обладать (и уже обладает) деструктивным и даже аморальным смыслом, и становятся источником опасности для жизнедеятельности людей и природы в целом. Определенность и бездуховность содержания информации становятся важнейшей проблемой современности, выход из которой ученые и философы связывают с необходимостью неопременного включения аксиологического фактора в научные исследования не только в гуманитарных, но и иных областях производства информации.

Третий вывод связан с анализом научного и философского знания как объективного бытия, которое, формируясь субъективно, постепенно вырастает в надиндивидуальный феномен. Информация становится явлением, в котором субъект утрачивает свою активную роль после выхода знания во внешний мир и его соединения с другими потоками фактов и открытий. Контроль над единичной информацией возможен, но управление ее лавинообразным потоком не соответствует способностям единичного источника. При этом информация становится

самостоятельным почти автономным явлением, которое само способно контролировать отдельного индивида или даже общество. Так открытия в области атомной физики подчинили общество необходимости постоянного противостояния возможности локальной или глобальной ядерной катастрофы. Современный уровень развития информационного поля свидетельствует о его отчуждении от субъективного источника, что имеет следствие ряд фактов. Во-первых, утрачивается индивидуальное, творческое начало в формировании информации, возрастает ее объективность и опредмечивание. Во-вторых, субъект информации, не обладающий контролем за ее развитием, утрачивает свободу собственного творчества и, в худшем случае, собственной жизнедеятельности. Вместе с тем, дальнейшая эволюция бытия связана именно со способностью объектов к передаче и использованию информации. Именно этот фактор становится определяющим как в духовной, интеллектуальной, так и в экономической и биологической сферах. Способность человека не только считывать, понимать, но и изменять и корректировать информацию (в том числе и генетическую) может стать условием возможного качественного скачка в поступательном развитии (или возвращением к хаосу) человечества и природы на нашей планете.

Главной ценностью новой эпохи становятся не только знания, но и Информация – как знание, имеющее обезличенный характер. По определению В.А. Звягинцева, напомним, «информация – это знания минус человек»¹.

Чем же различаются знание и информация? По мнению, И.А. Негодаева значение информации выявляется, когда она помещается в определенный контекст². Так, слово на иностранном языке сообщает определенную информацию, но не имеет смысла (значения) если мы не знаем этого языка. При этом, отмечает И.А. Негодаев, следует отличать информацию от данных и знания. К данным относят сведения, служащие для какого-либо вывода и возможного решения. Они могут храниться, передаваться, но не выступать в качестве информации. Понятие «данные» отражает совокупность не связанных между собой фактов, которые могут быть превращены в информацию путем их анализа, выявления связей, вычленения наиболее важных фактов и их синтеза. Поэтому информация содержит больше ценности, чем данные. Информация – это данные, преобразованные в значимую форму для их целесообразного использования. В свою очередь информационные блоки могут путем соответствующей обработки превращены в целостный корпус знаний³.

¹ Звягинцев В.А. Компьютерная революция: проблемы и задачи. // Вопросы философии. 1987. № 4.

² См. Негодаев И.А. На путях к информационному обществу. Ростов-на-Дону, 1999.

³ См. там же.

Однако не всякая информация выступает и в виде знания. Часто понятия «информация» и «знания» просто отождествляются, утверждается, что знание есть «информация об окружающем мире и самом человеке..., некий информационный результат познавательного процесса..., зафиксированная информация, которая с различной степенью достоверности и объективности отражает в сознании человека объективные свойства и закономерности изучаемых объектов, предметов и явлений окружающего мира»¹. С подобными суждениями трудно однозначно согласиться.

С одной стороны, понятие информации шире понятия знания. С позиции атрибутивного подхода, информация является свойством не только человека – носителя и субъекта знаний, но и иных систем (прежде всего «открытых», самоорганизующихся). Информация в этом случае есть всеобщее свойство материи, проявляющееся, в том числе, и в кибернетических коммуникативных процессах. Знание же есть результат познавательной деятельности человека (человечества), система приобретенных понятий о действительности. Таким образом, не всякая информация содержит знание. Прежде всего – это информация, которая прошла ряд преобразований, зафиксирована и выражена в языке (звуковом, жестов, рисунка и др.).

Знание, как идеальное выражение в знаковой форме объективной и субъективной реальности, в отличие от информации является личностным человеческим феноменом, оно существует лишь в субъективной форме (хотя и его субъект стремится к «объективности»). Информация же существует не только в субъективном выражении (форме знания), но и объективно, она может отчуждаться от непосредственного создателя и закрепляться в других материальных носителях (например, гены живых существ, годовые кольца на деревьях, состав метеоритов, геологических объектов и др.). Таким образом, информация всегда носит обще природный характер, знание же всегда связано с личностью его создателя².

Итак, современный мир отличает перенос ценности Знания на ценность Информации, которая имеет более глобальный, всеохватывающий смысл, многократно умноженный возможностями компьютерной революции. Информация, как субстанциональная способность бытия к сохранению и передаче (во времени и посредством развития) главного содержания процессов существования и взаимодействия обладает рядом свойств, к наиболее важным из них ученые относят следующие:

- связь с носителем (материальным или идеальным);

¹ Современный философский словарь. Изд. 2-е. Лондон -М., 1998, с. 299

² См. Негодаев И.А. На путях к информационному обществу. Ростов-на-Дону, 1999.

- целостность, системность (т.е. содержащаяся в каком-либо сообщении информация не является арифметической суммой составляющих это сообщение элементов и что эти элементы можно располагать в любой последовательности);

- манифестационный характер (т.е. информация – это выражение внутреннего своеобразия объекта, сообщаемое внешнему миру);

- дискретность (единицами информации как средствами выражения могут быть слова, предложения, высказывания и т.д.);

- независимость от источника (например, древние языки сообщают о народах и культурах, которые уже перестали существовать);

- старение (основной причиной старения информации является появление новой информации, более точно и полно отображающей явления и закономерности мира);

- альтернативность использования (многовариантность способов включения информации в связи между объектами);

- инвариантность (одна и та же информация может быть сообщена различными способами передачи, различными языками, используя отдельные свойства ее носителя);

- возможность кодирования, перекодировки и дешифровки;

- ценность (существенность содержания сообщения для адресата).

Основными элементами информационного процесса при этом принято считать: 1) источник информации (адресант), обладающий определенными средствами передачи сообщения; 2) то, что сообщается или содержание информации; 3) реципиент, адресат, аудитория, получающая информацию.

Признание объективного существования движущейся информации, отражающей состояние и свойства движущейся материи, приводят к понятию «информационного потока». Для идентификации информации, содержащейся в информационном пространстве, требуется физическая связь между реципиентом и пространством. Эта связь реализуется информационным потоком – движением частиц или волн, несущих инвариант отражения в виде информационного кода. Информационное поле отражает непрерывность движения материи, поэтому оно пронизано информационными потоками, которые, тем самым, способствуют эволюции этого поля, закономерно регулируя течение природных процессов.

Как способность, относящаяся к природе в целом, информация выступает предпосылкой существования процессов сознания и познания и в этом случае можно говорить о ней как онтологическом феномене, имеющем ключевое ценностное значение. Передача информации

приобретает смысл при условии возможности ее дальнейшего прочтения и использования. Извлечение информации, таким образом, выявляет ее ценность, которая состоит в сохранении и развитии уникальных, разнообразных возможностей проявления бытия. Сама уникальность и исключительность многообразия проявления бытия в свою очередь также связана с неоднородностью распределения материи, энергии и информации в пространстве и времени, их различной активностью в тех или иных условиях. Субъектом информации как ценности выступает ее источник, с одной стороны, и приемник, с другой, так как последний и придает ей значимость для собственного существования. Таковым может быть не только человек, способный истолковывать коды и смыслы объектов, но и другие формы жизни, обладающие воспринимательной способностью. Развитие способности отражения в этом смысле может быть представлено как эволюция информационной способности природы, результатом чего явилось появление человеческого общества, где произошло резкое возрастание целенаправленного производства, скорости передачи и восприятия информации. В ходе этого эволюционного процесса, и в этом следует согласиться с Л.Ф. Абдеевым, происходили переходы от естественно возникших информационных структур неорганической природы к естественно возникшим структурам органической природы и затем, к искусственным информационным структурам, созданным целенаправленной деятельностью человека.

Высшая онтологическая ценность информации состоит с одной стороны, в том, что она выступает источником и основанием всех многообразных феноменов бытия, причиной их способности к изменению и самостановлению. И с другой, в том, что она является единым полем взаимосвязи всех элементов мироздания не только в настоящем, но и тех, что существовали прежде и тех, которые только смогут существовать в будущем. Естественная информация, присущая всем формам бытия, выступает причиной их направленного развития, связанной с усложнением и накоплением своих форм, несмотря на свой реляционный характер. Искусственная информация, возникающая вследствие деятельности человека и машин, потенциально способна к более быстрому и продуктивному саморазвитию, но реально оказывается зависимой от воли субъекта, его ошибок, что повышает энтропийность и возможность деструктивных процессов. Информация, будучи выражением связи между отдельными поступательно расположенными формами бытия, оказывается источником сохранения преемственности между ними, тем наиболее значимым качеством, которое способствует не только отрицанию старого новым, но и диалектическому снятию, на основе удержания предыдущего содержания. Единичное, уникальное посредством способности к передаче информации, таким образом, то же осуществляет стремление к устойчивому вечному существованию. Предавая субъективные свойства и

признаки посредством информационного диалектического синтеза, каждый из объектов выходит из своей ограниченности в настоящем в безграничное присутствие во времени в целом.

Новое информационное общество имеет качественные отличия от предыдущих эпох, прежде всего, в том, что в его основе лежит не материальный, а идеальный фактор. Знание впервые за всю историю человечества приобретает высший статус и оценку, что позволяет надеяться на позитивное разрешение множества проблем, порожденных новой эпохой. Происходит переоценка многих ценностей – от духовно-культурных до материально-экономических, переход от стремления количественных показателей экономического развития к улучшению качества жизни, устойчивому развитию и экологической безопасности, постепенные сдвиги от выпуска массовой стандартной продукции к производству индивидуальных товаров и услуг для личного потребления, интеллектуального продукта, к созданию научно-технических комплексов за счет сокращения доли промежуточного продукта топливно-сырьевых отраслей¹. В тоже время происходит возвышение не только знания, но и информации как безличного объема сведений об объектах, которые могут быть использованы человеком для укрепления своего статуса в мире. По мере того как информация начинает играть доминирующую роль значение субъективного, «человеческого», связанного с сознанием (а следовательно с эмоциями, чувствами и пр.), то есть с этико-эстетическим восприятие – вытесняется. Оперирование «информацией» - деятельность «чистого разума», в которой окончательно устранены все морально-оценочные составляющие. Эта деятельность – продукт работы машины (ЭВМ) или человека как машины. Как следствие, значительная часть рутинной вычислительной деятельности переносится в сферу компьютерных компетенций. Однако этим данные процессы не ограничиваются. Компьютер становится аналогом человека даже в творческих видах деятельности: сочиняет музыку, пишет романы, играет в шахматы и т.д. Человек же в свою очередь становится подобным компьютеру: «скачивает», хранит и передает информацию, подключается к источникам питания и мировой Сети для их использования, взаимодействует с другими системами для обновления опций и т.д. Личная ответственность уменьшается по мере того как субъект информации становится все более массовым, творческая уникальность уступает место стандартизации и всеобщему «высокому качеству» продукции. Перенос акцентов оказывается существенным в мировоззренческом отношении: Истина уступает место Знанию, а затем вытесняется Информацией. Сфера познания становится из элитарной становится массовой, а вместе с этим

¹ См. там же.

устраняются и моральные регуляторы, отличающие элиту носителей знания в прошлых столетиях.

3. Проблема «массовой культуры и массового общества».

Современное общество определяется исследователями гуманитариями как «массовое», что оказывает влияние на развитие культуры и личности. В трудах современных ученых и философов «массовой» называют такую социально-политическую структуру, в которой человек нивелируется, становится безликим элементом социальной машины, подогнанным под её потребности, ощущает себя жертвой обезличенного социального прогресса.

Непосредственными предшественниками теорий массового общества были Фридрих Ницше, утверждавший, что в современном обществе (накануне XX века) главную роль играет безликая масса, «стадо», которое преклоняется перед всем заурядным. Г.Лебон и Г.Тард разработали концепцию психологии масс, также внеся вклад в формирование будущей теории. Первым целостным вариантом теорий массового общества был её вариант, изложенный в книге Хосе Ортега-и-Гассета «Восстание масс». Вместо того, чтобы следовать за *элитой* (для Ортега-и-Гассета это норматив социально-политической организации), массы рвутся к политической власти, хотя не обладают способностью управлять обществом, они пытаются вытеснить элиту из её традиционных областей - политики и культуры, что является причиной катаклизмов XX в. В 1940-1960-е возник либерально-критический и леворадикальный варианты теорий массового общества, которые приобрели значительную популярность в широких кругах западной интеллигенции.

Для теорий массового общества характерен перенос понятия "масса" на общество в целом, как описание функционирования общества по способу поведения "массы" (отождествляемой с толпой).

Для них свойственно осмысление включённости масс в структуру производства, потребления, политической и культурной жизни современного общества. Массовое общество рассматривается как неизбежное следствие индустриализации и урбанизации, которые оторвали общество от «доиндустриальных структур», разрушили «промежуточные отношения» (общину, цех). Основой массового общества теоретики называют массовое производство стандартизированных вещей и манипулирование вкусами и взглядами людей.

Современные средства массовых коммуникаций дали элите невиданные ранее средства идеологической обработки масс. Структура массового общества позволяет низводить личность до положения марионетки, поведение которой полностью «запрограммировано». Она

ощущает себя жертвой обезличенного социального процесса, не осознаёт утраты творческого, человеческого содержания своей жизни, превращаясь в «работающего зверя» (термин М. Хайдеггера) или «веселого робота» (Р. Бредбери). Теории массового общества стремятся объяснить противоречия между личностью и социально-политической системой в современном обществе. Культурный уровень, объём информации, техническая оснащённость труда и быта человека значительно возросли, его общественные связи стали многограннее. Но вместе с тем человек всё более ощущает свою беспомощность перед лицом чуждой ему и неумолимой социальной силы, перед беспощадными законами социально-политической организации. В теориях массового общества это противоречие осознаётся как безысходная трагедия личности. Сторонники теорий массового общества показывают иллюзорность традиционно отстаивавшихся западными идеологами индивидуалистических ценностей перед лицом чудовищного развития социально-политических организаций, которые стремятся к тотальному контролю над личностью.

Наиболее заметные изменения происходят в культуре массового общества, поскольку его субъектом становится не личность, а «массовый человек». Каковы же его основные черты?

Прежде всего, в основе этой специфики, и это отмечал уже Ортега-и-Гассет, лежит замкнутость души массового человека. Дело в том, что человек массы считает себя совершенным, он никогда не сомневается в своем совершенстве, его вера в себя поистине беспрецедентна. Замкнутость души лишает его возможности познать свое несовершенство, так как единственный путь к этому познанию - сравнение себя с другими; но тогда он должен хоть на миг выйти за свои пределы, переселиться в своего ближнего. Душа заурядного человека неспособна к таким упражнениям. Однако человек массы совсем неглуп. Наоборот, он действительно гораздо умнее, гораздо способнее, чем все его предки. Но эти способности ему не впрок: сознавая, что он обладает ими, он еще больше замкнулся в себе и не пользуется ими.

Конечно, никто не оспаривает тот факт, что новые средства культурной коммуникации освободили человека от бремени изнурительного физического труда, предоставив ему возможность открывать новые источники ощущений, познавать мир, заниматься самосовершенствованием. Остается фактом, что моральное согласие и государственный порядок, соблюдаемые большей частью взрослого населения, были достигнуты только в массовом обществе. Для этого общества характерны индивидуализм, готовность к приобретению опыта, расцвет чувств и чувствительности, уважение к деятельности другой личности. Оно развило в индивиде способность познавать явления, понимать их значение и давать моральные оценки. Во многих сферах

жизни люди стали гораздо свободнее в выборе, и этот выбор уже не обязательно подсказан традициями, авторитетом. Все это не означает, однако, что индивидуальность в том виде, какой она приобрела в массовом обществе, существует повсюду. Директор центра по культуре и технологии при университете в Торонто профессор Маршалл Маклюэн в интервью мексиканскому журналу «Сьемпере» заявил: «Личность, частное в мире исчезают... У человека массы его нет. Человек массы находится в огромном всемирном театре, словно на международной встрече по бейсболу. А когда вы смотрите партию по бейсболу, вы - никто... Поэтому человек массы находится одновременно повсюду, но он человекообразный никто».

Массовая культура - сложный социально-культурный феномен, характерный для массового общества, возможный благодаря высокому уровню развития коммуникационно-информационных систем, высокой степени урбанизации и индустриализации. Она характеризуется высокой степенью отчуждения индивида, потерей индивидуальности, подменяемой эгоизмом. Для массового общества - среды функционирования массовой культуры, присуще крайнее отчуждение индивида, его «заброшенность», трудность его истинной социализации, общения и творчества, что подменяется стандартными моделями потребления, которые и навязывает массовая культура, предлагая свои усредненные модели включения человека в социальные механизмы. Таким образом, создается «замкнутый круг»: отчуждение - заброшенность - иллюзии массового сознания - модели усредненной стандартной социализации - потребление - отчуждение. Развитие техники, превращающееся в самоцель на стадии массового общества, по мнению Ж. Эллюля, уничтожает традиционные ценности всех обществ, создает единую выхолощенную культуру. Она лишает человека свободы и уродует его духовный мир. Происходит распад системы ценностей современного общества, что, с другой стороны, по мнению Э. Фромма, ведет к абсолютизации технического и нивелированию ценности человеческого бытия.

4. Роль СМИ в массовой культуре. Развитие средств массовой коммуникации (телевидение, Интернет, пресса) отражает существенные сдвиги в механизме действия современной культуры. Внедрение новых информационных связей и компьютеризированных сетей ярко показывает, что печатная и электронная продукция с каждым днем охватывает все большие и большие слои общества. Но это электронное многообразие возникло не на пустом месте, - основы закладывались столетиями, усилиями многих народов. Видеоаппаратуру начали создавать на наших глазах, а первые идеи механизировать вычислительный процесс появились еще в XVII веке. В настоящее время в США и Западной Европе информация и информационные технологии стали главным товарным

продуктом экономики. В условиях массового общества СМИ начинают играть особую роль: власть принимает форму манипуляции массами посредством массовых коммуникаций.

Спецификой современного «массового общества» в отличие от его аналога в индустриальную эпоху является значительная свобода личности, которая не только испытывает манипуляции через СМИ со стороны власти, но и получает большие права гражданам. Информатизация предоставила значительную свободу для получения информации, которую нельзя недооценивать, то, что раньше было доступно только дозировано и только для специалистов, стало достоянием широкой общественности. Политикам, бизнесменам, общественным деятелям приходится считаться с тем, что их поступки уже не являются конфиденциальными, сразу же вызывают резонанс в обществе. При этом качество информации и передаваемых СМИ сведений резко снизилось: она полна плагиата, непроверенных, не подтвержденных фактов. Свобода слова, декларативно существующая в развитых государствах, фактически реализуется далеко не везде, яркие примеры тому, страны бывшего СССР, где политическая свобода все также осталась ограниченной рамками, определяемыми господствующей партией.

Западный мир, хорошо знакомый со свободой слова и политического выбора ищет новых «степеней свободы», в том числе от любых авторитетов и табу. Хорошо известны скандалы, вызванные публикацией статей, содержащих оскорбления в адрес мусульман или представителей иных конфессий. Их авторы и защитники видят в возможности поместить в СМИ, например, карикатурное изображение пророка или монтаж из цитат Корана и проведенных экстремистами терактов, воплощение свободы выражения своего Мнения. Но какова цена этой свободы, готовы ли они к тому, чтобы она стоила чьей-то жизни? Является ли свобода высшей, абсолютной ценностью? Если это так, то могут быть оправданы любые оскорбления и обвинения. Если нет, то что является более важным для человечества: мир, жизнь, истина? Эти вопросы далеко не просты. Для классического и традиционного общества однозначно свобода не может быть абсолютом, он лишь средство, которое можно употреблять в определенных мерах. Для современного общества информационной свободы запретов и табу практически не осталось. В этом и кроется одна из главных опасных его тенденций. Риски и нестабильность, даваемые достигнутой свободой, многократно возрастают и приводят систему к неустойчивости, хроническому кризису, бифуркации. В любой момент развития такой системы возможно появление нового фактора, способного разрушить хрупкий мир и договоренность о согласии.

Информатизация, с одной стороны, усилила свободу, с другой - вызвала новые формы несвобод. Человек получил доступ ко многим

информационным источникам, осуществил возможность неограниченного временем и расстояниями общения, включения в любые сообщества, проекты, движения. С другой стороны, он оказался под мощным воздействием СМИ, рекламы, различного рода агитации, психологического воздействия, осуществляющих манипуляции его сознанием и выбором. Современному человеку, как это показал Э. Фромм, уже хочется бежать от свободы, поэтому он легко отказывается от ее даров и вступает на приготовленный кем-то путь. Правда, другой философ, Ж.П. Сартр, отмечал, что выбор всегда будет преследовать нас, даже если нам кажется, что мы укрылись за какой-то «традицией» или «попали под влияние толпы». Это и означает - «человек осужден быть свободным». В каждом из случаев независимо от информационных потоков, политических систем и уровня жизни человек выбирает себя и свой путь сам. Максимум свободы предполагает высокую ответственность и мораль, развитие которых по-прежнему зависит от гуманитарных наук и образования.

Основные понятия и термины:

Электронная культура - совокупность результатов творчества и коммуникации людей в условиях внедрения инноваций, информатизации, характеризующихся созданием единого информационного пространства, виртуальной формой выражения, дистанционной технологией.

Массовая культура - социально-культурный феномен, характерный для массового общества, характеризующийся высокой степенью отчуждения индивида, потерей индивидуальности, стандартизацией образа жизни, при котором личность становится безликим элементом социальной машины, подогнанным под её потребности,

Библиографический список:

1. Акопян К.З., Захарова А.В и др. Массовая культура: учебное пособие. - М.: Альфа. - 2004.
2. Бердяев Н. Царство Духа и царство Кесаря. М: АСТ. – 2006.
3. Грицанов А.А. Новейший словарь постмодернизма. Минск: Современный литератор . – 2007.
4. Ионин Л.Г Масса и власть сегодня // Вопросы философии. - 2007. - №3. – с.3-15
5. Каган М.С, Солонин Ю.Н. Культурология учебник. – М.: Высшее образование. – 2005. Лэш К Восстание элит. М.: Прогресс. – 2002.
6. Маркузе Г. Одномерный человек. М.: АСТ. – 2003.
7. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М.: Ермак. – 2005.
8. Суворов Н.Н. Элитарное и массовое сознание в культуре постмодернизма. СПб., 2004.

9. Федяева Т.А Масса и карнавал // Вопросы философии. -2007. - №3. - с44-50
- 10.Флиер А.Я. Культурология для культурологов. - М.: Деловая книга. – 2002.
- 11.Фрейд З. Психология масс и анализ человеческого «Я». М.: Прогресс. – 2005.
- 12.Фромм Э. Бегство от свободы. М.: АСТ. 2007.
- 13.Ясперс К. Бодрийар Ж. Призрак толпы. М.: Алгоритм. – 2007.

ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ

1. ПРОБЛЕМА ЖИЗНИ: ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

(Л.В. Баева)

1. Своеобразие проблемы жизни в философии. Своеобразие современной постановки философской проблемы жизни связано как с осознанием ее хрупкости и незащищенности перед реалиями меняющегося мира, порождающего новые войны и экологические трагедии, так и с пониманием возможности ее многократного возвеличения и совершенствования посредством развития науки и биотехнологии. Однако статус жизни в моральном и правовом аспектах во многом остается неопределенным, что и вызывает бесчисленные споры и дискуссии о правомерности и допустимости тех или иных научных проектов, связанных со здоровьем и самим существованием человека. Кризис безоценочной науки, стремящейся к открытию объективной истины о природе вещей и явлений, наиболее остро обнаружился с середины XX века, когда результаты фундаментальных исследований в области физики, химии, генетики, кибернетики привели к открытиям, способным уничтожить цивилизацию и жизнь на планете. Дальнейшая эволюция знаний должна быть, вероятно, связана не только со стремлением, внести разумное начало в природу, но и с привнесением нравственного основания в саму науку. В этой связи перед исследователями возникают проблемы ценностного анализа не только социальных, но и гносеологических процессов, а также пристального изучения ценностей индивидуального и общественного бытия как ориентиров жизнедеятельности цивилизации. Одной из важнейших среди проблем, подлежащих ценностной рефлексии, является проблема жизни как онтологического основания духовной и социальной реальности.

Несмотря на то, что «жизнь» является понятием биологическим, а не онтологическим, именно она выступает воплощением бытия человека во внешнем мире и мерой его исполненности. Но является ли жизнь ценностью индивидуальной или принадлежит роду и всеобщему мирозданию? Относительна или абсолютна ее ценность? Что именно в жизни делает ее ценностью? Может ли быть альтернатива жизни положительно ценной? Ответы на эти и другие вопросы не ограничиваются теориями философии жизни или экзистенциальной метафизики, их поиск продолжается в современную нам постнеклассическую эпоху в силу того, что ответы на них способны повлиять уже не только на мировоззрение общества, но и на его бытие.

Сравнение культур различных цивилизаций и эпох свидетельствуют о бесконечном многообразии мира ценностей человека. Но, вероятно, чем более простыми являются ценности, тем больше людей их разделяют. Биологические, витальные ценности, традиционно имеющие, по мнению представителей духовной элиты, достаточно низкую оценку в силу их естественности, во многом выступают тем выражением всеобщего, которое свойственно и миру должествования. Простота инстинкта или воли к жизни заставляла многих мыслителей доказывать ее абсолютную ценность для природы, но не достаточную - для человека. Духовная и эстетическая философия сделали немало для того, чтобы показать обособленность человеческого существования в природе, которая, в частности, выражается в способности оценивать жизнь не только с позиции биологического организма.

Наиболее ярко это стремление продемонстрировал А. Шопенгауэр, утверждавший, что подлинное духовное существование наступает после победы над волей к жизни и ее явлениями. Как ни парадоксально, но после этого вывода проблема жизни приобрела модный оттенок и оказалась в центре внимания философских исканий. Обоснование жизни как особой ценности в мироздании происходило параллельно с кризисом рационализма и технократических идеалов. К примеру, главным по значению качеством жизни, по мнению А. Бергсона, выступало развитие индивидуального, неповторимого, творческого начала, постигаемого интуитивно, но не рационально: «Наша мысль в чисто логической форме не способна представить себе действительную природу жизни, глубокий смысл эволюционного движения»¹, «в то время как интеллект трактует все вещи механически, инстинкт действует, если так можно выразится, органически»². Таким образом, низкую оценку феномена жизни Бергсон, а вслед за ним Дильтей и Зиммель, объяснили ее узким и даже деструктивным рационалистическим видением. Они в свою очередь предложили собственное интуитивное истолкование жизни, показав ее исключительную ценность, не только как истинного бытия, но и как истинной цели.

Безусловно, интерес к понятию жизни на рубеже XIX-XX веков не был новым, но он оказался достаточно острым и своевременным. Во многом его можно расценить как переживание этапа перехода к новому качественному состоянию общества, где с одной стороны, человек становится «массовым», а с другой все больше сближается с техникой. Духовная атмосфера начала XX века уже испытывала на себе влияние напряженного противостояния «органицизма» и «механицизма» не только в понимании Вселенной, но и в отношении природы самого человека.

¹ Бергсон А. Творческая эволюция. - М. 1909. С. 3.

² Там же. С. 141.

2. Противоречия в понимании сущности жизни. В понимании жизни как центрального феномена среди философов не было единства, скорее ими были намечены весьма противоречивые основы ее истолкования. Рассмотрим эти основные антиномии (противоположные тезисы)

1. С одной стороны, жизнь рассматривалась как воплощение родового, коллективного, целостного начала, связывающего человека с мировым единством, с другой она трактовалась как воплощение индивидуальности и единичности. Первая позиция в свою очередь не была единой. Одни мыслители видели в «коллективности» жизни положительную ценность, так как это предполагало, что отношение к миру в целом и его созданиям будет строиться по аналогии с отношением человека к самому себе. Ощущение заботы, ответственности за мироздание в целом рождается у индивида, в том числе, и из осмысления своей причастности и взаимосвязи с ним. Размышления об этом пронизывают произведения многих авторов, включая Вл. Соловьева, Н. Лосского, Л. Толстого, А. Швейцера – во многом так и не услышанных современным поколением.

Но многие философы увидели в истолковании «коллективности» феномена жизни и отрицательную ценность; это качество жизни было расценено ими как угнетающее и порабощающее уникальность отдельной личности, делающей ее равной другим творениям мира природы и носителем безличного волевого стремления к утверждению своего присутствия. Этот подход был близок многим теоретикам персонализма и экзистенциализма, в частности Н. Бердяеву, Ж.П. Сартру, А. Камю, которые подчеркивали не только уникальность человека в природе, но и исключительность каждого человека среди безликой массы рода. Понятие жизни рассматривалось ими как негативная противоположность внутреннему, субъективному существованию.

Противоположная часть антиномии исходила из совершенно иных определений сущности жизни. Жизнь утверждалась как выражение индивидуальности и неповторимости во времени и пространстве, где каждое из ее проявлений несет не только всеобщность средств и целей, но их собственное прочтение и претворение в реальность. Как выразил эту идею Г. Зиммель «индивидуальность повсюду жизненна, а жизнь повсюду индивидуальна»³. Этот антитезис в свою очередь отстаивали «философы жизни», противопоставляя живое, органическое - механическому, мертвенному, лишенному творческого, уникального начала и выражения. С этой точки зрения жизнь ни в коей мере не обезличивала своего носителя, но напротив, позволяла ему выразить свою неповторимую единичную сущность на фоне такого же многообразия других феноменов. Единичность в этом смысле становилась неотъемлемым признаком жизни,

³ Зиммель Г. Избранное. Т.2. Созерцание жизни. - М. 1996. С. 19.

способствующим стремлению к самовыражению и творческому становлению.

2. Другая антиномия заключается в оценке жизни как самоцели, с одной стороны, и как средства, для достижения «большого, чем сама жизнь», с другой. Жизнь, в первом случае расценивается как постоянный переход в новое состояние, непрерывный творческий акт. Изменения, наполняющие жизнь порой противостоят ей самой и могут быть наделены собственными значениями. Тем самым жизнь уже содержит в себе все возможности и всю энергию того, что может быть актуализовано. Так понимаемая жизнь рассматривается не только как высшая ценность, но и как самоценность, так как все иные значения и смыслы будут проистекать из ее возможности. Такая оценка жизни была характерна для А. Бергсона, Г. Зиммеля, Э. Трельча, А. Швейцера. Подчеркивая единство жизни и мира духовности, ценностей, Э. Трельч, давал убедительный отпор критике философии жизни со стороны Риккерта и Шлейермахера. Он пришел к выводу, что «значение всего этого отождествления всех ценностей состоит в том, чтобы показать живое существо как в принципе не наблюдающее и отражающее, а как практически действующее, выбирающее, борющееся и стремящееся, вся интеллектуальность и все наблюдение которого, в конечном счете, служат жизни, будь то животной или духовно-личной»⁴.

Вторая часть антиномии свидетельствует о том, что высшей ценностью является не сама жизнь, как возможность любых проявлений, но лишь та ее часть, которая устремлена к духу, гармонии, священному началу, добру и т.д. Такое понимание жизни приводило мыслителей даже к полному противопоставлению мира духовного, наполненного ценностями и мира материальной реальности. От Платона до Шелера эта традиция наполнялась все новыми аргументами. По мнению Г. Риккерта, жизнь относится к гетерогенному континууму и служит лишь материалом для полагания мыслей или ценностей: «Повсюду это ценности, которые придают жизни осмысленную «жизненность» и тем самым превращают ее в нечто иное, чем просто жизнь. Ради тех ценностей, которые находят себе выражение в жизни, мы любим ее как целое; более того, непонятно, как мы могли бы любить ее, если бы она не воплощала ценностей»⁵. Из таких оценок Риккерт приходит к утверждению разграничения, чуждости и даже враждебности культуры и жизни. М. Шелер не отказывает жизни в положительном оценивании, но связывает его всецело со способностью к духовной деятельности: «Лишь в той мере, в какой существуют духовные ценности и духовные акты, в которых они постигаются, *жизнь как таковая* – отвлекаясь от дифференциации среди витальных ценностных качеств – обладает некоторой ценностью»⁶. Все возможные ценности с его

⁴ Трельч Э. Историзм и его проблемы. – М. 1994. С. 171.

⁵ Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. – М. 1998. С. 340.

⁶ Шелер М. Формализм в этике. // Избранные произведения. – М. 1994. С. 314.

точки зрения такого подхода, обоснованы ценностью личностного духа, которая обусловлена бытием абсолютного царства ценностей. Ценность жизни здесь видится в том, что в ней присутствует духовность, которая способна самоотчуждаться и развиваться независимо от телесности. В этом случае сама сущность жизни видится в выходе за свои пределы, в трансцендировании, которое, в какой-то степени, служит отрицанием собственного первоначала.

3. Еще одна антиномия относится к проблеме общественной и личностной значимости жизни. С одной стороны, для каждого индивида жизнь это процесс, имеющий предел, границу с небытием, похожий скорее на «тупик», оканчивающийся смертью. С другой, для человеческого рода в целом жизнь есть лишь переход от одного состояния к другому, целостный и непрерывный поток. Если рассматривать жизнь как уникальный процесс реализации неповторимого набора генетических и приобретенных способностей, то смерть в каждом из случаев не может быть искупленной ни какими рассуждениями о ней как о космическом, родовом явлении. Несмотря на бесчисленное множество возможностей и силу жизненной энергии смерть легким движением и в любой момент может обратить их в ничто. Факт личной жизни и смерти является не только ключевой онтологической, но и аксиологической проблемой человека.

С другой стороны, безысходность и обесценение жизни как результаты осмысления неизбежного трагического финала могут быть преодолены, по мнению многих мыслителей, только через понимание жизни как единого непрерывного потока. Этот поток может быть понят как жизнь рода или цепь перерождений, но в каждом из случаев он не умаляет ценности индивидуального бытия, а позволяет оценить его как имеющее вневременное, всеобщее значение и смысл.

Три приведенные антиномии, безусловно, не исчерпывают всего противоречивого характера процесса оценивания феномена жизни, но позволяют увидеть его наиболее характерные черты. Каждый из исследователей исходит из собственного понимания самого термина «жизнь», с одной стороны, и из субъективного опыта ее переживания, с другой. Психологические особенности, трагическое или оптимистическое отношение к миру, интеллектуально-волевые качества – все это в той или иной степени отражается на теоретических рассуждениях философа, которые проистекают из его оценивания собственной жизни.

3. В чем состоит ценность жизни? Противоречивое понимание сущности жизни личности как природно-социального феномена стало причиной многочисленных разногласий и споров о ее цели и ценности среди мыслителей последнего столетия. Но, несмотря на критику ценностного статуса жизни со стороны мистических, экзистенциальных и иных теорий, идея о том, что жизнь оказывается тем всеобщим, что

обуславливает и объединяет все прочие ценности в единый комплекс, тем не менее, сохранила свою значимость и актуальность. Основания для этого, по нашему мнению, могут исходить из следующих суждений:

1. Жизнь есть единство прошлого, настоящего и будущего.

Со стороны логики реальностью обладает лишь мгновение «теперь-бытия», «точка настоящего», тонкая грань между небытием прошлого и небытием будущего. Но жизнь, способная к переживанию и осмыслению, реально включает в себя субъективное прошлое и будущее, оценивая их через призму настоящего. Прошлое, не обладающее значимостью, стирается и существует в настоящем уже в субъективном «преображенном» или «искаженном» виде. Настоящее укореняется в моментах прошлого, которые порой бывают для субъекта более значимыми и исполненными смысла, чем настоящее мгновение. Срастание прошлого с настоящим и предполагаемым будущим, которое достигается жизнью на «стадии духа», вызывает иное чувство времени, подчиненное собственным законам. Здесь достигается некая вневременность, где возможны движения в обоих направлениях и с различной скоростью. По словам М. Хайдеггера «подлинное время является близостью присутствия, объединяющей своим тройным просветом простираемое из настоящего, прошедшего и будущего»⁷. Субъективное время делает возможным движение не от прошлого к будущему, но от настоящего к прошлому. Что касается будущего, то его пространство не достигнуто, а интерпретировано индивидом через переживание и мышление. Оно уже открыто и дано субъекту и ждет включенности и постижения сопричастности. Его неактуализованность в «теперь» имеет второстепенное значение, так как будущее протягивается из настоящего и просто сокрыто в нем.

Субъективность времени - один из центральных феноменов, ставших предметом философствования после Канта. Жизнь человека в свете этой проблемы оказалась тем основанием, которое позволило осмыслить возможность иных, не объективных законов протекания времени. К примеру, те состояния, которые в экзистенциальной философии обозначаются как «пограничные ситуации», обладают парадоксальной с точки зрения логики способностью «прокручивать» время с огромной скоростью, когда день может быть равным годам или десятилетиям. Но при этом возможен и противоположный феномен, когда, в момент исключительно значимый для субъекта, время, казалось бы, останавливается, замедляется настолько, что уже не может повлиять на его существование. Ценность жизни личности в этом контексте выражается в возможности удержания времени и трансцендирования в нем, что в свою очередь позволяет изменять и границы реальности.

2. Жизнь есть единство внутреннего и внешнего, своего и иного.

⁷ Хайдеггер М. Время и бытие. // Разговор на проселочной дороге. - М. 1991. С. 93.

Индивидуальная жизнь автономна только строго логически, реально же осуществляется через постоянный выход субъекта во вне для обмена энергией, информацией, материальными и идеальными компонентами. Единство времени указывает на присутствие в субъективном бытии того, что только станет реальностью, другого состояния. Будущее как смерть выступает воплощением другого, Э. Левинас назвал это «событие, в котором субъект более над ним не властен»⁸. Наличие иного выступает для субъекта как проблема, так как вызывает вопрос о сохранении Я в трансцендировании (трансценденция – выход вовне). Включение другого в свое бытие – сущность самой жизни, где не происходит стирания и подчинения индивидуального, так как положение другого такое же. Жизнь становится некой «тотальной взаимностью», где «существа не то чтобы взаимозаменяемы, а взаимообратимы...»⁹. Высшим воплощением взаимопринадлежности выступает любовь, когда отношения могущества и подчиненности становятся обоюдными и внутренне значимыми. В этом случае жизнь способна не только к созданию своего-другого, но и к приятию другого-извне, при том, что первое становится условием для второго, а то, в свою очередь, основанием для гармонии личности и мировой целостности.

Процесс жизнедеятельности имманентен взаимодействию внутренних, субъективных качеств и способностей условиям внешней реальности, гармоничное сочетание которых способствует наибольшей реализации жизненных возможностей. Осуществление этого вида единства происходит не только на уровне химических и физиологических взаимодействий, но в сфере духа, сознания, нравственности. При этом преобладание внешнего над внутренним – на уровне потребностей или информации – нередко понимается как угнетение и необходимость, в то время как приоритет внутреннего трактуется как свобода субъекта. Такое понимание свободы характерно, скорее, для западной традиции мировоззрения и в целом сориентировано на активность личности. В то время как восточное мировосприятие отличается стремлением привести внутреннее и внешнее в некое гармоничное единство. Внешнее в восточной традиции, расценивается враждебно как источник опасности для индивидуальности лишь в том случае, если внутреннее имеет недостаточно развитое физическое и духовное состояние. Односторонность, утрата внутренней гармонии «с самим собой» предполагает и отсутствие ценности внешнего другого, которое видится искаженным и отрывочным. Потенциальная способность жизни к осуществлению этого типа единства, данная каждому при рождении, утрачивается с процессом самопознания и принудительной социализации, и потому ее новое обретение становится результатом напряженных

⁸ Левинас Э. Время и другой. // Гуманизм другого человека. Пер. с франц. - СПб. 1998. с.77.

⁹ Там же. С. 90.

духовных исканий. Жизнь и развитие ее формы становятся основанием позитивного оценивания иного и враждебного, включения их во внутреннее бытие, освоение и осуществление субъективного преобразования внешней реальности уже с позиции ее понимания и приятия.

1. Жизнь есть единство потенциального и реального, небытия и бытия, возможности и творчества.

Главным достижением экзистенциализма вероятно можно считать понимание жизни и сущности индивида как проекта и состояния постоянного качественного выбора. С этих позиций понимание жизни обусловлено не только способностями, задатками, условиями и влияниями внешней среды, но и действиями самого субъекта, которые способствуют исполненности, раскрытию и созданию некой новой субъективной реальности. Непрерывный до мгновения смерти процесс становления и осуществления того, что не обладало бытием это - и сама жизнь, и ее творческая сущность. Живое каждое мгновение порождает все новые формы существования, связанные не только с внутренней реальностью, но и переносом ее во внешний мир. Жизнь становится каналом, идущим от небытия к бытию, где созданные и отчужденные объекты способны к независимости от факта смерти самого субъекта. Духовное творчество - высшая часть этого процесса, где происходит создание не только форм и явлений, но и знаков, значений, смыслов, истолкований. Но актуализация может оказаться далеко неполной, что наделяет особой ценностью не только сами результаты и творческие акты, но и не проявленное изначальное состояние жизни как потенции. Ценность потенциального, не проявленного, сокрытого особенно характерна для даосского миропонимания, в то время как для западного типа философствования свойственно оценивание феноменов, исходя из результатов выбора, осуществленного в направлении добродетели. Но в каждом из случаев ценность жизни выступает первичной и обуславливает последующие ряды в системе значений, будь то просветление или творческий прорыв к вечному.

2. Жизнь есть единство природного и духовного.

Говоря об этом единстве, позволим себе не согласиться с авторитетным мнением о принципиальной разнородности сферы природного и духовного, с тем, что «никогда жизнь не станет мудрой и мудрость живой»¹⁰. Г. Риккерт обосновывая такую позицию, по-своему интерпретирует слова Гельдерлина из «Сократа и Алкивиада», которые, в свою очередь, прокомментированы и М. Хайдеггером: «Лишь тот, кто глубины помыслил, полюбит живое»¹¹. Восхождение к пониманию

¹⁰ Риккерт Г. Философия жизни. - Минск: Харвест, М.: АСТ, 2000. С. 238.

¹¹ См. Риккерт Г. Там же. Хайдеггер М. Что значит мыслить? // Разговор на проселочной дороге. - М. 1991. С. 141.

целостности духовного и природного связано с преодолением разграничения, враждебности, отрицания этих сфер друг другом. Философствование, исследование сущности духовного завершается не отрывом и отказом от жизни, но любовью к ней и пониманию ее ценности в снятии дуализма нашего мышления и в усмотрении нового единства.

Освобождение духовного есть результат развития личности, осуществляемого не вопреки жизни, а продолжении ее в новом качестве. Жизнь становится пересечением, единством миров и качеств, имеющих самостоятельную ценность и подчиненных различным целям. Выбор человека происходит каждое мгновение, он может обнаружить пропасть между этими мирами и стать причиной трагического миропонимания, либо осуществить гармонию между ними, и стать основой высшей радости. Жизнь выступает основанием для духовного поиска, соединяя в себе индивидуальную реальность и реальность внешнего мира, возможность гармонии и возможность свободы.

Анализ приведенных суждений дает возможность заключить, что жизнь выступает *не только первичной ценностью индивидуального бытия, но и тем единым, которое позволяет дать оценку всем иным феноменам и качествам.* Но само оценивание жизни происходит, отталкиваясь от субъективных переживаний и потребностей, а потому может иметь и различный статус. В природе происходит не только развитие самой жизни и ее форм, но и эволюция оценивания жизни, связанная со способностью сознания к трансцендированию, выходу на уровень общего и всеобщего.

В наиболее обобщенном виде процесс развития понимания жизни как ценности проходит по следующим ступеням: 1) Инстинктивное чувство самосохранения и самоутверждения; 2) Рациональное осмысление жизни как уникального и конечного во времени феномена, требующего заботы; 3) Иррациональный поиск возможности продолжения жизни в иных качествах и формах; 4) Постигание жизни как целого, большего, чем его части: биологические процессы, интеллектуальное познание, духовное видение.

Совокупность всех ценностей, благ и добродетелей, составляющих «сумму» жизни, направленных на ее поддержание – земное или вечное – меньше ценности самой жизни. Вместе с тем, мы можем переживать и осмысливать их только в обособленном варианте, но не в синтезе, вызывающем взаимоусиление. Восхождение к такому пониманию ценности жизни проходит длительный ряд ступеней, отрицающих те или иные ее проявления. Но все формы отрицания ценности жизни есть не отказ от жизни вообще, а отрицание «этой» жизни или «такой» жизни, которую не приемлет для себя тот или иной субъект. Приоритет чувственного, рационального или интуитивно-мистического переживания

12. Трубников Н.Н. Проблема смерти, времени и цели человеческой жизни. // Трубников Н.Н. О смысле жизни и смерти. - М. 1996. С. 66.

и истолкования жизни вызывает переоценивание определенной способности субъекта, дающей, как ему видится, наибольшую реализацию его возможностей. Однако, чем выше развитие субъекта, тем, более сложные способности для него выходят на уровень высокозначимых, в то время как предыдущие рассматриваются как низшие и недооцениваются. Отрицание каждой из ступеней предшествующего качества делает оценивание все более односторонним, до тех пор, пока не достигается высший синтез, где разграничения преодолеваются и жизнь выступает как некое всеобщее и безраздельное. Ощущение радости от гармоничного восприятия жизненной целостности было характерно для мирозерцания народов, различных по ценностным ориентирам: даосов, дзэн-буддистов, греков периода архаики и классики, арабских мыслителей средневековья. Что касается христианства и традиционного мировоззрения Индии, то им оказалось присуще трагическое, разграниченное: двойственное или тройственное видение мира. Не видение ценности чувственного и рационального бытия изменило приоритет от радости к страданию, которое в свою очередь было призвано вернуть утраченную радость. Но если под радостью, подвергнутой отрицанию, понималась чувственность или интеллектуальная гордыня, то конечная радость виделась как целостная и всеединая. Оценивание жизни в каждой из эпох и цивилизаций становилось той основой, из которой затем выстраивался весь последующий ценностный ряд, но это не свидетельствует о том, что ценность жизни является самой простой и минимальной. Напротив ценность жизни выступает первичной в аксиологическом смысле этого определения, ибо она выступает всеобщим, максимально богатым по содержанию, вбирающим в себя все многообразие возможных проявлений и потенциалов.

Несмотря на то, что жизнь присуща всем субъектам ценности, ценность самой жизни, как видно может быть интерпретирована различным образом. Но столь многообразные подходы к определению ее значимости и смысла свидетельствуют, с одной стороны, о предельно высоком интересе к ней, как единственно данной реальности, позволяющий мыслить все прочие сферы бытия и небытия, и с другой о том, что сравнение ее, с чем либо иным не представляется возможным. Жизнь не может быть оценена, соизмерена с чем либо аналогичным и, следовательно, она бесценна, что, по сути, означает предел оценки.

4. Значение смерти для жизни. Для оценивания жизни мы не можем на время выйти из ее состояния, а потому всегда будем воспринимать ее как объективный феномен только по отношению к жизни другого. Смерть другого человека становится не только опытом сострадания, но и опытом оценивания самой жизни. Смерть другого – это частичная смерть самого себя, многократно умноженная в случае любви к умершему. Переживание чужой смерти выступает одной из форм реальности собственной смерти,

когда она проигрывается в сознании и видится им как бы со стороны. Как известно, опыт чужой смерти стал для царевича Гаутамы одной из причин духовного прозрения. Для стойков именно смерть, а не жизнь были критериями оценки силы и мудрости умершего, что ставило задачу постоянной подготовки к ее приходу. Смерть других позволяет видеть со стороны свое существование как конечный путь, не дающий надежды в будущем, но многократно повышающий ценность настоящего. Смерть в этом смысле выступает не только как высшее зло, но как условие придания жизни высшей ценности. И в таком случае мысли о смерти нам жизненно необходимы, только через них мы можем по-настоящему оценить жизнь. Советский философ Н. Трубников полагает, что от того «как мы решаем вопрос о смысле и ценности нашей смерти, зависит решение вопроса о смысле и ценности нашей жизни»¹². В этой оценке смерти нет ее оправдания или воспевания, в ней – попытка обретения смысла в ограниченном земном бытии, где важно не беспредельное будущее или «золотое» прошлое, а каждое мгновение из настоящего. В этом случае страшно не умирать, а умирать, так и не узнав жизни, не испытав высшей радости, любви, творческого подъема, счастья общения. Смерть, считает русский мыслитель, не слишком большая плата за это. Смерть есть некое непереносимое условие жизни, которое есть не столько показатель победы сил зла, сколько – возможность для глубокого наполнения жизни. Ценность жизни, таким образом, становится более полной через переживание и осмысление смерти. Результатом этого может стать любовь к жизни, которая есть важнейшее условие для любви к жизни другого, также, идущего к смерти. Пренебрежение к жизни становится основанием для пренебрежения в отношении к другому, к его настоящему, неповторимому существованию. В этом, вероятно, и состоит глубочайший аксиологический смысл смерти, осознание которого позволяет увидеть жизнь как высшую ценность бытия. Смерть выступает не столько ценностной альтернативой жизни, сколько важнейшим условием исключительно высокого ее оценивания и понимания.

Начало XXI века поставило человечество перед проблемой возможности преодоления единичности и уникальности жизни посредством клонирования. С одной стороны, это свидетельствует о высокой оценке биологической жизни, приумножение которой видится наукой как высшее благо. С другой – способно стать основанием небрежного отношения к жизни и бессмысленности использования телесности, которая может быть механически замененной и почти бессмертной. Ценность жизни, не существующая вне ценности ее смысла, должна стать не только заботой рациональной науки как высшей активности, но и философского и духовного знания, созерцательность которого может привести к окончательной утрате нравственного основания современного общества потребления.

2. ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ ПРОБЛЕМЫ ВИДА В БИОЛОГИИ

(Ю.В. Алтуфьев)

1. Проблема вида. К настоящему времени, казалось бы, имеется достаточно много определений вида как систематической единицы всего живого. Эти определения включают в себя и критерии вида как биологического единства, и его географическое распространение, и экологические особенности, и, в конечном счете, объективность его существования вне зависимости от нашего сознания – т.е. философскую позицию понимания структуры живой природы в целом. Тем не менее, до сих пор в биологической науке продолжаются дискуссии по введению и признанию ясного и строгого определения понятия – вида.

Учение о виде и видообразовании является не только чисто биологической проблемой, но и философской. В зависимости от того, как ученые истолковывали этот вопрос, они становились на сторону идеализма или материализма. Современные представления о виде и видообразовании сложились в результате длительных изучений объектов живой природы и условий их существования - Э.В. Волкова, А.И. Филюков.

В течение столетий ученые многих философских направлений принимали участие в объяснении явлений жизни, ее происхождения и видоизменений. Идеалистическая философия подводила под решение этих проблем свою, в большой степени иллюзорную основу. Материалистическая философия базировалась на диалектике. Ф. Энгельс называл диалектику наукой о наиболее общих законах всякого движения и указывал на огромное значение материалистической диалектики для естествознания. Еще в 90-х годах XIX столетия он писал, что «естествознание продвинулось настолько, что уже не может избежать диалектического обобщения».

Проблема синтетической теории эволюции (СТЭ) по большому счету – это проблема происхождения жизни. Но эта проблема широкой экстраполяции выводов. Морфологические усложнения вполне могут быть объяснены СТЭ, поскольку они обусловлены в конечном счете перегруппировкой генов и изменением системы регуляции (гомеостаза), возникновением симбионтов, т.е. вполне прозаическими вещами, основанными на обычных взаимодействиях и не надо здесь каких-то дополнительных движителей. А вот происхождение жизни СТЭ объяснить не может, как не смог в конечном счете и А.И. Опарин¹⁶. Невозможность спонтанного синтеза органических соединений в условиях современной атмосферы Земли была достаточно убедительно показана в работе М. Рутгена (Происхождение жизни. 1978). До 1824г., когда впервые был осуществлен синтез мочевины, казалось, что никогда не удастся

синтезировать в лаборатории органические молекулы. Фундаментальное различие между органическими и неорганическими веществами казалось бы стерто. Однако все новые появляющиеся соединения – органические, неорганические или переходные между ними - созданы разумом – т.е. продуктом жизни. Таким образом, в настоящее время, органические соединения в природе могут продуцироваться только уже существующей материей. Значит сейчас возникновение жизни неорганическим путем невозможно, так как только живая материя может синтезировать органические соединения. Т.е. сейчас только живая материя может создавать другую живую материю.

Учитывая, что Дарвин и его апологеты предполагали существование т.н. «начальных форм», можно полагать, что теория единства происхождения, сопровождаемого модификацией, охватывает все формы каждого обширного класса или царства. Но по Ч. Дарвину все многообразие видов животных и растений происходит от 5 видов. Пять он утверждал, а один предполагал.

Именно под влиянием религиозной идеи о неизменности всего живого, биологическая парадигма вплоть до XVIII века, сводилась лишь к описанию различных видов растений и животных. Причем описание это как правило ограничивалось характеристикой внешних (морфологических) признаков. Такова была и наиболее совершенная для своего времени классификация, предложенная знаменитым шведским естествоиспытателем К. Линнеем.

Вместе с тем К. Линней (основоположник бинарной номенклатуры) первоначально считал, что «видов существует столько, сколько их создало изначально бесконечное существо» (то есть бог), (цит. по Н.И. Вавилову) но в процессе научной деятельности он изменил свое мнение). В конце жизни он считал, что виды и даже роды возникают естественным путем. «Творец» дал начало только основным формам из высших систематических категорий. Многие современные исследователи противостоят, в той или иной мере СТЭ, но они не выдвигают сколь-нибудь стройные собственные теории, а склоняются к ранее существовавшим. В конечном счете достаточно стройная теория эволюции должна четко обозначать те особенности организации живого, которые наделяли бы его способностью к системному усложнению с последующей возможностью прогрессирования. Противостояние идеализма и материализма в данной проблеме всегда связано с понятием креационизма. А определение креационизма в биологии очень четко изложено в БСЭ – это концепция постоянства видов, рассматривающая многообразие органического мира как результат его творения Богом. При этом высказывания об актах творения были самыми противоречивыми – от 7 до 27, по высказываниям различных авторов. В противовес этому теория единства происхождения видов, сопровождаемого модификацией

охватывает все множество видов, родов, классов, типов и царств в конечном счете. Используя методы научного познания, ряд ученых, например Ж. Бюффон, во Франции, Э. Дарвин (дед Ч. Дарвина) в Англии, И.В. Гете в Германии, М.В. Ломоносов в России пришли к выводу, что организмы, населяющие Землю, не неизменны, а претерпевают эволюцию.

И уж если возвращаться к Ч. Дарвину, то у него ясно сказано «происхождение», а не «творение».

Т. о. по поводу божественного уже давно все сказано: его вмешательство в естественные науки порождает невежество.

Подлинная наука - это поиск истины. Если же мы сначала утверждаем - «Бог есть» или «Бога нет», то тогда это уже не наука, а философская система. Давайте забудем про Бога и вернемся к теме нашего исследования т.е. по сути к систематике и проблеме вида в биологии.

2. Этапы изучения проблемы вида и видообразования.

Изучение проблемы вида и видообразования является одной из фундаментальных задач биологии. Изучение природы и сущности видов в органическом мире требует глубокого теоретического и практического анализа. Оно служит базой конкретного, дифференцированного подхода к познанию механизмов жизненного процесса, которые могут быть поняты в общей форме, только применительно к определенным видам живых форм материи. В понятии вида собираются в единое целое открытия многочисленных отраслей биологического знания. Учение о виде и адаптациях Ч. Дарвина, К.А. Тимирязева, В.Л. Комарова, И.И. Шмальгаузена, С.А., Э. Майра, Северцова и др. С проблемой решения теории вида связаны многие биологические науки, казалось бы далекие от этих вопросов. Что же касается например такой как экология, то эти задачи непосредственно входят в одну из составляющих ее величин которая посвящена именно взаимоотношению видов и их адаптации к среде обитания – синэкологии.

На протяжении тысячелетий человечеству не было известно понятие вида, но были хорошо известны многие конкретные виды растений и животных. Еще задолго до возникновения понятия вида уже шло накопление представлений об отдельных его свойствах. Основа научной трактовки вида складывалась в практической деятельности людей. Издавна в понятие природы были уже включены три будущих критерия вида: **морфологический** – сходство группы особей по строению органов и организма в целом, **физиологический** – способность при внутривидовых скрещиваниях воспроизводить плодовитое потомство и **генетический** – сохранение потомством характерных черт (типа) родителей.

Если говорить о литературных источниках критериев вида, то об этом упоминал еще Тит Лукреций Кар в своей поэме «О природе вещей»:

Сам термин «вид» перешел в биологию из логики. В логике Аристотеля видом называется известное множество в том случае если его удастся подчинить как часть множеству более высокого ранга – роду. Аристотель открыл и другую сторону отношения вида к роду: по содержанию вид шире рода, т.к. родовое образует лишь его основу не исчерпывая специфических черт, присущих данному виду, как одному из членов рода.

Аристотель применял термин вид для характеристики групп животных любого ранга если они оказывались частью большего объема (рода). До конца XVIII века слово «вид» употреблялось в столь же неопределенном смысле как и у Аристотеля, не имея значения научного термина.

Изучение вида в современной биологии подразделяется на несколько этапов. За основу при выделении этих этапов положены переломы и накопление знаний о виде, обусловленные крупными открытиями или обобщениями.

Первый этап изучения вида начинается с древнейших времен и кончается в начале XVIII века. Уже в первых дошедших до нас классификациях животного и растительного мира (Аристотель, Теофраст) понятие вида содержало формально логическое представление об общем.

Связь проблемы вида в биологии с философской проблемой общего и отдельного была обусловлена введением понятия «вид» в биологию из логики, т.е. философии. В логике Аристотеля вид есть общая форма единичных вещей. Теоретические вопросы систематики этого периода включали, главным образом, принципы расчисления форм на большие таксоны. Исходное положение Аристотеля о неразрывной связи общего и отдельного - «ничто общее не существует отдельно, помимо единичных вещей» – нашло отражение в созданной им классификации животных.

Ученик и последователь Аристотеля -Теофраст создал первую классификацию растений, пытался конкретно воплотить идею единства общего и отдельного не только в построении своей системы, но и в представлениях об организме.

В эпоху средневековья центральной философской проблемой стал спор схоластов об общем и отдельном. Метафизическая трактовка общего и отдельного, их отрыв друг от друга привели к тому, что понятия классификации долгое время носили характер чисто формальных логических построений.

В средние века наука о живой природе находилась в процессе накопления чисто эмпирических фактов и не поднималась до теоретических обобщений.

В XV – XVI веках естествознание начинает бурно развиваться, что было связано как с потребностями зарождающихся новых общественно-

экономических формаций (переход от феодальных к капиталистическим взаимоотношениям) и возможностями новых методических приемов в биологии.

Одним из первых, кто использовал морфологический критерий для построения классификации растений был немецкий ботаник И. Трагус, издавший в 1551г. «Травник». Он построил систему исходя из данных сходства цветов растений.

К началу XVIII века естествоиспытатели остро осознавали необходимость совершенствования методов научного познания понятий вид и род. Накопленный эмпирический материал нуждался в упорядочении. Однако систематика как таковая не могла выполнить эти задачи, не выяснив как соотносятся понятия употребляющиеся в системе, с действительными явлениями живой природы.

Этот этап характеризуется незнанием того, что истинным фундаментом систематики является вид, как в биологии элементарной структурной единицей является клетка.

Второй этап изучения вида связывается с именем английского биолога Д.Рея. Как особое явление природы вид стал объектом пристального внимания ученых после работ Д. Рея (1628-1705). Рей представлял себе вид, как единое специфическое природное образование, имеющее ряд существенных признаков. При этом он не сомневался в объективности вида. Важным моментом в системе Д. Рея следует считать то, что понимая вид как группу сходных особей, он особо подчеркивал его специфическую природу. У Д. Рея, вид впервые приобрел значение не только логического, но и естественнонаучного понятия. Основой трактовки вида Д. Реем было обозначено наследие формы в поколениях, т.е. происхождение подобного от подобного. Такое понимание вида удерживалось в биологии на протяжении более ста лет после его публикаций. Уже на этом этапе изучения вида были установлены три особенности вида: 1.- вид является множеством организмов; 2.- вид объединяет организмы сходные морфологически и физиологически; 3.- вид представляет собой самостоятельно воспроизводящуюся в природе единицу.

Но во времена Рея господствовал метафизический взгляд на природу. «Согласно этому взгляду, природа, каким бы путем она ни возникла, раз она имеется на лицо, оставалась всегда неизменной, пока она существует... Виды растений и животных были установлены навсегда при своем возникновении, одинаковое всегда порождало одинаковое... В природе отрицали всякое изменение, всякое развитие».

Выражением метафизического взгляда на природу являлась абсолютизация устойчивости и неизменности общего как существенного, определяющего начала вещей.

Метафизические представления о природе и сущности общего нашли свое место в системе растений, предложенной К. Линнеем. Основной единицей в системе К. Линнея уже окончательно выступает вид. Линней рассматривал вид как объективный элемент живой природы, который состоит из подобных особей, произошедших от созданной богом пары организмов. Понятие «вид» Линней заменяет иногда понятием «порода» - что всегда использовалось селекционерами как в растениеводстве, так и в животноводстве. «Роды (Generatis) суть собрания многих растений того же разряда или подразряда, сходствующих между собою одним или множайшими плодотворных частей признаками, отличающимися от других родов. Порода (Species) суть единицы в роде заключающиеся, кои от семян произошедши остаются навсегда таковыми же» (цит. по Н.И. Вавилову, 1965). Линней не подвергал сомнению существование видов в природе: достаточно простого наблюдения, чтобы считать объединенные по общим признакам сходства группы произведением природы, а не рассудка. В то же время в самом понятии вида как систематической категории Линней признавал определенную условность, поскольку создание самого понятия вида – дело нашего разума.

Третьим этапом в изучении вида считают время второй половины XVIII века и до первой половины XIX века. От К. Линнея до Ч. Дарвина. Только во второй половине XVIII века сложилась возможность доказать универсальность вида и его основное значение в качестве структурной единицы живой природы. Для решения этой задачи был необходим широкий синтез. Этот синтез был осуществлен К. Линнеем. Ему удалось расчленил все роды растений и животных на виды. Он пришел к выводу, что вид это явление природы, реальная и элементарная ее единица, а не продукт деятельности сознания.

В этом состояла материалистическая основа взглядов Линнея на вид. Впервые вид выступил как основная единица классификации растений и животных.

Сущность вида К. Линней искал в устойчивости и постоянстве органических форм. Он считал, что виды сотворены богом и абсолютно неизменны, ибо каждое новое поколение есть лишь полное повторение (продолжение) предыдущего. Таким образом, его взгляды полностью отражали уровень знаний и способ мышления эпохи, в которой господствовал метафизический взгляд на природу. Выражением подобного взгляда и явилась абсолютизация устойчивости и неизменности общего, как существенного определяющего начала вещей. Таким образом, К. Линней являлся представителем креационизма и сторонником религиозно-идеалистического мировоззрения.

Вместе с тем, в истории развития учения о виде в XVIII веке известны не только креационисты, но и яркие представители трансформистов (Адамсон, Кельрейтер, Бюффон и др.).

Ж.Л. Бюффон выдвигал глубокие, интересные идеи о единстве живой природы, об аналогии в строении живых организмов, о существовании связующих звеньев (промежуточных и переходных явлений) между достаточно обособленными подразделениями живой природы. Хотя он и не пришел к какой-либо целостной и законченной эволюционной теории, его можно считать предшественником дарвинистского трансформизма. В частности именно им в определение вида был введен физиологический критерий.

Таким образом, несмотря на материалистические позиции в признании вида как единицы живой природы таких сторонников постоянства и объективности вида как К. Линней и Ж. Кювье их метафизические посылки привели к тому же результату, что и у откровенных идеалистов – к идеалистической трактовке реальности вида как общего.

Четвертым этапом, в изучении вида считается вторая половина XIX века, примерно 40 лет.

Этот этап характеризовался утверждением общебиологических идей изменчивости и неравноценности видов, началом изучения видов во времени и пространстве, появлением мутационной и эволюционной концепций видообразования и усилением субъективного понимания вида и концепции «эволюции без вида».

Особенность этого периода заключалась в накоплении аргументов в пользу неизменности видовых признаков, в обосновании и утверждении идеи постоянства реального вида.

Вид был признан естественно-закономерным явлением, а внутривидовые различия рассматривались как результат не заслуживающих внимания случайностей. Такой позиции придерживался еще К. Линней. Вид стал рассматриваться как потомство **сотворенной особи (пары)**, сохраняющей при непрерывном размножении все существенные особенности форм прародителя.

Подобных воззрений придерживались ведущие биологи того времени. Среди них такие как П.С. Паллас, и Ж. Кювье.

Кювье называл видом «совокупность существ, принадлежащих к одной из тех форм, которые стойко сохранились с самого начала вещей, не выходя за свои границы» (цит. по Э.В. Волковой и А.И. Филукову, 1966). Он как и К. Линней, с одной стороны, рассматривал вид как особый тип организации, а с другой – как совокупность сходных организмов.

Одной из существенных черт вида сформулированных в этот период, была дискретность. Вид оказался образованием, представляющим собой как бы биологическую отдельность. Этот факт позволил прийти к выводу,

что вид не является произвольно выхваченным участком непрерывного ряда, а существует в природе реально, обладая более или менее четкими естественными границами. Считалось, что задача выделения видов была бы неосуществима, если бы границы вида расплывались и исчезали в переходных состояниях. Кювье последовательно защищал идею неизменяемости вида и вечности морфологических различий (дискретности) между ними.

Противоречие в естествознании в конце XVIII – начале XIX веков – противоречие между прежними метафизическими взглядами на природу и новыми естественнонаучными открытиями нашло свое отражение и во взглядах Кювье. С одной стороны он был активным сторонником метафизической концепции о неизменности видов, убежденным реакционером, приверженцем религии, идеалистического мировоззрения, а с другой стороны, своими исследованиями в области биологии (сравнительной анатомии, систематики и палеонтологии), он объективно подготавливал почву для победы эволюционной теории.

В этот исторический период, в области биологической науки в противоположность метафизическим взглядам на природу широко распространяется идея эволюции органического мира.

Наиболее ярким представителем раннего эволюционизма был знаменитый французский естествоиспытатель Ж.Б. Ламарк. Его труды легли в основу нового учения об историческом развитии органического мира, которое противопоставлялось господствовавшей идее «реального неизменного вида». Ламарк, автор «Философии зоологии», был непримиримым противником догмы о сотворении мира и неизменности видов. Ламарк выдвинул положение о бесконечности времени постепенного развития природы. Жизнь по Ламарку возникла в древние времена и продолжает возникать и ныне, но не сверхъестественным путем, а на основе природных законов. Ламарк утверждал, что виды изменяются. Процесс видообразования он толковал как постепенное формирование разновидностей, «которые затем станут породами, а со временем и видами» (цит. по Э.В. Волковой и А.И. Филюкову, 1966).

Ламарк уделял большое внимание анализу понятия «вид»: «...вид, - пишет он,- должен состоять из совокупности схожих между собой особей, которые остаются такими же при размножении...», этим определением связывается предположение о неизменности видов. В действительности же постоянство видов имеет относительное значение. Отсутствие переходных форм, четкие границы вида – это результат недостаточного количества фактического материала. По мере накопления такого материала исследователь получает доказательства в пользу того, что везде между видами имеются более или менее постепенные переходы.

Эти доказательства привели к тому, что Ж.Б. Ламарк, став эволюционистом, начинает отрицать реальность видов. Застывшее понятие

вида в систематике и текучее, непрерывно изменяющееся явление вида в живой природе, не соответствовали друг другу. В результате этого несоответствия, а также абсолютизации непрерывности развития органических форм жизни, Ламарк высказывает мнение об отсутствии видов в природе.

Ранние эволюционисты сталкивались с непреодолимыми трудностями, связанными с неизученностью вида, а изучение статики вида не могло быть глубоким без представления о виде, как узлом в пункте эволюционного процесса.

Таким образом, историческая ограниченность тогдашних эмпирических фактов и идейного «арсенала», которыми располагал Ламарк, не позволили ему полностью разрешить основные проблемы живой природы, как это в последствии довольно успешно было сделано Ч. Дарвином.

В принципе, именно Ч. Дарвином был вызван великий переворот в естествознании на той основе, что ему удалось убедить большинство современников в факте изменчивости видов. В основу теории Дарвина были положены : изменчивость, борьба за существование и естественный отбор. Биология переживала такую эпоху, когда были необходимы теория эволюции видов и внедрение исторического метода - «Дарвин в своем составившем эпоху произведении исходит из самой широкой, покоящейся на случайности, фактической основы. Именно бесконечные случайные различия индивидов внутри отдельных видов, различия, которые могут усиливаться до выхода за пределы видового признака... именно они заставляют его подвергнуть сомнению прежнюю основу всякой закономерности в биологии – понятие вида в его прежней метафизической окостенелости и неизменности». Дарвин стоял на позиции материалистического понимания изменчивости и наследственности. Он писал о том, что изменчивость всех типов бывает прямо или косвенно вызвана изменением условий существования, выступая против идеалистической концепции онтогенеза, согласно которой характер любых изменений фатально предопределен изначальными внутренними силами.

Дарвин считал, что первоисточником и самой важной причиной изменчивости живых существ является преобразование условий существования. Дарвиновское учение о естественном отборе впервые доказало, что из связи вида с условиями существования его вытекает не только дифференциация видов, но и его подвижность и изменчивость, возможность прогрессивного развития органических форм, их усложнение и общий подъем организации. Огромная заслуга Дарвина заключается в том, что он не только опроверг креационистскую догму о божественном творении видов, но и доказал изменчивость видов и преемственность между ними.

Таким образом Ламарк и особенно Дарвин созданием эволюционного учения ниспровергли ложное утверждение метафизической биологии о вечности, неизменности видовых форм, об их независимом друг от друга происхождении. Дарвин своим эволюционным учением доказал, что растительные и животные формы – виды – происходят одни из других. Тем самым было показано, что живая природа имеет свою историю, свое прошлое, настоящее и будущее.

Дарвин успешно преодолел две односторонние концепции в метафизическом периоде: концепцию «реального вида без развития» и «развития без видов». Им был установлен временной, подвижный и преходящий характер граней вида в живой природе. Вместе с тем, развитие в живой природе понималось дарвинизмом только как сплошная, непрерывная линия эволюции. Поэтому в биологической науке виды перестали считать реальными, отдельными качественными состояниями природы. Так в «Происхождении видов» Дарвин писал: «Из всего сказанного ясно, что термин «вид» я считаю совершенно произвольным, придуманным ради удобства, для обозначения групп особей, близко между собой схожих, и существенно не отличающимся от термина «разновидность», которым обозначают формы менее резко различающиеся и более колеблющиеся (в своих признаках). Также и термин «разновидность», в сравнении с просто индивидуальными различиями, применяется произвольно, ради удобства». Той же точки зрения придерживался и наш соотечественник – биолог и почвовед К.А. Тимирязев: «Разновидность и вид представляют только различие во времени – никакой рубеж тут не мыслим»²¹. Таким образом дарвинизм безусловно признавал существование видов (об этом говорит само название книги Дарвина), однако он отрицал возможность объективно определить объем вида, доказать что какая-то группа является именно видом, а не разновидностью и не родом.

Возникновение эволюционной теории изменило взгляды на степень постоянства видов, на их происхождение, но оно не внесло изменений в представление о сущности вида – оно оставалось чисто типологическим. Вид для Ламарка и Дарвина был формой. Формы же, как утверждали эволюционисты, могли меняться. Именно наличие этих изменений и служило основным доказательством эволюции.

Поэтому возникновение и первоначальное обоснование эволюционной теории неизбежно оказалось тесно связанным с отрицанием объективных границ вида, с утверждением, что вид – это всего лишь условное понятие, придуманное для удобства классификации.

Таким образом, естественных граней, прерывистости между видами по теории дарвинизма в природе не должно быть. Согласно теории эволюционизма по Дарвину для получения одного вида из другого требуется столь длительный промежуток времени, что в течение истории

человечества нельзя наблюдать появление одних видов из других. Но та же теория говорит, что фактически граней между новым нарождающимся и старым порождающим видами просто нет. Отсюда, либо мы не видим зарождение нового вида, либо не хотим признавать это.

Победа дарвиновской теории привела в проблеме вида к весьма двойной и противоречивой ситуации: с одной стороны, передовая теория перенесла вопрос о возникновении вида из компетенции божества в область доступную научному исследованию, а с другой она стирала грани между видами и ставила под сомнение само их существование как реальной структурной единицы систематики.

Это противоречие послужило мощным стимулом для разработки проблемы вида в конце XIX – начале XX веков. Внимание ученых оказалось вновь приковано к учению о виде. До сих пор учение о виде оставалось чисто типологическим. Во всех определениях не хватало объективных критериев. На основе тех относительно скудных знаний, которыми располагали в то время биологи, невозможно было далее развивать теорию эволюции.

И наконец, пятый этап развития представлений о виде связан с началом XX века, когда бурное развитие получило экспериментальное направление в биологических исследованиях. Успешно разрабатывались комплексы новых методов и приемов изучения живой природы. С появлением первых работ А. Кернера (1869) впервые в определение вида было включено и его распространение. Но в то время, попытки этого исследователя заменить морфологический критерий в определении вида на географический (географические расы) не были приняты. Да и сама замена была неадекватна, скорее всего можно было говорить о дополнении определения еще одним критерием, а не о замене. Поэтому дальнейшую разработку эта идея получила в несколько более поздних трудах С.И. Коржинского и В.Л. Комарова (1892, 1901, 1927) и зоологов И. Тодорова (1905) и А.П. Семенова-Тян-Шанского (1910).

В.Л. Комаров последовательно и решительно, а главное обоснованно отстаивал идею реальности вида и решительно выступал против тех, кто отрицал это положение и тем самым делал попытки внести в учение о виде субъективизм, агностицизм и метафизику. В.Л. Комаров выдвинул тезис дополняющий морфологическую характеристику вида: «Вид – это морфологическая система помноженная на географическую определенность»²². Его учение о виде у растений представляет собой новую ступень развития проблемы вида в последарвиновский период.

Чрезвычайно интересны взгляды крупнейшего российского ученого – зоолога этого этапа развития теории вида А.П. Семенова-Тян-Шанского: «Все формы, которые при обладании морфологическими отличиями, представляют особый ареал распространения, я считаю за отдельные самостоятельные расы. Эти расы суть истинные

систематические и географические единицы. Они подлежат исследованию и изучению как нечто действительно существующее. Я разделяю все выделенные мной расы на две крупные категории: видами я называю расы вполне сформированные, с вымершими промежуточными формами, не смешивающиеся между собой в области их общего обитания. Подвидами я называю расы не столь сформированные ... смешивающиеся между собой в области их общего распространения». По мнению многих ученых этого периода определенность географического распространения – ареала вида является одним из основных критериев вида. Географический критерий является всеобщим как для растительного, так и животного мира, но не абсолютным или универсальным. Этот критерий имеет свою сферу применения и использования.

Кроме географического критерия в определении вида в начале XX века зарождается также и экологический. Работы экологического направления явились существенно новым шагом в изучении внутривидовой структуры. Основоположником экологии некоторые авторы считают Э. Варлинга. Другие, и их большинство, немецкого зоолога-эволюциониста - Э. Геккеля, т.к. именно он впервые ввел в научный «обиход» термин «экология» в 1866г. в своей книге «Всеобщая морфология организмов».

Во втором томе этой книги Э. Геккель дал свое определение экологии как науки: «под экологией – писал Геккель- мы понимаем сумму знаний, относящихся к экономике природы: изучение всей совокупности взаимоотношений животного с окружающей его средой, как органической, так и неорганической, и прежде всего – его дружественных или враждебных отношений с теми животными и растениями, с которыми он прямо или косвенно вступает в контакт. Одним словом, экология – это изучение всех сложных взаимоотношений, которые Дарвин называет условиями, порождающими борьбу за существование» (цит. по Р. Риклефс. 1979).

Формулируя понятие экологии как науки Э. Геккель строил его не на пустом месте, т.к. он опирался на большой фактический материал, накопленный биологией в предшествующие годы. Так еще в 1798г. Т. Мальтус описал уравнение экспоненциального роста популяции, на основе которого строил свои демографические концепции.

Ж.Б. Ламарк в своей «Гидрографии», фактически предвосхитил представление о биосфере, а французский врач В. Эдвардс (1824) опубликовал книгу «Влияние физических факторов на жизнь», которая послужила началом экологической и сравнительной физиологии.

В России проф. Московского Императорского ун-та К.Ф. Рулье на протяжении 1841-1858 гг. дал практически полный анализ принципиальных проблем экологии в плане реальности существования вида. Он первый четко определил принцип взаимоотношения организма и

среды: «Ни одно органическое существо не живет само по себе; каждое вызывается к жизни и живет только постольку, поскольку находится во взаимосвязи с относительно внешним для него миром. Это закон общения или двойственности начал, показывающий, что каждое живое существо получает возможность к жизни частью из себя, а частью из внешности»(цит. по Волковой Э.В. и Филюкову А.И. 1966).

Механизм взаимоотношений организмов со средой К.Ф. Рулье обсуждал настолько близко к классическим принципам Ч. Дарвина, что его по праву можно считать предшественником Ч. Дарвина. К сожалению К. Рулье умер в 1858г. за год до выхода в свет «Происхождения видов».

Таким образом, с расширением экологических исследований и накоплением новых данных, вид стал изучаться биологами не только со статической точки зрения морфологической систематики, но и под углом зрения его динамики, изменений, происходящих под влиянием экологических факторов. При расселении вида происходит экологическая дифференцировка, т.к. вид, попадая в новые условия существования распадается на соответствующие экологические формы. Установлено, что экологический критерий отражает распространение и приспособление данного вида в рамках географического ареала к специфическим условиям существования (Г.В. Никольский. 1968.)²⁵. В экологической литературе отмечается, что существуют географические, экологические и элементарные популяции. Каждая популяция населяет или использует в своих миграциях только определенный регион – территорию или акваторию с географически однородными условиями. Территориальные размеры географических популяций определяются особенностями заселенной территории и самого вида. Внутри этих популяций возможно перекрестное размножение, хотя между собой они разобщены и имеют некоторые существенные морфо-физиологические различия.

Настоящий же переворот в общебиологических взглядах произошел после переоткрытия законов Г. Менделя. Именно генетические методы и идеи оказали наиболее сильное и очень противоречивое влияние на теорию вида. Особо важное значение для разработки проблемы вида имело применение методов экспериментальной генетики. Теоретическим фундаментом классической генетики является хромосомная теория наследственности. Основы генетического критерия вида были заложены именно этой теорией. Специфика вида в числе, величине и структуре хромосом была выявлена путем тщательного экспериментального изучения структуры и функции клетки, ее составных элементов, в частности сложной структуры ядра и его функции. В соматической клетке любого индивида данного вида, содержится строго определенное количество хромосом, которое и является его видовым признаком. Отклонение числа хромосом от обычной нормы приводит к различным расстройствам и заболеваниям. «Исследованиями обнаружено, что хотя

число хромосом широко варьирует от вида к виду, для каждого данного вида оно остается постоянным А. Бирн и Д. Джереми, 1964 (цит. по Э.В. Волковой и А.И. Филлюкову, 1966). Различные систематические единицы (виды, роды и др.) могут отличаться друг от друга и количеством и величиной, и формой хромосом. Т.о. существенные отличия видов и внутривидовых единиц (популяций) широко распространенное в природе явление.

Последние десятилетия развития биологии подтвердили главную естественно-научную идею хромосомной теории о том, что свойство наследственности имеет своего материального носителя. Материальная природа генов долгое время оставалась недостаточно ясной, хотя было известно, что гены приурочены к структуре хромосом и обладают специфическими функциями. Материальным носителем наследственности является комплекс ДНК-белок.

3. Проблема вида в современной науке. В настоящее время установлена видовая и, более того, индивидуальная специфичность ДНК. Под действием естественной и искусственной гибридизации, мутагенных факторов (рентгеновский лучи, радиация, химические вещества и др.) и внешней среды, вид распадается на различные внутривидовые полиплоидные формы. В результате изменений структуры ДНК меняется величина, форма и структура хромосом в пределах одного вида, т.е. виды и популяции включают массу наследственно различающихся форм.

Признание внутренне противоречивого характера хромосомной теории является важнейшим условием для научного толкования вопроса об отношении данной теории к генетическому критерию вида.

В последнее время генетика вида предстает в большей степени в виде генетики популяций – надорганизменных единиц. Генетика популяций, созданная трудами Г. Харди, С. Райта, С.С. Четверикова, Н.В. Тимофеева-Ресовского, Н.П. Дубинина и др. связала внутриклеточные основы наследственности с процессами групповой жизни вида – скрещиванием, размножением, расселением.

Изучение вида после Ч. Дарвина шагнуло далеко вперед, появилось множество новых критериев определяющих вид, но отсутствовала еще теория, обобщившая бы новые данные. Количество вновь обнаруженных сторон явления намного опередило выяснение их внутренней взаимосвязи. Вновь открытые критерии применялись к изучению вида разрозненно в отрыве от остальных, в результате чего получалось, что вид с точки зрения цитологического критерия, например, не совпадал с видом, определяемым при помощи критерия географического; рамки вида на основе иммунохимического (серологического) анализа не совпадали с морфологическими границами вида (Алтуфьев Ю.В., Лукьяненко В.И., Умеров Ж.Г., 1969). Все это опять порождало формализм в систематике, который вел в свою очередь к

агностицизму и субъективизму, что приводило к искажению толкования эволюционных взаимосвязей в природе.

Оказалось, что среди признаков вида нет ни одного, который можно было бы использовать как единственный абсолютный видовой критерий.

Многие ученые в начале XX века начали распространять мнение о необходимости совместного применения всех известных науке критериев вида в их совокупности. Все более отчетливо ставился вопрос о теснейшей связи различных сторон жизни и организации вида.

Так, Н.И. Вавилов (Н.И. Вавилов, 1965) считал, что для разграничения видов необходимо принимать во внимание помимо морфологических признаков, их физиологическую обособленность, нескрещиваемость, географическую и экологическую изоляцию. «Линневский вид в нашем понимании – писал он – обособленная сложная подвижная морфо-физиологическая система, связанная в своем генезисе с определенной средой и ареалом». Детально исследовав внутривидовое разнообразие огромного количества видов растений Вавилов разработал учение о центрах происхождения видов и центрах разнообразия форм и показал, что районы, где происходит интенсивное видообразование, отличаются самым богатым генофондом. Вавилов сделал попытку синтезировать генетическую концепцию вида с эколого-географической и морфо-физиологической концепциями. Т.о. он рассматривал вид во взаимодействии со средой, где он выступает как отдельность и вместе с тем включая многообразие форм является одновременно как единицей, так и системой.

Синтетическая устремленность этого этапа в познании сущности вида выразилась в решительном повороте к исследованию проблемы целостности вида. Исследования этой проблемы дают возможность по новому осмыслить соотношение моментов тождества и различия в жизни видов. Тождество (целостность, устойчивость) и различия (дифференцированность, изменчивость) образуют две противоположные тенденции в жизни вида, взаимодействие и борьба которых пронизывает все стороны и все процессы этого явления. Борьба между стабилизирующими и видоизменяющими тенденциями (т.е. флуктуирующее равновесие) определяет возможность видообразовательного процесса.

Историческое развитие научных воззрений на вид началось с открытия вида, как особого явления природы. Познание сущности вида на различных этапах биологии приводило к открытию законов, выражающих устойчивое и прочное начало в отдельных сторонах вида, как явления. Начальный период в познании сущности вида, основанный на морфологической стороне явления привел к открытию закона единства типа.

На следующем этапе был открыт закон об определяющей роли условий существования в жизни вида. Открытие закона естественного отбора, представляющего по сути закон изменений видов (их преобразования) и их происхождения явился венцом дарвиновского учения о виде.

Проблема вида и видообразования до сих пор сохраняет ведущее значение для теории эволюции. Разработка этой теории привела к созданию так называемой синтетической теории эволюции (СТЭ), которая явилась плодом коллективных усилий биологов различных специальностей и до сих пор служит предметом обсуждения и дискуссий как биологов, так и философов. Синтетическая теория эволюции вполне допускает «пунктуализм» в развитии видов и т.о. теория «прерывистого развития» (Гулд и Элдридж) отнюдь не противостоит дарвинизму. Дарвин считал, что изменения происходят закономерно, синтетическая теория эволюции – случайно. Новая теория включила в себя все крупные достижения эволюционизма последнего времени. Важнейшей тенденцией развития теории эволюции, в последнее время, было расширение и углубление синтеза биологических знаний на основе изучения структуры популяций и закономерностей естественного отбора.

3. ОСНОВНАЯ ФОРМА СУЩЕСТВОВАНИЯ ЖИВОЙ МАТЕРИИ (Ю.В. Алтуфьев)

1. Понятие вида в классической науке. Одной из центральных философских проблем той или иной естественно-научной теории является оценка важнейших принципов и понятий этой теории с точки зрения основного вопроса философии. Идеиное содержание и методологическая направленность исследований теории вида определяется в первую очередь позицией, которую занимает исследователь в вопросе о соотношении понятий «вид», как условность – ради удобства, и вид как «объективная реальность».

Представление о виде как «объективной реальности» и виде как «условном понятии», связаны с определенными взглядами на ход исторического развития, роли в нем внутривидовых отношений, характер изменчивости. В современной биологии существуют две основные концепции вида, связанные в первую очередь с позицией, которую занимали исследователи в вопросе о соотношении понятия «вид» и «объективная реальность». Одни ученые считают, что вид, как и другие таксономические единицы – условное понятие, введенное исследователями для удобства классификации (А. Кэйн. 1958)²⁷, который считал, что понятие вида сводится к определению, что это временной квант биологического вида), а другие, что это объективная реальность,

дискретность, как форма существования живой материи, вид и другие таксономические категории по их мнению не существуют. Подобной откровенно идеалистической позиции придерживались лишь немногие из биологов (А. Агассис, Р. Оуэн). В то же время креационисты – метафизики (Дж. Рей, К. Линней, Ж. Кювье) не сомневались в реальности вида, хотя само их понимание реальности строилось на идеалистической основе. С другой стороны, некоторые естествоиспытатели- материалисты отрицали реальность видов в природе и признавали только существование в ней особей, производящих себе подобных (Ж. Бюффон, Ж.Б. Ламарк).

Другие ученые считали, что вид, как и другие таксономические категории – реально существующая во времени и пространстве дискретность (Т. Абдылдаев. Спорные вопросы теории вида и видообразования. Философские науки. 1965.М., цит. по Э.В. Волкова, А.И. Филюков. 1966.).

Признание или отрицание реальности существования вида не связано с признанием или отрицанием противоречивых отношений и борьбы между особями одного и того же вида. Разница в представлениях заключается в том, что одни исследователи видят во внутривидовой борьбе и отборе более приспособленных особей постоянно действующий фактор эволюции, приводящий к постепенному переходу одного вида в другой; другие же считают, что внутривидовые отношения – это видовое приспособительное свойство, обеспечивающее в изменяющихся условиях жизни существование вида как относительной стабильности.

Так же как концепция об абстрактности понятия вида, концепция о реальности вида опирается на определенную методологию, определенную философию.

Эволюционная теория Ч. Дарвина долгое время находилась под угрозой краха из-за распространенного в XIX веке мнения о передаче наследственности. Считалось, что передача наследственных признаков происходит по принципу смешивания, т.е. родительские признаки переходят к потомству в некотором усредненном варианте. Что позволяло логически заключить, что любой даже самый «выгодный» для вида признак, появившийся в результате мутации со временем должен исчезнуть, растворится в популяции. Это обстоятельство автоматически предопределяло невозможность естественного отбора. «Кошмар Дженкинса» - математически доказавшего эту необходимость наследования строго математически преследовал Ч. Дарвина многие годы, т.к. ни он сам ни его современники не могли опровергнуть это доказательство. Эту задачу решил только лишь Г. Мендель, суть гипотезы которого можно изложить примерно так: наследование носит не промежуточный, а дискретный характер. Наследуемые признаки передаются генами, поэтому при передаче их потомству от поколения к поколению идет их расщепление, а не смешивание. Наследование

признаков идет в режиме расщепления, а наблюдаемое в большинстве случаев «смешивание» вызвано тем, что за наследование признаков несет ответственность не один ген, а их совокупность, это и «смазывает» менделевское расщепление. Таким образом принцип естественного отбора был спасен.

Говоря об ошибках Ч. Дарвина многие даже наши современники, и биологи и философы, часто не учитывают уровень знаний предшествующей эпохи. Так Т.Д. Лысенко упрекал автора (Ч. Дарвина) в том, что его учение является плоским, односторонним эволюционизмом: «Дарвинизм утвердил в биологической науке идею происхождения одних органических форм из других. Однако развитие в живой природе понималось дарвинизмом только как сплошная, непрерывная линия эволюции. Поэтому в биологической науке, именно в науке, а не в практике, виды перестали считать реальными, отдельными качественными состояниями природы.».

И здесь же он дает свое определение вида: «Вид – это особенное качественно определенное состояние живых форм материи. Существенной характерной чертой видов растений, животных и микроорганизмов являются определенные внутривидовые взаимоотношения между индивидуумами. Эти внутривидовые взаимоотношения качественно отличны от взаимоотношений между индивидуумами разных видов. Поэтому качественное отличие внутривидовых взаимоотношений от межвидовых взаимоотношений является одним из важнейших критериев для различения видовых форм от разновидностей»²⁹.

И далее, в соответствии со своей позицией, он (Т.Д. Лысенко) говорит о том, что: «Неверным является утверждение что разновидность есть зачинающийся вид, а вид – резко выраженная разновидность.».

На наш взгляд, ошибка Ч. Дарвина заключалась именно в том, что он в своем естественном отборе или выживании наиболее приспособленных «особей вида» смешивал две совершенно разные вещи: 1.- отбор под давлением скажем так «демографического роста» (по Мальтусу) т.е. перенаселение, если говорить о животных или растительных организмах и 2.- отбор благодаря большей приспособленности к изменяющимся условиям среды обитания. В определенной степени ту же самую мысль высказывал еще С.Г. Крыжановский (С.Г. Крыжановский. 1953.). В нашей стране и за рубежом подавляющее большинство зоологов и значительная часть ботаников исходят из представления о реальности вида, существующего как относительная стабильность в пространстве и, что особенно важно во времени. Семенов-Тянь-Шанский²³, подчеркивая реальность вида, говорил, что он характеризуется суммой определенных наследственных структурно-морфологических признаков, обыкновенно сопровождаемых определенными биологическими особенностями. Он утверждал, что эти

признаки есть «результат воздействия комплекса физико-географических факторов в геологически уже минувшее время» и, что виды отделены друг от друга морфологическим габитусом. В потомстве одного вида не могут появиться особи других видов. Вид характеризуется определенной областью распространения. Говоря о видообразовании, Семенов-Тянь-Шанский отмечал, что «в процессе видообразования главным двигателем, единственным агентом и регулятором, вызывающим специфические свойства и признаки ... отбирающим жизнеспособные в данной обстановке формы ... является сама природа нашей планеты в отдельных комплексах ее физико-географических свойств и условий».

В современной зоологии и палеонтологии накоплено много фактов, указывающих на относительную стабильность вида во времени. Так например, виды современной ихтиофауны, населяющие континентальные водоемы Палеоарктики, видимо сформировались как таковые в середине третичного периода. Так осетровые (*Acipenseridae*), колоссально изменив и обогатив характер связей со средой обитания, смогли сохранить при этом генерализованный морфотип, что не привело их к крайней специализации по линии педоморфной эволюции, как веслоносов, и не направило на поиск экзотических условий обитания, как скажем лопатоносов, что вполне объяснимо абиотическими факторами эстуарных солоноватых вод – исконного места их обитания. Поскольку таких мест в окраинных областях Лавразии было более чем достаточно, осетры широко расселились в пределах северных материков. Бореальная, викарирующая структура видов осетровых составляющих род *Acipenseridae* позволила им (несмотря на малую, по сравнению с другими видами, численность) выжить и расселиться по всем водоемам северного полушария Земли. Конечно же не все виды древней ихтиофауны дошли до наших дней, многие из них вымерли.

С.Г. Крыжановский. (С.Г. Крыжановский. 1953.) писал: «Специфическая среда, в которой живет вид, постоянно изменяется его жизнедеятельностью и другими внешними силами. Пока эти силы носят преимущественно количественный обратимый характер, не переходят в совершенно иное качество – вид остается самим собой. Так он может существовать очень долго – сотни тысяч лет. В то же время, соответственно указанным изменениям среды вид постепенно изменяется, но эти изменения тоже носят преимущественно количественный, обратимый характер (изменяется численность вида, упитанность, плодовитость и т.п.) и не затрагивают его существенных качеств, и не превращают вид в другой.». Таким образом, относительная стабильность вида обеспечивается его приспособительной изменчивостью.

Жизнь вида – это непрерывная смена поколений, причем сам характер этой смены в известных пределах специфичен и является как

говорил С.А. Северцов³¹ (С.А. Северцов. 1941.) его приспособительным свойством.

2. Характеристики вида. Характерной особенностью вида, является то, что это саморегулирующаяся система, в продолжении сотен тысяч лет она сохраняет более или менее колеблющийся уровень своей численности, никогда не увеличиваясь беспредельно и не уменьшаясь до нуля, т.е. как это отмечалось и ранее находится во флуктуирующем равновесии, несмотря на большие изменения происходящие в окружающей среде. Очевидно это необходимо для сохранения равновесия в данном биотопе всех его составляющих как органического, так и неорганического происхождения.

Важнейшее свойство вида, формирующееся при его становлении и обеспечивающее его стабильность – это изменчивость особей в популяциях составляющих вид. А.П. Семенов-Тян-Шанский говорил, что разные виды обладают совершенно разной амплитудой колебаний и, следовательно, разной амплитудой конституционной эластичности. В принципе речь здесь идет о понимании экологической валентности – термина введенного в биологию значительно позже опубликованных работ Семенова-Тян-Шанского. К настоящему времени всем известно, что чем стабильнее те условия в которых формировался вид, тем он стенобионтнее, тем меньше его изменчивость, а следовательно и адаптивные возможности к изменению абиотических и биотических факторов среды. Стенобионтные виды представляют собой «более жесткую конструкцию». Будучи приспособлены к жизни в более стабильных условиях они в процессе эволюции, в процессе становления их как новых видов, выработали у себя регуляторные механизмы, действующие в пределах более узкой амплитуд, чем у эврибионтных видов. В частности именно этим объясняется феномен теории биологического прогресса осетровых по Н.Л. Гербильскому (цит. по Ю.В. Алтуфьеву. 2006).

При резкой смене условий среды обитания стенобионтные виды вымирают быстрее чем эврибионтные, т.к. не могут «амортизировать» своими регуляторными механизмами, включая морфологическую изменчивость, тех резких изменений условий среды которые наступают в результате природных или, теперь уже, и техногенных воздействий.

Изменение условий окружающей среды, существенное для видовой специфики данных организмов, рано или поздно вынуждает изменяться и саму видовую специфику. При этом регуляторным приспособлением вида является не только изменения соответствующие изменениям условий, но и размах variability признаков и вновь обретаемых свойств (приспособлений). Соответственно изменяются и средние величины признаков. Если условия жизни изменяются плавно (во временном или географическом отношении – от местообитания к местообитанию), то

наблюдается так называемая клональная изменчивость. Если изменение происходит резко, то свойства популяции меняются скачкообразно. Нередко в биологии скачек характеризуется как временное явление. Причем иногда, даже философами, скачки подразделялись на скачки-взрывы и длительные скачки. При этом забывалось, что всякий скачок во времени относителен, что **взрыв** – скачок по отношению к **горению** и постепенность по отношению к **детонации**. Основной показатель скачка – становление нового качества, а временной показатель служит лишь одним из признаков, характеризующих скачок.

Таким образом непрерывность вида представляет собой теоретическую возможность, поскольку она может осуществляться лишь в таких условиях, при которых естественный отбор будет все время поддерживать и охранять существующую организацию особей данного вида. В действительности же именно естественный отбор является механизмом развития вида. В процессе исторического развития виды изменяются, причем одни из них отмирают, а другие образуются из своих предшественников. Одним из наиболее полных перечней характеристик видового уровня организации жизни является, пожалуй приведенный К.М. Завадским в его работе «Учение о виде»:

1. Численность. Вид включает множество особей, т.е. является надындивидуальным образованием. Уровень численности вида входит в его качественную характеристику.

2. Тип организации. Вид имеет единую наследственную основу. Генотипическое единство вида проявляется в специфичности нуклеопротеидов, белков и обмена веществ, в сходстве физиологических функций, внутреннего и внешнего строения особей. Вид – однородное (относительно гомоморфное) образование и как тип организации выступает в качестве особой единицы.

3. Воспроизведение. Вид - самостоятельно воспроизводящаяся в природе единица, способная в процессе размножения сохранять свою качественную определенность.

4. Дискретность. Вид – биологическая отдельность, существующая как более или менее обособленное образование.

5. Экологическая определенность. Вид приспособлен к определенным условиям существования и конкурентоспособен. Он занимает свое особое место в «экономике природы» и выступает как отдельное звено в круговороте веществ и во взаимосвязях живого с живым.

6. Географическая определенность. Вид расселен в природе на определенной территории. Ареал является обязательной чертой, входящей в характеристику вида.

7. Многообразие форм. Вид дифференцирован и обладает внутренней структурой. Включая в свой состав много разнородных форм, вид выступает как система.

8. Историчность. Вид является продуктом и в то же время полем деятельности естественного отбора. Поэтому вид - не только следствие или этап эволюции, но и носитель эволюции, т.е. образование, в рамках которого только и может протекать эволюционный процесс. Историчность вида проявляется во временном существовании его в природе.

9. Устойчивость. Вид не имеет заранее заданного, внутренне определенного срока существования в природе. Способность сохранять качественную определенность в течение определенного геологического времени – специфическая черта вида.

10. Целостность. Вид является племенной общностью, объединенной внутренними связями, и не представляет собой простой суммы особей. Связями консолидирующими вид в биологически целостную систему, являются «видовые адаптации», полезные виду как целому, а также особый строй внутривидовых отношений.

Таким образом, все системы организменного уровня не имеют самостоятельного развития. Их развитие протекает в рамках вида. Естественный отбор действует лишь в массе особей, поддерживая установившуюся систему вида, с одной стороны, и обеспечивая переход индивидуальных изменений на видовой уровень, с другой.

МЕСТО И РОЛЬ ОСНОВНЫХ ЗАКОНОВ ДИАЛЕКТИКИ В ПРОЦЕССАХ ВИДООБРАЗОВАНИЯ (Ю.В. АЛТУФЬЕВ)

1. Диалектические законы и их роль в изучении природы.
Материалистическая диалектика – учение о развитии природы и ее форм. Развитие есть единство прогрессивных и регрессивных изменений, движение вперед и назад. Главные принципы диалектики: принцип развития и принцип всеобщей связи явлений, тесно связаны с проблемой видообразования, также как и главные ее законы: закон единства и борьбы противоположностей, закон взаимного перехода количественных изменений в качественные, закон отрицания отрицания.

Немецкая классическая диалектика и диалектический материализм впервые научно объяснил проблему источника развития. Основным источником развития является самодвижение материи. Идея о происхождении и развитии биологических видов путем естественного отбора составила главное содержание теории Ч. Дарвина.

2. Закон единства и борьбы противоположностей в изучении вида. Среди всеобщих законов диалектики основным является закон единства и борьбы противоположностей. Он раскрывает источники и движущие силы развития. Этот закон, сформулированный немецким философом Г.В.Ф. Гегелем, был выведен им на основе диалектики античного философа Гераклита, утверждавшего, что причиной развития является борьба противоположностей. Гегель придает этой идее научный статус. Главным понятием здесь выступает «противоречие» как состояние единства и борьбы противоположностей. Противоположности – это крайняя степень различия, полярные свойства объектов. Их единство вытекает из того, что у каждой противоположности есть «свое иное», а не иное вообще (например, черное является противоположностью не холодного или живого, а белого). Противоположности, как утверждает Гегель, не существуют друг без друга, постоянно взаимодействуют, взаимопревращаются. Однако им присуще и стремление к вытеснению своей «иной» половины. Если «силы» противоположностей равны, противоречие не разрешается, но по мере того как одна из них начинает доминировать (в силу действия закона перехода количества в качество), противоречие переходит в конфликт и разрешается через победу одной из них. Данный закон показывает источник, причину развития, имеющую внутренний характер.

В применении этого закона к видообразованию источниками развития являются сами организмы, а движущими силами – факторы окружающей среды (внешние) и изменение структуры и функций организма (внутренние).

Видам, как и всем вещам, явлениям и процессам, присуще внутренне тождество и различие. Тождество – отношение вида к самому себе и другим видам, свойства которых совпадают друг с другом. Например, у многих видов рыб в определенных условиях возникают карликовые, обычно рано созревающие (скороспелые) формы. Чаще это бывают, как например у лососевых, самцы, составляющие часть нерестовой популяции. У таких видов рыб, как алтайский осман и обыкновенная Маринка, в определенных условиях возникают хищные большеротые формы. Кроме того все позвоночные, даже вторично вернувшиеся в водную среду (киты, дельфины) приобретают рыбообразную форму.

Конкретное тождество необходимо содержит в себе различие и изменение. Вид в течение всего существования не только остается тождественным самому себе, но и изменяется, приобретая новые качества и свойства и становится другим.

Различие – отношение вида к самому себе и другим видам, свойства которых не совпадают друг с другом. Один и тот же вид, в одном отношении является тождественным самому себе, и в то же время он не

тождественен самому себе т.к. изменяется, содержит в себе различия на индивидуальном уровне. Тождество выражает относительную устойчивость вида, а различие -его изменчивость. Любой растительный или животный организм в процессе своей жизни тождественен с собой и в то же время становится отличным от себя, благодаря непрерывному процессу обмена веществ, совершающемуся между ним и окружающей средой.

Метафизики не видят неразрывной связи между тождеством и различием, поэтому их рассуждения ограничиваются лишь либо «да», либо «нет», т.е. данный вид либо равен себе, либо нет.

Правильный ответ на вопрос о виде и видообразовании может быть получен лишь на основе диалектики. В природе противоположности существуют как в живых телах, так и между организмами и средой (включая сюда абиотические факторы). Противоположности – те внутренние стороны, которые исключают, а вместе с тем и дополняют друг друга. Отношение неразрывной взаимосвязи этих сторон составляет единство противоположностей. Например, характерные для процесса видообразования наследственность и изменчивость. Наследственность – это тенденция организма сохранять приобретенные по наследству свойства; изменчивость – нарушение сбалансированных механизмов, обеспечивающих наследственность. Явление видообразования, как и все явления и предметы мира, раздваивается на противоположности. Они не только не исключают, но и не мыслимы друг без друга. Например, предок лошади из небольшого пятипалого животного, обитавшего в болотистых лесах, где его от хищников скрывали небольшие размеры и высокая трава с иссушением климата вынужден был постепенно перейти в степи, где его доступность хищникам увеличилась, что в свою очередь вызвало необходимость увеличения размеров, изменения конечностей, повышения скорости передвижения (т.е. изменение как морфологических, так и физиологических характеристик) и др. количественных признаков приведших в конечном счете к возникновению совершенно другого вида – крупной формы с однопалой конечностью – близкого к современной лошади.

На протяжении жизни, в процессах жизнедеятельности, каждый организм вступает в определенные отношения как с другими организмами своего вида, так и с организмами других видов, которые либо служат ему пищей, либо являются хищниками по отношению к нему, либо конкурируют в питании, либо паразитируют на нем (все эти взаимоотношения в большой степени рассматриваются в синэкологии). Помимо этого, каждый организм подвергается воздействию абиотических факторов среды обитания. Все эти многообразные и противоречивые взаимоотношения со средой обитания и ее обитателями, включающие в частности, как жесткую конкуренцию, так все формы паразитизма,

комменсализма, симбиоза и т.д. и называют со времен Ч.Дарвина «борьбой за существование». Дарвин утверждал, что главное значение для эволюции имеет наследственная изменчивость, позволяющая «закреплять» происходящие изменения и трансформировать в ряде поколений облик всего организма. Он пришел к главному заключению: в процессе борьбы за существование особи уничтожаются избирательно; выживание особей в среднем зависит от тех незначительных отличий, которыми любая особь отличается от множества других.

3. Закон перехода количественных изменений в качественные и его роль в биологии. В жизни всегда есть новое и старое. На первых порах, когда новое только что возникает, оно слабее, поэтому главной, господствующей стороной является старое. Это продолжается до тех пор, пока новое, растущее не возьмет верх над старым, умирающим, тогда новое превращается в главную силу, а старое, уступив в борьбе место новому, становится в подчиненное положение и, в конечном счете, уничтожается. Так происходит превращение одной стороны противоречия в другую.

Объективный процесс развития как в обществе, так и в природе, и, в частности в видообразовании, подчиняется закону взаимного перехода количественных изменений в качественные и наоборот, согласно которому в развитии всех предметов и явлений материального мира количественные изменения в их состоянии и свойствах неизбежно приводят со временем к коренным, качественным изменениям, причем вновь возникшее качество подчиняется новому закону и темпу количественных изменений. Этот закон диалектики, впервые сформулированный Гегелем, раскрывает сущность процесса появления нового в понятии. По Гегелю, качество есть совокупность наиболее существенных свойств объекта. Изменение качества происходит в результате роста или убыли количества. Простого изменения количества для такого перехода еще недостаточно, необходимо, чтобы была перейдена определенная граница, мера объекта. Мера – это диапазон количественных изменений, в пределах которого качество не изменялось. После того как мера пройдена, наступает резкий скачкообразный переход на новый уровень развития. Затем начинается новый количественный рост, который может способствовать появлению нового качества и количества.

Все виды обладают определенными количественными и качественными характеристиками, которые существуют в единстве друг с другом.

Качество вида – внутренняя определенность его, представляющая собой функциональное единство его важнейших свойств и выражающая основные отличия от других видов. В качестве воплощена связь всех основных свойств вида. Свойство всегда бывает более элементарным, чем качество. Оно характеризует качество с какой-либо одной стороны.

Свойства обнаруживаются во внутренних и внешних связях и взаимодействиях видов, а также их взаимодействием друг на друга. Определенное множество свойств органически связанных между собой общим законом взаимодействия составляет качество вида.

Изменение одних свойств ведет к изменению других, а если этих изменений накопилось достаточно много, то происходит изменение качества вида, т.е. образуется новый вид с новым качеством, отвечающий в большей степени изменившимся условиям среды обитания (условиям существования). Т.о. накопление новых свойств приводит к образованию качественно нового вида.

Количество – числовая характеристика. В отношении вида эта характеристика является наиболее значимой в период эволюционного подъема, когда вид занимает очень большой ареал и достигает максимальной абсолютной численности. В настоящее время, например, на эволюционном подъеме находятся среди рыб – лещ, плотва, серебряный карась, синец; среди грызунов – полевки, серые крысы, белые лемминги; среди птиц – многие воробьиные.

Между количеством и качеством существует неразрывная связь, которая находит свое отражение в понятии меры. Это понятие определяет, что далеко не всякое качество может сочетаться с какими-либо количественными характеристиками. Оно сочетается лишь с теми, которые лежат в пределах данного вида.

Мера – это определенный количественный интервал значений свойств, в рамках которого может существовать данное качество. Мера в видообразовательном процессе может быть подвижной и изменчивой, разной для различных, но качественно однородных процессов и явлений. Если изменение качества зависит от большого количества параметров, то оно является функцией множества свойств. Изучая постепенное изменение качества в различии многих видов, очень трудно бывает порой указать ту границу, где кончается старое качество и начинается новое. На определенном этапе изменений вида, когда будет пройдена граница меры, вид неизбежно превратится в другой с новыми свойствами и качеством.

Переход количественных изменений в качественные обуславливает дальнейшее усложнение форм материи, рост качественного многообразия явлений. Переход от старого качества к новому всегда связан со скачком или перерывом в развитии. Скачок происходит в области границ меры, где новые количественные изменения уже не могут происходить в рамках старого качества и вызывают появление нового качества. Как уже говорилось в предыдущей главе, период скачка может иметь разную длительность во времени. Анализ популяций, образовавшихся в результате акклиматизации различных видов, показал, что в одних случаях, за короткий срок возникают очень значительные различия, как например, у севанской форели – гегаркуни, акклиматизированной в оз. Иссык-Куль, у

которой морфофизиологические показатели изменились настолько, что по ним можно выделить ее в особый подвид, как впрочем и черноморскую кефаль – сингиль – акклиматизированную в Каспий, а с другой стороны вселение в Каспийское море такого вида тихоокеанских лососей как кета не вызвало сколь-нибудь ощутимых изменений как в собственной морфофизиологической характеристике, так и в биоценозе Каспия, несмотря на то, что первые попытки ее акклиматизации были предприняты в 1962г. Т.о. формы перехода от одного качества к другому многообразны и зависят как от внутренних особенностей, так и от внешних условий. В одних случаях скачку предшествует относительно длительное время накопления количественных изменений. Так, если в популяции при изменении условий существования за счет мутаций увеличивается количество какого-либо аллеля (ведущего тем или иным признаком) до определенного предела, то вид в течение длительного времени может перейти в другой вид. В других случаях количественные изменения сразу же вызывают переход к новому качеству без предшествующего накопления этих изменений. Если изменения наследственных основ организма происходят в достаточно больших количествах, то качественные изменения приобретают форму быстрого скачка.

4. Закон отрицания отрицания. Закон «отрицание отрицания», или «закон двойного отрицания», так же был впервые сформулирован Гегелем, а затем использован в марксизме и современных науках. Его иллюстрирует знаменитая «гегелевская триада»: *Тезис – Антитезис – Синтез*. Отрицание, по Гегелю, есть устранение, преодоление старого качества или утверждения (Тезиса). Его вытеснение характеризует Антитезис как критику старого и отказ от него. Это пример простого, «голового», «дурного» отрицания, которое еще не означает развития, его результатом может быть «хождение по кругу», поскольку каждое новое будет отвергать старое до бесконечности (Гегель называет его «дурной бесконечностью»). Для того чтобы осуществилось развитие, необходимо снятие, сохранение всего наиболее ценного в содержании Тезиса, а также учет критики, данной в Антитезисе. В результате этого диалектического отрицания, или диалектического снятия происходит Синтез, процесс соединения наиболее важного в содержании предшествующих ступеней. Таким образом, данный закон показывает, что развитие происходит в направлении от простого к сложному, от низшего – к высшему.

Переход одного вида в другой – есть его собственное отрицание. На палеонтологических материалах закон отрицания отрицания прослеживается на примерах вымерших и современных видов. Этот закон отражает особенность развития, как поступательного процесса с присущей ему как бы повторяемостью первоначальных ступеней на высшей исторической основе и в новой более прогрессивной форме.

Диалектическая концепция отрицания исходит из отрицания старого новым как всеобщей закономерности поступательного движения. Отрицание имеет свои особенности. Первой его особенностью является признание его объективности, т.е., отрицание является стадией развития объективного процесса. Второй особенностью отрицания является самоотрицание, т.е. каждое явление содержит в себе самом свое собственное отрицание. Третья особенность диалектического понимания отрицания – признание его конкретности, которая включает в себя определенность способа отрицания. Это значит, что для каждого вида существует свой особый способ отрицания, ведущий к дальнейшему развитию. Конкретность отрицания – отрицание старой формы с сохранением всего положительного, т.е. способного к дальнейшему развитию в содержании данного процесса. Новые виды возникают не отдельно от старых, а внутри них, сохраняя все их положительные качества.

Важным моментом в законе отрицания отрицания является направленность поступательного движения, тенденция воспроизведения старого на более высокой ступени.

Таким образом, диалектический метод может быть применен к изучению проблем формирования видов, что показывает универсальность, всеобщность законов развития и эволюционного совершенствования форм жизни.

Библиографический список:

- Волкова Э.В., Филюков А.И. Философские вопросы теории вида. – Минск. 1966. С. 211.
- Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. М.
- Энгельс Ф. Диалектика природы. Собр. Соч. т.20. М. С.211.
- Список форумов - www.paleo.ru «Проблемы эволюции».
- Опарин А.И. Проблема происхождения жизни в современном естествознании// Философские вопросы современной биологии.- АН СССР. М. 1951. С. 271 -272.
- Рутген М. Происхождение жизни. Пер. с англ. Изд. «Мир». М. 1973. С. 73-83.
- Вавилов Н.И. Линнеевский вид как система как система. Избр. Тр. Т.У. АН СССР. М. 1965. С. 231.
- Большая советская энциклопедия. Т.23. 1949-1953. С. 298.
- Дарвин Ч. Происхождение видов. Соч. т.3. АН СССР. М. 1956. С. 308-309.
- Тимирязев К.А. Исторический метод в биологии. Соч..т.УІ. М. «Наука».1946. С. 6.

- Комаров В.Л. Учение о виде у растений. Избр. Соч. т. I. М. – Л. АН СССР. 1945. С.199.
- Семенов-Тянь-Шанский А.П. Таксономические границы вида и его подразделений. Записки Академии наук. Серия 8. т. XXV. №1. 1910. С 5-6.
- Риклефс Р. Основы общей экологии. Пер. с англ. Изд. «Мир». М. 1979. С. 10-11.
- Никольский Г.В. Экология рыб. М. «Наука». 1968. С. 223.
- Атуфьев Ю.В., Лукьяненко В.И., Умеров Ж.Г. Антигенная дифференциация волжской и уральской популяций русского осетра// мат. научн. Сессии ЦНИОРХ. Изд. «Азернешр». Баку. 1968. С. 57-58.
- Кейн А. Вид и его эволюция. М. АН СССР. 1958. Соч. С.129.
- Лысенко Т.Д. Новое в науке о биологическом виде// Философские вопросы современной биологии. Изд. АН СССР. М. 1951. С.5-7.
- Крыжановский С.Г. О видообразовании. Зоол. Ж. Т.36. №6. 1953. С. 102.
- Северцов С.А. Динамика населения и эволюция животных. АН СССР. М.-Л. 1941. С.242.
- Алтуфьев Ю.В. Эколого-гистофизиологические аспекты адаптивных возможностей каспийских осетровых. Изд. Дом «Астраханский ун-т. 2006. С.7-10.
- Завадский К.М. Учение о виде. М. «Наука». 1965 . С.197.

ЧАСТЬ 4. ХРЕСТОМАТИЯ

1. ПРЕДМЕТ И СОВРЕМЕННЫЕ КОНЦЕПЦИИ ФИЛОСОФИИ НАУКИ

Платон (427 – 347 до н.э.)

«Среди богов зло не укоренилось, а смертную природу и этот мир посещает оно по необходимости. Потому-то и следует пытаться как можно скорее убежать отсюда туда. Бегство - это посильное уподобление богу, а уподобиться богу - значит стать разумно справедливым и разумно благочестивым» (*Теэтет. 176b*).

«Философы - это люди, способные постичь то, что вечно тождественно самому себе, а другие этого не могут и ... [потому блуждают] среди множества разнообразных вещей, и потому они уже не философы» (*Государство. 484b*).

Платон. Собрание сочинений. В 4-х т. М., 1991-1994.

Аристотель (384 – 322 до н.э.)

«Мы не знаем истины, не зная причины. А из всех вещей тем или иным свойством в наибольшей степени обладает та, благодаря которой такое же свойство присуще и другим; например, огонь наиболее тепел, потому что он и для других вещей причина тепла. Так, что и наиболее истинно то, что для последующего есть причина его истинности. Поэтому и начала вечно существующего всегда должны быть наиболее истинными; они ведь истинны не временами, и причины их бытия не в чем-то другом, а наоборот, они сами причина бытия всего остального; так что в какой мере каждая вещь причастна бытию, в такой и истине» (С.95).

«...истину говорит тот, кто считает разъединенное разъединенным и связанное - связанным, а ложное - тот, кто думает обратное тому, как дело обстоит с вещами» на самом деле» (С.250).

Аристотель. Сочинения. В 4-х Т. М., 1976. Т.1.

Диоген Лаэртский (1-я пол III в.)

«...философы разделяются на догматиков и скептиков. Догматики - это все те, которые рассуждают о предметах, считая их постижимыми; скептики - это те, которые воздерживаются от суждений, считая предметы непостижимыми... Некоторые философы (такие как Платон, Демокрит, Аристотель) оставили после себя сочинения, а некоторые (такие как Пифагор, Пиррон, Сократ) совсем ничего не писали... Наконец, одни философы называются физиками, за изучение природы; другие - этиками,

за рассуждение о нравах; третьи - диалектиками, за хитросплетение речей. Физика, этика и диалектика суть три части философии; физика учит о мире и обо всем, что в нем содержится; этика - о жизни и о свойствах человека; диалектика же заботится о доводах и для физики, и для этики. До Архелая [включительно] существовал только один род [философии] - физика; от Сократа... берет начало этика; от Зенона Элейского - диалектика...» (С.59 - 60).

Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., 1986.

Готфрид Вильгельм Лейбниц (1646 – 1716)

О мудрости. «*Мудрость* — это совершенное знание принципов всех наук и искусство их применения. *Принципами* я называю все фундаментальные истины, достаточные для того, чтобы в случае необходимости получить из них все заключения, после того как мы с ними немного поупражнялись и некоторое время их применяли. Словом, все то, что служит руководством для духа в его стремлении контролировать нравы, достойно существовать всюду (даже если ты находишься среди варваров), сохранять здоровье, совершенствоваться во всех необходимых тебе вещах, чтобы в итоге добиться приятной жизни. Искусство применять эти принципы к обстоятельствам включает искусство хорошо судить или рассуждать, искусство открывать новые истины и, наконец, искусство припоминать уже известное своевременно и когда это нужно» (С. 97).

О принципе совершенства. «Этот принцип, согласно которому природа идет наиболее определенными путями и который мы только что использовали, является в действительности лишь архитектурным, но тем не менее его всегда следует соблюдать. Предположим, например, что природа должна была бы построить некий треугольник, не имея для этого ничего, кроме заданного периметра, или суммы сторон, — она построила бы равносторонний треугольник. На этом примере видно различие между детерминацией архитектурной и геометрической. Детерминация геометрическая влечет за собой абсолютную необходимость, и противное ей порождает противоречие, а детерминация архитектурная влечет за собой только необходимость выбора, и противное ей порождает несовершенство. <...> Если бы природа была, если можно так выразиться грубой, т.е. была бы чисто материальной, или геометрической, вышеупомянутый случай был бы невозможен и, не имея ничего более определенного, кроме одного только периметра, она не создала бы треугольника; однако, поскольку природа управляется архитектурно, геометрических полуопределенностей ей вполне достаточно, для того, чтобы свершить свое творение, иначе она слишком часто задерживалась бы. И это и есть то, что составляет подлинную суть законов природы». (С. 136-137)

Об искусстве открытия. «В искусстве открытия я вижу две части: комбинаторику и аналитику. Комбинаторика состоит в искусстве нахождения вопросов, аналитика — в искусстве нахождения решения вопросов. Однако нередко случается так, что решения некоторых вопросов заключают в себе больше комбинаторики, чем аналитики. (С. 395)

«...с течением времени какие-то действия, которые ранее были комбинаторными, станут аналитическими, тогда для всех, даже для самых тупоумных людей, искусство комбинаторики станет обычным и легкодоступным делом. И по мере постепенного совершенствования рода человеческого, когда искусство аналитики, в наше время едва ли правильно используемое даже в математике, станет всеобъемлющим и будет благодаря философской характеристике применяться ко всем вещам в том виде, в каком я его задумал (быть может, через много столетий), уже никого не стану восхвалять за точность суждения. И как только такой язык будет принят, умение правильно рассуждать в данное для размышления время станет не более похвальным, чем способность безошибочно оперировать с большими числами. ...В будущем не станет меньше великих людей на том основании, что уже столь многое сделано другими. Наоборот, другие открытия проложат им путь к достижению значительно большего, и сама безрезультатность в поисках нового в уже почти до конца исхоженных науках или разделах наук будет толкать на более трудное к великому благу рода человеческого, потому что всегда остается еще бесконечно многое и только с великим трудом продираемся мы сквозь заросли терновника, достигая лишь преддверия. И следует понять, что сами врата откроются лишь тогда, когда искусство открытия озарится ярким светом, т.е. когда будет изобретена некая философская характеристика. ...Самым последним будет сочинение о счастье, т.е. о науке жить, где будет указано назначение остальных сочинений и названы проблемы, которые могут быть с их помощью сформулированы, расположенные не в тематическом порядке, а в зависимости от их результатов. Но поскольку какое-то счастье уже находится в нашей власти, книга эта, будучи заключительной, станет использоваться всеми прежде остальных. Называться она будет: *Архитектонические науки о Мудрости и Счастье*: В этой книге будет показано, что мы можем всегда быть счастливы и становиться все счастливее, и будут названы некие средства приумножения счастья, в чем и состоит назначение всех наук. Таким образом, это станет истинным учением о Методе не столько поиска истины, сколько самой жизни, хотя о людях часто можно сказать то, что говорит Лукан: «Они счастливы в своем заблуждении» (С. 396-397)

Лейбниц Г.В. Сочинения: В 4 т. Т.3. М., 1984.

Иоганн Готлиб Фихте (1762 - 1804)

«Какую кто философию выберет, зависит, ...от того, какой кто человек: ибо философская система - не мертвая утварь, которую можно было бы откладывать или брать по желанию; она одушевлена душой человека, обладающего ею. Дряблый от природы или расслабленный и искривленный духовным рабством, ученой роскошью или тщеславием характер никогда не возвысится до идеализма... философом нужно родиться, нужно быть к тому воспитанным и самого себя воспитать» (1. Т.1. С.424).

Для того чтобы углубленно заниматься «научной философией» «необходимы такая свобода духа, такой талант и такое прилежание, какие встречаются не у всякого. Но все же каждый, имеющий притязание на общее умственное развитие, должен в общих чертах знать, что такое философия... Достигнуть же этого познания не только возможно, но даже и нетрудно» (2. С.2).

1. Фихте И.Г. *Первое введение в наукоучение // Избранные сочинения.* М., 1916.

2. Фихте И.Г. *Ясное как солнце сообщение широкой публике о подлинной сущности новейшей философии.* М., 1937.

Георг Вильгельм Фридрих Гегель (1770 – 1831)

«Фихтевская философия обладает великим преимуществом: она установила, что философия должна быть наукой, исходящей из одного высшего основоположения, из которого необходимо выводятся все определения. Важное значение имеет это единство принципа и попытка научно последовательно развить из него все содержание сознания, или, как тогда выражались, конструировать весь мир» (1, С.463).

«Только в новейшее время зародилось сознание, что трудно найти начало в философии, и причина этой трудности, равно как и возможность устранить ее были предметом многократного обсуждения. Начало философии должно быть или чем-то *опосредствованным*, или чем-то *непосредственным*; и легко показать, что оно не может быть ни тем, ни другим; стало быть, и тот и другой способ начинать находит свое опровержение.

Правда, *принцип* какой-нибудь философии также означает некое начало, но не столько субъективное, сколько *объективное* начало, начало *всех вещей*. Принцип есть некое определенное *содержание* — вода, единое, нус, идея, субстанция, монада и т.д.; или, если он касается природы познания и, следовательно, должен быть скорее лишь неким критерием, чем неким объективным определением — мышлением, созерцанием, ощущением, Я, самой субъективностью, — то и здесь интерес направлен на определение содержания. Вопрос же о начале, как таковом, оставляется без внимания и считается безразличным как нечто субъективное в том смысле, что дело идет о случайном способе начинать изложение, стало

быть, и потребность найти то, с чего следует начинать, представляется незначительной по сравнению с потребностью найти принцип, ибо кажется, что единственно лишь в Нем заключается *главный* интерес, интерес к тому, что такое *истина*, что такое *абсолютное основание* всего.

Но нынешнее затруднение с началом проистекает из более широкой потребности, еще незнакомой тем, для кого важно догматическое доказательство своего принципа или скептические поиски субъективного критерия для опровержения догматического философствования, и совершенно отрицаемой теми, кто, как бы выпаливая из пистолета, прямо начинает с своего внутреннего откровения, с веры, интеллектуального созерцания и т.д. и хочет отделаться от *метода и логики*. Если прежнее абстрактное мышление сначала интересуется только принципом как *содержанием*, в дальнейшем же развитии вынуждено обратить внимание и на другую сторону, на способы *познавания*, то [теперешнее мышление] понимает также и *субъективную* деятельность как существенный момент объективной истины, и возникает потребность в соединении метода с содержанием, *формы с принципом*. Таким образом, *принцип* должен быть также началом, а то, что представляет собой *grius* для мышления, - *первым в движении* мышления...

Начало есть *логическое* начало, поскольку оно должно быть сделано в стихии свободно для себя сущего мышления, в *чистом знании*. *Опосредствовано* оно, стало быть, тем, что чистое знание есть последняя абсолютная истина сознания» (2, т. 1, С. 123-125).

«Познание направлено на то, что есть, и на его *необходимость* и постигает эту *необходимость* в отношениях причины и действия, основания и следствия, силы и ее проявления, всеобщности, рода, и единичных существований, которые относятся к сфере случайного. Познание и наука полагают, таким образом, во взаимоотношения самые разнообразные вещи, лишают их случайности, присущей им в их непосредственности, и, рассматривая отношения, свойственные многообразию конечного явления, охватывают конечный мир в нем самом и превращают его в *систему универсума* таким образом, что познанию для постижения этой системы не нужно ничего иного, кроме самой этой системы. Ибо то, чем является вещь, что она *есть* по своей существенной определенности, познается в результате восприятия и наблюдения. От свойств вещей идут к их отношениям, которыми они связаны с другими вещами, причем к отношениям не случайным, а *определенным*, указывающим на изначальную вещь, производным которой они являются. Так, когда задается вопрос о причинах и основаниях вещей, вопрос этот следует понимать в том смысле, что познание ищет *особенные* причины. Уже недостаточно указать на то, что причиной молнии, падения республиканского строя в Риме или Французской революции является бог; очень скоро обнаруживается, что данная причина носит лишь *самый общий характер* и не дает требуемого объяснения. Стремясь понять естественное явление или тот или иной закон,

его действие или следствие, люди хотят постигнуть основание именно *этого* явления, т. е. не то основание, которое лежит в основе *всего*, а основание *именно* этой определенности. И основание *подобных особенных* явлений, *подобное* основание должно быть ближайшим/его следует искать и брать в сфере *конечного*, и само оно должно быть *конечным*. Поэтому такого рода познание не выходит за пределы конечного и не стремится к этому, так как внутри этой конечной сферы оно может все познать, все объяснить и на все дать ответ. Таким образом, наука создает *универсум познания*, который не нуждается в божестве, находится *вне религии* и непосредственно с ней не связан. В этом своем царстве познание утверждает свои отношения и связи, присваивая себе *всю определенность материала и все содержание*; для другой стороны, для бесконечного и вечного, тем самым не остается ничего» (3, т. 1, С. 215-216).

«Лишь только один-единственный предмет изымается из целокупности, до которой наука должна развивать идею, изымается как особенный способ представить истину идеи; рассуждение вынуждено поставить себе пределы, должно предположить их уже выясненными в основном предмете науки. Однако рассуждение может создать некую видимость самостоятельности для себя благодаря тому, что все ограничивающее изложение предмета, то есть предпосылки, которые не будут тут обсуждаться, перед которыми анализ остановится, само по себе удовлетворит сознание. В каждом сочинении есть такие последние представления, принципы, на которые бессознательно или с осознанием такого положения опирается содержание; всегда есть очерченный горизонт мыслей, которые в данном сочинении уже глубже не анализируются, — это горизонт мыслей, прочно утвержденных в культуре эпохи, народа или какого-либо научного круга, и нет никакой нужды выходить за его пределы; нет нужды желать как-то расширить такой горизонт за пределы этих границ представления, анализируя и превращая его в спекулятивные понятия, ибо это нанесет ущерб тому, что называется «общедоступностью».

«Итак, приведенные мысли — это прежде всего следующие основные определения: вещь, закон и т.п. — *случайны* вследствие своей *обособленности*; есть вещь или нет — это никак не мешает другим вещам и никак их не изменяет, а то обстоятельство, что вещи в такой незначительной степени удерживают друг друга и являются друг для друга совершенно недостаточной опорой, сообщает им столь же недостаточную видимость самостоятельности, — видимость, которая как раз и составляет их случайность. Для того чтобы считать такое-то существование *необходимым*, требуется, чтобы оно пребывало во *взаимосвязи, с другими*, чтобы такое существование со всех сторон, во всей полноте было определено иными существованиями в качестве его условий, причин, а не было бы оторвано, но могло бы быть оторвано от них и чтобы не было какого-либо условия, причины, обстоятельства в [этой] взаимосвязи, посредством которого оно

могло бы быть оторвано и чтобы ни одно такое обстоятельство не противоречило другим, его определяющим.

Согласно такому определению, мы полагаем случайность вещи в ее *обособленности*, в отсутствии *полной связи*, с другими, это — *одно*.

Однако, наоборот, когда нечто существующее оказывается в такой полной взаимосвязи, оно пребывает во всесторонней обусловленности и зависимости, оно совершенно *несамостоятельно*. Но только в необходимости мы и обнаруживаем самостоятельность той или иной вещи; то, что необходимо, то *должно быть*; это *долженствование* выражает самостоятельность вещи таким образом, что необходимое *есть, потому что* есть. Это — *другое*.

Итак, мы видим, что для необходимого существования чего бы то ни было требуются два противоположных определения: во-первых, требуется, чтобы вещь была самостоятельной, но тогда она обособлена и безразлично — есть она или ее нет; во-вторых, требуется, чтобы она была обоснована и чтобы она пребывала в полноте связей со всем иным, со всем, чем она окружена, взаимосвязью чего она поддержана в своем существовании, но тогда она не самостоятельна. Необходимость есть нечто известное, так же как и случайность, и по такому первому представлению о них с ними все обстоит благополучно: случайное отлично от необходимого и указывает в сторону чего-то необходимого, что, однако, стоит лишь рассмотреть его поближе, само падает назад, в сферу случайного, как потому, что такое необходимое, полагаемое иным, несамостоятельно, так и потому, что, изъятая из своей взаимосвязи, обособленное оно тотчас же непосредственно случайно; следовательно, проведенные различия только мнимые.

Но мы не станем ближе исследовать природу этих идей и, чтобы временно отличить это противоречие необходимости и случайности, остановимся на первом — на необходимости, держась того, что при этом обнаруживается в нашем представлении, того, что ни одно, ни другое определение недостаточно для необходимости, но что сразу требуются и то, и другое — самостоятельность — чтобы необходимое не было опосредовано *иным* — и точно также опосредствованность необходимого во взаимосвязи с иным: как бы ни противоречили друг другу оба определения, но, принадлежа *одной необходимости*, они вынуждены не противоречить друг другу в том единстве, в каковое они в ней сведены; и для нашего усмотрения также нужно совместить мысли, соединенные в этом единстве. В этом единстве *опосредствование иным* должно, следовательно, оказаться в рамках самой самостоятельности, а самостоятельность, как *сопряженность с собой* должна заключать опосредствование иным *внутри самой себя*. Но в этом определении то и другое может быть соединено только так, что *опосредствование* иным одновременно будет и *опосредствованием самим собой*, то есть только так, что *опосредствование иным* будет снято и станет

опосредствованием самим собой. Итак, единство с самим собой, будучи единством, — не абстрактное тождество, каким мы видели обособление, когда вещь сопряжена лишь с самой собой и когда в этом заключается ее случайность; тут снята та односторонность из-за которой и только из-за которой вещь находится в противоречии со столь же односторонним опосредствованием иным, и тут исчезли эти неистинности; единство, определяемое так, есть единство истинное; оно истинное, а как познанное — спекулятивное единство. Необходимость, определяемая так, что она соединяет в себе эти противоположные определения, оказывается не вообще простым представлением и простой определенностью; кроме того, снятие противоположных определений — это не просто наше дело или наша деятельность, словно мы сами только и совершали это снятие, но такова природа и такова деятельность этих определений как таковых, что они объединены в одном определении. И эти два момента необходимости — быть *внутри самой* себя опосредствованием иным и снимать такое опосредствование, полагая себя как самое себя, именно для этого своего единства, — это не обособленные акты. Необходимость в опосредствовании иным сопрягается с самой собой, то есть то иное, посредством которого необходимость опосредствуется *самой собой*, есть она же сама; таким образом, иное *отрицается* как иное, необходимость — иное себе самой, но только *сиюминутно*; сиюминутно, но только без внесения в понятие определения времени, которое выступает лишь в *наличном бытии* понятия; это инобытие по существу своему снятое, а в наличном бытии оно равным образом является и как *реальное иное*. Абсолютная необходимость — та необходимость, которая сообразна со своим понятием необходимости» (3, т. 2, С 425-427).

1. Гегель. *История философии. Сочинения. М.-Л., 1935. Т. XI.*
2. Гегель Г.В.Ф. *Наука логики: В 3 т. М., 1970-1972.*
3. Гегель Г.В.Ф. *Философия религии: В 2 т. М., 1975.*

Владимир Сергеевич Соловьев (1853 – 1900)

«Бог не только существует, но имеет право существовать» (1, С.79).

Философия «освобождала человеческую личность от внешнего насилия и давала ей внутреннее содержание. Она извергла всех ложных чужих богов и развила в человеке внутреннюю форму для открытий истинного Божества... Она делает человека вполне человеком... Философия, осуществляя собственно человеческое начало в человеке, тем самым служит и божественному, и материальному началу, вводя и то, и другое в *форму свободной человечности*» (2).

«Положительная наука есть познание данных в опыте явлений в их необходимости, или их законах. Эта необходимость или закономерность явлений... не заключается в фактических данных опыта самих по себе а

открывается лишь привходящею деятельностью чистого мышления, или умозрения. Таким образом, положительная наука не есть только опытное эмпирическое познание, она основывается на опыте, соединенном с умозрением... Наука получает из опыта известные данные как фактический материал, которому она сообщает форму необходимости, или закономерности. Эта необходимость в закона явлений нисколько не определяет самого существования явлений, ею не утверждается, что известное явление существовало там-то и тогда-то (или везде и всегда), а утверждается только, что *если* это явление существует, то, когда и где бы оно ни существовало! оно необходимо существует *так*, а не иначе, то есть в таком, а не ином отношении к другим явлениям. В этом смысле необходимость закона есть условная, именно она имеет силу только под условием существования явления, которое (существование) от закона не зависит и из него выведено быть не может. Закон утверждает только, что во всех случаях без исключения, когда будет существовать или существовало известное явление, оно будет существовать в этой определенной форме, но самые случаи его существования нисколько законом не определяются, и даже таких случаев может и совсем никогда не произойти, так что закон остается только в области возможного. Закон имеет силу во всех относящихся к нему случаях без исключения, и в этом смысле его необходимость безусловна; но так как самое существование подлежащих ему случаев от него не зависит и есть условие для его применения, то с этой стороны необходимость закона является условною. Подобно этому и всеобщность закона является относительною, ибо из всего бесконечного числа возможных и действительных отношений, в которых каждое явление находится ко всем другим, законом определяется только некоторое отношение, он определяет явление только с известной стороны; так, например, законы математические определяют явления только в их количественных отношениях в пространстве и времени; поэтому хотя эти законы и общи для всех явлений, хотя они обнимают все явления, но они не обнимают *всего* явления, а касаются только известных частных сторон и отношений.

Таким образом, законы явлений? составляющие содержание частных наук, представляют нам только отдельные стороны феноменального мира, а не его всеобщую истину. Для достижения этой последней необходимо соединение всех этих частных законов и, следовательно, частных наук в одну цельную связную систему знания. Таково совершенно законное требование позитивизма. Но как может быть осуществлено это требование, каким образом частные науки могут быть связаны в одну всеобщую систему? Позитивизм указывает на существующее между научными законами явлений отношение большей или меньшей сложности, в силу которого законы явлений более сложных предполагают законы менее сложные и более элементарные и зависят от них; так, механические законы движения тел предполагают математические законы пространства и числа и зависят от

них; физиологические законы растительной и животной жизни предполагают законы физических и химических явлений и от них зависят и т.д. Соответственно этому все частные науки могут быть приведены в одну иерархическую систему, в основе которой будет лежать самая несложная, элементов, а потому и самая общая, всеми остальными предполагаемая наука — математика, на вершине же будет находиться самая сложная, все остальные предполагающая наука — социология. Таким образом, система наук сводится к простой классификации частных наук по степени сложности или конкретности их предмета. Спрашивается: дает ли такая система всеобщую истину явлений, то есть представляет ли она ту внутреннюю связь, которая соединяет каждое явление со всеми другими и делает из всех одно неразрывно целое, как этого требует единство истины? Для того чтобы многие частные законы явлений и многие частные научные знания составляли одну общую истину, очевидно, требуется, чтобы все они были соединены не механически, а органически, то есть чтобы каждый частный закон (и каждая частная наука) был незаменимым членом всей системы, был внутренне необходим для всех других, чтобы все они с одинаковой необходимостью определяли друг друга, находились бы между собою во внутреннем взаимодействии» (С. 667-669) .

«Если, таким образом, этот необходимый для системы наук синтетический принцип не может быть дан самими частными науками ни в отдельности, ни вместе взятыми, то, следовательно, должно допустить некоторую всеобщую, универсальную науку, содержащую в своем единстве все те образовательные (формальные) начала, которые порознь проявляются в частных науках. Эта всеобщая, или всеединая, наука, очевидно, по самому существу своему должна иметь характер по преимуществу умозрительный, принадлежать к области логического мышления, а не чувственного опыта. Как мы видели, уже и в частных положительных науках вся их формальная сторона, все то, что дает их истинам ту степень относительной необходимости и общности, которая только для них доступна, — все это имеет умозрительный характер. Но здесь, в частных науках, умозрение всегда обращено на какой-нибудь отдельный, данный в опыте, предмет или на какую-нибудь особенную, фактически существующую сторону в бытии явлений, и наука не выводит этого частного предмета, этой частной стороны явлений из какого-нибудь принципа, как нечто необходимое, а прямо берет этот предмет как факт, как нечто существующее в опыте: это для нее, таким образом, не истина разума, а только данное опыта. Так, даже самая общая из наук, математика, имея своим предметом пространство и число, не выводит логической необходимости пространства и числа самих по себе, а берет их как нечто данное и затем уже развивает их необходимые отношения. В остальных науках опытный элемент, как мы знаем, занимает еще более мест. Таким образом, хотя истины науки и необходимы, но так как самый

предмет, к которому они относятся, есть только один из многих возможных предметов и его действительное существование не выводится и не объясняется наукой, а представляется как чистый факт, то есть как нечто случайное, то и сами истины науки по содержанию своему становятся случайными и частными, так как необходимость их есть только условная и общность их только относительная: они представляют то, что необходимо заключается в известном частном предмете, самое существование которого для них есть только случайное. В противоположность этому всеобщая наука должна иметь в виду то, что необходимо содержится во всяком опыте, или то, что лежит в основании всего существующего; таким образом предмет ее необходим всеобщ безусловно, все ее истины представляют внутреннюю необходимость, обязательную для всякого факта и ни от какого факта не зависящую; все содержание этой науки выводится из первых начал, то есть из безусловных принципов разума. Такая всеобщая наука есть рациональная философия, то есть систематическое умозрение из принципов, содержащее в себе истины, безусловно всеобщие и необходимые, истины, предполагаемые всяким частным опытом и всякою частною наукой. Основные принципы частных наук, будучи связаны с этими всеобщими и необходимыми истинами философии, входят в определяемый этою последнею общий план мыслимого бытия, получают в нем определенное место и через то становятся сами всеобщими, необходимыми истинами и вместе с тем вступают в определенное, внутреннее отношение друг к другу, образуя действительную систему. Если, таким образом, каждая отдельная наука в своем опытном элементе получала материал, а в умозрении научную форму, то все частные науки в совокупности по отношению к рациональной философии представляется материал, который от этой философии получает форму безусловной необходимости и всеобщности (всеединства); то есть форму истинного знания» (3, Т.1. С. 672-674).

1. Соловьев В.С. *Лекции по истории философии // Вопросы философии. № 6. 1989.*

2. Соловьев В.С. *Исторические дела философии // Вопросы философии. № 8. 1988.*

3. Соловьев В.С. *Сочинения: В 2 т. М., 1990.*

Анри Бергсон (1859 – 1941)

«На первый взгляд может показаться благоразумным предоставить исследование фактов позитивной науке. Физика и химия будут заниматься неорганизованной материей, биологические и психологические науки станут изучать проявления жизни. Задача философа тогда очерчивается точно. Но получает из рук ученого факты и законы, и, пытается ли он превзойти их, чтобы постичь глубинные причины, или считает невозможным идти так далеко, что и доказывает

самим анализом научного познания, — в обоих случаях он испытывает к фактам и к отношениям, переданным ему наукой, такое почтение, какого требует нечто уже установленное. К этому познанию он приложит критику познавательной способности и, в случае необходимости, метафизику, что касается самого познания в его материальности, то он считает его делом науки, а не философии.

Но разве не очевидно, что это так называемое разделение труда приводит к тому, что все запутывается и смешивается? Метафизику или критику, право на создание которых философ оставляет за собою, он получает в готовом виде от позитивной науки, ибо они содержатся в ее описаниях и анализах, всю заботу о которых он предоставил ученому. Не желая с самого начала касаться фактической стороны вопросов, он оказывается вынужденным в вопросах принципиальных просто-напросто формулировать, в более точных выражениях, те неосознанные и, стало быть, необоснованные метафизику и критику, которые очерчиваются самим отношением науки к реальности. Не стоит обманываться внешней аналогией между вещами природными и человеческими. Мы здесь не в юридической области, где описание факта и суждение о факте — две вещи разные по той простой причине, что там над фактом и независимо от него существует изданный законодателем закон. Здесь же законы находятся внутри фактов и соответствуют тем линиям, по которым совершалось рассечение реального на отдельные факты. Нельзя описать вид предмета без предварительного суждения о его истинной природе и его организации. Форму нельзя полностью отделить от материи, и тот, кто сначала предоставил философии только принципиальные вопросы и тем самым пожелал поставить философию выше науки, подобно тому, как кассационный суд ставится выше суда присяжных и апелляционного суда, — тот вынужден будет постепенно свести ее к простой протоколизации, задачей которой станет — самое большее — формулировка в более точных выражениях не подлежащих обжалованию приговоров.

Позитивная наука есть действительно творение чистого интеллекта. Будет ли принята или отвергнута наша концепция интеллекта, есть один вопрос, в котором все с нами согласятся, а именно, что интеллект чувствует себя особенно свободно в сфере неорганизованной материи. Он все больше пользуется этой материей в механических изобретениях, и изобретения эти становятся для него тем более легкими, чем более механически он судит о материи. Он несет в себе, под формою естественной логики, скрытый геометризм, который выявляется по мере того, как интеллект все глубже проникает в инертную материю. Он находится в полной гармонии с этой материей; вот почему так близки друг к другу физика и метафизика неорганизованной материи. Когда же интеллект приступает к изучению жизни, он по необходимости обращается с живым, как с инертным, прилагая к этому новому предмету те же самые формы, перенося в эту

новую область те же привычки, которые с таким успехом прилагались им к старому. И он вправе так поступать, ибо лишь при этом условии живое так же поддается нашему действию, как и инертная материя. Но истина, к которой приходят таким путем, становится относительной, полностью зависящей от нашей способности действовать. Это уже не более как символическая истина. Она не может иметь той же ценности, что истина физическая, ибо она является ' только распространением физики на предмет, который мы *a priori* условливаемся рассматривать лишь с внешней стороны. Обязанностью философии было бы войти сюда активно, исследовать живое без задней мысли о практическом его использовании, освободившись от собственно интеллектуальных форм и привычек. Цель философии — умозрение, то есть видение; ее позиция по отношению к живому не является позицией науки, которая стремится только действовать и которая, умея действовать лишь через посредство инертной материи, рассматривает и остальную реальность только под этим углом зрения. Что же будет, если философия полностью предоставит позитивной науке факты биологические и психологические, как по праву уступила она ей факты физические? Она примет *a priori* механистическую концепцию всей природы, концепцию непродуманную и даже бессознательную, исходящую из материальной потребности. Она примет *a priori* доктрину простого единства познания и абстрактного единства природы.

С этого времени философия может считаться завершенной. Философу остается только выбирать между метафизическим догматизмом и метафизическим скептицизмом, которые основаны, по сути, на одном и том же постулате и не прибавляют ничего к позитивной науке. Он может гипостазировать единство природы или — что сводится к тому же самому — единство науки в существе, которое будет ничем, ибо оно ничего не создает, - в бездейственном Божестве, просто обобщающееся в себе все данное, либо в вечной Материи, из недр которой изливаются свойства вещей и законы природы, либо, наконец, в чистой Форме, которая стремится охватить неуловимую множественность и которая будет, по желанию философов, формой природы Или формой мышления. Все эти философии на разных языках скажут, что наука вправе обращаться с живым, как с инертным, и что нет никакой существенной разницы, не нужно проводить никакого различия между результатами, к которым приходит интеллект, прилагая свои категории, — будет ли он пребывать в инертной материи или устремится навстречу жизни.

А между тем во многих случаях чувствуется, что рамки разрываются. Но так как самого начала не было установлено различие между инертным и живым, — между тем, что заранее приспособлено к рамкам, куда его вкладывают, и тем, что держится в них лишь при условии исключения из него всего существенного, — то приходится одинаково подвергать подозрению все, что заключено в рамках. За метафизическим

догматизмом, возводившим в абсолют искусственное единство науки, последуют тогда скептицизм или релятивизм, который обобщит и распространит на все результаты науки искусственный характер некоторых из них. Отныне философия так и будет колебаться между доктриной, считающей абсолютную реальность непознаваемой, и той, чье представление об этой реальности говорит нам не более того, что говорила наука. Желая предупредить всякий конфликт между наукой и философией, жертвуют философией; но при этом не много выигрывает и наука. И, стремясь избежать мнимого порочного круга, то есть использования интеллекта с целью его же превзойти, попадают в весьма реальный круг, старательно отыскивая в метафизике единство, которое с самого начала было дано *a priori*, — единство, принятое слепо, бессознательно, одним тем, что весь опыт был предоставлен науке, а вся реальность — чистому разуму.

Начнем, напротив, с того, что проведем демаркационную линию между инертным и живым. Мы обнаружим, что первое естественным образом входит в рамки интеллекта, — второе же поддается этому лишь искусственно, а потому и нужно занимать по отношению к живому особую позицию и смотреть на него по-иному, чем позитивная наука. Философия, таким образом, овладевает областью опыта. Она вмешивается во множество вещей, которые до сих пор ее не касались. Наука, теория познания и метафизика оказываются перенесенными на одну почву. Вначале это вызовет у них некоторое замешательство. Всем троим будет казаться, что ими что-то утрачено. Но в конце концов все трое извлекут пользу из встречи.

Научное познание и в самом деле могло возгордиться от того, что его утверждения приписывали одинаковую ценность во всей области опыта. Но именно потому, что все эти утверждения были поставлены в один ряд, они в конце концов оказались зараженными одной и той же относительностью. Этого не будет, если с самого начала установить различие, которое, как нам кажется, напрашивается само собою. Собственная область разума — это инертная материя. На нее главным образом и направлено человеческое действие, а действие, как мы говорили выше, не может совершаться в нереальном. Поэтому, если рассматривать физику в общей форме, отвлекаясь от деталей ее реализации, можно сказать, что она касается абсолютного. Если же науке удастся овладеть живым, аналогично тому, как она поступает неорганизованной материей, то это бывает только случайно — по воле судьбы или благодаря удаче, как угодно. Здесь приложение рамок разума уже не является естественным. Мы не хотим сказать, что рамки эти здесь незаконны, в научном смысле этого слова. Если наука должна расширять наше действие на вещи и если мы можем действовать, лишь используя как орудие инертную материю, то наука может и должна и впредь обращаться с живым, как она обращалась с

инертным. Но, разумеется, чем больше она углубляется в жизнь, тем более символическим, относительным, зависящим от случайностей действия становится даваемое ею знание. Поэтому в этой новой области науку должна сопровождать: философия, чтобы научная истина дополнялась познанием другого рода, которое можно назвать метафизическим. Тем самым возвышается всякое наше познание, и научное и метафизическое. Мы пребываем, мы движемся, мы живем в абсолютном. Наше знание об абсолютном, конечно; и тогда не полно, но оно не является внешним или относительным. Благодаря совместному и последовательному развитию науки и философии мы постигаем само бытие в его глубинах.

Отвергая, таким образом, внушаемое рассудком искусственное внешнее единство природы, мы отыщем» быть может, ее истинное единство, внутреннее и живое. Ибо усилие, которое мы совершаем, чтобы превзойти чистый рассудок, вводит нас в нечто более обширное, из чего выкраивается сам рассудок и от чего он должен был отделиться. А так как материя соотносится с интеллектом, так как между ними существует очевидное согласие, то нельзя исследовать генезис одной, отвлекаясь от генезиса другого. Один и тот же процесс должен был одновременно выкроить материю и интеллект из одной ткани, содержавшей их обоих. В эту-то реальность мы и будем проникать все больше и больше по мере роста наших усилий превзойти чистый интеллект» (С. 201-205).

Бергсон А. Творческая эволюция. М., 1998.

Мартин Хайдеггер (1889 - 1976)

«Всякий и так давно знает, что в философии, тем более в метафизике, все шатко, несчетные разные концепции, позиции и школы сталкиваются и раздрают друг друга - сомнительная сумятица мнений в сравнении с однозначными истинами и достижениями, с выверенными, как говорится, результатами наук. Вот где источник всей беды. Философия, а, прежде всего, метафизика, просто пока ещё не достигла зрелости науки. Она движется но каком-то отсталом этапе. Что она пытается сделать со времен Р. Декарта, с начала Нового времени, подняться до ранга науки, абсолютной науки, ей пока не удалось. Так что нам надо просто все силы положить на то, чтобы она в один прекрасный день достигла успеха. Когда-нибудь она твердо встанет на ноги и пойдет выверенным путем науки - на благо человечества. Тогда мы узнаем, что такое философия».

Хайдеггер М. Основные понятия метафизики // Вопросы философии. 1989. № 9. С.116.

Владимир Иванович Вернадский (1863 - 1945)

«...наука и философия находятся непрерывно в теснейшем контакте, так как в известной части касаются одного и того же объекта исследования.

Философ, углубляясь в себя и связывая с этим *своим* систематическим размышлением картину реальности, в которую он захватывает и многие глубокие проявления личности, едва затронутые или совсем незатронутые наукой, вносит в нее, как я уже упоминал, своей методикой, поколениями выработанной, логическую углубленность, которая недоступна в общем для ученого. Ибо она требует предварительной подготовки и углубления, специализации, времени и сил, которые не может отдавать им ученый, так как его время целиком захвачено его специальной работой. Поскольку анализ основных понятий совершается философской работой, натуралист может и должен (конечно, относясь критически) им пользоваться для своих заключений. Ему некогда самому его добывать.

Граница между философией и наукой — по объектам их исследования. исчезает, когда дело идет об общих вопросах естествознания. Временами даже называют эти обобщающие научные представления философией науки. Я считаю такое понимание вековых объектов изучения науки неправильным, но факт остается фактом: и философ, и ученый охватывают общие вопросы естествознания одновременно, причем философ опирается на научные факты и обобщения, но и не только на научные факты и обобщения.

Ученый же не должен выходить, поскольку это возможно, за пределы научных фактов, оставаясь в этих пределах, даже когда он подходит к научным обобщениям.

Это, однако, не всегда для него возможно и не всегда им делается.

Тесная связь философии и науки в обсуждении общих вопросов естествознания («философия науки») является фактом, с которым как таковым приходится считаться и который связан с тем, что и натуралист в своей научной работе часто выходит, не оговаривая или даже не осознавая этого, за пределы точных, научно установленных фактов и эмпирических обобщений. Очевидно, в науке, так построенной, только *часть* ее утверждений может считаться общеобязательной и непреложной.

Но эта *часть* охватывает и проникает огромную область научного знания, так как к ней принадлежат *научные факты* — миллионы миллионов фактов. Количество их неуклонно растет, они приводятся в системы и классификации. Эти научные *факты* составляют главное содержание научного знания и научной работы.

Они, если правильно установлены, бесспорны и общеобязательны. Наряду с ними могут быть выделены системы определенных научных фактов, основной формой которых являются *эмпирические обобщения*.

Это тот основной фонд науки, научных фактов, их классификаций и эмпирических обобщений, который по своей достоверности не может вызывать сомнений и *резко отличает науку от философии и религии*. Ни

философия, ни религия таких фактов и обобщений не создают» (С. 110-112).

«В течение времени медленно выделялся из материала науки ее остов, который может считаться общеобязательным и непреложным для всех, не I может и не должен возбуждать сомнений.

Основные черты строения науки — математика, логика, научный аппарат — в общем развивались независимо, и исторический ход их выявления был разный.

Раньше всего выделились математические науки, непреложность и общеобязательность которых не вызывает сомнений» (С. 112).

«В наше время наука подошла вплотную к пределам своей общеобязательности и непререкаемости. Она столкнулась с пределами своей современной методики. Вопросы философские и научные слились, как это было в эпоху эллинской науки.

С одной стороны, логистика и аксиоматика подошли к теоретико-познавательным проблемам, которые являются нерешенными и научно подойти к которым мы не умеем. С другой стороны, мы подходим с помощью высшей геометрии и анализа к столь же пока недоступному, чисто научному решению проблем реального пространства — времени.

Но, оставляя в стороне эти философские корни научного знания, опираясь только на огромную область новой математики и эмпирических обобщений, развивается взрыв научного знания, который мы сейчас переживаем и, опираясь на который, человек преобразует биосферу. Это основное условия создания ноосферы» (С.113).

«Научный аппарат, т.е. непрерывно идущая систематизация и методологическая обработка и, согласно ей, описание возможно точное и полное всяких явлений и естественных тел реальности, является в действительности основной частью научного знания. ...Наука существует только пока этот регистрирующий аппарат правильно функционирует; мощность научного знания прежде всего зависит от глубины, полноты и темпа отражения в нем реальности. Без научного аппарата, даже если бы существовали математика и логика, нет науки. Но и рост математики и кет происходит только при наличии растущего и все время активно влияющего научного аппарата. Ибо и логика, и математика не являются чем-то неподвижным и должны отражать в себе движение научной мысли, которая проявляется прежде всего в росте научного аппарата.

Странным образом это значение научного аппарата в структуре и в истории научной мысли до сих пор не учитывается, и истории его создания нет (С.119).

Вернадский В.И. Философские мысли натуралиста. М., 1988.

Николай Александрович Бердяев (1874 - 1948)

«Есть два типа философии: философия ценностей и философия блага или пользы. Ценность есть качество, господствует же философия количества. Марксизм есть философия блага, а не ценностей. С марксистами нельзя даже говорить об иерархии ценностей, ибо они не принимают самой постановки вопроса о ценности, для них существует только необходимость, польза, благо. В противоположность философии марксизма, философия Ницше есть философия ценностей. Человек для него есть, прежде всего, творец ценностей» (1, С.318).

«Культура происходит от культа, она связана с культом предков, она невозможна без священных преданий. Цивилизация есть воля к мировому могуществу, к устройению поверхности земли. Культура – национальна. Цивилизация – интернациональна. Цивилизация есть мировой город. Империализм и социализм одинаково – цивилизация, а не культура. Философия, искусство существуют лишь в культуре, в цивилизации они невозможны и не нужны. В цивилизации возможно и нужно лишь инженерное искусство... Культура – органична. Цивилизация – механична. Культура основана на неравенстве, на качествах. Цивилизация проникнута стремлением к равенству, она хочет обосноваться на количествах. Культура – аристократична. Цивилизация – демократична» (2. С.385).

1. Бердяев Н.А. *Царство Духа и царство Кесаря*. М., 1995..

2. Бердяев Н.А. *Предсмертные мысли Фауста // Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры и искусства*. Т.1. М., 1994.

Лев Шестов (Лев Исаакович Шварцман) (1866 - 1938)

«Человек не может понять мира, если он не допустит, что все что имеет начало, должно иметь и конец, и если он не выведет многообразия из единого» (1, С.112-113).

«...вовсе уже не так непременно нужно найти «истину». Скорее наоборот. «Истина», в сущности, не нужна. Если бы она оказалась внезапно отысканной - это был бы очень неприятный сюрприз. По крайней мере, Лессинг так утверждал (а он знал, что говорил), когда просил Бога, чтобы он истину оставил при себе, а человеку сохранил бы его способность заблуждаться и искать» (2. С.60). «Как ужасно должно было быть разочарование каждого идеалиста после того как при более основательном рассмотрении своей святыни, он убеждается, что она - не «истина», а «искание истины»! (2, С.61).

1. Шестов Л. *Самоочевидные истины // Мысль и слово. Философский ежегодник*. М., 1917. Кн.1.

2. Шестов Л. *Добро в учении гр. Толстого и Ф. Ницше // Вопросы философии*. № 7, 1990.

Алексей Федорович Лосев (1895 – 1988)

«...так как слово «человек» имеет множество разных значений, то я в этих случаях предпочитаю говорить не о человеке, но о личности. Если мы не условимся о том, как понимать личность, то наш разговор о жизненном кредо будет напрасен... Личность есть такая единственность и неповторимость, которая является не только носителем сознания, мышления, чувствования и так далее, но и вообще субъектом, который сам же себя соотносит с собою и сам же себя соотносит со всем окружающим. При этом в данном случае выступает, конечно, не только субъект. Спрашивается: существует ли реально такой субъект или в нем есть только его внутренняя жизнь и ничего внешнего в нем не существует? Конечно, субъект существует реально, то есть является в то же самое время и объектом. Личность есть тождество субъекта и объекта или, иными словами, есть носитель субъекта и объекта ...личность существует только тогда, когда есть другие личности, от которых она чем-то отличается и с которыми она связана определенными отношениями. А иначе и сама личность окажется для нас непознаваемой. Но соотношение личностей есть общество, и притом не как простая их совокупность, но опять-таки как специфический носитель всех указанных соотношений. А общество не существует без истории, которая, таким образом, и есть не что иное, как становление разных носителей общественно-личных отношений. Значит, жизнь личности есть становление такой связи внутреннего и внешнего, или субъективного и объективного, когда жизнь определяется как результат и сгусток социально-исторических соотношений» (С.277-278).

«Кредо – есть убежденность в том, что такое идеал и какими средствами его можно достигнуть. И поскольку вы сами заговорили именно о жизненном кредо, то теперь сам собой и возникает вопрос; что же такое идеал для жизни личности? Я думаю, что всякий идеал вообще есть нечто безоговорочное и повелительное... Поскольку социально-историческая жизнь есть нате исходное обобщение, она всегда представляет собой тот или иной императив. Но исторический императив, взятый сам по себе, еще не есть идеал. Идеал для личности есть то, чего она свободно достигает и что соответствует интимнейшим ее стремлениям к самоутверждению... Жизненно-личный идеал - это и есть тождество исторического императива и свободного становления личности. Жизненное кредо как раз и есть синтез социально-исторического императива и свободно-жизненного становления личности» (С.279-280). «...жизненное кредо - это убеждение в необходимости подвига и жертвы для жизненно-личного достижения очередного социально-исторического императива... если вы хотите избежать обыденных пошлостей и не употреблять ничего не значащие фразы, то для понимания выдвинутого мною тезиса надо сначала условиться о том, что такое личность с ее субъектом и объектом, общество, история и исторический императив и, наконец, что такое жертвенный подвиг лично-жизненного самоутверждения» (С.280).

«Каждый из нас должен поступать так, чтобы его поведение по крайней мере не противоречило всеобщему и свободному человеческому благоденствию, а лучше, если бы еще и поддерживало и осуществляло его» (С.281-282). «Мое жизненное кредо и заключается в том, чтобы любыми доступными средствами, пусть относительными и ограниченными, осуществлять идеал свободного человеческого благоденствия» (С.282).

«Свое жизненное кредо мы только для того и должны разрабатывать, чтобы оказалось возможным осмысливать каждое мгновение жизни. Если я пошел на работу и не опоздал, то это уже значит, что я сделал маленький шаг к достижению идеала. Если я пришел на работу и точно выполнил полученное задание; если я, как член соответствующей комиссии, заметил коррупцию в проверяемой мной организации и эту коррупцию не скрыл, но сделал из нее необходимые для общего блага выводы, - во всех подобного рода, пусть хотя бы и малых, иной раз даже малозаметных, моих поступках я исполняю мое жизненное кредо. Поэтому не думайте, что жизненное кредо - это только теория. Для меня это самая искренняя, самая интимная, самая сердечная и жгучая потребность» (С.282-283).

«...в области жизненного кредо можно и нужно много думать и размышлять, много читать и спорить, затрачивая огромные интеллектуальные усилия... Однако жизненное кредо - это не только теорий, но и практика. А на практике оно должно выступать в простейшей и яснейшей форме, главное же - решительно безо всяких рассудочных схем. Кто осуществляет жизненное кредо в указанном смысле, тот прост и понятен, учтив и предупредителен, светел и ясен, надежен и дальновиден и потому мудр. Я люблю глубины; и я люблю извивы и игривость; но еще больше я люблю «игривые» и «извивные» глубины. Они всегда просты, но и в то же время изысканны. И - никаких схем, никакой рассудочной планировки, никакой мудреной сложности. Поэтому практика жизненного кредо должна быть простой и ясной, но без всяких схем, общественно и лично надежной и критической, служащей в основном общечеловеческому благоденствию» (С.283-284).

Лосев А.Ф. Жизненное кредо // Лосев А.Ф. Дерзание духа. М., 1988.

Геннадий Константинович Ашин (род. 1930)

«Известно, что наша образовательная система переживает тяжелый кризис, во многом отражающий кризис всего общества; причем к объективным трудностям добавляется действия субъективного фактора - неумная и недальновидная политика в области образования и культуры. После Октябрьской революции безраздельно господствовала теория и практика единой школы. На определенном этапе она сыграла частично позитивную роль, во всяком случае, в ликвидации обширных зон неграмотности, в провозглашении права на образование. Но единая школа, ставшая единообразной, порой просто серой, стандартизирует обучение. К

тому же она в течение десятилетий осуществляла идеологическое оболванивание учащихся, их индоктринизацию. Ныне школа уходит от этого единообразия, одинаковости. Это в полной мере относится и к высшему образованию. Идет процесс дифференциации среднего и высшего образования, создание элитных школ и вузов. И тут возникает вопрос, весьма болезненный для российского менталитета - совместимо ли создание элитных школ с социальной справедливостью?

Этот вопрос достаточно давно обсуждается западными специалистами по социологии образования. Тут выявились два альтернативных подхода. Эгалитаристские критики элитного образования используют следующие аргументы: наличие элитных учебных заведений - вызов демократии; они ставят учащихся и студентов в неравные условия, воспроизводят и закрепляют систему социального неравенства. Собственно, аргументы критиков элитного образования нам хорошо знакомы, ибо это, прежде всего марксистские критики. Их аргументы не лишены оснований. Но нам известно также, что эгалитаристские теории в советской педагогике нанесли огромный ущерб образованию, они делали, в частности, среднее образование действительно "средним" в смысле его посредственности, униформизма, игнорирования вундеркиндов, которые "ломают строй", они требовали от педагогов обращать основное внимание на "подтягивания" отстающих, которые во что бы то ни стало должны получить среднее образование.

Теперь выслушаем и другую сторону - сторонников элитного образования. Их аргументы звучат достаточно весомо. Единая (и единообразная) система обучения не учитывает разнообразие личностных ориентаций, глушит индивидуальность, нивелирует личности обучающихся, не стимулирует развитие ярких талантов, дарований. В демократическом обществе наряду с государственной должна существовать независимая система образования, в том числе альтернативного, и пусть родители и дети выбирают ту систему, которая им больше подходит. А если одаренные дети из необеспеченных семей не могут оплачивать дорогостоящие частные школы, они имеют право на дотацию со стороны благотворительных фондов, государства, на стипендии для талантливых детей из неимущих слоев, которые имеются во многих элитных школах и вузах.

Причем элитные учебные заведения призваны быть маяками всей системы образования, полем для проведения прогрессивных экспериментов. Многие американские и английские специалисты по социологии образования подчеркивают, что Итон, Хэрроу (элитные школы), Оксфорд, Кембридж (элитные университеты) в Англии, Гротон и Сент-Поль (элитные средние учебные заведения), университеты "**Лиги плюща**" - Гарвард, Йель, Принстон должны не замыкаться в себе, сохраняя свою эзотеричность, но, напротив, выступать моделью, к которой должно приближаться образование в Великобритании и США. Многие

элитные учебные заведения индустриально развитых стран выступают спонсорами одаренных детей безотносительно к статусу их родителей - они готовы обучать таких молодых людей бесплатно, даже платить им стипендию, ибо наличие одаренных учащихся в привилегированных частных учебных заведениях способствует подъему в них уровня обучения. А воспитание ярких талантов выгодно и для всего общества, и - непосредственно - для спонсоров этих учебных заведений, особенно если ими являются крупные корпорации, ибо их выпускники являются базой для пополнения сотрудников этих корпораций или государственных учреждений, с которыми сотрудничают эти корпорации, не говоря уже о том, что это спонсорство является средством улучшения имиджа соответствующей корпорации.

Можно заметить, что картина, рисуемая сторонниками элитного образования, пожалуй, слишком розовая, это скорее норматив, идеал, расходящийся с действительностью, но зато служащий определенным ориентиром. Можно и нужно выявлять недостатки элитного образования в разных странах. Вспомним, что и Россия имеет традиции элитного образования, достаточно назвать знаменитый Царскосельский лицей, давший столько выдающихся деятелей культуры и политики, где соучеником великого Пушкина был и будущий канцлер России Горчаков. Вопрос заключается лишь в следующем: эти недостатки следует выявлять для того, чтобы их устранять, чтобы скорректировать это образование с современными потребностями общества, или же для того, чтобы его отвергнуть в пользу эгалитарного, усредненного образования, столь характерного для СССР. В стране, идущей к рынку, люди не могут не сознавать, что социальная справедливость - это не равенство в нищете, а равенство возможностей, которое неминуемо сопровождается неравенством в результатах деятельности людей. Следует развести понятия: "справедливость" и "равенство", ибо равенство может быть глубоко несправедливым. Это в полной мере относится и к системе образования. Ведь если, к примеру, в начальной школе для всех - и для тех, в ком дремлет гений Моцарта, и для тех, кому "медведь на ухо наступил", - существует единая норма - 45 минут в неделю - урока музыки, то это, разумеется, равенство, но равенство вульгарное. Это отнюдь не справедливость - ни по отношению к личности (не дает возможности ей развивать свои способности), ни по отношению к обществу, лишает его талантов, которые могли бы послужить обществу. Это псевдоравенство. Реформируя нашу систему образования, стоит изучить и использовать богатый опыт элитного образования Англии, Германии, США, Франции, дореволюционной России, хотя и не следует этот опыт слепо копировать.

Но пока мы еще не решили поставленный нами вопрос: справедливо ли элитное образование? Для его решения, прежде всего, предлагается различать элитарное и элитное образование. Элитарное образование -

образование для представителей узкого круга, в который входят - люди по критериям знатности и богатства. Социологи обычно различают "элиты крови" (критерий знатности, доминирующий в традиционном обществе), элиту богатства (в индустриальном обществе/) и элиту знания (в информационном обществе). Поскольку элитарное образование - образование для выходцев из узкого круга, оно несправедливо, оно расточительно для общества: ведь в этом случае теряются таланты детей, семьи которых не входят в элиту общества. Напротив, элитное образование, помимо того, что это образование самого высокого уровня, характеризуется тем, что его критериями являются способности, таланты учащихся: оно не должно зависеть от происхождения и богатства родителей. Для усвоения ценностей, предлагаемой этой системой образования, необходим высокий уровень способностей» (С.25-27).

Ашин Г.К., Бережнова Л.Н., Карабущенко П.Л., Резаков Р.Г. Теоретические основы элитологии образования. М., 1998.

2. НАУКА В СИСТЕМЕ КУЛЬТУРЫ

Фихте И.Г.

«Все, что теперь еще бесформенно и беспорядочно, - заключает Фихте, - разрешится через человека в прекраснейший порядок... Человек будет вносить порядок в хаос и план в общее разрушение, через него самое тление будет строить, и смерть будет призывать к новой прекрасной жизни».

Фихте. Избранные произведения. М., 1916. Т.1. С.401-402.

Вернадский В.И.

«В научном охвате природы отталкиваются от этого основного положения - о причинной связи всех явлений окружающего, сводят явления к единому. Существование факторов, от среды независимых, в науке не принимается, исходя из признания единства реальности, единства Космоса.

Я здесь не касаюсь объяснения этого способа научного мышления, доказательства его правильности или необходимости. Я только констатирую реально происходящее, силу и правильность которого на каждом шагу выявляет современное научное мышление, строящее всю нашу жизнь.

Оставаясь на почве научного искания и рассуждая логически правильно, дальше идти мне нет надобности» (С. 52).

В охвате реальности нет надобности считаться с другими о ней представлениями, допускающими существование в изучаемой реальности построений, принятых научным исканием во внимание и научно в ней не открываемых. Обычные, господствующие представления о мире — о реальности - переполнены религиозными, философскими, исторически-бытовыми и социальными построениями, часто противоречащими научно принятым и иногда принимаемыми во внимание в научной работе отдельными исследователями группами исследователей.

Противоречие между этими представлениями проникает научную мысль; научный охват реальности постоянно с ними сталкивается. Он ломает ему чуждые построения, когда нужно, и с ним вынуждены считаться, если он правильно сделан, все другие представления о реальности, выработанные человечеством — религиозные, философские, социально-государственные, — должны в случаях их противоречия с научно найденной истиной переделываться и ей уступать. Примат научной мысли в своей области — научной работе — всегда Существует, признается ли он или нет, безразлично. Ее правильно сделанные положения общеобязательны. Это не зависит от нашей воли. Это свойственно в духовной жизни человечества только научной истине» (С. 52).

«Наука есть создание жизни. Из окружающей жизни научная мысль берет приводимый ею в форму научной истины материал. Она — гуща жизни — его творит прежде всего. Это есть стихийное отражение жизни человека в окружающей человека среде — в ноосфере. *Наука есть проявление действия в человеческом обществе совокупности человеческой мысли.*

Научное построение, как правило, реально существующее, не есть логически стройная, во всех основах своих сознательно определяемая разумом система Знания. Она полна непрерывных изменений, исправлений и противоречий, подвижна чрезвычайно, как жизнь, сложна в своем содержании; она есть динамическое неустойчивое равновесие» (С. 53).

«Система науки, взятая в целом, всегда с логически-критической точки зрения несовершенна. Лишь часть ее, правда все увеличивающаяся, непререкаема (логика, математика, научный аппарат фактов). Науки, реально существующие, исторически проявляющиеся в истории человечества и в биосфере, всегда охвачены бесчисленными, часто для современников непреодолимыми, чуждыми им и ими в историческом процессе перерабатываемыми философскими, религиозными, социальными и техническими обобщениями и достижениями, переработка которых по существу является главным *содержанием* развития истории науки. *Только часть*, но, как мы видим, все увеличивающаяся, часть науки, в действительности ее основное содержание, часто так не учитываемое учеными, часть, чуждая другим проявлениям духовной жизни человечества (масса ее научных фактов и правильно логически из них построенных научных эмпирических обобщений), является бесспорной и логически безусловно обязательной и непререкаемой. Наука в целом такой обязательности не имеет.

Наука, таким образом, отнюдь не является логическим построением, ищущим истину аппаратом|Познать научную истину нельзя логикой, можно лишь жизнью. *Действие* — характерная черта научной мысли. Научная мысль — научное творчество, — научное знание идут в гуще жизни, с которой они неразрывно связаны, и самим существованием своим они возбуждают в среде жизни активные проявления, которые сами по себе являются не только распространителями научного знания, но и создают его бесчисленные формы выявления, вызывают бесчисленный крупный и мелкий источник роста научного знания» (С. 53-54).

Но среда жизни влияет на научную мысль не только этим путем — привнесением всюду вызываемых жизнью научных открытий, сторонних *научному исканию отдельных личностей*, и их охватом организованным проявлением научной работы учеными, научным аппаратом данного времени» (С. 55).

Вернадский В.И. Философские мысли натуралиста. М., 1988.

Бердяев Н.А.

«...нет социального заказа на высшую качественную культуру, на духовную культуру, на настоящую философию, на настоящее искусство. Социальный заказ существует, главным образом, на технику, на прикладное естествознание, на экономику, нет заказа на то, что связано с духом и духовностью. Духовная энергия переключается и направляется на предметы совсем не духовного порядка. Интеллектуальный культурный слой социально совсем не защищен, его существование лишено всякого материального базиса, он висит в воздухе и слишком часто чувствует свою ненужность, он принужден приспособляться, чтобы не провалиться окончательно в бездну. Положение инициаторов и творцов духовной культуры никогда не было легким, оно не было легким и нормальным и в ренессансную эпоху. Сплошь и рядом они творили неизвестно для кого, но творчество их сравнительно было свободно. Материально писатели, художники, музыканты, ученые зависели от меценатов. Но они жили в сложном, дифференцированном, не унифицированном обществе, они не подвергались диктатуре над духом и могли лавировать. Капитализм XIX века с его экономизмом и скрытой диктатурой денег исказил и деформировал чистоту культуры, приспособил ее к интересам буржуазных классов. Формально творцам культуры была предоставлена полная свобода, но материально они подвергались гнету, испытывали одиночество, непризнание, нужду. И многие из творцов культуры либеральной, буржуазной эпохи тосковали по культуре всенародной и “органической”. Социальное одиночество творцов культуры есть характерное явление буржуазной эпохи. Этим одиночеством часто гордились и дорожили с тем, чтобы оставаться в нем. Это одиночество иногда было групповым, одиночеством элиты. В средневековье, в Древней Греции культура была религиозной, всенародной, “органической”. Эта всенародность была совсем иной, чем в наш демократический век, ибо массы жили в религиозно освященном иерархическом организме. Тогда не было такого разрыва между творцами культуры, между интеллектуальным слоем и всенародной жизнью. Это была культура социального заказа в благородном смысле слова, социального заказа, допускающего и предполагающего аристократическое, качественное начало культуры. Но этой культуре чужд был индивидуализм ренессансной и буржуазной эпохи, это была культура коллективная. Культура Древней Греции в гораздо большей степени была культурой социального заказа, чем это принято думать, искусство совсем не было “чистым”, оно играло социально служебную роль. Греческая культура была всенародной и вместе с тем аристократической. Для прежних “органических” эпох характерно сочетание всенародности и органичности в культуре. В нашу эпоху, устремленную к коллективизму, вес меняется. Масса приобщается к культуре. Это необходимо и справедливо. Массы не могут оставаться во

тьме. В прошлом массы были приобщены к культуре через религию. Культура народного слоя была почти исключительно религиозной культурой, и в ней происходило соединение народного слоя с аристократическим культурным слоем. Только религия обладает способностью делать такие соединения. Этой способностью не обладают философия, наука, просвещение, искусство, литература. Высокая качественная культура, лишенная религии очного базиса, неизбежно отрывается от всенародной жизни, и образуется уединенная культурная элита, чувствующая свою ненужность для народа. Гуманистическая культура никогда не была народной, она была культурой верхнего интеллектуального слоя, лишенной социального базиса. Справедливость демократизации, приобщающей к культуре огромные народные массы, имеет обратной своей стороной понижение качественного уровня культуры. Этот процесс означает не только, что массы повышаются в своем культурном уровне, что в них пробуждаются культурные потребности, но и что массы начинают господствовать над культурой и приспособлять ее к своему уровню. Культура в широком смысле притягивается к социальной обыденности жизни масс. Культура элиты еще более уединяется, делается рафинированной, в ней обнаруживаются признаки смерти, и ее представители получают вкус к смерти. Это есть декаданс в культуре, иссякание источников жизни. Другая часть культурных деятелей хочет спастись, приспособляется к массам, к их вкусам и запросам, пытается исполнить социальный заказ. Но самое существование культурной элиты, оторванной от всенародной жизни, делается все более и более ненужным и ненормальным. Она не имеет будущего. Этот кризис качественной культуры и эта печальная судьба интеллектуального слоя, по-видимому, безысходна вне духовной революции в мире, вне религиозного возрождения. Чисто культурное возрождение уже невозможно по возрасту мира, возможно лишь религиозное возрождение, которое только и в силах решить вопрос о соотношении между аристократическим и демократическим, личным и общественным началом в культуре».

Бердяев Н.А. Судьба человека в совершенном мире. К пониманию нашей эпохи // Бердяев Н.А. Философия свободного духа. М., 1994. С.356-357.

«Никто не обязан поклоняться верованиям народа и воле народа, если он считает эти верования и эту волю злыми. Я не признаю принципа суверенитета народа. Власть не демократична по своей природе, но она должна быть народна... И если верования народные ложны и злы, то я все силы свои должен прежде всего направить на обращение моего народа к истине и добрым верованиям. Духу принадлежит примат над политикой».

Бердяев Н.А. Новое средневековье... С.447.

Альберт Швейцер (1875 - 1965)

«В XVIII и начале XIX столетий философия формировала и направляла общественное мнение... Она всячески побуждала к глубоким раздумьям о культуре. Для философии того времени было характерно элементарное философствование о человеке, обществе, народе, человечестве и культуре, что естественным путем порождало живую, захватывающую общественное мнение популярную философию и стимулировало культуротворческий энтузиазм.

Однако всеобъемлющее оптимистически-этическое мировоззрение, на котором Просвещение и рационализм основали эту могучую в своем воздействии популярную философию, не могло в течение длительного времени удовлетворять требованиям последовательно критического мышления... Век философского догматизма миновал. Истиной стала считаться лишь наука, описывающая действительность...» (С.45).

«Философия почти стала историей философии. Творческий дух покинул ее. Все больше и больше она становится философией без мышления. Конечно, она анализировала результаты частных наук, но элементарное мышление перестало быть свойственным ей...» (С.46).

«Собственное бессилие породило в философии антипатию ко всякому общественному философствованию, - антипатию, столь характерную для ее сущности. Популярная философия была в ее глазах лишь пригодным для толпы, упрощенным и соответственно ухудшенным вариантом свода достижений частных наук... Она была далека от осознания факта существования популярной философии, возникшей в результате того, что философия вплотную занимается элементарными вопросами бытия, над которыми должны задуматься и задумываются как отдельные индивиды, так и массы, углубляет эти вопросы в процессе более всеобъемлющего и более совершенного мышления и в таком виде вновь передает их человеческому обществу. Она не отдавала себе отчета в том, что ценность любой философии в конечном счете измеряется ее способностью превратиться в живую популярную философию.

Любая глубина – это одновременно и простота, и достигнута она может быть только тогда, когда обеспечена ее связь со всей действительностью. В этом случае она представляет собой абстракцию, которая сама по себе обретает жизнь в многообразных ее проявлениях, как только соприкасается с фактами» (С.47).

«...Мы вступили в новое средневековье. Всеобщим актом воли свобода мышления изъята из употребления, потому что миллионы индивидов отказываются от права на мышление и во всем руководствуются только принадлежностью к корпорации» (С.53).
«...Избавление от нынешнего средневековья будет намного труднее, чем от прежнего. Тогда велась борьба против исторически обусловленной внешней власти. Ныне речь идет о том, чтобы побудить миллионы

индивидов сбросить с себя собственноручно надетое ярмо духовной несамостоятельности... С отказом от независимости своего мышления мы утратили ...веру в истину. Наша духовная жизнь дезорганизована. Сверхорганизованность нашей общественной жизни выливается в организацию безумья... Страшная правда, заключающаяся в том, что по мере исторического развития общества и прогресса его экономической жизни возможности процветания культуры не расширяются, а сужаются, осталась неосознанной» (С.54-55).

Швейцер А. Благоговение перед жизнью. М., 1992.

А.Ф. Лосев

«Культура есть предельная общность всех основных слоев исторического процесса (экономических, социально-политических, идеологических, практически-технических, ремесленных, научных, художественных, моральных, религиозных, философских, национально-народных, бытовых)» (1, С.218-219). «Тип культуры есть система взаимных отношений всех слоев исторического процесса данного времени и места. Эта система образует неделимую целостность в качестве определенной структуры, которая наглядно и чувственно-предметно выражает ее материальную и духовную специфику, являясь основным методом объяснения всех слоев исторического развития — как в их теоретическом противопоставлении, так и в их последовательно-историческом развитии» (1, С.219-220).

«Философия культуры есть постановка и решение проблемы о том, а) как соотносятся между собою отдельные слои исторического процесса, б) как они все вместе относятся к их предельной обобщенности, то есть к их исторически обусловленному и каждый раз специфически доминирующему первопринципу, в) как этот первопринцип данной культуры относится к первопринципам других, хотя бы ближайших, культур, г) как необходимо характеризовать все слои исторического процесса в свете этого первопринципа» (1, С.233).

«К сожалению, слишком многие на Западе весьма часто совмещали ханжество с неосведомленностью, полагая, что вот-де классика - это действительно очень ценная культура, а эллинизм - развал и разврат. Но если бы эти люди всерьез понимали, что такое религия какого-нибудь Диониса или Деметры, то они понимали бы и то, как всегда была недостижимо далека от буржуазного индивидуализма вся эта строгая, непсихологическая классика и как бесконечно близко к нему всегда был именно эллинизм с своим субъективизмом и «переживаниями» (2, С. 131).

«А что мы понимаем под божеством? Абсолют. Если божество — это то, что все создает, что выше всего, от чего все зависит, так это же космос. Космос — это и есть абсолютное божество. Пантеизм вытекает из основ этого объективистского и чувственно понимаемого космоса. Таким

образом, античная культура вырастает на основе пантеизма. Мне могут возразить: выходит, кроме космоса, ничего нет? А боги? Боги же выше космоса?..

Античные боги — это те идеи, которые воплощаются в космосе, это законы природы, которые им управляют.

Мы не называем свои законы природы “богами”. А там законы природы называли богами. Что же получается? Ведь идея вещи выше самой вещи. Идея ведь невещественна. Но она невещественна формально, а по содержанию своему она - полное отражение вещи. Поэтому все достоинства и все недостатки природы и человеческой жизни отражаются в богах. Должен признать, что суждение о том, что “боги” есть результат обожествления сил природы и свойств человека, достаточно банально и тривиально, но оно абсолютно истинно.

Помните: не все банальное плохо, а многое банальное - истинно.

Что такое античные боги? Это есть сама же природа, это есть обожествленный космос, взятый как абсолют. Поэтому все недостатки, все достоинства, которые есть в человеке и в природе, все они есть и в божестве. Стоит ли напоминать о том, что такое боги в античной литературе? Возьмите Гомера. Боги дерутся друг с другом, бранятся: Афину Палладу - прекрасную богиню героизма и мудрости - Арес называет “псиной мухой”...

Что же получается? Да ведь это действуют те же самые люди, только абсолютизированные, перед нами тот же самый привычный мир, но взятый как некий космос и с абсолютной точки зрения.

Итак, мой пятый тезис утверждает *пантеизм*, ибо все - это божество, идеальные боги являются только обобщением соответствующих областей природы, как разумной, так и неразумной» (3, С.156-157).

1. Лосев А.Ф. *Философия культуры* // Лосев А.Ф. *Дерзание духа*. М., 1988.

2. Лосев А.Ф. *История античной эстетики. Ранняя классика*. М., 2000.

3. Лосев А.Ф. *Двенадцать тезисов об античной культуре* // Лосев А.Ф. *Дерзание духа*. М., 1988.

Юрий Михайлович Лотман (1922 – 1993)

«Сознание человека гетерогенно. Минимальное мыслящее устройство должно включать в себя хотя бы две разноустроенных системы, которые обменивались бы выработанной внутри них информацией. Исследования по специфике функционирования больших полушарий человеческого мозга вскрывают его глубокую аналогию с устройством культуры как коллективного интеллекта. В обоих случаях мы обнаруживаем наличие, как минимум, двух принципиально отличных способов отражения мира и выработки новой информации с последующими сложными

механизмами обмена текстами между этими системами. В обоих случаях мы наблюдаем, в общих чертах, аналогичную структуру: в рамках одного сознания наличествуют как бы два сознания. Одно оперирует дискретной системой кодирования и образует тексты, складывающиеся как линейные цепочки соединенных сегментов. В этом случае основным носителем значения является сегмент (= знак), а цепочка сегментов (= текст) вторична, значение ее производно от значения знаков. Во втором случае текст первичен; Он является носителем основного значения. По своей природе он не дискретен, а континуален. Смысл его не организуется ни линейной, ни временной последовательностью; а «размазан» в n-мерном семантическом пространстве данного текста (полотна картины, сцены, экрана, ритуального действия, общественного поведения или сна). В текстах этого типа именно текст является носителем значения. Выделение составляющих его знаков бывает затруднительно и порой носит искусственный характер.

Таким образом, в рамках как индивидуального, так и коллективного сознания скрыты два типа генераторов текстов: один основан на механизме дискретности, другой континуален. Несмотря на то, что каждый из этих механизмов имманентен своему устройству, между ними существует постоянный обмен текстами и сообщениями. Обмен этот совершается в форме семантического перевода. Однако любой точный перевод подразумевает, что между единицами каких-либо двух систем установлены взаимно-однозначные отношения, в результате чего возможно отображение одной системы на другую. Это позволяет текст одного языка адекватно выразить средствами другого. Однако в случае, когда соплагаются дискретные и недискретные тексты, это в принципе невозможно. Дискретной и точно обозначенной семантической единице одного текста в другом соответствует некоторое смысловое пятно с размытыми границами и постепенными переходами в область другого смысла. Если же там и имеется *sui generis* сегментация, то она не сопоставима с типом дискретных границ первого текста. В этих условиях возникает ситуация непереводимости, однако именно здесь попытки перевода осуществляются с особенным упорством и дают наиболее ценные результаты. В этом случае возникает не точный перевод, а приблизительная и обусловленная определенным общим для обеих систем культурно-психологическими семиотическим контекстом эквивалентность. Подобный незакономерной и неточный, однако в определенном отношении эквивалентный перевод оставляет один из существенных элементов всякого творческого мышления. Именно эти «незакономерные» сближения дают толчки для возникновения новых смысловых связей и принципиально новых текстов.

Пара взаимно несопоставимых значимых элементов, между которыми устанавливается в рамках какого-либо контекста отношение адекватности, образует семантический троп. В этом отношении тропы являются не внешним украшением, некоторого рода апплике,

накладываемым на мысль извне — они составляют суть творческого мышления, и сфера их даже шире, чем искусство. Она принадлежит творчеству вообще. Так, например, все попытки создания наглядных аналогов абстрактных идей, отображения с помощью отточий непрерывных процессов в дискретных формулах, построения пространственных физических моделей элементарных частиц и пр. являются риторическими фигурами (тропами). И точно так же, как в поэзии, в науке закономерное сближение часто выступает в качестве толчка для формулирования новой закономерности.

Теория тропов за века своего существования накопила обширную литературу по определению основных их видов: метафоры, метонимии и синекдохи. Литература эта продолжает расти. Однако очевидно, что, при любом логизировании тропа, один из его элементов имеет словесную, а другой — зрительную природу, как бы замаскирован этот второй элемент ни был. Даже в логических моделях метафор, создаваемых в целях учебных демонстраций, недискретный образ (зрительный или акустический) составляет имплицированное последующее звено между двумя дискретными словесными компонентами. Однако чем глубже ситуация непереводимости между двумя языками, тем острее потребность в общем для них метаязыке, который перекидывал бы между ними мост, способствуя установлению эквивалентностей. Именно языковая неоднородность тропов вызвала гипертрофию метаструктурных построений в «риторике фигур». Уклон в догматизм на уровне метаописания компенсировал неизбежную неопределенность на уровне текста фигур. Компенсация здесь получает особый смысл, поскольку риторические тексты отличаются от общезыковых существенной особенностью: образование языковых текстов производится носителем языка стихийно, эксплицитные правила актуальны здесь лишь для исследователя, строящего логические модели бессознательных процессов. В риторике процесс порождения текстов имеет «ученый», сознательный характер. Правила здесь, активно включены в самый текст не только на метауровне, но и на уровне непосредственной текстовой структуры» (С. 48).

«Это создает специфику тропа, который одновременно включает в себя и элемент иррациональности (эквивалентность заведомо неэквивалентных и даже не располагаемых в одном ряду текстовых элементов), и имеет характер гиперрационализма, связанный с включением сознательной конструкции непосредственно в текст риторической фигуры. Это обстоятельство особенно заметно в тех случаях, когда метафора строится не на основе столкновения слов, а как элемент, например, киноязыка» (С. 48-49).

«Текст в процессе движения: автор — аудитория, замысел — текст.

Взаимоотношения текста и аудитории характеризуются взаимной активностью: текст стремится уподобить аудиторию себе, навязать ей свою систему кодов, аудитория отвечает ему тем же. Текст как бы включает в себя образ «своей» идеальной аудитории, аудитория — «своего» текста» (С. 87).

«Общее с собеседником возможно лишь при наличии некоторой общей с ним памяти. Однако в этом отношении существуют принципиальные различия между текстом, обращенным «ко всем», т.е. к любому адресату, и тем, который имеет в виду некоторое конкретное и личноизвестное говорящему лицо. В первом случае объем памяти адресата конструируется как обязательный для любого, говорящего на данном языке и принадлежащего к данной культуре. Он лишен индивидуального, абстрактен и включает в себя лишь некоторый несократимый минимум. Естественно, что чем беднее память, тем подробнее, распространеннее должно быть сообщение, тем недопустимее эллипсисы и умолчания, риторика намеков и усложненных прагматико-референциальных отношений. Такой текст конструирует абстрактного собеседника, носителя лишь общей памяти, лишённого личного и индивидуального опыта. Он обращен ко всем и каждому.

Иначе строится текст, обращенный к лично знакомому адресату, к лицу, обозначаемому для нас не местоимением, а собственным именем. Объем его памяти и характер ее заполнения нам знаком и интимно близок. В этом случае нет никакой надобности загромождать текст ненужными подробностями, достаточно отсылка к памяти адресата. Намек — средство актуализации памяти. Большое развитие получают эллиптические конструкции, локальная семантика, тяготеющая к формированию «домашней», «интимной» лексики. Текст будет цениться не только мерой понятности для данного адресата, но и степенью непонятности для других. Таким образом, ориентация на тот или иной тип памяти адресата заставляет прибегать то к «языку для других», то яку для себя» — одному из двух скрытых в естественном языке противоположных структурных потенциалов. Владая некоторым набором языковых и культурных кодов, мы можем на основании анализа данного текста выяснить, на какой тип аудитории он ориентирован. Последнее будет определяться характером памяти, необходимой для его понимания. Реконструируя тип «общей памяти» для текста и его получателей, мы обнаружим скрытый в тексте «образ аудитории». Из этого следует, что текст содержит в себе свернутую систему всех звеньев коммуникативной цепи, и, подобно тому, как мы извлекаем из него позиции автора, мы можем реконструировать на его основании и идеального читателя этого текста. Этот образ активно воздействует на реальную аудиторию, перестраивая ее по своему подобию. Личность получателя текста, представляя семиотическое единство, неизбежно вариативна и способна «настраиваться по тексту». Со своей стороны, и образ аудитории, поскольку он не эксплицирован, а лишь содержится в

тексте как некоторая мерцающая позиция, поддается варьированию. В результате между текстом и аудиторией происходит сложная игра позициями» (С. 87-88).

«Мы уже останавливались на дихотомии установок на максимально точную передачу сообщения или на создание нового сообщения в процессе передачи. Каждая из этих установок формирует свое представление о степени адекватности адресата.

Идеалом адекватности может служить такая модель — цепь биохимических импульсов, регулирующих физиологические процессы *внутри* одного организма. В этом случае получателем выступает конечное звено цепи трансформирующихся импульсов. При этом в хорошо устроенной цепи это будет пассивное считывающее устройство, ценное своей «прозрачностью» — тем, что не вносит информацию «от себя» (С. 94).

«Из сказанного можно сделать вывод, что в такой мере, в какой некоторый коллектив можно рассматривать *как один организм*, можно говорить о меньшей роли активности получателя сообщений. Он будет исполнителем или хранителем информации в значительно большей степени, чем ее творцом. Отсюда следует парадоксальное заключение: мифологические ритуалы и другие действия, сливающие архаические коллективы в определенные моменты как бы в единый организм и обеспечивающие членам этих коллективов единство эмоций и обостренное чувство, причастности (переживание себя как части) функционально подобны метаязыковым и метакультурным структурам индивидуалистического общества» (С. 95).

Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М., 1996.

3. Возникновение науки и основные стадии ее эволюции

Марк Фабий Квинтилиан (ок. 35/42 - ок. 95/118 н.э.)

«Желательно, чтобы они были люди как можно более образованными... Как только родится сын, отец должен с того же самого времени возложить на него самые лучшие надежды. Это делает его более заботливым с самого начала. Ведь мы несправедливо жалуемся, будто бы природа весьма немногим людям дала способность к наукам и будто бы большинство, по своему тупоумию, напрасно тратят труд и время. Напротив, мы найдем немало число людей, восприимчивых и способных к учению. Это заключается в природе человека; как от природы дано птицам летать, коням бегать, диким зверям быть свирепыми, так нам достались в особенный удел разум и понятливость; это заставляет думать, что наша

душа небесного происхождения. Тупые и не поддающиеся учению умы появляются столько же против законов природы, как и всякие другие уроды и чудовища в физической природе, но таких бывает очень мало. Доказательством этого служит то, что дети подают иногда блестящие надежды, которые потом, с годами, исчезают; следовательно, не природа виновата, а недостаток воспитания служит тому причиной. Я согласен, что один имеет более ума, чем другой; это доказывает только, что один может сделать больше другого, однако не найдешь никого, кто бы не достиг чего-нибудь прилежанием» (*Наставление оратору. I, 1*).

«Благоразумный наставник, прежде всего, должен узнать свойства ума и характер поручаемого ему ученика. Особенный признак ума в малолетних есть память; ее действие двойное: скоро понимать и не забывать, что поняли... После... наблюдений над способностями учащихся учитель замечает, как лучше всего обходиться ему с учениками» (Там же. I, 3).

Глебовский В.А. Древние педагогические писатели в биографиях и образцах. СПб., 1903. С.96.

Университетские средневековые статуты

«Первое, я дам вам краткое содержание каждого титула [Дигест], прежде чем я перейду к самому тексту. Второе, я как можно лучше, яснее и подробнее поставлю примеры отдельных законов [содержащихся в титуле]. Третье, я кратко повторю текст с намерением повторить его. Четвертое, я кратко повторю содержание примеров [законов]. Пятое, я разрешу противоречия, добавив общие принципы, обычно именуемые "brocardica", и разделения между тонкими и полезными проблемами [quaestiones] вместе с их решениями, насколько позволит мне Божественное Проведение. И если какой-либо закон, по причине его знаменитости или трудности, заслужит Репетиции, я оставлю его на вечернюю Репетицию» (С.124-134).

Берман Г.Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. М., 1994.

Карьера средневекового ученого

«Прежде всего, будущий ученый проходит мальчиком курс капитулярной, монастырской или городской школы, где обучается чтению, письму, счету и латинскому языку. Лет пятнадцати он отправляется в какой-нибудь университет, где его встречают как «желторотика» (deanus), «отбтесывают» (depositio) и, наконец, заставив претерпеть порядочно товарищеских издевательств, принимают в ряды университетской корпорации. Впрочем, нередко бывало, что в университет записывались и еще моложе; при университетах для таких мальчиков, которым надо было еще элементарное преподавание, часто устраивались paedagogia, т. е.

школы с общежитием, находившиеся в ведении университетских властей. Обычно юный студент поступает в ближайшие ученики к какому-нибудь одному магистру артистического факультета; он живет под его присмотром в collegium'e, в университетском помещении, или в «бурсе» (bursa), которую магистр держит от себя под надзором университета. Так он года два слушает лекции, особенно по аристотелевой логике и физике, принимает участие в факультетских диспутах и в подготовительных к ним упражнениях, совершенствуется наряду с этим в латинском языке и, наконец, счастливо выдержав первый экзамен, становится бакалавром свободных наук (baccalarius artium). Как таковой он слушает еще года два лекции по высшим книгам Аристотеля, по психологии, метафизике, этике и политике, изучает также математику и космологию, участвует в то же время как профессорский помощник в преподавании и диспутах и на 20-м или 21-м году жизни держит второй экзамен на степень magister artium. Теперь он начинает самостоятельно читать лекции и устраивать диспуты; часто ему вменяется даже в прямую обязанность преподавать на факультете по крайней мере два года и таким путем docendo discere (уча учиться). Параллельно с этим он может в качестве scholaris проходить курс одного из высших факультетов — юридического или богословского (что касается медицинского, то по крайней мере в Германии он в средние века не играл почти никакой роли). На избранном им высшем факультете он опять-таки тем же порядком достигает через несколько лет степеней бакалавра и доктора. Затем он либо остается преподавателем в университете, где ему может достаться обеспеченное доходами с какого-нибудь пожертвования место в коллегии или каноникат, либо же берет какую-нибудь церковную должность: при замещении высших церковных должностей мало-помалу вошло в обычай требовать известной университетской ученой степени. Но, само собой разумеется, что далеко не все до конца проходили этот ученый путь. Большинство вообще не шло в своем обучении дальше facultas artium; большая половина слушателей покидала университет совсем без всякой степени, хотя бы даже baccalarius artium.

Необходимо отметить еще одну черту в строе средневекового университета: на всем его существе лежит церковная печать, чем обуславливаются также его универсальность и интернациональность, недаром же он вырос, по крайней мере в Германии, всецело а церковной почве, под покровительством римского престола. Учение церкви определяет его преподавание; язык церкви становится также его языком; все члены университета, студенты и профессора, у себя дома почти всегда так или иначе пристроены к доходам от церквей. И обеспечением кафедр служат, по крайней мере, в немецких университетах, главным образом, места каноников без обязательства жить на месте служения. С интернациональностью университетов, которая роднит их с церковью и

монашескими орденами, в тесной связи стоят кочевничество и вездесущие средневековых ученых и студентов. Прежде всего, местом массового паломничества немецких студентов являются французские и итальянские университеты: они в то время считаются культурнее и тоньше наших. Но средневековый студент вообще необычайно подвижен; студенческий «пролетариат», странствовавший с места на место, из одной страны в другую, веселый и беспечный, но побирушка и нахал, по временам бывал чистым бичом для населения» (С.93-94).

Паульсен Ф. Исторический очерк развития образования в Германии // Хрестоматия по истории педагогики. Т.1. Античный мир. Средние века. М., 1938.

Г.В. Лейбниц

Начала и образцы всеобщей науки. «...об устройении и приумножении знаний, или разумной системы, с помощью которой, приложив усердие, люди могли бы безошибочно судить об истине или по крайней мере о степени вероятности и смогли бы все, что находится в человеческой власти или могло бы быть когда-либо выведено из данных человеческим умом, открывать посредством надежного метода, так чтобы за немногие годы с минимальными усилиями и затратами достигать большего для приращения человеческого благоденствия, чем можно было бы ожидать при иных условиях от усилий многих веков и непомерных затрат» (С. 435).

«Под всеобщей наукой я понимаю то; что научает способу открытия и доказательства всех других знаний на основе достаточных данных...

Данные, достаточные для устанавливаемых истин, суть принципы, которые ужерчевидны и из которых без других допущений может быть выведено то, о чем идет речь». (С. 439)

«Эта всеобщая наука, по правде говоря, еще никем не излагалась и даже, думаю, никем не использовалась. Да и мною-то здесь излагаются только ее начала, т.е. те элементарные предписания, из которых устанавливалось бы, что открытие сокровенных принципов не так уж трудно» (С. 443).

«Здесь приводится некое новое замечательное исчисление, которое имеет отношение ко всем нашим рассуждениям и которое строится не менее строго, чем арифметика или алгебра. С его применением могут быть навсегда покончены споры, поскольку они разрешимы на основе данных; и стоит только взяться за перья, как уже будет достаточно, чтобы двое спорящих, отбросив словопрения, сказали друг другу: *давайте посчитаем!* Точно так же, как если бы два арифметика спорили о какой-нибудь ошибке счета: ведь предписания самого метода приведут к разрешению спора даже неопытных и упрямых. Здесь же демонстрируется способ рассуждения по форме — способ, сообразный рассмотрению самих вещей, свободный от набивших оско-

мину схоластических силлогизмов и возвышающийся над теми дистинкциями, в которых каждый старается превзойти другого в школах.

К этому нужно добавить примеры нового искусства. — Мою всеобщую математику (*mathesis generalis*). Новые, до сих пор не установленные основы механики. Изложение общей физики и некоторые опыты физики специальной с приложением профилактической медицины. Элементы науки о нравственности и гражданском обществе, а также о естественном праве и общественном благе; в этой части речь пойдет и о подданных, нуждающихся в значительном облегчении гнета для еще большего благоденствия самих правителей, и о воинском искусстве. Далее следуют рациональная метафизика и теология. Наконец, основы филологии, или гуманитарных наук, и выведенные отсюда исторические доказательства для целей богооткровенной теологии. Сюда же добавляются рекомендации мужам, прославленным своими заслугами и ученостью, касающиеся того, чтобы в кратчайший срок (если мы только того пожелаем) человеческое счастье неизмеримо увеличилось» (С. 444-445).

Об универсальной науке, или философском исчислении. «Все, что мы достоверно знаем, состоит или в *доказательствах*, или в опытах. И в том и в другом правит разум. Ведь самое *искусство постановки эксперимента* и пользования опытами покоится на точных основаниях, разума в той мере, в какой оно не зависит от случая, или фортуны.

Даже имея уже поставленные опыты, которые, бесспорно, и при благоприятной фортуне требуют затрат, оборудования и времени, говорить об усовершенствовании *наук* можно, лишь *поскольку они обосновываются разумом*.

Прогресс искусства рационального изобретательства (*Ars inventoriae rationalis*) в большой мере зависит от совершенствования искусства характеристики. Причина, почему люди обычно доискиваются доказательств не иначе как только с помощью чисел, линий и вещей, которые ими репрезентируются, состоит лишь в том, что помимо чисел нет в обращении *подходящих характеров, соответствующих понятиям*. В этом же состоит причина того, почему геометрия до сих пор не трактуется аналитически, если она до некоторой степени не сводится к числам посредством изобразительного анализа (*analysis speciosa*), при котором обобщенные числа (*numeri generales*) обозначаются буквами. Но имеется и другой, *более тонкий анализ геометрии* - посредством собственных характеров, с помощью которого многое представляется более изящно и более компактно, чем с помощью алгебры, и примеры которого мне известны.

А свидетельством тому, что бывают такие доказательства и вне области величин, могут служить хотя бы *фигуры (formae) логиков*» (С. 494).

Элементы разума. «Впрочем, причина того, почему только математические науки до сих пор получили столь удивительное развитие, не только в отношении точности, но и в отношении многочисленности выдающихся результатов, достаточно ясна. Эти успехи нельзя объяснить одной лишь одаренностью математиков, которые, как показывает сама жизнь, ничем не отличаются от остальных людей, как только выходят за пределы своей деятельности. Дело заключается в природе объекта, где истина без труда, без дорогостоящих экспериментов может столь очевидно явиться нашему взору, что не оставляет больше никаких сомнений, а некая последовательность, я бы сказал, цепь рассуждений развертывается так, что дает нам полную уверенность в выводах и указывает безошибочный путь в дальнейшем.

В этом же и причина совершенства науки физики, бесспорно состоящая (если не говорить об экспериментах) в том, что она сводима к геометрии, ибо открыты, насколько позволяет ее природа, механизмы, зависящие от формы и движений частей. В свою очередь сама геометрия хотя и остается до сих пор не вполне ясной, ибо не все свойства фигур могут быть удовлетворительно переданы линиями, начертанными на бумаге, но сводится к некоторого рода исчислению, т.е. к оценке в числах, что приводит к тому, что с помощью знаков чисел и обозначающих неопределенные числа букв алфавита, употребленных в различных комбинациях, удивительным образом могут быть выражены сами фигуры тел. Это обыкновенно называют символическим исчислением посредством характеристических знаков, или образов вещей. Ибо не существует ничего более удобного и легкого, ничего более доступного человеческому уму, нежели числа. Хотя наука о числах достигла достаточно высокой степени совершенства и благодаря искусству комбинаторики, или общей символики (*species generalis*), в результате приложения которой к числам родился математический анализ, сможет достичь еще большего, однако доказательства любой аналитической истины всегда могут быть даны в обычных числах, и я даже изобрел способ оценки любого алгебраического исчисления путем отбрасывания девятеричного, наподобие обычного исчисления. И таким образом всякая чистая математическая истина может быть с помощью чисел перенесена из сферы разума в область наглядного опыта.

Но это преимущество - постоянно опытным путем проверять все и владеть в лабиринте мышления ощутимой нитью, которую можно было бы воочию видеть и чуть ли не щупать руками (а я убежден, что именно этому обязана своими успехами математика), — до сих пор не нашло применения в других областях человеческого мышления» (С. 446-447).

Лейбниц Г.В. Сочинения: В 4 т. Т.3. М., 1984.

Поль Анри Гольбах (1723 - 1789)

«...по отношению у нас материя вообще есть все то, что воздействует каким-нибудь образом на наши чувства, а качества, приписываемые нами различным вещам, основываются на различиях, ...изменениях, производимых в нас этими веществами» (С.84-85).

«Вселенная, - это колоссальное соединение всего существующего, повсюду являет перед нами лишь необъятную и непрерывную цепь причин и следствий... Все во Вселенной находится в движении. Сущность природы заключается в том, чтобы действовать. Движение – это способ существования, необходимым образом вытекающий из сущности материи... Идея природы необходимым образом включает в себе идею движения. Но, спросят нас: откуда эта природа получила свое движение? Мы ответим, что от себя самой, ибо она есть великое целое, вне которого ничто не может существовать» (С.66, 72, 75).

Гольбах П.А. Избранные произведения: В 2-х т. М., 1963. Т.1.

Людвиг Фейербах (1804 - 1872)

Смерть есть «самый решительный коммунист: миллионера она приравнивает к нищему, императора к пролетарию» (Т.1. С.393). «Память об умерших священна именно потому, что их уже нет в живых и что память о них есть единственное место их существования» (Т.1. С.281). «...плох тот писатель, который требует иного продолжения жизни, чем в сочинениях, т.е. жизни духовной, кто от своей духовной деятельности и своего духовного воздействия отделяет свою душу и сохраняет для нее особенное личное бессмертие» (Т.1. С.394).

«Абсолют существует – в этом нет сомнения; но он должен быть доказан, он должен быть познан как таковой» (Т.1. С.74). «...есть граница абстракции. Бог – это то, от чего я уже не могу абстрагировать, это последняя и, следовательно, высшая, доступная мне мысль. Бог есть то, выше чего нельзя помыслить» (Т.2. С.130).

«Подлинно исторические деяния – только те, которые не предваряются сознанием, а за которыми сознание следует; цель и смысл их становятся очевидными, когда они уже совершены» (Т.1. С.262-263).

«...для натурфилософии существует только природа, для идеализма – только дух» (Т.1. С.83).

Фейербах Л. Избранные философские произведения: В 2-х т. М., 1955.

Артур Шопенгауэр (1788 - 1860)

«Смерть - подлинный гений, вдохновитель или Мусагет философии, от чего Сократ и определил ее как «подготовка к смерти» (*Платон. Апология Сократа, 40d-e*). Вряд ли люди стали бы вообще философствовать, если бы не было смерти».

Шопенгауэр А. Мир как воля и представление. В 2-х Т. М., Т.2. С.477.

Герберт Спенсер (1820 - 1903)

Наука должна не бороться с религией, а напротив поощрять изучение этого вида знания: «... знание не может монополизировать сознание и... таким образом для нашего ума остается постоянная возможность заниматься тем, что лежит за пределами знания. Поэтому всегда должно найти место для какой-нибудь Религии. Ибо религия во всех своих формах отличалась от всего остального тем, что предметом ее было то, что лежит вне опыта ...как бы несостоятельны ни были некоторые из существующих верований, как бы ни были нелепы доводы, приводимые в их защиту, мы не должны забывать истины, которая, по всей вероятности, скрыта в них» (С.17).

Спенсер Г. Синтетическая философия. Киев. 1997. С.17.

Карл Мангейм (1893 - 1947)

«В викторианскую эпоху, когда немногочисленная элита контролировала все дела демократии, идеалистический подход к образованию, игнорирующий его социальную сущность, не мог причинить особого вреда. Социальные условия, в которых вырастала эта элита, предоставляли достаточно возможностей для индивидуализации. В окружении этого привилегированного меньшинства не было ничего, что могло бы помешать развитию разносторонней личности у того, кто обладал способностью наилучшим образом использовать эти возможности. Несмотря на всю значимость социальных условий, среди массы тоже не возникали видимые симптомы кризиса... такая слепота в отношении социальных условий, формирующих личность, остается безнаказанной, только пока эта демократия - демократия меньшинства. Оторванный от жизни метод либерального мышления превращает любую вещь в абсолютом. Так, цель и методы образования рассматривались как некоторые ценности, хорошие или плохие сами по себе, независимо от социальных условий. Как только массы становятся политически активными, возникает необходимость в новых формах образования, а отбор и поддержание высокого индивидуального уровня элиты становится делом всеобщей важности. На этой стадии уже невозможно ограничить проблему образования рамками школы. Образование уже не может рассматриваться как взаимный обмен между двумя индивидами, учителем и учеником, на уровне личных отношений, а представляет собой часть общего социального процесса» (С.480-481).

Мангейм К. Диагноз нашего времени. М., 1994.

Бердяев Н.А.

«История человеческого духа и человеческого сознания свидетельствует о том, что качество запросов духа и одаренность духа совсем не прямо пропорциональны совершенству и святости, как их понимает господствующее церковное сознание. Существует естественная иерархия духовных организаций, естественная иерархия духовных дарований. Существуют люди более “духовные” и люди более “душевные”. И это совсем не значит, что одни из них более совершенны, более святы, более сужали себе благодатных даров, чем другие. Людям “духовным” совсем нечем гордиться и превозноситься перед людьми “душевными”, - они не лучше и не имеют больше заслуг. В большинстве случаев они более несчастны в этом мире и на них возлагается большее бремя ответственности, они более раздираются внутренними противоречиями и с большим трудом достигают внутренней цельности и единств с окружающим миром. Они более одиноки. Но само различие духовных организаций и дарований определяется Богом, а не выдуманно людьми» (С.18).

Бердяев Н.А. Философия свободного духа. М., 1994.

Вильфредо Парето (1848 - 1923)

«Неравенство распределения доходов, очевидно, зависит гораздо больше от самой природы человека, чем от экономической организации общества. Глубоких изменений этой организации было бы недостаточно для модификации закона распределения доходов» (Pareto V. Cours d'economie politique, § 1012).

«Если бы аристократии среди людей напоминали отборные породы животных, в течение долгого времени воспроизводящих примерно одинаковые признаки, история рода человеческого полностью отличалась бы от той, какую мы знаем» (Pareto V. Traite de sociologie generale, § 2055).

Ашин Г.К.

«...если попытаться выявить историческую тенденцию, можно отметить, что постепенно круг детей, получающих элитное образование, расширялся и изменялся структурно: все большую роль при этом играли способности, и все меньшую - знатность и богатство родителей. Можно сказать, что дифференциация обучения вообще и элитное образование как его момент и сторона соответствует важнейшей тенденции современной цивилизации - процессу индивидуализации» (С.640). «Квалифицированную элиту, ориентированную на высокие гуманистические ценности, нужно готовить, причем готовить загодя, по возможности планомерно. Известно, что коммуникационные навыки, в частности, лидерство, формируются уже в раннем возрасте, и поэтому для общества чрезвычайно важно распознавать и развивать способности его членов к лидерству» (С.641).

«В демократическом обществе наряду с государственной должна существовать независимая система образования, в том числе альтернативного, и пусть родители и дети выбирают ту систему, которая им больше подходит. А если одаренные дети из необеспеченных семей не могут оплачивать дорогостоящие частные школы, то они имеют право на дотацию со стороны благотворительных фондов, государства, на стипендию для талантливых детей из слоев, которые имеются во многих элитных школах» (С.637).

Ашин Г. Элитное образование // Общая и прикладная политология. М., 1997.

Нейл Смелзер

«В средневековой Европе все системы высшего образования можно было бы назвать элитарным. Оно было доступно лишь для небольшой части населения (от 1 до 5 процентов) - представителей высших слоев общества. В Оксфорде, Кембридже, Эдинбурге, Сент-Эндрю и других старинных университетах Великобритании главное значение придавалось высоко специализированному, гуманитарному знанию, подходящему для «джентльмена». Эта тенденция сохраняется и в наши дни в большинстве стран Европы, она получила распространение и в менее развитых странах. Например, в колледжах и университетах Китая и Турции обучается лишь около 10 процентов всех потенциальных студентов. Главное внимание там уделяется усвоению теоретических и абстрактных концепций, а не овладению практическими знаниями в различных областях, которые могли бы в большей мере пригодиться студентам после окончания учебы.

Однако во многих странах в XX веке наблюдается распад элитарного образования. Высшее образование получило широкое распространение в ответ на требования предоставить равные возможности для получения знаний представителям групп меньшинств и низших классов. Эта тенденция ярче всего проявилась в четырех странах: США, Канаде, Советском Союзе и Японии. Например, в США колледжи с двухгодичным неполным курсом обучения, колледжи, входящие в состав университетов, и профессиональные училища иногда получали статус четырехгодичных. А некоторые государственные колледжи получали статус университетов после создания в них аспирантуры.

В 60-е годы европейские страны все еще отставали - в них лишь 10 % (или менее) всех потенциальных студентов поступали в высшие учебные заведения. Однако сравнительно недавно в результате социального и политического давления во многих европейских университетах увеличился прием студентов. В настоящее время в европейских странах он составляет примерно 25 % всех групп студенческого возраста» (С.438-439).

Смелзер Н. Социология. М., 1994.

СТРУКТУРА НАУЧНОГО ЗНАНИЯ И ПОЗНАНИЯ

Люций Анней Сенека-Младший (4 до н.э. – 65 н.э.)

«Вот что, я полагаю, нужно делать для [достижения] добродетели стремящимся [обрести] ее. Если судьба будет превозмогать и ограничивать возможность действий, то пусть безоружный, повергнутый [к ней] спиной, не тотчас спасается бегством, ища укрытия, как будто если какое-нибудь место, где судьба не могла бы [его] настичь, но пусть он более расчетливо приобщается к обязанностям и пусть с разбором отыскивает что-либо, в чем он был бы полезен государству. Нельзя быть солдатом? - Пусть добивается почетных должностей. Нужно проводить жизнь в уединении? - Пусть будет оратором. Приказано молчать? - Пусть помогает гражданам молчаливым заступничеством. Опасно даже появляться на форуме? - Дома, в зрительном зале, на пиру пусть обратиться с речью к честному товарищу, верному другу, сдержанному гостю. Если он лишится гражданской деятельности, - пусть выполняет свой человеческий долг. Поэтому мы – люди с благородной душой – не оградили себя стенами одного только Рима, но завязали связи со всем миром и открыто заявили, что отечество для нас – это весь мир, для того чтобы можно было предоставить добродетели более обширное поприще. Тебе преградили доступ к судебной деятельности, тебя не допускают к ораторской трибуне и в народное собрание, - оглянись вокруг себя и посмотри, сколь обширнейшая сфера открывается для деятельности, и среди скольких народов. Никогда у тебя не отнимут так много, чтобы не осталось еще больше».

Сенека. О безмятежности духа, IV, 1-4.

«Все люди хотят жить счастливо... но они смутно представляют себе, в чем заключается счастливая жизнь. А достигнуть последней в высшей степени трудно. Если человек собьется с пути, он уходит от счастья тем дальше, чем больше он увлекается погоней за ним... Поэтому мы должны прежде всего наметить себе цель своих стремлений, затем тщательно выбрать средства к скорейшему достижению ее, а потом уже в пути, если только он будет правильным, мы будем соображать, как велика наша ежедневная успешность и насколько мы приблизились к тому идеалу, к которому нас влечет естественный порыв. Пока мы суетливо бродим без проводника, прислушиваясь к шумихе вздорных криков, манящих нас к разным соблазнам, жизнь пропадает даром среди заблуждений, а она коротка даже в том случае, если мы день и ночь будем заботиться о своем духовном развитии. Итак, мы должны решить, к чему и как нам стремиться; нам нужен также опытный проводник, знакомый с той областью, в которую мы намерены вступить, потому что в данном случае дело обстоит так, как в остальных путешествиях, где нас предохраняет от

ошибок возможность воспользоваться какой-нибудь тропинкой или обратиться за разъяснениями к жителям. Здесь же самый торный, самый многолюдный путь оказывается наиболее обманчивым. Главная наша задача должна заключаться в том, чтобы мы не следовали, подобно скоту, за вожаками стада, чтобы мы шли не туда, куда идут другие, а туда, куда повелевает долг. Величайшие беды причиняет нам то, что мы сообразуемся с молвой и, признавая самыми правильными те воззрения, которые встречают большое сочувствие и находят много последователей, живем не так, как этого требует разум, а так, как живут другие. Вот откуда эта непрерывно нарастающая гора жертв заблуждений!... Никто не заблуждается только во вред себе, но всякий бывает причиной и виновником чужого заблуждения. Зря примыкать к идущим впереди опасно, а между тем, когда возникает вопрос о смысле жизни, люди никогда не рассуждают, а всегда верят другим, так как всякий более склонен верить, чем рассуждать... Мы спасемся, если только отрешимся от стадного чувства: народ относиться теперь враждебно к разуму, упорствуя в своем пагубном заблуждении. Аналогичные случаи встречаются и на избирательных собраниях: когда непостоянная толпа отворачивается от своих прежних любимцев, те же самые лица, которые провели их в преторы, удивляются, что они могли подать свои голоса за таких недостойных кандидатов. Одно и то же мы то одобряем, то осуждаем. Так бывает со всяким приговором, опирающимся на большинство мнений».

Сенека. О счастливой жизни, I.

Фихте И.Г.

«Я должен развить свой рассудок и приобрести знания, настолько я это могу, но лишь с тем единственным намерением, чтобы приготовить в себе более значительное поприще и более широкую сферу действия для долга; я должен желать иметь многое, чтобы от меня многое можно было потребовать. Я должен укреплять свою силу и ловкость во всех направлениях, но исключительно для того, чтобы дать в себе более пригодное и удобное орудие для долга, ибо пока веление не вышло из моей личности во внешний мир, я ответственен за него перед своей совестью. Я должен представлять в себе человечество во всей его полноте, насколько это в моих силах, но не ради самого человечества, ибо оно само по себе не имеет никакой ценности, но для того, чтобы опять-таки представить в человечестве добродетель, которая одна сама по себе имеет ценность в ее внешнем совершенстве. Я должен рассматривать себя с телом и душой и всем, что есть во мне, лишь как средство для долга, и должен заботиться лишь о том, чтобы его выполнить и чтобы быть в состоянии его выполнить, насколько это от меня зависит. Но коль скоро веление долга... выступает из моей личности наружу в мир, мне не о чем больше

заботиться, ибо с этого момента оно уже переходит в руки вечной Воли» (С.206-207).

Единственное, что для меня «может быть существенным, - это успехи разума и нравственности в царстве разумных существ, и притом исключительно себя самого, ради этих успехов. Для меня совершенно безразлично, я ли служу орудием для этого или кто другой, мои ли поступки способствуют этим успехам (или препятствуют) или кого другого. Я во всем рассматриваю себя только как одного из орудий цели разума, а потому уважаю и люблю себя, и принимаю в себе участие только как в таковом, и желаю своему делу удачи лишь в той мере, в какой оно направлено к этой цели. Поэтому и все мировые события я рассматриваю подобным же образом, то есть в их отношении к этой единой цели, причем безразлично, исходят ли они от меня или от других, относятся ли они непосредственно ко мне самому или к другим. Мое сердце замкнуто для раздражения из-за личных обид и раздражений, как и для самовозвышения на основании личных заслуг, ибо вся моя личность уже давно исчезла и погибла для меня в созерцании цели» (С.208-209).

Фихте И.Г. Несколько лекций о назначении ученого; Назначение человека; Основные черты современной эпохи: Сборник. Мн., 1998..

Швейцер А.

«Для общества, как и для индивида, жизнь без мировоззрения представляет собой патологическое нарушение высшего чувства ориентирования» (1, С.82).

«Сделать людей снова мыслящими – значит вновь разрешить им поиск своего собственного мышления, чтобы таким путем они попытались добыть необходимое им для жизни знание. Идея благоговения перед жизнью едет к обновлению элементарного мышления...» (2. С.27). «Моя вера в силу истины и духа – это вера в будущее человечества. Этическое миро- и жизнеутверждение неизменно несет в себе оптимистическую волю и надежду. Поэтому оно бесстрашно взирает на мрачную действительность во всей ее реальной неприглядности...» (2. С.35).

«Обретя сверхчеловеческую мощь, мы сами стали бесчеловечными» (2, С.494).

1. Швейцер А. *Культура и этика*. М., 1973.

2. Швейцер А. *Благоговение перед жизнью*. М., 1992.

Зигмунд Фрейд (1856 - 1939)

«Быть сознательным – это... описательный термин, который опирается на самое непосредственное и надежное восприятие... Я связано с сознанием, оно господствует над побуждениями к движению, т.е. к разрядке возбуждений во внешний мир. Это та душевная инстанция,

которая контролирует все частные процессы, которая ночью отходит ко сну и все же руководит цензурой сновидений» (1. С. 426 – 427).

«...мировоззрение – это интеллектуальная конструкция, которая единообразно решает все проблемы нашего бытия, исходя из некоего высшего предположения, в которой в соответствии с этим ни один вопрос не остается открытым, а все, что вызывает наш интерес, занимает определенное место. Легко понять, что обладание таким мировоззрением принадлежит к идеальным желаниям людей. Полагаясь на него, можно надежно чувствовать себя в жизни, зная, к чему следует стремиться, как наиболее целесообразно распорядиться своими аффектами и интересами» (2, С.103).

1. Фрейд З. *Психология бессознательного: Сб. произведений.* М., 1990.

2. Фрейд З. *Введение в психоанализ: Лекции.* М., 1989.

Юнг Карл Густов (1875 - 1961)

«В отличие от личного бессознательного, которое является в известной степени относительно поверхностным слоем сразу же под порогом сознания, коллективное бессознательное в обычных условиях неосознаваемо, поэтому даже при помощи аналитической техники нельзя вызвать воспоминание, поскольку оно не было ни вытеснено, ни забыто. Само по себе коллективное бессознательное вообще не существует; на самом деле оно является не чем иным, как возможностью, той самой возможностью, которая передается нам по наследству с древних времен посредством определенной формы мнемических образов или, выражаясь анатомически, через структуры мозга. Нет врожденных представлений, но, наверное, есть врожденная возможность представлений, которая определяет границы даже самой смелой фантазии... Они проявляются в оформленном материале в качестве регуляторных принципов его оформления (С.57)». Элементы этого коллективного бессознательного (архетипы) «являются в определенной степени обобщенной равнодействующей бесчисленных типовых опытов ряда поколений. Они представляют собой, так сказать, психические осадки бесчисленных переживаний подобного типа» (С.57-58). «Бессознательное как совокупность архетипов, является осадком всего, что было пережито человечеством, вплоть до его самых темных начал. Но не мертвым осадком, не брошенным полем развалин, а живой системой реакций и диспозиций, которая невидимым, а потому и более действенным образом определяет индивидуальную жизнь» (С.131).

Юнг К.Г. Проблемы души нашего времени. М., 1994.

Бердяев Н.А.

«Есть два способа рассмотрения человека - сверху и снизу, от Бога и духовного мира и от бессознательных космических и теллурических сил, заложенных в человеке. Из тех, которые смотрели на человека снизу, быть может, наибольшее значение имеют Маркс и Фрейд, из писателей последней эпохи - Пруст. Но целостной антропологии не было создано: видели те или иные стороны человека, а не человека целостного, в его сложности и единстве. *Я предполагаю рассматривать проблему человека как философ, а не как теолог.* Современная мысль стоит перед задачей создания философской антропологии как основной философской дисциплины. В этом направлении действовал М. Шелер, и этому помогает так называемая экзистенциальная философия».

Бердяев Н.А. Проблема человека (К построению христианской антропологии) // Путь, 1936, № 50, С.3.

Лосев А.Ф.

«Знание есть узрение тайны любимого. Если знания не есть любовь, вы получите плохие знания» (С.324). «Разговорная речь – наш неиссякаемый золотой запас. Это надо понимать, ценить, этим нужно умело пользоваться, слово же должно литься свободно, зримо, привлекательно»; оно должно быть «близко и понятно человеку» (С.353 – 354).

Лосев А.Ф. Дерзание духа. М., 1988.

Лотман Ю.М.

«Мы говорили, что элементарный акт мышления есть перевод. Теперь мы можем сказать, что элементарный механизм перевода есть диалог. Диалог подразумевает асимметрию, асимметрия же выражается, во-первых, в различии семиотической структуры (языка) участников диалога и, во-вторых, в попеременной направленности сообщений. Из последнего следует, что участники диалога попеременно переходят с позиции «передачи» на позицию «приема», и что, следовательно, передача ведется дискретными порциями с перерывами между ними.

Однако если без семиотического различия диалог бессмысленен, то при исключительном и абстрактном различии он невозможен. Асимметрия подразумевает уровень инвариантности.

Но для возможности диалога необходимо еще одно условие: взаимная заинтересованность участников ситуации в сообщении и способность преодолеть неизбежные семиотические барьеры» (1, С. 193).

«Надо иметь, однако, в виду, что дискретность в процессе перехода от передачи к приему практически возникает на уровне описания, когда диалогическая ситуация фиксируется внешним наблюдателем. Дискретность — способность выдавать информацию порциями — является законом всех

диалогических систем. Однако дискретность на уровне структуры может возникать там, где в материальной его реализации существует непрерывность разных уровней интенсивности. Так, например, если реальный процесс осуществляется в форме циклической смены периодов максимальной активности и периодов максимального ее снижения, то записывающий прибор, если он не фиксирует показатели ниже определенного порога, отобразит процесс как дискретный. Так же ведет себя и аппарат самоописания культуры. Развитие культуры циклично и, как и большинство динамических процессов в природе, подчинено синусоидным колебаниям. Однако в самосознании культуры периоды наименьшей активности обычно фиксируются как перерывы.

Приведенные соображения имеют смысл при рассмотрении некоторых аспектов истории культуры. При вычленении из истории мировой культуры какого-либо изолированного ряда, типа: «история английской литературы» или «история русского романа» — мы получаем хронологически вытянутую непрерывную линию, в которой периоды интенсивности сменяются относительными затишьями. Однако стоит увидеть в имманентном развитии одну партию *в диалоге*, чтобы стало очевидным, что периоды т.н. «спада» часто являются временем паузы в диалоге, заполненной интенсивным получением информации, за которой следуют периоды трансляции. Так строятся отношения между единицами всех уровней — от жанров до национальных культур. Можно выделить следующую схему: относительная инертность той или иной структуры выводится из, состояния покоя потоком текстов, которые поступают со стороны связанных с ней определенными отношениями структур, находящихся в состоянии возбуждения. Следует этап пассивного насыщения. Усваивается язык, адаптируются тексты. При этом генератор текстов, как правило, находится в ядерной структуре семиосферы, а получатель — на периферии. Когда насыщение достигает определенного порога, приводятся в движение внутренние механизмы текстопорождения принимающей структуры. Из пассивного состояния она переходит в состояние возбуждения и сама начинает бурно выделять новые тексты, бомбардируя ими другие структуры, в том числе и своего «возбудителя». Процесс этот можно описать как смену центра и периферии. При этом, что очень существенно, происходит энергетическое возрастание: система, пришедшая в состояние активности, выделяет энергии гораздо больше, чем ее возбудитель, и распространяет свое воздействие на значительно более обширный регион. Из этого вытекает прогрессирующий универсализм культурных систем» (1, С. 194-195).

«Другой подход к явлениям культуры связан с признанием существования в истории человечества нескольких (или многих) внутренне самостоятельных типов культур. В зависимости от того, на какой позиции находится сам описывающий, т.е. в конечном итоге от того, к

какой культуре он сам принадлежит, определяется и метаязык типологического описания: в основу кладутся оппозиции психологического, религиозного, национального, исторического или социального типа.

При всем различии в названных системах описания они имеют и существенные черты общности.

Язык описания не отделен от языка культуры того общества, к которому принадлежит сам исследователь. Поэтому составляемая им типология характеризует не только описываемый им материал, но и культуру, к которой он принадлежит. Так, сопоставление взглядов на основные вопросы типологии культуры, зафиксированных в текстах различных периодов, является интересным и давно уже оцененным с этой точки зрения материалом для типологических изучений.

Неудобства, связанные с использованием языка своей культуры в качестве метаязыка описания, особенно рельефно выступают при попытках типологического изучения своей культуры — подобное описание может дать только самые тривиальные результаты: «своя» культура выглядит как лишения специфики.

Язык описания не отделен по содержанию от тех или иных научных концепций, связан с тем или иным объяснением сущности культуры. Отбрасывание той или иной концепции в химии или алгебре не может распространиться на метаязык, которым данная наука пользуется. Существенным свойством языка науки является то, что полезность его проверяется не теми критериями, которыми определяется правильность тех или иных научных идей. Между тем описание явлений культуры на языке психологических, исторических или социологических оппозиций является частью определенного научного истолкования сущности изучаемого явления и не может быть использовано при другом содержательном истолковании.

Любой из названных выше способов описания культуры абсолютизирует различия в изучаемом материале и не дает возможности выделить общие универсалии культуры человечества. Так, например, понятие историзма, принятое в науке предшествующего периода, возникшее под влиянием философских представлений Гегеля, создавало механизм для описания исторического движения как последовательной смены различных эпох. Рассматривая историю человечества как этап в универсальном развитии идеи, Гегель принципиально исходил из того, что единственно возможная история есть *человеческая* история, а единственно возможная культура есть культура *человечества*. Более того, на каждом отдельном этапе своего развития всемирная идея реализуется лишь в одной какой-то национальной культуре, которая в этот момент выступает с точки зрения всемирно-исторического процесса как единственная. Но единственное явление не может иметь своеобразия, которое требует хотя

бы *двух* сопоставляемых систем. Поэтому такая концепция историзма не только подчеркивает, но и абсолютизирует различие между эпохами. То, что при сравнении не выступает как *различие*, вообще не маркируется.

История культуры преодолевает эту трудность, дополняя историко-типологическое описание социально-типологическим, психолого-типологическим и т.п. В предлагаемой статье мы не касаемся вопроса научной обоснованности того или иного подхода изучению самого содержания историко-культурного материала, а занимаемся проблемой лишь метаязыка науки. Следует отметить, что с этой последней точки зрения подобный путь не представляется удачным: он принципиально исключает возможность единообразия в описании материала.

Таким образом, можно сформулировать следующую проблему: изучение типологии культуры предполагает осознание в качестве особой задачи выработки такого метаязыка, который удовлетворял бы требованиям современной теории науки, то есть давал бы возможность сделать предметом научного рассмотрения не только ту или иную культуру, но и тот или иной метод ее описания, выделив это как самостоятельную задачу.

Создание единообразной системы метаязыка, которая ни для одной из частей описания не совпадала бы с языком объекта, ...является предпосылкой определения универсалий культуры, без чего говорить о типологическом изучении, видимо, вообще не имеет смысла.

Общенаучной предпосылкой изучения культуры с точки зрения универсалий является возможность осмыслить все многообразие реально данных культурных текстов как единую, структурно организованную систему» (2, С. 387-388).

1. Лотман Ю.М. *Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история.* М., 1996.

2. Лотман Ю.М. *О метаязыке типологических описаний культуры // Избранные статьи. Т.1. Таллинн. 1992. С.386-412.*

Александр Георгиевич Спиркин (1919 - 2004)

«Самосознание, не только познание себя, но и известное отношение к себе: к своим качествам и состояниям, возможностям, физическим и духовным силам, то есть самооценка. Человек как личность - самооценивающее существо. Без самооценки трудно или даже невозможно самоопределиться в жизни. Верная самооценка предполагает критическое отношение к себе, постоянное примеривание своих возможностей к предъявляемым жизнью требованиям, умение самостоятельно ставить перед собой осуществимые цели, строго оценивать течение своей мысли и ее результаты, подвергать тщательной проверке выдвигаемые догадки, вдумчиво взвешивать все доводы «за» и «против», отказываться от неоправдавшихся гипотез и версий... Верная самооценка поддерживает

достоинство человека и дает ему нравственное удовлетворение. Адекватное или неадекватное отношение к себе ведет либо к гармоничности духа, обеспечивающей разумную уверенность в себе, либо к постоянному конфликту, порой доводящему человека до невротического состояния. Максимально адекватное отношение к себе - высший уровень самооценки».

Спиркин А.Г. Сознание и самосознание. М., 1972. С. 149-150.

Научный коммунизм о схоластике

«XXVII съезд КПСС указал, что время ставит вопрос о широком выходе общественных наук на конкретные нужды практики, требует, чтобы ученые-обществоведы чутко реагировали на происходящие перемены в жизни, держали в поле зрения новые явления, делали выводы, способные верно ориентировать практику. Жизнеспособны лишь те научные направления, которые идут от практики и возвращаются к ней, обогащенные глубокими обобщениями и дельными рекомендациями. *Схоластика, начетничество и догматизм всегда были путями для действительного приращения знаний. Они ведут к застою мысли, мертвой стеной отгораживают науку от жизни, тормозят ее развитие* [Выделено – П.К.]. В творческом развитии научного коммунизма – важнейший источник его жизненности» (С.14).

Научный коммунизм: Учебное пособие для вузов /Ануфриев Е.А., Бестужев-Лада И.В., Богина Е.Л. и др. – М.: Политиздат, 1988.

5. ОБЩАЯ МЕТОДОЛОГИЯ ФИЛОСОФИИ И НАУКИ

Платон

«Под красотой форм, я пытаюсь понимать не то, что хочет понимать под ней большинство, то есть красоту живых существ, или картин; нет, я называю это прекрасным не тем, что прекрасно по отношению к чему-либо, как это можно сказать о других вещах, но тем, что вечно прекрасно само по себе, по своей природе, и возбуждает некоторые особенные, свойственные только ему наслаждения, не имеющие ничего общего с удовольствием от щекотания» (*Филеб*, 51c-d).

«Он увидит, прежде всего, что прекрасное существует вечно, что оно не возникает, не уничтожается, не увеличивается, не убывает; далее, оно не так, что прекрасно здесь, безобразно в другом; ничто в одном месте оно прекрасно, для других безобразно» (*Теэтет*, 210b-211c).

«...небезопасно наобум принимать все, что тебе предлагают, или же самому об этом просить, в случае, если из этого может проистекать вред либо вообще можно лишиться по этой причине жизни. Мы могли бы назвать многих стремившихся к тиранической власти и усердно ее для себя добивавшихся как некоего блага, которых заговорщики, замышлявшие против тирании, лишили жизни. Такие случаи и многие другие, подобные им, вполне очевидны, но редко бывает, когда люди либо отрекаются от того, что им дано, либо, желая получить что-либо с помощью молитвы, в конце концов от этой молитвы отказываются. Большинство людей не отказалось бы ни от тиранической власти, ни от должности стратега, ни от многих других даров, которые приносят гораздо больше вреда, чем пользы; более того, они молили бы о них богов, если бы ими не располагали. Но иногда, получив это, они вскоре идут на попятный и просят забрать у них то, о чем они прежде молили. Поэтому я и недоумеваю, не напрасно ли, в самом деле, люди "обвиняют богов в том, что от них бывает зло": ведь "люди сами вопреки судьбе накликают на себя горе своим нечестием, или, как надо сказать, неразумием". Представляется поэтому, Алкивиад, что разумен был тот поэт, который, имея, по-видимому, неких неразумных друзей и видя, что они и поступают дурно и молят богов о том, что не является лучшим, но лишь кажется таковым, вознес о них всех молитву богам...

...Но может быть, милейший мой, найдется какой-нибудь муж более дальновидный, чем я и ты, и скажет, что речи наши неверны, когда мы так решительно порицаем незнание, не добавляя к этому, что есть люди, чье незнание для них при известных обстоятельствах является благом, тогда как для тех, о ком мы говорили раньше, оно было злом.

...Но ведь не стану же я тебя обвинять в том, что по отношению к своей матери ты пожелал бы совершить то, что, как говорят, сделали по

отношению к своим матерям Орест, Алкмеон и некоторые другие... Следовательно, в подобных случаях неведение - самое лучшее для людей, находящихся в подобном расположении духа и питающих подобные замыслы.

...Итак, ты видишь, что незнание некоторыми людьми каких-то вещей в определенных обстоятельствах является благом, а не злом, как недавно тебе казалось? ... Коротко говоря, получается, что обладание всевозможными знаниями без знания того, что является наилучшим, редко приносит пользу и, наоборот, большей частью вредит своему владельцу.

Сократ.... разумен, если знает что-либо подобное в том случае, когда знание это сопровождается пониманием наилучшего, а это последнее совпадает с пониманием полезного, не так ли?

Значит, мы опять-таки скажем, что большинство ошибается в понимании того, что является наилучшим, поскольку большей частью, как я думаю, за отсутствием ума доверяется кажимости.

Следовательно, большинству людей выгодно и не знать, и не думать, будто они знают: ведь они будут изо всех сил стараться сделать то, что они знают или думают, будто знают, и эти старания большей частью принесут им скорее вред, чем пользу.

...Теперь ты понимаешь, насколько я был прав, когда утверждал, что обладание прочими знаниями без знания того, что является наилучшим, по-видимому, редко приносит пользу, большей же частью вредит тому, кто владеет такими знаниями. ...Поэтому нужно, чтобы и государство и душа, желающие правильно жить, держались этого знания - совершенно так же, как должен больной держаться врача или человек, желающий совершить безопасное плавание, - кормчего» (*Алкивиад II, 141d-147a*).

Альберт Великий (1193 - 1280)

«Если хочешь прибавить мудрости и избежать глупости, возьми камень, который называется хризолит, светло-зеленый, оправленный в золото, он изгоняет глупость и приносит мудрость». («О свойствах трав, камней и животных»).

Хрестоматия по истории средних веков. Т.2. М., 1950. –С.285.

Николо Макиавелли (1469 – 1527)

«Хотя по причине завистливой природы человеческой открытие новых политических обычаев и порядков всегда было не менее опасно, чем поиски неведомых земель и морей, ибо люди склонны скорее хулить, нежели хвалить поступки других, я, тем не менее, побуждаемый естественным и всегда мне присущим стремлением делать, невзирая на последствия, то, что, по моему убеждению, способствует общему благу, твердо решил идти непроторенной дорогой, каковая, доставя мне докучи и трудности, принесет мне также и награду от тех, кто

благосклонно следил за этими моими трудами. И если из-за скудости ума, недостаточной искушенности в событиях нынешних и слабого знания событий древних попытка моя окажется безуспешной и не слишком полезной, она все-таки откроет путь кому-нибудь другому, кто, обладая большею силою духа, большим разумом и рассудком, доведет до конца этот мой замысел; поэтому если я и не удостоюсь за труд мой похвал, то и подвергнуться за него порицанию не должен.

Когда я вспоминаю о том, какие почести воздаются древности и сколь часто, - оставляя сейчас в стороне многие другие примеры, - обломок какой-нибудь античной статуи покупается за огромные деньги, чтобы держать его подле себя, украшать им свой дом и выставлять его в качестве образца для подражания всем тем, кто занимается таким же искусством, и как эти последние затем изо всех сил стараются воспроизвести его во всех своих произведениях; и когда я, с другой стороны, вижу, что доблестнейшие деяния, о которых нам повествует история, совершенные в древних царствах и республиках царями, полководцами, гражданами, законодателями и другими людьми, трудившимися на благо отчизны, в наши дни вызывают скорее восхищение, чем подражание, более того, что всякий их до того сторонится, что от прославленной древней доблести не осталось у нас и следа, - я не мог всему этому не изумляться и вместе с тем не печалиться. Мое изумление и печаль только еще больше возрастают оттого, что я вижу, как при несогласиях, возникающих у людей в гражданской жизни, или при постигающих их болезнях они постоянно обращаются к тем самым решениям и средствам, которые выносились и предписывались древними. Ведь наши гражданские законы являются не чем иным, как судебными решениями, вынесенными древними юристами. Будучи упорядоченными, решения эти служат теперь руководством для наших юристов в их судебной практике. Точно так же и медицина является не чем иным, как опытом древних врачей, на котором основываются нынешние врачи, прописывая свои лекарства. Однако, как только дело доходит до учреждения республик, сохранения государств, управления королевствами, создания армии, ведения войны, осуществления правосудия по отношению к подданным, укрепления власти, то никогда не находится ни государя, ни республики, которые обратились бы к примеру древних. Я убежден, что проистекает это не столько от слабости, до которой довела мир нынешняя религия, или же от того зла, которое причинила многим христианским городам и странам тщеславная праздность, сколько от недостатка подлинного понимания истории, помогающего при чтении сочинений историков получать удовольствие и вместе с тем извлекать из них тот смысл, который они в себе содержат. Именно от этого проистекает то, что весьма многие читающие исторические сочинения с интересом

воспринимают разнообразие описываемых в них происшествий, но нимало не помышляют о подражании им, полагая таковое подражание делом не только трудным, но вовсе невозможным, словно бы небо, солнце, стихии, люди изменили со времен античности свое движение, порядок и силу. Поэтому, желая избавить людей от подобного заблуждения, я счел необходимым написать о всех тех книгах Тита Ливия, которые не разорвала злокозненность времени, все то, что покажется мне необходимым для наилучшего понимания древних и современных событий, дабы те, кто прочтут сии мои разъяснения, смогли бы извлечь из них ту самую пользу, ради которой должно стремиться к познанию истории. Дело это, конечно, не легкое; тем не менее с помощью тех, кто побудил меня взять его на себя, я надеюсь продвинуться в нем так далеко, что преемнику моему останется уже немного дойти до положенной цели» (С.125-127).

Макиавелли Н. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия, Книга 1, Вступление // Макиавелли Н. Государь. : Сочинения. – М., - Харьков. 2001.

Френсис Бэкон (1562 – 1626)

«Наконец, мы хотим предостеречь всех вообще, чтобы они помнили об истинных целях науки и устремлялись к ней не для развлечения и не из соревнования, не для того, чтобы высокомерно смотреть на других, не ради выгод, не ради славы или могущества или тому подобных низших целей, но ради пользы для жизни и практики и чтобы они совершенствовались и направляли ее во взаимной любви. Ибо от стремления к могуществу пали ангелы, в любви же нет избытка, и никогда через нее ни ангел, ни человек не были в опасности» (Т. 1, С. 67).

«Индукцию мы считаем той формой доказательства, которая считается с данными чувств и достигает природу и устремляется к практике, почти смешиваясь с нею.

Итак, и самый порядок доказательства оказывается прямо обратным. До сих пор обычно дело велось таким образом, что от чувств и частного сразу воспаряли к наиболее общему, словно от твердой оси, вокруг которой должны вращаться рассуждения, а оттуда выводилось все остальное через средние предложения: путь, конечно, скорый, но крутой и не ведущий к природе, а предрасположенный к спорам и приспособленный для них. У нас же непрерывно и постепенно устанавливаются аксиомы, чтобы только в последнюю очередь прийти к наиболее общему; и само это наиболее общее получается не в виде бессодержательного понятия, а оказывается хорошо определенным и таким, что природа признает в нем нечто подлинно ей известное и укорененное в самом сердце вещей» (Т. 1, С. 71-72).

«Но и в самой форме индукции, и в получаемом через нее суждении мы замысливаем великие перемены. Ибо та индукция, о которой говорят диалектики и которая происходит посредством простого перечисления, есть нечто детское, так как дает шаткие заключения, подвержена опасности от противоречащего примера, взирает только на привычное, и не приводит к результату.

Между тем для наук нужна такая форма индукции, которая производила бы в опыте разделение и отбор и путем должных исключений и отбрасываний делала бы необходимые выводы. Но если тот обычный способ суждения диалектиков был так хлопотлив и утомлял такие умы, то насколько больше придется трудиться при этом другом способе, который извлекается из глубин духа, но также и из недр природы?

Но и здесь еще не конец. Ибо и основания наук мы полагаем глубже и укрепляем, и начала исследования берем от больших глубин, чем это делали люди до сих пор, так как мы подвергаем проверке то, что обычная логика принимает как бы по чужому поручительству» (Т. 1, С. 72).

«Ведь человеческий ум, если он направлен на изучение материи (путем созерцания природы вещей и творений Бога), действует применительно к этой материи и ею определяется; если же он направлен на само себя (подобно пауку, плетущему паутину), то он остается неопределенным и хотя и создает какую-то ткань науки, удивительную по тонкости нити и громадности затраченного труда, но ткань эта абсолютно ненужная и бесполезная» (Т.1. С.107).

«У философии троякий предмет — Бог, природа, человек и сообразно этому троякий путь воздействия. Природа воздействует на интеллект непосредственно, т.е. как бы прямыми лучами; Бог же воздействует на него через неадекватную среду (т.е. через творения) преломленными лучами; человек же, становясь сам объектом собственного познания, воздействует на свой интеллект отраженными лучами. Следовательно, выходит, что философия делится на три учения: учение о божестве, учение о природе, учение о человеке. А так как различные отрасли науки нельзя уподобить нескольким линиям, расходящимся из одной точки, а скорее их можно сравнить с ветвями дерева, вырастающими из одного ствола, который до того, как разделиться на ветви, остается на некотором участке цельным и единым, то, прежде чем перейти к рассмотрению частей первого деления, необходимо допустить одну всеобщую науку, которая была бы как бы матерью остальных наук и в развитии их занимала такое же место, как тот общий участок пути, за которым дороги начинают расходиться в разные стороны. Эту науку мы назовем «первая философия», или же «мудрость» (когда-то она называлась знанием вещей божественных и человеческих). Этой науке мы не можем противопоставить никакой другой, ибо она отличается от остальных наук скорее своими границами, чем содержанием и

предметом, рассматривая вещи лишь в самой общей форме» (Т. 1, С. 199-200).

Бэкон Ф. Сочинения: 2 Т. М., 1977-1978.

Рене Декарт

«Нужно заниматься только теми предметами, о которых наши умы очевидно способны достичь достоверного и несомненного знания.

Всякая наука есть достоверное и очевидное познание, и тот, кто сомневается во многих вещах, не более сведущ, чем тот, кто о них никогда не думал, по при этом первый кажется более несведущим, чем последний, если о некоторых вещах он составил ложное мнение; поэтому лучше не заниматься вовсе, чем заниматься предметами настолько трудными, что, будучи не в состоянии отличить в них истинное от ложного, мы вынуждены допускать сомнительное в качестве достоверного, ибо в этих случаях надежда на приумножение знания не так велика, как риск его убавления. И таким образом, этим положением мы отвергаем все те познания, которые являются лишь правдоподобными, и считаем, что следует доверять познаниям только совершенно выверенным, в которых невозможно усомниться. И как бы ни убеждали себя ученые в том, что существует крайне мало таких познаний, ибо они вследствие некоего порока, обычного для человеческого рода, отказывались размышлять о таких познаниях как слишком легких и доступных каждому, я, однако, напоминаю, что их гораздо больше, чем они полагают, и что их достаточно для достоверного доказательства бесчисленных положений, о которых до этого времени они могли рассуждать только предположительно; и поскольку они считали недостойным ученого человека признаться в своем незнании чего-либо, они настолько привыкли приукрашивать свои ложные доводы, что впоследствии мало-помалу убедили самих себя и, таким образом, стали выдавать их за истинные» (С.259-260).

«Касательно обсуждаемых предметов следует отыскивать не то, что думают о них другие или что предполагаем мы сами, но то, что мы можем ясно и очевидно усмотреть или достоверным образом вывести, ибо знание не приобретается иначе.

Следует читать книги древних, поскольку огромным благодеянием является то, что мы можем воспользоваться трудами столь многих людей как для того, чтобы узнать о тех вещах, которые уже некогда были удачно открыты, так и для того, чтобы напомнить себе о тех остающихся во всех дисциплинах вещах, которые еще надлежит придумать. Но при всем том есть большая опасность, как бы те пятна заблуждений, которые возникают из-за слишком внимательного чтения этих книг, случайно не пристали к нам, сколь бы мы тому ни противились и сколь бы осмотрительными мы ни были. Ведь писатели обычно бывают такого склада ума, что всякий раз,

когда они по безрассудному легковерию склоняются к выбору какого-либо спорного мнения, они всегда пытаются изощреннейшими доводами склонить нас к тому же; напротив, всякий раз, когда они по счастливой случайности открывают нечто достоверное и очевидное, они никогда не представляют его иначе как окутанным различными двусмысленностями, либо, надо думать, опасаясь, как бы не умалить достоинства открытым простотой доказательства, либо потому, что они ревниво оберегают от нас неприкрытую истину.

Так вот, хотя бы все они были искренними и откровенными и никогда не навязывали нам ничего сомнительного в качестве истинного, но всё излагали по чистой совести, однако, поскольку вряд ли одним человеком было сказано что-нибудь такое, противоположное чему не было бы выдвинуто кем-либо другим, мы всегда пребывали бы в нерешительности, кому из них следует поверить. И совершенно бесполезно подсчитывать голоса, чтобы следовать тому мнению, которого придерживается большинство авторов, так, если дело касается трудного вопроса, более вероятно, что истина могла быть обнаружена скорее немногими, чем многими...

Впрочем, может возникнуть сомнение, почему к интуиции мы добавили здесь другой способ познания, заключающийся в дедукции, посредством которой мы постигаем все то, что с необходимостью выводится из некоторых других достоверно известных вещей. Но это нужно было сделать именно так, поскольку очень многие вещи, хотя сами по себе они не являются очевидными, познаются достоверно, если только они выводятся из истинных и известных принципов посредством постоянного и нигде не прерывающегося движения мысли, ясно усматривающей каждую отдельную вещь; точно так же мы узнаем, что последнее звено какой-либо длинной цепи соединено с первым, хотя мы и не можем обзреть одним взором глаз всех промежуточных звеньев, от которых зависит это соединение, — узнаем, если только мы просмотрели их последовательно и помнили, что каждое из них, от первого до последнего, соединено с соседним. Итак, мы отличаем здесь интуицию ума от достоверной дедукции потому, что в последней обнаруживается движение, или некая последовательность, чего нет в первой, и, далее, потому, что для дедукции не требуется наличной очевидности, как для интуиции, но она, скорее, некоторым образом заимствует свою достоверность у памяти. Вследствие этого можно сказать, что именно те положения, которые непосредственно выводятся из первых принципов, познаются в зависимости от различного их рассмотрения то посредством интуиции, то посредством дедукции, сами же первые принципы — только посредством интуиции, и, напротив, отдаленные следствия — только посредством дедукции.

Эти два пути являются самыми верными путями к знанию, и ум не должен допускать их больше — все другие надо отвергать, как

подозрительные и ведущие к заблуждениям; однако это не мешает нам поверить, что те вещи, которые были открыты по наитию, более достоверны, чем любое познание, поскольку вера в них, как и всякая вера в загадочные вещи, является действием не ума, а воли, и, если бы она имела основания в разуме, их прежде всего можно и нужно было бы отыскивать тем или другим из уже названных путей, как мы, быть может, когда-нибудь покажем более обстоятельно» (С.260).

«Первое — никогда не принимать за истинное ничего, что я не признал бы таковым с очевидностью, т.е. тщательно избегать поспешности и предубеждения и включать в свои суждения только то, что представляется моему уму столь ясно и отчетливо, что никоим образом не сможет дать повод к сомнению.

Второе — делить каждую из рассматриваемых мною трудностей на столько частей, сколько потребуется, чтобы лучше их разрешить.

Третье — располагать свои мысли в определенном порядке, начиная с предметов простейших и легкопознаваемых, и восходить мало-помалу как по ступеням, до познания наиболее сложных, допуская существование порядка даже среди тех, которые в естественном ходе вещей не предшествуют друг другу.

И последнее — делать всюду перечни настолько полные и обзоры столь всеохватывающие, чтобы быть уверенным, что ничего не пропущено.

Те длинные цепи выводов, сплошь простых и легких, которыми геометры обычно пользуются, чтобы дойти до своих наиболее трудных доказательств, дали мне возможность представить себе, что и все вещи, которые могут стать для людей предметом знания, находятся между собой в такой же последовательности. Таким образом, если воздерживаться от того, чтобы принимать за истинное что-либо, что таковым не является, и всегда соблюдать порядок, в каком следует выводить одно из другого, то не может существовать истин ни столь отдаленных, чтобы они были недостижимы, ни столь сокровенных, чтобы нельзя было их раскрыть. Мне не составило большого труда отыскать то, с чего следовало начать, так как я уже знал, что начинать надо с простейшего и легко познаваемого. Приняв во внимание, что среди всех искавших истину в науках только математикам удалось найти некоторые доказательства, т. е. некоторые точные и очевидные соображения, я не сомневался, что и мне надлежало начать с того, что было ими исследовано» (С. 261).

Декарт Р. Сочинения: В 2 т. Т.1. М., 1989.

Г.В.Ф. Гегель

«Дефиниция, отдельно взятая, есть нечто единичное; то или иное множество дефиниций относится к множеству предметов. Принадлежащее понятию движение от всеобщего к особенному составляет основу и

возможность *синтетической науки*, некоторой *системы* и *систематического познания*.

Для этого первое требование, как было показано, состоит в том, чтобы вначале предмет рассматривался в форме чего-то *всеобщего*. Если в действительности (будь это действительность природы или духа) субъективному, естественному познанию дана как первое конкретная единичность, то, напротив, в познании, которое по крайней мере постольку есть постижение, поскольку оно имеет своей основой форму понятия, первым должно быть *простое, выделенное* из конкретного, так как лишь в этой форме предмет имеет форму соотносящегося с собой всеобщего и сообразного с понятием непосредственного. Против такого движения науки можно, пожалуй, возразить, что так как созерцать легче, чем познавать, то и началом науки следует сделать созерцаемое, т.е. конкретную действительность, и что это движение более *сообразно с природой*, чем то, когда начинают с предмета в его абстрактности и отсюда, наоборот, идут к его обособлению и порознению. — Но так как задача состоит в том, чтобы *познавать*, то вопрос о сравнении с *созерцанием* уже решен в смысле отказа от него; — теперь вопрос может быть лишь о том, что должно быть первым *в пределах познания* и каково должно быть последующее; уже требуется путь не *сообразный с природой*, а *сообразный с познанием*. — Если ставится вопрос только о *легкости*, то и так само собой ясно, что познанию легче постичь абстрактное простое определение мысли, нежели конкретное, которое есть многообразное сочетание таких определений мысли и их отношений; а ведь именно таким образом, а не так, как оно дано в созерцании, должно пониматься конкретное. В себе и для себя *всеобщее* есть первый момент понятия, потому что оно *простое*, а особенное есть только последующее, потому что оно опосредствованное; и наоборот, *простое* есть более общее, а конкретное как в себе различное и, стало быть, опосредствованное есть то, что уже предполагает переход от чего-то первого. — Это замечание касается не только порядка движения в определенных формах дефиниций, членений и положений, но и порядка познания вообще и лишь принимая во внимание различие абстрактного и конкретного вообще. — Поэтому и при *обучении*, например, *чтению* благоразумно начинают не с чтения целых слов или хотя бы слогов, а с *элементов* слов и слогов и со знаков *абстрактных* звуков; в буквенном письме разложение конкретного слова на его абстрактные звуки и их знаки уже произведен, и обучение чтению именно поэтому становится одним из первых занятий абстрактными предметами. В *геометрии* следует начинать не с того или иного конкретного пространственного образа, а с точки и линии, а затем с плоских фигур, из последних не с многоугольников, а с треугольника, из кривых же линий — с круга. В *физике* следует освободить отдельные свойства природы или отдельные материи от их многообразных

переплетений, в которых они находятся в конкретной действительности, и представить их в их простых, необходимых условиях; они, как и пространственные фигуры, также суть нечто созерцаемое, по созерцанию их должно быть подготовлено таким образом, чтобы они сначала выступили освобожденными от всякого видоизменения теми обстоятельствами, которые внешни их собственной определенности, и как такие были фиксированы. Магнетизм, электричество, различные виды газов и т.д. — это предметы, познание которых приобретает свою определенность единственно лишь благодаря тому, что они схватываются изъятыми из конкретных состояний, в которых они выступают в действительности. Эксперимент, правда, представляет их созерцанию в некотором конкретном случае; но чтобы быть научным, он должен, с одной стороны, брать для этого лишь необходимые условия, а с другой — он должен быть многократно повторен, чтобы показать, что неотделимая конкретность этих условий несущественна, поскольку условия эти выступают то в одном конкретном виде, то в другом и, стало быть, для познания остается лишь их абстрактная форма. — Приведем еще один пример: могло бы казаться естественным и благоразумным рассматривать *цвет* сначала так, как он конкретно являет себя животному субъективному чувству, затем вне субъекта как некоторое витающее словно призрак явление и, наконец, во внешней действительности как прикрепленное к объектам. Однако для познания всеобщая и тем самым истинно первая форма — средняя из названных — цвет как витающий между субъективностью и объективностью в виде известного всем спектра, еще без всякого смешения с субъективными и объективными обстоятельствами. Эти обстоятельства вначале лишь мешают чистому рассмотрению природы этого предмета, ибо они относятся к нему как действующие причины и потому оставляют нерешенным вопрос о том, имеют ли определенные изменения, переходы и соотношения цвета свое основание в его собственной специфической природе, или же их следует приписать скорее болезненному специфическому характеру этих обстоятельств, здоровым или болезненным особенным состояниям и действиям органов субъекта или же химическим, растительным, животным силам объектов. — Можно привести много и других примеров из области познания органической природы и мира духа; повсюду абстрактное должно составлять начало и ту стихию, в которой и из которой разворачиваются особенности и богатые образы конкретного» (1, т. 3, С. 262-264).

«Отличие, которое мы уже затронули, говоря о познании вообще, таково, что следует принять во внимание два вида доказательства, из которых одно как раз то, которым мы пользуемся лишь для целей познания как познания субъективного; деятельность и ход такого доказательства приходятся только *на нас* самих, это не собственный ход рассматриваемой вещи. Если внимательнее обдумать, как организован этот процесс

доказательства, то окажется, что такой способ доказательства имеет место в науке о *конечных*, вещах и о *конечном* содержании вещей. Возьмем для этого пример из науки, которая применяет этот вид доказательства совершенным образом, что признается всеми. Когда мы доказываем теорему геометрии, то отчасти всякая отдельная часть доказательства должна заключать внутри себя свое оправдание, например, когда мы решаем алгебраическое уравнение; отчасти же весь ход процесса определяется и оправдывается *целью*, которая при этом есть у нас, а также тем, что цель эта действительно достигается таким способом. Но все хорошо сознают, что то, чье числовое выражение я получаю, преобразуя уравнение, отнюдь не прошло через все эти операции, будучи таким-то числом, и что величина геометрических линий, углов и т.д. вовсе не прошла через ряд тех определений, благодаря которым мы достигли своего результата, и вовсе не порождена ими. *Необходимость*, которую мы усматриваем благодаря такому доказательству, конечно, отвечает известным определениям самого объекта; эти величины — величины самого объекта, но последовательное движение во взаимосвязи одних с другими целиком приходится на нас самих — это процесс, который реализует цель нашего усмотрения, но не протекание, благодаря которому объект приобрел бы такие-то отношения и такие-то взаимосвязи внутри самого себя; итак, он и не порождает сам себя, и не порождается так, как мы порождаем его и его отношения в ходе своего усмотрения.

Кроме доказательства в собственном смысле, существенные свойства которого — а именно они нужны для целей нашего рассмотрения — выделены нами, доказыванием называется в области конечного знания еще и то, что в ближайшем смысле есть лишь *показывание* — раскрытие представления, положения, закона и т.п. в *опыте* вообще. *Историческое* доказательство не приходится особо приводить здесь в пример с той точки зрения, с какой рассматриваем мы познание; такое доказательство по своему материалу также основано на опыте или, лучше сказать, на восприятии; с одной стороны, «I представляет никакого отличия то, что доказательство это указывает на чужие восприятия и свидетельства таковых, — выводы, которые делает рассуждение, то есть собственный рассудок, об объективной взаимосвязи событий и действий и что критика свидетельств имеет эти данные в качестве своей предпосылки и основания. Но коль скоро рассуждение и критика составляют другую существенную сторону исторического доказательства, то они обращаются с этими данными как с представлениями других людей; итак, субъективное с самого начала входит в материал: выводы и связывание материала в целое — это одинаково субъективная деятельность, так что весь ход и весь труд познания имеет по сравнению с ходом самих событий совершенно иные составные части. Что же касается *показывания* в опыте настоящего, то и эта деятельность в первую очередь тоже занята

отдельными восприятиями, наблюдениями и т.д., то есть таким материалом, на который только *указывают*, но она озабочена еще и тем, чтобы в дальнейшем доказать, что в природе и в духе *есть* такие-то *роды* и *виды*, такие-то *законы*, *энергии*, *силы*, *способности*, то есть такие же, какие обычно устанавливают науки. Мы оставляем сейчас в стороне метафизические и обыденно-психологические соображения о субъективности воспринимающего чувства, внутреннего и внешнего; но материал в науках не оставляется в том виде, в каком он существует в чувствах, в восприятии; напротив, содержание наук — *роды*, *виды*, *законы*, *силы* и т.д. — образуется из этого с самого начала уже обозначаемого, например, словом «явление» материала посредством *анализа*, *опускания* всего кажущегося несущественным, сохранения всего называемого существенным (хотя и не указывается твердый критерий того, что может считаться несущественным и что — существенным), сведения воедино общего и т.д. Признают, что не само воспринятое составляет эти *абстракции*, не само сравнивает своих «индивидуумов» (или индивидуальные положения, состояния и т.д.), но само сводит воедино общее и т.д., так что большая часть познавательной деятельности субъективна, а в полученном содержании часть определений, будучи *логической формой*, есть продукт такой субъективной деятельности. Выражение «признак» (Merkmal), если еще угодно пользоваться этим расплывчатым словом, с самого начала обозначает субъективную цель извлечения качеств лишь на потребу *нашего замечания* (Merken) их, тогда как другие качества, се существующие в предмете, опускаются; слово «признак» расплывчато потому, что определения родов или видов сейчас же принимаются за что-то существенное, объективное, будто бы они существуют не только ради того, чтобы мы *замечали их*.

Можно, конечно, выразиться и так, что *вот этот род* опускает в одном виде определения, которые полагает в другом, или что *вот эта сила* в одном своем проявлении опускает такие обстоятельства, которые наличествуют в другом, что тем самым они ею же самой показаны как несущественные, что сама сила воздерживается от своего проявления вовне и уходит в бездеятельность, внутрь себя самой, или что, например, закон движения небесных сил отвлекает каждое отдельное место и каждый момент, в который небесное тело занимает это место, так что в результате именно этого непрерывного абстрагирования он оказывается законом; если *абстрагирование* рассматривать, таким образом, как *объективную деятельность*, каковой оно и является в этом плане, то она все же весьма отлична от деятельности субъективной и ее произведений. Первая абстрагирует небесные тела, отвлекая их с *этого* места и *этого* момента времени, но они тотчас же падают назад — на *одно отдельное* преходящее место и в один момент времени, так же как у рода вид всегда проявляется в столь же случайных и несущественных обстоятельствах и вообще в такой же внешней однократности индивидуумов и т.п., тогда как субъективное

абстрагирование извлекает закон и род и т.д., перемещая их в свою всеобщность; здесь же, в духе, они существуют и пребывают.

В этих образованиях познавательной деятельности, которая, переопределяя себя, движется от показывания к доказыванию, переходит от непосредственной предметности к специфическим для нее продуктам, может существовать потребность в отдельном обосновании методов, *способов, субъективной деятельности* как таковых, в обосновании, долженствующем подвергнуть испытанию их притязания и их приемы, коль скоро у этой деятельности, у ее протекания есть свои особые определения, отличные от определений и от процесса предмета в нем самом. Но, не входя в самое устройство такого способа познания, из того простого определения, которое мы видели в нем, сразу же вытекает, что, коль скоро весь этот способ рассчитан на то, чтобы заниматься предметом согласно субъективным формам, он может постигать лишь *отношения* предмета. При этом было бы праздным делом даже задаваться вопросом, объективны и реальны ли эти отношения или тоже только субъективны и идеальны, не говоря уже о том, что сами выражения «субъективность» и «объективность», «реальность» и «идеальность» — совершенно неопределенные абстракции. *Содержание*, объективно оно или только субъективно, реально или идеально, в любом случае остается все тем же нагромождением *отношений*, а не чем-то *существующим в себе и для себя*, не *понятием* вещи или *бесконечным*, а ведь познанию должно быть дело только до этого. Если это содержание познания берется лишь искаженно и понимается только как содержание «отношения», «явления», то есть «отношения» к *субъективному познанию*, следует, пожалуй, действительно признать значительным выводом новейшей философии то, что описанный способ мышления, доказывания не способен достичь бесконечного, вечного, божественного.

То, что в предыдущем изложении было выделено в познании вообще и ближайшим образом относится к познанию посредством мышления, к тому познанию, которое только сейчас нас и занимает, а также к главному его моменту — *доказательству*, — все это всегда постигали с одной стороны — как движение мыслительной деятельности, пребывающей вне своего предмета и отличной от собственного становления предмета. Отчасти можно считать, что такое определение достаточно для нашей цели, отчасти же его следует рассматривать как самое существенное в противовес односторонности, заключенной в размышлениях о субъективности познания.

В противоположности познания предмету познания безусловно заключена конечность познания; однако саму противоположность нельзя воспринимать как бесконечную, как абсолютную, и продукты познания нельзя считать явлениями лишь в силу этой абстракции «субъективности», но можно считать таковыми постольку, поскольку они сами определены

этой противоположностью и поскольку содержание затронуто указанной внеположностью [познания]...

Математическое содержание как таковое и для себя уже есть *величина*, геометрические фигуры принадлежат пространству, и поэтому сами по себе принципом своим имеют внеположность, будучи отличны от реальных предметов и являясь односторонней пространственностью таковых, но никоим образом не их конкретным наполнением, благодаря которому они только и могут быть реальными. Равным образом число принципом своим имеет единицу и есть составление многих таких самостоятельных единиц, так что в целом это вполне внешняя их связь. Познание, которое перед нами, только в этой области и может быть вполне совершенно, поскольку оно допускает простые, твердые определения, а их зависимость друг от друга, чье усмотрение есть доказательство, равным образом определена и допускает для познания последовательное поступательное движение необходимости; такое познание способно исчерпывать природу своих предметов.

Последовательность доказывания не ограничена, однако, математическим содержанием, но касается всех отделов материала, и природного и духовного; что до последовательности в познании такого материала, то мы можем свести все к одному, сказав, что такая последовательность опирается на *правила вывод*» (2, т. 2, С. 346-352).

1. Гегель Г.В.Ф. *Наука логики: В 3 т. М., 1970-1972.*

2. Гегель Г.В.Ф. *Философия религии: В 2 т. М., 1975.*

Уильям Джемс (1842 – 1910)

«Из каждого слова мы должны извлечь его практическую наличную стоимость, должны заставить его отработать в потоке нашего опыта. Оно рассматривается не столько как решение, сколько как программа для дальнейшей работы, в частности, как указание на те методы, с помощью которых может быть изменена данная нам действительность» (С.38). «Прагматический метод... пытается истолковать каждое мнение, указывая на его практические следствия... если мы не в состоянии найти никакой практической разницы, то оба противоположных мнения означают, по существу, одно и то же» (С. 33).

«Истиной прагматизм признает то, - и это единственный его критерий истины, - что лучше всего подходит к каждой части жизни» (С.55). «Мысль «истинная» постольку, поскольку вера в нее выгодна для нашей жизни» (С. 52).

Джеймс У. Прагматизм. СПб., 1910.

В. Парето (метод исследования элиты)

«Допустим, что во всех областях деятельности каждый индивид получает индекс своих способностей, приблизительно так, как станет

оценки на экзаменах по разным предметам в школе. Дадим, например, тому, кто превосходно делает свое дело, индекс 10. А тому, чьи успехи сводятся только к наличию единственного клиента - индекс 1, так чтобы можно было поставить 0 кретину. Тому, кто сумел заработать миллионы (неважно, хорошо это или плохо), мы поставим 10, а зарабатывающему тысячу франков - 6. Тому, кто едва не умирает с голоду, поставим 1, а помещенному в приют для неимущих - 0. Женщинам-политикам, таким, как Аспасия при Перикле, Ментенон при Людовике XIV, Помпадур при Людовике XV, завоевавшим благодарность могущественных людей и игравшим роль в управлении общественными делами, мы поставим 8 или 9. Потаскухе, только удовлетворяющей чувства этих людей и не оказывающей никакого воздействия на общественные дела, поставим 0. Ловкому жулику, который обманывает людей и не попадает под уголовный кодекс, мы поставим 8, 9 или 10 в зависимости от числа простопфиль, которых он заманил в свои сети, и количества денег, которые он выманил у них. Нищему мелкому жулику, крадущему столовые приборы у трактирщика и вдобавок схваченному за шиворот жандармами, мы поставим 1. Такому поэту, как Мюссе, - 8 или 9 в зависимости от вкусов. Рифмоплету, от которого бегут люди, слыша его сонеты, поставим 0. Шахматистам можно присваивать более точные индексы, основываясь на количестве и качестве выигранных партий. И так далее для всех сфер деятельности... Таким образом, мы составим класс тех, у кого самые высокие индексы в их сфере деятельности, и назовем это элитой» (См.: Pareto V. Traite de sociologie generale, § 2027, 2031).

Цит. по: Арон Р. Этапы развития социологической мысли. М., 1992. С.452.

Эдмунд Гуссерль (1859 – 1938)

«Учение Маха об экономии мышления, как и учение Авенариуса о наименьшей затрате сил, относится, как мы видели, к известным биологическим фактам и в конечном счете представляет отрасль учения о развитии. Отсюда само собой понятно, что упомянутые исследования могут, правда, пролить свет на практическое учение о познании, на методологию научного исследования, но отнюдь не на чистое учение о познании, в частности, не на идеальные законы чистой логики. С другой стороны, сочинения школы Маха-Авенариуса, по-видимому, имеют в виду именно теорию познания с обоснованием в смысле экономии мышления» (С. 316).

«Фактическая сторона принципа экономии сводится к тому, что существуют представления, суждения и иные переживания мышления, и в связи с ними также чувства, которые в форме удовольствия содействуют известным интеллектуальным тенденциям, в форме же неудовольствия отталкивают от них. Далее можно констатировать в общем, грубом и

целом прогрессирующий процесс образования представлений и суждений, причем из элементов первоначально лишенных значения, прежде всего образуются отдельные, *данные опыта*, а затем эти данные сливаются в одно *более или менее* упорядоченное *единство опыта*. По психологическим законам на основе грубо согласующихся первых психических коллокаций возникает представление единого, общего для нас всех мира, и слепая эмпирическая вера в его существование. Но нельзя упускать из виду, что этот мир не для каждого тот же самый, он таков только в общем и целом, лишь настолько, чтобы практически была в достаточной мере дана возможность общих представлений и действий. Мир не одинаков для простого человека и для научного исследователя; для первого мир есть связь приблизительной правильности, пронизанная тысячью случайностей, для второго мир есть природа, в которой всюду и везде господствует строгая закономерность.

Несомненно имеет большое научное значение показать психологические пути и средства, с помощью которых развивается и устанавливается эта достаточная для потребностей практической жизни (потребностей самосохранения) идея мира как предмета опыта; далее показать психологические пути и средства, с помощью которых в умах отдельных исследователей и целых поколений исследователей образуется объективно адекватная идея строгого закономерного единства опыта с его непрерывно обогащающимся научным содержанием. Но с гносеологической точки зрения все эти исследования не имеют значения» (С. 317-318).

«Заблуждения этого направления проистекают в конечном счете из того, что его представители — как и психологи вообще — заинтересованы только познанием эмпирической стороны науки. Они до известной степени за деревьями не видят леса. Они трудятся над проблемой науки как биологического явления и не замечают, что они даже совсем и не затрагивают гносеологической проблемы науки как идеального единства объективной истины. Прежнюю теорию познания, которая еще видела в идеальном проблему, они считают заблуждением, которое лишь в одном смысле может быть достойным предметом научной работы: именно для доказательства его функции *относительного* сбережения мышления низшей ступени развития философии. Но чем больше такая оценка основных гносеологических проблем и направлений грозит стать философской модой, тем сильнее должно восстать против нее трезвое исследование, и тем более вместе с тем необходимо - посредством возможно более многостороннего обсуждения спорных принципиальных вопросов и в особенности посредством возможно более глубокого анализа принципиально различных направлений мышления в сферах реального и идеального — проложить путь тому самоочевидному уяснению, которое

есть необходимое условие для окончательного обоснования философии» (С. 321).

Гуссерль Э. Философия как строгая наука. Новочеркасск, 1994.

Давид Гильберт (1862 - 1943)

Аксиоматический метод. «Просматривая и сравнивая между собою многочисленные работы, посвященные принципам арифметики и аксиомам геометрии, мы, наряду с многочисленными аналогиями и случаями сходства между этими двумя предметами, замечаем, однако, и существенное различие в отношении метода исследования.

Припомним сначала, каким путем вводится понятие числа. Исходя из числа 1, обычно представляют себе, что в процессе счета возникают следующие за ним целые рациональные положительные числа 2, 3, 4,... и развиваются законы счета с ними; затем приходят, опираясь на требование вычитаемости вычитания во всех случаях к отрицательным числам; далее определяют дробные числа как пары чисел; в результате каждая линейная функция имеет корень, и, наконец, определяют действительное число как сечение или как фундаментальную последовательность, в силу чего всякая рациональная меняющая знак функция и вообще всякая непрерывная меняющая знак функция обращается где-либо в нуль. Этот метод введения понятия числа мы можем назвать *генетическим методом*, так как наиболее общее понятие действительного числа развивается в нем из простого понятия о числе путем последовательных обобщений.

Существенно иначе поступают при построении геометрии. Здесь обычно исходят из предположения о существовании всех элементов, т.е. заранее предполагают, что существуют три системы вещей, а именно точки, прямые и плоскости, и затем, в существенном по примеру Евклида, устанавливают между этими элементами взаимоотношения посредством известных аксиом, а именно аксиом соединения, порядка, конгруэнтности и непрерывности. При этом возникает необходимость в доказательстве непротиворечивости и полноты этой системы аксиом, т.е. требуется доказать, что применение установленных аксиом никогда не приведет к противоречию и, далее, что эта система аксиом достаточна для доказательства всех геометрических теорем. Избранный здесь способ исследования мы будем называть *аксиоматическим методом*.

Поставим себе вопрос, действительно ли для изучения понятия числа единственно подходящим методом является генетический метод, а для обоснования геометрии — аксиоматический метод. Представляет также интерес сопоставить друг с другом оба метода и исследовать вопрос о том, какой из этих методов надо будет предпочесть, когда будет идти речь о логическом исследовании основ механики или какой-либо другой физической дисциплины-

Мое мнение таково: несмотря на то> что генетический метод имеет высокое педагогическое и эвристическое значение, все же для окончательного оформления и полного логического обоснования содержания нашего познания предпочтительнее аксиоматический метод. (С. 315-316)

Гильберт Д. Основания геометрии. М.;Л., 1948.

Нильс Бор (1885 – 1962)

Дискуссии с Эйнштейном о проблемах теории познания в атомной физике

«Когда я получил от издателя серии «Современные философы» («*Livi Philosophers*») предложение написать статью для настоящего тома, в котором современные исследователи чествуют Альберта Эйнштейна за его колоссальный вклад в область естественных наук и в котором они выражают благодарность всего нашего поколения за проложенный его гением путь много размышлял о том, как бы мне лучше выразить, насколько я ему обязан за его вдохновляющие идеи. При этом я живо вспомнил встретившиеся мне на протяжении ряда лет многочисленные случаи, когда я имел удовольствие обсуждать с Эйнштейном гносеологические проблемы, поставленные новейшим развитием атомной физики; и я подумал, что едва ли я мог бы дать что-нибудь лучшее, чем рассказ об этих спорах, которые - хотя они и не привели к полному согласию — были для меня чрезвычайно ценными и стимулирующими. В то же время я надеюсь, что такой рассказ может дать более широким кругам представление о том, насколько полезен был открытый обмен мыслями для прогресса в области, где новые результаты время от времени требовали от нас пересмотра наших воззрений.

Главный предмет нашего спора с самого начала был вопрос о том, какую позицию следует занять по отношению к тем отклонениям от привычных принципов описания природы, которые характерны для новейшего развития физики. Я имею в виду тот путь, на который вступила физика в первом году нашего века в результате открытия Планком универсального кванта действия. Это открытие выявило в законах природы черту атомистичности, которая выходит далеко за пределы старого учения об ограниченной делимости материи; действительно, это открытие показало нам, что классические теории физики являются идеализациями, которые допускают однозначное применение только в тех предельных случаях, когда все величины размерности действия велики по сравнению с квантом действия. На обсуждении стоял вопрос, следует ли рассматривать отказ от причинного описания атомных процессов, фактически содержащийся в попытках овладеть новым положением вещей, как временное пренебрежение идеалами, которые в конечном счете снова вернут свои права, или же дело идет о необратимом

шаге на пути к настоящей гармонии между анализом и синтезом физических явлений. Для того чтобы дать как можно более ясное представление о том фоне, на котором протекали наши споры, и об аргументах, выдвигавшихся в пользу той или другой из противоположных точек зрения, я считаю необходимым напомнить с достаточной подробностью главные черты того развития теории, в которое сам Эйнштейн внес такой решающий вклад» (С. 51-52.).

«Конечно, верно то, что в атомной физике мы стоим перед рядом нерешенных фундаментальных проблем, в частности перед вопросом о зависимости между элементарной единицей электрического заряда и универсальным квантом действия. Однако эти проблемы связаны с рассмотренными здесь вопросами теории познания не теснее, чем законность релятивистского способа описания связана с еще не решенными задачами космологии. Как в теории относительности, так и в теории квантов мы имеем дело с новыми аспектами научного анализа и синтеза; в связи с этим стоит отметить, что даже во времена великой эпохи критической философии прошлого столетия дело шло только о том, в какой мере возможно априорное обоснование для координации нашего опыта в пространстве и во времени и для его причинной взаимосвязи, но никогда не возникал вопрос о рациональных обобщениях таких категорий человеческого мышления или о присущих им ограничениях» (С.93).

Бор Н. Атомная физика и человеческое познание. М., 1961.

Лев Семенович Выготский (1886 – 1934)

«Изучать исторически что-либо – значит изучать в движении. Это и есть основное требование диалектического метода. Охватить в исследовании процесс развития какой-либо вещи во всех его фазах и изменениях – от момента возникновения до гибели – и означает раскрыть его природу, познать его сущность, ибо только в движении тело показывает, что оно есть. Итак, историческое исследование поведения не есть дополнительное или вспомогательное к изучению теоретическому, но составляет основу последнего» (1, С.62-63).

«Нам думается, что следует различать двоякого рода анализ, применяемый в психологии. Исследование всяких психологических образований необходимо предполагает анализ. Однако этот анализ может иметь две принципиально различные формы, из которых одна, думается нам, повинна во всех тех неудачах, которые терпели исследователи при попытках разрешить эту многовековую проблему, а другая является единственно верным начальным пунктом для того, чтобы сделать хотя бы самый первый шаг по направлению к ее решению.

Первый способ психологического анализа можно назвать разложением сложных психологических целых на элементы. Его можно

было бы сравнить с химическим анализом воды, разлагающим ее на водород и кислород. Существенным признаком такого анализа является то, что в результате его получают продукты, чужеродные по отношению к анализируемому целому, - элементы, которые не содержат в себе свойств, присущих целому как таковому, и обладают целым рядом новых свойств, присущих целому как таковому, и обладают целым рядом новых свойств, которых это целое никогда не могло обнаружить. С исследователем, который, желая разрешить проблему мышления и речи, разлагает ее на речь и мышление, происходит совершенно то же, что произошло бы со всяким человеком, который в поисках научного объяснения каких либо свойств воли... прибег бы к разложению воды на кислород и водород как к средству объяснения этих свойств...» (2, С.10-11).

«Методы, которые мы намерены применить к изучению отношений между мышлением и речью, обладают тем преимуществом, что они позволяют соединить все достоинства, присущие анализу, с возможностью синтетического изучения свойств, присущих какому-либо сложному единству как таковому» (2, С.15).

1. *Выготский Л.С. Собрание сочинений. Т.3. Проблемы развития психики. М., 1983.*

2. *Выготский Л.С. Мышление и речь. М., 1999.*

Альберт Эйнштейн (1879 – 1955)

«Я думаю, что первым шагом в познании «реального внешнего мира» является формирование понятия телесных объектов; причем телесных объектов разного рода. Из всего многообразия наших чувственных восприятий мы мысленно выделяем и произвольно берем определенные комплексы ощущений, которые часто повторяются (частично вместе с чувственным впечатлениями, интерпретируемыми как проявления ощущений других лиц), и сопоставляем им некоторое определенное понятие — понятие телесных объектов. С логической точки зрения это понятие не тождественно совокупности ощущений, к которому оно относится; это — свободное творение человеческого (или животного) разума. С другой стороны, смысл понятия и его оправданность определяются совокупностью ощущений которые мы ассоциируем с ним.

Второй шаг состоит в том, что в нашем мышлении (которое определяет наше ожидание) мы приписываем понятию телесного объекта смысл, который еще в большей мере независим от чувственного ощущения, первоначально его породившего. Именно это мы хотим выразить, когда приписываем телесному объекту «реальное существование». Оправдание такого утверждения основано исключительно на том факте, что с помощью таких понятий и установленных между ними мысленных отношений мы способны ориентироваться в лабиринте ощущений. Эти понятия и отношения, несмотря на то, что они являются

свободными творениями нашего ума, представляются нам более прочными и нерушимыми, чем даже сами по себе отдельные чувственные восприятия, характер которых никогда не позволяет полностью гарантировать, что они не являются результатом иллюзии или галлюцинации. С другой стороны, эти понятия и отношения, в особенности допущение существования реальных объектов и, вообще говоря, существование «реального мира» оправданы только в той мере, в какой они связаны с чувственными восприятиями, между которыми они образуют мысленную связь.

Сам факт, что совокупность наших чувственных восприятий с помощью мышления (оперирование понятиями, создание и использование определенных функциональных соотношений между ними, сопоставление чувственных восприятий этим понятиям) может быть приведена в порядок, является, по-моему, поразительным, и мы никогда его не поймем. Мы можем сказать, что «вечная загадка мира — это его познаваемость». Одна из больших заслуг Канта состоит в том, что он показал бессмысленность утверждения о реальности внешнего мира без этой познаваемости.

Когда мы говорим о «познаваемости», то смысл этого выражения совсем прост. Оно включает в себя приведение в определенный порядок чувственных восприятий путем создания общих понятий, установление соотношений между этими понятиями, и между последними и чувственным опытом; эти соотношения устанавливаются всеми возможными способами. В этом смысле мир нашего чувственного опыта познаваем. Сам факт этой познаваемости представляется чудом.

По моему мнению, нельзя ничего утверждать априори относительно способа, с помощью которого должны быть образованы и связаны между собой эти понятия и как мы должны сопоставлять их чувственному опыту. Определяющим фактором, направляющим создание такого порядка в чувственном опыте, является только конечный успех. Все, что необходимо, это *установление* ряда правил, так как без таких правил познание в указанном смысле было бы невозможно. Эти правила можно сравнить с правилами игры, которые, будучи произвольными, делают игру возможной только благодаря своей строгости. Но такая фиксация никогда не может быть окончательной. Они будут справедливы только для определенной области их применения (т.е. они не являются окончательными категориями в смысле Канта)» (С.201-202).

Эйнштейн А. Собрание научных трудов. Т.4. М., 1967.

Василий Васильевич Зеньковский (1881 - 1962)

«Чрезвычайно важно отметить то, что философское творчество всегда движется к построению системы. Это и есть «план логоса» - здесь все то, что рождается из глубины духа, что встает в нем, не спрашивая ничего разрешения, должно *Нвместиться* в систему, найти в ней свое

место. В этом (психологическом) смысле философское творчество «монистично» - но, конечно, дело не в том, будет ли система строиться из одного исходного положения или из нескольких, а в придании «системности» всему содержанию духовной жизни. Если философское творчество и не всегда достигает системы, оно все же всегда движется к ней» (1. Т.1. Ч.1. С.14).

«Учение о примате духовного начала в человеке ставит вопрос о феноменологии духа в смысле ступеней его раскрытия в эмпирической жизни человека» (2, С.103).

1. Зеньковский В.В. *История русской философии: В 2 т. Ленинград.1991.*

2. Зеньковский В.В. *Проблемы воспитания в свете Христианской антропологии. М., 1993.*

Готт Владимир Спиридонович

«Крупнейшие ученые современности — Н. Бор, А. Эйнштейн, В. Гейзен-берг и многие другие немало сделали для установления новых принципов частнонаучного исследования, соответствующих духу революции в физике, возникшей на рубеже XIX и XX вв. Созданные ими теории с определенной степенью точности отображают действительность и по сути своей не только материалистичны, но в известной мере и диалектичны.

Внимательное рассмотрение уже известных науке объектов и явлений в микро-, макро- и мегамирах показывает их связь и единство.

Правда, еще не решена сложнейшая задача теоретического объединения всех известных нам представлений о микро-, макро- и космологических объектах, о существующих взаимодействиях в единую научную картину развивающейся Вселенной. Приходится констатировать, что в настоящее время нет логически удовлетворительной и описывающей наблюдаемую Вселенную теории. Мы вынуждены ограничиваться поиском полуэмпирических закономерностей, которые остаются ненадежными, пока они не представлены как следствия фундаментальной теории. Такой фундаментальной теории элементарных частиц еще нет, как нет и релятивистской теории квант, квантовой теории гравитации и других физических теорий, потребность в которых особенно ощутима для понимания поведения и свойств материальных объектов.

Исходя из принципа материального единства мира, мы с уверенностью можем утверждать, что стремление к созданию общей физической теории развивающейся Вселенной лежит в русле важнейших задач, решаемых целым комплексом наук.

Различные модели структуры вещества и поля, пространства и времени, галактик, различных типов звезд... Вселенной (астрономической)

в целом историчны, они отражают какие-то моменты вечного существования движущейся материи.

В работах ряда ученых Запада можно прочитать, что все главные идеи современной науки уже присутствуют в философии Древнего Китая, что четыре с половиной тысячи лет назад советникам Желтого Императора были очевидны аргументы, к которым прибег А. Эйнштейн при создании теории относительности, что современную физику надо коррелировать и дополнять Ведами и т.д.»

Философия науки: Общие проблемы познания. Методология естественных и гуманитарных наук: хрестоматия /Отв.ред-сост. Л.А. Микешина. – М., 2005.

Юдин Эрик Григорьевич ()

«Методология, трактуемая в широком смысле этого слова, есть учение о структуре, логической организации, методах и средствах деятельности. В таком понимании методология образует необходимый компонент всякой деятельности, поскольку последняя становится предметом осознания, обучения и рационализации. Основной функцией методологического знания является внутренняя организация и регулирование процесса познания или практического преобразования того или иного объекта» (С.59).

«Нормативное методологическое знание выступает в форме предписаний и норм, в которых фиксируются содержание и последовательность определенных видов деятельности. Оно выполняет три основных функции: во-первых, оно обеспечивает правильную постановку проблемы как с содержательной, так и с формальной точки зрения; во-вторых, оно дает определенные средства для решения уже поставленных задач и проблем — то, что можно назвать интеллектуальной техникой научной деятельности; в-третьих, с помощью методологического нормативного знания оптимизируется организация исследований.

Что же касается дескриптивной методологии, то ее основной задачей можно считать изучение тенденций и форм развития познания со стороны его методов, категориального и понятийного строя, а также характерных для каждого конкретного этапа схем объяснения.

Видимая невооруженным глазом разнородность этих функций естественным образом приводит к тому, что они осуществляются не некоей единой дисциплиной со строго очерченными границами/а разными дисциплинами и в разных формах. Поэтому можно и нужно говорить о разных типах и уровнях методологического анализа» (С. 64-65).

«Высший уровень образует философская методология. Ее содержание составляют общие принципы познания и категориальный строй науки в целом. Очевидно, что эта сфера методологии представляет собой философское знание и, следовательно, разрабатывается специфическими для философии методами. Вместе с тем она не существует в виде какого-то

особого раздела философии — методологические функции выполняет вся система философского знания.

Философский уровень методологии реально функционирует не в форме жесткой системы норм и «рецептов» или технических приемов — такая его трактовка неизбежно вела бы к догматизации научного познания, а в качестве системы предпосылок и ориентиров познавательной деятельности. Сюда входят как содержательные предпосылки (мировоззренческие основы научного мышления, философская «картина мира»), так и формальные, т.е. относящиеся к общим формам научного мышления, к его исторически определенному категориальному строю.

Одной из кардинальных методологических проблем, возникающих в этой связи, является определение специфики гуманитарного познания в сравнении с естественно-научным. Эта специфика определяется, в частности, фактом непосредственного участия в гуманитарном познании ценностных ориентации исследователя, а также необходимостью учитывать и давать соответствующую интерпретацию сложной структуры целесообразной человеческой деятельности и ее результатов» (С.65).

«Предмет методологии науки составляет внутреннее строение научно-исследовательской деятельности, рассматриваемой со стороны как ее содержания, так и организации. Поскольку предметом методологии является научное познание в целом, постольку методология должна дать обобщенные характеристики научно-познавательной деятельности и построить расчлененное представление этой деятельности и ее компонентов. Чтобы получить такие характеристики, необходимы, естественно, соответствующие понятия. С точки зрения методологии в целом центральными, на наш взгляд, являются понятия «познавательная ситуация», «объект исследования», «предмет исследования», «средства исследования», «эмпирическая область» (С. 73).

«Объект исследования в методологическом смысле означает не просто внешнюю реальность (такое значение соответствует общепhilosophическому, теоретико-познавательному значению понятия «объект»), а реальность, которая специально выделена и очерчена в своих границах наукой. Например, эволюция органического мира как реальность насчитывает многие миллионы» (С.74).

Юдин Б.Г. Методология науки. Системность. Деятельность. М, 1997.

Раймон Арон (1905—1983)

«Эти три автора различны по общему тону. Дюркгейм — догматичен, Парето — ироничен, Вебер — патетичен. Дюркгейм доказывает истину и стремится, чтобы она была научна и этична. Парето разрабатывает научную систему, которую он задумал как частную и предварительную, но которая, независимо от его стремления к объективности, высмеяла иллюзии гуманистов и надежды революционеров, уличает

пройдох и простаков, неистовых и власть имущих. Вебер стремится понять смысл существования индивидов и общества, будь то им навязанных или ими избранных, не закрывая глаза на давление социальных обязанностей и неизбежную необходимость принимать решения, правомерность которых никогда не может быть научно доказана. Тон каждого из этих трех авторов объясняется и личным темпераментом, и национальными условиями.

Дюркгейм — французский ученый-философ; стиль его работы складывался, по крайней мере внешне, под влиянием диссертаций, которые он готовил, последовательно преодолевая барьеры, поставленные французским университетом перед амбициями интеллектуалов. Этот университетский ученый III Республики верит в науку, в ее этические ценности со страстью пророка. Он является или хотел бы быть одновременно ученым и реформатором; наблюдателем, констатирующим факты, и создателем системы морали. Такое сочетание может сегодня показаться нам странным, но оно не выглядело таким в начале века, в эпоху, когда вера в науку была почти религией. Самым ярким выражением этого сочетания веры и науки оказывается понятие "общество". В социологии Дюркгейма это понятие служит эмпликативным принципом, источником высших ценностей и своего рода объектом поклонения. Для Дюркгейма, француза еврейского происхождения, университетского ученого, занятого поисками решения традиционных проблем Франции, проблемой конфликтов между церковью и государством, между моралью религиозной и светской, социология была основой этики. Общество, истолкованное социологией, считает высшей ценностью современной эпохи уважение человеческой личности и автономию индивидуального суждения. Такая социологическая и рационалистская попытка найти в новой науке обоснование мирской морали характерна для того исторического момента. Переходя от Дюркгейма к Парето, мы оставляем выпускника высшей школы и профессора философии, чтобы познакомиться с итальянским патрицием без иллюзий, инженером, враждебно относящимся ко всякой метафизике, исследователем без предрассудков. Его стиль — это стиль уже не профессора-моралиста, а просвещенного и утонченного аристократа, склонного испытывать некоторые симпатии к варварам. Этот ученый далек от того, чтобы все философские проблемы решать с помощью науки. Он с иронией наблюдает за усилиями профессоров, таких как Дюркгейм, пытающихся обосновать мораль с помощью науки. "Если бы вы знали, что такое наука, — позволил он себе заметить, — то знали бы, что прийти через нее к морали невозможно. Если бы вы знали, что представляют собой люди, то знали бы также, что для восприятия какой-то морали они совершенно не нуждаются в научных обоснованиях. Человек обладает достаточным здравым смыслом и изобретательностью, чтобы представить себе вполне убедительными мотивы для принятия

определенных ценностей, которые, по правде говоря, ничего общего не имеют ни с наукой, ни с логикой".

Парето принадлежит к итальянской культуре, равно как Дюркгейм — к французской. Он стоит в том же ряду политических мыслителей, в котором первым и самым великим был Макиавелли. Упор на двойственность правителей и управляемых, стороннее, иначе говоря, циничное, восприятие роли элиты и слепоты толпы формируют вид социологии, концентрирующийся вокруг политической темы, что характерно для итальянской традиции, которую помимо Макиавелли, демонстрировали Гишардэн и Моска. При этом не следует преувеличивать воздействие национальной среды. Одним из тех, кто оказал влияние на Парето, был француз Жорж Сорель. Во Франции немало ученых принадлежало к так называемой школе Макиавелли, а в Италии во времена Парето были известны рационалисты и сторонники научной школы, которые оставались в плену иллюзии, будто социология может быть одновременно наукой и основой морали. Парето как макиавеллист был, мне кажется, в высшей степени итальянцем; но не исключено, что во мне говорит француз. Фактически два разных течения интеллектуальной мысли, представленные Дюркгеймом и Парето, проявились как во Франции, так и в Италии. Некоторые французские мыслители подвергали иллюзии гуманистов и чаяния революционеров такой же социологической критике, какой виртуозно владел Парето.

Макс Вебер, вне всякого сомнения, в высшей степени немец. Чтобы до конца понять его научную мысль, ее нужно рассматривать в контексте германской интеллектуальной истории. Сформированный на воззрениях немецкой исторической школы, он исходил из позиций исторического идеализма при разработке своей концептуальной системы объективной социальной науки, которая была бы способна научно продемонстрировать, привести доказательства, осмыслить социальную действительность, будучи полностью свободной от метафизики в сознании и в подходе к истории.

В противоположность Дюркгейму Вебер был по образованию не философом, а юристом и экономистом. Поэтому некоторые аспекты его научной мысли в основе своей содержат начала такого двустороннего образования. Когда, например, Вебер делает акцент на понятии субъективного смысла и утверждает, что социолог стремится в основном выявить смысл, который субъект придает своему поступку, решению или отказу от поступка, то в нем говорит юрист. Действительно, легко отличить тот объективный смысл, который профессор может придать правовым положениям, от субъективного смысла этих положений, т. е. от интерпретации их теми, кто подвергается их воздействию; и это отличие позволяет сделать понятным воздействие, которое правовое установление оказывает на поведение индивидов. Во многих своих эпистемиологических

исследованиях Вебер стремился четко разделить различные формы интерпретации права с тем, чтобы еще и еще раз напомнить, что объект исследования социолога — субъективный смысл, т. е. пережитая реальность права, как оно осмыслено индивидами и как оно частично обуславливает их поступки. Таким же образом опыт экономиста наводит Вебера на размышления о связи между экономической теорией, как умственной реконструкцией поступка, с конкретной, часто непоследовательной хозяйственной деятельностью, т. е. такой, какой реально живут люди».

Арон Р. Поколение на стыке веков: Дюркгейм, Парето, Вебер // Полис.1993, №2.

А.Ф. Лосев

«...жизнь есть вечная проблема, а не путаница», и решать её поможет диалектика, понимающая проблему свободы человека как соотношение абсолютного и относительного и позволяющая человеку «быть ни подхалимом, ни подлипалой, ни подлизой, ни льстецом, ни карьеристом, равно как ни хамом, ни держимордой, ни мировым владыкой, ни наполеончиком» (1, С.78).

«...была первая исторически известная в Европе форма диалектической философии. В ее многообразных проявлениях уже имеются в зародыше, в становлении почти все позднейшие типы мировоззрений... Что более всего привлекает нас в философии античности? Целостность взгляда на мир. Древние греки не дошли еще до самодовлеющего анализа, до абстрактно-метафизического расчленения природы - она пока что рассматривается ими в общем, как одно целое, в единстве ее составляющих, во всеобщей связи явлений. Однако, несмотря на изошренность диалектики целого и частей, эта целостность представляет собой в основном все же результат непосредственного созерцания...» (1, С.240-241). «...эта целостность породила и совершенство античных художественных образов... Они до сих пор доставляют нам эстетическое наслаждение, сохраняя в известном смысле значение нормы и недостижимого образца» (1, С.241). «...вся античная философская терминология в ее предельной завершенности всегда оказывается терминологией диалектико-эстетической в указанном смысле слова» (1, С.250).

«Всякий социально-исторический императив, конечно, относителен, а не абсолютен. Но дело в том, что говорить об относительности чего-нибудь можно только в том случае, если предполагается и нечто абсолютное... Если нет абсолютного, тогда не может быть и ничего относительного; и неизвестно будет, куда же нам стремиться, будет сплошная анархия. По что такое абсолютная истина применительно к теме нашего разговора? Абсолютный предел и для нас, и для всех социально-исторических императивов - это всеобщее и свободное человеческое

благоденствие. Каждый из нас должен поступать так, чтобы его поведение но крайней мере не противоречило всеобщему и свободному человеческому благоденствию, а лучше если бы еще и поддерживало и осуществляло его. Поэтому когда я говорил о социально-историческом императиве, то, конечно, имел в виду его фактическую ограниченность и относительность, но в то же время и заложенную в нем попытку относительными, ограниченными и временными средствами осуществлять абсолютную социально-историческую истину, а именно общечеловеческое свободное благоденствие. Подобного рода мыслями и чувствами должно сопровождаться и наше усилие осуществить тот или иной социально-исторический императив и идеал. Мое жизненное кредо и заключается в том, чтобы любыми доступными средствами, пусть относительными и ограниченными, осуществлять идеал свободного человеческого благоденствия» (1, С.281-282).

«Можно сказать, что каждая более или менее оформленная эпоха в истории мысли ставила себя в определенное отношение к Платону и спешила дать свое оригинальное его понимание. Платонов столько же, сколько было философских эпох и сколько было философских систем и интуиций. Отсюда сознательное положение современного исследователя Платона очень затруднительно. Его понимание Платона всегда было отражением данной эпохи в истории философии (а это - совершенно достоверный факт), то не таково ли и наше понимание? И тогда, чем оно лучше всякого другого понимания? Это затруднение, однако, кажущееся.

Во-первых, наше понимание, конечно, связано с определенной философской эпохой, и этого бояться совершенно нечего. Это - просто неизбежно. Нужно быть очень наивным и неглубоким историком философии, чтобы объявлять свое понимание античного платонизма чем-то абсолютно "объективным" и вневременным. Всякое понимание по природе своей исторично и иным не может быть, ибо сама история есть не что иное, как становящееся понимание бытия. Бытие, никак не понимаемое, не есть реальное бытие. Это - абсолютное бытие. Итак, наше понимание есть понимание, специфическое для определенной эпохи и определенных настроений и, главное, для определенного мироощущения и мировоззрения и, еще важнее, для определенного мироотношения. Я, этого не боюсь, а просто выставляю открыто как свой принцип и обвиняю всех тех бесчисленных историков философии, которые, произнося суждения о платонизме с точки зрения определенной исторической эпохи (иначе никакое суждение не может и существовать), скрывали это и от себя и от других и обманывали всех, а, прежде всего, самих себя, призрачной "объективностью" и "научностью".

Однако если бы я остановился только на этом, то были бы правы все, кто обвинил бы меня в релятивизме и полном субъективизме. Я не останавливаюсь на этом. Именно, во-первых, я думаю, что все понимания

платонизма, существовавшие в истории, одинаково необходимы и суть не что иное, как диалектическая необходимость самой истории. Пусть то или другое понимание платонизма связано с той или другой эпохой. Это не значит, что оно "относительно" и "субъективно". Это значит только то, что оно является необходимой истиной для данной эпохи. Оно - "необходимо" и "объективно" в той же мере, в какой необходимо и объективно все, что творится в истории, в какой необходима и объективна сама история. Быть может, с некоторой точки зрения, было бы и разумнее и проще находиться только в вечности, а не во времени, и не проделывать всех бесконечных зигзагов исторического процесса. Но что же поделаешь! Такова жизнь. Много в жизни и неразумного, и субъективного, и всего прочего. Но интересно: это потому и ужасно, что объективно и реально. Вся эта "неразумность" и "субъективность" объективно и реально существуют. И тут - выход из абсолютного релятивизма. Различные понимания платонизма, как они ни плохи с той или другой точки зрения, т.е. с точки зрения той или другой культурно-социальной эпохи, - очень хороши и объективны, даже вполне научны со своей точки зрения. А это и есть их оправдание, ибо истина в истории вообще дана, как только становящаяся истина. Она - всегда истина, ибо что же и становится, если нет ничего становящегося? Но она и никогда не истина, ибо, где же будет тогда история, если истина есть только истина и, следовательно, по сущности своей неизменна? Это - азбука для того, кто мыслит диалектически.

Итак, все понимания платонизма одинаково хороши, и в то же время мое понимание - наилучшее, уже по одному тому, что оно последнее и новейшее понимание. Мое понимание, только потому, что оно есть последний диалектический продукт историко-философской мысли, и научнее всех других и объективнее всех других, ближе всего и адекватнее всего в отношении Платона. Такова диалектика всякой истории, в том числе, и истории философии. Мало того. Всякое понимание платонизма, современное мне, но расходящееся со мною, также есть наилучшее и самое объективное, - конечно, для себя и для своей эпохи (которая имеет для него, очевидно, другое значение, чем для меня). Надо только суметь показать, что данное понимание платонизма диалектически необходимо. В этом и заключается весь секрет "объективности". Тут не место доказывать, что в истории, как и везде вообще, нет никаких "случайностей", что тут все необходимо и диалектически вытекает одно из другого. Если бы я сумел показать, что выставяемое мною понимание платонизма диалектически вытекает из всей предыдущей истории изучения Платона, то это и значило бы, что я доказал его объективную необходимость и научную адекватность самому Платону. Сделать это, однако, невозможно в рамках настоящего исследования, и потому я ограничусь только кратчайшими замечаниями, относя детальную разработку этого вопроса к особому сочинению» (С.684-686).

1. Лосев А.Ф. *Дерзание духа*. М., 1988.
2. Лосев А.Ф. *Очерки античного символизма и мифологии*. М., 1993.

Библиометрический метод

Одним из методов выявления уровня этимологии ученого, который в последнее время все чаще используется в науковедении, является метод "библиометрии", который занят разработкой методик научной деятельности на основе библиометрических индикаторов с последующим выявлением научной элиты. В меньшей степени библиометрия научной элиты используется как метод выявления социально-психологических, организационных и иных факторов, способствующих оптимальному обучению и воспитанию научных сотрудников и т.д. Наиболее продуктивно использование данного метода при ретроспективном изучении творчества выдающихся ученых. Единственным недостатком этого метода является то, что творчество представителей элиты изучается изолированно, т.е. без сравнения с деятельностью других "средних" и "рядовых" ученых.

Библиометрия обращает внимание прежде всего на количество опубликованных работ и на уровень научного ценза издательских органов, прежде всего широко распространяемых журналов, а так же их "диапазон". Большую роль здесь играет сформированные в период ученичества умение грамотно подготовить рукопись к публикации, отобрать для нее наиболее важные результаты и т.п. профессиональные навыки позволяют успешно публиковаться таким ученым в престижной научной периодике.

Одним из ранее установленных факторов формирования научной элиты - обязательное начало активной научной работы в молодом возрасте. Считается, что большинство крупных ученых начинают свою научную карьеру еще студентами и активно включаются в исследования практически сразу после окончания вузов. Раннее вступление на научное поприще является однако желательным, но не обязательным условием. Индикатором вхождения в "большую" науку может служить дата выхода первой значительной публикации (примерно в возрасте от 23 до 31 года). Показатель значимости - факт ее отражения в реферативных журналах.

Современными исследователями подтверждается и ранее сделанный вывод о высокой продуктивности научной элиты. При этом упоминается о корреляции между степенью научного признания ученых и их продуктивностью. Так было установлено, что в начальный период творчества будущие крупные ученые публикуются чаще своих коллег. При этом вырабатывается "привычка" к активному распространению своих научных достижений, что и способствует известности ученых. Статистика показывает, что и для элитарных ученых диапазон числа публикаций в период их научной молодости (принимается в основном 30-ти летний рубеж) ограничен. Отмечается так же, что ученые, входящие в научную

элиты, имеют стремление к коллективным исследованиям (показатель коллективности - наличие большого числа соавторов). Понятно, что число соавторов у отдельных ученых связано с публикационной активностью. Установлено, что уровень коллективности труда у более элитарных ученых на всем протяжении творческого пути выше, чем у их коллег. Однако для эффективного творчества важно не случайное, а постоянное активное сотрудничество.

Следующим важным фактором является общественная роль крупных ученых в воспитании научной смены. Принцип "элита рождает элиту" применительно к науке подтверждается и библиометрическим анализом. Для многих характерно в начале творческого пути большое число совместных работ с представителями научной элиты старшего поколения. Часто это сотрудничество длится десятилетиями - иногда до выхода ученика из периода "ученичества", а иногда - до "ухода" учителя из науки.

Таким образом, библиометрический метод утверждает, что к важным факторам, обеспечивающим формирование (воспитание) ученых, способных в дальнейшем получить научные результаты высокого уровня и благодаря этому войти в элиту своего научного поколения, можно отнести: 1) по возможности раннее начало творческой научно-исследовательской деятельности; 2) возможность активной публикации результатов исследований полученных в начальный период работы, преимущественно в журналах с высоким научным цензом; 3) коллективность научного творчества на всем протяжении деятельности и обеспечение формирования единой научной "команды" с целью последующего длительного и активного творчества; 4) наличие учителя - крупного ученого, входящего в научную элиту своего времени.¹

Ашин Г.К., Бережнова Л.Н., Карабущенко П.Л., Резаков Р.Г. Теоретические основы элитологии образования. М., 1998. С.254-256.

6. ОСОБЕННОСТИ ДИНАМИКИ И ПРИНЦИПЫ ПРИРАЩЕНИЯ НОВОГО ЗНАНИЯ

Луньей

«Не радостно ли учиться и постоянно совершенствоваться?» (Глава «Сяозэр»).

«...пополняй пробелы в своих знаниях тем, что стремишься больше увидеть и больше услышать»; «много слушать, выбирать из услышанного хорошее и следовать ему; много видеть и запоминать - вот второй путь к знанию» (Глава «Шуэр»). Конфуций признавал, что среди людей есть

¹ См.: Зильман О.М. Библиометрическое выявление факторов, способствующих формированию научной элиты // Интеллектуальная элита Санкт-Петербурга. Ч.2. Кн.1. СПб., 1994. С.49-61.

прирожденные таланты, которые «обладают знаниями от рождения, суть высшие люди; те, которые приобретают знания учением, - ниже их; еще ниже - те, которые учатся, несмотря на свою неспособность; те же, которые не способны и не учатся, - ниже всех» (Глава «Цзиши»). О самом себе Конфуций говорил: «Я не тот, кто обладает знанием от рождения, я люблю древнее и искусен в его отыскивании» (Глава «Шуэр»). Процесс образования Конфуций связывает с умственными возможностями человека: «Учиться и не думать - бесполезно, но думать и не учиться - опасно» (Глава «Вэйчжэн»).

Го Мо-Жо. Философы Древнего Китая (Десять критических статей). М., 1961. С.122.

Марк Туллий Цицерон (106 - 43 до н.э.)

«Когда этот разум достигает зрелости и совершенства, то его по справедливости называют мудростью... так как лучше разума нет ничего, и он присущ и человеку, и божеству, то первая связь между человеком и божеством - в разуме. Но если общим для божества и человека является разум, то этот разум, им свойственный, должен мыслить правильно; а так как разум есть закон, то мы, люди, должны считаться связанными с богами также и законом (*О законах. II,22-23*).

«Ввиду этого, мы по справедливости можем говорить о своем родстве с небожителями, или о своем божественном происхождении, или о «древе». Поэтому среди стольких живых существ, за исключением человека, нет ни одного, у которого было бы хоть какое-нибудь понятие о божестве, а среди самих людей не существует народа, ни столь развитого, ни столь дикого, чтобы он, даже не ведая, кого ему подобает считать божественным, все же не знал, что признавать божество вообще следует» (*Там же. II,24*).

Сенека Л.А.

«Развитие человечества не находится еще в столь блестящем состоянии, чтобы истина была доступна большинству. Одобрение толпы - доказательство полной несостоятельности. Предметом нашего исследования должен быть вопрос о том, какой образ действий наиболее достоин человека, а не о том, какой чаще всего встречается; о том, что делает нас способными к обладанию вечным счастьем, а не о том, что одобряется чернью, этой наихудшей истолковательницей истины. К черни же я отношу не только простонародье, но и венценосцев. Я не смотрю на цвет одежд, в которые облакаются люди. При оценке человека я не верю глазам: у меня есть лучше, более верное мерило для того, чтобы отличить истину от лжи. О духовном достоинстве должен судить дух... Я прилагал всяческие старания к тому, чтобы выделиться из толпы и прославиться каким-нибудь талантом...»

Сенека. О счастливой жизни, II.

Николай Коперник (1473 – 1543)

«Наедине сам с собой я долго размышлял, до какой степени нелепой моя аегаота [рассказ, повествование] покажется тем, которые на основании суждения многих веков считают твердо установленным, что Земля неподвижно расположена в середине неба, являясь как бы его центром лишь только они узнают, что я, вопреки этому мнению, утверждаю о движении Земли. Поэтому я долго в душе колебался, следует ли выпускать в свет мои сочинения, написанные для доказательства движения Земли, и не будет ли лучше последовать примеру пифагорейцев и некоторых других передававших тайны философии не письменно, а из рук в руки, и только родным и друзьям, как об этом свидетельствует послание Лисида к Гиппарху. Мне кажется, что они, конечно, делали это не из какой-то ревности к сообщаемым учениям, как полагают некоторые, а для того, чтобы прекраснейшие исследования, полученные большим трудом великих людей, не подверглись презрению тех, кому лень хорошо заняться какими-нибудь науками, если они не принесут им прибыли, или если увещания и пример других подвигнут их к занятиям свободными науками и философией, то они вследствие скудости ума будут возвращаться среди философов, как трутни среди пчел. Когда я все это взвешивал в своем уме, то боязнь презрения за новизну и бессмысленность моих мнений чуть было не побудила меня отказаться от продолжения задуманного произведения.

Но меня, долго медлившего и даже проявлявшего нежелание, увлекли мои друзья, среди которых первым был Николай Шонберг, капуанский кардинал, - муж, знаменитый во всех родах наук, и необычайно меня любящий человек Тидеманн Гизий, кульмский епископ, очень преданный божественным и вообще всем добрым наукам. Именно последний часто увещевал меня и настоятельно требовал иногда даже с порицаниями, чтобы я закончил свой труд и позволил увидеть свет этой книге, которая скрывалась у меня не только до девятого года, но даже до четвертого десятилетия. То же самое говорили мне многие и другие выдающиеся и ученейшие люди, увещевавшие не медлить дольше и не опасаться обнаружить мой труд для общей пользы занимающихся математикой. Они говорили, что чем бессмысленнее в настоящее время покажется многим мое учение о движении Земли, тем больше оно покажется удивительным и заслужит благодарности после издания моих сочинений, когда мрак будет рассеян яснейшими доказательствами. Побужденный этими советчиками и упомянутой надеждой, я позволил, наконец, моим друзьям издать труд, о котором они Долго меня просили.

Может быть, Твое Святейшество будет удивляться не только тому, что я осмелился выпустить в свет мои размышления, после того как я положил столько труда на их разработку и уже не колеблюсь изложить

письменно мои рассуждения о движении Земли, но Твое Святейшество скорее ожидает от меня услышать, почему, вопреки общепринятому мнению математиков и даже, пожалуй, вопреки здравому смыслу, я осмелился вообразить какое-нибудь движение Земли. Поэтому я не хочу скрывать от Твоего Святейшества, что к размышлениям о другом способе расчета движения мировых сфер меня побудило именно то, что сами математики не имеют у себя ничего вполне установленного относительно исследований этих движений» (С. 11-12).

Вступление

«Среди многочисленных и разнообразных занятий науками и искусствами, которые питают человеческие умы, я полагаю, в первую очередь нужно отдаваться и наивысшее старание посвящать тем, которые касаются наипрекраснейших и наиболее достойных для познания предметов. Такими являются науки, которые изучают божественные вращения мира, течения светил, их величины, расстояния, восход и заход, а также причины остальных небесных явлений и, наконец, объясняют всю форму Вселенной. А что может быть прекраснее небесного свода, содержащего все прекрасное! Это говорят и самые имена: Caelum (небо) и Mundus (мир); последнее включает понятие чистоты и украшения, а первое - понятие чеканного (Caelatus).

Многие философы ввиду необычайного совершенства неба называли его видимым богом. Поэтому, если оценивать достоинства наук в зависимости от той материи, которой они занимаются, наиболее выдающейся будет та, которую одни называют астрологией, другие - астрономией, а многие из древних - завершением математики. Сама она, являющаяся бесспорно главой благородных наук и наиболее достойным занятием свободного человека, опирается почти на все математические науки. Арифметика, геометрия, оптика, геодезия, механика и все другие имеют к ней отношение.

И так как цель всех благородных наук - отвлечение человека от пороков и направление его разума к лучшему, то больше всего может сделать астрономия вследствие представляемого ею разуму почти невероятно большого наслаждения. Разве человек, прилепляющийся к тому, что он видит построенным в наилучшем порядке и управляющимся божественным изволением, не будет призываться к лучшему после постоянного, ставшего как бы привычкой созерцания этого и не будет удивляться творцу всего, в ком заключается все счастье и благо? И не напрасно сказал божественный псалмопевец, что он наслаждается творением божьим и восторгается делами рук его! Так неужели при помощи этих средств мы не будем как бы на некоей колеснице приведены к созерцанию высшего блага? А какую пользу и какое украшение доставляет астрономия государству (чтобы не говорить о бесчисленных удобствах для частных людей)! Это великолепно заметил Платон, который в седьмой книге «Законов» высказывает мысль, что к

полному обладанию астрономией нужно стремиться по той причине, что при ее помощи распределенные по порядку дней в месяцах и годах сроки празднеств и жертвоприношений делают государство живым и бодрствующим. И если, говорит он, кто-нибудь станет отрицать необходимость для восприятия этой одной из наилучших наук, то он будет думать в высшей степени неразумно. Платон считает также, что никак не возможно кому-нибудь сделаться или назваться божественным, если он не имеет необходимых знаний о Солнце, Луне и остальных светилах» (С.16).

Коперник Н. О вращениях небесных сфер. М., 1981.

Исаак Ньютон (1643 – 1727)

«Так как ремесленники довольствуются в работе лишь малой степенью точности, то образовалось мнение, что механика тем отличается от геометрии, что все вполне точное принадлежит к геометрии, менее точное относится к механике. Но погрешности заключаются не в самом ремесле или искусстве, а принадлежат исполнителю работы: кто работает с меньшей точностью, тот — худший механик, и если бы кто-нибудь смог исполнять изделие с совершеннейшей точностью, тот был бы наилучшим из всех механиков.

Однако самое проведение прямых линий и кругов, служащее основанием геометрии, в сущности относится к механике. Геометрия не учит тому, *как* проводить эти линии, но предполагает (постулирует) выполнимость этих построений. Предполагается также, что приступающий к изучению геометрии уже ранее научился точно чертить круги и прямые линии; в геометрии показывается лишь, каким образом при помощи проведения этих линий решаются разные вопросы и задачи. Само по себе черчение прямой и круга составляет также задачу, но только не геометрическую. Решение этой задачи заимствуется из механики, геометрия учит лишь пользованию этими решениями. Геометрия за то и прославляется, что, заимствовав извне столь мало основных положений, она столь многого достигает.

Итак, геометрия основывается на механической практике и есть не что иное, как та часть *общей механики*, в которой излагается и доказывается искусство точного измерения. Но так как в ремеслах и производствах приходится по большей части иметь дело с движением тел, то обыкновенно все касающееся лишь величины относят к геометрии, все же касающееся движения — к механике.

В этом смысле *рациональная механика* есть учение о движениях, производимых какими бы то ни было силами, и о силах, требуемых для производства каких бы то ни было движений, точно изложенное и доказанное.

Древними эта часть механики была разработана лишь в виде учения о пяти машинах, применяемых в ремеслах; при этом даже тяжесть

(так как это не есть усилие, производимое руками) рассматривалась ими не как сила, а лишь как грузы, движимые сказанными машинами. Мы же, рассуждая не о ремеслах, а об учении о природе, и следовательно, не об усилиях, производимых руками, а о силах природы, будем, главным образом, заниматься тем, что относится к тяжести, легкости, силе упругости, сопротивлению жидкостей и к тому подобным притягательным или напирющим силам. Поэтому и сочинение это нами предлагается как математические основания физики. Вся трудность физики, как будет видно, состоит в том, чтобы по явлениям движения распознать силы природы, а затем по этим силам объяснить остальные явления. Для этой цели предназначены общие предложения, изложенные в книгах первой и второй. В третьей же книге мы даем пример вышеупомянутого приложения, объясняя систему мира, ибо здесь из небесных явлений, при помощи предложений, доказанных в предыдущих книгах, математически выводятся силы тяготения тел к Солнцу и отдельным планетам» (С.2-3).

«Абсолютное движение есть перемещение тела из одного абсолютного его места в другое, *относительное* — из относительного в относительное же. Так, на корабле, идущем под парусами, относительное место тела есть та часть корабля, в которой тело находится, например, та часть трюма, которая заполнена телом и которая, следовательно, движется вместе с кораблем. Относительный покой есть пребывание тела в той же самой области корабля или в той же самой части его трюма.

Истинный покой есть пребывание тела в той же самой части того неподвижного пространства, в котором движется корабль со всем в нем находящимся. Таким образом, если бы Земля на самом деле покоилась, то тело, которое по отношению к кораблю находится в покое, двигалось бы в действительности с тою абсолютною скоростью, с которою корабль идет относительно Земли. Если же и сама Земля движется, то истинное абсолютное движение тела найдется по истинному движению Земли в неподвижном пространстве и по относительным движениям корабля по отношению к Земле и тела по кораблю...

Абсолютное время различается в астрономии от обыденного солнечного времени уравнением времени. Ибо естественные солнечные сутки, принимаемые при обыденном измерении времени за равные, на самом деле между собою неравны. Это неравенство и исправляется астрономами, чтобы при измерениях движений небесных светил применять более правильное время. Возможно, что не существует (в природе) такого равномерного движения, которым время могло бы измеряться с совершенною точностью. Все движения могут ускоряться или замедляться, течение же абсолютного времени изменяться не может. Длительность или продолжительность существования вещей одна и та же, быстры ли движения (по которым измеряется время), медленны ли, или их совсем нет, поэтому она надлежащим образом и отличается от своей, доступной

чувствам, меры, будучи из нее выводимой при помощи астрономического уравнения. Необходимость этого уравнения обнаруживается как опытами с часами, снабженными маятниками, так и по затмениям спутников Юпитера.

Как неизменен порядок частей времени, так неизменен и порядок частей пространства. Если бы они переместились из мест своих, то они продвинулись бы (так сказать) в самих себя, ибо время и пространство составляют как бы вместилища самих себя и всего существующего. Во времени все располагается в смысле порядка последовательности, в пространстве в смысле порядка положения. По самой своей сущности они суть места, приписывать же первичным местам движения нелепо. Вот эти-то места и суть места абсолютные, и только перемещения из этих мест составляют абсолютные движения. (С. 31-32)

Ньютон И. Математические начала натуральной философии. М., 1989.

Джамбаттиста Вико (1668 – 1744)

Аксиомы, или философские и филологические достоверности

«I. Человек вследствие бесконечной природы человеческого ума делает самого себя правилом Вселенной там, где ум теряется от незнания. (С. 73)

IX. Люди, не знающие Истины о вещах, стараются придерживаться Достоверного: раз они не могут удовлетворить интеллект Знанием, пусть по крайней мере воля опирается на Сознание.

X. Философия рассматривает Разум, из чего проистекает Знание Истины; Филология наблюдает Самостоятельность Человеческой Воли, из чего проистекает Сознание Достоверного.

Эта Аксиома во второй части определяет как Филологов всех Грамматиков, Историков и Критиков, которые занимались изучением Языков и Деятельности народов как внутренней (таковы, например, обычаи и законы), так и внешней (таковы война, мир, союзы, путешествия, торговля). Эта же Аксиома показывает, что на полдороге остановились как Философы, которые не подкрепляли своих соображений Авторитетом Филологов, так и Филологи, которые не постарались оправдать своего авторитета Разумом Философов: если бы они это сделали, то были бы полезнее для Государства и предупредили бы нас в открытии нашей Науки.

XI. Воля человеческая, по своей природе в высшей степени недостоверная, удостоверяется и определяется Здравым Смыслом людей в том, что от носится к человеческой необходимости или пользе: таковы два источника Естественного Права Народов.

XII. Здравый Смысл — это суждение без какой-либо рефлексии, чувствуемое сообща всем сословием, всем народом, всей нацией или всем Родом Человеческим...

XIII. Единообразные Идеи, зародившиеся у целых народов, не знающих друг о друге, должны иметь общее основание истины.

Эта Аксиома — великое Основание: она устанавливает, что Здравый смысл Рода Человеческого есть Критерий, внушенный нациям Божественным Провидением для определения Достоверного в Естественном Праве Народов; нации убеждаются в нем, усваивая субстанциальное единство такого Права, с которым все они согласны при различных модификациях. Отсюда возникает Умственный Словарь, указывающий происхождение всех различно артикулированных Языков: посредством него постигается Вечная Идеальная История, дающая нам истории всех наций во времени.

XIV. Природа вещей — не что иное, как их возникновение в определенные времена и при определенных условиях; всегда, когда последние таковы, именно таковыми, а не другими возникают вещи.

XV. Свойства, не отделимые от предметов, должны быть продуктом модификаций или условий, при которых возникли вещи; поэтому такие свойства могут нам удостоверить, что именно таковую, а не иную была природа, т.е. возникновение данных вещей.

XVI. Простонародные Предания должны были иметь естественное основание истины, почему они возникли и сохранялись целыми народами в течение долгих промежутков времени. Одна из больших работ нашей Науки — найти в этих зданиях основу истины, которая с течением лет и с переменою языков и обычаев дошла до нас под покровом ложного.

XVII. Простонародные языки должны быть наиболее важными свидетелями древних народных обычаев, соблюдавшихся в те времена, когда у этих народов образовывались языки» (С. 76-77).

XXII. Необходимо, чтобы в природе человеческих вещей существовал некий Умственный Язык, общий для всех наций: он единообразно понимает сущность вещей, встречающихся в общественной человеческой жизни, и выражает их в стольких различных модификациях, сколько различных аспектом могут иметь вещи. В справедливости этого мы можем убедиться на пословицах, максимах простонародной мудрости: по существу они понимаются одинаково всеми нациями, древними и современными, и сколько существует наций — в стольких же различных аспектах они выражены.

Это - собственный язык настоящей Науки. В свете его Ученые Филологи (если только они обратят на него внимание) могли бы составить Умственный Словарь, общий для всех различно артикулированных живых и мертвых языков» (С. 80).

XXVIII. «...Египтяне сводили все время мира, протекшее до них, к трем Векам - Веку Богов, Веку Героев и Веку Людей; ...в эти три Века

говорили на трех Языках, в порядке, соответствующем этим трем Векам, — на Иероглифическом Языке, т.е. священном, на Символическом языке, т.е. посредством подобий (это — Героический Язык), и на Письменном, т.е. народном языке людей, посредством знаков, установленных соглашением для сообщения повседневных жизненных нужд» (С. 82).

XXXII. «Если люди не знают естественных причин, создающих вещи, и не могут объяснить подобными им вещами, То они приписывают им свою собственную природу; так, например, в простонародье говорят, что магнит влюблен в железо.

Это Аксиома — частный случай Аксиомы I...

XXXIII. Физика невежд — это Простонародная Метафизика: в ней причины неизвестных вещей сводятся к Воле Бога, причем не обсуждаются те средства, которыми пользуется божественная воля» (С. 83).

XLVII. «Человеческий Ум по самой своей природе склонен наслаждаться Единообразием.

Эта Аксиома применительно к Мифам подтверждается следующим Простонародным обычаем: людей, знаменитых по той или другой причине, Простонародье ставит в определенное окружение, соответствующее такому их состоянию, и выдумывает о них подходящие мифы; по идее они истинны, т.е. соответствуют заслугам тех, о ком простонародье творит мифы, фактически они ложны, поскольку заслугам этих людей не воздано то, чего они достойны. Таким образом, если хорошенько об этом подумать, Истинное Поэтически оказывается Истинным Метафизически, в сравнении с чем противоречащее этому Истинное Физически должно считаться Ложным» (С. 86).

LI. «Дети в высшей степени способны к подражанию ибо мы наблюдаем, как они по большей части в своих забавах подражают тому, что они способны понять.

Эта Аксиома показывает, что детский мир состоял из поэтических наций, так как поэзия - не что иное, как Подражание.

Эта же Аксиома дает нам Основание того, что все Искусства человеческой необходимости, пользы, удобства, а в значительной части также и удовольствия, были открыты в Поэтические века, до появления Философов: ведь Искусства - это только подражание природе и в известном смысле - реальная Поэзия» (С. 88).

LXIV. «Порядок идей должен следовать за Порядком вещей» (С. 91).

CVI. «Науки должны начинаться с того, с чего начинается разбираемый ими материал» (С. 104).

«Чтобы отыскать природу вещей человеческих, наша Наука продвигается посредством строгого Анализа человеческих мыслей, относящихся к необходимости или пользе общественной жизни: таковы два неиссякаемые Источника Естественного Права Народов. ...В этом новом своем

главном аспекте наша Наука оказывается Историей Человеческих Идей; на этой Истории, как мы полагаем, должна строиться Метафизика Человеческого Ума. Эта царица наук ...начинает с того момента, когда первые люди начали мыслить по-человечески, но не с того, когда Философы начали размышлять над человеческими идеями» (С. 117).

Таким образом, оказывается, что наша Наука описывает Вечную Идеальную Историю, согласно которой протекают во времени Истории всех Наций в их возникновении, движении вперед, состоянии, упадке и конце. Мы даже решаемся утверждать, что тот, кто продумывает настоящую Науку рассказывает самому себе эту Вечную Идеальную Историю, поскольку он при помощи доказательства: «так должно было быть раньше, так должно быть теперь, так должно будет быть впредь» - творит ее сам для себя; ведь Мир Наций был, безусловно, сделан Людьми..., и потому способ его возникновения нужно найти в модификациях нашего собственного Человеческого Сознания; а где творящий вещи сам же о них и рассказывает, там получается наиболее достоверная история. Таким образом, наша Наука продвигается совершенно так же, как Геометрия, которая на основе своих элементов строит и созерцает, сама себе создает Мир Величин, но в наших построениях настолько больше реальности, насколько более реальны законы человеческой деятельности, чем точки, линии, поверхности и фигуры. И это - аргумент в пользу того, что такие доказательства божественны; и что они должны, читатель, доставлять тебе божественное наслаждение: ведь в Боге знать и делать - одно и то же» (С.118).

Подведем итоги всему тому, что было сказано в общей форме об *установлении оснований* нашей Науки: раз основания ее - Божественное Провидение, Усмирение Страстей Браками и Бессмертие человеческой души, выраженное в погребениях; раз Критерий ее состоит в том, что с чем согласны все или большая часть людей, то и должно быть правилом Общественной Жизни; раз с этими Основаниями и с этим Критерием согласуется Простонародная Мудрость всех Законодателей и Тайная Мудрость наиболее знаменитых Философов, то, следовательно, эти Основания должны быть границами человеческого Разума, и тот, кто пожелает выйти за их пределы, должен остерегаться, чтобы вообще не выйти за пределы Человечества» (С.119).

Вико Дж. Основания новой науки об общей природе наций. М.; Киев, 1994.

Фихте И.Г.

«Меня захватила мораль более высокая: вместо того, чтобы заниматься чем-то внешним, я, по большей части, изучаю самого себя, благодаря этому душа моя обрела мир, какого я еще не ведал... Теперь я знаю, наверное, что наша воля свободна... и цель жизни не в счастливом

довольстве, а в том, чтобы заслужить счастье... Я растворился в философии Канта... нашел в ней лекарство от моих разочарований... ей я обязан тем, что теперь твердо верю в свободу человека, ясно вижу, что, лишь принимая ее, возможны долг, добродетель, вообще мораль... Прочитав «Критику практического разума», я увидел себя живущим в новом мире: она превращает в руины то, что казалось неопровержимым, доказывает то, что казалось недоказуемым, понятие абсолютной свободы, долга... Ведь это то, что надо для эпохи поверженной морали, разрушенной до основания, когда и само понятие долга вымарано из словарей».

Цит. по: Реале Д., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. Т.4. От романтизма до наших дней. СПб., 1997. С.33.

Фридрих Шлегель (1772 - 1829)

«...в теории человека, основанной на теории природы, все другие органические создания рассматриваются лишь как приближение к человеку. Человек в земной истории представляет собой последнюю ступень длинного ряда созданий, целью которых является организация совершенного тела. Только на этой вершине органического развития пробивается душа земли, и в человеке возникает духовное сознание».

Шлегель Ф. Развитие философии в двенадцати книгах // Мир философии: Книга для чтения. М., 1991. С.25.

Владимир Михайлович Бехтерев (1857 - 1927)

«Под сознанием мы понимаем ту субъективную окраску или то субъективное, т.е. внутреннее, непосредственно нами воспринимаемое состояние, которой или которым сопровождаются многие из наших психических процессов. Благодаря этой субъективной окраске мы можем различать наши по их сложности и тем или другим присущим им особенностям. Таким образом мы различаем в нашем восприятии ощущение, представление, стремление, желание, хотение и пр., т.е. те явления, сумма которых и составляет содержание нашего сознания» (С. 204).

Бехтерев В.М. Избранные труды по психологии личности: В 2-х т. Т. 1. Психика и жизнь. СПб., 1999.

Маркс Планк (1858 – 1947)

«Построение физической науки происходит на основе измерений, и так как измерение связано с чувственным восприятием, то все понятия физики берутся из мира ощущений. Поэтому также каждый физический закон в принципе относится к событиям из мира ощущений. Учитывая это обстоятельство, многие естествоиспытатели и философы склоняются к представлению, что физика в конечном счете вообще должна иметь дело

только с миром ощущений, а именно, естественно, с миром ощущений человека, что, следовательно, например, так называемый «предмет» в физическом отношении является не чем иным, как комплексом разнообразных взаимосвязанных чувственных ощущений. Следует всегда подчеркивать, что подобное представление никогда не может быть опровергнуто чисто логическим путем. Ибо одна логика сама по себе не в состоянии вывести кого-либо за пределы мира ощущений; она не может принудить его к тому чтобы признать независимое от него существование других людей.

Но в физике, как и в любой другой науке, царствует не только логика но и разум. Не все то, что не содержит логических противоречий, также и разумно. И разум нам говорит, что когда мы к так называемому предмету поворачиваемся спиной и удаляемся от него, то все же что-то от него остается. Он говорит нам далее, что отдельный человек, что все человечество вместе со всем своим миром ощущений, даже вместе со всей нашей планетой означают лишь крошечное ничто в великой возвышенной природе, законы которой не определяются тем, что происходит в маленьком человеческом мозгу, но существовали еще до того, как вообще жизнь появилась на Земле, и будут существовать и впредь, если даже когда-либо последний физик вследствие этих законов исчезнет.

Благодаря таким рассуждениям, а не благодаря логическим заключениям мы вынуждены принять, что за миром ощущений есть еще другой, реальный мир, ведущий свое самостоятельное, от людей не зависящее существование. Мир, который мы никогда, конечно, не могли бы воспринимать непосредственно, но всегда только посредством ощущений, посредством некоторых знаков, которые он нам передает. Точно так же, как если бы мы могли рассматривать некоторый интересующий нас предмет только через очки, оптические свойства которых нам совершенно неизвестны.

Кто не желает следовать за этим ходом мыслей и во введении принципиально непознаваемого реального мира видит непреодолимую трудность, пусть вспомнит, что дело обстоит совершенно по-разному, в зависимости от того, имеется ли уже готовая существующая физическая теория, содержание которой можно точно анализировать и при этом всякий раз устанавливать, что для ее формулировки понятий мира ощущений вполне достаточно, или же перед нами стоит задача впервые построить физическую теорию по некоторому числу отдельных имеющихся измерений. Каждая страница истории физики нам показывает, что эта вторая, несравненно более трудная, задача решалась всегда только на основе допущения реального, от человеческих чувств не зависящего мира. И не приходится сомневаться в том, что так же будет и в дальнейшем.

К обоим этим мирам, миру ощущений и реальному миру, надо добавить еще и третий мир, который следует отличать от двух предыдущих:

мир физической науки, или физическую картину мира. Этот мир, в противоположность обоим предыдущим, есть сознательное, служащее определенной цели творение человеческого духа, и, как таковое, он переменчив и подвержен известному развитию. Задачу построения физической картины мира можно формулировать двояко, в зависимости от того, связывать ли картину мира с реальным миром или с миром ощущений; (С.569-570).

Планк М. Избранные труды. М., 1975.

Бердяев Н.А.

«...пусть я не знаю смысла жизни, но искание смысла уже дает смысл жизни, и я посвящу свою жизнь этому исканию смысла. Это был настоящий внутренний переворот, изменивший всю мою жизнь. Я пережил его с энтузиазмом. Я описал этот переворот, но рукопись была взята при первом моем аресте и пропала. Мне хотелось бы сейчас прочесть то, что я тогда написал, приобщиться к огромному подъему, пережитому мной. Это и было мое настоящее обращение, самое сильное в моей жизни, обращение к исканию Истины, которое тем самым было верой в существование Истины. Искание истины и смысла я противопоставил обыденности, бессмысленной действительности. Но мой переворот не был обращением в какую-либо конфессию, в православие или даже просто в христианство. Это был поворот к духу и обращение к духовности».

Бердяев Н. Самопознание. М., 1990. С.77-78.

Альберт Эйнштейн

«Целью науки является, с одной стороны, возможно более *полное* познания связи между чувственными восприятиями в их совокупности и, с другой стороны, достижение этой цели путем *применения минимума первичных понятий и соотношений* (добиваясь, насколько это возможно, логического единства в картине мира, т.е. стремясь к минимуму логических элементов).

Наука занимается совокупностью первичных понятий, т.е. понятий, непосредственно связанных с чувственными восприятиями, и теоремами, устанавливающими связь между ними. На первой стадии своего развития наука не содержит ничего другого. Короче говоря, наше повседневное мышление удовлетворено этим уровнем. Но такое состояние вещей не может удовлетворять истинно научный интеллект, потому что совокупность понятий и полученных таким образом соотношений лишена логического единства. Чтобы устранить этот недостаток, изобретают систему с меньшим числом понятий и соотношений, систему, в которой первичные понятия и соотношения «первого слоя» сохраняются в качестве производных понятий и соотношений. Эта новая, «вторичная система», которая характеризуется большим логическим единством,

содержит зато только такие собственные элементарные понятия (понятия второго слоя), которые прямо не связаны с комплексами чувственных ощущений. Продолжая усилия для достижения логического единства, мы приходим, как следствие вывод понятий и соотношений второго слоя (и косвенно — первого слоя), к третичной системе, еще более бедной первичными понятиями и соотношениями. Эта история будет продолжаться до тех пор, пока мы не достигнем наибольшего мыслимого единства и наименьшего числа понятий в логической основе, которое еще совместимо с наблюдениями наших чувств. Мы не знаем, приведет это стремление или нет к определенной системе. Если поинтересуются нашим мнением, то мы склонны ответить отрицательно. Однако, преодолевая эти трудности, мы никогда не оставим надежду, что эта величайшая из всех цель действительно может быть достигнута с очень высоким приближением.

Сторонник абстрактного метода или индукции может назвать наши слои «степенями абстракции», но я не считаю правильным скрывать логическую независимость понятия от чувственного восприятия. Отношение между ними аналогично не отношению бульона к говядине, а скорее — отношению гардеробного номера к пальто» (С. 200-203).

Физика представляет собой развивающуюся логическую систему мышления, основы которой можно получить не выделением их какими-либо индуктивными методами из опыта, а лишь свободным вымыслом. Обоснование (истинность) системы основано на доказательстве применимости вытекающих из нее теорем в области чувственного опыта, причем соотношения между последними и первыми можно понять лишь интуитивно. Эволюция происходит в направлении все увеличивающейся простоты логических основ. Больше того, чтобы приблизиться к этой цели, мы должны решиться признать, что логическая основа все больше и больше удаляется от данных опыта, и мысленный путь от основ к вытекающим из них теоремам, коррелирующим с чувственными опытами, становится все более трудным и длинным. (С. 226)

Эйнштейн А. Собрание научных трудов. Т.4. М., 1967.

Георгий Петрович Федотов (1886 - 1951)

«Демократизация культуры приобретает зловещий характер. Широкой волной текущая в народ культура перестает быть культурой. Народ думает, что для него открыты все двери, доступны все тайны, которыми прежде владели буржуи и господа. Но он обманут и обворован. Господа унесли с собой в могилу - не все, конечно, ключи, - но самые заветные, от потайных ящиков с фамильными драгоценностями... В старой, полудворянской России, «кухаркин сын», пройдя через школу, мог овладеть той культурой, которая сейчас в рабоче-крестьянской России ему недоступна. Причина ясна и проста. Исчезла та среда, которая прежде

перерабатывала, обтесывала юного варвара, в нее вступавшего, лучше всякой школы и книг. Без этой среды, без воздуха культуры школа теряет свое влияние, книга перестает быть вполне понятной».

Федотов Г.П. Судьба и грехи России. СПб., 1992. Т.2. С.209.

Мераб Константинович Мамардашвили (1930 - 1990)

Сознание – это «весьма странное явление, которое есть и которое в то же время нельзя ухватить, представить как вещь. То есть о нем в принципе нельзя построить теорию... сознание не поддается теоретизации, объективированию... По мере приближения к нему сознание, как тень, ускользает от исследователя. Поэтому в философии остается лишь один способ рассуждений о подобного рода явлениях. О них можно говорить или рассуждать, только используя опосредованный, косвенный язык описания».

Мамардашвили М.К. Сознание как философская проблема // Вопросы философии. 1990. № 10. С.3.

Арсений Николаевич Чанышев (1926 - 2005)

«...историческая ошибка сознания заключалась в выведении небытия из бытия. Собственно говоря, философия начинается с абсолютизации бытия, с выдумывания некоего вневременного, сущего начала, субстанциональной подоплеки, которая если и изменяется, то только в своих внешних свойствах... Впрочем, многие философы понимали, что небытие существует. Но и они думали что небытие существует постольку, поскольку существует бытие. Я же утверждаю, что небытие не только существует, но что оно первичное и абсолютное. Бытие же относительное и вторичное в отношении к небытию» (С.159-160).

«В движении есть сторона, соответствующая небытию, и сторона, соответствующая бытию. Первое – это энергия, а второе – материя. В материи содержится столько энергии, сколько нужно, чтобы вернуть ее в небытие» (С.161).

Чанышев А.Н. Трактат о небытии // Вопросы философии. 1990. № 10.

7. ФИЛОСОФИЯ НАУЧНЫХ ТРАДИЦИЙ И РЕВОЛЮЦИЙ. ТИПЫ НАУЧНОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ

Платон

«Глубокое проникновение в каждую из этих ступеней, подъем или спуск от одной из них к другой с трудом порождают совершенное знание - и то лишь у того, кто одарен по природе. Но если кто от природы туп, а таково состояние души большинства людей в отношении учения и так называемого воспитания нравов, или же способности его угасли, то сам

Линкей не мог бы сделать таких людей зрячими. Одним словом, человека, не сроднившегося с философией, ни хорошие способности, ни память с ней сроднить не смогут, ибо в чуждых для себя душах она не пускает корней. Так что те, кто по своей природе не сросся и не сроднился со всем справедливым и с тем, что именуют прекрасным, - пусть они даже то в одном, то в другом и проявляют способности или память, - как и те, кто сроднился с философией, но не обладает способностями и лишен памяти, никогда не научатся, насколько это вообще возможно, истинному пониманию того, что такое добродетель и что такое порок. Всему этому надо учиться сразу, а также тому, что есть ложь и что - истина всего бытия, причем учиться с большим напряжением и долгое время... Лишь с огромным трудом, путем взаимной проверки - имени определением, видимых образов - ощущениями, да к тому же, если это совершается в форме доброжелательного исследования, с помощью беззлых вопросов и ответов, может просиять разум и родиться понимание каждого предмета в той степени, в какой это доступно для человека. Поэтому ни один серьезный человек никогда не станет писать относительно серьезных вещей и не выпустит это в свет на зависть невеждам. Одним словом, из сказанного должно понять, что, когда кто-нибудь увидит что-то написанное - будь то законы законодателя или другие какие-то письма, - если он сам серьезный человек, он не сочтет все это чем-то столь уж для себя важным, но поймет, что самое для него важное лежит где-то в более прекрасной области, чем эта. Однако, если бы он письменно изложил то, что столь глубоко им было продумано, "тут у него", конечно, не боги, но сами люди "похитили бы разум"» (*Платон. Письмо VII, 343c-344d*).

Сенека Л.А.

«Я радуюсь и твоему упорству в занятиях и рвению, которое побуждает тебя, забросив все, только о том и стараться, чтобы с каждым днем становиться все лучше, и хвалю тебя за них... не поступай подобно тем, кто желает не усовершенствоваться, а только быть на виду, и не делай так, чтобы в одежде твоей или в образе жизни что-нибудь бросалось в глаза. (2) Избегай появляться неприбранным, с нестриженной головой и запущенной бородой, выставлять напоказ ненависть к серебру, стелить постель на голой земле - словом, всего, что делается ради извращенного удовлетворения собственного тщеславия. Ведь само имя философии вызывает достаточно ненависти, даже если приверженцы ее ведут себя скромно; что же будет, если мы начнем жить наперекор людским обычаям? Пусть изнутри мы будем иными во всем - снаружи мы не должны отличаться от людей... (3) Будем делать все, чтобы жить лучше, чем толпа, а не наперекор толпе, иначе мы отпугнем от себя и обратим в бегство тех, кого хотим исправить. Из страха, что придется подражать нам во всем, они пожелают подражать нам ни в чем - только этого мы и

добьемся... (4) Ведь у нас нет другой цели, как только жить в согласии с природой... (6) Пусть тот, кто приглядится к нам ближе, знает, насколько отличаемся мы от толпы. Пусть вошедший в наш дом дивится нам, а не нашей посуде. Велик тот человек, кто глиняной утварью пользуется как серебряной, но не менее велик и тот, кто серебряной пользуется как глиняной. Слаб духом тот, кому богатство не по силам» (*Сенека. Письма. 5, 1-6*).

Леонардо да Винчи (1452 – 1519)

«Истинная наука - та, которую опыт заставил пройти сквозь чувства и наложил молчание на языки спорщиков и которая не питает сновидениями своих исследователей, но всегда от первых истинных и ведомых начал продвигается постепенно и при помощи истинных заключений к цели, как явствует это из основных математических наук, т.е. числа и меры, называемых арифметикой и геометрией, которые с высшей достоверностью трактуют о величинах прерывных и непрерывных. Здесь не будут возражать, что дважды три больше или меньше двух прямых углов, но всякое возражение оказывается разрушенным, [приведенное] к вечному молчанию; и наслаждаются ими в мире почитатели их, чего не могут произвести обманчивые науки мысленные» (С. 30-31).

«Не доверяйте же, исследователи, тем авторам, которые одним воображением хотели посредствовать между природой и людьми; верьте тем лишь, кто не только указаниями природы, но и действиями своих опытов приучил ум свой понимать, как опыты обманывают тех, кто не постиг их природы, ибо опыты, казавшиеся часто тождественными, часто весьма оказывались различными, как здесь это и доказывается» (С. 31).

«Опыт не ошибается, ошибаются только суждения наши, которые ждут от него вещей, не находящихся в его власти. Несправедливо жалуются люди на опыт, с величайшими упреками вина в обманчивости. Оставьте опыт в покое и обратите жалобы свои на собственное невежество, которое заставляет вас быть поспешными и, ожидая от него в суетных и вздорных желаниях вещей, которые не в его власти, говорить, что он обманчив. Несправедливо жалуются люди на неповинный опыт, часто вина его в обманчивых и лживых показаниях» (С. 32).

«Наукой называется такое разумное рассуждение, которое берет исток у своих последних начал, помимо коих в природе не может найтись ничего другого, что [также] было бы частью этой науки» (С. 32).

«Увлекающиеся практикой без науки — словно кормчий, ступающий на корабль без руля или компаса; он никогда не уверен, куда плывет. Всегда практика должна быть воздвигнута на хорошей теории, коей вождь и врата — перспектива, и без нее ничего хорошего не делается ни в одном роде живописи. Наука — капитан, и практика — солдаты» (С. 32-33).

«Никакой достоверности нет в науках там, где нельзя приложить ни одной из математических наук, и в том, что не имеет связи с математикой» (С. 46).

«Наука инструментальная или механическая — благороднейшая и по сравнению с прочими всеми наиболее полезная, поскольку при ее посредстве все одушевленные тела, обладающие движением, совершают все свои действия, каковы движения рождаются из центра их тяжести, помещающегося, за исключением неоднородного веса, в середине; и оно имеет бедность и богатство мышц и также рычаг и противорычаг» (С. 49-50).

«Наука о тягестях вводится в заблуждение своею практикою, которая во многих частях не находится с этою наукою в согласии, причем и невозможно привести ее к согласию, и это происходит от полюсов весов, благодаря которым создается наука об этих тягестях, полюсов, которые по мнений древних философов, были полюсами, имеющими природу математической линии, и в некоторых местах математическими точками, — точками и линиями, которые бестелесны; практика же полагает их телесными, потому что так велит необходимость, раз они должны поддерживать груз этих весов вместе с взвешиваемыми на них грузами.

Я нашел, что древние эти ошибались в этом суждении о тягестях и что ошибка эта произошла оттого, что они в значительной части своей науки пользовались телесными полюсами, и в значительной — полюсами математическими, т.е. духовными, или, вернее, бестелесными» (С. 101).

«При занятиях природными наблюдениями свет наиболее радует созерцателей; из великих предметов математики достоверность доказательства возвышает наиболее блистательно дух изыскателей.

Оттого всем преданиям и учениям человеческим должна быть предпочитаема перспектива, где лучистая линия усложнена [разнообразными] видами доказательств, где — слава не только математики, но и физики, цветами той и другой украшенная.

Положения ее, раскинутые вширь, сожму я в краткость заключений, переплетая, сообразно характеру темы, доказательства натуральные и математические, иногда заключая к действиям от причин, иногда к причинам от действий, добавляя к заключениям своим еще некоторые, которых нет в них, но из коих, тем не менее они вытекают, если удостоит Господь, свет аи вещи просветит меня, трактующего о свете» (С. 145).

Хотя бы ум человеческий и делал различные изобретения, различными орудиями отвечая одной цели, никогда он не найдет изобретения более прекрасного, более легкого и более верного, чем [изобретения] природы, ибо в ее изобретениях нет ничего недостаточного и ничего лишнего. И не пользуется она противовесами, когда делает способные к движению члены в телах животных, а помещает туда душу, образующую это тело» (С.216).

Так как писатели не имели сведений о науке живописи, то они и не могли описать ни подразделений, ни частей ее; сама она не обнаруживает свою конечную цель в словах, и из-за невежества осталась позади названных выше наук, не теряя от этого в своей божественности. И поистине не без причины они не облагораживали ее, так как она сама себя облагораживает, без помощи иных языков, не иначе как это делают совершенные творения природы. И если живописцы не описали ее и не свели ее в науку, то это не вина живописи, и она не становится менее благородной от того, что лишь немногие живописцы становятся профессиональными литераторами, так как жизни их не хватает научиться этому. Можем ли мы сказать, что свойства трав, камней и деревьев не существуют потому, что люди о них не знают? Конечно, нет. Но мы скажем, что травы остаются сами по себе благородными, без помощи человеческих языков или письмен» (С. 242-243).

«Та наука полезнее, плод которой наиболее поддается сообщению, и также наоборот, менее полезна та, которая менее поддается сообщению...

Науки доступные подражанию, таковы, что посредством их ученик становится равным творцу и также производит свой плод. Они полезны для подражания, но не так превосходны, как те, которые не могут быть оставлены по наследству, подобно другим материальным благам. Среди них живопись является первой. Ей не научишь того, кому не позволяет природа, математических науках, из которых ученик усваивает столько, сколько учитель ему прочитывает. Ее нельзя копировать, как письмена, где копия столь же ценна, как и оригинал. С нее нельзя получить слепка как в скульптуре, где отпечаток таков же, как и оригинал, в отношении достоинства произведения; она не плодит бесконечного числа детей, как печатные книги. Она одна остается благородной, она одна дарует славу своему творцу и остается ценной и единственной и никогда не порождает детей равных себе. И эта особенность делает ее превосходнее тех наук, что повсюду оглашаются» (С. 243-244).

Леонардо да Винчи. Избранные произведения. Мн.; М., 2000.

Декарт Рене (1596-1650)

«...все то, что происходит в нас таким образом, что мы воспринимаем его непосредственно сами собою; и поэтому не только понимать, желать, воображать, но так же чувствовать означает здесь то же самое, что и мыслить» (С.307). «Я, есть, я существую - это достоверно. На сколько времени? На столько, сколько я мыслю. Ибо возможно и то, что я совсем перестал бы существовать, если бы окончательно перестал мыслить» (С.344). «Следовательно, я, строго, только мыслящая вещь, т.е. дух или душа, или разум или ум». Осмыслив все представляемое как ничто, я «нашел в себе твердое убеждение, что я - нечто» (С.345).

Декарт Р. *Метафизические размышления*. М., 1950.

Александр Александрович Богданов
(Малиновский) (1873 – 1928)

Организационная точка зрения. «Исходя из фактов и из идеи современной науки, мы неизбежно приходим к единственно целостному, единственно монистическому пониманию Веленной. Она выступает перед нами как беспредельно развертывающаяся ткань форм разных типов и ступеней организованности — от неизвестных нам элементов эфира до человеческих коллективов и звездных системах. Все эти формы — в их взаимных сплетениях и взаимной борьбе, в их постоянных изменениях — образуют мировой организационный процесс, неограниченно дробящийся в своих частях, непрерывный и неразрывный в своем целом. Итак, область организационного опыта совпадает с областью опыта вообще. Организационный опыт — это и есть *весь наш опыт, взятый с организационной точки зрения*, т.е. как мир процессов организующих и дезорганизующих». (Кн. 1, с. 73)

Организация опыта в обобщающих науках. «...Планомерная организация всякого практического дела достигается именно таким образом, что участники его прежде всего сталкиваются — относительно цели, средств, порядка исполнения и т.д.: *организационный* процесс, выполняемый посредством речи и мышления, в форме «обсуждения». Школа Сократа, боровшаяся против софистов, и выработала формальную логику, систематизированную Аристотелем, чтобы дать нормы и способы взаимного убеждения людей, обсуждения, ведущего к согласию, т.е. именно взаимного столкновения. Логика оформляет относящиеся сюда организационные методы, имеющие силу не для какой-нибудь одной, а для всех специальных отраслей жизни.

Итак, мы видим, что науки отвлеченные охватывают ту долю организационного опыта, которая не ограничена рамками отдельной технической специальности, — ряд общих методов, которые применимы во всех или по крайней мере во многих из них. Если это верно для таких крайних по абстрактности наук, как математика, астрономия, логика, то тем более оно несомненно для других наук — естественных и социальных.

Но господство принципа специализации не было поколеблено развитием этих наук: они сами подчинились ему и стали особыми специальностями, самостоятельными настолько же, как любая специализированная отрасль труда. Их прогресс был облегчен и ускорен этим, но их жизненный смысл был затемнен. (Кн. 1, с. 89-90)

Прообразы тектологии. Первая попытка *универсальной* методологии принадлежит Гегелю. В своей *диалектике* он думал найти всеобщий мировой метод, причем понимал его не как метод организации, а более неопределенно и абстрактно — как метод «развития». Уже этой

неясностью и отвлеченностью исключался объективный успех попытки; но помимо того, как метод, взятый из специальной, идеологической области, из сферы мышления, диалектика и по существу не была достаточно универсальна. Тем не менее систематизация опыта, выполненная Гегелем с помощью диалектики, превосходила своей грандиозностью все когда-либо сделанное философией и имела огромное влияние на дальнейший прогресс организующей мысли. Универсально-эволюционные схемы Г. Спенсера и особенно материалистическая диалектика были следующими приближениями к нынешней постановке вопроса.

Эта последняя постановка вопроса отличается, во-первых, тем, что основана на выяснении его *организационной* сущности, во-вторых, тем, что в полной мере *универсальна*, охватывая и практические, и теоретические методы, и сознательные человеческие, и стихийные методы природы. Одни другими освещаются и поясняются; вне же такой интегральной постановки вопроса его решение невозможно, ибо часть, вырванная из целого, не может быть сделана целым или быть понята помимо целого.

Всеобщую организационную науку мы будем называть *«тектологией»*. В буквальном переводе с греческого это означает «учение о строительстве». «Строительство» -наиболее широкий, наиболее подходящий синоним для современного понятия «организация». (Кн.1, с. 112).

Отношение тектологии к частным наукам и к философии. «Различие с другими науками в их современном виде выступает уже начиная с самой *постановки вопроса*.

Здесь следует установить два существенных момента.

Во-первых, *всякий* научный вопрос, возможно, ставить и решать с организационной точки зрения, чего специальные науки либо не делают, либо делают несистематически, полусознательно и лишь в виде исключения.

Во-вторых, организационная точка зрения вынуждает ставить и *новые* научные вопросы, каких не способны наметить и определить, а тем более решить нынешние специальные науки. (Кн. 1, с. 134)

Опыт всех наук показывает, что решение частных вопросов обычно достигается лишь тогда, когда их предварительно преобразуют в обобщенные формы; и при этом вместе с первоначально поставленным решается масса других, однородных вопросов. Основное значение тектологии — в самой общей постановке вопросов.

Отсюда легко устанавливается отношение тектологии к специальным наукам: *объединяющее и контролирующее...*

Методы всех наук для тектологии — только Способы организации материала, доставляемого опытом; и она исследует их в этом смысле, как и всевозможные методы практики. Ее собственные методы не составляют исключения: они для нее такой же точно предмет исследования, тоже

организационные приемы, не более. Так называемую «гносеологию», или философскую теорию познания, которая стремится исследовать условия и способы незнания не как жизненного и организационного процесса в ряду других, а отвлеченно, как процесса, по существу отличающегося от практики, тектология, конечно, отбрасывает, признавая это бесплодной схоластикой». (Кн.1, С. 140)

Математика и тектология. «...Между математикой и тектологией имеется какое-то особенное соотношение, какое то глубокое родство. Законы математики не относятся к той или иной области явлений природы, как законы других специальных наук, а ко всем и всяким явлениям, лишь взятым со стороны их величины; она по-своему универсальна, как тектология.

Для сознания, воспитанного на специализации, самое сильное возражение против возможности всеобщей организационной науки есть именно эта ее универсальность: разве допустимо, чтобы одни и те же законы были применимы к сочетаниям астрономических миров и биологических клеток, живых людей и эфирных волн, научных идей и атомов энергии?.. Математика дает решительный и неопровержимый ответ: да, это вполне допустимо, потому что это уже есть на деле, — два и два однородных отдельных элемента составляют четыре таких элемента, будут ли это астрономические системы или образы сознания, электроны или работники; для численных схем все элементы безразличны, никакой специфичности здесь нет места» (Кн. 2, С. 310).

Богданов А.А. Тектология. Всеобщая организационная наука. Кн.1. М., 1989.

Бердяев Н.А.

«В основе самосознания человека всегда лежало два противоположных чувства - чувство подавленности и угнетенности человека и восстание человека против этой подавленности, чувство возвышения и силы, способности творить. И нужно сказать, что христианство дает оправдание и для того, и для другого самочувствия человека. С одной стороны, человек есть существо греховное и нуждающееся в искуплении своего греха, существо низко павшее, от которого требуют смирения, с другой стороны, человек есть существо, сотворенное Богом по Его образу и подобию, Бог стал человеком и этим высоко поднял человеческую природу, человек призван к сотрудничеству с Богом и вечной жизни в Боге. Этому соответствуют двойственность человеческого самосознания и возможность говорить о человеке в терминах полярно противоположных. Бесспорно, христианство освободило человека от власти космических сил, от духов и демонов природы, подчинило его непосредственно Богу. Даже противники христианства должны признать, что оно было духовной силой,

утвердившей достоинство и независимость человека, как бы ни были велики грехи христиан в истории» (1, С.4-5).

«Было много революций в истории, которые были судом над прошлым, но все революции заражались злом прошлого. Никогда не было революции персоналистической, революции во имя человеческой личности, всякой человеческой личности, во имя реализации для нее полноты жизни. И потому неизбежен конец истории, последняя революция» (1, С. 22-23).

«Мы вступаем в эпоху, когда изверились уже во все политики и когда политическая сторона жизни не будет уже играть той роли, какую играла в новой истории, когда ей придется уступить место более реальным духовным и хозяйственным процессам. Естественный иерархизм жизни должен вступить в свои права, и личности с большим онтологическим весом, с большей одаренностью и годностью должны занять подобающее место в жизни. Без духовной аристократии жизнь не может процветать. И должно быть движение, противодействующее той социальной энтропии, которая охватила современные демократические общества» (2, С.431-432).

1. Бердяев Н.А. *Проблема человека (К построению христианской антропологии)* // *Путь*, 1936, № 50.

2. Бердяев Н.А. *Новое средневековье* // Бердяев Н.А.

Поль Бурдьё (1910 – 2002)

«...с тех пор, как существуют социальные науки, они уже не раз становились предметом методологического сомнения, а некоторые философы даже сделали глашатаями их априорной ненаучности в силу аргумента. <...> согласно которому ученый, погруженный в изучаемую им реальность принципиально не может иметь «объективного» воззрения на свой предмет... Действительно, социолог находится в обществе, а историк — в истории. И что же, социология и история обречены тем самым навечно оставаться у порога науки?» (С. 9).

«Существует некое предрасположение подвергать сомнению абсолютизм разума (мужского, белого, цивилизованного, буржуазного и т.п.), т.е. культивировать здоровый релятивизм; однако если такая установка поверхностна, она может легко распространиться и упрочиться в определенных социальных кругах <...> и привести к бесполезному, символическому ниспровержению, слегка фальшивому, а иногда и опасному, нигилистическому. Отсюда — соблазн подвергать радикальному сомнению научность вообще и, в особенности, научность социальных наук...

По сути дела, мы создали искусственную несовместимость историзма и рационализма. Ведь существует историцистская критика, являющаяся составной частью социальных наук, и ее нужно доводить до конца: она лежит в основании социальных наук, что можно видеть у Ф. де Соссюра,

когда он *произвольно* выбирает [в качестве основания] лингвистический «знак», или у М. Мосса, *произвольно* берущего в этом же качестве «социальный факт». Они отбрасывают любую идею об онтологическом обосновании и не призывают неких философов, чтобы подвергнуть пересмотру этот вопрос. Можно сказать, что пересмотр вопроса об основаниях и есть само основание исторических наук» (С. 12).

Важно, я считаю, сделать эксплицитными методологические основания социальных наук. Великие основоположники - К. Маркс и М. Вебер, или Э. Дюркгейм, или М. Мосс и пр., - не ждали философов, чтобы узнать, что они подразумевали, когда говорили о *произвольности* социального факта или лингвистического знака. Таков «Курс общей лингвистики» - одна из важных философских книг, которые одно время философы ввели в свою программу, когда несколько лет назад находились под влиянием структурализма, но тут же поспешили забыть об этом» (С.13).

«Историческая критика мыслей исторического происхождения не обязательно приводит к нигилизму, отождествляемому с историзмом. Закон историчен. Наиболее чистые формы мышления укоренены в полях производства, имеющих свою историю, несомненно автономную по отношению к великой Истории. Как говорил Б. Паскаль, если поискать истоки самых чистых построений самой универсальной мысли, то всегда можно найти источник исторического произвола. Точно так же, если поискать на задворках самых чистых мыслей самых чистых мыслителей, если описать их онтогенез, то найдем все тот же исторический произвол.

Иначе говоря, нам нечего возразить против историзации. Не существует ничего, что могло бы ускользнуть от такого рода радикального сомнения, которому историзм подвергает любые человеческие творения, включая и так называемые универсальные. *Но разве мы обречены тем самым на нигилизм?* Разве это обязывает нас говорить: «Все относится либо к обществам, обычаям, привычке, как говорил Б. Паскаль, либо к специфической истории исторического, научного или эстетического разума»? Такая историзация второго типа, касающаяся автономных порядков, еще более радикальна. Теория полей — вот почему она так нервует некоторых, в особенности когда ее применяют к полю литературы или искусства, тем мирам, которые претендуют на чистоту, автономию и т.п., — идет еще дальше в историцистском искоренении, поскольку она отнимает у самой чистой мысли ее последний гарант. Но принуждает ли это нас к мысли, что претензии теоретиков всеобщего (теоретиков естественного права, математики и пр.) иллюзорны и что, как следствие, не существует ни права, ни разума, ни истории, которые не подлежали бы такой релятивизации?

Абсолютной точки зрения, некоего ученого, ...не имеющего места в социальном мире, атонического социолога, не существует; мы всегда можем

определить для определенного социологического высказывания место, где и когда автор впервые произнес его. *Обрекает ли нас это на релятивизм?* Будут ли и впредь существовать мужская и женская социология, правая и левая социология, социология бедных или богатых, американская и французская социология? Возможна ли и при каких условиях социология, притязающая на всеобщность? Очевидно, социология более, чем что-либо, подвержена релятивизации, поскольку, стремясь релятивизировать всякое познание и все сведения, она не может уклониться от нее.

При том радикальном пересмотре оснований рационального мышления, который совершает историзм, может показаться, что разваливается сама база социальных наук. Мой тезис, отстаивать который я теперь собираюсь, заключается в том, что **социальные науки могут** попробовать избежать исторического релятивизма, связанного с тем, что они суть продукт исторических существ, но при условии, что смогут подвергнуть историзации самих себя. В качестве мнемотехнического определения, я предлагаю назвать это принципом «ДВОЙНОЙ ИСТОРИЗАЦИИ» (С.20-21).

Бурдые П. За рационалистический историзм // СоциоЛогос. 1997.

Поль Рикёр (род. 1913)

«На уровне *процедур* историография рождается как исследование - *historia*, *Forschung*, *enquiry* - из осуществляемого ею специфического применения объяснения. Даже если допустить вместе с Гэлли, что рассказ «самообъяснителен», история-наука выделяет из ткани рассказа процесс объяснения и возводит его в ранг отдельной проблематики. Это не значит, что рассказ совершенно не знает формы «почему» и «потому что»; но его связи остаются имманентными построению интриги. Благодаря историку форма объяснения приобретает автономность; она становится отчетливо выраженной целью процесса установления достоверности и обоснования. В этом плане историк находится в положении судьи: он попадает в реальную или потенциальную ситуацию оспаривания и пытается доказать, что определенное объяснение лучше какого-либо другого. То есть он ищет «гарантов», от которых в первую очередь исходит документальное подтверждение. Одно дело - объяснять, рассказывая. Другое дело - проблематизировать само объяснение, чтобы подвергнуть его обсуждению и суждению аудитории, если не универсальной, то по крайней мере имеющей репутацию компетентной, состоящей из людей, равных историку.

Эта автономизация исторического объяснения по отношению к наброскам объяснения, характерным для рассказа, имеет множество следствий, которые подчеркивают разрыв между историей и рассказом.

Первое следствие: с работой объяснения связана работа *концептуализации*, которую порой даже считают основным критерием

историографии. Эта ключевая проблема может относиться только к дисциплине, у которой, согласно Полю Вейну, хотя и нет метода, но есть критика и топика. Не существует эпистемологии истории, которой не приходилось бы в тот или иной момент принимать участие в великом споре об (исторических) универсалиях и с трудом проделывать, как в средневековье, челночные операции между реализмом и номинализмом (Гэлли). До этого нарратору нет дела: он использует некоторые универсалии, но не подвергает их критике; ему совершенно неведома проблема, поставленная «удлинением вопросника» (П. Вейн).

Второе следствие важнейшего статуса истории как исследования: каковы бы ни были *границы* исторической объективности, остается *проблема объективности* в истории. Согласно Морису Мандельбауму, суждение называется «объективным», «потому что мы рассматриваем его истинность как исключаящую возможность того, что его отрицание является равно истинным». Эта претензия неосуществима, но она включена в сам проект исторического исследования» (С.203-204).

«Между посредником в форме единичного причиновменения и посредником в форме сущностей первого порядка - между звеном объяснения и переходным объектом описания - существует тесное взаимодействие. Различение между обеими линиями деривации - выведением процедур и выведением сущностей - имеет поэтому чисто дидактическое значение, настолько переплетены эти линии. Однако важно считать их различными, чтобы лучше понять их взаимодополняемость и, если можно так сказать, взаимопорождение. Отсылка к первичным сущностям, которые я называю сущностями соучаствующей принадлежности, осуществляется в основном по каналу единичного причиновменения, В свою очередь, направленность, пронизывающая причиновменение, ориентирована интересом историка к участию исторических агентов в их собственной судьбе, даже если эта судьба ускользает от них вследствие аномальных эффектов, которые как раз и обуславливают отличие исторического познания от простого понимания внутреннего смысла, присущего действию. В силу этого квази-интрига и квази-персонаж относятся к одному и тому же промежуточному уровню и выполняют аналогичные функции посредника в возвратном движении вопроса от историографии к рассказу и за пределы рассказа, к реальной практике» (С.210-211).

Рикёр П. Время и рассказ. М.; СПб., 2000. Т.1.

Мишель Поль Фуко (1926 – 1984)

Слова и вещи

«В каждой культуре между использованием того, что можно было бы назвать упорядочивающими кодами и размышлениями о порядке, рас-

полагается чистая практика порядка и его способов бытия. В предлагаемом исследовании мы бы хотели проанализировать именно эту практику. Речь идет о том, чтобы показать, как она смогла сложиться начиная с XVI столетия в недрах такой культуры, как наша... Ясно, что такой анализ не есть история идей или наук; это, скорее, исследование, цель которого — выяснить, исходя из чего стали возможными познания и теории, в соответствии с каким пространством порядка конструировалось знание; на основе какого исторического *a priori* и в стихии какой позитивности идеи могли появиться, науки — сложиться, опыт — получить отражение в философских системах, рациональности — сформироваться, а затем, возможно, вскоре распастись и исчезнуть. Следовательно, здесь знания не будут рассматриваться в их развитии к объективности, которую наша современная наука может наконец признать за собой; нам бы хотелось выявить эпистемологическое поле, *эпистему*, в которой познания, рассматриваемые вне всякого критерия их рациональной ценности или объективности их форм, утверждают свою позитивность и обнаруживают, таким образом, историю, являющуюся не историей их нарастающего совершенствования, а, скорее, историей условий их возможности; то, что должно выявиться в ходе изложения, это появляющиеся в пространстве знания конфигурации, обусловившие всевозможные формы эмпирического познания. Речь идет не столько об истории в традиционном смысле слова, сколько о какой-то разновидности «археологии».

Но это археологическое исследование обнаруживает два крупных разрыва в *эпистеме* западной культуры: во-первых, разрыв, знаменующий начало классической эпохи (около середины XVII века), а во-вторых, тот, которым в начале XIX века обозначается порог нашей современности. Порядок, на основе которого мы мыслим, имеет иной способ бытия, чем порядок, присущий классической эпохе. Если нам и может казаться, что происходит почти непрерывное движение европейского *ratio*, начиная с Возрождения и вплоть до наших дней ...то, так или иначе, вся эта квазинепрерывность на уровне идей и тем, несомненно, оказывается исключительно поверхностным явлением; на археологическом же уровне выясняется, что система позитивностей изменилась во всем своем объеме на стыке XVIII и XIX веков» (1, С.34-35).

«Язык не противостоит мышлению как внешнее — внутреннему или как экспрессия — рефлексии. Он не противостоит другим знакам — жестам, пантомимам, переводам, изображениям, эмблемам, как произвольное или коллективное — естественному или единичному. Но он противостоит им всем как последовательное — одновременному. По отношению к мышлению и знакам он то же самое, что и алгебра по отношению к геометрии: одновременное сравнение частей (или величин) он заменяет таким порядком, степени которого должны быть пройдены последовательно,

одна за другой. Именно в этом строгом смысле язык оказывается *анализом* мысли: не простым расчленением, но основополагающим утверждением порядка в пространстве.

Именно здесь размещается та новая эпистемологическая область, которую классический век назвал «всеобщей грамматикой». Было бы ошибкой видеть в ней всего лишь чистое и простое приложение логики к теории языка. Но столь же ошибочно стремиться истолковать ее как предвосхищение лингвистики. *Всеобщая грамматика — это изучение словесного порядка в его отношении к одновременности, которую она должна представлять.* Таким образом, ее собственным объектом оказывается не мышление, не язык, а *дискурсия*, понимаемая как последовательность словесных знаков. Эта последовательность по отношению к одновременности представлений является искусственной, и в этой самой мере язык противостоит мышлению как обдуманное — непосредственному. Но тем не менее эта последовательность не является одной и той же во всех языках ...иностраные языки становятся непрозрачными друг для друга и столь трудными для перевода именно из-за несовместимости их последовательности, а не только из-за различия слов. По отношению к очевидному, необходимому и универсальному порядку, вводимому наукой, и в особенности алгеброй, в представление, язык является спонтанным, необдуманным; он является как бы естественным. Согласно точке зрения, с которой его рассматривают, язык столь же является уже проанализированным представлением, сколь и рефлексией в ее первоначальном состоянии» (1, С. 116-117).

Самой изначальной сущностью науки является ее вхождение в систему словесных связей, а сущностью языка — с его первого слова — быть познанием. В строгом смысле слова, говорить, освещать и знать - *однопорядковые* вещи. Интерес классической эпохи к науке, гласность ее споров, ее исключительно эзотерический характер, ее доступность для непосвященных, астрономия Фонтенеля, Ньютон, прочитанный Вольтером, — все это, несомненно, всего лишь социологическое явление, не вызвавшее никаких изменений в истории мысли, никак не повлиявшее на процесс становления знания. Это явление объясняет кое-что лишь на доксграфическом уровне, на котором его и надлежит рассматривать. Однако условие его возможности находится здесь, то есть во взаимной принадлежности друг к другу знания и языка. Позднее, в XIX веке, эта связь исчезнет, а перед лицом замкнутого на себе самом знания останется чистый язык, ставший в своем бытии и в своей функции загадочным, — нечто такое, что начиная с этого времени называется *Литературой*. Между ними до бесконечности будут разворачиваться промежуточные языки, производные или, если угодно, павшие, - столь же языки знания, сколь и литературных произведений. (1, с. 122)

Археология знания

Почти одновременно во всех тех дисциплинах, которые мы привыкли объединять под именем «истории» — истории идей, науки, философии, мысли и литературы (особенностями в данном случае можно пренебречь), смещается фокус внимания, и исследователи переходят от описания широких общностей («эпохи» или «века») к изучению феноменов разрыва. В великих непрерывностях мысли, в целостных или однозначных проявлениях духа и ментальности, в упорном сопротивлении науки, заявляющей права на существование и пытающейся завершиться с момента зарождения, в явлениях жанра, формы, дисциплины, теории, мы пытаемся раскрыть феномены прерывания. Природа и статус этого явления понимаются весьма различно. Эпистемологические акты и пороги описаны Г. Башляром: прерывая бесконечное накопление знаний, они препятствуют медленному их созреванию, отрывают их от эмпирического истока, от первоначальных мотиваций, очищают от всех воображаемых связей и, таким образом, подвигая исторический анализ к поискам скрытого начала, отвлекают его от бесконечного поиска своих оснований и направляют к установлению нового типа рациональности» (2, С. 8).

Первостепенная задача, которую мы ставим перед такого рода историческим анализом, заключается вовсе не в том, чтобы узнать, какими путями может быть установлена непрерывность, как одна и та же модель может состояться в едином горизонте для столь различных, разделенных во времени умов, и не в том, чтобы выяснить, какой способ действия и какое основание содержит в себе взаимодействие передач, возобновлений, забвений и повторений, власть какого источника может простираться за его пределы вплоть до недостижимого завершения; проблема состоит вовсе не в традиции и ее следах, а в разделении и ограничении, не в незыблемости разверзающегося основания, а в той трансформации, которая принимается в качестве основы обновления основ. Так обнаруживается все поле вопросов, частью уже вполне обыденных, с помощью которых новая история вырабатывает собственную теорию, дабы прояснить, каким образом специфицируются различные концепты прерывности (пороги, разрывы, изъятия, изменения, трансформации): исходя из каких критериев можно выделить единицы описания (*наука, произведение, теория, понятие, текст*)? Как различить уровни, каждому из которых соответствовал бы собственный тип анализа? Как определить легитимный уровень формализации, интерпретации, структурирования, установления причинности? Короче говоря, если история мысли, познания, философии и литературы множит разрывы и взыскует прерывности, то история как таковая, история движущаяся и развертывающаяся, обладающая

устойчивыми событийными структурами, кажется, разрывов избегает» (2, С. 9).

«Теперь история пытается обнаружить в самой ткани документа указания на общности, совокупности, последовательности и связи. Необходимо было лишить историю образа, который долгое время ее удовлетворял и обеспечивал ей антропологическое оправдание (дескать, тысячелетиями коллективное сознание с помощью материальных свидетельств сохраняло память о прошлом), чтобы история стала строгой наукой и занялась введением в обиход документальных материалов (книг, текстов, рассказов, реестров, актов, уложений, статутов, постановлений, технологий, объектов и обычаев и т.д.), которые всегда и повсюду суть либо спонтанные, либо организованные формы представления любого общества. Документ более не довлеет истории, которая с полным правом в самом своем существе понимается как *память*. История — это только инструмент, с помощью которого обретает надлежащий статус весь корпус документов, описывающих то или иное общество.

Чтобы не тратить много слов, скажем, что в своей традиционной форме история есть превращение *памятника в документ*, «обращение в память» памятков прошлого, «оглашение» этих следов, которые сами по себе часто бывают немые или же говорят вовсе не то, что мы привыкли от них слышать. Современная же история — это механизм, преобразующий *документ в памятник*. Там, где мы пытались расшифровать следы, оставленные людьми, теперь преобладает масса элементов, которые необходимо различить и вычленивать, означить и обозначить, соотнести и сгруппировать. Некогда археология, — дисциплина, изучавшая немые памятники, смутные следы, объекты вне ряда и вещи, затерянные в прошлом, — тяготела к истории, обретая свой смысл в обосновании исторического дискурса; ныне же, напротив, история все более склоняется к археологии, к своего рода, интроспективному описанию памятника» (2, С.10-11).

«Все эти проблемы лежат в области методологии истории — области знания, которая заслуживает внимания по двум причинам. Во-первых, мы воочию можем убедиться, насколько она освободилась от тех вопросов, которые еще недавно составляли предмет философии истории: рациональность или телеология становления, относительность исторического знания, возможность постижения и утверждения смысла инерции прошлого и тотальной незавершенности настоящего. Во-вторых, методология истории часто соприкасается с проблемами, лежащими вне ее пределов - в области лингвистики, этнологии, экономики, литературного анализа или же теории мифа. Весь этот проблемный круг при желании можно обозначить ярлыком структурализма. Правда, с некоторыми оговорками: все перечисленные проблемы сами по себе не способны охватить методологическое поле истории и составляют лишь

незначительную его часть, значение которой изменяется в зависимости от областей и уровня анализа, — за исключением разве что тех относительно редких случаев, когда они не представляют интереса для лингвистики или этнологии (что частично соответствует нынешнему положению вещей), но обязаны своим рождением полю самой истории (и, уже, полю истории экономической); наконец, эти проблемы не дают нам основания говорить о «структурализации» истории, по крайней мере, о попытках вынести этот «конфликт» или «оппозицию» на уровень противостояния «структуры и становления». Уже наступили те времена, когда историки могут позволить себе раскрывать, описывать, анализировать структуры, не заботясь о том, не упускают ли они при этом живую, нежную и трепетную историю. Противопоставление структуры и становления не относится, безусловно, ни к определению поля истории, ни к определению структурного метода» (2, С. 14-15).

«Но, конечно же, недостаточно просто повторять, что автор исчез. Точно так же, как недостаточно без конца повторять, что Бог и человек умерли одной смертью. То, что действительно следовало бы сделать, так это определить пространство, которое вследствие исчезновения автора оказывается пустым, окинуть взглядом распределение лакун и разломов и выследить те свободные места и функции, которые эти исчезновением обнаруживаются» (3, С. 18).

«Было бы равным образом неверно искать автора как в направлении реального писателя, так и в направлении этого фиктивного говорящего; функция-автор осуществляется в самом расщеплении, — в этом разделении и в этой дистанции.

Скажут, быть может, что это — особенность исключительно художественного, прозаического или поэтического, дискурса: игра, в которую вовлечены лишь эти «квази-дискурсы». На самом деле все дискурсы, наделенные функцией-автор, содержат эту множественность Эго. Эго, которое говорит в предисловии математического трактата и которое указывает на обстоятельства его написания, не тождественно — ни по своей позиции, ни по своему функционированию — тому Эго, которое говорит в ходе доказательства и которое проявляется в форме некоего «язакляю» или «я предполагаю»; в одном случае «я» отсылает к некоторому незаместимому индивиду — такому, который в определенном месте и в определенное время выполнил некоторую работу; во втором — «я» обозначает план и момент доказательства, занять которые может любой индивид, лишь бы только он принял ту же систему символов, ту же игру аксиом, ту же совокупность предварительных доказательств. Но в том же самом трактате можно было бы также засечь и третье Эго — то, которое говорит, чтобы сказать о смысле работы, о встречаемых препятствиях, о полученных результатах и о стоящих еще проблемах; это Эго располагается в поле математических дискурсов — уже существующих

или тех, что только должны еще появиться. Функция-автор обеспечивается не одним Эго (первым) в ущерб двум другим, которые при этом выступали бы лишь в качестве его фиктивных удвоений. Напротив, следует *исказать*, что в подобных дискурсах функция-автор действует таким образом, что она дает место распределению всех этих трех симультанных Эго» (3, С. 29).

«Я хорошо знаю, что, предпринимая внутренний и архитектурный анализ произведения (безразлично, идет ли речь о литературном тексте, о философской системе или о научном труде), вынося за скобки биографические или психологические отнесения, уже поставили под вопрос абсолютный характер и основополагающую роль субъекта. Но, быть может, следовало бы вернуться к этому подвешиванию, - вовсе не для того, чтобы восстановить тему изначального субъекта, но для того, чтобы ухватить точки прикрепления, способы функционирования и всевозможные зависимости субъекта. Речь идет о том, чтобы обернуть традиционную проблему. Не задавать больше вопроса о том, как свобода субъекта может внедряться в толщу вещей и придавать ей смысл, как она, эта свобода, может одушевлять изнутри правила языка и проявлять, таким образом, те намерения, которые ей присущи. Но, скорее, спрашивать: как, в соответствии с какими условиями и в каких формах нечто такое, как субъект, может появляться в порядке дискурсов? Какое место он, этот субъект, может занимать в каждом типе дискурса, какие функции, и подчиняясь каким правилам, может он отправлять? Короче говоря, речь идет о том, чтобы отнять у субъекта (или у его заместителя) роль некоего изначального основания и проанализировать его как переменную и сложную функцию дискурса. Автор, или то, что я попытался описать как функцию-автор, является, конечно, только одной из возможных спецификаций функции-субъект» (3, С. 39-40).

« Я не сказал, что автора не существует; я не говорил этого, и я очень удивлён, что сказанное мной могло дать повод для подобного недоразумения. Давайте еще раз вернемся ко всему этому. Я говорил об определенной тематике, которую можно выявить как в произведениях, так и в критике, и которая состоит, если хотите, в том, что автор должен стереться или быть стерт в пользу форм, свойственных дискурсам. Коль скоро с этим решено, то вопрос, который я себе задал, был следующий: что это утверждение об исчезновении писателя или автора позволяет обнаружить? Оно позволяет обнаружить действие функции-автор. И то, что я попытался проанализировать, - это именно тот способ, которым отправлялась функция-автор в том, что можно назвать европейской культурой, начиная с XVII века. ...То же самое касается отрицания человека ...смерть человека - это тема, которая позволяет прояснить тот способ, которым понятие человека функционировало в знании. ...Речь идет не о том, чтобы утверждать, что человек умер, но о том, чтобы, отправляясь от темы - которая вовсе не мне принадлежит и которая с конца XIX века беспрестанно

воспроизводится, - что человек умер (или что он скоро исчезнет, или что ему на смену придет сверхчеловек), - чтобы, отправляясь от этого» понять, каким образом, согласно каким правилам сформировалось и функционировало понятие человека. И то же самое я сделал по отношению к понятию автора» (3, С. 42-43).

Я не говорил, что свожу к функции, - я анализировал функцию, внутри которой нечто такое, как автор, может существовать Я здесь не делал анализа субъекта - то, что я тут проделал, это анализ автора. Если бы я делал доклад о субъекте, то, возможно, я точно таким же образом проанализировал бы функцию-субъект, то есть проанализировал бы условия, при которых возможно выполнение неким индивидом функции субъекта. И следовало бы еще уточнить, в каком поле субъект является субъектом, и субъектом - чего: дискурса, желания, экономического процесса и так далее. Абсолютного субъекта не существует» (3, С. 45).

1. Фуко М. *Слова и вещи. Археология гуманитарных наук.* СПб., 1994.

2. Фуко М. *Археология знания.* Киев. 1996.

3. Фуко М. *Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности.* М., 1996.

8. СОВРЕМЕННАЯ НАУКА: ПЕРСПЕКТИВЫ И ПРОБЛЕМЫ

Сергей Иосифович Гессен (1870 – 1950)

«Личность человека дело рук самого человека, продукт его самовоспитания. Она непрерывно растет или вырождается в своих действиях, усложняется или беднеет качеством тех ценностей, которые он своей деятельностью разрешает. Поскольку личность никогда не дана готовой, но всегда создается, она есть не пассивная вещь, но творческий процесс: чтобы познать личность, надо подсмотреть ее в напряжении ее волевого устремления, в том, как она притаилась перед совершением свободного акта, перед самым тем моментом, когда этот акт готов от нее отделиться. Один и тот же темперамент, отданный волею судьбы и самого человека на служение разным целям и жизненным задачам, чеканится в различные по своему качеству и степени личности» (С.73).

«...личность обретается только через работу над сверхличными задачами. Она создается лишь творчеством, направленным на осуществление сверхличных целей науки, искусства, права, религии, хозяйства, и измеряется совокупностью сотворенного человеком в направлении этих заданий культуры. Без пронизанности наших действий сверхличными целями они не продолжились бы в одно в другом, но чисто

механически примыкали бы друг к другу, не образуя целостного и непрерывного единства» (С.73-74).

«Укорененность личности в сверхличном объяснит нам также еще одну замечательную черту личности, именно ее индивидуальный характер. Только не думая о своей индивидуальности, а, работая над сверхиндивидуальными заданиями, становимся мы индивидуальностями. Индивидуальность не может быть предметом заботы, она есть естественный плод устремления к сверхиндивидуальному. Человек, который поставил бы единственной целью своего существования быть индивидуальностью и ради этого отверг бы все превышающие его личность задачи, неизбежно оказался бы тем же банальным человеком навыворот: заботясь единственно о том, чтобы не быть похожим на других, он естественно будет следовать поступкам этих других, с тем только отличием, что, если банальный человек поступает так, как поступают другие, оригинальничавший человек поступает прямо противоположно поступкам других, т.е. в сущности, тоже повторяет их с обратным знаком. Это личина индивидуальности. Подлинно индивидуальное есть, прежде всего, незаменимое, т.е. единственное в своем роде, не могущее стать меновой ценностью... Я тем индивидуальнее, чем больше приблизил я своим действием совокупность действующих к разрешению общей им всем задачи и тем самым сделал себя незаменимее... Отдельные действия личности тем более индивидуально, чем менее заменимо оно в ряду всего созданного личностью, т.е. чем более выражает оно личность, или, что то же самое, чем более оно свободно» (С.75).

Именно нравственное образование сводится к развитию в человеке свободы. Нравственное образование завершается сформирование личности в человеке, или, что то же, развитием его индивидуальности. Но так как свобода и личность представляют собою не готовые данности, а сполна никогда не реализуемые задания, то и нравственное образование не может кончиться в определенный период жизни человека, но, длясь всю жизнь, может только насильственно оборваться с его смертью» (С.85).

«Образование по существу своему не может быть никогда завершено. Мы образовываемся всю жизнь, и нет такого определенного момента в нашей жизни, когда мы могли бы сказать, что нами разрешена проблема нашего личного образования. Только необразованный человек может утверждать, что он сполна разрешил для себя проблему образования» (С.35). «Задача всякого образования - приобщение человека к культурным ценностям науки, искусства, нравственности, права, хозяйства, превращение природного человека в культурного» (С.36).

Гессен С.И. Основы педагогики. Введение в прикладную философию. М., 1995.

Владимир Иванович Вернадский (1863 - 1945)

«Ноосфера есть новое геологическое явление на нашей планете. В ней впервые человек становится крупнейшей геологической силой. Он может и должен перестраивать своим трудом и мыслью область своей жизни, перестраивать коренным образом по сравнению с тем, что было раньше. Перед ним открываются все более и более широкие творческие возможности» (1, С.509).

«Ноосфера – последнее из многих состояний эволюции биосферы в геологической истории – состояние наших дней... Сейчас мы переживаем новое геологическое эволюционное изменение биосферы. Мы входим в ноосферу» (2, С.551).

1. *Вернадский В.И. Философские мысли натуралиста. М., 1988.*

2. *Вернадский В.И. Живое вещество и биосфера. М., 1994.*

Альберт Эйнштейн

«Храм науки — строение многосложное. Различны пребывающие в нем люди и приведшие их туда духовные силы. Некоторые занимаются наукой с гордым чувством своего интеллектуального превосходства; для них наука является тем подходящим спортом, который должен им дать полноту жизни и удовлетворение честолюбия. Можно найти в храме и других: плоды своих мыслей они приносят здесь в жертву только в утилитарных целях. Если бы посланный Богом ангел пришел в храм и изгнал из него тех, кто принадлежит к этим двум категориям, то храм катастрофически опустел бы. Все-таки кое-кто из людей как прошлого, так и нашего времени в нем бы остался. К числу этих людей принадлежит и наш Планк, и поэтому мы его любим» (С.39).

«... Человек стремится каким-то адекватным способом создать в себе простую и ясную картину мира для того, чтобы оторваться от мира ощущений, чтобы в известной степени попытаться заменить этот мир созданной таким образом кап тиной. Этим занимаются художник, поэт, теоретизирующий философ и естествоиспытатель, каждый по-своему. На эту картину и ее оформление человек переносит центр тяжести своей духовной жизни, чтобы в ней обрести покой и уверенность, которые он не может найти в слишком тесном головокружительном круговороте собственной жизни.

Какое место занимает картина мира физиков-теоретиков среди всех возможных таких картин? Благодаря использованию языка математики эта картина удовлетворяет наиболее высоким требованиям в отношении строгости и точности выражения взаимозависимостей. Но зато физик вынужден сильнее ограничивать свой предмет, довольствуясь изображением наиболее простых, доступных нашему опыту явлений, тогда как все сложные явления не могут быть воссозданы человеческим умом с той точностью и последовательностью, которые необходимы физику-

теоретику. Высшая аккуратность, ясность и уверенность — за счет полноты. Но какую прелесть может иметь охват такого небольшого среза природы, если наиболее тонкое и сложное малодушно и боязливо оставляется в стороне? Заслуживает ли результат столь скромного занятия гордого названия «картины мира»? Я думаю — да, ибо общие положения, лежащие в основе мысленных построений теоретической физики, претендуют быть действительными для всех происходящих в природе событий. Путем чисто логической дедукции из них можно было бы вывести картину, т.е. теорию всех явлений природы, включая жизнь, если этот процесс дедукции не выходил бы далеко за пределы творческой возможности человеческого мышления. Следовательно, отказ от полноты физической картины мира не является принципиальным. Отсюда вытекает, что высшим долгом физиков является поиск тех общих элементарных законов, из которых путем чистой дедукции можно получить картину мира. К этим законам ведет не логический путь, а только основанная на проникновении в суть опыта интуиция. При такой неопределенности методики можно думать, что существует произвольное число равноценных систем теоретической физики; в принципе это мнение безусловно верно. Но история показала, что из всех мыслимых построений в данный момент только одно оказывается преобладающим. Никто из тех, кто действительно углублялся в предмет, не станет отрицать, что теоретическая система практически однозначно определяется миром наблюдений, хотя никакой логический путь не ведет от наблюдений к основным принципам теории. В этом суть того, что Лейбниц удачно назвал «предустановленной гармонией». Именно в недостаточном учете этого обстоятельства серьезно упрекают физики некоторых из тех, кто занимается теорией познания. Мне кажется, что в этом корень и прошедшей несколько лет назад полемики между Махом и Планком.

Горячее желание увидеть эту предустановленную гармонию является источником настойчивости и неистощимого терпения, с которыми, как мы знаем, отдался Планк общим проблемам науки, не позволяя себе отклоняться ради более благодарных и легче достижимых целей. Я часто слышал, что коллеги приписывали такое поведение необычайной силе воли и дисциплине, но мне представляется, что они не правы. Душевное состояние, способствующее такому труду, подобно религиозности или влюбленности: дневное старание проистекает не из какого-то намерения или программы из непосредственной потребности.

Он здесь вместе с нами, наш дорогой Планк; он внутренне посмеивается над этим моим ребяческим манипулированием фонарем Диогена. Наша симпатия к нему не нуждается в банальном обосновании. Пусть любовь к науке продолжает украшать ему жизнь и приведет его к разрешению им самим поставленной и значительно продвинутой важнейшей физической проблемы нашего времени. Пусть ему удастся

объединить квантовую механику, электродинамику и механику в логически стройную систему. (С. 39-41).

Эйнштейн А. Собрание научных трудов. Т.4. М., 1967.

9. НАУКА КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ

Бердяев Н.А.

«Аристократический принцип отбора, образует культурную элиту, духовную аристократию. Но культурная элита не может оставаться замкнутой в себе, изолированной, самоутверждающейся под страхом удаления от истоков жизни, иссякания творчества, вырождения и умирания. Всякий групповой аристократизм неизбежно вырождается и иссыхает. Как не может творчество культурных ценностей сразу быть распространено на бесконечную массу человечества, так же не может происходить процесса демократизации культуры. Истина аристократична в том смысле, что она есть достижения качества и совершенства в познании, независимо от количества, от мнения и требования человеческих количеств. Но это совсем не значит, что истина существует для избранного меньшинства, для аристократической группы, истина существует для всего человечества, и все люди призваны быть приобщенными к ней. Нет ничего противнее гордости и презрительности замкнутой элиты. Великие гении никогда не были такими. Можно даже сказать, что образование касты культурно утонченных и усложненных людей, теряющих связь с широтой и глубиной жизненного процесса, есть ложное образование. Одиночество почитающих себя принадлежащими к культурной элите есть ложное одиночество, это есть все-таки стадное одиночество, хотя бы стадо было малой группой, это не есть одиночество пророков и гениев. Гений близок к первореальности, к подлинному существованию, культурная же элита подчинена законам объективации и социализации».

Бердяев Н.А. Царство Духа и царство Кесаря. С.74-75.

«Духовный аристократизм осуществляется в мире в порядке индивидуальной благодати, он не может иметь обязательной и преимущественной связи с какой-либо социальной группой. Явление духовного аристократизма, гения предполагает благоприятную духовную атмосферу в жизни народов, но оно не связано с естественным подбором и выработкой среднего культурного уровня. Гениальность также не наследуется, как не наследуется святость. Великие люди рождаются в провиденциально предназначенные минуты. Но они выходят из какой угодно среды, из высшей аристократии, как и из среды крестьян или мещан. Отношение между аристократией духовной и аристократией социально-исторической имеет свои ступени. В то время как высшие и наиболее благодатные явления духовной аристократии не имеют никакой связи с аристократией социально-исторической, с органическим подбором

и наследованием, средние ее ступени некоторую связь имеют, так как находятся в большей зависимости от сверхиндивидуальной традиции, от подбора, кристаллизующего культурную среду. Для гения закон не писан, но он уже писан для таланта».

Бердяев Н.А. Философия неравенства... С.117.

Федотов Г.В.

«Создание элиты, или духовной аристократии, есть задача, прямо противоположная той, которую ставила себе русская интеллигенция. Интеллигенция нашла готовый культурный слой, главным образом дворянский по своему происхождению и отдельный от народа стеной полного непонимания. Она поставила своей целью разрушить эту стену любой ценой, хотя бы уничтожения самого культурного слоя, ради просвещения народа. Опуститься самим, чтобы дать подняться народу, - в этом смысле интеллигентского «кенозиса» или народничества... Просветитель стремиться поднять до себя просвещаемую массу, народник - спуститься до нее... Первый движется интеллектуальным и эстетическим увлечением истиной, второй нравственным стремлением к равенству...»

Федотов Г.П. Судьба и грехи России. СПб., 1992. Т.2. С.207.

Эмманюэль Мунье (1905 - 1950)

«Персонализм не является этикой «великих людей», аристократизмом нового вида, который занимался бы селекцией наиболее выдающихся психологических или духовных достижений, чтобы превратить их носителей в высокомерных и одиноких гениев человечества. Как известно, такой была позиция Ф. Ницше. Огромное количество пустых и тщеславных, но полных всеобщего презрения деклараций было произнесено с тех пор от его имени. Но если личность осуществляет себя, устремляясь к ценностям, пребывающим в бесконечности, она оказывается призванной к экстраординарному в самой своей обыденной жизни. Однако сама эта экстраординарность не отделяет ее от других людей т.к. каждая личность имеет такое призвание. Как пишет Сёрен Кьеркегор, который иногда все же впадал в соблазн крайности, «человек по-настоящему необыкновенный - это настоящий обыкновенный человек» (С.63).

«Быть личностью и быть оригинальным - понятия, прочно утвердившиеся в языке как синонимы. Оригинал - говорят о ярко выраженной индивидуальности. Во мнении культурного человека нашей эпохи отличие зачастую превращается в главенствующую ценность личности» (С.62, 63).

Мунье Э. Персонализм. М., 1993.

10. ЭТИКА НАУКИ

Пифагор (ок.580 – 500 до н.э.)

«Не заботься о соискании великого знания: из всех знаний нравственная наука, может быть, есть самая наинужнейшая, но ей не обучаются» (СССХХV).

Пифагоровы законы и нравственные правила. Афоризмы Эпиктета. М. – СПб., 2000.

Сенека Л.А.

«Предметом нашего исследования должен быть вопрос о том, какой образ действий наиболее достоин человека, а не о том, какой чаще всего встречается; о том, что делает нас способными к обладанию вечным счастьем, а не о том, что одобряется чернью, этой наихудшей истолковательницей истины» (*Сенека. О счастливой жизни, II*).

«... жизнь - счастлива, если она согласуется с природой. Такая жизнь возможна лишь в том случае, если, во-первых, человек постоянно обладает здравым умом; затем, если дух его мужествен и энергичен, благороден, вынослив и подготовлен ко всяким обстоятельствам; если он, не впадая в тревожную мнительность, заботиться об удовлетворении физических потребностей; если он вообще интересуется материальными сторонами жизни, не соблазняясь ни одной из них; наконец, если он умеет пользоваться дарами судьбы, не делаясь их рабом. » (*О счастливой жизни, III*).

«Добродетель привлекательна не потому, что доставляет наслаждение, а, наоборот, она доставляет наслаждение благодаря своей привлекательности. Высшее благо заключается в самом сознании и в совершенстве духа. Когда последний закончит свое развитие и сосредоточится в своих пределах, ему, ввиду полного осуществления высшего блага, нечего больше желать... высшее благо - это непреклонная твердость духа, предусмотрительность, тонкость, здравие, независимость, гармония красота» (*О счастливой жизни, IX*).

«...истинное счастье заключается в добродетели. Какие же руководящие указания она дает тебе? - Прежде всего ты не должен считать благом или злом того, что не будет результатом добродетели или порока: затем ты должен оставаться непоколебимым и при встрече с тем злом, которым сопровождается добродетель; наконец, по мере сил, ты должен уподобиться Богу. Что же она сулит тебе за такой образ действий? - Громадные и достойные божества преимущества. Ты избавишься от всякого принуждения, ни в ком не будешь нуждаться; будешь свободен, безопасен, огражден от потерь; ни одно предприятие твое не окажется напрасным, у тебя не будет препятствий. Все будет совершаться согласно твоему предположению: возможность неблагоприятных, неожиданных, нежелательных для тебя обстоятельств будет совершенно исключена. - Значит, добродетель оказывается достаточной для счастливой жизни? - А

почему бы ей при ее совершенстве и божественных качествах и не быть достаточной? Она заключает в себе для даже этого слишком много данных. Действительно, какой недостаток может ощущать человек, поборовший в себе всякое желание? К чему внешние блага тому, кто сосредоточил в себе всякие желания? Но, как бы велика ни была успешность стремящегося к добродетели человека, последний все-таки нуждается в некоторой снисходительности судьбы, пока он подвизается на земном поприще, пока он не освободился от своих уз, от всяких смертных оков. Какая же разница между таким человеком и остальными людьми? - А та, что одни легко привязаны, другие крепче прикованы, а третьи скованы так, что не могут пошевелинуться. Человека, поднявшегося на значительную высоту по пути к духовному совершенству, цепи не стесняют: он, правда, еще не свободен, но пользуется уже правами свободного» (*О счастливой жизни, XVI*).

«... я не ставлю себе целью достигнуть полного совершенства, а хочу только быть лучше дурных людей. Я удовлетворяюсь тем, что ежедневно освобождаюсь от какого-нибудь порока и укоряю себя за свои ошибки» (*О счастливой жизни, XVII*).

Фридрих Ницше (1844 – 1900)

«...мораль в своей основе враждебна науке... С тех пор, как Сократ занес в науку болезнь морализирования, научность в Греции быстро пошла под гору» (1, Т.9. С.200).

«Все философы обладают тем общим недостатком, что они исходят из современного человека и мнят прийти к цели через анализ последнего... Однако все, что философ высказывает о человеке, есть, в сущности, нечто иное, как свидетельство о человеке весьма ограниченного промежутка времени. Отсутствие исторического чувства есть наследственный недостаток всех философов...» (2, Т.1. С.240).

1. *Ницше Ф. Полное собрание сочинений. М., 1910.*

2. *Ницше Ф. Сочинения: В 2 т., М., 1990.*

Владимир Сергеевич Соловьев (1853 – 1900)

«...общество есть дополненное или расширенная личность, а личность – сжатое или сосредоточенное общество» (С.204). «...право есть низший предел, или некоторый минимум нравственности, равно для всех обязательный. Право, - говорил он, - есть принудительное требование реализации определенного минимального добра, или такого порядка, который не допускает известных крайних проявлений зла» (С.329).

Соловьев Вл.С. Оправдание добра. М., 1996.

Бердяев Н.А.

«Властители дум нашей эпохи не академики. Ни академическая философия, ни академическое искусство не имеет никакого жизненного влияния. Совершенно так же, как официальная парламентская политика идет мимо жизни... Духовным центром в грядущую эпоху может быть только церковь, как в средние века» (1, С.429).

«Кризис культуры социологически связан с тем, что всякой высокой культуре присуще аристократическое качественное начало, которое подвергается величайшей опасности от процесса демократизации и уравнивания, от господства масс. Мы живем в эпоху плебейского восстания против всякого аристократического начала в культуре. Новые авторитарные государства в отношении к культуре носят решительно плебейский характер и означают господство количества над качеством. Античная греко-римская культура была аристократической по своему принципу, культурой поддержания и охранения качеств. Аристократической была и культура Ренессанса. Культура развивалась благодаря досугу, благодаря возможности проявить творческую избыточность, она предполагала неравенство. Культура никогда не существовала для всей массы человечества и никогда не была удовлетворением ее запросов и требований. Народность культуры совсем не означала соответствия уровню народных масс и исполнения ее заказов. Народность была выражением духа парода, гений мог его лучше выражать, чем масса. Но сейчас от культуры все более и более требуют, чтобы она была народной в смысле соответствия с запросами и требованиями народных масс. Это перерождает характер культуры и превращает ее в феномен другого порядка, которому нужно дать другое имя. Иногда этому феномену дают имя цивилизации, но терминология эта, конечно, условна. Господство масс и безличных количеств, принимающее то форму буржуазных демократий с диктатурой денег, всегда скрытой и замаскированной, то форму авторитарных государств с открытой диктатурой вождей, ставит в очень тяжелое положение творческий культурный слой, культурную элиту. Эта культурная элита переживает смертельную агонию, ее моральное и ее материальное положение делается все более и более невыносимым. В демократии либеральной она зависит от капитала и от вульгарных вкусов толпы, в демократии авторитарной или коммунистической она зависит от диктатуры мирозерцания, от власти, претендующей организовать дух. Мы живем в эпоху “социального заказа”...» (2, Т.1. С.355-356).

1. Бердяев Н.А. *Новое средневековье* // Бердяев Н.А. *Философия творчества, культуры и искусства: В 2 т. М., 1994.*

2. Бердяев Н.А. *Судьба человека в совершенном мире. К пониманию нашей эпохи* // Бердяев Н.А. *Философия свободного духа. М., 1994.*

А.Ф. Лосев

«Если я пошёл на работу и не опоздал, то это уже значит, что я сделал маленький шаг к достижению идеала. Если я пришёл на работу и точно выполнил полученное задание; если я, как член соответствующей комиссии, заметил коррупцию в проверяемой мной организации и эту коррупцию не скрыл, но сделал из неё все необходимые для общего блага выводы, – во всех подобного рода, пусть хотя бы и малых... моих поступках я исполняю мое жизненное кредо... Для меня это самая искренняя, самая интимная, самая сердечная и жгучая потребность» (С.282-283).

Лосев А.Ф. Дерзание духа. М., 1988.

11. ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА И ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ НАУКИ

Платон

«Мы считаем человека существом кротким... если его счастливые природные свойства надлежащим образом развиты воспитанием, он действительно становится кротчайшим и божественным существом. Но если человек воспитан недостаточно или нехорошо, то это - самое дикое существо, какое только рождает земля» (*Законы*, 766а).

Аристотель

«Человек по природе своей есть существо политическое, а тот, кто в силу своей природы, а не вследствие случайных обстоятельств живет вне государства, - либо недоразвитое в нравственном смысле существо, либо сверхчеловек» (Т.4. С.378).

Аристотель. Сочинения. В 4 Т. М., 1984.

К.Д. Ушинский (1824 - 1971)

«Материальные плоды трудов, можно отнять, наследовать, купить, но внутренней, духовной, животворящей силы труда нельзя ни отнять, ни наследовать, ни купить за все золото Калифорнии» (С.338).

Ушинский К.Д. Собрание сочинений. Т. 2. - М., 1948.

Эмиль Дюркгейм (1858 - 1917)

«Социология - наука о социальных институтах - поможет нам понять, чем являются, или предположить, чем должны быть педагогические институты. Чем лучше мы будем знать общество, тем лучше мы сможем понять то, что происходит в том социальном микрокосмосе, каким является школа» (С.61).

«Специальная культура воспитания непременно приближает нас к человеческому совершенству» (С.51). «Воспитание формирует в человеке нового человека, и этот человек сделан из всего лучшего, что есть в нас, из всего, что придает жизни цену и достоинство. Впрочем, это созидательное свойство - особая привилегия человеческого воспитания» (С.56).

«...целью воспитания является развитие в каждом индивиде всего того совершенства, на которое он способен. Но что же следует понимать под словом «совершенство»? Это, как очень часто говорили, гармоничное развитие способностей человека. Поднять на самый высокий уровень все способности, заложенные в нас, реализовать их как можно полнее, но так, чтобы они не навредили друг другу, не в этом ли воспитательный идеал, выше которого невозможно было бы поставить другой?» (С.10). «...Не все созданы для теоретической мысли, нужны люди ощущений и действия. Но нужны и такие, задача которых - мыслительная деятельность» (С.11).

«Воспитание варьируется от одной касты к другой. Воспитание патрициев отличается от воспитания плебеев, воспитание брахмана иное, нежели воспитание кудра. В средние века наблюдается такой же разрыв между культурой молодого пажа, который обучался всем искусствам рыцарства, и культурой виллана, который получал в школе своего прихода несколько жалких понятий о церковном календаре, пении и грамматике! Даже сегодня, не наблюдаем ли мы, как меняется воспитание в зависимости от социальных классов или даже места жительства? Городское воспитание отличается от сельского, воспитание буржуа от воспитания рабочего... Воспитание наших детей, не должно было бы зависеть от случая их рождения, то есть от того, в каком месте и от каких родителей родился ребенок. Но даже если моральное сознание нашего времени получит по этому вопросу то подтверждение, которого оно ожидает, воспитание не станет из-за этого более единообразным. Даже тогда, когда карьера каждого ребенка не была бы по большей части predetermined слепой наследственностью, реальное разнообразие профессий продолжало бы порождать большое разнообразие педагогических практик и методов... так как ребенок должен быть подготовлен для той профессиональной роли, которую ему надлежит выполнить, то воспитание, начиная с некоторого возраста, не может оставаться одинаковыми для всех субъектов, на которых оно распространяется. Вот почему мы видим, что во всех цивилизованных странах оно стремится ко все большему разнообразию и специализации и эта специализация становится с каждым днем более ранней. Это разнообразие воспитания основывается не только на несправедливом неравенстве» (С.15).

Дюркгейм Э. Социология образования. М., 1996.

Эвальд Васильевич Ильенков (1924 – 1979)

«Индивидуальность, лишенная возможности проявлять себя в действительно важных, значимых не только для нее одной, а и для другого (для других, для всех) действиях... поневоле начинает искать выхода для себя в пустяках...» (С.412). «Хотите, чтобы человек стал личностью? Тогда поставьте его с самого начала - с детства - в такие взаимоотношения с другим человеком (со всеми другими людьми), в которых он не только мог бы, но и вынужден был бы стать личностью. Сумейте организовать весь строй его взаимоотношений с людьми так, чтобы он сумел делать все то, что делают они, но только лучше» (С.414).

Ильенков Э.В. Философия и культура. М., 1991.

Толкотт Парсонс (1902 - 1979)

«Любой класс американской начальной школы в полной мере воплощает фундаментальные свойства американской социальной системы: равенство предоставленных возможностей в начале с последующим неравенством в их реализации» (Р.309).

Parsons T. School class as a Social System // Harvard educational review. 1959, Vol.29, № 4.

Ральф Дарендорф (род.1929)

«В большинстве развитых стран социальное государство — результат экспериментов 1930-х и политики 1940-х годов (как известно, в эти десятилетия либералы не играли сколько-нибудь важной роли). В разных странах структура социального государства варьируется. В некоторых из них, например, в Великобритании, краеугольным камнем в фундаменте государственного здания стало здравоохранение, в других — система образования и забота о престарелых. Одни полагаются на государство как на гаранта прав, другие предпочитают систему частного страхования. Границы между бюджетными ассигнованиями и частными взносами в социальном обеспечении в различных странах определялись по-разному. По новому, по крайней мере, в Европе, утвердилась система, исходящая из социальной природы гражданских прав. Нет ничего предосудительного в том, что эта система интерпретируется как ответ на вызов открытого общества, на требования, выдвигающиеся в ходе классовой борьбы.

Такого развития в принципе и стоило желать. Оно явилось необходимой частью процессов, которые начались еще со времени великих революций XVII — XVIII столетий и в конечном счете привели к такому расширению жизненных возможностей людей, о каких раньше никто не мог и помыслить.

Но история никогда не кончается. Более того, вчерашние успехи порождают завтрашние проблемы. Социальное государство в одно и то же время нагромодило столько вопросов, сколько решило; некоторые из них

были взаимосвязаны, но различимы, они требуют к себе сегодня нашего особого внимания. Социальное государство стоит дорого. Еще важнее то, что оно всецело занято перераспределением, а все меры по перераспределению по самой своей природе становятся все более дорогими. Существовало заблуждение, будто введение элементов социального государства потребует всего лишь одноразового ремонта (как думали некоторые, когда в Великобритании вводилась национальная служба здравоохранения. Систему можно совершенствовать всегда, особенно в сфере здравоохранения. Современная технология, связанная с новыми открытиями в области профилактической медицины, социальной медицины и т. д., расширяет сферу медицинского обслуживания настолько, что ее развитие и соответственно ассигнования на нее становятся почти безграничными. Это относится также и к сфере образования, особенно если распротиться с мыслью об образовании, полученном раз и навсегда, и всерьез принять идею такого обучения, которое длится всю жизнь и требует постоянных усилий. Нечто подобное происходит и в сфере заботы о престарелых. Фактически все сферы социального государства нуждаются в увеличении затрат, но государство не располагает механизмами ограничения. Трудно объяснить, почему в одних муниципальных больницах производится трансплантация органов, существует радиологическое лечение и применяется новейшая диагностическая техника, а в других всего этого нет. В принципе невозможно одновременно финансировать всем все более дорогостоящие технические нововведения. Хоть и неприятно говорить об этом, но все же необходимо установить строгие границы финансовых обязательств со стороны общества и определить их пределы» (С.32-33).

Дарендорф Р. От социального государства к цивилизованному сообществу // Полис.1993. №5. С.31-36.

Г.К. Ашин

«Следовательно, когда речь идет об элитном образовании, мы должны говорить о системном явлении, выходящем за рамки традиционных представлений о качественном образовании, о высоких профессиональных знаниях. Чтобы повысить качество профессионального образования, чтобы оно отвечало самым высоким критериям элитности, нам представляется, к нему надо добавить как минимум три компонента.

Первое. Воспитание тяги к творчеству, формирование умения делать оптимальные выборы среди плюрализма возможностей.

При всей банальности этого компонента, можно быть уверенными, что элитный специалист — это высокоразвитая, творческая индивидуальность. Элитное же образование — это одновременно и развитие личности, и обучение возможностям дальнейшего развития, и формирование стойкого интереса к творческому созиданию. Бесполезно и

бессмысленно учить «раз и навсегда». Через 5–6 лет такой специалист безнадежно «устареет». Надо учить способности учиться и развиваться. Надо учить не мыслям, а умению мыслить. Надо учить не знаниям, а пониманию. Понимающий, творческий человек, если он чего-то не знает, то он знает, чего он не знает. Значит, научится. Непонимающий человек обречен: он быстро станет дилетантом, не понимая этого. От таких специалистов один вред. Они деструктивны — прекрасно умеют разрушать, но не умеют созидать в меняющихся условиях. И этот вред практически неустраним...

Второе. Элитное образование непременно является образованием, включающим этико-ценностную систему...

Мы думаем, настало время разработки и принятия Кодекса чести МГИМО. Это должен быть не свод схоластических норм, а выявленные эмпирическим путем, идущие от жизни этические принципы, позволяющие и студентам, и профессорам, и сотрудникам нашего Университета быть достойными миссии возрождения Отечества.

Третье. Когда говорят об элитном образовании, то непременно следует иметь в виду, что доступность к высококачественному образованию должна определяться только способностями, необходимыми для его получения.

Да, это означает жесткую систему отбора. Критерием же отбора могут быть способности, таланты, личностные качества претендента на обучение в элитном университете. Мы ищем таланты по всей стране, в частности, через передачу «Умники и умницы». Логично требование открытости процесса поступления в университет. Поступить к нам можно, продемонстрировав незаурядные способности. Мы открыты в этом и должны всем создавать равные возможности поступления.

Надежда России — это люди, способные действовать, способные принимать новые решения, способные быть лидерами. Этому можно учить. Этим качествам можно помогать развиваться. Элитное образование и является образованием талантов, интеллектуальной и духовной элиты. Надежды страны. Ее соли. Не обязательно, чтобы такими были все. Обязательно надо, чтобы они были. Чтобы в нашем университете их становилось все больше» (С.5-10).

«Проблема элитного образования и социальной справедливости — одна из важных проблем социологии образования, предмет которой — система образования как социальный институт, ее взаимоотношение с другими структурными элементами общества, с обществом в целом (то есть образование является подсистемой целостной системы — общества). Образование можно определить как получение знаний и ценностей индивидом, то есть, в широком смысле, его социализация» (С.34).

Основателем социологии образования является Э. Дюркгейм, который сформулировал задачи этой дисциплины следующим образом:

1) зависимость образования от других сфер общественной жизни и общественного разделения труда; 2) роль образования в общественном воспроизводстве и социальной мобильности населения; 3) равенство в школе — разновидность социального равенства; 4) структурная перестройка системы образования в процессе исторической эволюции общественных отношений; 5) проблема социальных функций (социального назначения) образования и воспитания¹. Как видим, все эти проблемы тесно связаны с вопросами элитного образования, а вторая и третья проблемы связаны с ними самым непосредственным образом.

Особенно велика роль образования для социальной мобильности и репродукции общества. Концепции социальной стратификации обращаются к классовой и статусной иерархии общества и неравномерности образовательных возможностей между людьми, принадлежащими к различным классам или имеющим различный статус. В исследованиях социальной мобильности ударение обычно делается на межпоколенческую мобильность, которая означает изменение класса и статуса от родителей к детям; пример межгенерационной мобильности — когда сын или дочь рабочего становится менеджером. Напротив, если они остаются рабочими — это пример социальной репродукции. Системы социальной стратификации, которые подчеркивают аскриптивный (предписанный) характер классовой и статусной позиции, определяются как закрытые: они ведут к наследованию статуса, к воспроизводству класса. Те системы социальной стратификации, которые подчеркивают личные достижения, определяются как открытые, ведущие к социальной мобильности.

Как эти проблемы решаются в современной социологии образования? Большинство исследователей отмечает, что в западной социологии образования сложились следующие основные направления: (С.35).

1. *Функциональная концепция.* Отмечая важную роль образования в социальной мобильности, функционалисты утверждают, что различные социальные роли, в особенности элитные, требуют различных способностей. Если общество функционирует эффективно, они должны быть заполнены людьми с соответствующими способностями. С тем, чтобы привлечь наиболее квалифицированных людей на элитные позиции, эти позиции должны сопровождаться более высокими социальными и экономическими наградами. Образование и призвано развивать способности индивидов и используется как средство социальной селекции, причем оно обеспечивает селекцию, базирующуюся в большей мере на личных достижениях, чем основанных на приписанном статусе. Функционалисты подчеркивают роль образования для удовлетворения

¹ См: Дюркгейм Э. Социология образования. — М., 1996.

нужд в социальном порядке, связанном с рациональностью, меритократией и демократией; система образования призвана обеспечить обществу эффективную и справедливую селекцию способностей и талантов, так что именно наиболее способные достигают самых ответственных, то есть элитных позиций.

2. *Неомарксистское направление* в социологии образования — своего рода вызов функционализму. Оно подчеркивает, что организация образования во многом отражает диктат корпоративно-капиталистической экономики (S. Dowless, Y. Gintis), что школа выполняет заказ капитализма — служит корпоративной иерархии, передает привилегии от поколения к поколению; характер образовательной системы определяет господствующий класс, капиталистическая элита. А некоторые представители этой школы (P. Willis) считают, что школы — не только агенты социальной репродукции, но и центры сопротивления капиталистическим порядкам, то есть центры формирования контрэлиты. Положение массовых школ относительно элитных ухудшается, в частности, потому, что элитные школы переманивают к себе с помощью стипендий детей из низших социальных страт. «Никто не возражает против того, чтобы сделать образовательные стандарты высокими, — пишет Дж. Мэтьюз в книге «Классовая борьба: что неправильно и что правильно в лучших американских элитных школах». Но «элитные школы существуют не только для высоких достижений, но и из желания поставить себя выше других»¹, усиливая классовую сегрегацию в обществе. (С.36).

3. К этому направлению близка *конфликтная теория* или, как ее часто называют, концепция статусного конфликта. Сторонники этого направления начинают обычно с утверждений о том, что общество состоит из различных групп с разными, конфликтующими интересами, что сущность стратификации — стремление групп, захвативших власть, богатство и престиж (элитных групп), поддержать свою позицию за счет непривилегированных групп. Школы помогают репродуцировать и легитимизировать систему стратификации, объявляя, что она основывается на индивидуальных достижениях, тогда как на деле она отбирает на элитные позиции индивидов на основе предписанного статуса. Возникнув на базе веберовской традиции, сторонники этого направления подчеркивают попытки различных групп (этнических, профессиональных, классов) использовать сферу образования как механизм получения привилегий; статусные группы пытаются увеличить свою восходящую социальную мобильность вплоть до уровня элитной группы. Эти социологи ссылаются, в частности, на то, что школьники и студенты из высших страт общества

¹ Mathews J. Class Struggle. What is Wrong (and Wright) with American Best Public High Schools. — N.Y., 1988. — P. 4.

достигают более высоких результатов (у них больше амбиций, они имеют больше поощрений от родителей и т. д.).

В американской и западноевропейской социологии образования стала популярной концепция «человеческого капитала», согласно которой образование, как и в целом усвоение культуры, есть процесс накопления «человеческого капитала». Этим термином обозначают улучшение производительной способности человека благодаря произведенных им расходов на образование, что ведет к повышению его общественного положения (статуса, заработной платы, престижа). Расходы на образование рассматриваются как «жертва», принесенная индивидом (а равно и обществом в целом) во имя будущих выгод. Обучение, с этой точки зрения, есть процесс превращения экономического капитала в личностный, процесс реконверсии экономического капитала в культурный. Причем именно инвестиции в «человеческий капитал» являются наиболее перспективными¹. (С.37-38).

Ашин Г.К. Элитное образование в меняющемся мире // Элитное образование: мировой опыт и модель МГИМО. Сборник научных трудов. Общая редакция: профессор Г.К. Ашин, профессор С.А. Кравченко. М., 2002.

Борис Семенович Гершунский

«Все указанные аспекты отражают лишь возможность и необходимость акцентирования внимания на тех или иных сторонах функционирования образования по мере исследования его сущностных характеристик и их реализации в образовательной практике.

Понять и оценить истинную сущность образования как сложного многоаспектного феномена можно лишь в единстве и взаимодополнении этих аспектных характеристик. «Иными словами, аналитическое “разложение” целостного объекта каким является “образование”, предпринимаемое для выявления особенностей того или иного аспектного проявления его сущностных качеств, предполагает и параллельно идущий процесс синтеза, интеграции этих качеств, предопределяющих статус образования как междисциплинарной макросистемы...» (С. 34-35).

«Именно **менталитет**, как индивидуальный, так и общественный, должен быть в фокусе внимания всех без исключения общественных наук, озабоченных прогрессивным развитием и локальных социумов, и человеческой цивилизации в целом, предвидением и поиском рациональных путей такого развития. Несомненно, наукоемкая, отнюдь не только психологическая, но и в широком смысле **социокультурная, нравственная** категория «менталитет» (или «ментальность») должна

¹ См.: Ашин Г.К., Бережнова Л.Н., Карабущенко П.Л., Резаков Р.Г. Теоретические основы элитологии образования. М. – Астрахань, 1998. — С. 228-237.

привлечь повышенное внимание и сферы образования, отражаясь, прежде всего, в ее аксиологических, ценностно-целевых приоритетах» (С. 24).

Гершунский Б.С. Философия образования для XXI века (В поисках практико-ориентированных образовательных концепций). М., 1998.

Заключение

ФУТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ФИЛОСОФИИ НАУКИ В XXI веке

Человек всегда стремится заглянуть в будущее для того, чтобы разобраться в своем сегодняшнем и получше понять свое вчерашнее. Мы единственные, кто расщепляет время на прошлое, настоящее и будущее. Вначале это произошло в мифологии, затем в религии и философии. Наше время показывает, что и наука стремится разобраться с проблемой времени и при возможности научиться им управлять. Самые удачные предсказания – это те, которые управляемы и могут быть осуществлены при их целенаправленном выполнении. Современная футурология стремится отыскать именно такие «управляемые проекты», которые бы постоянно находились под научным контролем и не вызывали угрозы для человечества. Найти проекты можно лишь через системный анализ современной нам реальности. А это требует мобилизации ресурсов всех отраслей научного знания и их системное прочтение.

1. Проблемы футурологии. Будущее науки непредсказуемо. Ученые начала XX столетия лишь на сотую долю могли предсказать, чем в действительности завершится этот век в научном плане. Рассуждать в наше время о том, чем станет наука в будущем, это все равно, что пытаться просчитать движение каждой капли воды начинающегося в полночь дождя. Поэтому футурология всегда балансирует на грани науки и лженауки, при этом не всегда бывает ясно, где заканчивается одно и начинается другое?

Все футурологические¹ этюды относительно перспектив дальнейшего развития философии науки будут упираться в то, какими будут сами наука и философия в XXI столетии? О будущем нам смог бы поведать много интересного всемогущий волшебник Мерлин², но и он, как показывает история, не совсем в ладах с «машиной времени». Футурология

¹ **Футурология** (от лат. futurum – будущее) – в широком значении – совокупность различных представлений о будущем мира и человечества, в узком – область научных знаний, охватывающая перспективы социальных процессов; термин часто употребляется как синоним прогнозирования и прогностики. – Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 752.

² **Мерлин** – герой британских легенд, волшебник и чародей, живший при дворе короля бриттов Артура (начало V века). В отличие от всех людей развитие Мерлина шло в ином временном направлении – он жил из будущего в прошлое, т.е. прошлое ему было неведомым, зато он прекрасно был осведомлен о будущем, поскольку сам был из него. Мерлин стал символическим образом футурологии. «Мерлинизм» – желание научно (насколько это вообще возможно!) доказать наступление желаемого будущего.

как научное направление ныне вызывает столько же вопросов, сколько в свое время было вопросов к астрологии и алхимии. В этом смысле у нее весьма сомнительная репутация. В отличие от истории, исследующей прошлое, футурология страдает большей приблизительностью и плюралистичностью. Это весьма относительная «наука», которая имеет весьма относительный научный статус. Перед футурологией стоит одна главная опасность – незаметно для самой себя она может превратиться из науки в обычную утопию.

Перспективы развития истории и философии науки на XXI век могут быть оценены нами как вполне обнадеживающие. Почему «вполне»? Да потому, что мы никогда не будем иметь полноты информации о том, что представляет собой наука именно в данный момент. Мы всегда узнаем о том, чем она была вчера, с трудом понимаем, чем она является сегодня, и с еще большим трудом догадываемся о том, чем она может стать завтра.

По идее, XXI век должен закрепить успех научного прогресса предшествующих столетий. Но вправе ли мы ожидать от него существенного научного прорыва? По отдельным областям научного знания вполне возможно, но в целом могут возникнуть значительные затруднения, если обнаружатся еще большие расхождения между наукой и политикой и углубятся проблемы взаимоотношений научного вида знания с другими ненаучными видами знаний (религией, философией, идеологией).

Если история науки исследует генезис научного знания прошлых веков через анализ достоинства творческого сознания великих ученых прошлого, то философия науки пытается осмыслить то, чем наука является для нас в настоящее время и то, какой она должна стать для наших потомков. Все эти три временные позиции важны для нашего общего понимания смысла науки. И в этом плане позиция философии науки является определяющей. Строить планы на будущее – важнейшая родовая черта всего человечества. Только человек обладает таким стратегическим планированием своей жизни. Наука и здесь оказывает ему посильную помощь. Именно для этого и нужна футурология.

Дальнейшее развитие научного знания может потребовать значительной корректировки структуры как самих наук, так и научного познания в целом. Имеющиеся на сегодняшний день схемы отражают состояние дел в науке на конкретный исторический момент и не могут гарантировать ее сохранения в будущем. Научный мир постоянно обновляется все новыми и новыми знаниями и в этом плане у него действительно нет «предела для совершенства».

Говорить о будущем наука может лишь в том случае, если будет привлекать к участию в этом деле философию, реже религию, и уж совсем редкий случай, когда она обратится за помощью к мифологии. Самостоятельно мыслить о будущем наука еще не научилась. Ее мысль о

будущем не всегда бывает трезвой и обстоятельной. А потому «наука о будущем» ныне представляет собой смесь философии, религии и мифа, претендующей когда-нибудь стать полноценной научной дисциплиной.

Поскольку действительность развивается гораздо быстрее аналитической мысли, последней бывает подчас просто невозможно уследить за всеми этими ее изменениями и сделать правильный вывод. Быстрее всего развивается субъективная реальность. Поэтому необычайно трудно самому духу уследить за своим собственным развитием.

Чем станет наука в будущем? Речь идет о самом долгосрочном прогнозе. Здесь нам видятся два вполне возможных варианта развития событий: 1) наука будет все дальше наращивать свой потенциал и все больше будет отдаляться от иных видов знания (религии, философии, культуры), жестко противопоставляя себя им; тогда можно будет говорить об абсолютной доминации науки, что возможно лишь при условии торжества технократических тенденций в мировом развитии человечества; 2) наука найдет возможные пути для интеграции с религией, философией и культурой и создаст на своей базе единое интегральное знание, которое не будет исключительно научным или религиозным, или философским знанием, а одновременно и тем, и другим, и третьим. Возможны какие-то другие варианты, но нам кажутся наиболее вероятными именно эти два.

Сегодня мы лишь можем подтвердить высказанную еще ранее гипотезу о том, что в будущем углубится противостояние между двумя проектами развития общества и человека – технократическим проектом и гуманистическим.

2. Постиндустриализм: техногенное общество или «гуманитарный проект»? Наступление постиндустриализма сопровождается таким явлением, как глобализм¹. Глобализация² набирает силу, что порождает ряд сопровождающих ее проблем. Человечество пытается для себя ответить на вопросы, как надлежит правильно понимать смысл и миссию глобализма; какой вариант общества ему будет наиболее соответствовать?

¹ *Глобализм* (франц. global – всеобщий, от лат. globus – шар) – явление, характеризующее целостность мира, а также мировоззренческая установка (как учение о всеобщности), определенный тип сознания, способ видения окружающего мира, когда глобальная компонента становится доминирующим и детерминирующим началом. – Чумаков А.Н. Глобализация. Контуры целостного мира. М., 2005. С. 31.

² *Глобализация* – «процесс универсализации, становления единых для всей планеты Земля структур, связей и отношений в различных сферах общественной жизни. Глобализация выступает также, как *явление* и как *феномен*, когда она воспринимается в качестве объективной реальности, которая заявляет о себе замкнутостью глобального процесса, единым мировым хозяйством, всеобщей экологической взаимозависимостью, глобальными коммуникациями и т.п., которая в таком качестве никем не может быть проигнорирована». – Чумаков А.Н. Глобализация. Контуры целостного мира. М., 2005. С. 31.

В настоящее время предлагается два варианта решения этого вопроса: 1) предложенный США вариант *технократического общества* («глобализм по-американски») и 2) «*гуманитарный проект*» – глобализм в культурном мире (Россия относится к их числу)¹.

Символом техногенного общества считается Книга рекордов Гиннеса. Важнейшей ее характеристикой является развитие техники и технологий, осуществленных за последние 300 лет. Техногенный тип развития – это ускоренное изменение природной среды (причем не всегда в лучшую сторону!), соединение с активной трансформацией социальных связей людей и агрессией против сакраментальных культурных ценностей². Сегодня найдется мало людей, которые могли бы вслед за Ж.-Ж. Руссо выкрикнуть лозунг: «Назад в пещеры»! Никто не сомневается в перспективе дальнейшего нарастания НТР. Но при этом возникает вопрос, каким должна быть эта научно-техническая революция?

В развитии техногенного общества выделяют три исторические стадии: доиндустриальное, индустриальное и постиндустриальное общество. Точкой наивысшего расцвета следует считать именно индустриальное общество. Постиндустриализм – это эпоха заката доминанции технократизма и развития техники с учетом общечеловеческих ценностей.

Технологическое знание пытается абсолютизировать роль научно-технического прогресса (НТП), для чего неизмеримо увеличивает его значение и, напротив, снижает роль гуманитарного знания. Чрезмерная вера в технократические возможности может привести человека к бездуховности, к падению нравственности и интеллекта. Может произойти то же самое, что случилось с ценностями эпохи Просвещения – провозглашенные ею идеалы пришли в полное противоречие с действительностью и не оправдали возлагаемых на них высоких надежд.

Технократия таит в себе угрозу для развития подлинно духовных качеств человека, поскольку эти самые подлинно духовные качества дублируются, вытесняются и, в конечном счете, заменяются «умной техникой». Поэтому самое главное, чтобы научная футурология не превратилась в антинаучную эсхатологию³.

¹ См.: Бек У. Что такое глобализация? М., 2001; Глобалистика: энциклопедия / Под ред. А.Н. Чумакова. М., 2003; Чумаков А.Н. Глобализация. Контуры целостного мира. М., 2005.

² См.: Степин В.С., Горохов В.Г., Розов М.А. Философия науки и техники. М., 1996; Основы философии науки / В.П. Кохановский, Т.Г. Лешкевич, Т.П. Матяш, Т.Б. Фатхи. Ростов н/Д., 2004.

³ Эсхатология (от греч. *eschatos* – последний, конечный) – учение о конечных судьбах мира и человека. Следует различать индивидуальную эсхатологию, т.е. учение о загробной жизни единичной человеческой души, и всемирную эсхатологию как учение о цели космоса и истории, об их конце и о том, что за этим концом следует. – Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 808.

Технократический век (XX–XXI столетия) таит в себе угрозу деградации духовных достоинств человека, поскольку пытается подменить его дух господством техники. *Если восторжествует цивилизация, то погибнет культура.* Имеется в виду, что под натиском техногенной цивилизации «вымрет» целый ряд культур, т.е. то многообразие культур, которое существовать в наше время уже не будет.

В случае если восторжествует проект «глобальной культуры», то цивилизация сохранит свое нынешнее лицо, но оно станет не машинным, а человеческим. Гуманитариям хотелось бы, чтобы в XXI веке была устранена сама причина разногласий между ними и технократами.

3. Перспективы развития научного знания в XXI столетии. В наступившем столетии наука должна постараться изжить несколько своих коренных комплексов, главным из которых является комплекс пренебрежения ко всему ненаучному знанию. Наука XIX–XX веков опрометчиво ставила себя на один уровень с Богом, до конца при этом не понимая, что это такое на самом деле?

Если темпы развития научного знания и научного сообщества в XXI веке будут такими же, как и в прошедшем XX столетии, то к концу XXI века в мире будет уже более 100 тысяч наук и более 500 миллионов ученых. Контролировать такое количество ученых и такое количество наук власти будут уже не в состоянии. Здесь нам видятся два возможных варианта: 1) власть должна будет отказаться от самой идеи проводимой ею политики контроля за наукой и придумать новые технологии или 2) самой стать наукой (согласно бюрократическому принципу: «не можешь преодолеть, возглавь»!).

Отношения науки и политики лучше всего определить с точки зрения самой политической науки. Политология уже давно (начиная еще со времен Платона и Аристотеля) пытается разобраться во взаимоотношениях политиков и политологов. XX век показал, что происходит с наукой и с самим научным сообществом, если они попадают под диктат политической идеологии. В XXI веке наука должна будет сделать все от нее зависящее, чтобы этого диктата больше не повторилось. В противном случае она вновь станет зоной манипулятивной политики, а сами ученые будут подвергаться гонениям по самым различным надуманным идейным соображениям. Так называемая, «охота на ведьм» (преследование инакомыслящих) стала самой мрачной страницей во взаимоотношениях науки и политики XX столетия. В качестве прогноза мы можем сказать: если в прошлом политика довлела над наукой, то в условиях постиндустриального общества сама политика должна стать областью приложения инновационного научного знания, а сами политики превратиться в ученых¹. Речь, таким образом, идет не просто

¹ В пользу этого свидетельствует возросшее в последнее время число ученых степеней в политическом сообществе. Политики «без отрыва от производства» становятся кандидатами и докторами наук. Мы, конечно же, отмечаем внешний, количественный

о меритократии (буквально – «власть достойных», или «элита знания»), а о проникновении знаменитой формулы Платона «философ на троне» из области чистой теории непосредственно в саму реальность.

С точки зрения социологической науки, дальнейшее распространение научного знания в обществе приведет к усилению зависимости социума от этого вида знания. Человек не только подчинит себе все самые передовые достижения научной мысли, но и сам попадет в еще большую зависимость от научного знания. Наука дает человеку неоспоримые преимущества, но она же способна и закабалить его. Уже сегодня весьма трудно представить общество вне сделанных человечеством научных достижений. Быт человека уже полностью пропитан научными разработками. Пещерный человек вел более естественный образ жизни, чем современный урбанистический человек.

С точки зрения экономической науки, в эпоху информационного общества главным товаром станет уже не материальный продукт, произведенный в массовом масштабе, а высокого качества информация, именуемая знанием. На первое место выходит не количество произведенного товара, а его качество (т.е. массовизация уступает место процессу элитизации). Уже в конце XX века возрос спрос на, так называемые, «высокие технологии», которые стали символом наступающего постиндустриального века. При сохранении указанной тенденции элитизация (как процесс усовершенствования) высоких технологий полностью вытеснит массовое производство (как простую «штамповку»). Еще одной актуальной «точкой» в экономике станет научный поиск новых альтернативных традиционным источников энергии. Допустить, что энергетический проект сможет обойтись без серьезных научных разработок, просто невозможно. Появление новых мощных источников энергии сможет не только качественно изменить лицо экономики будущего, но и положить военно-политические конфликты из-за традиционных энергоносителей.

С точки зрения психологии и педагогики, элитизация экономики потребует усиления качества в подготовке специалистов, в основе профессионализации которых будут лежать принципиально новые качественные характеристики. Речь идет о процессе элитизации личности в рамках непрерывного образования. Последнее указывает на перспективу развития таких научных тем, как неоперсонализм (новая философия личности), элитное [открытое] образование, теория и философия творчества (креативности) и ряд других. Перед наукой встают также и сугубо этические проблемы: она должна перестать плодить бездарности и

показатель, поскольку о качестве большинства диссертационных работ таких ученых-политиков говорить не приходится. Но сам факт, что уже многие политики обзавелись «учеными степенями», вселяет в нас надежду, что в будущем эта тенденция из формальной превратится в серьезное и обязательное для всех политиков требование.

быть тихой заводью для лиц сомнительной «этической наружности». Этический кодекс ученого должен перестать быть формальностью и стать реальной силой, тем самым действенным механизмом, который способен регулировать межличностные отношения в научном сообществе.

Важнейшая задача науки на ближайшее столетие – создать эффективную защиту для всего человечества от крупномасштабных стихийных бедствий (землетрясений, падений крупных космических объектов и т.д.) и экологических катастроф, вызванных техногенной деятельностью человека. Предупредить эти стихийные бедствия – означает сделать их не только ожидаемыми, но и минимизировать их последствия. Общепланетарная экологическая диагностика стала уже и в наше время одной из актуальнейших проблем всего человечества.

Еще одним важнейшим направлением станет создание эффективной системы «герменевтической безопасности». Речь идет о защите науки от самой науки. На рубеже XX и XXI веков на смену идеологическим мифам пришли мифы научные. Некоторые «научные открытия и проблемы» в корыстных целях начинают использоваться в PR-кампаниях. Политические технологии манипулируют общественным сознанием с помощью научных мифов, что стало уже нормой для некоторых политических и олигархических групп. Такие проблемы, как ВИЧ, SARS, птичий грипп, «Проблемы-2000», глобальное потепление, озоновая дыра и некоторые другие стали уже отдельными спекулятивными проектами, приносящими их авторам не только миллиардные прибыли, но даже и Нобелевские премии¹. Такие надуманные проблемы существуют, возможно, только в головах людей и не более того. Своевременно разобраться в этих проблемах, дать им квалифицированную оценку, предотвратить саму возможность спекуляции научным знанием – задача герменевтической безопасности.

Перспективы развития научного знания в XXI столетии явно будут связываться не с государственной политикой, не с государственным регулированием науки, а с нарастанием творческой активности личности (ученого, философа), т.е. у нас есть все основания полагать возрастание присутствия гражданского общества в процессе научного развития. При этом речь будет идти не о рядовом представителе научного мира, а об элитном сообществе и ученом, претендующим на роль научного лидера. Вмешательство государства в дела науки, религии, культуры, экономики в XX веке ни к чему позитивному не привели. Наука удовлетворяла потребности политической власти и удовлетворяла их в качестве прикладной военной отрасли. Продолжать такой диктат власти в условиях постиндустриального общества немыслимо и бессмысленно.

¹ См., например: Никонов А. Пиар и чума // Новая газета. Ежемесячное обозрение. 2006. Март. С. 21.

Наши собственные принципы развития науки и образования на XXI век могут быть сформулированы следующим образом: элитизация, гуманизация и персонализация, т.е. в его основу мы положили гуманистический принцип. Поскольку технократический принцип уже привел к двум мировым войнам и к гонке вооружения в ходе холодной войны, то дальнейшее наращивание такого потенциала становится смертельно опасным для всего человечества. Все это стало следствием именно тотального увлечения техникой и технологиями. В XXI веке должно наступить другое увлечение – образованием, наукой и культурой. Если раньше в основе национальной безопасности лежала милитаризованная экономика, вооруженные силы и сильная политическая власть, то в условиях постиндустриального мира коэффициент национальной безопасности будут определять именно эти «три кита» информационного общества: образование, наука, культура.

**Людмила Владимировна Баева
Павел Леонидович Карабущенко
Анна Петровна Романова
Алтуфьев Юрий владимирович**

ФИЛОСОФИЯ НАУКИ

УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ ДЛЯ АСПИРАНТОВ

Редактор *Н.В. Боровая*
Компьютерная правка, верстка *С.П. Куликова*

Формат 60×84 ¹/₁₆.
Уч.-изд. л. 11,1. Усл. печ. л. 28,9
Тираж 500 экз. (1-й завод – 250 экз.). Заказ № 911

Издательский дом «Астраханский университет»
414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20
Факс (8512) 54-01-89, тел. (8512) 54-01-87
E-mail: asupress@yandex.ru